

ЧТЕЦЪ
ДЕКЛА
МАТОРЪ

ЛИТЕРАТУРНО
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

Т. II

ИЗДАНИЕ 65

ЧТЕЦЪ-ДЕКЛАМАТОРЪ.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,
МОНОЛОГОВЪ
И РАЗСКАЗОВЪ.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ДИВЕРТИСМЕНТАХЪ,
НА ДРАМАТИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ,
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВЕЧЕРАХЪ
И.Т.П.

I. ДЕСЛАМАТОРИИМ.
ПРОЗА И
СТИХИ.

II. САТИРА И ЮМОРЪ.
СЪ ПОРТРЕТАМИ ПИСАТЕЛЕЙ И
АРТИСТОВЪ МОСК. ХУДОЖЕСТВ.
И ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

ТОМЪ II^{оѣ} ИЗДАНИЕ 6^{оѣ}

ЧАСТЬ I

**ДЕКЛАМАТОРИУМ:
ПРОЗА И СТИХИ.**

Нѣтъ сомнѣнїя, что
хорошій чтецъ можетъ
и долженъ стараться яр-
че выставитъ достоин-
ства произведенїя, кото-
рое онъ читаетъ и, на-
противъ, скрѣтитъ его не-
достатки; но только съ
условіемъ, чтобы онъ
самъ почувствовалъ эти
достоинства и самъ убѣ-
дился въ этихъ недо-
статкахъ.

Л е г у в е .

А. П. Чеховъ.

СВЯТОЮ НОЧЬЮ.

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣчонку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащiе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Мiръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Въ воздухѣ было тепло и тихо...

Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло вразсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой, суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома!—сказалъ я.

— А пора ему быть,—отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаяешься парома?

— Нѣтъ, я такъ...—зѣвнулъ мужикъ:—люминаціи дожидаюсь. Пофхаль бы, да, признаться, пяточка на паромъ нѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пяточокъ.

— Нѣтъ, благодаримъ покорно... Ужо на этотъ пяточокъ ты за меня тамъ въ монастырѣ свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я и тутъ постою. Скажи на милость, нѣтъ парома! Словно въ воду канулъ!

— Иеронимъ! Иерон-и-имъ!

Точно въ отвѣтъ на его крикъ, съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой низкой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христось воскресъ!—сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ первого удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Иерон-и-мъ!—послышался глухой, протяжный крикъ.

— Съ того берега кричатъ,—сказалъ мужикъ.— Значить, и тамъ нѣтъ парома. Заснулъ нашъ Иеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я уже началъ терять терпѣніе и волноваться, но вотъ, наконецъ, взглядываясь въ темную даль,

я увидѣлъ силуэтъ чего-то, очень похожаго на висѣлицу. Это былъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такой медленностью, что если бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бы подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй! Іеронимъ! — крикнулъ мой мужикъ. — Баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канатъ, стоялъ высокій человѣкъ въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего такъ долго? — спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите Христа ради, — отвѣтилъ тихо Іеронимъ. — Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Іеронимъ взялся обѣими руками за канатъ, изогнулся въ вопросительный знакъ и крякнулъ. Паромъ скрипнулъ и покачулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня, — значитъ, паромъ поплылъ. Іеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась „люминація“, которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя чело-вѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но далѣе въ стороны и позади нихъ, откуда несся бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета: она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво! — сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ Іеронимъ. — Ночь такая, господинъ! Въ другое вре-

мя и вниманія не обратишь на ракеты, а нынче всякой суетѣ радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ... радостный день нынче... — продолжалъ Іеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорятъ выздоравливающіе больные.—Радуеться и небо, и земля, и преисподняя. Празднуетъ вся тварь. Только скажите мнѣ, господинъ хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можетъ скорбей своихъ забыть?

Мнѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызывалъ меня на одинъ изъ тѣхъ, „продлинновенныхъ“, душеспасительныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хорошій, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь: въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродьяконъ Николай..

— Что жъ, это Божья воля!—сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ. — Всѣмъ умирать нужно. По-моему, вы должны еще радоваться... Говорятъ, что кто умретъ подъ Пасху или на Пасху, тотъ непременно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И писаніе ясно указываетъ на суету скорби, и размышленіе,—прервалъ молчаніе Іеронимъ:—но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Іеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро:

— Умри я, или кто другой, оно бы, можетъ, и незамѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Никто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его

ужь нѣтъ на свѣтъ! Стою я тутъ на паромѣ и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ мнѣ съ берега голось свой подасть. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! У иного человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай! Спаси, Господи, его душу!

Іеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый!—сказалъ онъ пѣвучимъ голосомъ.—Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ вотъ сейчасъ будутъ пѣть въ заутрени: „О, любезнаго! о, сладчайшаго твоего гласа!“ Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ?—спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно ввѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акаѣисты писать... — сказалъ онъ. Чудо, господинъ, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отецъ архимандритъ у насъ изъ московскихъ, отецъ намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ, есть у насъ и іеромонахи разумные и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродьяконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо! Истинно чудо!

Іеронимъ всплеснулъ руками и, совсѣмъ забывъ про канатъ, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Отецъ намѣстникъ затрудняется проповѣди составлять; когда исторію монастыря писалъ, то всю братію загонялъ и разъ десять въ городъ ѣздилъ, а Николай акаѣисты писалъ! Акаѣисты! Это не то, что проповѣдь или исторія!

— А развѣ акаѣисты трудно писать?—спросилъ я.—

— Большая трудность...—покрутилъ головой Іеронимъ.—Тутъ и мудростью и святостью ничего не

подѣлаешь, ежели Богъ дара не далъ. Монахи, которые не понимающіе, разсуждаютъ, что для этого нужно только знать житіе святого, которому пишешь, да съ прочими акаѣстами соображаться. Но это, господинъ, неправильно. Оно конечно, кто пишетъ акаѣистъ, тотъ долженъ знать житіе до чрезвычайности, до послѣдней самомалѣйшей точки. Ну и соображаться съ прочими акаѣстами нужно, какъ гдѣ начать и о чемъ писать. Къ примѣру сказать вамъ, первый кондакъ вездѣ начинается съ „возбранный“ или „избранный“... Первый икосъ завсегда надо начинать съ ангела. Въ акаѣистѣ къ Іисусу Сладчайшему, ежели интересуется, онъ начинается такъ: „Ангеловъ творче и Господи силъ“, въ акаѣистѣ къ Пресвятой Богородицѣ: „Ангель представитель съ небесе посланъ бысть“, къ Николаю чудотворцу: „Ангела образомъ, земнаго суща естествомъ“ и прочее. Вездѣ съ ангела начинается. Конечно, безъ того нельзя, чтобы не соображаться, но главное вѣдь не въ житіи, не въ соотвѣтствіи съ прочимъ, а въ красотѣ и сладости. Нужно, чтобы все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтобы въ каждой строчкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобы ни одного слова не было грубаго, жесткаго, или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобы молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѣистѣ есть слова: „Радуйся, неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими очима!“ Въ другомъ мѣстѣ того же акаѣиста сказано: „Радуйся, древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи, радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози!“

Іеронимъ, словно испугавшись чего-то или застыдившись, закрылъ ладонями лицо и покачалъ головой.

— Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное...—пробормоталъ онъ.—Найдетъ же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ

одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! „Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ“...—сказано въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ! Кромѣ плавности и веле-рѣчія, сударь, нужно еще, чтобъ каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго. И всякое восклицаніе нужно такъ составить, чтобъ оно было гладенько и для уха вольготнѣй. „Радуйся, крине райскаго прозябенія!“—сказано въ акаѳистѣ Николаю Чудотворцу. Не сказано просто: „крине райскій“, а „крине райскаго прозябенія!“ Такъ глаже и для уха сладко. Такъ именно и Николай писалъ! Точь-въ-точь такъ! И выразить вамъ не могу, какъ онъ писалъ!

— Да, въ такомъ случаѣ жаль, что онъ умеръ,—сказалъ я.—Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаемъ...

Іеронимъ спохватился и побѣжалъ къ канату. На берегу начали перезванивать во всѣ колокола. Вѣроятно, около монастыря происходилъ уже крестный ходъ, потому что все темное пространство за смоляными бочками было теперь усыпано двигающимися огнями.

— Николай печаталъ свои акаѳисты?—спросилъ я Іеронима.

— Гдѣ жъ печатать? — вздохнулъ онъ. — Да и странно было бы печатать. Къ чему? Въ монастырѣ у насъ этимъ никто не интересуется. Не любятъ. Знали, что Николай пишетъ, но оставляли безъ вниманія. Нынче, сударь, новыя писанія никто не уважаетъ!

— Съ предубѣжденіемъ къ нимъ относятся?

— Точно такъ. Будь Николай старцемъ, то, пожалуй, можетъ, братія и полюбопытствовала бы, а то вѣдь ему еще и сорока лѣтъ не было. Были, которые смѣялись и даже за грѣхъ почитали его писаніе.

— Для чего же онъ писалъ?

— Такъ, больше для своего утѣшенія. Изъ всей братіи только я одинъ и читалъ его акаѣисты. Приду къ нему потихоньку, чтобъ прочіе не видѣли, а онъ и радъ, что я интересуюсь. Обнимаетъ меня, по головѣ гладить, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя маленькаго. Затворить келью, посадить меня рядомъ съ собой и давай читать.

Іеронимъ оставилъ канатъ и подошелъ ко мнѣ.

— Мы вродѣ какъ бы друзья съ нимъ были,— зашепталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами. —Куда онъ, туда и я. Меня нѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а все за то, что я отъ его акаѣистовъ плакалъ. Вспоминать трогательно! Теперь я все равно какъ сирота или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простого званія. Говорятъ всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучатъ, шумятъ, кашляютъ, а Николай говорилъ всегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Іеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно вплывали въ заколдованное царство, полное удушливаго дыма, трещащаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, ужъ ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ...— сказалъ Іеронимъ, а Николая нѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церкви?

— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...

— Но развѣ васъ не смѣняютъ?

— Не знаю. Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ! А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...

— Вы монахъ?

— Да-съ... то-есть я послушникъ.

Паромъ врѣзался въ берегъ и остановился. Я сунулъ Іерониму пяточокъ за провозъ и прыгнулъ на сушу.

Нѣсколько шаговъ я сдѣлалъ по грязи, но далѣе пришлось идти по мягкой, свѣже-протоптанной тропинкѣ. Эта тропинка вела къ темнымъ, похожимъ на впадину, монастырскимъ воротамъ сквозь облака дыма, беспорядочную толпу людей, распряженныхъ лошадей, телѣгъ, бричекъ. Все это скрипѣло, фыркало, смѣялось, и по всему мелькали багровый свѣтъ и волнистыя тѣни отъ дыма. Сущій хаосъ! И въ этой толкотнѣ находили еще мѣсто заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

„Какая безпокойная ночь!—думалъ я.—Какъ хорошо!“

Безпокойство и безсонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной темноты и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неугомонная борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди снуютъ съ мѣста на мѣсто, слоняются и какъ будто чего-то ищутъ. Волна идетъ отъ входа и бѣжитъ по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвѣ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безпардонномъ шатаніи и толкотнѣ.

Та же необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ придѣлахъ открыты настезь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей. Чтеній не полагается никакихъ; пѣніе суетливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждая десять минутъ.

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ, было невыносимо больно за Іеронима. Отчего его не смѣняютъ? Почему бы не пойти на паромъ кому-нибудь менѣе чувствующему и менѣе впечатлительному?

„Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь...— пѣли на клиросѣ:—се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя“.

Я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества; но ни одинъ человекъ не вслушивался и не вникалъ въ то, что пѣлось, и ни у кого не „захватывало духа“. Отчего не смѣняютъ Іеронима? Я могъ себѣ представить этого Іеронима, смиренно стоящаго гдѣ-нибудь у стѣны, согнувшася и жадно ловящаго красоту святой фразы. Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, упился бы до восторговъ, до захватыванія духа, и не было бы во всемъ храмѣ человека счастливѣе его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своему умершемъ братѣ и другѣ.

Я вышелъ изъ церкви. Мнѣ хотѣлось посмотреть мертваго Николая, безвѣстнаго сочинителя акаѳистовъ. Я прошелся около ограды, гдѣ вдоль стѣны тянулся рядъ монашескихъ келій, взглянулъ въ нѣсколько оконъ и, ничего не увидѣвъ, вернулся назадъ. Теперь я не сожалею, что не видѣлъ Николая; Богъ знаетъ, быть можетъ, увидѣвъ его, я утратилъ бы образъ, который рисуетъ теперь мнѣ

мое воображеніе. Этого симпатичнаго поэтическаго человѣка, выходившаго по ночамъ перекликаться съ Іеронимомъ и пересыпавшаго свои акаеисты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, непонятаго и одинокаго, я представляю себѣ робкимъ, блѣднымъ, съ мягкими, кроткими и грустными чертами лица. Въ его глазахъ, рядомъ съ умомъ, должна свѣтиться ласка и та едва сдерживаемая, дѣтская восторженность, какая слышалась мнѣ въ голосъ Іеронима, когда тотъ приводилъ мнѣ цитаты изъ акаеистовъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ воды вѣяло холодомъ и суровостью. Когда я прыгнулъ на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщинъ. Канатъ, влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христось воскресъ! Больше никого нѣтъ?—спросилъ тихій голосъ.

Я узналъ голосъ Іеронима. Теперь ночныя темки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій, узкоплечій человѣкъ, лѣтъ 35, съ крупными округлыми чертами лица, съ полузакрытыми, лѣнливо глядящими глазами и съ нечесаной клиновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили?—удивился я.

— Меня-съ?—переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь.—Теперь уже некому смѣнять до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту сейчасъ разговляться пойдуть-съ.

Онъ да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха, похожей на липовки, въ которыхъ

продаютъ медь, поналегли на канатъ, дружно крикнули, и паромъ тронулся съ мѣста.

Мы поплыли, безпокою на пути лѣниво подымавшійся туманъ. Всѣ молчали. Іеронимъ машинально работалъ одной рукой. Онъ долго водилъ по насъ своими кроткими, тусклыми глазами, потомъ остановилъ свой взглядъ на розовомъ, чернобровомъ лицѣ молоденькой купчихи, которая стояла на паромѣ рядомъ со мной и молча пожималась отъ обнимавшаго ее тумана. Отъ ея лица не отрывалъ онъ глазъ въ продолженіе всего пуги.

Въ этомъ продолжительномъ взглядѣ было мало мужского. Мнѣ кажется, что на лицѣ женщины Іеронимъ искалъ мягкихъ и нѣжныхъ чертъ своего усопшаго друга.

Антонъ Чеховъ.

* * *

Я сбросить хотѣлъ роковую неволю мученій,
Я въ полночь глухую дороги искалъ,
И вдругъ я услышалъ среди тихихъ ночныхъ дуновеній,

Что кто-то душѣ прошепталъ:
— Не бойся страданій, не бойся любви безотвѣтной,
Надъ мракомъ страданья—не меркнущій свѣтъ,
Не бойся нарушить молчаніе пѣсню привѣтной...
Быть можетъ, раздастся отвѣтъ!

Allegro.

Аллего (П. Соловьева).

Старый домъ.

Лѣтний вѣтерокъ въ травѣ чуть слышно бродить...
До полдня здѣсь пріютъ и влагѣ и тѣнямъ,
А тамъ, на лѣстницѣ, гляди, какъ солнце всходитъ
Все выше, все теплѣй по ветхимъ ступенямъ.

Надъ лѣстницею—домъ, заросшій весь кустами.
Никто въ немъ не живетъ, покинутъ онъ давно,
И, какъ недобрый глазъ подъ хмурыми бровями,
Чернѣетъ и блеститъ подъ крышею окно.

Я такъ люблю идти заросшею тропою
Средь листьевъ и цвѣтовъ заброшенныхъ куртинъ.
Вотъ ирисы встаютъ лиловою семьею
И одуванчики въ дыму своихъ сѣдинъ.

Я вечеромъ сюда усталый возвращаюсь;
Здѣсь ждетъ меня въ травѣ чуть видная скамья.

Съ воспоминаньями я ласково встрѣчаюсь,
И долго думаю—и жду чего-то я.

Мнѣ кажется тогда безвластнымъ время злое,
И,—все одѣтое туманной тишиной,—
По ветхимъ ступенямъ ко мнѣ идетъ бывшее,
Чтобъ о грядущихъ дняхъ бесѣдовать со мной.

Allegro.

Въ дорогѣ.

Верста, еще верста! Назадъ я бросилъ взоръ,
Селенье скрылося за желтый косогоръ,
Лишь церкви дальній крестъ сверкаетъ въ высотѣ
Да космы чучела желтѣютъ на шестѣ,
Какъ привидѣніе,—и дымныхъ тучекъ стая
Несется медленно, свой очеркъ измѣняя...
Я дальше уйду... Верста, еще верста!..
Какъ знойный океанъ сверкаетъ высота;
Я бросилъ взоръ назадъ—ужъ нѣтъ вдали селенья,
Лазурью сонною сверкаетъ отдаленье,
И небо знойное, лобзаяся съ землей,
Какъ тайну, прячетъ даль... Такъ годы чередой—
Какъ версты пестрыя—проходятъ передъ нами
И смотримъ мы назадъ пугливыми очами,
Но память блѣдная, какъ синій небосклонъ,
Скрываетъ прошлаго невозмутимый сонъ...
И только дни любви, какъ крестъ далекій храма,
На небѣ бытія спокойно и упрямо
Сверкаютъ дольше всѣхъ внимательнымъ очамъ,
И смотримъ мы впередъ — и небо видимъ тамъ.

К. М. Фофановъ.

* * *

Въ вечерній часъ я тихо степью брелъ,
И у могилы, при большой дорогѣ,
Остановился, точно тутъ нашель
Все, что душой давно искалъ въ тревогѣ.
Разсѣянно я посмотрѣлъ окрестъ:
Все съ дѣтскихъ лѣтъ знакомое, родное,—
И степь, и даль, и почернѣлый крестъ,
И облако, въ закатѣ золотое.
По степи кто-то кроткѣй проходилъ,
Благословляя небо, землю, воды.
Онъ заодно меня благословилъ,
Какъ мать моя въ младенческіе годы.
И тихо ночь къ могилѣ подошла,
На ней траву росую окропила,
И у креста беззвучно замерла,
И золотыя кудри уронила.
Свою головку спрятавъ подъ крыло,
Заснулъ послѣдній жаворонокъ. Чудно
Зажглися звѣзды. Живо и свѣтло
На небѣ стало, а въ степи безлюдно,
И только влажный, дикій ароматъ
Лился съ цвѣтовъ. Дорогою степною
Вдаль отъ креста побрелъ я наугадъ,
И кто-то тѣнью слѣдовалъ за мною.
Когда жъ вдали забрезжилъ огонекъ,
И мимо я хотѣлъ пройти сурово,
Къ моей груди прижался онъ безъ слова.
И все простилъ, что я простить не могъ.

А. М. Федоровъ.

* * *

Крестъ въ долинѣ при дорогѣ,
А на немъ, на ржавыхъ копьяхъ
У подножія Распятья,
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ...

Какъ былъ ясенъ южный вечеръ!
Какъ любилъ я вечерами
Уходить въ просторъ долины,
Къ одинокому кресту!

Тяжело въ тѣ дни мнѣ было.
Я былъ молодъ, я навѣки
Съ тѣмъ, кому я отдалъ душу,
Разставался въ эти дни.
Чья же грусть мою смиряла?
Кто, задумчивый и кроткій,
Сплелъ въ долинѣ при дорогѣ
Изъ степныхъ цвѣтовъ вѣнокъ?

За широкою долиной,
Въ балкахъ, даль полей синѣла,
Южный августовскій вечеръ
Былъ спокоенъ, тихъ и ясенъ,
А въ долинѣ кто-то пѣлъ.
И звала меня, томила
Даль полей, что позднимъ лѣтомъ
Такъ прекрасна и безстрастна,
Такъ безлюдна и грустна...

Память сердца, образъ милый!
Все, чѣмъ молодость смущала,
Все, чѣмъ сладко упивалось
Молодое сердце въ скорби,
Все теперь слилось съ тобой.
Разлученъ съ тобой навѣки,
Съ тайной болью вспоминаю
То, чего забыть нѣтъ силы,
Но съ печальнаго пути
Все назадъ гляжу съ печалью,
Все надѣюсь, что услышу
Хоть послѣднее „прости!“

Ив. Бунинъ.

Сумрачныя области.

Сумрачныя области совѣсти моей,
Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ дней,—
Сумраки отчаянья, дыма и страстей?

Вы растете медленно, но какъ глыбы тучъ,
Вашъ провалъ безмолвія страшенъ и могучъ,
Вы грозите скрытою гибельностью кручъ.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
Наши мысли гонять насъ, гонять, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
Дышетъ глянцевитостью нашъ водоворотъ,
Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальніе края,
Вотъ уже испорчена молодость твоя,
Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодною, полной пустоты,
Въ жаждѣ новыхъ пряностей, новой остроты,
Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной въ безднѣ голубой,
Гдѣ ты вдругъ очутишься—съ призракомъ—съ собой
Искаженный жадностью, грубый и слѣпой.

И среди отчаянья, дыма и тѣней,
Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ дней?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣстью своей?

Н. Д. Бальмонтъ.

* * *

Сомнѣнья нѣтъ: мои печали,
Моя тоска о прошлыхъ дняхъ
Душѣ покой глубокой дали,
Отнявъ крыла широкой взмахъ.

Моимъ страстямъ, моимъ забвеньямъ,
Быть можетъ, близится конецъ,
Но буду вѣчно съ упоеньемъ
Ловить счастливыхъ дней вѣнецъ.

Влачась по пажитямъ и доламъ,
Не въ силахъ смятыхъ крыль поднять,
Внимать божественнымъ глаголамъ,
Глаголы Бога повторять.

И, можетъ быть, придетъ мгновенье,
Когда крыла широкой взмахъ
Вернетъ былое вдохновенье—
Мою тоску о прошлыхъ дняхъ.

Александръ Блокъ.

О С Е Н Ъ .

Шлейфомъ шуршитъ по аллеямъ печальнаго сада
Осень, печальная осень, любви умираюиe.
Что тебѣ, блѣдная женщина, въ жизни утраченной
надо?

Въ чемъ красота твоего обаянiя?
Осень шуршитъ по аллеямъ печальнаго сада.

Въ храмѣ потушены свѣчи. Въ немъ отслужили
вечерню.

Крестятся люди, уходятъ. Растаяли шумы и шорохи.
Строго иконы глядятъ стародавней монашеской
чернью.

Сложены ризы въ блестящiе ворохи.
Въ храмѣ потушены свѣчи: въ немъ отслужили
вечерню.

Блѣдная женщина, что ты стоишь у порога?
Дымъ отъ кадильницъ угасъ, и умолкло церковное
пѣнiе.

Поздно пришла ты къ престолу Великаго Бога—
Чудо ушло, и погасло во тьмѣ откровенiе.
Блѣдная женщина, что ты стоишь у порога?

Любовь Копылова.

Вечерняя пѣсня.

На томъ берегу наше солнце зайдетъ,
Уставъ по лазури чертить огневую дугу.
И крыльевъ безслѣдныхъ смирится полетъ
На томъ берегу.

На томъ берегу отдыхаютъ равно
Цвѣтокъ не расцвѣтшій и тотъ, чтò завяль на лугу.
Всеми, чтò внѣ жизни, безсмертьѣ дано
На томъ берегу.

На томъ берегу только души живутъ,
А тѣло отъ зависти плачетъ, подобно врагу,
Почуявъ, что духъ обрѣтаетъ пріютъ
На томъ берегу.

На томъ берегу кто мечтою живетъ,
Съ улыбкой покинетъ все то, чтò я здѣсь берегу.
Чтò смертью зовемъ, онъ рожденьемъ зоветъ
На томъ берегу.

На томъ берегу отдохну я вполнѣ,
Но здѣсь я томлюсь и страданій унять не могу
И внемлю смущенный большой тишинѣ
На томъ берегу.

Н. Минскій.

Безсонница.

Луна стоитъ надъ призрачной горой;
Невѣрнымъ свѣтомъ залита окрестность;
Рядъ кипарисовъ вытянулся въ строй;
Ихъ тѣни побѣжали въ неизвѣстность.

Она проснулась и глядитъ въ окно...
Ахъ, въ полночь все страннѣй и идеальнѣй!
Какъ давить бедра это полотно,
Какъ мало воздуха въ знакомой спальнѣ!

Она молчитъ, и все молчитъ вокругъ,
Портьеры, дверь, раздвинутыя ставни.
И рядомъ спитъ ея привычный другъ,
Любимый, преданный,—любовникъ давній.

Онъ рядомъ спитъ. Чернѣетъ борода
И кругъ кудрей на наволочкѣ бѣлой.
Онъ равномернo дышитъ, какъ всегда;
Подъ простыней простерто прямо тѣло.

Луна стоитъ. Луна ее зоветъ
Въ холодныя, въ свободныя пространства.
Въ окно струится свѣтъ, и свѣтъ поетъ
О тайной радости непостоянства...

Встать и бѣжать... Бѣжать въ лучахъ луны,
По зелени, росистой, изумрудной,
На выси горъ, чтобъ сѣсть въ тѣни сосны,
И плакать, плакать въ тишинѣ безлюдной!

Подъ простыней тревожно дышитъ грудь,
Мечты влекутся въ даль и въ неизвѣстность...
Луна плыветъ, и льетъ живую ртуть.
На сонную, безмолвную окрестность.

Валерій Брюсовъ.

Д Х О.

Тромкая, мощная пѣсня неожиданно въ горахъ про-
звучала...

Стономъ золовой арфы отвѣтило блѣдное эхо...
Отзвукъ, взмахнувшій крылами, угасъ за туман-
ной долиной!..

Если ты вспомнишь порою воѣторги любви невоз-
вратной,—

Дрогнуть сердечныя струны, задѣтыя грезой слу-
чайной,

Блѣдное эхо бывшего золовой арфой простонетъ!..

В. Гессенъ.

М. А. Лохвицкая.

Четыре всадника.

Баллада.

1.

Вспыхнуло утро, багрянцемъ горя,
Брежжетъ въ окно золотая заря...
— Спишь ли ты, Майя, любимая дочь?
Гостя принять выходи мнѣ помочь.
Гость мой прекраснѣе юной весны,
Кудри его изъ лучей сотканы,
Нѣжно звучить его смѣхъ молодой,
Жизнь и веселье несетъ онъ съ собой!
— Дай мнѣ дремать въ очарованномъ снѣ...
Мальчикъ кудрявый, забудь обо мнѣ!
Грезы мои упоенья полны...
Дай посмотрѣть вдохновенные сны!

II.

— Выйди, о Майя, любимая дочь,
 Гостя другого принять мнѣ помочь,
 Лучшій нарядъ и вѣнецъ свой надѣнь:—
 Видишь,—восходитъ торжественно день!
 Гость мой и славень, и знатень вполне,—
 Вотъ онъ въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ;
 Вьется за нимъ его плащъ голубой,
 Блескъ и богатство несетъ онъ съ собой!

— Гость твой хорошъ,—но обманчивый видъ
 Столько заботъ безконечныхъ таить,
 Столько заботъ о ничтожномъ земномъ...
 Дай же забыться мнѣ сладостнымъ сномъ!

III.

Солнце пурпурное скрылось давно;
 Вечеръ таинственный смотреть въ окно...
 — Выйди, о Майя, любимая дочь,
 Ставни закрыть приходи мнѣ помочь!
 Кто-то печальный, въ молчаньи нѣмомъ,
 Будто сейчасъ промелькнулъ за окномъ,—
 Гесперь въ лучистомъ сіяньи своемъ
 Блещетъ звѣздою надъ яснымъ челомъ...

— Гостя напрасно не приняла ты...
 Слышишь?—сильнѣе запахи цвѣты...
 Ставни скорѣй распахни, моя мать,
 Сладко мнѣ воздухъ прохладный впивать!

IV.

— Спи, моя Майя, любимая дочь!
 Вотъ ужъ спустилася темная ночь,
 Кто-то на стройномъ конѣ ворономъ
 Тихо подъѣхалъ и сталъ подъ окномъ...
 Ликъ его чудный внушаетъ мнѣ страхъ,
 Мѣсяцъ играетъ въ его волосахъ,
 Черныя очи такъ ярко горятъ,
 Траурнымъ флеромъ окутанъ нарядъ!..

— Встань же, родная, и двери открой,—
 Это примчался возлюбленный мой,
 Съ нимъ я въ объятіи жаркомъ сольюсь,
 Къ звѣздному небу навѣкъ унесусь!

М. А. Лохвицкая.

Царевичъ.

Сонъ, мой старый сонъ мнѣ снится:
Я царевичъ молодой,
И на подвигъ конь мой мчится
По полямъ, сквозь боръ сѣдой.
И рукой моей могучей
Этотъ подвигъ совершонъ,
И, вознесшійся надъ кручей,
Теремъ мной освобождень.
Выплываетъ нѣжной рыбкой
Царь-Дѣвица на крыльцо,
Подаетъ она съ улыбкой
Обручальное кольцо.
Но, склонивъ свой мечъ предъ нею,
Не беру ея кольца,
И смущаюсь, и блѣднѣю
Отъ прекраснаго лица.
— Не вѣнчаться мнѣ съ Царевной,
Счастья намъ—не увидать:
Даръ мой, свѣтлый даръ напѣвный
Не могу тебѣ отдать.
Тамъ, во мглѣ родного края,
Въ камень злой заключена,
Тамъ живетъ она, другая,
Не невѣста, не жена.
Все вздыхаетъ, все томится...
Ждетъ меня или не ждетъ...
Ей ли, мнѣ ли это снится
День за днемъ, за годомъ годъ...
Не ласкаетъ, не голубить...
Отъ тебя не утаю:
Знай, она меня не любитъ,
Любить только пѣснь мою,
Оттого, что въ ней для горя
Есть завѣтныя слова,
И сквозь гуль побѣдный моря
Шелеститъ плакунъ-трава.
Оттого, что съ нею жарче

Приливаетъ къ сердцу кровь,
И горитъ въ ней солнца ярче
Небывалая любовь...
Не гляди такъ грозно, гнѣвно,
Мнѣ съ тобой не отдохнуть.
Отпусти меня, Царевна,
Совершить послѣдній путь.
Чѣмъ страшнѣе жизнь проходить,
Дымной кровью залита,
Тѣмъ смѣлѣй, тѣмъ выше бродитъ
Неподвластная мечта.
Я иду къ иной отчизнѣ,
Смертью вѣетъ, стынетъ кровь,
Но отдамъ я этой жизни
Пѣснь мою, ея любовь.

Allegro.

Прошлое всегда съ нами.

Въ Возможнаго безбрежномъ океанѣ,
Для волнъ его причудливой игры,
Въ непознаваемомъ туманѣ
Возможны странные міры.
Быть можетъ, есть такія сочетанья,
Гдѣ прошлое—всегда доступный путь,
Гдѣ Время знаетъ состраданье
И можетъ каждый мигъ вернуть.
Мгновенья счастья Вѣчность сохраняетъ,
Какъ прядь волосъ безцѣнный медальонъ,
И по желанью раскрываетъ
Все тотъ же милый, свѣтлый сонъ.
Въ стремнинѣ неудержнаго движенья
И Время тамъ умѣетъ отдыхать,
А жизни лучшія мгновенья
Навѣкъ мы можемъ сохранять.

Н. Васильевъ.

Морозъ.

⑨, не ходи на шумный праздникъ.
Не будь съ другими. Будь одна.
Морозъ, сѣдѣющій проказникъ,
Тебя ревнуетъ изъ окна...

Зажгла предъ зеркаломъ ты свѣчи.
Мерцаетъ дѣвичій покой.
Ты поворачиваешь плечи,
Ихъ глядя ласковой рукой.

Смѣясь, разсматриваешь зубки,
Прижавшись къ зеркалу лицомъ.
Тебя лепечущія юбки
Обвили сладостнымъ кольцомъ.

Полураздѣта, неодѣта,
Смѣясь, томясь, полулежа,
Въ тискахъ упругаго корсета,
Вся холодѣешь ты, дрожа.

Тебѣ томительно заранѣ
Въ мечтахъ о сладкомъ торжествѣ.—
Вокругъ тебя шелка и ткани
Въ своемъ шуршащемъ волшебствѣ!..

Морозъ ревнивъ и не позволитъ.
Оставь лукавыя мечты.
Онъ настоитъ, онъ приневолитъ.
Его послушаешься ты.

Сердито свѣчи онъ задуетъ.
Не пуститъ онъ тебя на балъ.
О, онъ ревнуетъ, негодуетъ.
Онъ всѣ мятели разослалъ!

Ужъ онъ занесъ просвѣты оконъ,
Чтобъ не увидѣлъ кто-нибудь,
Какъ ты приглаживаешь локоны
И охорашиваешь грудь.

О, уступи его причудѣ,
Ты, что бываешь такъ нѣжна.

О, не ходи туда, гдѣ люди.
Не будь съ другими. Будь одна.

Ты знаешь, вѣдь и мнѣ обидно,
Что ты побудешь у другихъ.
Что будетъ всѣмъ тебя такъ видно
Средь освѣщеній золотыхъ,

Что будутъ задѣвать несмѣло
Тебя, твой вѣеръ, кружева,
Смотрѣть на ласковое тѣло
Черезъ сквозные рукава.

Викторъ Гофманъ.

С О Н Е Т Ъ.

Я всѣ твои уклоны отмѣчаю.
Когда ты зла,—я тихо утомленъ,
Когда ты падаешь въ забвенный сонъ,—
Съ тобою равнодушно я скучаю.
Тебя, унылую, брезгливо презираю,
Тобой, несчастной,—гордо огорченъ,
Зато въ глубокую всегда влюбленъ,
А съ дѣвочкою ясною—играю.

И каждую измѣнчивость я длю.
Мнѣ равно святы всѣ твои мгновенья,
Они во мнѣ—единой цѣпи звенья.
Терзаю ли тебя, иль веселю,
Влюбленности ли часъ, иль часъ презрѣнья,—
Я черезъ все, сквозь все—тебя люблю.

З. Н. Гиппиусъ.

Вѣдьма.

Я встрѣтилъ вѣдму старую въ задумчивомъ лѣсу.

Спросилъ ее: „Ты знаешь ли, какой я грѣхъ несущу?“

Смѣется вѣдьма старая, смѣется что есть силъ:

„Тебя ль не знать? Не первый ты, что молодость
убилъ.“

„Отвергъ живыя радости, и сталъ себѣ врагомъ,

„И тащишься въ дремучій лѣсъ убогимъ старикомъ“.

Я вижу, вѣдьма старая все знаетъ про меня,

Смѣется смѣхомъ дьявола, мечту мою кляня,

Мечту мою о праведномъ безгрѣшномъ житіи,—

И молвилъ ей: „А знаешь ли ты чаянья мои?“

„Я въ лѣсъ вошелъ, но лѣсъ пройду, прозраченъ.
какъ ручей,

„И выйду къ морю ясному божественныхъ лучей“

Смѣется вѣдьма старая: „Куда тебѣ идти?“

„Зашелъ сюда,—конецъ тебѣ: зачахнешь на пути.

„Сии лѣса—дремучіе, отъ вѣка здѣсь темно,

„Блуждать вамъ здѣсь дозволено, а выйти не дано.

„Ишь, выйду къ морю свѣтлому! Ты думаешь: легко?“

„И что въ немъ за корысть тебѣ! Темно и глубоко“.

И вѣдьма разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ:

„На морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный
домъ“.

И вѣдьма разсмѣялася, какъ дьяволъ егозя:

„Вода морская—горькая, и пить ее—нельзя“.

Н. Д. Бальмонтъ.

* * *

Еще на небѣ ночь огней не зажигаетъ,

А гомонъ стадъ умолкъ. Прощальнымъ вздохомъ дня

Вечерняя заря туманится и таетъ,

И долго въ тишинѣ, отчетливо звеня,

Дрожить и носится протяжный скликъ женскій,

Оборванная пѣснь и ржаніе коня,
Собачій лай и скрипъ калитки деревенской.

Но съ первою звѣздой за звукомъ гаснетъ звукъ,
И съ тьмою тишина плыветъ, чаруя землю.
Невѣдомой тоской душа полна... И вдругъ,
Я замеръ, затаилъ дыханіе и внемлю:

Въ вечернемъ воздухѣ, дрожащемъ, какъ струна,
Волнуя, радуя и что-то обѣщая,
Бубенчикъ прозвенѣлъ. Всплеснулась тишина.
Клубится пыль вдали, и тройка удалая,
Какъ смѣлый барельефъ чугунный, въ полутьмѣ
На фонѣ золотомъ застыла на холмѣ.

Сюда?! Сюда?.. Увы промчались кони мимо,
И только пыли столбъ, теряющійся звонъ,
Да сердца быстрый стукъ твердятъ неумолимо,
Что то былъ не миражъ, не грезы и не сонъ.

А. М. Федоровъ.

ВОНЕТЬ.

Сплетай изъ словъ красивые узоры
И осторожно, мягко подбирай
Цвѣта, нѣжнѣй ласкающіе взоры,
Блестящей риемой вызолотивъ край;

Сплетай изъ звуковъ сладостные хоры,
Ихъ переливомъ трепетно играй,
Одѣнь мечты въ безцѣнные уборы
И въ любованьи чуткомъ замирай,—

Все жъ будетъ мертвъ коверъ твой златотканный,
И будетъ мертвъ твой пѣсенный аккордъ!
Не въ красотѣ, а въ жизни, звукамъ данной,
Та сила ихъ, которой геній гордъ;

И не жемчужной пѣной—алой кровью
Кипятъ стихи, рожденные любовью!

Ив. Тхоржевскій.

Гаданье.

По окну цвѣтки, овечки,
Кружевные деревца.
Слышно, ледъ трещить на рѣчкѣ,
Шарить вѣтеръ у крыльца.
Тяжко дѣвицѣ, не спится,
Слезы льетъ на перстенецъ.
— „Ахъ, не скрипнетъ половица,
Гдѣ ты, гдѣ ты, милъ дружокъ“?
— „Словно день, свѣтлынь какая,
Погодала бы пошла,
Кабы зеркальца дурная
Не разбила я со-зла,“
Сердце—частый молоточекъ,
Жарко дѣвицѣ отъ косъ,
Повязала аль-платочекъ,
Да съ постели на морозъ.
Добѣжала до колодца.
Крѣпко спить, молчить село,
Мѣсяцъ—ласкотникъ смѣется,
Всюду бисеръ, все бѣло.
Вотъ кряхтя журавль нагнулся,
И ведро летить на дно,
Снова носомъ въ небо ткнулся
И ведро полнымъ полно.
Стынуть руки, щеки красны,
Что березынька, тонка.
— „Покажи ты, мѣсяцъ ясный,
Мнѣ любезнаго дружка“.
Клонить дѣвица рѣсницы
Надъ студеною водой..
Сходить бравый, круглолицый
Въ синей шапкѣ со звѣздой.
— „Заждалась, моя зазноба“?
Миловаль, а изъ-за хать,

Изъ-за дальняго сугроба,
Подымался старшій братъ,
Вкругъ колодца онъ ледышки,
Расцвѣтилъ, что хрустали,
Шли по хворостъ ребятишки,
Мертвой дѣвицу нашли.

Александръ Рославлевъ.

А Т Т И Л А.

Вѣнчанный Божій серпъ, властительный Аттила,
Пою тебя всей страстью слабыхъ устъ.
Твой мечъ былъ Страхъ, и Смерть тебѣ служила,
И кровь вкругъ текла до конскихъ уздъ.
Вселенной ты явилъ стихійный ликъ Невзгоды.
Твоя, какъ лава, хлынула орда.
Передъ твоимъ конемъ склонялися народы,
И разлетались пылью города.
Тебя родила глубь незнаемыхъ кочевій.
Гдѣ ты, тамъ прахъ—и выжжены пути.
Ты долженъ былъ разить въ священномъ гвѣвѣ,
Чтобъ жизнь могла иною расцвѣсти.
Ты долженъ былъ придти. Огнистыя скрижали—
„Земное—глѣнъ“—надъ міромъ ты возжегъ.
Въ тѣхъ рунахъ смерть народы прочитали,
И всякъ позналъ, что живъ Каратель Богъ.
Ты пролетѣлъ, какъ вихрь, какъ бурный облакъ въ
небѣ.
Опять цвѣтеть полей ожившихъ грудъ,
И темный Рокъ, какъ прежде, зыблетъ жребій,
Чтобъ въ должный часъ на міръ его метнуть.
Исполненъ срокъ. Пора. Нависни черной тучей.
Мы ждемъ тебя. Насъ душитъ злая сонь.
Пусть грянетъ громъ. Приди, и жги, и мучай,
И вновь обрушь живительный огонь.

Сергій Кречетовъ.

Моей первой любви.

Когда я мальчикъ, не любившій,
Но весь въ предчувствіяхъ любви,
Въ уединеніяхъ вкусившій
Тревогу вспыхнувшей крови,
Еще доврчивый, несмѣлый,
Взманенный ласковостью грезъ,
Ненаученный, неумѣлый,
Тебѣ любовь свою принесъ,
Ты задрожала нѣжной дрожью,
Ты улыбнулась, какъ звѣзда,—
Я былъ опутанъ этой ложью,
И мнѣ казалось—навсегда.

Мнѣ нравились твои улыбки,
Твоя шепечущая рѣчь,
И станъ затянутый и гибкій,
И узкость вздрагивавшихъ плечъ.

Твои прищуренные глазки
И смѣха серебристый звукъ,
И ускользящія ласки
Слегка царапающихъ рукъ.

Я съ каждымъ днемъ все неизмѣннѣй
Лелѣялъ шепчущую тѣнь
Той, въ комъ все нѣжно и весенне,
Какъ нераскрытая сирень...

Такъ путникъ степью бездыханной
Несясь въ томительномъ бреду,
Лелѣетъ взоромъ неустанно
Путеводящую звѣзду...

Но звѣздъ на небѣ безконечность,
Свѣтлоукрашенныхъ сестеръ.
И я, вкусивши разъ безпечность,
Ко всѣмъ желаніе простеръ.

И падаютъ онѣ тревожно,
Чертя серебряную нить,

Когда я имъ шепчу, что можно
Безмірность неба охватить.

Еще дрожащихъ отъ похмѣлья,
Отъ вихрей пройденныхъ пространствъ,
Я ихъ сплетаю въ ожерелье,—
Вѣнокъ моихъ непостоянствъ.

Когда ты хочешь быть, какъ прежде,
Со мною снова—то я жду.
Я помню въ сладостной надеждѣ
Перворожденную звѣзду.

Пусть ты теперь еще невѣрнѣй,
Желаній больше притая,
На прежнемъ мѣстѣ въ часъ вечерній
Сегодня снова буду я!

Викторъ Гофманъ.

* * *

О, позволь
Нанести тебѣ ѣдку боль,
Растравить твою старую жгучую рану,
О, позволь
Говорить тебѣ злыя слѣпныя слова,
Я слѣпныя слова говорить тебѣ стану!
Но едва
Ты опустишь усталыя вѣки,
Поблѣднѣвъ отъ тоски, отвернешься къ дверямъ
И уйти, и уйти ты захочешь навѣки,—
Я тебя удержу, не пушу, не отдамъ,
Я возьму твою руку,
Я уйму ея дрожь, усыплю ея муку,
Я схвачуся за дверь
И прильну и шепну: о, повѣрь мнѣ, повѣрь!
Оскорбляй меня, бей, я удары стерплю,
Я тебя безгранично люблю!

М. Шагинянъ.

Свиданіе.

Ты спишь, земля, въ своихъ убранныхъ,
Подъ зимнимъ свѣтомъ неживымъ,
И въ грустно-дремлющихъ пространствахъ
Ненастныхъ тучъ синѣтъ дымъ.

Но я иду къ тебѣ съ привѣтомъ:
Опять вернется милый май,
И скоро солнце новымъ свѣтомъ
Зажжетъ твой бѣлый горностай.

И жемчуга твоей короны
Растаютъ радостной слезой,
И глянетъ небо обновленной,
Невинно-чистой бирюзой.

Вонъ слышишь тамъ—въ чуть видныхъ селахъ
Поетъ нѣжнѣе дальній звонъ:
То бурь весеннихъ и веселыхъ
Предчувствуемъ воздухъ напоенъ.

А. Діесперовъ.

* * *

Весь міръ, какъ смертью, сномъ объять
И слабой жизни трепетанье
Въ своемъ недремлющемъ мерцаньи
Одни созвѣздія таятъ.

На крыльяхъ вѣры въ эту даль,
Гдѣ смутно брезжитъ отблескъ рая,
Душа стремится, забывая,
Что ею властвуетъ печаль,—

Что вѣчной радости святой
Ей недоступны откровенья,
Пока всей мѣрой искупленья
Не будетъ заслуженъ покой.

П. Д. Бутурлинъ.

На зарѣ.

Еще ночь не ушла, еще свѣтъ заревой
Не успѣлъ просочиться во мракъ.
Еще тѣни стоятъ надъ холодной травой,
Мѣсяцъ низко горитъ, какъ маякъ.
Еще звѣзды блестятъ, серебрится роса,
И тропинку едва различишь,
Но ужъ дальше за степью видны небеса,
И исчезла летучая мышь;
И теплѣетъ заря, и вершины деревъ
Выступаютъ изъ мрака свѣтлѣй,
И звончѣе гремитъ перекликъ соловьевъ
Въ глубинѣ густолистныхъ вѣтвей.

* * *

Ты отъ ласкъ моихъ утомлена.
Таеетъ свѣтъ зари на стеклахъ оконъ.
Какъ разсвѣтъ, ты призрачно-блѣдна,
И, какъ тѣнь, воздушенъ темный локонъ.
Глазъ твоихъ нѣмая глубина
Такъ легко измѣнчива и странна:
То чиста, прозрачна и ясна,
То темна, загадочна, туманна.
О, мерцанье любящихъ очей,
Не уловить мысль твое значенье!
Говоришь ты съ сердцемъ безъ рѣчей,
Открываешь таинство забвенья.
Поцѣлуи гаснуть на устахъ,
Въ каждой каплѣ крови—поцѣлуи,
И въ твоихъ движеньяхъ и чертахъ
Разлились ихъ ласковыя струи.
Ты скользнула робко на крыльцо.
Дрогнулъ мракъ... Смѣшались свѣтъ и тѣни...
Свѣжій вѣтеръ потянулъ въ лицо...
Какъ живыя, скрипнули ступени...

А. М. Федоровъ.

Наполеонъ.

Да! на дорогъ поколѣннй,
На пыли расточенныхъ лѣтъ
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неподвижный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ.
Не могъ ты не ступать глубоко:
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно—въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска,
И мировое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

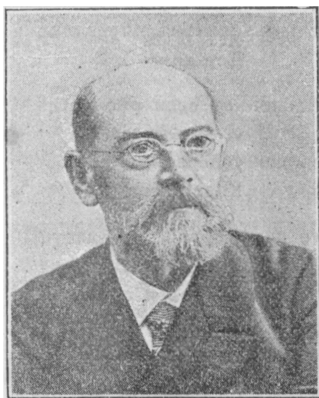
Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь мѣръ, круша, дробя...
И стало наконецъ вселенной
Не въ моготу носить тебя.

Землядохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился, и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,

Гдѣ на раздольи одичаломъ
Отъ вѣка этихъ дней ждала
Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала.

Валерій Брюсовъ.

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ.

Мемфисскій жрецъ.

— — — — —
Когда я былъ жрецомъ Мемфиса
Тридцатый годъ,
Меня пророкомъ Озириса
Призналъ народъ.

Мнѣ дали жезлъ и колесницу,
Воздвигли храмъ,
Мнѣ дали стражу, дали жрицу,—
Причли къ богамъ.

Во мнѣ народъ искалъ защиты
Отъ золь и бѣдъ;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лѣтъ.

Клянусь! клянусь безсмертнымъ Фтою,—
Широкой Ниль,—
Такой красавицы волною
Ты не поилъ.

Когда, молясь, она стаяла
У алтаря,
И краснымъ свѣтомъ обливала
Ее заря;

Когда, склонивъ свои рѣсницы,
И вся въ огнѣ
Она, по долгу первой жрицы,
Кадила мнѣ,

Я долго думалъ: царь во власти,
Я господинъ
Своей тоски и гордой страсти
Моихъ сѣдинъ.

Но я созналъ, блестя въ коронѣ,
Съ жезломъ въ рукѣ,
Свой приговоръ въ ея поклонѣ,
Въ моей тоскѣ.

Разъ какъ-то я, тотъ взглядъ встрѣчая,
Не могъ смолчать,
И перстень свой сронивъ, вставая,
Велѣлъ поднять.

Я ей сказалъ: „къ началу ночи
Взойдетъ звѣзда;
Всѣ лягутъ спать; завѣсивъ очи,
Придешь сюда“.

Заря, кончаясь, трепетала
И умерла,
А ночь съ востока набѣгала,
Пышна, свѣтла;

И купы звѣздъ въ себѣ качая,
Зажегся Нилъ;
Въ своихъ садахъ благоухая,
Мемфисъ почилъ.

Я въ храмъ пришелъ. Я ждалъ свиданья,
И долго ждалъ;
Горѣла кровь огнемъ желанья—
Я изнывалъ.

Зажглась румяная денница
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица—
Ты не была..

Тогда, на завтра, въ жертву мщенью
Я, какъ пророкъ,
Тяжелой пыткой и сожженью
Ее обрекъ...

И я смотрѣлъ, какъ исполнялся
Мой приговоръ,
И какъ, обуглясь, рассыпался
Ея костеръ!

К. К. Случевскій.

* * *

Цвѣтетъ моя печаль махровыми цвѣтами
Прозрачно-бѣлыми, неясными, какъ вздохъ.
Небесная поетъ земными голосами,
Небесная печаль, земной любви прологъ.

Цвѣтетъ моя печаль на призрачныхъ обломкахъ
Несбывшейся мечты твоихъ угасшихъ дней,
И падаютъ цвѣты въ мелодіяхъ стозвонкихъ
На паруса твоихъ уплывшихъ кораблей.

Но вижу: будетъ день—изъ чужеземной дали
Вернутся корабли съ богатствомъ чуждыхъ странъ.
Тогда увянутъ всѣ цвѣты моей печали
Большими звѣздами прозрачнѣй, чѣмъ туманъ.

Тогда моя любовь легко взмахнетъ крылами.
Тогда моя любовь растаетъ, словно вздохъ:
Небесная печаль ласкаетъ только снами,
Небесная печаль, земной любви прологъ.

Любовь Копылова.

Между днемъ и ночью.

Темныя сумерки тусклаго дня,—
Холодъ, и сырость, и вѣтра стенанья!..
О, какъ прелестно толпятся мечтанья
Здѣсь, у камина, при свѣтѣ огня
Въ сумеркахъ темныхъ осенняго дня!
Пламя то вспыхнетъ, то гаснетъ неожиданно;
Красныя тѣни танцуютъ кругомъ..
Дума смѣняется сказочнымъ сномъ,
Грёзы всплываютъ и, путаясь странно,
Быстро яснѣютъ и таютъ неожиданно.
Сумракъ густѣетъ; огонь ужъ погасъ;
Тихо, темно; молкнетъ вѣтеръ печальный;
Грёзы исчезли и склепъ погребальный
Снится невольно въ таинственный часъ,
Въ часъ, когда день, какъ огонь, ужъ погасъ...

П. Д. Бутурлинъ.

* * *

Я шелъ во тьмѣ дождливой ночи
И въ старомъ домѣ, у окна
Узналъ задумчивыя очи
Моей тоски.—Въ слезахъ, одна
Она смотрѣла въ даль сырую...
Я любовался безъ конца,
Какъ будто молодость былую
Узналъ въ чертахъ ея лица.
Она взглянула. Сердце сжалось..
Огонь погасъ, — и разсвѣло.
Сырое утро застучалось
Въ ея забытое стекло.

Александръ Блокъ.

Клоунъ.

Эй, почтеннѣйшіе: дамы,
Кавалеры, всѣ сюда.
Рѣдкій номеръ сверхъ программы,
Входъ бесплатный, господа.

Кто изъ васъ не знаетъ Бома?
Бомъ толстякъ и весельчакъ.
Всѣмъ брюшко его знакомо,
Носъ, какъ груша, и колпакъ.

Жилъ Бомъ шумно и шутивно,
Безъ конца смѣшилъ онъ насъ.
Сколько выпилъ бочекъ пива,
Сѣлъ сосисокъ и колбасъ!

Бомъ гулялъ зимой и лѣтомъ
Безъ пальто и безъ галошъ.
Былъ онъ друженъ съ цѣлымъ свѣтомъ
И дѣлилъ послѣдній грошъ.

Своего не зналъ онъ дома,
Завсегдатай кабачковъ.
Что ни ночь, любовь у Бома,
А на утро былъ таковъ.

Такъ, казалось, безъ печали
Проживетъ онъ до ста лѣтъ.
Бому „бисъ“ вчера кричали,
А сегодня Бома нѣтъ.

Самъ себя нашъ Бомъ повѣсилъ
За кулисою, на крюкъ.
Видно былъ не въ мѣру весель,
Что такой придумалъ трюкъ.

Въ парикъ и размалеванъ,
Черный высунулъ языкъ,
Ахъ, какой потѣшный клоунъ.
Вотъ забавникъ! Вотъ шутникъ!

Эй, почтеннѣйшіе: дамы,
Кавалеры, всѣ сюда.
Рѣдкій номеръ сверхъ программы,
Входъ бесплатный, господа.

Александръ Рославлевъ.

Первый вечеръ.

Тихій вечеръ будитъ звѣзды,
Умираетъ душный день...

По нѣмымъ аллеямъ сада
Бродитъ трепетная тѣнь...

Гдѣ-то рогъ поетъ пастушій,
Дремлетъ тополь у окна...
Отчего ты такъ безмолвна,
Отчего ты такъ блѣдна?..

Вьется лентою дорога...
За деревней, подъ горой
Дремлютъ синіе туманы
Надъ серебряной рѣкой...

Даль зоветъ въ свои объятія,
Безмятежна и нѣжна...

Отчего ты такъ печальна,
Отчего ты такъ блѣдна?..

Ночь придетъ,—одѣнетъ землю
Въ синій, бархатный нарядъ...
Тихій вечеръ будитъ звѣзды,—
Звѣзды тьму осеребрятъ!..

Я люблю тебя, родная!..
Ты со мной, ты не одна...
Отчего ты такъ пуглива,
Отчего ты такъ блѣдна?..

В. Гессенъ.

ВЪ СКЛЕПѢ.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подзе-
мелья,

И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлѣя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли сквозь сонъ дыханье рошъ лавровыхъ.

Приотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжнѣй благоухали,
Какъ позабытыя, но вѣчныя мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.

Allegro.

Danse macabre.

Когда въ душѣ остывшей вечерѣтъ
И память устаетъ считать могилы,
И, пресмыкаясь, дремлетъ гнѣвъ безкрылый,—
Когда любовь насъ болѣе не грѣтъ,—

Тогда изъ тьмы, гдѣ чувство цѣпенѣтъ,
Выходитъ призракъ чувства—долгъ унылый,
Холодный долгъ, сердцамъ холоднымъ милый,
И надъ душой, какъ надъ кладбищемъ, рѣтъ.

Взамѣнъ желаній жаркихъ и грѣховныхъ
Скликаетъ онъ толпу тѣней безкровныхъ—
Смиренье, вѣрность, кротость и безстрастье.

И мертвыхъ чувствъ нѣмая вереницы
Встаютъ, покинувъ темныя гробницы.
Но спитъ въ гробу и не проснется счастье.

Н. Минскій.

* * *

Тому, чья мысль не знаетъ страха,
Кто не прельстился суетой
И рвется гордою мечтой
Въ просторъ небесъ изъ царства праха;
Въ чьемъ сердцѣ, дикая, живетъ
Орлиной дерзости отвага,—
Тому земли не страшень гнетъ,
И не нужны земныя блага!..

Такъ въ майскій день, когда цвѣты
Въ долинѣ дышутъ ароматомъ,
И соловьи поютъ съ закатомъ
Свой гимнъ любви и красоты,—
Объятый думою могучей,
Угрюмъ и нѣмъ сѣдой гранитъ;
Вершины горъ одѣты тучей,
И вѣчный снѣгъ на нихъ лежитъ!..

В. Гессенъ.

Артистка В. О. Комиссаржевская.

НИМФЫ.

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ съ верху до низу.

Прозрачно синѣло надъ ними южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травю, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ, въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, одинъ греческій корабль плыль по Эгейскому морю.

Чась былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: „Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—„Умерь великій Пань!“

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—„Умеръ великій Панъ!“

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданья, стоны протяжные, жалостные возгласы:—„Умеръ! Умеръ великій Панъ!“

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня.— „Что если и я кликну кличъ?“

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти—и, что было во мнѣ силы, закричалъ:—„Воскресъ! воскресъ великій Панъ!“

И тотчасъ же, о чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!“ шумѣли молодые голоса.—Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чашу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны—и смѣхъ, сверкающій олимпійскій смѣхъ, бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

И. С. Тургеневъ.

Помпея.

Надъ городомъ вѣка неслышно протекли,
И царства рушились; но пепломъ сохраненный,
Донинѣ онъ лежитъ, какъ трупъ непогребенный,
Среди безрадостной и выжженной земли.
Кругомъ—послѣдняго мгновенья ужасъ вѣчный,—
Въ низверженныхъ богахъ съ улыбкой ихъ безпеч-
ной,
Въ остаткахъ отъ одеждъ, отъ хлѣба и плодовъ,
Въ безмолвныхъ комнатахъ и опустѣлыхъ лавкахъ
И даже въ ларчикѣ съ флакономъ для духовъ,
Въ коробочкѣ румянъ, въ запястьяхъ и булавахъ;
Какъ будто бы вчера прорыть глубокой слѣдъ
Тяжелымъ колесомъ повозокъ нагруженныхъ,
Какъ будто мраморъ бань былъ только что согрѣтъ
Прикосновеньемъ тѣлъ, елеемъ умашенныхъ.
Воздушнѣе мечты—картины на стѣнѣ:
Тритонъ на водяномъ чешуйчатомъ конѣ,
И въ ризахъ вѣющихъ божественныя Музы.
Здѣсь все кругомъ полно могильной красоты
Не мертвой, не живой, но вѣчной, какъ Медузы
Окаменѣлыя отъ ужаса черты...
.
А въ голубыхъ волнахъ бѣлѣютъ паруса,
И дымъ Везувія, красюю безмятежной
Блестящая на зарѣ, восходитъ въ небеса,
Подобно облаку, и розовый и нѣжный...

Д. С. Мережковскій.

* * *

Заренной цѣпью, легкой и счастливой,
По небу играя, вьются облака.
Видишь, какъ ихъ гонитъ вѣтеръ шаловливый,
Къ намъ сюда замчавшій ихъ издалека,

Какъ они, мѣняясь, тають прихотливо,
Какъ они уходятъ дальше торопливо...

Какъ бы ни мѣнялись тучки золотыя,
Всѣ ихъ трепетанья странно-хороши!
Мчитесь же за ними, чувства молодыя,
Тайныя движенья молодой души!

Вѣчно измѣняясь, каждый мигъ иная,
Каждый мигъ все тѣ же—пылкія, живыя...

Ив. Тхоржевскій.

Въ паркѣ.

Я знаю уголокъ въ тѣнистомъ старомъ паркѣ.
Тамъ—вѣчно ни души; тамъ—вѣчно тишина;
Тамъ неба глубина синѣетъ, чуть видна,
Сквозь сѣть густыхъ вѣтвей, переплетенныхъ въ
арки.

Пойдемъ. Въ полдневный часъ томительный и жар-
кій

Тамъ, въ чашѣ, у воды, прохлада быть должна.
Я книгу захвачу... И стройный стихъ Петрарки,
Чаруя, зазвучитъ, какъ мѣдная струна.

Быть можетъ, вызвана созвучьями сонета,
Въ одеждѣ пурпурной, скользящей по землѣ,
Пройдетъ предъ нами тѣнь великаго поэта.

Печалень будетъ взглядъ недвижный и суровый;
И будетъ на его задумчивомъ челѣ
Невянущей красой темнѣть вѣнокъ лавровый.

Александръ Ротштейнъ.

Слова.

Поютъ пѣвцы... Напѣвъ, подъ сводомъ разливаясь,
То радостью кипить, то переходить въ стонъ.
Не слушая его и въ думу погружаясь,
Лежитъ недвижимо и мрачно Соломонъ.
Окончивъ пѣснь, пѣвцы передъ царемъ склонились
И пестрою толпой замолкшихъ птицъ ушли;
А благовонія сильнѣе задымились
И мутной сѣдиной подъ своды поползли.
И снова тишина съ безмолвною тоскою,
Какъ воры, пробрались въ дыму, среди столбовъ,
И подошли къ царю невидимой четою.
Онъ долго слушалъ рѣчь, понятную безъ словъ,
Потомъ вдругъ подаль знакъ, и поступью покорной
Поспѣшно рабъ вошелъ, склонился до земли
И, свитокъ развернувъ, тростинкою проворной
Онъ сталъ чертить... Слова изъ царскихъ устъ текли,
Какъ благовонія струятся изъ кадила,
Какъ выступаетъ медъ на лепесткахъ цвѣтовъ,
И неустанная рука раба чертила
Ряды сплетавшихся, безсмертныхъ вѣщихъ словъ.
„Одно вслѣдъ за другимъ проходятъ поколѣнья,
„И день смѣняетъ ночь, и тьму смѣняетъ свѣтъ,
„Глупцу и мудрому одна судьба—забвенье...
„Все въ мѣрѣ суета и суета суетъ.
„Я видѣлъ это все, и мертвыхъ, погребенныхъ
„Почелъ счастливей тѣхъ, кто видитъ и живетъ,
„А всѣхъ блаженнѣе—не бывшихъ, не рожденныхъ,
„Не вѣдавшихъ всего, что эта жизнь даетъ...
„Внемлите! День насталь и ратники слабѣютъ,
„И стерегушіе дрожа бѣгутъ назадъ,
„И тучи тяжкія огнемъ и бурей вѣютъ,
„И цѣпи порваны, и меркнетъ свѣтъ лампадъ...
„Къ нимъ ужасы глядятъ на темную дорогу
„Высоты имъ страшны, и дверь ихъ заперта...
„Прахъ предадутъ землѣ, а духъ вернется къ Богу...
„Все суета суетъ, все въ мѣрѣ суета...“
Звучала рѣчь царя то быстро, то протяжно;

Онъ смуглою рукой по воздуху водилъ;
 А рабъ, нахмуривши чело, тростинкой влажной,
 Склонясь къ папирусу, безъ устали чертилъ.
 И думалъ бѣдный рабъ: „онъ понялъ все, онъ знаетъ,
 „Что жизнь лишь только тлѣнь, что смысла въ жизни нѣтъ;
 „Зачѣмъ же онъ сына въ наслѣдье оставляетъ
 „Слова—все тотъ же прахъ и суету суетъ!
 „Зачѣмъ же рѣчь его сверкающей рѣкою
 „Струится, и душа восторгомъ залита?..“
 Рабъ думалъ—и чертилъ послушною рукою:
 „Все суета суетъ, все въ мѣръ суета!..“

Allegro.

* * *

По снѣгу вновь круги проталинь.
 Отъ солнца ярче и теплѣй;

И звонъ, и мракъ исповѣдаленъ
 Опять на родинѣ моей.

Счастливой грустью и любовью
 Весны привѣтствуя восходъ,
 Я предаюся пѣснословью
 И жду разлива вешнихъ водъ.

Привѣтъ тебѣ, весна живая,
 Привѣтъ тебѣ, сестра лучей!
 Я молодѣю, оживая,
 Какъ солнцемъ вызванный ручей.

Внимаю звону богомольно,
 Душа стремленьями полна,—
 Но отчего-то сердцу больно...
 Ты не послѣдняя ль, весна?

Н. Фофановъ.

Христосъ.

Онъ такъ любилъ бродить, задумчивъ, въ часъ
заката

Тропою узкою межъ зыбкихъ стѣнъ пшена.
Его плѣняло все—и пиршества палата,
И лилій полевыхъ нѣмая бѣлизна.

Когда—Магдалы стыдъ—распутная жена,
Склонясь къ Его ногамъ, струила ароматы,
Онъ улыбался ей, любуясь, какъ богато
Сверкала золотомъ волось ея волна.

Онъ на пескѣ дорогъ любилъ чертить узоръ.
Онъ, отъ людей уставъ, шелъ къ синимъ высямъ
горъ,

Въ цвѣтушія поля, на берегъ Іордана.

Въ лазури дѣтскихъ глазъ Онъ радость находилъ;
И руку нѣжную Онъ опускать любилъ
Съ безмолвной ласкою на кудри Іоанна.

Александръ Ротштейнъ.

Вечеръ.

Вечеръ. Вечеръ. Не надо рыданій.

Городъ спитъ. Остываетъ гранить.
Надъ опаловой тканью закатныхъ мерцаній
Опускается сблачный шить.

Я искалъ вдохновеній, славословящей муки,
Я хотѣлъ быть наперсникомъ грѣзъ.
Опускаются вѣтви, какъ скорбныя руки,
Зеленѣющихъ, тонкихъ березъ.

Не горять, не сверкаютъ кресты колоколень,
Точно мертвые—спятъ наверху.

Мнѣ не надо бороться. Я боленъ, я боленъ,
Обрученный и вѣрный грѣху.

Вечерь. Вечерь. Сгущаются тѣни
И шагаютъ, и стынутъ во мглѣ.—
Чась блаженнаго міра и кроткихъ успеній
На шумящей и скорбной Землѣ.

И не надо блаженства, не надо рыданій.
Городъ спить. Остываетъ гранитъ.
Надъ опаловой тканью закатныхъ мерцаній
Опускается облачный щить.

Викторъ Гофманъ.

УСПОКОЕННЫЯ.

Успокоенныя Тѣни,
Тѣ, что любящими были,
Бродятъ жалобной толпой
Тамъ, гдѣ волны полны лѣни,
Тамъ, надъ урной мертвой пыли,
Тамъ, надъ Летою гробовой.

Успокоенныя Тучи,
Тѣ, что днемъ, въ дыханьи бури,
Были мракомъ и огнемъ,—
Тамъ, вдали, гдѣ лѣсъ дремучій
Спятъ въ безжизненной лазури
Въ слабомъ отблескѣ ночномъ.

Успокоенныя Думы,
Тѣ, что прежде были страстью,
Возмущеньемъ и борьбой,—
Стали кротки и угрюмы,
Не стремятся больше къ счастью,
Полны мертвой тишиной.

Д. С. Мережковскій.

Что ихъ мучить, что тревожить? Что, какъ червь,
ихъ тайно гложеть?
Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадный гимнь
небесъ?

Все сильнѣй звучить ихъ пѣнье, все слышнѣе въ
немъ томленье,
Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда
Бога,
Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то
жаль.

А луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
Чуть трепещутъ очертанья вѣщихъ сказочныхъ
деревъ;

Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стонамъ
внемлютъ
И съ спокойствіемъ приемлютъ чары ясныхъ свѣт-
лыхъ сновъ.

К. Бальмонтъ.

* * *

Каждый вечеръ иду за ворота.
Этой шумной весной я одинъ.
Зажелтѣла во мглѣ позолота
Освѣщенныхъ оконныхъ витринъ.
Въ магазинѣ сосѣдняго дома,
Въ голубомъ озареньи окна
Промелькнула свѣтла и знакома
За цвѣточнымъ прилавкомъ она.
Знаю золото взбитой прически,
Утомленную матовость рукъ,
Ожерелья жемчужныя блестики
И бровей удивленный испугъ.

Наклонилась къ витринамъ, взглянула
Въ затуманенный уличный бѣгъ.
И къ окну изъ вечерняго гула
Подошелъ и прильнулъ человекъ.

Мчится улица въ бликахъ и гамѣ.
Небо прячетъ задумчивый сводъ.
Прохожу я глухими шагами
Передъ окнами взадъ и впередъ.

И когда потемнѣютъ кіоски,
И когда—утомленный давно—
Я увижу, какъ черныя доски
Заслонять голубое окно,—

Я не стану противиться чарамъ...
Затаюсь, прослѣжу изъ воротъ,
Какъ ея силуэтъ тротуаромъ
Замедленно и чутко пройдетъ.

Эти встрѣчи тревожны и кратки...
Полувзглядъ, обращенный назадъ;
И въ неловкости робкой оглядки
Онѣмѣвшій, потупленный взглядъ.

И приблизить насъ мартовскій вечеръ.
И, приблизивъ, отниметъ мечту.
И пойму я, поймите, что нечѣмъ
Освѣтить и согрѣть пустоту.

И когда обезсиленный, поздно
Позвоню я у тихихъ дверей,—
Будетъ небо пустынно и звѣздно
Отъ потухшихъ внизу фонарей.

Дмитрій Цензоръ.

Нелюбимый.

Я думаль, ты скажешь то слово,
Когда я, гремя и блистая, къ тебѣ подскакаль
на побѣдной моей колесницѣ,
Обогнувъ ристалища грань, золотые столпы.
Я видѣль, дрожало оно на губахъ, сорваться готово...
При кликахъ толпы
Тебѣ, какъ царицѣ,
Я бросилъ къ ногамъ мой вѣнокъ, что дають побѣди-
телямъ.

Но въ небо твой взглядъ устремлень,
Къ нездѣшнимъ обителямъ.
Молчишь. Замерла. Прозрачный виссонъ,
Какъ сонъ,
Твой станъ обвиваетъ волнами алыми.
Темнѣеть... Одинъ, въ колесницѣ, влекомой конями
усталыми,
Медленно я приближаюсь къ дворцу моему.
Холодъ и тьму
Несу я съ собой.
Я буду одинъ. И пока не зажжется улыбкой востокъ
золотой,
Я буду бродить до утра по пустыннымъ покоямъ,
Стокрылымъ роемъ
Горестныхъ мыслей томимый.
Я—нелюбимый.

Сергій Нречетовъ.

* * *

Онъ былъ... и нѣтъ его... и гдѣ онъ.—Я не знаю...
Но я еще дышу, но я еще живу
И изъ неясныхъ сновъ въ душѣ своей слагаю
Поэмы яркія и сказки наяву.
Онъ былъ... и нѣтъ его... и гдѣ онъ? Я не знаю...
Махровый цвѣтъ души его уже поблекъ

И изъ родимыхъ странъ умчалъ къ чужому краю
Его земныхъ страстей губительный потокъ.

Онъ былъ... и нѣтъ его... и гдѣ онъ? Я не знаю...
Но я живу надъ нимъ прозрачная, какъ тѣнь,
Дрожу при мѣсяцѣ, при солнцѣ ускользаю
И въ безднѣ думъ его скитаюсь цѣлый день.

Онъ былъ... и нѣтъ его... и гдѣ онъ? Я не знаю...
Но въ памяти моей его любовь жива,
Но стѣнь изъ времени я дѣлать не желаю
И годамъ не отдамъ ненужныя права.

Любовь Копылова.

СОНЪ~ЦВѢТОКЪ.

Что было глухое, тяжелое время.

Дни въ разлукѣ текли, я какъ мертвый блуждалъ,
А съ вечернимъ закатомъ я лошадь сѣдлалъ
И въ безлюдномъ дворѣ ставилъ ногу на стремя.

На горѣ меня темное поле встрѣчало.
Въ темноту, на востокъ, направлялъ я коня—
И пустынная ночь окружала меня
И, склонивши колосья, глубоко молчала.

Замыкалось кольцомъ море спѣлаго хлѣба.
Жизни не было въ немъ. Ужъ давно отцвѣли
Тѣ цвѣты, что въ поляхъ хороводы вели
И смотрѣли въ далекое, ясное небо.

И, молчанью внимая, я тихо склонялся
Головой на луку. Я безъ мысли глядѣлъ
На темнѣвшую даль и душой холодѣлъ
И въ холодной безмолвной тоскѣ забывался...

Позднимъ лѣтомъ въ степи на казацкихъ могилахъ
„Сонъ-цвѣтокъ“ въ полуснѣ одиноко цвѣтетъ...
Онъ живой, но сухой... Онъ угаснуть не въ силахъ,
Но весна для него никогда не придетъ!

Ив. Бунинъ.

Пробужденіе.

Скажи, неправда ли, весной, когда сирень
Нарядомъ убралась и бѣлымъ и лиловымъ,
Въ тѣни густыхъ аллея ты бродишь цѣлый день
Съ душою, полною какимъ-то чувствомъ новымъ.
Забыты полки книгъ; читать и думать лѣнь;
Чего-то хочешь ты... чего—не скажешь словомъ.
И душно вдругъ тебѣ въ семьѣ, подъ отчимъ кровомъ;
И ты бѣжишь людей, какъ трепетный олень.
И томно-хорошо... И сердце ждетъ кого-то,
Кто вдругъ появится, вотъ здѣсь—у поворота
Дорожки, или тамъ—подъ липой, на мосту...
И смутно, какъ сквозь сонъ предутренній без-
страстья,
Не чувствуешь ли ты возможность, близость счастья
Весною радостной, когда сирень въ цвѣту?

Александръ Ротштейнъ.

* * *

Волны зыбко жмутся къ волнамъ,
Жмутся къ волнамъ,
И смѣются, и смѣются, убѣгая...
И въ отвѣтъ имъ эхомъ полнымъ,
Эхомъ полнымъ,
Полной грудью ты смѣешься, дорогая!
Бѣлымъ вздохомъ таетъ пѣна,
Таетъ пѣна,
Бѣлой пѣны въ нашемъ сердцѣ отраженье.
Зарожденье. Перемѣна,
Перемѣна
И безумье, и бездумье, и движенье!

М. Шагинянъ.

Смирна.

Алмазь и жемчугъ, четки янтарей,
Узорный стихъ на стали ятагана,—
Нѣтъ ничего богаче и пестрѣй
Роскошной Смирны, дочери Корана.

Причудливо, плѣнительно и странно
Все дремлющимъ Востокомъ дышетъ въ ней—
Верблюдь въ тѣни прохладнаго фонтана
И у мечети крылья голубей.

Клинокъ сверкаетъ, кованый въ Дамаскъ,
Кальянъ дымится въ зелени шатра
И говоритъ Шехерезада сказки.

Здѣсь жизнь сама, волшебна и пестра,
Сплетаетъ свой узоръ, цвѣты и краски
Пышнѣй и ярче смирнскаго ковра.

В. А. Шуфъ.

* * *

Устануть звѣзды дрожать лучами,
Ручьи устануть весеннимъ шумомъ
Мятежъ и ропоть будить надъ нами,
Все станеть пусто усталымъ думамъ.

И мы устанемъ стремиться къ счастью,
Устанеть счастье дразнить мечтою,
Будить порывомъ и мучить страстью,
И такъ устанеть и все земное.

Устануть править Законы Мира
Послушнымъ стадомъ рабовъ Явленій,
Играть устанеть вселенной лира
На струнахъ нѣжныхъ, пустыхъ мгновений.

Н. Васильевъ.

М а д р и г а л ь .

Вачѣмъ, въ своей красѣ увѣриться желая,
Глядишь, красавица, въ стекло нѣмыхъ зеркаль?
Твой образъ, чуть уйдешь, безслѣдно въ нихъ про-
паль,

Твоя соперница тебя смѣнить, блистая.

Въ глаза мои взгляни. Восторгъ ихъ созерцая,
Слезой страстную увлаживъ ихъ кристалль,
Поймешь, какъ жгучъ твой взоръ, какъ ярокъ усть
коралль,

Какъ царственно сильна твоя краса живая.

Когда же ты уйдешь къ поклонникамъ другимъ,
Твой образъ не умретъ въ моихъ глазахъ влюблен-
ныхъ,

Но въ одиночествѣ, въ тиши ночей бессонныхъ,
Возникнетъ въ мысляхъ вновь онъ, памятью хра-
нимъ.

И всѣ соперницы, въ ихъ зависти змѣиной,
Не смогутъ въ немъ затмить ни черточки единой.

Н. Минскій.

Измѣна.

Вдѣсь старая сосна шумитъ своимъ шатромъ,
Ручей чуть плещется подвижнымъ серебромъ,
И слышно горлинокъ пустынныхъ воркованье,—
Сюда, на склонѣ дня, на сладкое свиданье,
Бывало, юноша счастливый приходилъ,
Съ тропы условленной очей не отводилъ,
При шумѣ вздрагивалъ, взволнованно-поспѣшный,
Потомъ слова любви писалъ онъ на песокъ,
Кого-то звалъ потомъ, въ тревогѣ и тоскѣ,
И медлилъ уходить, и плакалъ, неутѣшный.

А. Діесперовъ.

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

* * *

Для богини моей я построилъ бы храмъ...
И широко вокругъ храма того
Вознестись повелѣлъ бы волшебнымъ стѣнамъ,
Чтобы горю земному и дольнымъ слезамъ
Никогда не достигъ до него.
Я взростилъ бы сады въ тѣхъ волшебныхъ стѣнахъ,
Чтобы говоръ немолчный вѣтвей,
Чтобы веселое пѣніе птицъ въ деревьяхъ,
Чтобы плескъ и журчаніе въ звонкихъ ручьяхъ
Стонъ и крикъ заглушали людей.
Я бъ землѣ нашепталъ: разступися, земля,
Вкругъ жилища богини моей,
Чтобы врагъ, злобный умыселъ въ мысляхъ тая,
Чтобы зависти черной лихая змѣя
Не дерзнули приблизиться къ ней.
Пуще зависти черной и злобныхъ враговъ,—
Чтобы образъ людской нищеты,
Вѣковѣчныхъ страданій и лютыхъ трудовъ,

Въ безобразьи своемъ и могучь и суровъ,
Не явился очамъ красоты.

А не то на признанья и пѣсни мои

Она скажетъ, тоской омрачась:

„Какъ не стыдно тебѣ напѣвать о любви?—

Люди гибнутъ въ бѣдѣ, люди тонутъ въ крови,

Злоба, голодъ и гибель вкругъ насъ!

Погоди, чтобъ настали счастливые дни,

Чтобы братьевъ утихнулъ раздоръ,

Чтобы подали руки другъ другу они,

Чтобы крови и слезъ пересохла ручьи,

Чтобъ намъ въ счастья не слышать укоръ!“

Что сказать на ту рѣчь, что мнѣ дѣлать тогда?..

Посмѣяться ль надъ дѣтской мечтой,

Иль всю правду ей бросить въ лицо безъ стыда,—

Что тѣ дни не придутъ никогда, никогда...

Иль съ поникшей молчать головой?..

А. А. Голенищевъ-Нутузовъ.

* * *

Вдали, какъ чуткй стражъ, почиетъ лѣсъ без-
молвный

Стѣной узорною; румянецъ золотой
Угаснувшего дня не таетъ въ безднѣ, полной
Глубокой вѣчностью и звѣздной глубиной.

И тихо въ небесахъ, и тишина нѣмая
Объемлетъ ласково спокойный мракъ долинъ,
Лишь слышно, какъ рѣка шумить не умолкая,
Стремясь расторгнуть плѣнъ стѣснительныхъ пло-
тинъ.

Но въ чуткой тишинѣ такъ много тайной жизни,
Что кажется, мой другъ, оставленный вдали,
Ко мнѣ твой тихй вздохъ и ропотъ укоризны
Ночные вѣтерки, волнуясь, принесли.

Н. Фофановъ.

Г о р о д ъ.

А. Кондратьеву.

Вубцами острыми подъемятся палаты,
Восходитъ дробный гуль къ небесной тишинѣ,
Какъ будто древній звѣрь, огромный и косматый,
Вздыхаетъ тягостно въ тысячелѣтнемъ снѣ.

О, Городъ! Смерть тебѣ! Въ твоей безстыдной вла-
сти

Ты обратилъ Мечту въ рабу своихъ утѣхъ,
На ложѣ изъ огня ты въ корчахъ сладострастій
Сплетаешь Красоту и дымно-черный Грѣхъ.

Ты плавишь лаву душъ въ твоємъ проклятомъ горнѣ,
Что смѣютъ въ тайныхъ снахъ, свершаешь наяву,
И съ каждымъ новымъ днемъ возносишь все упор-
нѣй

Багровымъ заревомъ вѣнчанную главу.

Гигантъ изъ сумрака, одѣтый багрянницей,
Сотканной изъ сѣтей привычныхъ чародѣйствъ,
Свободу сдѣлалъ ты продажною блудницей
И Власть игралищемъ испытанныхъ злодѣйствъ.

Какъ Бога, ты воздвигъ чудовище машину,
И мѣръ покоренъ ей, ярмо, какъ волъ, влача.
Послѣдней правдою ты выбралъ гильотину,
Послѣднимъ Судіей—безумство палача.

О, Городъ! Будетъ день! И грянетъ облакъ сѣрный,
И синихъ молній блескъ расколеть небосклонъ.
И будетъ вопль, и стонъ, и ужасъ безпримѣрный,
И голосъ возгласить: „Ты палъ, о, Вавилонъ!“

Такъ, Городъ! Ты умрешь! И плющъ завьетъ палаты,
Сползетъ на улицы, гдѣ шумъ забавъ умолкъ,
И будутъ жить въ тебѣ лишь коршунъ, гость кры-
латый,

Да пестрая змѣя, да стражъ развалинъ, волкъ

И все жъ люблю тебя томительной любовью,
Тебя кляня, твоей покорствую судьбѣ,
И слезы, и восторгъ, и боль, и славословья
Я все отдамъ тебѣ.

Сергѣй Кречетовъ.

МЫСЛЬ.

Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распинали,
Въ темницѣ томили и жгли на кострахъ,
И псамъ на съѣденье бросали.

То пошлость, то глупость людская стѣной
Повсюду ей путь заграждала,
Но въ тайныя щели, какъ день золотой,
Какъ воздухъ, она проникала.

Изъ мрака неволи, изъ пепла костровъ,
Сильна и прекрасна, вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ,
И спящихъ отъ сна пробуждала.

И сѣяла правду она межъ людей,
Средь лжи вѣковой и разврата,—
Но бури раздоровъ шумѣли за ней,
И братъ поднимался на брата,

И правда для нихъ оставалась нѣма:
Ихъ душу лучи ослѣпляли,
И свѣтомъ казалась имъ прежняя тьма,
И свѣтъ они тьмой называли...

— Д. —

Мерцана.

Когда по вечерамъ межъ лѣтомъ и весной
Ты видишь, какъ въ глуби лиловаго тумана
Зарницы раннія играютъ надъ землей,
Не вѣрь, что это тѣнь Перуна-великана!
Не вѣрь! Съ небесъ тогда, въ начальный часъ ночной,
Нисходитъ кроткая богиня нивъ, Мерцана,
Къ полямъ, гдѣ ширятся надеждой дорогой
Хлѣба зеленые, какъ волны океана.
Она летитъ, летитъ—и край воздушныхъ ризъ,
Скользя чуть-чуть по нимъ, легонько клонитъ внизъ,
Какъ будто съ ласкою, колосья молодые;—
И съ той поры гроза тѣ нивы обойдетъ,
И градъ ихъ пощадитъ, не тронуть черви злые,
И солнце яркое до жатвы не сожжетъ.

П. Д. Бутурлинъ.

Русалка.

Ты—русалка, русалка, я знаю давно,
Я въ глазахъ у тебя увидальъ,
Въ глубинѣ, гдѣ темно, моря скрытое дно
И волны набѣгающій валъ.
Я недаромъ видалъ, какъ изъ темныхъ волосъ
Выбирала обрывки ты травъ;
Въ нихъ узорчатыхъ раковинъ много вплелось,
Къ кольцамъ косъ твоихъ страстно припавъ...
Оттого-то въ тебѣ все капризный порывъ
И желанья твои такъ вольны,
Оттого-то твой смѣхъ такъ пѣвучъ и красивъ,
Точно плескъ разсѣченной волны.
Ты—русалка, ты моря коварная дочь—
Я недаромъ тебя стерегу,

Весь дрожа, чуть дыша, ужъ не первую ночь
Стерегу на морскомъ берегу.
Я видаль—ты, плескаясь, плыла между скалъ,
Озаренная блескомъ ночнымъ,
И мечтательный мѣсяцъ влюбленно дрожалъ,
И улыбкой мѣнялась ты съ нимъ.
Я видаль, какъ вчера заблудившійся челнъ
Ты схватила, тихонько приплывъ,
И, смѣясь, отдала его бѣшенству волнъ,
И разбилъ его бурный приливъ.
Какъ обманные ты зажигала огни
Тамъ, гдѣ бездна чернѣй и страшнѣй:
Шли туда корабли и погибли они,
Подъ ударами острыхъ камней.
Какъ манила прохожихъ призывами глазъ,
Трелетаньемъ порывистыхъ плечъ,
Чтобъ затѣмъ за собою въ полуночный часъ
Ихъ въ пучину морскую увлечь,
Чтобы тамъ ихъ ласкать, чтобы тамъ ихъ терзать,
Погубить, утопить, задушить,
Чтобы лунною полночью выплыть опять,
Чтобы снова прохожихъ манить...
Ты меня не зови, ты меня не мани,—
Безъ того я пойду за тобой...
Переливчатымъ смѣхомъ побѣдно звени!
О, русалка, русалка, я твой!
Я пойду въ глубь бездонныхъ морей,—
Не боюсь я подводной глуши,
Если хочешь, убей меня лаской своей,
Истерзай, утопи, задуши!
О, коварнаго моря коварная дочь!
О, русалка съ блестящей косой!
Я теперь уже твой, ибо въ эту же ночь
Я пойду, я пойду за тобой.

Викторъ Гофманъ.

ВЪ ОЖИДАВЪИ.

... **А** вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса...
Недвижный нашъ корабль стоитъ, какъ из-
ваянье;

Раскинувшись надъ нимъ, синѣютъ небеса
Въ бездушнѣй красотѣ, въ торжественномъ сіяньи;
Расплавленнымъ стекломъ легла громада водъ,
Вся блескомъ залита, но мертвая, нѣмая...
Сознанье тяжкое безсилія, какъ гнетъ,
Ложится на душу; и сердце, замирая,
Стремится съ мукою туда, гдѣ полоса
Родной земли, для глазъ чуть видная, темнѣетъ...
А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ! Повисли паруса,
И тишь и блескъ кругомъ,—и въ сердцѣ злоба зрѣ-
еть!

И тишь и блескъ кругомъ... Галлюцинацій рядъ,
Терзая и дразня, проходитъ предъ глазами:
Вотъ, волны рѣкъ родныхъ играютъ и гремятъ,
И мчатся, сжатая крутыми берегами.
Вонъ, вокругъ убогихъ селъ убогя поля,
Облитыя слезой обильною и кровью...
И вся желанная, далекая земля,
Какъ будто, тутъ, въ глазахъ... Съ привѣтомъ и
любовью

Шумятъ по скатамъ горъ зеленые лѣса;
Манятъ, зовутъ къ себѣ... Рванулся бѣ къ нимъ
скорѣе!

Но вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
И тишь, и блескъ кругомъ, и злоба все сильнѣе...
Нѣтъ пытки тяжелѣй: стоятъ передъ врагомъ,
Съ нимъ рваться въ бой и знать, что тщетны всѣ
усилія,

И въ бѣшенствѣ тупомъ, подстрѣленнымъ орломъ,
Безплодно поднимать израненныя крылья!
Близка стремленья цѣль: въ мечтѣ ужъ подъ ногой
Шуршитъ, скрипитъ песокъ на пристани родимой
И, тѣша жадный взоръ, открылся предъ тобой
Давно желанный видъ, знакомый и любимый;

Ужъ, слышишь, чудятся родимыхъ голоса,
 Ужъ видишь ихъ къ тебѣ протянутыя руки,—
 А вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ... Повисли паруса,
 И рвется сердце вонъ отъ скорби и отъ муки!
 И рвется сердце вонъ... Роятся и кипятъ
 Мечты въ разрѣзъ всему, что видится на дѣлѣ.
 Гдѣ вѣрують въ тебя, гдѣ только мига ждутъ
 Идти рука съ рукой съ тобою къ общей цѣли—
 Туда, закованъ, слабъ, ты можешь лишь душой
 Стремиться на призывъ, съ мученьемъ сознавая
 Безсиліе свое и, въ ярости слѣпой,
 Затишье и себя, и море проклиная!..
 Бездушно надъ тобой сверкають небеса,
 Отъ моря вѣтъъ вкругъ нѣмымъ покоемъ гроба,
 И вѣтра нѣтъ, какъ нѣтъ,—недвижны паруса,
 И тишь, и блескъ кругомъ, и въ сердцѣ злоба, злоба!..

Н. В. Симборскій.

ИЗЪ СКАЗКИ.

Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣетъ,
 Низы синѣють, и трава
 Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
 Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
 Идутъ, какъ рать сторожевыхъ.
 И солнце мутное Жарь-Птицей
 Горитъ въ ихъ дѣбряхъ вѣковыхъ.

Ив. Бунинъ.

Артистка М. Н. Ермолова.

Изъ поэмы „Геосиманская ночь“.

Возставъ отъ вечери послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣнивши знойный день, струилася вокругъ нихъ,
И спящій міръ въ тотъ часъ прекрасенъ былъ и тихъ.
Блѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ,
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ расцвѣлъ и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкши созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты!

И вотъ, ужъ миновавъ Іосафатъ пустой,
Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
Какъ вдругъ изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
Явился злобный духъ, и дерзкою пятой
Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ
вселенной.

И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись,
И, слѣдуя за нимъ, шепталь онъ: „Оглянись!
Прекрасна ночь—и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горитъ,
И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
Надъ спящимъ городомъ парить.
Грудь ищетъ страстно груди знойной,
Горятъ уста и взоръ погасъ...
Куда, мечтатель безпокойный,
Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?

.
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье дамъ!“
Такъ злобный духъ шепталь. И горестный Учитель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:

„Молитесь! Близко искуситель“.

И сталъ молиться самъ. Но, только слезный взоръ
Онъ поднималъ вверхъ, согнувъ дрожащія колѣни,
Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ,
И чистый слухъ явилъ злорѣчьемъ нечистымъ.

„Смотри—коварный духъ сказалъ:—

Встаютъ видѣнья дней грядущихъ.

Ты видишь пиршественный залъ,

Гостей хохочущихъ и пьющихъ?

Ихъ тѣсенъ кругъ. Сѣдой старикъ—

Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной,

Вотъ онъ щекой своей румяной

Къ груди красавицы приникъ.

То—дочь его: лишь преступленье

Осилить можетъ пресыщенье.

Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!

Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,

Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,

Какъ сынъ его, отца достойный,

Радушно потчуетъ гостей,

Торопитъ шуткой пиръ усталый

И цѣдитъ самъ вино въ бокалы

Рукой предательской своей.

Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ, кто въ
силахъ...

Бѣгутъ къ дверямъ, ползуть назадъ...
Кричатъ, упавъ: „Измѣна! Ядъ!“
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятія сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ
Его злорадства дикій крикъ...
Кто жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ хранитель;
Онъ—высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти...
Гляди жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятыя приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю
Доставить силу и почетъ,
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
Вернись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
Вернись! Ты не спасешь ихъ жертвою своею!“
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
—Да идетъ чаша эта мимо!..—
И вновь злой геній говоритъ:
„Вотъ площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царить.
Въ трибунѣ той—старикъ безстрастный,
Какъ нищій въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ,
Недвиженъ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревушая окрестъ,
Вблизи него хранить молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застылъ, какъ рока изваянье!
И вдругъ—о, чудо!—по лицу
Улыбка легкая мелькнула...
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?

Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествіе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ...
Средь черныхъ рясъ, въ рубахахъ бѣлыхъ,
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжіе слѣды
Горятъ на лицахъ помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталъ. На возвышеньи
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ,
Подъ стоны жертвъ, подъ пѣнье хора,
Подъ тяжкій вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди:
Не сводитъ огненнаго взора
Съ огня, дыханье затаивъ.
Онъ молодъ сталъ, онъ сталъ красивъ;
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ—ты слышишь?—онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что сгорѣли...
Тебя прославилъ онъ огнемъ,
За души грѣшниковъ предстатель...
Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
О кроткомъ имени твоёмъ
Моря изъ крови заструятся,
Свершится безконечный рядъ
Злодѣйствъ ужасныхъ, освятятся
Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
И будутъ дикія проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди, именемъ распятыя,
Другъ друга будутъ распинать.

И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви
твоей...“

И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:

—Да идетъ чаша эта мимо!..—

А демонъ хохоталъ:

„Взываетъ къ небесамъ

И чашу горькую ко рту подносить самъ!
Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ и себѣ?

Ужъ не ошибся ль я въ тебѣ?

И, вмѣсто истины, не жаждешь ли ты славы?
О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.
Я вижу: нравъ толпы глубоко ты постигъ.
Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
Но правды идоловъ, святыни алтарей.
Толпѣ дай образы лишь рѣзче да пестрѣй,
Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
Чтобъ было вокругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
И воздухъ воплями безумно потрясать.
Вотъ отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ,
Прекрасное лицо и скорби выраженье,
И тернии, и кровь, и воины кругомъ
Глубоко поражаютъ толпы воображенье!
Легенды создадутъ—стозвучный бредъ молвы—
И будутъ жить въ вѣкахъ... но вѣчно ли? Увы!"

.....
Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно,
И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.

Душа скорбѣла въ немъ смертельно,
Съ чела катился потъ кровавою струей,
И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
Недвижно замерла, молчала и ждала..
Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣвшей
Свершалось таинство борьбы добра и зла!..
И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,

Настало царство тишины.

И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ чер-
ной,

Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдругъ одинъ изъ нихъ съ поспѣшною тревогой
На землю ринулся...

Когда, по скорби многой,
Другъ міра поднялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ
Съ очами, полными надежды и испуга,

Безгрѣшной красотою сіявшій серафимъ.
И долго, грустные, глядѣли другъ на друга.
И ангелъ пѣлъ:

„Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,
И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.

„Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорбь—одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

„Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, любя,
Куда звалъ голосъ сокровенный?

„Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожить,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ...“

И прояснились Скорбѣвшаго черты,
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
„Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты!“
И шопотъ радости промчался по вселенной...

Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: „Часъ мой наступаетъ“.
И, чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружія долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ;
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ—съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Іуда...

Н. Минскій.

Откровеніе Дьявола.

Онъ сказалъ мнѣ: „Внимай. Я откроюсь тебѣ:
Духъ обратнаго творчества я.
Все живое пускай изнываетъ въ борьбѣ:
Въ раздвоеніи—краса Бытія.
„Я—хула и разладъ. Я—таинственный мечъ,
Отпаденіе и дерзкій полетъ;—
Мнѣ дано было въ мірѣ единство разсѣчь
И низы отдѣлать отъ высотъ.
„Я нарушилъ покой и порядокъ началъ,
Надъ равниною поднималъ утесъ,
Ураганамъ свой смѣхъ и отчаяніе далъ
И провалами горы обнесъ.
„Я заставилъ волнами роптать океанъ
И потоку далъ бѣшенство струй,
Я могилой обвѣялъ цвѣтущій обманъ,
Жаждой смерти проникъ въ поцѣлуй.
„И вдохнулъ Я смятеніе, заразу и тлѣніе
Въ круговое вращеніе планетъ,
Выпускаю изъ тьмы череду перемѣнъ
И на „да“ возстающее „нѣтъ“.
„И познанія запретнаго свѣточъ зажегъ
Я за гранью міровъ и времянь.
На исканіе умъ человѣка обрекъ,
Разогналъ его дѣвственный сонъ“...
И шепталъ мнѣ Злой Духъ: „Возставай, возставай.
По разрушеннымъ храмамъ иди!
Золотыми плодами потерянный Рай
Изъ-подъ терній встаетъ впереди.
Человѣка я къ цѣли мятежной веду
Черезъ ужасъ, сомнѣніе и смерть,
Я вложилъ ему въ сердце печаль и вражду,
Ополчилъ на небесную твердь.
На обломкахъ и трупахъ мнѣ строится храмъ,—
Вавилонская башня растетъ...
Изъ неволи и праха, грозя небесамъ,
Поднимись человѣческой родъ!
Поднимись и Лазурные своды порви!—

Заклучится Великій Союзъ,—
И потонетъ Вражда въ Океанъ Любви.
И навѣки я съ Богомъ сольксъ“.

С. Головачевскій.

К И Н Ж А Л Ъ.

Иль никогда на голосъ мшенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ...
Лермонтовъ.

Снѣ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей—вѣчно сестры.
Когда не видѣлъ я ни дерзости ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могиль,
Въ вѣка загадочно-былые.
Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.
Но чуть слышалъ я завѣтный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона.
Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ,
Какъ прежде, пробѣжалъ по этой вѣрной стали,
И снова я съ людьми—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

Валерій Брюсовъ.

В. В. Башкинъ.

Родина.

Поле раскинулось ровное,
Съ тихими, скудными нивами.
Зрѣютъ овсы низкорослые;
Рѣчка заснула подъ ивами.
Между плетней повалившихся
Вьется дорога изрытая.
Грѣтся на солнце осеннее
Вышла деревня забытая.
Избы, соломою крытая,
Словно ослабли отъ голода.
Клѣти и риги понуряя
Жмутся другъ къ дружкѣ отъ холода.
Важною, медленной поступью
Съ берега гуси спускаются.
Ветхія, старыя яблони
По вѣтру тихо качаются.
Бѣлое дымное облако

Къ синему югу уносится.
Сердце, тоской утомленное,
Грустно вослѣдъ ему просится.
Мука здѣсь давняя, мертвая,
Горе слѣпое, огромное,
Словно какъ въ ночь непогодную
Небо беззвѣздное, темное.

В. Башкинъ.

С у м е р к и.

Вь сумеркахъ я подхожу къ окну,
Тишина за мной недвижно встала.
Все вокругъ глубоко воспріяло,
Какъ живую душу, тишину.
Есть восторги жизни у предметовъ:
Часто слышу я, когда одинъ,
Голоса портретовъ и картинъ;
Съ книжныхъ полокъ—музыку поэтовъ.
И однѣ лишь сумерки полны
Видимой, зеркальной тишины.
Вся беззвучность, но не бездыханность,
Тишина стоитъ, сомкнувъ уста,
И въ ея безмолвьи разлита
Сумерекъ загадочная странность;
Какъ печаль, онѣ плывутъ извнѣ,
Заливаютъ рѣзкость очертаній
И дрожать и тактуть на окнѣ
Трепетомъ послѣднихъ угасаній.
Все молчитъ. Лишь скорбь поетъ во мнѣ
Роковую пѣснь воспоминаній.

А. Федоровъ.

Б о й ц у.

Стерь твой мечъ и крѣпокъ щить,
Одѣта грудь въ кольчугу.
Безстрашный взоръ огнемъ горить,
На бой врага онъ пламенить,
Вселяетъ бодрость другу.
Въ бою съ врагомъ ты закаленъ,
Ты слабость презираешь...
Ты гордъ и смѣлъ, рукой—силенъ,
Для боя ты судьбой рожденъ...
Я не таковъ—ты знаешь...
Мнѣ мало силъ судьба дала,
Въ dospѣхахъ отказала...
Она огонь въ груди зажгла,
Но въ жизни кругъ меня ввела
Безъ брони и забрала.
Я для иныхъ побѣдъ рожденъ,
Иныхъ утѣхъ достоинъ...
Пусть въ бой идетъ, кто закаленъ,
Покрѣтъ броней, вооруженъ...
Но я—пѣвецъ, не воинъ.
Я разовью звенящихъ сагъ
Причудливую ленту...
И знай: меня замѣтитъ врагъ—
Я понесу твой бѣлый стягъ,
Я буду пѣть сиренту.
Но я не воинъ,—я пѣвецъ.
Я—царства грезы житель...
Я красоты и правды жрецъ,
Я жизни новой—не кузнецъ,
А вѣстникъ и прозритель.

Викторъ Стражевъ.

Грезы.

Тянутся грезы, сонныя грезы, какъ длинныя нити скользящаго жемчуга... Тянутся грезы...

Душная ночь за окномъ притаилась, льетъ мнѣ отраву свою—въ сердце мое... Это сердце разбилося, прокляло жизнь и судьбу.

Грезы мои улетають, влетаютъ, тихо скользя... Ночь, притаившись, мнѣ шепчетъ коварно: „Жить такъ нельзя! Сбрось же ты путы земного страданья, горя, любви... Съ ласковой нѣгой нѣмого лобзанья устъ моихъ сладко умри. Словно сестра твоя, я обойму тебя... Тихо умрешь! И безъ страданья, безъ крика, безъ боли къ смерти уйдешь.“

Тянутся грезы мои прихотливыя, чертятъ узоры въ душѣ... Нити жемчужныя, нити красивыя тихо дрожать въ полуснѣ. Ночь, притаившись, безшумно смѣется тамъ, за окномъ. Грезы летятъ, улетають и вьются—въ горѣ нѣмомъ.

Ночь приближается, грезы мѣняютъ, къ жизни зоветь: снова о жизни, о силѣ, о правдѣ съ вѣрой поеть.

— Ты погляди на людскія страданья... Сколько ихъ льется вокругъ! И малодушіе и колебанія ты отгони, милый другъ! Вѣря въ себя, укрѣпляйся надеждой, муки души заглуши... Свѣтлой и твердой желѣзной одеждой сердце отъ бурь защити... Въ дѣтствѣ тебѣ улыбалось свѣтлое солнце съ небесъ. Взглядъ ты отъ солнца потомъ отвратила: солнце—безъ силъ и чудесъ. Люди, идущіе стройно, шеренгами, грозно позвали тебя въ ихъ ряды: шла ты—не вѣрила, въ мукахъ невѣрія скоро ты ихъ потеряла слѣды. И не ищи ты теперь, боязливая, этихъ забытыхъ слѣдовъ: сердце свое прихотливое въ жизнь понеси безъ оковъ.

Тянутся грезы мои одинокія, въ ночи безлунной, какъ жемчугъ, блестя... Звѣздъ потухающихъ очи глубокія съ неба ночного глядятъ на меня. Ночь удаляется съ шелестомъ ласковымъ темныхъ одеждъ...

Утро приблизится съ цѣпью сверкающей свѣтлыхъ надеждъ... Тянутся грезы мои прихотливыя, тянутся, тихо звенять. Птицы ночныя изъ сердца, пугливыя, съ ночью моей улетятъ.

„Слово „свобода“ твердя, какъ молитву, смѣло иди ты на битву!“ ночь, улетая, мнѣ гордо поетъ.
Утро зоветъ.

Мирэ.

На Волгѣ.

Въ изгибомъ, надъ песками встали старыя утесы.
Наклонились. Спятъ иль дремлютъ? Сказку видятъ или были?

Равнодушень тихій голосъ полусоннаго матроса.

Торопливыя колеса сѣютъ радужную пыль.

Вновь изгибы. Берегъ круче.

Намъ навстрѣчу мчатся тучи.

То довѣрчивый, то злобный—громче дробный стукъ
колесъ:

„Буря близко. Ждать недолго.

Будетъ бурѣ рада Волга.

Слишкомъ много горя стало. Слишкомъ много въ
Волгѣ слезъ!“

Вьются чайки въ темныхъ тучахъ. Тише ходъ въ
опасномъ мѣстѣ.

Выше, сумрачнѣй утесы на нагорномъ берегу.

Смотрятъ—хмурятся сурово: получили злыя вѣсти,
Или думаютъ о мести вѣковѣчному врагу?

Солнце въ тучахъ утонуло.

Злобно молнія сверкнула.

То крикливый, то напѣвный—громче гнѣвный стукъ
колесъ:

„Ждали бури слишкомъ долго.

Будетъ бурѣ рада Волга.

Слишкомъ душно стало людямъ. Слишкомъ много
въ Волгѣ слезъ“.

Евг. Тарасовъ.

Что съ ней?

Когда изъ пеленъ порывалась она,
Молилась и жарко мечтала,
Раствѣнная жизнь, зла и грязи полна,
Ей раны свои обнажала.

И въ лучшіе дни, какъ цвѣла красота,
Мечты ея вяли и вяли;
Ни ласковыхъ словъ не шептали уста,
Ни дѣтскихъ молитвъ не шептали.

Пытливимъ огнемъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ
Мерца, въ ней мысль загоралась,—
Въ тѣ дни много-много запретныхъ страницъ
Въ бессонныя ночи читалось...

Ее жажда правды томила до слезъ...
На Западѣ бури шумѣли,
И къ намъ проникалъ за вопросомъ вопросъ,
Какъ вѣтеръ, свистя въ наши щели...

Отъ этого вольнаго вѣтра спасти
Нельзя лицемѣрной морали,
Когда люди свято велятъ намъ блюсти
Все то, что они попирали...

И духъ отрицанья ее посѣтилъ—
Онъ понялъ, какая въ ней сила:
Онъ юную душу настолько плѣнилъ,
Насколько душа та изныла;

Науку, семью, государство, права,
Религію, геній, искусство,—
Все, все превратилъ онъ въ пустыя слова,
Насилюя разумъ и чувство.

„Иди, говорилъ онъ, иди вслѣдъ за мной,
„И будетъ твой путь—путь свободный,
„И скоро среди мастерскихъ мы съ тобой
„Сойдемся на тризнѣ народной.

„На каждой верстѣ—будетъ общій дворецъ;
„За трудъ—будетъ плата любовью;

„И будетъ тогда отрицанью конецъ,—
Согрѣветъ—политое кровью“.

И эти туманныя рѣчи она
При насъ горячо повторяла;
Ея слабый голосъ дрожалъ, какъ струна,
Въ немъ гордая вѣра звучала.

А время все шло,—шло и много надеждъ,
Имъ грубо задѣтыхъ, сломалось.
Чадясь, погасали восторги невѣждъ,—
И мысль на вѣтру колебалась.

Поблекло лицо ея, въ темныхъ глазахъ
Мысль робкимъ огнемъ чуть мелькала,
И ужъ не улыбка на блѣдныхъ устахъ,—
Тѣнь прежней улыбки блуждала.

Ея предреканьямъ послушный кружокъ
Давно позабылъ ея грезы:
У каждаго путь свой—и свой уголокъ
Нашелся для грезъ и для прозы.

И тотъ, кто взялъ дань съ ея сердца, и тотъ
Пошелъ ужъ другою дорогой,
Ей бросивши на руки много заботъ
И грудь познакомивъ съ тревогой...

И вотъ, чтобъ друзей не осталось слѣда,
Нужда въ ея дверь постучалась...
И билась она, и искала труда...
И гдѣ теперь? Что съ нею случилось?

Ушла ли на Западъ она, въ край чужой,
Гдѣ жатва давно ужъ созрѣла,
И все, что не смято въ ней братской враждой,
Для новой вражды уцѣлѣло?

Ушла ли она въ наши степи,—туда,
Гдѣ нѣтъ ни конца ни начала,
Гдѣ требуетъ время иного труда
И вѣры иного закала?

Или, изможденная страшной борьбой,
Въ чаду, въ тѣснотѣ еле дышитъ,

И, чуткая, слышитъ бредъ жизни хмѣльной

И—Боже! неужели слышитъ,—

Какъ духъ отрицанья глумится надъ ней,

И даже ее отрицаетъ,

Ее,—кто ему въ жертву несъ радость дней

И ради его погибаетъ!?

Ожесточенная, врядъ ли пойметъ,

Что въ безднѣ людскихъ заблужденій

Лишь только поэтъ искры сердца найдетъ,

А искры ума—только геній.

Я. П. Полонскій.

* * *

Ватуманились степи въ предутренней мглѣ,
Пыльно-бѣлою тканью затянуты дали.

Я иду по упругой, росистой травѣ.

Нѣтъ во мнѣ ни тоски, ни огня, ни печали,

Пыльно-бѣлою тканью затянуты дали.

И все жду я, что сонный туманъ задрожитъ
Въ свѣтоносныхъ лучахъ пробужденнаго неба
И волокнами знойными вдаль побѣжитъ,
Словно пыль золотая созрѣвшаго хлѣба,
Въ свѣтоносныхъ лучахъ пробужденнаго неба.

Я иду... И безрадостно-свѣтелъ мой путь,
И свѣтлы предо мной пыльно-бѣлыя дали,
И свѣтлы, и мертвы... И все ждетъ моя грудь,
Чтобы новыя въ ней пробудились печали!
Но мертвы предо мной пыльно-бѣлыя дали.

Наталія Крандіѳская.

АРТИСТКА М. Г. САВИНА.

ДВѢ ПѢСНИ.

Женскій голосъ поетъ и звеня и маня:
„Въ этотъ день только небо нѣжнѣе меня,
Мелодичнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ,—
Такъ полна моя грудь голубого огня,
Такъ полны мои грезы жемчужныхъ зарницъ“...

Голосъ юноши вторитъ, смѣясь и дразня:
„Въ этотъ день только солнце богаче меня,
Беззаботнѣе пѣсня моя, чѣмъ у птицъ,—
Такъ полна моя грудь золотого огня,
Такъ полны мои думы веселыхъ зарницъ“...

Женскій голосъ его обрываетъ летя:
„Солнце нѣжитъ меня, бархатъ щекъ золотя;
Теплый вѣтеръ играетъ прядями волосъ;
Серебристый ручей, шелкомъ травъ шелестя,
Мнѣ поклоны отъ стараго лѣса принесь“...

Голосъ юноши снова ликуетъ дразня:
„Только быстрья тучи свободнѣй меня;
На раскрытой груди моей солнце горитъ
И, какъ младшему брату, восторгомъ звеня,
О безбрежныхъ степяхъ вѣтеръ мнѣ говорить.“

В. Башкинъ.

М ю р г и т ъ.

I.

Проснувшись рано, всталъ Жако, шагнулъ черезъ заборъ.

Заря окрасила едва вершины дальнихъ горъ.
Въ травѣ кузнечикъ стрекоталь, жужжалъ пчели-
ный рой,
Надъ міромъ благовѣсть гудѣль—и плылъ туманъ
сырой.

Идетъ Жако и пѣснь поетъ. Звенить его коса,
За нимъ подкошенныхъ цвѣтовъ ложится полоса.
И слышитъ онъ въ густой травѣ хрустальный го-
лосокъ:

—„Жако, Жако! иль ты меня подкосишь, какъ
цвѣтокъ?“

Взглянулъ Жако:—сидитъ въ травѣ красавица Мюр-
гитъ,

Однѣми кудрями ея роскошный станъ прикрытъ. .
Два крупныхъ локона, чернѣй вороньяго крыла,
Какъ рожки, выются надо лбомъ... какъ мраморъ,
грудь бѣла...

Темнѣй фіалки лепестковъ лиловые глаза...
Сама рыдаетъ,—а съ рѣсницъ не скатится слеза!
Уста—румяныя, какъ кровь, въ лицѣ—красинки
нѣтъ,

Вокругъ руки свилась змѣя—о блещетъ, какъ бра-
слетъ.

—„Кой чортъ занесъ тебя сюда?“—смѣясь, спро-
силъ Жако.

—„Везла я въ городъ продавать сыры и молоко.
Взбѣсился осликъ и сбѣжалъ—не знаю, гдѣ найти.
Дай мнѣ накинуть что-нибудь, прикрой и пріюти.“

—„Э, полно врать!—вскричалъ Жако.—Какіе тамъ
сыры?“

Кто ѣздитъ въ городъ нагишомъ до утренней поры?
Тутъ, видно, дѣло не проста. Разсмотрятъ на суду,
Чтобъ мнѣ души не погубить—къ префекту я пойду“.
—„Тебѣ откроюсь я, Жако,—заплакала она,—

Меня по воздуху носилъ на шабашъ Сатана.
Тамъ въ пляскѣ время провели, потомъ запѣлъ
пѣтухъ,—

Меня домой черезъ поля понесъ лукавый духъ.
Вдругъ снизу колоколъ завылъ,—метнулся Сатана...
Въ траву, какъ пухъ, слетѣла я. Вотъ вся моя вина!
О, горе мнѣ! То—не заря, то—мой костеръ горитъ!
Молчи, Жако! Не погуби красавицу Мюргитъ“.

II.

Гудятъ-поютъ колокола, плыветъ могучій звонъ,
Вельможи, чернь—и старъ и младъ—спѣшатъ со
всѣхъ сторонъ.

Всѣ лавки заперты: на казнь глазѣтъ пошли купцы.
Бѣжить молва, разноситъ вѣсть, несетъ во всѣ
концы.

Несется радостная вѣсть, сплочается народъ.
За Маргариту молить клиръ и пѣвчихъ хоръ поетъ.
Во всѣхъ приходяхъ за нее по сотнѣ свѣчъ горитъ...
„Во славу Бога“ нынѣ жгутъ красавицу Мюргитъ.
—„Эй, разступись, честной народъ!“—Расхлынула
волна.

Монахи съ пѣніемъ кадятъ и между нихъ—она
Идетъ. Спадаетъ грубый холстъ съ лилейнаго плеча;
Дымясь, въ рукахъ ея горитъ пудовая свѣча.

Доносчикъ тутъ же; вслѣдъ за ней, какъ быкъ,
реветъ Жако;
—„Прости, прости меня, Мюргитъ,—и будетъ мнѣ
легко!

Души своей не загубилъ,—суду про все донесъ,
А что-то сердцу тяжело и жаль тебя до слезъ!“
Лиловымъ взоромъ повела красавица Мюргитъ:
—„Отстань, дуракъ!—ему она сквозь зубы гово-
рить.—

Не время плакать и тужить, когда костеръ готовъ.
Хоть до него мнѣ не слышать твоихъ дурацкихъ
словъ!“

Но все сильнѣй вопить Жако и съ воплемъ гово-
рить:

„Эхъ, что мнѣ жизнь! Эхъ, что мнѣ свѣтъ, когда
въ немъ нѣтъ Мюргитъ!

Скажу, что ложень мой доносъ—и вырву изъ огня!
Я за тебя на смерть пойду—лишь поцѣлуй меня!“
Блеснула жемчугомъ зубовъ красавица Мюргить,
Зардѣлся макомъ блѣдный цвѣтъ нетронутыхъ ла-
нить,
Въ усмѣшкѣ гордой, зло скривясь, раздвинулись
уста—

И стала страшною ея земная красота.
—„Я душу дьяволу предамъ и вѣчному огню,
Но міра жалкаго рабомъ себя не оскверню!
И никогда, покуда свѣтъ стоитъ,
Не цѣловать тебѣ вовѣкъ красавицу Мюргить!“

М. А. Лохвицкая.

* * *

⑨, если бѣ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ
вамъ шель:
Молился я, чтобъ васъ такую же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашель,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи;
Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучаль,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщаль;
Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастли-
вой,
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужъ слышенъ отдаленный...
И объ одномъ еще молился я, смущенный,
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!

Н. Минскій.

КЪ МОЛОДОСТИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботь и нуждь опутала меня,

И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ, какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ,—
Томить меня боязнь и ожиданье:
Что юность дастъ? Что завтра принесеть?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастья всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь мѣръ—твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,—
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
—Бокаль тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ, разбиться въ шумномъ бѣгѣ!—
И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный мѣръ скорбей,
Когда бъ не вы, зеленые побѣги,
Просшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?

Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь—огонь, который жжетъ до боли,
Любовь—вампиръ, сосущій сердца кровь!
Народу въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы любя,
И отъ него не ждете воздаянья...
—О молодость! я вѣрую въ тебя!

Одинъ твой взглядъ—и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...

Я молодъ вновь... Забыль, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревушихъ водъ.
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою,
Крича: „Впередъ, товарищи, впередъ!“

Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что буду чтить я свято до могилы,
Что, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить...
То—память ихъ, что въ битвѣ съ жизнью пали...
—Вѣрь въ свѣтъ иной, мечемъ инымъ борись,
Но,—кто стезей страданья и печали
Шель до тебя,—предъ тѣми преклонись!

П. Я.

В е р б ы.

Распустились вербы мягкія, пушистыя,—
Маленькіе, сѣрые звѣрки.
Стебли темно-красные, блестящіе, чистые
Тянутся къ небу, беспомощно-тонки.
На деревьяхъ облакомъ влажнымъ виситъ
Теплая, мягкая паутина, сонная...
Небо надъ садомъ блѣдное, зеленое,
Небо весеннее о чемъ-то груститъ.
Въ бѣлой церкви звонятъ. Колоколъ качаютъ...
Люди проходятъ усталой толпой.
Кто-то въ бѣлой церкви свѣчи зажигаетъ
Слабой, несмѣлой, дрожащей рукой...
Плачьте, люди, плачьте! Васъ услышатъ мгlistыя,
Вешнія сумерки съ далекой высоты!
Все поймутъ весенніе, маленькіе, чистые,
Грустные цвѣты!

Наталія Крандіевская.

Старыя мысли.

Хожу, брожу понурый,
Одинъ въ своей норѣ.
Придетъ шарманщикъ хмурый,
Заплачетъ на дворѣ.

О той свободной долѣ,
Что мнѣ не суждена,
О томъ, что вѣтеръ въ полѣ,
А на дворѣ—весна.

А мнѣ—какое дѣло?
Брожу одинъ, забыть.
И свѣчка догорѣла,
И маятникъ стучить.

Одна, одна надежда
Вонъ тамъ—въ ея окнѣ.
Свѣтла ея одежда,
Она придетъ ко мнѣ.

А я, нахмуривъ брови,
Ей въ сотый передамъ,—
Какъ много портилъ крови
Знакомымъ и друзьямъ...

И снова будетъ сладко,
И тихо, и тепло.
Въ углу горитъ лампадка,
На сердцѣ отлегло...

Зачѣмъ она приходитъ
Со мною говорить?
Зачѣмъ въ иглу проводить
Веселенькую нить?

Зачѣмъ она роняетъ
Веселыя слова?
Зачѣмъ лицо склоняетъ
И прячетъ въ кружева?

Какъ холодно и тѣсно,
Когда ея здѣсь нѣтъ!

Какъ долго неизвѣстно,
Блеснетъ ли въ окнахъ свѣтъ!

Лицо мое блѣднѣе,
Чѣмъ бѣлая стѣна...
Опять, опять сробѣю,
Когда придетъ она...

Вѣдь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказатьсѣ?..
Но можно ли сказать?..

И что ей молвить—нѣжной?
Что сердце расцвѣло?
Что вѣтеръ вѣетъ снѣжный?
Что въ комнатѣ свѣтло?

Александръ Блокъ.

ОДИНОЧЕСТВО.

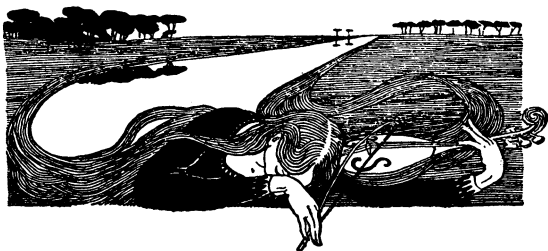
Въ кругу людей—я средь чужихъ,
Мнѣ въ этомъ мірѣ не до нихъ,
Какъ имъ, въ борьбѣ и шумѣ дня,
Нѣтъ въ жизни дѣла до меня...

Въ дорогѣ дальней имъ, какъ мнѣ,
Тужить-блуждать наединѣ;
Мнѣ въ мой просторъ, въ мою тюрьму,
Входитъ на свѣтъ—одному...

Пока въ пути не встанетъ грань,
Намъ всѣмъ томительную ткань,
Рукою сирой въ мірѣ ткать,
Душою замкнутой алкать...

Одинъ и тотъ же стонъ и смѣхъ
Звучитъ по разному у всѣхъ;
На всѣхъ ткачей одинъ станокъ,—
Но каждый сирь и одинокъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

Предчувствіе.

Неспокойно сердце бьется, въ домѣ все живое
спитъ,
Равномѣрно, безучастно мѣдный маятникъ сту-
чить...
За окномъ темно и страшно, вѣтеръ въ бѣшенствѣ
слѣпомъ
Налетитъ съ разбѣга въ стекла,—звякнуть стекла,
вздогнетъ домъ,
И опять мертво и тихо... но въ холодной тишинѣ
Кто-то, крадучись, незримый, приближается ко мнѣ.
Я лежу похолодѣлый, руки судорожно сжавъ,
Дикій страхъ сжимаетъ сердце, давитъ душу, какъ
удавъ...
Кто неслышными шагами въ эту комнату вошелъ?
Чьи бѣлѣющія тѣни вдругъ легли на темный полъ?
То вошелъ проклятый Ужасъ. Онъ пришелъ меня
терзать,
Онъ уродливымъ кошмаромъ сѣлъ, незванный, на
кровать.
Я лежу похолодѣлый, сердце бѣшено стучитъ,
Въ домѣ страшно, въ домѣ тихо, въ домѣ все жи-
вое спитъ...
И подъ вой ночного вѣтра, и подъ бой стѣнныхъ
часовъ

Изъ слѣпого мрака слышу тихій шопотъ вѣщихъ
словъ:

„Быть бѣдѣ непоправимой; оборвешься, упадешь,
И къ вершинѣ заповѣдной ты вовѣки не дойдешь.“
Ночь и Ужасъ сговорились: „быть несчастью, быть
бѣдѣ!“

Этотъ шопотъ нестерпимый слышенъ въ воздухѣ
вездѣ,

Онъ изъ щелей выползаетъ, онъ выходитъ изъ ча-
совъ—

И подъ это предсказанье горько плакать я готовъ!..
Но блестятъ глаза сухіе и упорно въ тьму глядятъ,
За окномъ неугомонно ставни жалобно скрипятъ
И причудливыя тѣни пробѣгаютъ по окну.
Я сегодня до разсвѣта глазъ усталыхъ не сомкну.

А. Глинбергъ.

Не обвиняй.

Не обвиняй, не обвиняй. Быть можетъ, онъ не-
правъ,

Но онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ пучокъ душистыхъ
травъ,

И онъ въ тюрьмѣ твоей забылъ замуровать окно:
И Міръ Ночной и Міръ Дневной идутъ къ тебѣ на
дно.

Ты потонулъ. Ты здѣсь уснулъ. И встать не мо-
жешь ты.

Но вотъ въ тюрьмѣ глядятъ, растутъ и царствуютъ
цвѣты

На мѣстѣ томъ, гдѣ ты лежишь, какъ трупъ ты дол-
женъ быть.

Но сердце знаетъ, что нельзя созвѣздя не любить.
Не обвиняй, не обвиняй—хотя бы потому,

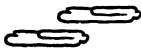
Что обвиненъ все равно не повредишь ему,
А только сдѣлаешь свой взоръ тяжелымъ и боль-
нымъ.

И, если вправду онъ неправъ, сравниешься ты съ
нимъ.

А если то не случай былъ, что онъ забылъ цвѣты?
А если то не случай былъ, что небо видишь ты?
Какъ взглянешь ты, когда онъ вдругъ въ тюрьмѣ
откроетъ дверь,

Отворить дверь, что заперта, закована теперь?
Я знаю, больно ждать того, что только можетъ быть,
Но счастливъ тотъ, кто даже боль сумѣетъ полюбить.
Я знаю все. Мнѣ жаль тебя. Но чу!—Цвѣты цвѣтутъ.
Мой братъ, я—духъ того, кто былъ въ твоей
тюрьмѣ—вотъ тутъ.

Н. Д. Бальмонтъ.

Въ грустный день.

Въ грустный день сѣдой туманъ клубится,
Старый дубъ печалится и дремлетъ,—
Молчаливо стомамъ рѣчки внемлетъ;
Съ плачемъ рѣчка мутная струится.

И, волнуясь, трепетная нива
Тихо просить ласки и участья,
И въ тревогѣ смутно ждетъ ненастья,
И дрожить колосьями пугливо.

И въ саду поникшими листьями
Сонный вѣтеръ нехотя колышетъ.
Умирая, кто-то тихо дышитъ,
Кто-то плачетъ горькими слезами.

Въ грустный день я вижу образъ милый,
Слышу голосъ ласковый и нѣжный,
Утомленный битвою мятежной,
Унесенный раннею могилой.

В. Башкинъ.

Ш В Ё Я.

Нынче праздникъ. За стѣною
Разговоръ безпечный смолкъ.
Я одна съ моей иглою,
Вышиваю красный шелкъ.

Всѣ ушли мои подруги
На веселый свѣтъ взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь какъ-нибудь.

Мнѣ веселости не надо,
Что мнѣ шумъ, и что мнѣ свѣтъ!—
Въ праздникъ вся моя отрада,
Чтобъ исполнить мой обѣтъ.

Все, что юность мнѣ сулила,
Все, чѣмъ жизнь меня влекла,
Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.

— Шей нарядныя одежды
Для избѣженныхъ госпожъ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай ихъ злую ложь!

И въ покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: возстань!

Бѣлымъ шелкомъ красный мѣчу,
И сама я въ грозный бой
Знамя вынесу навстрѣчу
Рати вражеской и злой.

Федоръ Сологубъ.

Запустѣніе.

... Домой я шель по скату вдоль Оки,
По перелѣскамъ, берегомъ нагорнымъ,
Любуясь сталью вьющейся рѣки
И горизонтомъ низкимъ и просторнымъ.
Былъ теплый, тихій, сѣренкій денекъ,
Среди березъ желтѣль осинникъ рѣдкій,
И даль луговъ за ихъ прозрачной сѣткой
Синѣла чуть замѣтно—какъ намекъ.
Уже давно въ лѣсу замолкли птицы,
Свистѣли и шуршали лишь синицы.

Я уставалъ,—кругомъ все лѣсъ пестрѣлъ.
Но вотъ на перевалѣ, за ложиной,
Фруктовый садъ листвою замраснѣлъ,
И глянулъ флигель сѣрою руиной.
Глѣбъ отворилъ мнѣ двери на балконъ,
Поговорилъ со мною въ позѣ чинной,
Принесъ мнѣ самоваръ—и по гостиной
Полился нѣжный и печальный стонъ.
Я въ кресло сѣлъ къ окну и, отдыхая,
Слѣдилъ, какъ замолкалъ онъ, потухая.

Въ тиши звенѣлъ онъ чистымъ серебромъ,
А я глядѣлъ на клены у балкона,
На вишенникъ, краснѣвшій подъ бугромъ...
Вдали синѣли тучки небосклона
И умиралъ спокойный сѣрый день,
Межъ тѣмъ какъ въ домѣ, тихомъ, какъ могила,
Неслышно одиночество бродило
И рѣяла задумчивая тѣнь.

Пѣлъ самоваръ, а комната беззвучно
Мнѣ говорила: „Пусто, братъ, и скучно!“

Въ соломѣ возлѣ печки, на полу,
Лежала груда яблокъ; паутины
Подъ образомъ качались въ углу,
А у стѣны темнѣли клавесины.
Я тронулъ ихъ—и горестно въ тиши
Раздался звукъ. Дрожащій, романтичный,

Онъ жалокъ былъ, но я душой привычной
Въ немъ уловилъ напѣвъ родной души:
На этотъ ладъ, исполненный печали,
Когда-то наши бабушки пѣвали.

Чтобъ мракъ спугнуть, я двѣ свѣчи зажегъ,
И весело огни ихъ заблестѣли,
И побѣжали тѣни въ потолокъ,
А стекла оконъ сразу посинѣли..
Но отчего мой домикъ при огнѣ
Сталъ и бѣднѣй, и меньше? О, я знаю—
Онъ слишкомъ старъ... Пора родному краю
Смѣнить хозяевъ въ нашей сторонѣ.
Намъ жутко здѣсь. Мы всѣ въ тоскѣ, въ тревогѣ..
Пора свести послѣдніе итоги.

Печалень долгій вечеръ въ октябрѣ!
Любилъ я осень позднюю въ Россіи,
Любилъ лѣсокъ багряный на горѣ,
Просторъ полей и сумерки глухія,
Любилъ стальную сѣрую Оку,
Когда она, теряясь лентой длинной
Въ дали луговъ, широкой и пустынной,
Мнѣ напѣвала русскую тоску.
Но дни идутъ—наскучило ненастье,
И сердце жаждетъ блеска дня и счастья!

Томитъ меня нѣмая тишина.
Томитъ гнѣзда родного запустѣнье.
Я выросъ здѣсь. Но смотреть изъ окна
Заглохшій садъ. Надъ домомъ рѣветъ тлѣнье,
И скупо въ немъ мерцаетъ огонекъ.
Ужъ свѣчи нагорѣли и темнѣютъ,
И комнаты въ молчаньи цѣпенѣютъ,
А ночь долга и новый день далекъ..
Часы стучатъ, и старый домъ беззвучно
Мнѣ говоритъ: „Да, безъ хозяевъ скучно!

„Мнѣ на покой давно, давно пора..
Поля, лѣса—все глохнетъ безъ заботы..
Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!

Я жду, чтобъ жизнь,— пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ.
Я изнемогъ, и мертвый стукъ часовъ
Въ молчаніи осенней долгой ночи
Мнѣ самому внимать нѣтъ больше мочи!“

Ив. Бунинъ.

БЫТЬ УТРОМЪ.

Тотъ, кто хочетъ, чтобы тѣни, ускользя, про-
падали,
Кто не хочетъ повтореній и безцѣльностей печали,
Долженъ властною рукою бесполезность бросить
прочь,
Долженъ сбросить то, что давить, долженъ самъ
себѣ помочь.
Миръ — бездонность, ты — бездонность, въ этомъ
свойствѣ вы едины,
Только глянь орлинымъ окомъ,—ты достигнешь до
вершины.
Миръ есть пропасть, ты есть пропасть, въ этомъ
свойствѣ вы сошлись,
Только вздумай подчиниться,—упадешь глубоко внизъ.
О, глубоко видитъ око! О, высоко ходятъ тучи!
Выше тучъ и глубже взоровъ свѣтъ сознанія могучій.
Лишь пойми, скажи — и будетъ. Захоти сейчасъ,
сейчасъ,—
Будешь свѣтлымъ, будешь сильнымъ, будешь утромъ
въ первый разъ!

Н. Д. Бальмонтъ.

Родописъ.

Тамъ, далеко, далеко, далеко, гдѣ нависъ очарованный лѣсъ,
Гдѣ купается розовой лотосъ въ отраженной лазури небесъ,
Есть преданье о нѣжной Родописъ, приходившей тревожить волну,
Погружать истомленное тѣло въ голубую, какъ день, глубину.
И орелъ, пресыщенный звѣздами, покидая заоблачный путь,
Засмотрѣлся на кудри Родописъ, на ея лебединую грудь;
И сандалию съ ножки чудесной отыскавъ межъ прибрежныхъ камней,
Близъ Мемфиса, въ сады фараона полетѣлъ онъ съ добычей своей.
Подъ вѣтвями кокосовой пальмы раззолоченный висѣлъ тронъ,
Гдѣ свой судъ предъ толпой раболѣпной самовластно творилъ фараонъ.
И орелъ надъ престоломъ владыки на минуту помедлилъ, паря,
И безцѣнную легкую ношу уронилъ на колѣни царя...
И царицею стала Родописъ, и любима была—потому,
Что такой обольстительной ножки не приснилось еще никому...
Это было на радостномъ Югѣ, въ очарованномъ мирѣ чудесъ,
Гдѣ купается розовой лотосъ въ синевѣ отраженныхъ небесъ.

М. А. Лохвицкая.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Марсельеза.

Это было ничтожество: душа зайца и безстыдная терпѣливость рабочаго скота. Когда судьба насмѣшливо и злобно бросила его въ наши черные ряды, мы смѣялись, какъ сумасшедшіе: вѣдь бываютъ же такія смѣшныя, такія нелѣпныя ошибки. А онъ—онъ, конечно, плакалъ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка, у котораго было бы такъ много слезъ и онѣ текли бы такъ охотно—изъ глазъ, изъ носа, изо рта.—Точно губка, пропитанная водою и зажатая въ кулакъ. И въ нашихъ рядахъ я видѣлъ плачущихъ мужчинъ, но ихъ слезы были—огонь, отъ котораго бѣжали дикіе звѣри. Отъ этихъ мужественныхъ слезъ старѣло лицо и молодѣли глаза: какъ лава, исторгнутая изъ раскаленныхъ нѣдръ земли, онѣ выжигали неизгладимые слѣды и хоронили подъ собою цѣлые города ничтожныхъ желаній и мелкихъ заботъ. А у этого, когда онъ поплачетъ, только краснѣлъ его носикъ да намокалъ платочекъ. Вѣроятно, онъ сушилъ его потомъ на веревочкѣ, иначе, откуда набралъ бы онъ столько платковъ?

И во всѣ дни изгнанія онъ таскался къ на-

чальникамъ,—ко всѣмъ начальникамъ, какіе только были и какихъ онъ могъ придумать,—кланялся, плакалъ, клялся въ своей невинности, умолялъ пожалѣть его молодость, давалъ обѣщанія всю жизнь не открывать рта иначе, какъ для просьбъ и славословій. И тѣ смѣялись надъ нимъ, какъ и мы, и называли его „маленькая несчастная свинья“, и кричали ему:

— Эй ты, маленькая свинья!

И онъ послушно бѣжалъ на зовъ: онъ думалъ каждый разъ услышать вѣсть о возвращеніи на родину, а они только шутили. Они знали, какъ и мы, что онъ невиновенъ, но его муками они думали напугать другихъ маленькихъ свиней,—какъ будто и такъ недостаточно трусливы онѣ!

Приходилъ онъ и къ намъ, гонимый животнымъ страхомъ одиночества; но суровы и замкнуты были наши лица, и тщетно онъ искалъ ключа. Теряясь, онъ называлъ насъ милыми товарищами и друзьями, а мы качали головой и говорили:

— Смотри! Тебя услышатъ.

И онъ позволялъ себѣ глядѣть на дверь,—эта маленькая свинья. Ну развѣ можно было сохранить серьезность! И мы смѣялись отвыкшими отъ смѣху голосами, а онъ, ободренный и утѣшенный, присаживался ближе и рассказывалъ, и плакалъ о своихъ любимыхъ книжечкахъ, оставшихся на столѣ, о своей мамашѣ и братцахъ, о которыхъ онъ не знаетъ,—живы ли они, или умерли отъ страха и тоски.

Подъ конецъ мы его выгоняли.

Когда началась голодовка, его охватилъ ужасъ,—невыразимо-комичный ужасъ. Вѣдь онъ очень любилъ покушать, бѣдная свинья, и онъ очень боялся милыхъ товарищей и очень боялся начальниковъ: растерянно бродилъ онъ среди насъ и часто вытиралъ платкомъ лобъ, на которомъ выступило что-то—слезы или потъ. И нерѣшительно спросилъ меня:

— Вы долго будете голодать?

— Долго,—сурово отвѣтилъ я.

— А потихоньку вы ничего не будете ѣсть?

— Мамаши будутъ присылать намъ пирожковъ,

—серьезно согласился я. Онъ недověрчиво посмотрѣлъ на меня, покачалъ головою и, вздохнувъ, ушелъ. А на другой день заявилъ, зеленый отъ страха, какъ попугай:

— Милые товарищи! Я тоже буду голодать съ вами.

И былъ общій отвѣтъ:

— Голодай одинъ.

И онъ голодалъ! Мы не вѣрили, какъ не вѣрите вы, мы думали, что онъ ѣстъ что-нибудь потихоньку, и такъ же думали надсмотрщики. И когда подъ конецъ голодовки онъ заболѣлъ голоднымъ тифомъ, мы только пожали плечами: бѣдная маленькая свинья! Но одинъ изъ насъ,—тотъ, что никогда не смѣялся, угрюмо сказалъ:

— Онъ нашъ товарищъ. Пойдемъ къ нему.

Онъ бредилъ; и жалокъ, какъ вся его жизнь, былъ этотъ безсвязный бредъ. О своихъ любимыхъ книжечкахъ говорилъ онъ, о мамашѣ и братцахъ; онъ просилъ пирожковъ,—холодныхъ, какъ ледъ, вкусныхъ пирожковъ, и клялся, что не виновенъ, и просилъ прощенія. И родину онъ звалъ, звалъ милую Францію,—о, будь проклято слабое сердце человѣка! Онъ душу раздиралъ этимъ зовомъ: милая Франція!

Мы всѣ были въ палатѣ, когда онъ умиралъ. Сознаніе вернулось къ нему передъ смертью, и тихо онъ лежалъ, такой маленькій, слабый, и тихо стояли мы, его товарищи. И всѣ мы, всѣ до одинаго, услышали, какъ онъ сказалъ:

— Когда я умру, пойте надо мною „Марсельезу“.

— Что ты говоришь!—воскликнули мы, содрогаясь отъ радости и закипающаго гнѣва. И онъ повторилъ:

— Когда я умру, пойте надо мною „Марсельезу“.

И впервые случилось такъ, что сухи были его глаза, а мы—мы плакали, плакали всѣ до одинаго, и, какъ огонь, отъ котораго бѣгутъ дикіе звѣри, горѣли наши слезы.

Онъ умеръ, и мы пѣли надъ нимъ „Марсельезу“. Молодыми и сильными голосами пѣли мы великую

пѣсню свободы, и грозно вторилъ намъ океанъ, и на хребтахъ валовъ своихъ несъ въ милую Францію и блѣдный ужасъ и кроваво-красную надежду. И навсегда сталъ онъ знаменемъ нашимъ,—это ничтожество съ тѣломъ зайца и рабочаго скота—и великою душою человѣка. На колѣни передъ героемъ, товарищи и друзья!

Мы пѣли. На насъ смотрѣли ружья, зловѣще щелкали ихъ замки, и острыя жала штыковъ угрожающе тянулись къ нашимъ сердцамъ,—и все громче, все радостнѣе звучала грозная пѣсня; въ нѣжныхъ рукахъ бойцовъ тихо колыхался черный гробъ.

Мы пѣли „Марсельезу“.

Леонидъ Андреевъ.

О красномъ плющѣ.

Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...
Въ мрачномъ саду скорбно никнетъ бесѣдка
нагая,—
Пурпурный плющъ ее бросилъ одну, увядая.
Зябнетъ. Тоскуетъ. Шлетъ красному другу упрекъ.
Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...
Печь веселится, искрять пересвѣтомъ обои.
Въ мрачномъ саду умираютъ покорно левкои.
Грустный паукъ вьетъ послѣдній лучистый мотокъ.
Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...
Нѣтъ его... Нѣтъ... Согревалъ, но огня не дождался.
Краснымъ усталъ быть... Ушелъ... Поблѣднѣвъ,
оторвался.
Сердце тоскуетъ. Шлетъ дальнему другу упрекъ...
Холодно... Кутаюсь въ бѣлый пуховый платокъ...

Любовь Столица.

ВЪ ВАГОНѢ.

Снова дорога... и съ силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохотъ, носильщики, свѣтъ электрической,
Крики, прощанья, свистки, суетня...
Снова вагоны, едва освѣщенные...

Тускляя пятна тѣней...
Лица склоненныя
Спящихъ людей...

Мѣрный, вѣчный,
Безконечный,
Однотонный
Шумъ колесъ...

Ропотъ вѣчный,
Шопотъ сонный
Въ мѣръ бездонный

Мысль унесъ...
Жизнь... работа...
Гдѣ-то, кто-то
Все стучить...
Тѣ-та... тѣ-та...
Вѣчно что-то
Мысли сонной
Говорить...

Такъ вотъ въ ухахъ и долбитъ, и стучить это:

Тѣ-та-та... тѣ-та-та... тѣ-та-та... тѣ-та-та...

Съ шумомъ колесъ мои мысли сливаются,

Повѣздъ летитъ, перегнать ихъ старается...

Чудится, ѣду въ Россіи я...

Тысячи верстъ впереди...

Ночь непріютная... темная...

Станція въ полѣ... Огни ея—

Глазки усталые, темные—

Шепчутъ: „Иди“...

Страхъ это? горе? раздумье? иль что жъ это?

Новое близится, старое прожито...

Прожито-отжито... выпито, выпито...

Тѣ-та-та... тѣ-та-та... тѣ-та-та... тѣ-та-та...

Чудится степь безконечная...
Поѣздъ по степи идетъ...
Въ вихрѣ рыданій и стонѣвъ
Слышится пѣсенка вѣчная...
Скользкія стѣны вагоновъ
Дождикъ сѣчетъ...

Пѣсенкой этой все въ жизни кончается...
Ею же новое вновь начинается...
И безконечно звучить и стучить это:
Ті-та-та... та-та-та... та-та-та... ті-та-та...

Странникомъ вѣчнымъ
Въ пути безконечномъ,
Странствуя цѣлые годы,
Вѣчно стремлюсь я.
Вѣрую въ счастье.
Но лишь въ ненастье
Въ шумѣ ночной непогоды
Вѣетъ родимую Русью...

Мысли съ рыданьями вѣтра сплетаются,
Съ шумомъ колесъ однотонымъ сливаются...
И безнадежно звучить и стучить это:
Ті-та-та... та-та-та... та-та-та... ті-та-та...

Макс. Волошинъ.

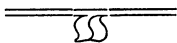

У моря.

Меленою темносинею,
Безконечною пустынею
Море стелется вдали;
Кое-гдѣ, какъ чайки бѣлыя,
Перелетныя и смѣлыя,
Чуть бѣлѣютъ корабли...
Величавое, безбрежное,
Въ бури грозное, мятежное
И спокойное въ тиши,
Море—это отраженіе
Ощущеній и волненія
Человѣческой души...

Море—съ вѣчными приливами,
Ураганами, отливами,
Съ прихотливою красой,
 То чарующее ласками,
 Заколдованными сказками,
 То грозящее бѣдой—
Я люблю его въ ласкающемъ
Блѣдно-аломъ и мерцающемъ
Свѣтѣ утреннихъ лучей;
 Я люблю его и сонное,
 Луннымъ свѣтомъ озаренное
 Въ мягкомъ сумракѣ ночей...
Но когда валы сердитые
Бьются, пѣною покрытые,
У подножія камней,
 И, какъ свѣточи огнистые,
 Блещуть молніи змѣистыя,—
Я люблю его сильнѣй.

О. Чюмина.

Метелица.

Вамела метелица,
 Конь подъ вѣтромъ валится,
Въ полѣ кутерьма;—
То поетъ да бѣлится,
Русская красавица,
Лютая зима.

Липнуть мухи бѣлыя,
Застреваютъ цѣпкія
Въ шапкѣ, въ бородѣ.
Черти ошалѣлые,
Пустоплясы крѣпкіе,
Знаютъ, быть бѣдѣ...

Не холсты ли стелются,
Рвутся, завиваются

И ползуть въ оврагъ.
Замела метелица,
Оченьки слипаются.
Чуръ насъ! близокъ врагъ.

Александръ Рославлевъ.

Раздумье.

Вышелъ теплый туманъ въ поле низкое
И курчавится бѣлой овечкою...
И опять все родное и близкое—
Дремлетъ старая церковь надъ
рѣчкою...

Деревенская улица въ лужахъ вся...
Сторонятся насъ избы безвѣстныя...
За деревнею ласточки кружатся—
Говорливыя дѣтки небесныя.

Рожь шумить... Ходятъ ровныя полосы...
Вѣетъ влагой зерна ароматнаго...
У тебя золотистые волосы
Золотятся отъ солнца закатнаго.

Отдаль сердце тебѣ безпріютное,
А беру твое сердце богатое,
И находить раздумье минутное,
Не вернуть ли обратно все взятое.

То, мечтѣ довѣря застѣнчивой,
Твои дѣвичьи грезы лелѣю я,
То боюсь, что въ судьбѣ переменчивой
Быть опорой тебѣ не сумѣю я.

Бьется сердце мое все поспѣшнѣ,
Отъ тревогъ и отъ радости пьяное...
Ты такая безшумная, здѣшняя,
Погруженная въ солнце багряное.

В. Башкинъ.

Артистъ П. Н. Орленевъ.

„Ecce homo!“

С ставь отца и мать... Не строй себѣ гнѣзда—
Будь одинокъ... И пусть заглохнутъ навсегда
Въ твоей душѣ людскія страсти!
Будь святъ, будь недоступенъ ты
Соблазнамъ женской красоты,
Любви, богатства, славы, власти.
И, сердце чистое храня въ своей груди,
Весь пылъ его отдай безъ раздѣленья
Несчастливымъ братьямъ на служенье:
Гдѣ слышишь стонъ—туда иди!
Иди, дѣли съ рабомъ его труды, страданья,
Страдай больнѣе всѣхъ... Раздай свои стяжанья,
Останься нищъ и нагъ... И будешь ты великъ,
И страшень будетъ злу твой ясный, кроткій ликъ!
Ты мѣръ смутишь своимъ упрекомъ!
Пройдетъ изъ края въ край могучій голосъ твой,
И прогремитъ надъ злобой и порокомъ
Пророческая рѣчь неожиданною грозой—
Да все неправое, поникнувъ головой,
Объято ужасомъ, дрожить передъ пророкомъ!
Но знай: въ землѣ своей пророку чести нѣтъ...
За подвигъ твой святой тебя осудитъ свѣтъ,

Найдется ученикъ, тебя предать готовый,
Лукавый фарисей сплететь вѣнокъ терновый,
И повлекутъ тебя къ пропретору они...

И, надъ тобой ругаясь въ изступленьи,
Толпа возопіетъ о мщеньи,
Крича: „Распни его, распни!“
Судья, изъ выгодъ и боязни,
Тебя присудитъ къ лютой казни—

И, опозоренный, умрешь отъ палачей,
Какъ врагъ народа, какъ злодѣй...

Но протекуть года... Могучее зерно
Тобой посѣяно на почвѣ благодатной:

Придетъ пора—взойдетъ оно
И возрастетъ, дастъ плодъ стократный!

Тогда воскреснешь ты: міръ вспомнить о тебѣ,
Восплачетъ о твоей страдальческой судьбѣ,
Пойметъ, какою ты горѣлъ къ нему любовью,
Какую жертву ты принесъ своею кровью...

Тебѣ, казненному, воздвигнуть алтари,
Терновому вѣнцу поклонятся цари,
Устроятъ торжества въ твое воспоминанье,
Раздастся братское лобзанье

При кликахъ радости о чудѣ изъ чудесъ:
„Воскресъ учитель нашъ, воистину воскресъ!“

А. Л. Боровиновскій.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Лазурь еще свѣтла и алостью прошальной
Пушистые снѣга мерцаютъ на зарѣ,
А ночь уже идетъ дорогою хрустальной,
Вся въ голубыхъ тѣняхъ и въ звѣздномъ серебрѣ.
Застыли облака. Бѣлѣя въ бѣлой нишѣ,
Покоится луна безстрастнымъ божествомъ.
О, ночь! Моя печаль загадочнѣй и тише,
Мнѣ сладко быть одной въ безмолвіи лѣсномъ.
Алмазный, снѣжный сонъ... Обвѣянная тайной

Расширилась душа, покорная мечтѣ,
И тянется въ просторъ зовущій и безкрайный,
Къ непознаннымъ мірамъ, къ предвѣчной красотѣ.
Мнѣ сладко быть одной, о призракъ снѣжнокрылый,
Исполненная чаръ, недышущая ночь!
Какъ будто отъ земли безвластной и унылой
Въ заоблачную даль я уплываю прочь...
Какъ будто я средь звѣздъ, въ лазури небосклона,
Гдѣ вспыхнулъ нѣжный блескъ тріады золотой,
И въ грудь мою скользятъ съ лучами Оріона
Безгорестная тишь, забвенье и покой.

М. Пожарова.

* * *

Далекіе міры, какъ огненные зерна,
Мерцаютъ надъ землею спокойно по ночамъ,
И мы на нихъ глядимъ и страстно и упорно,
И тайнамъ ихъ дивясь, мы учимся мечтамъ.
Мнѣ говорятъ они: „воздушною стезею
Безъ цѣли мы плывемъ, какъ грезы божества.
Ты—слабый человѣкъ, ты—скованный землею,
Но и тебѣ, какъ намъ, даны свои права!“
Волшебная мечта, таинственная дума—
Не тѣ же ли міры? Твой духъ, какъ небеса,
Въ нихъ тайны вѣчныхъ сновъ текутъ, какъ мы,
безъ шума
И тихія свои свершаютъ чудеса.
Мы смотримся въ тебя, какъ ты въ эфиръ над-
звѣздный,
Мы проникаемъ въ глубь и сердца и ума...
И вѣчность насъ страшитъ загадочною бездною
И мнится намъ: въ тебѣ не вѣчность ли сама?

Н. Фофановъ.

Первыя встрѣчи.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость пер-
выхъ встрѣчъ,

Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ люблю я эти милыя слова,—
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ
отвыкъ,

Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти ярост-
ный языкъ,

Всѣ слова, какія мучать воспаленныя уста
Въ часъ, когда безстыдству учать темнота и на-
гота!

Изъ восторговъ и уныній я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ род-
ной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышать тѣни, здѣсь, гдѣ въ
сумракѣ свѣтло,

Быстрой поступью мгновений вновь бывшее подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользающихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ
огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный
взглядъ...

Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ.

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется
вновь,

Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность!
лишь любовь!

Валерій Брюсовъ.

Ц В Ъ Т Ы.

Отрывокъ.

⑨днажды Кесарь новую поэму
Читалъ у Максимиллы; тѣсный кругъ
Ея друзей и молодыхъ подругъ
Внималъ стихамъ, написаннымъ на тему:
„Сарасен parturiens“. Онъ читалъ
И съ каждою строкой одушевлялся;
Подъ лъстивый шопоть сдержанныхъ похвалъ
Гекзаметръ, какъ волна, переливался;
Вдругъ, на одной изъ самыхъ сильныхъ фразъ,
Раздался храпъ заснувшаго Генгита!
Приличье, страхъ—все было позабыто,
И громкій хохотъ общество потрясъ.
Заслушавшись стиховъ поэмы чудной,
Британецъ спалъ спокойно, непробудно.
Въ душѣ Нерона вспыхнула гроза;
Онъ поблѣднѣлъ; виски налились кровью;
Подъ бѣшено-нахмуренною бровью
Метнули искры впалые глаза,
И замеръ на устахъ оледенѣлыхъ
До половины вылившейся стихъ.—
И вздрогнулъ кругъ гостей оцѣпенѣлыхъ...
Но быстрый гнѣвъ еще быстрѣй затихъ.
„Живи во вѣки!“ молвить Максимилла:
„Напрасно, Кесарь, разсыпаешь ты
Предъ варваромъ поэзіи цвѣты:
Въ немъ духа мощь убила плоти сила!..“
Неронъ смѣялся, варвара обнялъ,
И тутъ же всѣхъ присутствующихъ звалъ
Къ себѣ на пирь...
Въ разгарѣ пирь. Мѣняются чредой
Неслыханно-затѣйливыя блюда;
Финифтью расцвѣченная посуда
Вездѣ блистаетъ грудой золотой,
Прельщая вкусъ и удивляя взоры.
Обходятъ избалованныхъ гостей
Завѣтныя патеры и амфоры,

Безцѣнные и рѣдкостью своей,
И нектаромъ, заботливо храненнымъ.
Спокойное фалернское вино
Библосскимъ искрометнымъ смѣнено,
Библосское—хиосскимъ благовоннымъ,
Хиосское—ѳазосскимъ золотымъ,
Ѳазосское—коринескимъ вѣковымъ.
Шумнѣе пиръ, смѣлѣе разговоры,
Нескромнѣй смѣхъ, живѣй огонь очей...
Одни, въ толпѣ ликующихъ гостей,
Потупили задумчивые взоры
Поппея и Софоній Тигеллинъ:
На ихъ челѣ сомнѣніе, забота
И тайный страхъ... Но Рима властелинъ
Софонію шепнулъ украдкой что-то,
А на Поппею бросилъ бѣглый взглядъ—
И лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли...
Межъ тѣмъ тимпаны, трубы и свирѣли
И струны лиръ торжественно гремятъ,
И рѣзвый родъ менадъ гостей забавить,
И хоръ пѣвцовъ царицу пира славить,
Красавицу, богиню изъ богинь...
Ужъ за полночь... Гостей не потревожа,
Поппея тихо поднялася съ ложа
И, скрытая толпой нѣмыхъ рабынь,
Скользнула незамѣтно изъ столовой.
Но видѣлъ все внимательный Неронъ:
Онъ также всталъ, нахмуренный, суровый,
И также вышелъ изъ чертога вонъ,
Безмолвно опершись на Тигеллина;
И двери затворилися за нимъ...
Переглянулись съ ужасомъ нѣмымъ
Всѣ гости по уходѣ властелина...
Вдругъ затрещалъ надъ ними потолокъ
И Флора уронила къ нимъ цвѣтокъ.
Упала пышнолиственная роза...
За ней другая, третья.. словно вязь
Въ перстахъ лилейныхъ Флоры расплелась;
И, волею боговъ, метаморфоза
Свершилась очевидно: съ высоты
Лилися внизъ дождемъ благоуханнымъ

Мгновенно оживавшіе цвѣты.
Поражены явленіемъ неожиданнымъ,
Вскочили гости, словъ не находя,
Чтобъ выразить всю силу изумленья.
Но—минуль краткій мигъ оцѣпенѣнья—
И мѣрный шумъ цвѣточнаго дождя
Покрыли оглушительные крики:
„Живи во вѣки, Кесарь нашъ великій!
Да здравствуетъ божественный Неронъ!
Благословенны дни его драгіе!..“
Ликують снова гости молодые,
И снова смѣхъ и чашъ веселый звонъ
Триклиніумъ умолкшій огласили.
Недавній страхъ и ужасъ далеки!
Изъ яркихъ розъ и бѣлоснѣжныхъ лилій
Свиваются пахучіе вѣнки:
Плетутся вязи длинныя фіалокъ,
Нарциссовъ, гіацинтовъ, васильковъ...
„Менадъ сюда! канатныхъ плясуновъ!
Вина! Вина! Кто пить усталъ, тотъ жалокъ!
Придумывай скорѣй, архимагирь,
Чѣмъ заключить достойнѣе нашъ пиръ!“
Всѣ девять Музъ украшены вѣнками;
На всѣхъ гостяхъ гирлянды изъ цвѣтовъ;
Всѣ ложа, полъ, весь длинный рядъ столовъ
Усыяны, усыпаны цвѣтами..
Пора рабамъ дать отдыхъ и покой.
Генгитъ вскочилъ и ложе съ мѣста сдвинулъ,
И пса толкнулъ могучею пятой;
Рванулся песь, свѣтильникъ опрокинулъ
И цѣпь порвалъ... И вотъ рабы ушли,
Ушли рабыни, плясуны, менады..
Кой-гдѣ погасли пирныя лампы..
Веселый смѣхъ и крики перешли
Въ невнятные слитые разговоры;
Замолкнулъ клиръ и потемнѣли хоры...

И падаютъ и падаютъ цвѣты,
И сыплется дождемъ неудержимымъ..
Въ лугахъ и злачныхъ пажитяхъ подъ Римомъ
Три дня ихъ сборомъ были заняты

Селянки загорѣлыя и дѣти...
И падаютъ и падаютъ цвѣты,
И зыблются, какъ радужныя сѣти,
Спущенныя на землю съ высоты.
Ихъ сотня рукъ съ потухшихъ хоръ кидаетъ
Корзинами, копнами; аромать
Вливааетъ въ воздухъ смертоносный ядъ:
Клокочетъ кровь и сердце замираетъ
Отъ жара и несносной духоты...
И падаютъ, и падаютъ цвѣты...
Напрасень крикъ пирующихъ: „Пощады!
Мы умираемъ!“ Падаютъ цвѣты—
Пощады нѣтъ: всѣ двери заперты;
Потухли всюду пирныя лампы...
Въ отвѣтъ на вопль предсмертный и на стонъ
Въ желѣзныхъ клѣткахъ завывали звѣри,
И за дверями хохоталъ Неронъ.
Еще мгновенье—
Растворились двери:
Великодушный Кесарь забывалъ
Обиду, нанесенную поэту...

Впослѣдствіи, припомнивъ шутку эту,
Позвалъ на пиръ гостей Гельюгабалъ;
Но тѣмъ гостямъ плачевнѣй жребій выпалъ:
Помѣшанный цвѣтами ихъ засыпалъ...

Л. А. Мей.

В. В. ВЕРЕСАЕВЪ.

Передъ заѣсою.

Началось это подъ-вечеръ, послѣ обѣда. На террасѣ дачи играли квартетъ Гайдна: „Семь послѣднихъ словъ Христа“. Мы сидѣли на скамейкѣ подъ соснами; пахло смолою, окрестный боръ тихо шумѣлъ, и казалось, что надъ головами медленно волнуется огромное сухое море. А за поляною, на крутомъ берегу Оки, сѣрѣлъ въ дымкѣ городокъ; надъ скученными, маленькими домиками высоко поднимались бѣлыя церкви.

Въ звукахъ, несшихся съ террасы, росла и развертывалась огромная драма. Чуялось близкое вѣяніе смертныхъ мукъ, великая душа боролась съ ихъ унижающею силою, побѣждала ее и вновь изнемогала; на фонѣ сухихъ, колющихъ звуковъ пиччикато звучало скорбное: „жажду!“—и послѣдній смертный вопль тонулъ въ грохотъ землетрясенія, въ содроганіи ужаснувшейся природы передъ гибелью творящей жизнь силы, которую жизнь же уничтожала.

— Еще! Еще разъ!

Они начали снова. И снова развертывалась жуткая драма, и она казалась теперь еще глубже и

значительнѣе. Кругомъ становилось все тише, сухое море въ вершинахъ сосенъ волновалось все медленнѣе. Стало странно-тихо; какъ будто воздухъ съ растущимъ вниманіемъ вслушивался въ то, что разсказывали звуки.

„Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со мною въ раю!“—начали скрипки... И вдругъ какіе-то чуждые, широкіе звуки стройно и торжественно влились со стороны въ мелодію. Это было неожиданно и удивительно. Что это, откуда? Воздухъ ли вдругъ таинственно ожилъ и откликнулся и, пораженный тѣмъ, что услышалъ, заговорилъ, самъ не замѣчая, въ одно со скрипками? „Бо-омъ! Бо-омъ!“—продолжалъ звучать воздухъ, и только теперь становилось понятнымъ: въ городкѣ зазвонили къ вечернѣ, и это звучалъ колоколъ,—звучалъ мѣрно, увѣренно, какъ разъ въ тактъ и въ тонъ музыкѣ.

И вотъ, что-то странное произошло со мною: передъ глазами какъ будто распахнулась какая-то невидимая завѣса. Все кругомъ вдругъ одухотворилось, природа и люди слились въ единую жизнь, и огромная тайна почуялась въ этой общей, проникающей все жизни. Звуки колоколовъ, дрожа, плыли въ даль,—и тихое, просторное небо наклонялось къ нимъ и ласково принимало въ себя, и даль тянулась имъ навстрѣчу, и въ чашѣ бора что-то прислушивалось и пряталось въ зеленую тьму. Люди смѣялись и пошло острили, но на ихъ лицахъ тоже лежалъ отсвѣтъ этой одухотворившейся общей жизни.

Все жило вокругъ. Но что было мучительно—этой ключемъ забившей отовсюду жизни я не могъ серьезно принять ни умомъ ни чувствомъ. А между тѣмъ что-то въ глубинѣ души страстно тянулось къ ней и принимало ее жадно, всю цѣликомъ. И стремленіе это росло изъ глубины, вздымалось, какъ дымъ изъ расщелины скалы; оно пьянило и властно охватывало душу... Да почему я долженъ принимать то, что мнѣ предписываетъ умъ? Пусть онъ бунтуетъ, пусть развѣдаетъ все; его трезвая правда—это лживая правда бѣлаго дня; есть высшая правда,

которой жива вѣчно-обманывающая и вѣчно-чарующая ночь. Умъ холодно говоритъ: „нѣтъ живой цѣлости и общности всего, все раздѣльно и самостоятельно; только мертвая, слѣпая энергія переливается въ безконечныхъ пространствахъ и творить разнообразныя формы жизни. Живое же единство міра—лишь въ твоей головѣ, оно—лишь отвлеченіе и комбинированіе полученныхъ ощущеній“... И завѣса запахивается, міръ обезцвѣчивается и распадается на миллионы отдѣльнаго; тускнѣютъ люди и природа.

Но почему же такъ неудержимо рвется къ этому единству душа? Почему хочется широко раскрыть руки передъ міровымъ просторомъ и сказать: да, ты живъ, живъ не собраніемъ жизней, а единою, могучею жизнью, способною на великую мысль, на великую радость и скорбь; и въ этой общей жизни братья мои—и тотъ мужикъ, который пашетъ тамъ за погостомъ, и его лошадь, и дубъ надъ оврагомъ, и облачко на небѣ; и въ этой общей жизни—оправданіе жизни и ея цѣль. Падаютъ, сами собою рѣшаясь, самыя ея непонятныя и тяжкія загадки. Какъ можно принять настоящее во имя далекаго будущаго? Чѣмъ можетъ быть искуплено калѣченіе или гибель хоть одной жизни? Какъ не отчаяться, видя, что твоя „свободная душа“—только тѣнь, бросаемая на землю неподвластною тебѣ жизнью? Все становится радостно-понятнымъ, потому что нѣтъ ничего отдѣльнаго, нѣтъ прошедшаго и будущаго, все заключается въ каждомъ и каждое во всемъ... Да, здѣсь, и только здѣсь, правда, потому что она даетъ душѣ жизнь.

Огненно-красное солнце уходило въ буро-сѣрую муть горизонта, и эта муть клочьями вѣдалась снизу въ ясный дискъ. Съ сѣвера медленно росла желто-сѣрая туча,—странная, сверху рѣзко отчерченная отъ неба, а сама вся ровная, безъ тѣней, безъ контуровъ внутри, какъ усыпанная желтоватымъ пепломъ пустыня. Солнце скрылось, въ сухомъ, темнѣвшемъ воздухѣ носился вѣтеръ и покрывалъ своими теплыми поцѣлуями травку, жнивья,

деревья и меня. Я стоялъ и смотрѣлъ, охваченный раскрывшимся передо мною таинствомъ, чувствомъ великой общности со всѣмъ, всѣмъ, что было кругомъ. И какъ могъ я раньше быть такъ слѣпъ, чтобъ не видѣть этой проникающей все жизни? А въ дѣтствѣ я ее чувствовалъ; я ночью подходилъ къ окну и смотрѣлъ въ садъ: въ смутномъ сумракѣ таинственно дремали кусты сирени, на блѣдномъ фонѣ неба шевелились странно-живыя вѣтки, и все жило своею особенною, загадочною жизнью. Отбившійся, забредшій въ сторону, я теперь возвращался къ ней, къ этой, недоступной уму, но покорявшей душу свѣтлой тайнѣ жизни.

Великое свершилось въ душѣ: мiръ коснулся ея своею безконечною душою и поглотилъ ее, какъ свѣтъ солнца поглощаетъ дневной свѣтъ звѣзды. И не было уже между ними границы, и всѣ мы, съ нашими разными мыслями и чувствами, были одно.

Назавтра утромъ я вышелъ на крыльцо постоялаго двора. Изъ сѣраго неба лилъ холодный дождь, у канавы болѣзненно-ярко зеленѣли мокрые лопухи; два мужика въ намокшихъ зипунахъ угрюмо шли къ коноплянникамъ. Поля и небо вдали сливались въ сырую муть, далеко на дорогѣ бились подъ вѣтромъ придорожныя ивы. Я смотрѣлъ и, какъ проспавшійся пьяный, съ чуждымъ, отказывающимся чувствомъ вспоминалъ вчерашняго себя. Что это вчера было?..

Дождь тупо и однообразно шумѣлъ по травѣ, по листьямъ и по моему клеенчатому плащу. Я шелъ по разсклизшей, глинистой дорогѣ, скользя сапогами на промоинахъ. Вдали дороги, въ просвѣтахъ полуоголенныхъ ивъ, надъ полями,—вездѣ шевелилась та же сырая муть. Гдѣ она здѣсь, вчерашняя таинственная, общая жизнь? Вѣтеръ съ мертвымъ шумомъ проносился по жнивьямъ, иззябшія ивы клонились подъ нимъ,—чуждая ему, ушедшія въ себя: мокрая, порыжѣлыя былинки на краю дороги были такія явно-мертвыя. Ничему ни до чего нѣтъ дѣла, и мнѣ нѣтъ дѣла до этого мертваго, сырого простора, охватывающаго миллионы маленькихъ

одинокихъ, ушедшихъ въ себя жизнью. „Высшая правда“ обмана... Неужели я хоть на минуту могъ стать такимъ рабомъ, чтобъ подчиниться этой унижающей правдѣ? Изъ безсознательной глубины души рвутся запросы,—значить, имъ непремѣнно должно существовать и удовлетвореніе? И вотъ на мѣсто высшей правды становится обманъ, а боящаяся своей самостоятельности человѣческая душа рабски молчитъ...

И глаза съ враждебнымъ вызовомъ устремлялись въ мутную пустоту: да, я сумѣю принять ее такую, какая она есть, со всѣмъ холоднымъ ужасомъ ея пустоты и со всею завлекательностью этого ужаса; не сумѣю,—умру; но не склонюсь передъ тою правдою, которая только потому правда, что жить съ нею легко и радостно.

В. Вересаевъ.

ДВѢ ПѢСНИ.

Я полями иду на чужой сторонѣ;
Ярко звѣзды горятъ въ голубой вышинѣ...
Вотъ, въ душистыхъ садахъ у широкой рѣки,
Замигали одинъ за другимъ огоньки...

Кто-то тихо плыветъ
По уснувшей рѣкѣ.
Громко пѣсню поетъ
На чужомъ языкѣ.

Я полями иду, и томительно мнѣ,
И тоскуетъ душа на чужой сторонѣ...
Но когда присмотрюсь: тотъ же сводъ надо мной,
Что на родинѣ, блещетъ вечерней красой,
Тѣ же звѣзды горятъ въ вышинѣ
На чужой сторонѣ...

А какъ вслушаюсь въ пѣсню, что льется
волной

За зеленымъ холмомъ надъ зеркальной рѣкой,—
Много звуковъ знакомыхъ услышу я въ ней,
Много звуковъ изъ пѣсенъ родимыхъ степей:
Такъ же льются они, такъ же страстью дрожатъ
И, печали полны, о любви говорятъ...

И смущенной душой
Слышу я вдалькѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.

Я иду и мечтаю во мракѣ ночномъ:
„Тѣ же звѣзды вверху, тѣ же люди кругомъ...
„Ихъ огни вдалькѣ и манятъ и зовутъ...
„Такъ же любятъ они, такъ же пѣсни поютъ...
„Этимъ людямъ чужимъ въ незнакомомъ краю
„Я привѣтную пѣсню спою“.

Я полями иду къ задремавшей рѣкѣ,
Громко пѣсню пою на родномъ языкѣ—
Страстно льется она и тоскою звучитъ
И, отчизной полна, о любви говоритъ.
Я пою... И притихъ на рѣкѣ за холмомъ
Одинокій пѣвецъ и не плещетъ весломъ...

И смущенной душой
Слышитъ онъ вдалькѣ
Сердцу звукъ дорогой
На чужомъ языкѣ.

Юрій Свѣтогоръ.

ГВОЗДИКИ.

Когда расцвѣтаютъ гвоздики въ лѣсахъ,
Послѣдніе лѣтніе дни истекаютъ.
Въ гвоздикахъ іюльскіе дни замыкаютъ
Ту юную кровь, что алѣетъ въ лучахъ.
И больше не вспыхнутъ, до новаго года,
Такіе рубины, такая свобода.

Н. Д. Бальмонтъ.

В О Н Ъ.

Началася лодка у берега тамъ,
И парусъ надъ ней развивался.
—Скорѣе въ дорогу по быстрымъ волнамъ!—
Въ груди моей крикъ раздавался.
Я за руку смѣло тебя притянулъ,
И въ лодку мы разомъ вскочили.
Тутъ парусъ нашъ вѣтеръ сердито рванулъ,
И мы... далеко уже были.
У мачты стояли мы молча вдвоемъ,
А волны сѣдя, какъ звѣри, кругомъ
Одна за другою вставали;
Надъ нами бѣжалъ голубой небосводъ,
И синія волны, какъ кони, впередъ,
Впередъ передъ нами скакали..
— „О, милый, вернемся! Куда мы плывемъ!?“
Раздался твой крикъ надъ волнами:
„Безбрежное море предъ нами!“
Но шибче летѣли мы въ синюю даль,
Въ ухахъ только свистъ раздавался;
А вѣтеръ безумно ревѣлъ и визжалъ,
И парусъ къ волнамъ нагибался.
И громко тебѣ я тогда закричалъ,
Ревъ вѣтра и волнъ покрывая:
—Теперь не страшись, дорогая!
Ты видишь, бѣлѣютъ вдали берега,
Ужъ скоро мы будемъ у цѣли..
Какъ птицы, съ тобой мы летѣли..
— „Да, милый, какъ птицы.. Не даромъ снѣга
Въ твоихъ волосахъ забѣлѣли..
Недаромъ и сердце остыло въ груди,—
И радость, и юность, и все позади!“

В. Н. Вербицкій.

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосиль-
ный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный семья-
нинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, ще-
петильный,
Вся душа его,—душонка, точно изъ моршинъ.
Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это
можно.
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный,
гробъ сердцецъ;
Можешь карты, можешь мысли передернуть—осто-
рожно.
Явно грабить неразумно, но—стриги овецъ.
Монотонный, односложный, какъ напѣвы людоѣда:—
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ
конца,
Звѣрь несчастный, существуетъ отъ обѣда до обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвить отца.—
Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь про-
свѣщенный,
Онъ оформить, онъ запишетъ, дверь запретъ онъ
на крючокъ.
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца,
евнухъ сонный,—
О, когда бъ ты, миллионный, вдругъ исчезнуть могъ!

И. Д. Бальмонтъ.

Артистъ Ю. Э. Озаровскій.

Гротъ „Boue Marino“, на островѣ Капри.

Разбиваясь объ утесы, мчится пѣнистый прибой
Въ гротъ морского чародѣя, въ царство сказки
водяной.

Тамъ заклятіе безвластно, тамъ витаетъ колдовство...
Все таинственно-прекрасно и обманчиво-мертво.

Какъ открытая гробница—мшистой арки глубина.
Въ ней песковъ изборожденныхъ золотая пелена.
Фантастическія глыбы. Стонъ и бѣшенство валовъ.
Прихотливые изгибы нависающихъ зубцовъ.

И, средь отблесковъ мерцанья, дрожь измѣнчивыхъ
тѣней,
Черно-синихъ и тягучихъ, словно цѣпь сплетенныхъ
змѣй...

Если хочешь вѣдать тайны, жгучимъ сномъ упиться
въявь,
Въ часъ лазурный новолунья свой челнокъ сюда на-
правь.

Пусть чешуйчатая волны, въ искрахъ луннаго огня,
Зашипятъ, смятенья полны, негодуя и стена;

И, грозясь изъ дикихъ впадинъ, пусть, не зная тор-
жества,
Хищный Страхъ, безсильно жаденъ, шепчетъ смут-
ныя слова.

Заглуши его угрозы! Непреклонный, смѣло жди!—
Неразгаданныя грезы улыбнутся впереди.

Что-то дрогнетъ въ полумракѣ... что-то вспыхнетъ,
какъ алмазь...

Ты уловишь на мгновенье льдистый блескъ зову-
щихъ глазъ,

Чей-то смѣхъ прозрачно-нѣжный донесется—и за-
мретъ,

Кто-то грудью бѣлоснѣжной на поверхности мельк-
нетъ,

И, охваченная страстью, влюблена, упоена,—
Засверкаетъ, заиграетъ набѣжавшая волна

И одѣнетъ въ брызги пѣны, въ золотоцвѣтную фату,
Выплывающей сирены неживую красоту...

М. Пожарова.

* * *

Холодное, какъ смерть, равниной бездыханной
Болото мертвое раскинулось кругомъ,
Пугая робкій взоръ безбрежностью туманной,
Зловѣщее въ своемъ молчаньи ледяномъ.
Болото курится, какъ дымное кадило,
Безгласное, какъ трупъ, какъ камень мостовой.
Дитя моей любви, не для тебя ль могилу
Готовить здѣсь судьба незримою рукой!
Избушка ветхая на просѣкѣ угрюмомъ
Тебя, изгнанницу святую, пріютить,
И старый боръ печально строгимъ шумомъ
Въ глухую ночь невольно усыпить.

Но чуть разсвѣтъ затеплится надъ боромъ,
Прокрякаетъ чирокъ въ надводномъ тростникѣ,
Болото мертвое немѣреннымъ просторомъ
Тебѣ напомнить вновь о смерти и тоскѣ.

Николай Клюевъ.

* * *

Оттого тебя люблю я, что безумна ты, какъ я,
Что въ тебѣ слились, тоскуя, мракъ и солнце
бытія,
Вспышки молній, вздохи бури, безпокойныхъ веш-
нихъ грезъ,
И безоблачность лазури, и блаженство первыхъ
слезъ.
Вся ты—сказка, вся ты—тайна, и царица, и раба.
Все, какъ жизнь, въ тебѣ случайно, непреложно,
какъ судьба.
Общая—ты обманешь, оттолкнувъ—сама придешь,
Противъ истины возстанешь и обрушишься на ложь.
Оттого тебя люблю я, что сильна ты и горда,
Что, свободу сердцемъ чуя, въ даль ты рвешься изъ
гнѣзда;
Любишь землю, любишь море, въ небѣ—тучь зло-
вѣщій дымъ;
Свято чтя чужое горе, ты глумишься надъ своимъ;
Оттого, что я тобою, лишь одной тобой живу,
Что во снѣ ты грезишь мною и смѣешься наяву.
Какъ волна неуловима и опасна какъ змѣя,
Оттого ты мной любима, что моя и не моя!..

А. М. Водоровъ.

Во снѣ.

Мнѣ снилось: я былъ прикованъ... Мнѣ снилось, что я былъ прикованъ къ скалѣ.

Свободное море привольно несло къ далекимъ, далекимъ странамъ. А я былъ прикованъ и тщетно въ порывѣ безумнаго гнѣва цѣпами звенѣлъ. При каждомъ движеніи острья цѣпи впивались, врѣзались мнѣ въ плечи до ранъ. И руки свободнымъ и гордымъ движеніемъ борца поднимая, я морю кричалъ:—„Свобода! Спаси!“

Летящія птицы смѣялись коварно надъ крикомъ безумнымъ моимъ. Его заглушая, волшебныя пѣсни, звенящія пѣсни запѣли онѣ:

— О, море, не слушай ты стоновъ раба... Зачѣмъ тебѣ слушать мольбы о свободѣ, зачѣмъ тебѣ знать о страданьяхъ людей... Споемъ тебѣ пѣсни, гдѣ грезы и розы сплелись въ безмятежной красѣ... Споемъ тебѣ пѣсни о нашихъ мученьяхъ, прозрачныхъ и нѣжныхъ,— о нашихъ мечтахъ мы споемъ безмятежныхъ. А люди... Пусть люди страдаютъ и рвутся въ тяжелыхъ оковахъ своихъ. И пусть ихъ призывы къ борьбѣ раздаются, и пусть замираютъ... Не нужно намъ ихъ! Въ нашемъ покоѣ привѣтно и нѣжно пѣсни несутся о грезахъ и снахъ, и о кудряхъ разметавшейся тучки, и о росѣ, задремавшей въ цвѣтахъ!

Бурному морю пѣли такъ птицы. Бурному морю я изъ темницы снова и снова кричалъ. Цѣпью тяжелой своей потрясая, образъ свободы святой вызывая, бурному морю кричалъ:

— Птицъ ты не слушай, свободное море, цѣпи съ меня тыними... Минуть невзгоды, уйдетъ, море, горе: пѣсни спую я свои. Въ пѣсняхъ моихъ пронесется стальною радугой радость моя. Въ пѣсняхъ моихъ засверкаетъ краскою наша родная земля. Съ дивною силой польются напѣвы счастья земли... Море, о море свободное!—только цѣпи съ меня тыними.

Мирэ.

Незванные гости.

Подъ легкой смѣхъ и тайный разговоръ
Проходятъ маски вереницей длинной...
Сіяетъ залъ... И вотъ, съ высокихъ хоръ
Томительно полился вальсъ старинный...

Къ печальной нимфѣ—съ лиліей въ кудряхъ—
Подходитъ рыцарь съ спущеннымъ забраломъ
И, вмѣстѣ съ ней, смѣшался съ карнаваломъ,
Воздушный станъ ея обнявъ.

— „Красавица, съ вами я вижу въ впервые,
Но взглядъ вашихъ грустныхъ и пламенныхъ глазъ
Невольно напомнилъ мнѣ годы былые,
Свиданья въ полуночный часъ...

На ту, о которой, безумно тоскуя,
Ни ночью ни днемъ позабыть не могу я,
Есть что-то похожее въ васъ.“—

— „Нѣтъ, рыцарь, то вальсъ такъ волнуетъ мечтанья
Вѣдь та, о которой ни ночью ни днемъ
Забудь ты не въ силахъ,—позоръ и страданья
На днѣ позабыла рѣчномъ...

Оставимъ же мертвымъ покой и забвенью;
Подъ вальса манящаго тихое пѣнье
Такъ сладко кружиться вдвоемъ!..“—

И длится вальсъ; томительно и нѣжно
Звучитъ его ласкающій мотивъ.
Вотъ Мефистофель, съ граціей небрежной,
Въ полупоклонъ свой гибкій станъ склонивъ,
Уводитъ маску въ бѣломъ покрывалѣ
И съ четками у пояса; одна,
Вдали отъ всѣхъ, на этомъ шумномъ балѣ
Была покинута она.

— „Сударыня, васъ ли въ простомъ одѣяньи
Смиренной монахини вижу теперь?
Надѣетесь, вѣрно, что ключъ покаянья
Отворитъ вамъ райскую дверь?
Ха, ха! Ну, туда-то васъ пустятъ едва ли:
Не смоется съ ручекъ невинная кровь...

Повѣрьте, навѣки насъ вмѣстѣ сковали
Судьба и преступная наша любовь...
Меня вы узнали ль?—Сообщникъ вашъ нынѣ
Нежданно предсталъ въ мефистофельскомъ чинѣ—
 Предъ вашими взорами вновь!

Вы думали, тайну сокроетъ могила.
Но, видите, здѣсь я!.. я съ вами опять!..
Теперь ни земная ни адская сила
Меня не заставитъ добычу отдать!
Повѣрьте, небесъ не смягчитъ вамъ мольбою,
Слезами, и бдѣньемъ, и долгимъ постомъ,—
Ужъ мѣсто для васъ приготовлено мною
 Въ таинственномъ царствѣ моемъ...
Теперь же, да здравствуетъ мигъ упоенья!
Подъ вальса манящаго тихое пѣнье
 Такъ сладко кружиться вдвоемъ.

И длится вальсъ...— „Мой другъ, мнѣ страшно стало!—
Хозяйка дома мужу говоритъ.
— О, прекрати забаву карнавала...
Моя душа и ноетъ и болитъ!..
Нездѣшнія и странныя все лица
Подъ масками сокрыты у гостей...
О, скоро ли проглянетъ лучъ денницы?...
 Тоска и страхъ въ груди моей!..“
Смѣется мужъ... И длится вальсъ старинный,
Его напѣвъ несется съ темныхъ хоръ,
И пляшутъ маски медленно и чинно,
Подъ легкой смѣхъ и тайный разговоръ...

М. А. Лохвицкая.

АРТИСТКА М. Ф. АНДРЕЕВА.

ЭДЕЛЬВЕЙСЪ.

Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣвають вершины Альпъ, и царить надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ.

Безгранична пустыня небесъ надъ вершинами горъ, и безчисленны грустныя очи свѣтилъ надъ снѣгами вершинъ.

У подножія горъ, тамъ, на тѣсныхъ равнинахъ земли, жизнь, тревожно волнуясь, растетъ и страдаетъ усталый владыка равнинъ—человѣкъ.

Въ темныхъ ямахъ земли стонъ и смѣхъ, крики ярости, шопотъ любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвія горныхъ вершинъ и безстрастія звѣздъ—не смущаютъ тяжелые вздохи людей.

Ледъ и снѣгъ нетлѣннымъ саваномъ вѣчно одѣвають вершины Альпъ, и царить надъ ними холодное безмолвіе—мудрое молчаніе гордыхъ высотъ.

Но, какъ будто затѣмъ, чтобъ кому-то сказать о несчастьяхъ земли и о мукахъ усталыхъ людей,—

у подножія льдовъ, въ царствѣ вѣчно-нѣмой тишины
одиноко растетъ грустный горный цвѣтокъ—Эдель-
вейсъ...

А надъ нимъ, въ безконечной пустынѣ небесъ,
молча гордое солнце плыветъ, грустно свѣтитъ нѣ-
мая луна и безмолвно и трепетно звѣзды горятъ...

И холодный покровъ тишины, опускаясь съ не-
бесъ, обнимаетъ и ночью и днемъ одинокій цвѣ-
токъ—Эдельвейсъ.

М. Горькій.

* * *

Я ихъ не звалъ—онѣ пришли,
Давно оплаканныя тѣни
Минувшихъ грезъ, былыхъ видѣній..
Въ унылой, сумрачной дали
Огни вечерніе мерцали,
И отблескъ легкій трепеталъ
Налетомъ розовой эмали
На острыхъ кряжахъ сѣрыхъ скаль..
Я лѣсомъ шелъ, и слышалъ я—
Малютка-птичка, на меня
Сосѣдкѣ маленькой кивая,
Шептала: „Видишь?.. вотъ, родная,
Тотъ блѣдный, странный человѣкъ,
Что часто здѣсь порой вечерней
Плететь вѣнки изъ старыхъ терній...
Взгляни, какъ блѣденъ онъ... Навѣкъ,
Навѣкъ утрачена имъ вѣра.
Онъ запоетъ—раздастся стонъ...
Поетъ и плачетъ... Знаешь,—онъ
Потомокъ старца Агасфера,
Того, ты помнишь“...

С. Г. Фругъ.

Пойми же, наконецъ, пойми: я не хочу,
 О женщина, признать твоей жестокой власти.
 Возненавидѣть гнетъ безумной, дикой страсти
 И презирать тебя я сердце научу.
 Нѣтъ, я не дамъ тебѣ смѣяться надо мною,
 Какъ воду пить струи моихъ горячихъ слезъ
 И съ рѣзвымъ хохотомъ небрежною рукою
 Ошипывать цвѣты моихъ завѣтныхъ грезъ.
 Ты слышишь ли?—Топтать тебѣ я не позволю
 Все, что есть лучшаго и честнаго во мнѣ:
 Я сброшу цѣпь твою, и вырвусь я на волю,
 И выкупаю грудь въ божественномъ огнѣ;
 Туда, гдѣ больше нѣтъ твоей палящей бури,
 Гдѣ правда и добро въ побѣдный гимнъ слились,—
 Туда, по ступенямъ сіяющей лазури,
 Я подымусь въ эфиръ на солнечную высь...
 Чего, скажи, чего ты отъ меня хотѣла?..
 Въ тебѣ мнѣ гадко все: улыбка, жемчугъ зубъ
 И жгучій ароматъ изнѣженнаго тѣла,
 И знойный мракъ волосъ, и пурпуръ влажныхъ губъ.
 О, я сорву съ тебя презрѣнную личину!
 За милліоны жертвъ, за муки, смерть и зло
 Я въ это наглое, прекрасное чело
 Проклятье бѣшеное кичу!..

...Потухъ мой гнѣвъъ, безумный, дѣтскій гнѣвъъ:
 Все время я себя обманывалъ напрасно...
 Что жъ дѣлать мнѣ? Увы! восторженный напѣвъъ
 Изъ груди просится такъ пламенно и страстно
 Наперекоръ всему, въ проклятіи моемъ
 Тебѣ, о женщина, одна любовь звучала,
 И даже въ злобный мигъ при имени твоёмъ
 Мятежная душа отъ счастья трепетала.
 И вотъ—я снова твой... зачѣмъ таить любовь?
 Какъ будто не тебѣ отдалъ я жизнь и кровь,
 Какъ будто въ сѣрой мглѣ подъ бременемъ страданья
 Влачу я темный вѣкъ не для тебя одной?
 Когда гляжу я въ даль съ улыбкой упованья,
 Какъ будто не тебя я вижу предъ собой!..

Ты—вдохновеніе, ты— творческая сила,
Ты—все: полна тобой полуночная тишь,
Въ благоуханьи розъ со мной ты говоришь,
И сумракъ дней моихъ ты свѣтомъ напоила.
Позволь мнѣ только лечь у ногъ твоихъ, въ пыли,
Чтобъ гордый взглядъ ловить, надѣясь и ревнуя.
Въ тебя я вѣрую, тебя боготворю я.
Молюсь тебѣ одной, владычица земли!
Измучь меня тоской, обидой и позоромъ,—
Я не дерзну роптать, но лишь упиться дай
Твоимъ загадочнымъ, твоимъ глубокимъ взоромъ
И ядомъ ласкъ твоихъ, гдѣ—жизнь, и смерть, и рай.
Я слышать не хочу про всѣ твои пороки:
Тѣ сдѣлаешь мнѣ знакъ— и ницъ я упаду.
Кто бъ ни былъ ты, о сфинксъ, холодный и жестокій,
Богиня-женщина, люблю тебя и жду!
Хвала тебѣ, хвала—за сладкое мученье,
За радость и печаль, за подвиги и зло...
Неумолимое, прекрасное чело,
За все—прими благословенье!

Д. С. Мережковскій.

Послѣдняя пѣсня.

Дорогой ты мой другъ!.. Надъ могилой твоей
Затихаютъ послѣднія пѣсни мои...
Пусть приснятся тебѣ наши вешніе дни,
Пусть согрѣютъ они холодъ вѣчныхъ ночей...
Пусть взойдутъ надъ тобой голубые цвѣты;
Голубые цвѣты, какъ мечты;
И пусть шепчутъ они о безсмертьи души
И баюкаютъ сонъ твой въ тиши...
И когда я пройду одинокій мой путь,
Мы увидимся снова съ тобой...
Спи, мой милый... къ тебѣ я приду отдохнуть
Отъ тревоги и грусти земной...

Г. Галина.

У т р о.

Проснулось озеро. Воздушны очертанья
Холмовъ. Ужъ ночи нѣтъ и всюду свѣтъ про-
никъ,

Ужъ воздухъ дышитъ имъ, и сводъ небесъ великъ,
Какъ замысль Творца въ предвѣчный день созданья,
И весь прекрасенъ міръ, весь—нѣжность и сіянье.
Весь—трепетъ юности!.. Какъ будто въ этотъ мигъ,
Не вѣдая ни зла, ни счастья, ни страданья,
Изъ тьмы невѣдомой впервые онъ возникъ!
Свѣтаетъ. Но во мглѣ еще неуловимы
Границы береговъ; ихъ склоны еле зримы.
Сквозными кажутся вершины горъ вдали,
И струи озера блестятъ, какъ хрустали...
И таютъ, чуть дрожа, какъ розовые дымы,
Въ прозрачностяхъ небесъ прозрачности земли.

Сергей Маковскій.

* * *

Изъ Стенетти.

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ.

Мое окно открыто. Вечерѣтъ.

Туманъ съ полей мнѣ въ комнату плыветъ.

Весны дыханье ласковое вѣтъ.

Не знаю, отчего дрожить моя рука.

Не знаю, отчего въ слезахъ моя щека.

Вотъ голову склонила я на руки; глубоко

Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далѣко!

А. Ѳедоровъ.

Странникъ.

Въ лохмотьяхъ жалкихъ подъ кустомъ,
Усталый, сълъ онъ у дороги...

Сума убогая на немъ,
Въ крови его босыя ноги.
Полудня зной—томленье, адъ!
Нигдѣ ни тѣни ни потока.
Померкъ тупой и робкій взглядъ...
—„Вставай, старикъ, еще далеко!“

Подъ солнцемъ дремлетъ онъ... на грудь
Поникъ сѣдою головою.
Чуть дышитъ... знать, не легокъ путь!
Рука опущена съ клюкою.
Кругомъ просторъ и тишина!
Весь мѣръ раскинулся широко...
Сіяетъ небо... даль ясна...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!“

Откуда ты? Въ Соловкахъ былъ?
Иль, съ баркой плавая Двиною,
Скотомъ рабочимъ въ лямкѣ ныль,
Скотомъ съ бѣзсмертною душою?
Въ поту ворочалъ ли весломъ?
Приказчикъ былъ на баркѣ—дока:
Кормилъ не хлѣбомъ—кулакомъ...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!“

Какъ воль, трудясь, больной, босой,
Съ открытой грудью въ непогоду,
Ты уцѣлѣлъ, хотя весной
Пощады не было народу:
Однихъ голодныхъ тифъ разилъ.
Другой тонулъ,—въ рѣкѣ глубоко!..
Ты только силу сохранилъ...
—„Вставай, старикъ, идти далеко!“

На пристань барку принесло—
Допѣта пѣснь хоровая,
Которой водитъ, какъ весло,
Страды и муки пѣснь родная!

И, предъ иконою склонясь,
Одинъ, безъ словъ, въ тоскѣ глубокой,
Старикъ, ты всѣмъ простилъ, молясь...
— „Вставай, старикъ, иди далеко!“

А дома—жалкая семья
Мякину ѣсть и, голодая,
Кормильца ждетъ... Вотъ казнь твоя!
Что принесешь ты имъ? Родная,
Прости!—Онъ силы не жалѣлъ.
У насъ нужда—не дочь порока.
Рабочій, жалокъ твой удѣлъ!..
— „Вставай, старикъ, еще далеко!“

Вставай, старикъ! не слышишь ты?
Или забылся, отдыхая?..
Какъ рѣзки блѣдныя черты!
Съ натугою дышитъ грудь больная!
Ты видишь сонъ: семьѣ твоей
Открылся вдругъ просторъ широко:
То пѣсня, звонкій смѣхъ дѣтей...
— „Вставай, старикъ, еще далеко!“

Вставай, старикъ! Очнись, старикъ,
Возьми суму,—и въ путь тяжелый!
Такъ лживъ блаженныхъ сновъ языкъ,
Обманчивъ ихъ миражъ веселый!
Всю жизнь ты былъ рабомъ труда
И нищимъ былъ по волѣ рока;
Слабѣли руки, шли года...
— „Вставай, старикъ, иди далеко!“

Вставай, старикъ! Недвиженъ ты...
Уста сомкнулись... Грудь не дышитъ,
Опали блѣдныя черты...
Погасла жизнь... Старикъ не слышитъ.
Съ какой покорною тоской
Глядитъ померкнувшее око!..
Раскрылось небо надъ тобой...
— „Вставай, старикъ, ужъ не далеко!“

День уходилъ... Его вѣнцомъ
Заря казалась золотая.

Багрянцемъ, чернью и огнемъ
Кругомъ, отъ края и до края,
Степь убиралася. Въ кустахъ
Роса алмазная сверкала.
О, если бъ тамъ на небесахъ
Заря измученныхъ встрѣчала!

Вас. Немировичъ-Данченко.

* * *

Можно женщину пылко и страстно любить,
Въ затаенныхъ глазахъ настроеніе пить,
Такъ глубоко ее презирая,
Ради блеска очей, ради страстныхъ рѣчей,
Ради тихаго шороха платья,
За волосъ аромать, за вползающій взглядъ,
За томящую цѣпкость объятя.

Можно Истину пылко и страстно любить
И исканію Истины жизнь посвятить,
Такъ глубоко ее презирая,
И безумно желать уловить, разгадать
Неотвязно манящую тайну,
Разгадать темноту, уловить пустоту
Тамъ, гдѣ все неразумно, случайно.

Можно жизнь, непроглядную жизнь полюбить
И съ какой-то отчаянной жаждою жить,
Такъ глубоко ее презирая,
За восторгъ перемѣнъ, за властительный плѣнъ
Быстро тающихъ жгучихъ волненій,
За ироніи блескъ и гармоніи всплескъ,
Ради тихой струи настроеній.

Н. Васильевъ.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

Смерть Ланде.

Отрывокъ.

Ночью, въ началѣ осени, когда воздухъ былъ уже рѣдокъ и холоденъ, Ланде тихо вышелъ изъ дому, одѣтый въ черный, старый, купленный у монаха подрясникъ, и съ мѣшкомъ за спиной.

„Такъ легче и проще будетъ идти“... думалъ онъ.

Тихо и пусто было во всемъ городѣ. На небѣ была непроглядная пелена блѣдныхъ тучъ. Не было луны, не было звѣздъ. Медленно уходили назадъ темные дома, съ закрытыми, слѣпыми окнами, и холодныя деревья, облѣпленные черной тьмой. Скоро Ланде вышелъ въ поле. Вѣтеръ рванулъ полы его подрясника и зашумѣлъ въ ушахъ протяжно и уныло. Пусто, широко и холодно раскинулось вокругъ безконечное поле. Тучи шли, казалось, еще дальше, еще выше. На темныхъ буграхъ уныло качалась сухая

травы. Въ душу Ланде вошло необъятное чувство простора, и вмѣстѣ съ нимъ вошло и отчетливое сознание, что ему не дойти. Но вошло оно безъ сомнѣнія, безъ тоски и отчаянія, напротивъ, ему стало легко и свободно, какъ будто именно этимъ онъ сталъ на прямой путь, наконецъ уже прямо ведущій къ цѣли, и сердце его сладко сжалось, точно въ предчувствіи свѣтлой радости.

Но это было только сознание, а не мысль. Въ мысли его стоялъ только образъ больного, страдающаго человѣка, къ которому онъ шелъ, и онъ не думалъ, что съ нимъ самимъ будетъ впереди, какъ не чувствовалъ жалости и печали о томъ, что оставялъ. Въ сердцѣ его было свѣтло и оттого вездѣ было свѣтло. Легкими, быстрыми шагами, точно упругая земля сама отталкивала его ноги, шелъ онъ впередъ, по широкой, мягкой дорогѣ, радостно и удивленно оглядываясь кругомъ и радостно прислушиваясь ко всякому звуку степи, приносимому уныло шумящимъ вдоль дороги одинокимъ вѣтромъ.

Настало утро, потомъ день, опять ночь и опять утро. Пять дней онъ шелъ деревнями и ночевалъ у мужиковъ, смотрѣвшихъ на него недовѣрчиво и угрюмо и неохотно пускавшихъ его къ себѣ. Съ нимъ мало кто говорилъ, потому что мало кто его понималъ, хотя онъ просто и легко заговаривалъ со всѣми. Старухи, подперевъ высохшія щеки рукою, спрашивали, откуда онъ идетъ и не отъ Серафима ли; а мужики только косились и отмалчивались. На пятый день огромный, черный мужикъ, съ черной, точно вырубленной топоромъ, бородой и злыми глазами, сказалъ ему угрюмо:

— Проходи, проходи, а то и къ уряднику недолго... Много васъ тутъ шляется!

И было въ этомъ что-то такое недружелюбное, непонимающее, чужое, что Ланде стало страшно и жалко. Широко раскрытыми глазами онъ всматривался въ деревню, и она проходила мимо, такая же обособленная, непонятная и убогая, и богатая жизнью, какъ тѣ огромныя пестрыя стада, которыя медленно поворачивали къ нему рогатыя могучія головы

и провожали его таинственными, большими глазами, когда онъ проходилъ мимо. Съ любовью и умиленіемъ смотрѣлъ Ланде на этихъ людей, похожихъ на воловъ, и на этихъ воловъ, похожихъ на какихъ-то странныхъ людей, и чувствовалъ себя еще далекимъ, еще ненужнымъ и непонятнымъ имъ. Было грустно и мечтательно хотѣлось заглянуть куда-то вдаль. Но взоръ былъ тупъ и безсиленъ, и было тяжело. Только когда въ полѣ было совсѣмъ пусто и солнце на всемъ необъятномъ просторѣ свѣтило, казалось, для него одного, Ланде было совсѣмъ весело, хорошо и легко. Но это было рѣдко, потому что по всѣмъ направленіямъ, въ безсчетномъ количествѣ, какъ муравьи, копошились люди.

И когда ему указали ближайшую дорогу черезъ лѣсъ, и лѣсъ выступилъ передъ Ланде зубчатой стѣной, и онъ вошелъ въ его торжественную и тихую зелень,—ему стало радостно, и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ облегченіе оттого, что не было здѣсь нигдѣ озабоченнаго, затаеннаго, непонятнаго человѣческаго лица.

Цѣлый день онъ шелъ по чуть намѣченному, заросшимъ лѣснымъ колеямъ, и цѣлый день вокругъ него стояли только высокія, задумчивыя деревья и во всѣ стороны углублялась ихъ прозрачная, зеленая глубина. Беззвучныя птицы неслышно перепархивали вокругъ него, какъ будто притворяясь, что не замѣчаютъ человѣка. Гдѣ-то трещали вѣтки, точно по лѣсу шелъ кто-то, не человѣкъ.

Потомъ лѣсъ сталъ рѣдѣть, потянуло сыростью и еще непонятной, но ясно ощутимой силой, что-то заблестѣло между деревьями. Это была большая глубокая, многоводная рѣка. Только у самыхъ береговъ росла зеленая осока, таинственно раскачивающая надъ глубиной узкими, какъ зеленыя острия сабли, листьями; а огромная масса воды, полной и свободной, медленно и гладко текла, чистая и широкая. На той сторонѣ стоялъ сплошной стѣной такой же темно-зеленый лѣсъ, и сзади надвигались молчаливыя деревья, вытягивая къ рѣкѣ узловатыя вѣтви, точно колдую надъ темной глубиной.

Было пусто, и долго было пусто, и Ланде задумчиво сидѣлъ на берегу. Потомъ вдоль берега неслышно заскользилъ челнокъ, такой же зеленоватый, сырой и дикій, какъ стволы деревьевъ, а въ немъ стоялъ на колѣняхъ мокрый и тоже зеленый, корявый мужикъ. Онъ не нарушалъ покоя рѣки и лѣса, а сливался съ ними, такъ что глазъ не останавливаясь скользилъ по немъ, какъ и по осоку, и по водѣ, и по небу.

— Дѣдушка! крикнулъ Ланде, вставая на берегу.

На той сторонѣ, въ лѣсу, кто-то прокричалъ тоненькимъ, страннымъ, гулкимъ голосомъ:

— У... а—а! И смолкъ гдѣ-то страшно далеко, точно подхватилъ рѣдкіе звуки и быстро унесъ ихъ въ глубину лѣса.

Мужикъ положилъ весло на колѣни, поперекъ челнока, и челнокъ долго скользилъ самъ, оставляя за собой узкую серебристую ниточку, звенѣвшую, какъ стеклянная.

— Ась! отозвался мужикъ.

— А-а!... акнулъ въ лѣсу подкравшійся, и опять торопливо убѣжалъ въ чашу...

Потомъ мужикъ долго гребъ черезъ рѣку, а Ланде сидѣлъ на носу челнока, длинной, черной полоской отражаясь въ водѣ.

— Далече ли идешь? спросилъ мужикъ глуховатымъ, лѣснымъ голосомъ.

— Далече, охотно отвѣтилъ Ланде.

Мужикъ посмотрѣлъ на него маленькими быстрыми, лѣсными глазками.

— Такъ... сказалъ онъ, пересталъ грести и смотрѣлъ въ воду.

— Сказываютъ, въ Сибири много вольготнѣе... заговорилъ онъ неожиданно, какъ будто то, что сказалъ Ланде, было въ связи съ его долгой, упорной думой.—Такъ-то вотъ, ходитъ народъ искать, гдѣ лучше... Оно точно, податься некуда, а только ни къ чему это... Правды искать идутъ, а правды-то нигдѣ нѣтъ... Все одно, здѣсь ли, тамъ ли, а только ты себѣ живешь, вотъ какъ я, къ примѣру, въ лѣсу... думаешь, окромя Бога надъ тобой никого

нѣтъ... Все отъ Бога, и ты самъ къ Богу, помощи больше никто не подастъ; анъ нѣтъ, придетъ незнамо кто, незнамо зачѣмъ, и беретъ... Народъ темный, не зна, можетъ, и надо такъ, кто его знаетъ!.. Думка-то есть, да кто ее скажетъ!.. Такъ-то вотъ, вѣкъ спину гнешь, напиралъ, глядишь, только-только вздохнулъ, Бога вспомнилъ, разъ!—и нѣтъ ничего!.. А опосля того въ кабакъ, потому невозможно... Правды нѣтъ, милый человѣкъ, нѣтъ... А тутъ, тамъ, все едино, земля вездѣ одна!.. говорилъ мужикъ убитымъ, монотоннымъ голосомъ, съ той скрытой страстью, которая безъ крика кричитъ объ изстрадавшейся въ конецъ душѣ.

— Правда въ самомъ человѣкѣ, скорбно сказала Ланде,—а не въ землѣ. Надо любить и жалѣть прежде всего другъ друга, а остальное потомъ все будетъ!

Мужикъ мрачно усмѣхнулся.

— Знаемъ мы, милый человѣкъ, что будетъ!— какъ будто не придавая этому значенія, какъ неизбѣжному, какъ тому, что завтра непременно будетъ день, сказалъ онъ.—А теперь какъ жить вотъ ты что скажи!.. Любить, говоришь... Гдѣ ужъ тутъ любить, когда иной разъ за корку хлѣба, скажемъ, глотку бы перервалъ!.. Вотъ.

Мужикъ замолчалъ и съ затаенной ненавистью прибавилъ:

— Господамъ-то оно хорошо говорить... Господамъ да попамъ! Нѣтъ, ты вотъ тутъ правду-то поищи!—злбно заговорилъ онъ и, вмѣстѣ съ весломъ, ткнулъ къ Ланде свою корявую мозолистую, сплошь изъѣденную рыбьею солью руку.

— Такъ-то... другимъ голосомъ, тихимъ и печальнымъ, помолчавъ, заговорилъ онъ.—Богу-то виднѣй, куда дѣло идетъ!.. Тѣмъ и живемъ, а то бѣ... Нѣту на свѣтѣ правды, а можетъ, въ томъ-то и дѣло все: Богу-то правда нужнѣй сытости, затѣмъ люди и муку принимаютъ, что черезъ нее правда на землѣ идетъ!.. Такъ ли, милый человѣкъ?

— Такъ, такъ!.. радостно отвѣтилъ Ланде, кивая головой.—Все, что на свѣтѣ есть, и науки всѣ, и дѣла всѣ, и мысли всѣ,—все движется страданіемъ... Не будь муки, остановилось бы все и душа бы умерла!

Челнокъ ткнулся о берегъ. Ланде медленно и нерѣшительно вылѣзъ наверхъ. Мужикъ остался внизу. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Что-то крѣпкое и сильное протянулось между ними, и были въ эту минуту они и близки, и далеки другъ другу, какъ два конца туго натянутаго каната; чувствовалось жгучее и властное желаніе что-то сказать, что-то важное, соединяющее; но ничего нельзя было выразить, потому что не было словъ, одинаково сильныхъ и одинаково понятныхъ для обоихъ—мужика и Ланде.

— Прощай, дѣдъ! грустно сказала Ланде.

Мужикъ угрюмо пробормоталъ что-то непонятное, оттолкнулся отъ берега и опять заскользилъ по рѣкѣ, корявый, зеленый и мокрый, какъ водяной корень. Ланде долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока онъ беззвучно не уплылъ за поворотъ и пока не сгладилась на широкомъ водномъ зеркалѣ длинная серебристая полоска. Опять стало Ланде тяжело, грустно и опять захотѣлось уйти въ зеленую чашу.

Къ вечеру онъ сбился съ дороги, набрелъ на старый, брошенный шалашъ и остался въ немъ ночевать.

Ночь была холодная, колющая, и Ланде плохо спалъ отъ холода и усталости.

Туманъ, который всю ночь густой бѣлой пеленой стоялъ между неподвижными, высокими деревьями, тронулся къ утру и посѣрѣлъ. Что-то неуловимое дрогнуло въ воздухѣ, и все проснулось легко и быстро, точно по уговору. Какая-то птица слабо чирикнула, будто спрашивая кого-то о чемъ-то. Ворона, тяжело снявшись съ отсырѣвшей вѣтки и неуклюже цѣпляясь мокрыми отъ росы крыльями за тонкія вѣточки, полетѣла между деревьями, не

погружаясь внизъ, въ туманъ. Вздогнула трава и шевельнулись листья, и вдругъ сразу стало радостно свѣтлѣть. Туманъ рѣшигательно заколыхался вверхъ и внизъ, будто волнуясь, и вытянулся въ легкіе колеблющіеся столбы, торопливо и неслышно заходившіе между стволами деревьевъ, какъ таинственные воздушные призраки между колоннъ высокаго, холоднаго храма. Съ неслышнымъ звономъ разлились въ воздухѣ нѣжные, розовые отблески.

Ланде вылѣзъ изъ шалаша, и его тонкая, черная фигура вытянулась надъ блѣдно-зеленымъ папоротникомъ, какъ черный зигзагъ въ бѣлой мглѣ. За ночь онъ сильно продрогъ, и лицо у него было блѣдное, сѣрое, измятое. Онъ оглянулся кругомъ, и въ первую минуту ему показалось странно и одиноко въ колышущейся мглѣ.

Но утро все больше и больше свѣтлѣло. Туманъ безслѣдно и покорно таялъ. Блѣдные и прозрачные призраки неслышно убѣгали куда-то отъ наступающихъ розовыхъ стрѣлъ. Близко и далеко начался невидимый, могучій хоръ лѣсной жизни. Верхушки деревьевъ вспыхнули густымъ, розовымъ огнемъ, а надъ ними ярко заголубѣло небо. И Ланде весь проникся живымъ тепломъ и свѣтомъ, разливающимся повсюду.

Ему не хотѣлось идти отсюда. Онъ сѣлъ возлѣ шалаша на землю и сидѣлъ тихо, напряженными, радостными глазами наблюдая кругомъ.

День подымался. Его яркій, безконечно могучій и живой свѣтъ грѣлъ сердце. Ланде то сидѣлъ, то лежалъ подъ деревомъ, съ котораго на него сыпались легкіе золотые листья, и жадно слѣдилъ за новой для него, таинственной жизнью лѣса. И ему казалось, что смутно началъ онъ постигать ее.

Все глубже охватывалъ его радостный покой и все ~~больше~~ больше слабѣло тѣло.

Онъ замѣтилъ эту слабость и поѣлъ; но ѣда не шла въ горло, и послѣ ѣды онъ ослабѣлъ еще больше. Ланде всталъ на ноги, но идти не могъ: странная, истомная слабость дрожала у него въ

колѣняхъ, голова чуть кружилась, была тяжела, а сердце билось тихо и рѣдко.

„Я нездоровъ“... подумалъ Ланде, безъ страха и удивленія, какъ будто ждалъ этого, и ему казалось, что онъ, точно, ждалъ и зналъ. „Должно быть, ночью простудился,—машинально сообразилъ онъ,—надо остаться здѣсь.“

Смутная покойная радость тихо стала подыматься въ его душѣ.

„Чему я радъ?“ улыбаясь самъ себѣ, спросилъ Ланде. „Тому ли, что надо еще оставаться здѣсь, или чему-то другому?.. Не знаю... а только, какъ свѣтло, тихо, какъ хорошо!..“

Цѣлый день онъ безъ опредѣленныхъ мыслей, весь въ созерцательномъ, ласковомъ чувствѣ, смотрѣлъ передъ собою.

Такъ было много свѣта, красокъ, прозрачности и жизни, что счастье и умиленная тоска жгли его глаза.

Гуль лѣсныхъ голосовъ непрестанно шелъ по лѣсу; но, кромѣ молчаливыхъ птичекъ съ зелеными хвостиками, Ланде не видалъ никого. Въ самый полдень уже, изъ лѣсу, по ту сторону папоротниковъ, вышелъ худой всклокоченный медвѣдь. Маленькіе черные глазки его смотрѣли на Ланде внимательно и серьезно. Онъ сѣлъ на заднія лапы, слегка повель шей, вздохнулъ и опять уставился на Ланде. Все кругомъ было тихо и ясно. Какая-то птица тихо ворошилась вверху, между зелеными, сквозившими на небѣ, вѣтками.

— Господи, какъ хорошо! повторилъ себѣ Ланде, и глаза у него стали мокрыми.

Медвѣдь издалъ странный, точно всхлипывающій звукъ и опять повель шей.

— Милый! сказалъ Ланде, и ему страшно захотѣлось подойти и приласкать медвѣдя по бурой, облѣзшей клоками, шерсти. Но онъ побоялся испугать его.

То, что медвѣдь можетъ броситься на него, не приходило ему въ голову, потому что въ душѣ его

было такъ тихо и кротко, что ничто грубое, жестокое и злое не входило въ нее.

„Хлѣба ему дать?“ подумалъ Ланде, и самъ засмѣялся этой мысли.

Медвѣдь тяжело и протяжно вздохнулъ, посмотрѣлъ своими черными глазами, всталъ и, легко переваливаясь, пошелъ въ лѣсъ. Ланге было грустно и весело смотрѣть, какъ онъ уходилъ между высокими, какъ колонны, деревьями.

„Тутъ бы и умереть“... подумалъ вдругъ Ланге съ теплыми слезами.

И мысль о смерти, съ отчетливымъ, круглымъ сознаниемъ ея близости, властно, но спокойно вошла въ его душу.

„А Вася?“ вспомнилъ онъ; но мысль эта тихо вспыхнула и растворилась въ радостномъ, могучемъ сиянiи дня, точно ушла къ кому-то властному.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и по всему лѣсу шель долгій, непрестанный шумъ. Иногда казалось, что вблизи, за кустомъ, кто-то всхлипываетъ и плачетъ тоненькимъ, серебристымъ плачемъ. А потомъ становилось слышно, что то вода звенить.

Ланде лежалъ въ шалашѣ. Мокро, душно и непроницаемо-темно было вокругъ. Иногда ему казалось, что онъ лежитъ въ безконечной пустотѣ; тогда Ланде съ трудомъ поднималъ горячую, дрожащую руку, у самага лица натыкался на невидимая, намокшія, тяжелыя вѣтви, и на его лицо падали крупныя холодныя капли. Голова горѣла, страшный ознобъ рвалъ все тѣло, и Ланде безсильно корчился на землѣ, напрасно стараясь согрѣться подъ мокрымъ подрясникомъ. Передъ открытыми глазами во мракѣ сыпались огненные искры и крутились золотые круги. Физическая тоска сжимала сердце.

„Я умираю“... Подумалъ Ланде. „Такъ... Господи, да будетъ воля Твоя!“

Отъ холода, отъ боли онъ плакалъ. Одинокія, никому незримыя, капали горячія слезы на мокрую

землю, попадали въ ротъ, на судорожно колотившіеся зубы.

— Господи, Господи!.. тихо позвалъ онъ, и этотъ одинокій звукъ былъ такъ страненъ во мракъ и лѣсу, что ему самому показалось, будто все стихло на мгновеніе; стихло и прислушивалось; а потомъ еще сильнѣе, и близко, и далеко, зашумѣлъ по лѣсу дождь и захлупала вода.

Ланде забылся, неподвижно скорчившись на землѣ, колѣнами въ подтекшей холодной лужѣ. Былъ бредъ.

Изъ мрака выглянула большая заячья голова. Длинные уши были прижаты назадъ и красные глаза въ упоръ смотрѣли на Ланде. Что-то ужасное, насмѣшливое и злое было въ этой молчащей головѣ. Она тихо, медленно, чуть замѣтно, кивала Ланде. Вдругъ все вокругъ освѣтилось желтымъ свѣтомъ, точно гдѣ-то близко, за спиной, стала невидимая лампа, и при ея странномъ свѣтѣ Ланде, какъ будто со стороны, увидѣлъ свое тѣло, скорченное въ лужѣ, безобразное и жалкое, облипшее мокрымъ чернымъ подрысникомъ, грязное, несчастное, какъ червь. Страшная мука и страхъ приблизились къ сердцу Ланде. Съ дикимъ, нелѣпымъ крикомъ онъ сѣлъ, стукнувшись головой о вѣтки, Цѣлыя струи холодной воды полились на него, но онъ не очнулся. Масса знакомыхъ лицъ, живыхъ блестящихъ глазами, безконечной лентой, уходящей вдаль, стала приближаться къ нему. Они подходили, наклонялись къ нему, смотрѣли и отходили, а за ними шли новыя. Лампа уже не стояла за спиной Ланде, а какъ будто отъ него самого шелъ слабый, но ясный свѣтъ и ложился на наклоняющіяся къ нему лица все дальше и дальше, во всѣ стороны. Стало тихо и хорошо. А потомъ опять засвѣтилась лампа, и опять корчилось черное, какъ раздавленный червякъ, тѣло и опять чуть-чуть кивала заячья голова.

Не мысль, и не бредъ, и не чувство, а яркій свѣтъ какого-то чудеснаго проникновенія пронизалъ воспаленный мозгъ Ланде, и въ ту же минуту вся

жизнь его раскололась на-двое: будто что-то громадное, свѣтлое и чудесное въ своей непонятности, что онъ дѣлалъ всю жизнь, отошло отъ него и медленно расплылось, наполняя все вокругъ; а острое страданіе, одинокое, непобѣдимое и послѣднее, схватило его, впустило острые когти и страшно придавило къ землѣ.

— А... а!.. слабо и тоненько прокричалъ во мракѣ Ланде.

Рязанскіе мужики, плотники, пробираясь на родину, въ лѣсу, далеко отъ жилья, наткнулись на мертваго человѣка.

Трупъ лежалъ въ шалашѣ, набросанномъ изъ сухихъ и вялыхъ вѣтокъ, поджавъ ноги и скрючивъ пальцы рукъ. Голова, на длинной, тонкой шеѣ, повернулась такъ, что лица не было видно. На немъ былъ черный подрясникъ, слежавшійся въ грязные комья; одна нога почему-то была босая. Отъ трупа шель тяжелый мертвый запахъ и странно и страшно мѣшался съ тонкимъ и сладковатымъ запахомъ вянущаго папоротника, которымъ поросло это мѣсто.

Одинъ изъ плотниковъ, рыжій, высокій мужикъ потрогалъ ногу трупа носкомъ сапога. Мертвая ступня чуть-чуть шевельнулась и замерла.

— Померши... глубокомысленно проговорилъ мужикъ, почесалъ затылокъ, постоялъ, и вдругъ, съ искажившимся отъ страха и непонятной ему самому мучительной злобы лицомъ, дернулъ и потащилъ трупъ изъ шалаша за ногу. Голова закачалась и запрыгала по землѣ, руки шлепнулись на землю какъ будто тяжело всплеснули, и поволоклись, ковыряя пыль. И сразу пахнуло такимъ ужаснымъ, омерзительнымъ запахомъ, что мужиковъ шатнуло.

— О, чортъ! удивленно сказалъ рыжій мужикъ, какъ будто этого никакъ нельзя было ожидать.

Мужики стояли и смотрѣли.

Горько и одиноко лежалъ трупъ, прямо передъ собой глядя въ далекое небо мертвыми, мутными, какъ будто отъ тяжкихъ слезъ, глазами. Холодный

и нѣмой, съ навсегда сжатыми губами, безъ словъ говорящими о страшной тайнѣ, онъ какъ будто распространялъ вокругъ себя, вмѣстѣ съ тяжелымъ запахомъ, скорбное молчаніе. На груди у него разорвалась черная матерія, желтѣла изсохшая, какъ глина, кожа, къ которой плотно налили сухіе листья и сѣрая грязь и казалось, что это земля ужъ охватила его своими сѣрыми шупальцами и медленно и неуклонно уже тянетъ въ себя.

Долго стояли мужики и смотрѣли, какъ будто не находя того, что было нужно. Наконецъ, сѣдой и величавый мужикъ вздохнулъ, снялъ шапку и перекрестился. Перекрестился разъ, подумалъ, сказалъ:—Вѣчная, значить, память!.. и перекрестился еще два раза. И всѣ мужики, поспѣшно, точно сваливая съ себя страшную, томительную тяжесть, поскреживали шапки и замелькали въ воздухѣ пальцами.

Потомъ пошли гуськомъ, не глядя назадъ.

И имъ еще долго казалось, что желтый лѣсъ, и солнечный свѣтъ, трава и высокое небо, какъ будто невидимымъ чернымъ налетомъ, скованы тяжелымъ молчаніемъ. Но на самомъ дѣлѣ все было радостно, свѣтло сверкало и переливалось въ свѣтѣ солнца вѣчно живой, свѣжей и веселой въ самой смерти своей зеленью.

Шедшій сзади всѣхъ мужикъ украдкой обернулся и далеко уже позади, изъ-за куста, золотого и яркаго, увидѣлъ блѣдный силуэтъ изсохшей, неподвижной ноги.

На этомъ мѣстѣ, изъ года въ годъ, особенно густо и радостно росъ папоротникъ.

М. Арцыбашевъ.

К. Н. Льдовъ.

* * *

Есть лица странныя: въ нихъ смутно выраженье,
Ихъ не ваялъ рѣзецъ губительныхъ страстей
И пламенной души живое отраженіе
У нихъ не свѣтитъ изъ очей.

Но что-то къ нимъ влечетъ. Таинственной загадкой
Исполнены, какъ сонъ, неясныя черты,
И вѣтъ мнѣ отъ нихъ какой-то нѣгой сказки,
Какой-то нѣгой красоты.

И долго я смотрю, слѣжу пытливымъ взоромъ
Подъ блѣднымъ облакомъ—иной, прекрасный ликъ,
И сердце, смущено безмолвнымъ разговоромъ,
Изобрѣтаетъ свой языкъ.

И какъ-то станеть вдругъ такъ памятно, что были
Мы родственны уже въ невѣдомомъ краю,
Какъ будто на землѣ мы снова пережили
Любовь небесную свою...

К. Н. Льдовъ.

Облака.

Вь лазури таетъ сизый дымъ,
Пронизанъ солнцемъ золотымъ...
Хрустальный замокъ тонетъ въ немъ,
Охваченъ розовымъ огнемъ,
А тамъ, взлетѣвъ на небеса,
Въ туманѣ рѣютъ паруса
Воздушно-алыхъ кораблей...
Въ дыму лазуревыхъ полей
Трепещугъ крылья дивныхъ птицъ,
Сквозятъ черты прекрасныхъ лицъ.
Сквозятъ и манятъ въ синеву—
Любить и грезить наяву.
Поэтъ, учись у облаковъ!
Имъ нѣтъ покоя, нѣтъ оковъ;
Какъ блескъ живого серебра,
Неистошима ихъ игра;
Но ихъ свободно игрой,
Какъ міромъ, править Божій строй.
И ты будь воленъ и пытливъ,
Восторгомъ душу окрыливъ,
Ищи небеснаго пути,
Но трепеть сердца воплоти
Въ такія свѣтлыя черты,
Чтобъ въ нихъ сквозили: Богъ и ты.

К. Н. Льдовъ.

* * *

Полюби въ себѣ безъ спора
Духъ мятежный, духъ раздора,
Бойся ровнаго блаженства:
Счастье чуждо совершенства
И въ довольствѣ нѣтъ простора.

Нѣтъ простора, нѣтъ исканья;
Ни сомнѣнья, ни признанья,
Нѣтъ невѣрія, ни вѣры,
Но любовь границъ и мѣры—
Страхъ возможнаго страданья.

Нѣтъ противнѣй жизни сытой,
Безопасной и укрытой
Отъ волненій думъ тревожныхъ
Броней мыслей осторожныхъ,
Незамѣтной, не забытой.

Убѣжденье въ правдѣ вѣчной,
Благородной, безупречной
И увѣренность, и твердость,
И презрительная гордость,
Съ добродѣтелью безпечной,

Нѣтъ уродливѣй и гаже!
Заблужденья, страсти, даже
Прегрѣшенья и пороки
Не противны, не жестоки,
Какъ умѣренность на стражѣ

Чувствъ и мыслей, и хотѣній,
Безразсудныхъ дерзновеній,
Беззастѣнчивыхъ ошибокъ,
Безбоязненныхъ улыбокъ,
Безполезныхъ разсужденій...

Жаждать нужно и томиться,
Волноваться и стремиться,
Заблуждаться безпредѣльно,
И любить другихъ безцѣльно,
И съ собою не мириться...

Сергѣй Рафаловичъ.

П р и л и в ъ .

Какъ глухо, какъ грозно, подъ пологѣмъ мглы,
Закрывшей далекій восходъ,
Ревуть, и грохочутъ, и стонутъ валы
На лонѣ разгнѣванныхъ водъ!
Тамъ сыплются брызги сквозь влажный туманъ,
Подъ вѣтра назойливый вой.
Загадочный, буйный, сѣдой океанъ
Сердито трясеть головой.

Здѣсь въ гавани тихо, какъ въ рамкѣ пруда,
Какъ въ скучномъ, уныломъ гробу.
Косматая буря снаружи сюда
Свою не доносить борьбу.
Здѣсь воды застыли въ оградѣ нѣмой,
Какъ чаша литого свинца,
И старыя барки съ прогнившей кормой
У ржаваго дремлютъ кольца...

Корабль нашъ оконченъ. Онъ—чудо-краса,
На зависть безумныхъ враговъ,
Какъ бѣлая чайки, его паруса
У сонныхъ взвились береговъ.
Въ него мы вложили свой трудъ и досугъ
И знаній холодный расчетъ,
Мы до крови руки истерли объ стругъ,
Отъ вѣчныхъ изсохли заботъ.
Зато мы достигли работы конца:
Недаромъ у насъ торжество.
Корабль нашъ прекрасный достоинъ вѣнца,
Никто не обгонитъ его...

Бока мы красиво срубили ему
Изъ бѣлыхъ, нарядныхъ березъ,
Изъ бука связали крутую корму,
И выгнули лебедемъ носъ.
И сталью одѣли широкую грудь,
И пушки поставили въ рядъ,
И, прежде чѣмъ флагъ въ вышинѣ развернуть,
Мы въ каждую вбили зарядъ.

И геній Свободы стоить на носу,
Онъ факель вознесъ, какъ маякъ.
Тотъ факель на море кладеть полосу
Лучей, разгоняющихъ мракъ.
И вѣщее имя на правомъ борту
Кудрявую выплело вязь.
То имя вскрываетъ святую мечту,
Даруетъ намъ братскую связь,
То имя смиряеть усталость и боль
И дышитъ отрадой живой.
То имя—Надежда: нашъ смѣлый пароль,
Торжественный кличъ боевой...
Здѣсь въ гавани мелко. Съ неровнаго дна
Торчитъ вереница камней.
И бурая тина повсюду полна
Останками тлѣющихъ пней.
Какъ выйти отсюда на пѣнистый путь.
Безбрежной равнины морской?
Какъ плѣнь свой разрушить и смѣло стряхнуть
Тупой, ненавистный покой?
Закованъ цѣпями нашъ страстный порывъ;
Напрасно реветъ ураганъ...
Проснись же, могучій, стихійный приливъ!
На помощь иди, океанъ!..

Встань, приливъ! Твой часъ урочный
Ужъ давно пробилъ.
Просвѣтлѣлъ туманъ восточный...
Дольше ждать нѣтъ силъ.

Этотъ гнетъ безсильной боли
Горше, чѣмъ позоръ.
Помоги же изъ неволи
Выйти на просторъ!

Закипи живой отвагой,
Радостью взыграй!
И пролейся шумной влагой
Черезъ плотины край.

Затопи безслѣдно мели,
Камни съ мѣста срой,

Вольный путь къ завѣтной цѣли
Кораблю открой!..

Поскорѣй бы намъ увидѣть
Первую волну:
Мы устали ненавидѣть
Тьму и тишину.

Жажда жизни и движенья
Насъ зоветъ впередъ...
Встань, приливъ, создай теченье!
Мы, не медля ни мгновенья,
Двинемся въ походъ!..

Танъ.

Не страшно.

Боль сердечныхъ ранъ
И тоска растетъ.
На поляхъ—туманъ.
Скоро ночь сойдетъ.
Ты уйдешь, а я
Буду вновь одинъ...
И пройдетъ, грозя,
Межъ лѣсныхъ вершинъ
Великанъ сѣдой;
Закачаетъ лѣсъ,
Склонъ ночныхъ небесъ
Затѣнитъ бѣдой.
Страшенъ мракъ ночной,
Коли нѣтъ огня...
Посиди со мной,
Не оставь меня!..
Буйный вѣтеръ спитъ.
Ночь летитъ на насъ...

Андрей Бѣлый.

С О Н Ъ.

Мнѣ снится: съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ недвижимъ;
Событія міра, картиной живой,
Мѣняясь, идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ...
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной, могучей рукой,—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой...

Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, Креста,
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ...
Средь стонovahъ, проклятій „Те Деум“ гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви...
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжелой баронской пятой,—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.

Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ еиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ, идетъ по волнамъ.

Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

Н. В. Симборскій.

Ожиданіе.

Изъ глухихъ переулковъ мы выбрались прочь.
Старый городъ за нами тревожно слѣдитъ...
Злое дѣло замыслила темная ночь
И свой замыселъ втайнѣ хранить.

Всѣ мы были сегодня у нихъ на виду...
Безпокойное сердце въ тоскѣ говоритъ:
„Кто-нибудь попадется, навѣрно, въ бѣду,—
Старый городъ недаромъ молчитъ!..

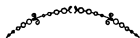
Осторожная тѣнь промелькнетъ за угломъ,
Подъ ногами случайно снѣгъ хрустнетъ звончѣй:
Въ напряженномъ молчаньи мы быстро идемъ...
Не мигаютъ огни фонарей.

Грузной массой встаетъ передъ нами соборъ,
За колоннами мутная площадь видна.
Тускло бродитъ во мглѣ чей-то пристальный взоръ,—
Это смотреть на насъ тишина.

Блѣдный, сдержанный мѣсяцъ на небѣ погасъ...
Притворяется городъ, что нѣмъ онъ и глухъ.
Ночь кого-то, какъ воръ, намѣчаетъ изъ насъ,
И встревоженно-тонкимъ становится слухъ..

Всѣ мы были сегодня у нихъ на виду...
Въ душу острая мысль заползаетъ змѣей:
„Кто-нибудь попадется, навѣрно, въ бѣду...
Говорю: не ходите домой!“

В. Башкинъ.

Артистъ А. И. Южинъ (Нн. Сумбатовъ.)

МИГЪ СВОБОДЫ.

Vae victis!

Надъ угрюмою темницею, надъ оградой глухой,
Пробѣгаютъ вереницей тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно на свободѣ, въ безконечномъ хоро-
водѣ,
Наступать за ратью рать,—
Грохотать могучимъ громомъ, яркой молніи изломомъ
Дальній сумракъ озарять!
А за ними въ вихрѣ дикомъ, изъ ущелій темныхъ
горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ выбѣгаетъ на
просторъ...
То гудить въ степи безлюдной, будто въ бой послѣд-
ній, трудный
Трубятъ въ тысячи роговъ,—
То притихнетъ, будто внемлетъ, всѣ ли,
Кто въ темницѣ дремлетъ,
Откликаются на зовъ.
Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный слышенъ только
тихій стонъ,
Да—въ тревогѣ безнадежной—ржавой цѣпи скрипъ
да звонъ.—

И несется вѣтеръ снова, полный бѣшенства лихого,
 Черезъ долины и лѣса
И взвиваясь въ высь, за кручи, надуваетъ въ небѣ
 тучи,
 Точно въ морѣ паруса...
Съ нимъ уходитъ мигъ отрады... тише ропотъ, даль-
 ше вой.
Только громче вдоль ограды бродитъ зоркій ча-
 совой!

Ю. Балтрушайтисъ.

С К О Р Б Ъ .

„Есть скорбь прекрасная“...
 Надсонъ.

Сынъ мятелей и вьюгъ, сынъ снѣговъ серебристо-
 алмазныхъ,
Сынъ дремучихъ лѣсовъ и безбрежно-широкихъ по-
 лей,
Я люблю свою скорбь,—свое солнце,—
Я молюсь только ей...
Бѣлымъ, нѣжнымъ цвѣткомъ, ароматнымъ и дѣв-
 ственно чистымъ
Расцвѣтала она въ истомившемся сердцѣ моемъ
Подъ рыдающей хохотъ мятели,
Подъ тюремнымъ окномъ.
Шла со мною она и въ мучительный холодъ изгнанья,
Шла со мною она и въ загадочный мракъ рудниковъ,
Согрѣвала усталую душу
Въ темномъ царствѣ оковъ.
И въ молчаньи ночномъ все шептала красивыя сказки,
Пѣла тихія пѣсни о сладости познанныхъ мукъ,
Какъ посланница добраго Бога,
Какъ невѣдомый другъ.
Сынъ мятелей и вьюгъ, сынъ снѣговъ серебристо-
 алмазныхъ,

Сынъ дремучихъ лѣсовъ и безбрежно-широкихъ
полей,

Я люблю свою скорбь,—свое солнце,—
Я молюсь только ей...

Г. Вяткинъ.

У Т Е С Ъ.

Утесъ посѣдѣлый, величія гордаго полный,
Склонился въ раздумьи надъ бездною моря шумящей:

Къ подножью его набѣгаютъ могучія волны,
Ревутъ, и бушуютъ, и брызгаютъ пѣной блестящей.

Вдали ужъ другія спѣшатъ отраженнымъ на смѣну,
Косматою стаей несутся въ безбрежномъ просторѣ,
Какъ будто бы сдвинуть собрались гранитную стѣну,
Иль вызвать на бой ее хочетъ кипучее море...

И вѣтеръ играетъ, надъ моремъ проносятся тучи,
И сѣрыя чайки, взвиваясь, кричатъ зауныво...
Все бьется, шумитъ и сливается въ пѣснѣ могучей—
И къ жизни привольной въ ней слышится голосъ
призывный...

Напрасенъ призывъ и стремленія моря безплодны:
Не можетъ въ объятяхъ оно пробудить исполина!
Въ желѣзныхъ оковахъ стоитъ онъ, недвижимый, хо-
лодный.

Безмолвно тоскуя, склонившись надъ страстной пу-
чиной...

В. Л. Величко.

Черви.

Мнѣ страшно этой глупой тьмы,
Всосавшейся въ людей.

Не знаемъ мы, не видимъ мы,
Забыли мы, забыли мы,
Что каждый, каждый изъ людей
Есть всемогущій чародѣй,

Есть чародѣй.

Да, чародѣй!

У насъ есть крылья дикихъ птицъ,
А мы лишь червяки.
Для насъ есть небо безъ границъ,
Свобода, счастье безъ границъ,
А мы живемъ на днѣ рѣки,
Живемъ, какъ злые червяки,

Какъ червяки,

Да, червяки.

Безумны, горды, хороши
Душа и дикій умъ,
Но мы сдавили крикъ души,
И крикъ ума, и крикъ души;
Освобожденныхъ крыльевъ шумъ
Пугаетъ нашъ унылый умъ,

Унылый умъ,

Ничтожный умъ.

Мы въ Бога вѣрить не хотимъ,
Въ того, что въ насъ самихъ,
И мы другихъ боговъ творимъ,
Уродовъ-идоловъ творимъ.
А Богъ, живущій въ насъ самихъ,
Кричалъ намъ долго и затихъ.

Давно затихъ,

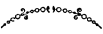
Навѣкъ затихъ.

И мы лежимъ на днѣ рѣки
И молимся богамъ.

И жизнь, святые дураки,
Беремъ, боясь, какъ червяки.
И свѣтъ, летящій къ небесамъ,
Кому-то свѣтитъ, но не намъ,

Не намъ, не намъ,
Не намъ, не намъ.

Иванъ Рукавишниковъ.

Сказка

Подъ темной сосною
Росъ блѣдный цвѣтокъ.
Ихъ вмѣстѣ весною
Ласкалъ вѣтерокъ.
Ихъ въ лѣтнія ночи
Кропила роса...
Но холодъ съ полночи
Дохнулъ на лѣса.
Въ далекія страны
Журавль улетѣлъ,
Сгустились туманы—
Цвѣтокъ захирѣлъ.
Къ землѣ онъ устало
Приникъ въ тишинѣ,
И жаль его стало
Могучей соснѣ.
Средь полночи мгlistой,
Участья полна,
Вершиной игlistой
Качнула она,
И голосъ побѣдный
Раздался изъ тьмы:
— „Не бойся, другъ бѣдный,
Холодной зимы!
Утѣшься въ кручинѣ
Примѣромъ моимъ:
Встрѣчала донинѣ

Я множество зимъ.
Прошли эти зимы;
Иныя пройдутъ,
Мои жъ невредимы
Всѣ вѣтви цвѣтутъ.
Лишь въ новой одеждѣ
Возстану отъ сна.
Ты также...*

Но прежде,
Чѣмъ смолкла сосна,
Надвинулись тучи
Съ холодныхъ небесъ,
И саванъ летучій
Спустился на лѣсъ.
И, снѣгомъ покрытый,
Цвѣтокъ навсегда
Исчезъ, позабытый,
Пропаль безъ слѣда...

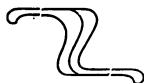
Н. Минскій.

* * *

Весна, опять весна на родинѣ моей!..
Веселые грачи и вербы цвѣтъ пушистый,
И мелкій листь березъ, дрожащій и душистый,
И влажная земля проснувшихъ полей..
Весна, опять весна... Но будутъ ли встрѣчать
Въ поляхъ ея приходъ надежды и молитвы?
Спать крѣпко пахари въ крови послѣдней битвы..
И не проснуться имъ, и никогда не встать..
Родное солнышко надъ ними не блеснетъ
Весенней радостной румяною зарею,
Ихъ грудь придавлена чужой сырой-землею
И сонъ ихъ стережетъ холодный небосводъ...

Г. Галина.

Протопопъ Аввакумъ.

I.

Горе вамъ, Никониане! вы глумитесь надъ Хри-
стомъ,—

Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутомъ!
Но Господь за угнетенныхъ въ гнѣвъ праведномъ
возсталъ,

И прольется надъ землею Божьей ярости фіалъ.

Нашу свѣтлую Россію отдалъ дьяволу Господь:
Пусть же выкупятъ отчизну наши кости, кровь и
плоть.

Укрѣпи меня, о Боже, на великую борьбу,
И пошли мнѣ мощь Сампсона, недостойному рабу...

Какъ въ пустынѣ вопіющій, я на торжищахъ взы-
валъ,

И въ палатахъ, и въ лачугахъ сильныхъ міра обли-
чалъ.

Помню, помню дни гоненья:—вотъ въ цѣпяхъ меня
ведутъ.

Къ нечестивому синклиту, какъ разбойника на судъ.

Сорокъ мудрыхъ іереевъ издѣвались надо мной,
И разжегся духъ мой гнѣвомъ—поднялъ крестъ я
надъ головой

И въ лицо злодѣямъ плюнулъ и, какъ зайцы по
кустамъ,
Все антихристово войско разбѣжалось по угламъ.
„Будьте прокляты!—я крикнулъ—вамъ позоръ изъ
рода въ родъ:
„Задушили правду Божью, погубили вы народъ!“
Но стрѣльцовъ они позвали, ополчились на меня.
Рѣчи полны дикой брани, очи—лютаго огня.
И, какъ волки, обступили, кулаками мнѣ грозятъ:
„Еретикъ насъ обезчестилъ, на костерь его!“ кри-
чатъ.
То не бѣсы мчатся съ крикомъ чрезъ болото и
пустырь,—
Чернецы везутъ разстригу Аввакума въ монастырь.
Привезли меня въ Андроньевъ, тутъ и бросили
въ тюрьму,
Какъ скотину, безъ соломы—прямо въ холодъ, смрадъ
и тьму.

II.

Я три дня лежалъ безъ пищи,—наступалъ четвер-
тый день...
Былъ то сонъ, или видѣнье,—я не вѣдаю... Сквозь
тѣнь—
Вижу двери отворились, и волною хлынулъ свѣтъ,
Кто-то чудный мнѣ явился, въ ризы бѣлыя одѣтъ.
Онъ принесъ коврижку хлѣба, онъ мнѣ далъ не-
много щецъ:
„На, Петровичъ, ѣшь, родимый!“ и любовно, какъ
отецъ,
Смотрить въ очи, тихо пальцы онъ кладетъ мнѣ
на чело,
И руки прикосновенье братски-нѣжно и тепло.
И счастливый и дрожащій, я припалъ къ его ногамъ
И края святой одежды прижималъ къ своимъ устамъ.
И шепталъ я, какъ безумный: „дай мнѣ муки
претерпѣть,
Свѣтъ-Христось, родной, желанный,—за тебя бы
умереть!..“

Если жь солнце въ щель заглянетъ и блеснетъ на
кирпичь,
И закружатся пылинки въ золотомъ его лучь,—
Я смотрѣлъ, какъ паутина сѣткой радужной горитъ,
И паукъ летунью-мошку терпѣливо сторожитъ.

На зарѣ я слушалъ часто, ухо къ щели приложивъ,
Какъ въ лазури крикъ касатокъ беззаботенъ и
счастливъ.

Сердцу воля вспоминалась, шумъ деревьевъ, небеса,
И далекая деревня, и родимые лѣса.

V.

Изъ Москвы велятъ указомъ, чтобъ на самый
край земли
Аввакума протопопы въ ссылку вѣчную везли.

Десять тысячъ верстъ въ Сибири, въ тундрахъ,
дебряхъ и лѣсахъ

Волочился я на дровняхъ, на телѣгахъ и плотахъ.

Ты одинъ, Владыка, знаешь, сколько мукъ я пере-
несъ;

Хлѣбъ не сладокъ былъ отъ горя, и вода горька
отъ слезъ.

На Шаманскихъ водопадахъ, на Тунгузкѣ я тонулъ,
Замерзалъ въ сугробахъ, лямку съ бурлаками я
тянулъ.

Безъ пріюта, безъ одежды насыщался я порой
То поганю кониной, то сосновою корой.—

Пять недѣль мы шли по Нерчи, пять недѣль—все
голый ледь.

Дѣтокъ съ рухлядью въ обозѣ лошаденка чуть везетъ.

Мы съ женою вслѣдъ за ними, убиваючись, идемъ:
Скользко, ноги еле держатъ. Полумертвые, бредемъ.

Протопопица, бывало, поскользнется, упадетъ.

На нее мужикъ усталый изъ обоза набредетъ,

Тоже валится, и оба на снѣгу они лежатъ,

И барахтаются въ шубахъ, встать не могутъ и
кричать:

„Задавилъ меня ты, батько!“—„Государыня, прости!“
Что тутъ дѣлать,—смѣхъ и горе! я спѣшу къ нимъ
подойти,

И бранить меня съ улыбкой, и бредеть она опять:
„Протопопъ ты горемычный, долго ль намъ еще
страдать?“

„—Видно, Марковна, до смерти!“ Тихо, съ ласко-
вымъ лицомъ,
—„Что жъ, Петровичъ“, отвѣчаетъ, „съ Богомъ даль-
ше побредемъ!“

VI.

Вижу—меркнетъ Божья вѣра, тьма полночная ра-
стетъ,

Вижу—льется кровь невинныхъ, братъ на брата
возстаетъ.

Что же дѣлать мнѣ? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь отъ гоненій, покориться и молчать?

Жаль мнѣ Марковны и дѣтокъ, жаль мнѣ свѣти-
ковъ моихъ:

Какъ ихъ бросить безъ защиты? горько, страшно
мнѣ за нихъ!

И сидѣлъ въ нѣмомъ раздумьи я, поникнувъ головой,
Но жена ко мнѣ подходитъ, тихо молвить: „что съ
тбой?“

„Отчего ты такъ кручиненъ?“—„Дорогая, жаль,
мнѣ васъ!“

„Чуетъ сердце: я погибну, близокъ мой послѣдній
часъ.“

„На кого тебя оставляю?..“ Съ нѣжной ласкою въ
очахъ—

„Что ты, Богъ съ тобой, Петровичъ“,—молвить,—
„тамъ, на небесахъ“

„Есть у насъ Ходатай вѣчный, ты же—бранный
человѣкъ.“

„Онъ, Заступникъ вдовъ и сиротъ, не покинетъ
насъ во-вѣкъ.“

„Будь же весель и спокоенъ, насъ въ молитвахъ
поминай,
„Еретическую блудню предъ народомъ обличай.
„Встань, родимый, что тутъ думать, встань, поди
скорѣй во храмъ,
„Проповѣдуй слово Божье!..“

VII.

Смерть пришла... Сегодня утромъ предъ народомъ
поведутъ
На костерь меня, разстригу, и съ проклятьями со-
жгутъ.

Но звучитъ мнѣ чей-то голосъ и зоветъ онъ въ
тишинѣ:

„Аввакумушка мой бѣдный, ты усталъ, приди ко Мнѣ!“

Дай мнѣ, Боже, хоть послѣдній уголокъ въ свя-
томъ раю,

Только бъ видѣть милыхъ дѣтокъ, видѣть Мар-
ковну мою.

Потрудился я для правды, не берегъ послѣднихъ
силъ:

Тридцать лѣтъ, Никониане, я жестоко васъ бранилъ,

Если чѣмъ-нибудь обидѣлъ,—вы простите дураку,

Вѣдь и мнѣ пришлось не мало натерпѣться, старику...

Вы простите, не сердитесь,—всѣ мы братья о Христѣ,

И за всѣхъ насъ, злыхъ и добрыхъ, умиралъ Онъ
на крестѣ.

Такъ возлюбимъ же другъ друга,—вотъ послѣдней
мой завѣтъ.

Все въ любви,—законъ и вѣра... Выше заповѣди нѣтъ.

Д. С. Мережковскій.

Вечерняя фантазія.

Когда прощалось солнце
Съ красавицей землей
И поцѣлуй съ деревьевъ
Срывало огневой,—
Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ,
Гдѣ стонуть кулики,
Лежалъ я одиноко
Надъ кручами рѣки.
Межъ гибкихъ лозъ кровавыхъ
Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грезы сердца
Безплотныя смѣшалъ.
Я видѣлъ въ небѣ дальнемъ
Бѣгущихъ тучъ стада;
Изъ нихъ росли въ лазури
Дворцы и города.
Кровавыми огнями
Сверкали башни тамъ,
И рыцари въ доспѣхахъ,
И тѣни стройныхъ дамъ
Толпились и бѣжали,
Играя и смѣясь,
Въ лучахъ багряныхъ солнца
Изъ синихъ тучъ родясь...
За далью дымокъ синихъ
Сверкла ширь озеръ,
А дальше... дальше тѣни
Голубоватыхъ горъ.
А вотъ и образъ милый:
Лазурь ея очей,
Она плыветъ съ улыбкой,
Вся въ золотѣ лучей,
Я руки къ ней невольно
Съ мольбою протянулъ,
Но... въ небѣ призракъ милый,
Какъ чайка, потонулъ!..
Средь гибкихъ лозъ кровавыхъ

Такъ долго я лежалъ,
Что съ жизнью грезы сердца
Безплотныя смѣшалъ.

Ө. Вербицкій.

* * *

Дни мои, какъ волны моря,
Тонуть въ безднѣ чувствъ и думъ;
Муки радости и горя
Заглушаютъ жизни шумъ.
Въ этой жизни многослезной
Счастливъ тотъ, кто жизнь свою
Съ общей скорбью, въ битвѣ грозной,
Слилъ въ могучую струю!
Только сильнымъ съ бурей спорить,
Разсыпая вихремъ смѣхъ...
О, какъ сладко бурѣ вторить,
Быть со всѣми и за всѣхъ!
Мнѣ ль, друзья, не внять напѣву
Въ вышинѣ летящихъ грозъ.
Буйныхъ волнъ мольбамъ и гнѣву?
Я во мракѣ бурь возросъ,
И когда проснулось море,
И вдали блеснулъ разсвѣтъ,—
Въ буйномъ съ непогодью спорѣ
Бурѣ бросилъ я привѣтъ!
— Здравствуй, гостя боевая,
Волнъ владычица живыхъ!
Долго ждалъ съ тоской тебя я,
Въ тайномъ гнѣвѣ думъ моихъ.
Я принесъ тебѣ всѣ слезы,
Я принесъ весь пылъ души
И ея святыя грезы,
Долго зрѣвшія въ тиши...

И. П. Каляевъ.

Артистъ К. С. Станиславскій.

* * *

Люди Солнце разлюбили, надо къ Солнцу ихъ
вернуть,
Свѣтъ Луны они забыли, потеряли Млечный путь.
Развѣнчавъ Царицу-Воду, отрекаясь отъ Огня,
Измѣнили всю Природу, замокъ Ночи, праздникъ Дня.
Въ тюрьмахъ думъ своихъ, въ сцѣпленьи зданій-скле-
повъ, словъ-могилъ
Позабыли о теченьи Чиселъ Вѣчности, Свѣтиль.
Но качнулось коромысло золотое въ Небесахъ,
Мысли Неба, Звѣзды-Числа, брызнувъ, свѣтятъ здѣсь
въ словахъ.
Здѣсь мои избрали строки, пали въ мой журчащій
стихъ,
Чтобъ звенѣли въ немъ намеки всѣхъ колодцевъ
неземныхъ.

Чтобъ къ Стихіямъ людямъ блѣднымъ показалъ я
свѣтлый путь,
Чтобы вновь, стихомъ побѣднымъ, въ Царство Солн-
ца всѣхъ вернуть.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ В. Гюго.

О, низко павшую презрѣнїемъ въ очахъ
Вы бойтесь оскорбить. Имѣйте сожалѣнье!
Подъ бременемъ какимъ свершилось паденье—
То знаетъ лишь Господь одинъ на небесахъ.

На вѣткѣ, видите, вотъ капля дождевая,
Въ ней блещетъ солнца свѣтъ и неба глубина...
Мы клонимъ дерево, за вѣтку задѣвая,—
И капля падаетъ!.. Не наша-ль то вина?

Была жемчужиной на вѣточкѣ высокой,
И грязной брызгою вдругъ сдѣлалась, упавъ
По нашей прихоти, по волѣ злого рока,—
Топча ее ногой, о другъ мой, ты неправъ.

Въ ней есть еще роса! Чтобъ снова заблестала,
Чтобы жемчужиной та капля снова стала,
Лишь нуженъ солнца лучъ, лишь нуженъ лучъ люб-
ви,—
И низко павшую, мой другъ, благослови!

И. Гриневская.

Перелетъ.

Шумъ могучій,
Шумъ пѣвучій
Наполняетъ небеса
Въ хорѣ дивномъ,
Непрерывномъ
Всѣ смѣшались голоса.

Тонкій, пестрый,
Звонкій, острый,
Неумолчный, вѣчный гамъ
Такъ и льется,
Такъ и вьется
По песчанымъ берегамъ.

То станицы
Вольной птицы
Привели свой караванъ
Въ нашъ неплодный
Край холодный
Изъ далекихъ южныхъ странъ.

Легкокрылой,
Дружной силой
Прилетѣла эта рать
У мятежной
Вьюги снѣжной
Царство въ тундрѣ отбивать.

Строй за строемъ
Дружнымъ роемъ
Мчится весело впередъ,
И надъ чашей,
Мирно спящей,
И надъ свѣжей грудью водъ,

Полдень яркій
Слишкомъ жаркій,
Краткій отдыхъ имъ дарить,

Но съ закатомъ,
Какъ съ вожайтмъ,
Ихъ походъ опять открыть.

Что за ночи!
Тщетно очи
Ищуть тьмы въ привычный часъ.
Отблескъ алый
Запоздалый
До разсвѣта не угасъ.

Что за ночи!
Спать нѣтъ мочи...
Стоголосый звучный хоръ
Такъ и манить,
Такъ и тянеть,
Такъ и гонить на просторъ.

Только вышелъ,
Чуть услышалъ
Тотъ ликующій привѣтъ,
Самъ, какъ птица,
Хочешь взвиться;
Сердце рвется птицамъ вслѣдъ.

Рвется прыгнуть,
Чтобъ настигнуть
Вереницу рѣзвыхъ стай,
И безопасно,
Быстротечно,
Съ ними мчатся въ вольный край;

Крыльевъ просить,
Хочетъ бросить
Многолѣтній скучный плѣнъ.
Ропщеть, страждеть,
Буйно жаждетъ
Незнакомыхъ перемѣнъ.

Танъ.

Солнце, уйди!

Спускается солнце... На кронахъ зеленыхъ дубовъ

Догорѣли лучи,
Затуманилась заводь рѣчная...
Изъ глубокаго омута, тихо подъ сводомъ кустовъ,—
Погляди! Замолчи!—
Поднялася русалочья стая,
Подъ цвѣтами кувшинокъ и лилій вошла въ камыши...—

Не пугай! Не гляди!—
Закачались стебли ворочливо...
Слышишь,—шопотъ несмѣлый пронесся въ вечерней тиши?—

„Солнце, солнце, уйди!
„Не мѣшай намъ! Уйди отъ залива!“...
Видишь—тонкія руки за тонкіе стебли взялись,
Въ нетерпѣньи дрожатъ
И шуршатъ шаловливо листьями:
„Солнце, солнце, уйди! Закатись, провались!
„Ночь вернися назадъ
„И усѣй намъ все небо звѣздами!“...
Ночь вернулась въ огнистой коронѣ изъ звѣздныхъ лучей,

Замеръ берегъ слѣпой,
И туманы его укрываютъ...
Погляди—на просторъ водяной изъ стѣны камышей
Дѣтской, шумной толпой
Выплываютъ онѣ, выплываютъ!

С. Сергѣевъ-Ценскій.

Сказка.

Мы вамъ непонятны, мы—витязи моря,
Мы—дѣти таинственной вамъ глубины.

Ни ваше оружье, ни холодъ, ни горе
Убить насъ не могутъ: мы—голосъ волны.

Не знаемъ мы страха: ударъ вашей стали
Изъ нашей груди только искры метнетъ!
Насъ цѣлюю вѣчность титаны ковали,
Мы всѣ—закаленные холодомъ водъ.

Безвредны намъ стрѣлы изъ вашего стана
И шумъ вашихъ бурь, и раскатъ вашихъ грозъ!
Мы—гордая дѣти царя Океана;
Суровъ онъ и страшень въ коронѣ изъ слезъ.

И сквозь изумрудные синіе своды,
Въ кипѣніи пѣны, тяжелой стопой
Выходимъ изъ моря, и пѣнятся воды,
И латы горятъ золотой чешуей.

Подъ мертвеннымъ, луннымъ сіяніемъ ночи
Блестятъ ослѣпительно наши мечи,
И кажется вамъ, что ударили въ очи
Желаннаго жаркаго солнца лучи.

И въ вашихъ лѣсахъ просыпаются птицы,
Торжественной пѣсней встрѣчая восходъ.
Тогда мы уходимъ въ морскія свѣтлицы,
Въ холодное море, подъ яшмовый сводъ.

И снова, съ печальными тѣнями споря,
Луна вашей ночи трепещетъ, горя..
Мы чужды и странны, мы—витязи моря,
Мы—вольныя дѣти морского царя!

Скиталецъ.

Артистка О. Л. Книпперъ.

С П Я Щ А Я.

Я сплю, я сплю—не умерла—
Въ гробу изъ чистаго стекла,
Въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ, бѣлыхъ розъ
Подъ шепоть кленовъ и березъ.

Свѣжи цвѣты моихъ вѣнковъ;
Красивъ и свѣтель мой покровъ;
Сквозь тѣнь полузакрытыхъ вѣждъ
Я вижу блескъ моихъ одеждъ.

Я вижу море, вижу лѣсъ,
Закатъ пылающихъ небесъ
И яркѣй серпъ златой луны,
Струящей сказочные сны.

На меня заклятiя печать,
Чтобъ мнѣ не думать, не желать,
Забуть, не знать, что гдѣ-то есть
Борьба и жизнь, вражда и месть.

Легко дышать въ гробу моемъ;
Проходить сказкой день за днемъ.
Всегда полны, всегда ясны
Мои плѣнительные сны.

И вижу я въ мечтахъ своихъ—
Спѣшитъ прекрасный мой Женихъ
Въ одеждѣ странника святой,
Съ пѣвучей арфой золотой.

Въ сіяньи блѣдномъ вокругъ чела,
Съ крылами, черными, какъ мгла.
Вотъ Онъ простеръ благую длань,—
Вотъ властно молвилъ мнѣ: „Возстань!“

Такъ жажду я, такъ вѣрю я
И жду разгадки бытія—
Въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ, бѣлыхъ розъ,
Подъ шопоть кленовъ и березъ.

Вокругъ—покой и тишина.
Я сплю, я мыслю, я—одна;
На шумъ вѣтвей, на щебетъ птицъ
Не дрогнетъ тѣнь моихъ рѣсницъ.

Дремотный гулъ пчелы лѣсной
Устало вьется надо мной
Да гдѣ-то бьетъ, поетъ вода,
Журчитъ, звенить: „Всегда, всегда!...“

М. А. Лохвицкая.

Наше горе.

И не въ ярко блестящемъ уборѣ
И не на коленомъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль

Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопоть ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы.
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

Н. Минскій.

* * *

Ⓢени дыханіемъ гонимы,
Медленно съ холодной высоты
Падаютъ красивые снѣжинки,
Маленькіе мертвые цвѣты...

Кружатся снѣжинки надъ землею,
Грязной, утомленной и больной,
Нѣжно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой...

Черныя, задумчивыя птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Бѣлыя безмолвныя снѣжинки
Падаютъ съ холодной высоты!

Максимъ Горькій.

А л т е я .

I.

Въ башнѣ древняго аббатства, члены рыцарскаго
братства,
Мы сидѣли и молчали возлѣ Круглаго стола.
Надъ окрестностью суровой разливался свѣтъ ба-
гровый
Сквозь узорчатая грани красноватаго стекла.
Свѣтъ багровый разливался, шорохъ странный раз-
давался...
Мы сидѣли и молчали возлѣ Круглаго стола.

II.

Въ тускломъ свѣтѣ ветхой залы рдѣли въ кубкахъ,
какъ кристаллы,
Драгоценныя напитки монастырскихъ погребовъ.
Рядомъ съ нами въ тѣсномъ кругѣ наши милыя по-
други
Робко ждали нѣжныхъ взглядовъ, нѣжныхъ словъ
отъ жениховъ,
Но сурово мы молчали; было тихо въ мрачной залѣ
И не видно было взглядовъ, и не слышно было
словъ...

III.

Мы смотрѣли на Артура, на красавца трубадура,
Съ боязливымъ подозрѣньемъ мы смотрѣли на него,
Сжавъ чело свое руками, сумасшедшими глазами
Онъ смотрѣлъ передъ собою и не видѣлъ ничего;
Онъ, казалось, былъ въ испугѣ. Безъ красавицы
подруги
Онъ покинулъ древній замокъ, замокъ дѣда своего...

IV.

И воскликнулъ я, блѣднѣя: „Гдѣ жъ прекрасная
Алтея,
Наша радость, наше солнце, солнце Круглаго стола?
Гдѣ, Артуръ, твоя невѣста? Отчего свободно мѣсто

Въ башнѣ славнаго аббатства возлѣ Круглаго
стола?“

И отвѣтилъ онъ, блѣднѣя: „Я не знаю, гдѣ Алтея.
Я не знаю, гдѣ Алтея, солнце Круглаго стола!..

V.

Мнѣ, однако, говорили, что лежитъ она въ могилѣ,
Пораженная коварно вѣроломною рукой;

Въ древнемъ замкѣ, въ темномъ склепѣ, вся зако-
ванная въ цѣпи,

Вся завернутая въ саванъ, въ блѣдный саванъ гро-
бовой,

Цѣпенѣя, холодѣя, спитъ прекрасная Алтея,

Плачетъ жалобно и стонетъ, и качаетъ головой“...

VI.

И, сверкая гнѣвнымъ взоромъ, мы воскликнули съ
укоромъ:

„Ты убилъ, убилъ, безумецъ, это нѣжное дитя!“—
Посмотрѣвши съ удивленьемъ, онъ отвѣтилъ намъ

съ презрѣньемъ:

„Да, товарищи, убито это нѣжное дитя.

Я убилъ свою Алтею, но невиненъ я предъ нею,—

Не убійца вѣроломный, а суровый мститель я!..“

VII.

Онъ замолкъ; полны печали, мы чего-то ожидали.

Въ ветхой башнѣ замирали горделивыя слова;

Пламя свѣчекъ трепетало, ночь томительно молчала,

Только гдѣ-то, какъ ребенокъ, тихо плакала сова...

Вдругъ толпа пошевелинулась, занавѣска колыхну-
лась,

Дверь качнулась, изъ-за двери показалась голова,

Съ мертвой блѣдностью каменъ, съ нѣжнымъ про-
филемъ Алтеи,

Показалась изъ-за двери роковая голова!

VIII.

И, отъ ужаса блѣднѣя, мы сидѣли, цѣпенѣя,—

И вошла сама Алтея, въ бѣломъ саванѣ своемъ,

Оставляя слѣдъ кровавый, обвитая цѣпью ржавой,

И сказала: „Ты—убійца!.. но простила я!.. Пойдемъ!..“
И, шатаясь тихо всталъ онъ, тихо вышелъ и про-
палъ онъ,
И таинственно пропалъ онъ въ блѣдномъ сумракѣ
ночномъ.

IX.

Въ башнѣ стараго аббатства, члены рыцарскаго
братства,
Часто, часто мы пируемъ возлѣ Круглаго стола.
Надъ окрестностью суровой тускло льется свѣтъ
багровый
Сквозь узорчатя грани красноватаго стекла.
Свѣтъ багровый тускло льется, шорохъ странный
раздается...
Мы сидимъ и ждемъ Артура возлѣ Круглаго стола

X.

Но напрасно,—нѣтъ Артура, нѣтъ красавца труба-
дура,
Не придетъ онъ въ нашу башню съ тихой пѣснью,
о быломъ...
Въ древнемъ замкѣ, въ темномъ склепѣ, обхвативъ
руками цѣпи,
На колѣняхъ предъ Алтеей спитъ Артуръ тяжелымъ
сномъ...
Тѣни ихъ надъ нами вѣютъ, и печально сиротѣютъ
Два незанятыя мѣста за покинутымъ столомъ.

В. Голиковъ.

Г и т а н а.

Сонетъ.

По платью—нищая, красой движеній—жрица,
Въ толпѣ цыганъ она плясала для меня:
То, быстрая, какъ вихрь, чаруя и дрязня,
Кружилась бѣшено; то гордо, какъ царица,
Ступала по ковру, таинственно маія;
То вздрагивала вся, какъ раненная птица...
И взоръ ея тускнѣлъ отъ скрытаго огня,
И вспыхивала въ немъ безумная зарница:
Ей было весело отъ пѣсенъ и вина.
Ее несла волна, ее пьянила пляска
И ритмы кастаньетъ, и пристальная ласка
Моихъ влюбленныхъ глазъ. И вся была она
Призывна, какъ мечта, и, какъ любовь, грозна—
Гитана и дитя, и женщина, и сказка!

Сергій Мановскій.

У т р а т а.

Смирись! Молчи! Забудь! Врачуешь время раны.
И день за днемъ—цѣлительный бальзамъ.
Ты слышишь?—Близится весенній вѣтеръ пьяный.
Ты видишь?—Даль небесъ открылась вновь глазамъ.
Что значить боль твоя, когда безмѣрны дали,
Когда душѣ открылся кругозоръ
Иныхъ надеждъ, невѣдомой печали,
И манить, и зоветъ тоскующей просторъ.
Дай вѣтру прошумѣть въ вѣтвяхъ березы старой
И стукнуть въ ставни опустѣлыхъ дачъ.
И слушай, затаясь, и, если хочешь, плачь,
Смиренно преклонясь предъ неизбѣжной карой.

Александръ Нойранскій.

ДВОЙНИКЪ.

Ночь осенняя печальна,
Ночь осенняя темна;
Кто-то бѣлый мнѣ киваетъ
У открытаго окна.

Узнаю я этотъ призракъ,
Я давно его постигъ:
Это—бѣдный мой товарищъ,
Это—грустный мой двойникъ.

Онъ давно слѣдитъ за мною,
Я давно слѣжу за нимъ,
Отъ него мнѣ вѣтъ смутно
И небеснымъ и земнымъ.

Онъ являлся мнѣ весною
При мерцаніи зарницъ;
Онъ на оргіяхъ встрѣчался
И встрѣчался у гробницъ.

Жаль ему меня покинуть,
Мнѣ его оставить жаль,—
Онъ дѣлилъ со мной, бывало,
Одинокую печаль...

И теперь онъ грустно бродитъ,
И уйти боится прочь
Отъ раскрытаго окошка
Въ эту пасмурную ночь.

И листвою пожелтѣвшей
Осыпаетъ мнѣ окно
Въ эту ночь, когда на небѣ
И на сердцѣ такъ темно...

Н. Фофановъ.

С. НАЙДЕНОВЪ.

ДѢТИ ВАНЮШИНА.

(Изъ II-го дѣйствія).

Приготовленъ обѣденный столъ для всей семьи Ванюшина. Сервировка простая: груды черного и бѣлаго хлѣба; огромные градины съ домашними квасомъ и пивомъ.

Акулина (вноситъ огромную миску съ супомъ).

Константинь. (Крича) Папаша, что вы тамъ? Я ѣсть хочу. (Садится за столъ) Безобразіе! Не достаетъ, чтобы ѣли изъ одной плошки!

(Входятъ Ванюшинъ и Арина Ивановна. Ванюшинъ въ недурномъ настроеніи духа, но на него дѣйствуетъ хмурный и недовольный Константинь, и скоро онъ самъ становится мраченъ).

Ванюшинъ. (Обращается къ стоящей у буфета Леночкѣ) Что носъ-то, сычъ, повѣсила?

Леночка. Такъ, дядя... Я не повѣсила.

Ванюшинъ. (Кричитъ, подходя къ лѣстницѣ) Эй, вы, вшивая команда, обѣдать!

(Всѣ садятся за столъ. Сверху сходятъ Аня и Катя. Онѣ держать себя натянуто и принужденно. Ванюшинъ разливаетъ супъ, каждый подставляетъ свою тарелку и ждетъ очереди).

Ванюшинъ. А Людмила гдѣ?

Арина Ивановна. Вотъ она.

Людмила сходитъ съ лѣстницы; она очень дурно себя чувствуетъ и присутствуетъ за обѣдомъ только по необходимости).

Ванюшинъ. (Обращаясь къ Людмилѣ) Давай тарелку. (Къ Анѣ) Помоги, скороспѣлка! (Наливаетъ сначала Людмилѣ, потомъ Анѣ). А что „нижнихъ“ нѣтъ? (Обращается къ Катѣ). Постучи имъ. (Катя кочергой стучить въ полъ)

Константинъ. Какъ будто бы безъ нихъ нельзя.

Ванюшинъ. А тебѣ жалко?

Константинъ. Не жалко, а только странно,—ни одного обѣда безъ нихъ.

Арина Ивановна. Они ужъ три дня не обѣдали.

Константинъ. Надо на стѣнѣ записать.

Ванюшинъ. (Обращается къ Анѣ). Ёшь хорошенько. Чего выбираешь, ковырялка?

Аня. Я морковь не люблю.

Ванюшинъ. Ёшь все.

(Молча продолжаютъ ёсть. Входятъ Щеткины).

Щеткинъ. А мы только что сѣли за столъ съ Клавдюшей.

Клавдія. У насъ сегодня индѣйка.

Ванюшинъ. Садись. Жареная индѣйка не убѣжить.

(Щеткины садятся.)

Ванюшинъ. (Смотритъ на Людмилу и, понимая ее настроеніе, хочетъ ее ободрить, сказать ей что-либо ласковое). Ты что, вдова, жеманишься?

(Обиженная Людмила выходитъ изъ-за стола).

Арина Ивановна. Куда же ты, Людмилочка? Попаша вѣдь пошутилъ.

Константинъ. Такъ не шутятъ. (Обращаясь къ отцу) Безтактно!

Ванюшинъ. Садись. Отцу - то пошутить нельзя? (Людмила садится). Пальцемъ до васъ не дотронься.

Константинъ. Вы бревномъ тычете.

Щеткинъ. Есть за папашей этотъ грѣшокъ.

(Обращаясь къ Константину), Наконецъ то мы съ вами хотъ въ одномъ сошлись...

Константинъ. Очень сожалѣю.

Леночка. Полно, Костенька!

(Входитъ Алексѣй съ напускною развязностью. Онъ съ утра бродилъ по улицамъ города и думалъ, какъ сообщить дома о своемъ увольненіи изъ гимназіи. И вотъ теперъ, утомленный, онъ входитъ въ столовую, пересиливъ стыдъ и рѣшившись на все; раздѣвается въ передней и, съ ранцемъ въ рукахъ, идетъ и останавливается на лѣстницѣ).

Арина Ивановна. Алешенька, куда же ты?

Алексѣй. Папаша, меня выгнали изъ гимназіи.

Всѣ. Что?

Алексѣй. Меня выгнали изъ гимназіи.

Ванюшинъ. Дождался?.. (Бросаетъ въ него ложкой и не попадаетъ) Ахъ, ты!.. Кидается за нимъ. Алексѣй вбѣгаетъ наверхъ. Ванюшинъ догоняетъ его и, спотыкаясь на лѣстницѣ, убѣгаетъ за нимъ. Изъ-за стола всѣ встали. Аня и Леночка хотѣли было бѣжать наверхъ, но остановились на лѣстницѣ. Всѣ чего-то ждуть и прислушиваются. Сверху слышенъ голосъ Алексѣя: „Оставьте! Я не позволю, не позволю!“ Падастъ что-то тяжелое, должно быть, стулъ. Черезъ нѣкоторое время Алексѣй показывается на лѣстницѣ. Волосы его растрепаны; отъ мундира оторвалось нѣсколько пуговицъ).

Алексѣй. Бить! Никогда! Ни за что! (Вбѣгаетъ въ переднюю, схватываетъ пальто. Ванюшинъ стоитъ наверху лѣстницы и держится за перила. Отъ волненія онъ съ трудомъ можетъ говорить).

Ванюшинъ. Не давайте пальто, не давайте!

(Алексѣй бросаетъ пальто на полъ).

Алексѣй. Не надо... Не давайте! (Выбѣгаетъ въ сѣни, за нимъ Аня и Арина Ивановна. Ванюшинъ держится за перила и, шатаясь, спускается съ лѣстницы. Леночка его поддерживаетъ и уводитъ).

Клавдія. Куда онъ побѣгъ?

Людмила (Съ безпокойствомъ) Какъ бы надъ собой онъ чего не сдѣлалъ...

Константинъ. Ничего не будетъ.

Клавдія. (Обращаясь къ мужу) Павликъ, ты пошелъ бы...

Щеткинъ. Ну вотъ еще! Онъ какъ звѣрь.

(Анна и Арина Ивановна возвращаются).

Арина Ивановна. Напротивъ убѣжалъ, къ Араповымъ.

(Аня беретъ пальто и фуражку Алексѣя).

Аня. Я съ Акулиной пошлю ему. (Уходитъ въ сѣни).

Арина Ивановна. Гдѣ самъ-то? Что съ нимъ? (Уходитъ).

Щеткинъ. Я всегда говорилъ, что онъ что-нибудь выкинетъ. Оболтусъ!

Константинъ. Дуракъ! Я знаю, за что его выгнали. Предупреждалъ его, такъ нѣтъ. Влюбился, потерялъ голову.

Клавдія. Ужъ что онъ только не продѣлывалъ! А, говорятъ, дрянъ какая-то, хористка изъ театра.

Щеткинъ. Я видѣлъ его третьяго дня съ ней на извозчикѣ.

(Входитъ Аня).

Константинъ. По нѣсколько дней въ гимназіи не бывалъ,—у нея сидѣлъ.

Людмила. (Обращаясь къ Константину). А ты бы вотъ къ ней поѣхалъ, да и отчиталъ бы ее хорошенько. Вѣдь это подло съ ея стороны.

Константинъ. Былъ... Взялъ у нея пятьдесятъ рублей.

Клавдія. Такъ это онъ для нея укралъ. Ты что же мамашѣ-то не отдалъ?

Константинъ. Не твое дѣло—отдамъ.

(Авдотья вноситъ второе блюдо—огромный кусокъ телятины.)

Клавдія. Какъ же не мое дѣло, Костенька? Я, вѣдь, мамашѣ-то деньги дала.

Щеткинъ. Дѣтскія, изъ копилки. Мы не обязаны давать.

Константинъ. Вамъ тоже не обязаны, да даютъ...

Щеткинъ. Нѣтъ, это позвольте! Я имѣю нравственное право. Папаша не отрицаетъ его, и вы напрасно злитесь. А вотъ это странно, что вы не возвращаете взятыя у хористки деньги и украденныя вашимъ братомъ.

Константинъ. Довольно! (Вынимаетъ деньги

и кидаетъ Щеткин у) Возьмите!—Людмила, скажи мамашѣ, что я отдалъ за нее денги Щеткинымъ. Обѣдать я не буду. Въ своемъ домѣ не даюгъ ѣсть!

(Уходитъ въ свою комнату).

Людмила. И когда вы перестанете ссориться?

Щеткинъ. А вы, Людмила Александровна, думали, что за недѣлю вашего отсутвія все пере-мѣнилось? (Смѣется) Въ этомъ домѣ никогда ничего не пере-мѣнится. По-моему, въ курной избѣ съ мужиками жить лучше, чѣмъ здѣсь. Глупо вы сдѣ-лали, что пріѣхали.

Клавдія. Павликъ, перестань.

Щеткинъ. Не перестану. Я правъ, и всегда скажу правду въ глаза. Скандальнѣе дома Ваню-шина нѣтъ во всемъ городѣ, только здѣсь все дѣ-лается шито и крыто.

(Входитъ Леночка).

Щеткинъ, (Говоритъ громко, стараясь, чтобы слышала Константинъ). Гдѣ, въ какой семьѣ мальчишки-гимназисты имѣютъ содержанокъ? При-мѣръ старшаго брата очень заразителенъ,—я не удивляюсь Алексѣю. Оттягивать у родственниковъ, у родной сестры, для побочной семьи... Очень хорошо!

Клавдія. Павликъ, перестань!

Леночка. У Кости нѣтъ никакой побочной семьи. Вы говорите неправду.

Щеткинъ. Ахъ, оставьте! Знаютъ всѣ въ городѣ. Кассирша изъ магазина Павленкова хо-дитъ въ шелкахъ и бархатѣ. Всѣмъ извѣстно, кто ее одѣваетъ, какъ куклу и камелію.

Леночка. Неправда.

Людмила. Правда это или неправда, только вамъ-то не слѣдовало бы говорить этого, де еще при дѣвочкахъ. Простите меня, Павелъ Сергѣевичъ, вы много грязи и ссоры вносите въ нашу семью.

Щеткинъ. „Въ нашу семью“! Заступаетесь за нашу семью! Напрасно, долго вамъ здѣсь жить не придется.

Клавдія. Перестань!

Щеткинъ. Ты можешь оставатся на этомъ

миломъ званомъ обѣдѣ, а я—слуга покорный. Кусокъ въ горлѣ застрянетъ. (Уходитъ).

Леночка. Хорошо, что ушелъ. Костенька услыхалъ бы—бѣда была бы.

Клавдія. Онъ раздражительный — наговорить, а потомъ самъ кается.

(Входитъ Арина Ивановна.)

Арина Ивановна. Кушайте однѣ. Самъ-то легъ, ужъ больно разстроился. Компрессъ ему на голову положила, успокоительныхъ капель дала.

Клавдія. Какой тутъ обѣдѣ! (Закуриваетъ папиросу).

(Леночка и Катя садятся и ѣдятъ).

Арина Ивановна. Что будетъ съ Алешенькой—не знаю!.. Надо ему покушать наверху оставить: ночью придетъ—съѣсть. Вотъ, Людмилочка, какъ у насъ дѣла идутъ... изъ рукъ вонъ, просто изъ рукъ вонъ.

Людмила. А вы не разстраивайтесь, мамаша. Вы думаете, только у насъ въ семьѣ такъ?.. Есть такія семьи!

.

Входятъ Константинъ и Ванюшинъ. (Константинъ одѣвается).

Константинъ. Я для васъ много сдѣлалъ... Я бросилъ карьеру, не пошелъ въ университетъ, засѣлъ за прилавокъ, чтобы помогать вамъ, но этого вы не цѣните.. Вы хотите, чтобы я самое дорогое, что у меня осталось, и къ чему сводится весь смыслъ моей жизни—мою будущую семью—принесъ съ жертву, ради пьянаго приказчика изъ Москвы, для того только, чтобы въ глазахъ другихъ облагородить мою сестру. Вы можете считать меня дурнымъ сыномъ, но я этого сдѣлать не могу, не могу жениться на вашей Распоповой или Раскоповой какой-то тамъ. (Хочетъ идти).

Ванюшинъ. Постой! Вѣдь онъ по всей Москвѣ разблаговѣтитъ. Скажутъ, Ванюшинъ не далъ денегъ, грошей не далъ... Кредита не будетъ. Какъ торговать-то мы съ тобою будемъ?

Константинь. Кредитъ будетъ. Это вздоръ.

Ванюшинъ. А съ какими глазами мы въ Москву-то покажемся? Да я скорѣе въ гробъ лягу, чѣмъ поѣду туда.

Константинь. Итакъ, значитъ, одинъ выходъ: я долженъ жениться. Этого я не сдѣлаю! Пускай лучше все въ трубу вылетитъ! Я проживу и безъ торговли.

Ванюшинъ. Врешь! Ёсть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это говоришь, пыль въ глаза мнѣ, старику, пускаешь, дурачишь отца. Денегъ не хочеть! Знаю, какъ ты не хочешь... Не хотѣлъ бы, такъ за прилавокъ-то не сѣлъ бы; онѣ-то тебя и приковали къ прилавку. Выучился слова говорить, да и тычешь ими въ носъ. „Въ университетъ пошелъ бы! Помогаю вамъ“. Помощникъ, дери тебя горой! Сказалъ бы просто, что ни мнѣ, ни сестрѣ, ни дѣлу помочь не хочешь...

Константинь. Надѣюсь, вы кончили? Я васъ слушалъ только потому, что вы мой отецъ. (Уходитъ и сильно ударяетъ дверь).

(Въ столовой почти темно. Ванюшинъ садится у стола. Смотритъ въ одну точку и напряженно о чемъ-то думаетъ).

Ванюшинъ. Не поправишься... Нѣтъ... Что дѣлать то? (Кладетъ руки на голову).

(Арина Ивановна робкой тихо подходитъ къ нему. Онъ не видитъ ея).

Ванюшинъ. Что дѣлать-то? Голова кругомъ...

Арина Ивановна. Александръ Егоровичъ, что съ тобой? Зачѣмъ всталъ-то, ступай, лягъ.

Ванюшинъ. Божья старушка, научи, скажи что-нибудь... Руки у меня опускаются...

Арина Ивановна. Я Клавдиньку съ Людмилочкой позову.

Ванюшинъ. Не надо. И не говори имъ ничего про меня. Несчастныя всѣ, всѣ несчастныя!

Арина Ивановна. Да не убивайся ты.. Все обойдется. Съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣдетъ...

Ванюшинъ. Не обойдется... нельзя, чтобы обойтись... Души у нихъ у всѣхъ несчастныя.

Арина Ивановна. Да про кого ты говоришь?

Ванюшинъ. Работать не могутъ, жить не могутъ... Старуха, кто у насъ дѣтей-то сдѣлалъ такими? Откуда они? Наши ли?

Арина Ивановна. Ужъ я не знаю, что ты и говоришь...

Ванюшинъ. Для нихъ старался, для нихъ дѣлалъ, и всѣмъ врагомъ сталъ.

Арина Ивановна. Грозенъ ты ужъ больно. Вонъ Алешеньку-то какъ перепугалъ.

Ванюшинъ. Грозенъ, боятся... А знаютъ ли они, какъ смотрѣть-то на нихъ жалко? Не чувствуютъ, ничего не чувствуютъ... Словно не отецъ я имъ.

Арина Ивановна. Я Алешенькѣ скажу.

Ванюшинъ. Не надо. Пусть думаютъ, что хотятъ про отца. Все равно, немного намъ съ тобой жить, какъ-нибудь доживемъ. Усталъ я сорокъ лѣтъ вести васъ. Рукой на все махну. Пусть живутъ, какъ хотятъ! И для чего работалъ? Для чего жилъ? Грошъ къ грошу кровью приклеивалъ... Суэта ты, жизнь человѣческая! (Задумывается).

(Арина Ивановна уходитъ въ спальню и возвращается съ бутылкой святой воды; мочить ему голову).

Ванюшинъ. Что ты?

Арина Ивановна. Водицей святой изъ ключа Семиозерной пустыни.

Ванюшинъ. Вотъ ты мочила бы дѣтямъ-то головы, да не теперь, раньше... Оставь!

Арина Ивановна. Я за Костенькой пошлю.

Ванюшинъ. Не надо. Не смѣй говорить ни чего никому. Мнѣ больнѣе будетъ... Слышишь—не смѣй! Я пойду, лягу. (Идетъ въ спальню, Арина Ивановна его поддерживаетъ). А ты молись. Я люблю, мнѣ легче, когда ты молишься (Уходятъ).

С. Найденовъ.

С. Д. Дрожжинъ.

Родина.

Кругомъ поля раздольныя,
Широкія поля,
Болота непроходимыя,—
Вотъ родина моя!

Соломою покрытыя
Избушки предо мной,
Ребята неумытые
На улицѣ порой

Босые, загорѣлые,
Играютъ и шумятъ,
И, словно вишни спѣлыя,
Ихъ личики горятъ.

А мимо храма Божія
Дорогою большой
Идутъ, крестясь, прохожіе
И странникъ съ сумой...

Вдали растутъ сосновые
Дремучіе лѣса,
И съ тучами свинцовыми
Нависли небеса.

Ничѣмъ не одаренная
И скудная земля
Да Волга многоводная,—
Вотъ родина моя!

С. Д. Дрожжинъ.

МОЛОДОСТЬ.

Молодость! Все въ этомъ словѣ!
Молодость—жизни весна!
Мощь, красоту и веселье,—
Все воплощаетъ она.

Молодость въ сумракѣ міра
Яркою свѣтитъ звѣздой;
Откликъ страданью и скорби —
Только въ душѣ молодой!

Пусть упадаютъ на тѣло
Пагубнымъ гнетомъ года,
Лишь бы душа человѣка
Вѣчно была молода;

Лишь бы она сохроняла
Чудную силу свою;
Съ правдой и свѣтомъ въ союзѣ,
Съ кривдой и тьмою въ бою;

Лишь бы она не слабѣла
Въ этой великой борьбѣ,—
Рано иль поздно—побѣда...
Молодость! Слава тебѣ!

П. Вейнбергъ.

Въ этомъ мѣрѣ, гдѣ случайный

Мы нашли себѣ пріютъ,
Вмѣстѣ съ нами тихо, тайно
Бѣды злобныя живутъ.

Ихъ не видно. Но собака
Двѣ-три ночи напролетъ
Воетъ горько среди мрака:
Бѣды ходятъ у воротъ.

Горьки стоны совъ угрюмыхъ
Въ башняхъ брошенныхъ церквей,
И рыдаетъ кто-то въ трюмахъ
Обреченныхъ кораблей.

Въ темный часъ, полны тревоги,
Жмутся лошади къ кустамъ:
То за вами на дорогѣ
Бѣды ходятъ по пятамъ.

Въ каждомъ домѣ, гдѣ случайный
Вы нашли себѣ пріютъ,
Вмѣстѣ съ вами, тихо, тайно
Бѣды злобныя живутъ.

Ихъ не видно. Словно мыши,
Бѣды прячутся въ углахъ,
Но вся жизнь подъ этой крышей,
Всѣ судьбы—у нихъ въ рукахъ.

Ихъ не видно. Имъ удобно;
И весь день, какъ тайный врагъ,
Бѣды пристально и злобно
Сторожатъ вашъ каждый шагъ.

Бѣды мудры: тотъ, кто боленъ,
Кто испуганъ, какъ овца,
Кто унылъ и богомоленъ,
Пусть спокойно ждуть конца,—

Ихъ не тронуть; горькой казнью
Бѣды мстятъ лишь тѣмъ изъ насъ,

Кто доволенъ, кто боязнью
Не встрѣчаетъ каждый часъ.

Тотъ, кто счастливъ, тотъ, кто молодъ.
Кто, смѣясь, глядитъ впередъ,—
Пусть боится: скрытый молотъ
Завтра счастье разобьетъ.

Счастье шумно, счастье пышно,
Счастье въ праздничныхъ вѣнкахъ;
Бѣды движутся неслышно,—
Вѣдьма старая въ туфляхъ.

Зимней ночью, словно въ сказкѣ,
Въ старомъ домѣ пиръ шумить,
Лица бодры, полны ласки,
Льется пѣнье, вальсъ звучить...

Мчатся пары въ легкомъ строѣ...
Но считая ходъ минутъ,
Въ верхнемъ запертомъ покоѣ
Бѣды прячутся и ждутъ.

Конченъ праздникъ. Смолкло пѣнье.
Люди спятъ спокойнымъ сномъ...
И скрипятъ съ тоской ступени:
Бѣды сходятъ въ старый домъ.

Жуткой, тихой вереницей
Обойдутъ его кругомъ,
Зорко всматриваясь въ лица
Всѣхъ, что спятъ спокойнымъ сномъ.

Рядъ морщинъ на нихъ проводятъ.
А когда пѣтухъ поетъ,
Ихъ ужъ нѣтъ, онѣ уходятъ.
Завтра—кто-нибудь умретъ.

Т. Ардовъ.

Не кори ты наше племя,
Не вини во всемъ нашъ вѣкъ.
Милый другъ, въ былое время
Былъ не лучше человекъ!

Такъ же онъ грѣшилъ, какъ нынѣ,
Такъ же падалъ и страдалъ,
Такъ же онъ своей святынѣ,
Безразсудно измѣнялъ.

Тѣ же страсти и сомнѣнья
Повторялись вновь и вновь,
Тѣ же вѣдалъ онъ мученья,
Ту же чувствовалъ любовь.

Но всегда въ туманѣ мира
Сердцемъ онъ распознавалъ
Ложь житейскаго кумира,
Вѣчной правды идеаль.

И повѣрь, наступятъ годы:
И полнѣе и сильнѣй
Чувства правды и свободы
Оживутъ въ сердцахъ людей.

Файдебуровъ.

Пчелки.

Мы—бѣдныя пчелки, работницы пчелки.
И ночью, и днемъ все мелькаютъ иголки
Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.
Мы солнца не видимъ, мы счастья не знаемъ.
Закончимъ работу и вновь начинаемъ
Съ покорной тоскою въ сердцахъ.
Былъ праздникъ недавно,—чужой—насъ не
звали,

Но мы потихоньку туда прибѣжали
Взглянуть на веселье другихъ.

Гремѣли оркестры на пышныхъ эстрадахъ,
Кружились трутни въ богатыхъ нарядахъ,
Въ шитьѣ и камняхъ дорогихъ.

Мелькало роскошное платье за платьемъ,
И каждый стежекъ въ нихъ былъ нашимъ про-
клятемъ,

И мукою—каждая нить!

Мы долго смотрѣли безъ вздоха, безъ слова..
Такой красоты и веселья такого

Мы были не въ силахъ простить!

Чѣмъ громче лились ликованія звуки,
Тѣмъ ныли больнѣе усталыя руки

И жить становилось не въ мочь!

Мы видѣли радость, мы поняли счастье,
Безпечности смѣхъ, торжество самовластья..

Мы долго не спали въ ту ночь.

Въ ту ночь до разсвѣта мелькала иголка:

Сшивали мы полосы краснаго шелка

Полотнищемъ длиннымъ, прямымъ...

Мы сшили кровавое знамя свободы,

Мы будемъ таить его толгіе годы,

Но мы не разстанемся съ нимъ!

Все слушаемъ мы—не забьетъ ли тревога,

Не стукнетъ ли жданный сигналъ у порога—

Намъ чужды и жалость, и страхъ!..

Мы бѣдныя пчелки, работницы пчелки,

Мы ждемъ... и проворно мелькаютъ иголки

Въ измученныхъ нашихъ рукахъ.

Теффи.

И. З. Суриковъ.

* * *

Я, весь измученный тяжелою работой,
Сажу въ ночной тиши, окончивъ трудъ
дневной.

Болить моя душа, истерзана заботой,
И ноетъ грудь моя, надорвана тоской.

Проходить жизнь моя темно и безотраднo;
Грядущее мое мнѣ счастья не сулитъ,
И то, къ чему я рвусь душой моею такъ жадно,
Меня едва ли чѣмъ отраднѣмъ подарить.

Мнѣ суждено всегда встрѣчать одни лишенья
Да мучиться въ душѣ тяжелою тоской
И думать объ одномъ, что всѣ мои стремленья
Безплодно пропадутъ, убиты жизни тьмой.

Суровыхъ, тяжкихъ дней прожито мной до-
вольно,

И много силъ души истрачено въ борьбѣ,—
И дума горькая встаетъ въ душѣ невольнo:
За трату этихъ силъ что добылъ я себѣ?

Одно безцвѣтное, пустое жизни поле,
Гдѣ не на чемъ кругомъ очей остановить,—
И, жаждою томясь, грустишь о горькой долѣ,
Что нечѣмъ жажды той душевной утолить.

И голову въ тоскѣ на грудь невольно скло-
нишь,
И жизни въ этотъ часъ не радъ я, какъ врагу;
И горькую слезу въ ночной тиши уронишь...
Зачѣмъ изъ этой тьмы я выйти не могу?

И. З. Суриковъ.

Одиночество.

Все сильнѣй, тяжелѣй въ сердцѣ холодъ и дрожь,
Угасаютъ послѣднія силы...

Ты меня не поймешь, ты меня не поймешь,—
Одинокимъ мнѣ быть до могилы!

Съ юныхъ дней, съ вешнихъ дней, я разгадку по-
стигъ,

Увидаль на всемъ смерти я бремя...

И мелькали года. Словно часъ, словно мигъ,
Пролетѣло безстрастное время.

Я веселья не зналъ, былъ веселью врагомъ,
Только слезы мой путь окропляли,—
Оттого, что видалъ я могилы кругомъ,
Черный флеръ—въ надвигавшейся дали.

И теперь все сильнѣй въ сердцѣ холодъ и дрожь,
Угасаютъ послѣднія силы...

Ты меня не поймешь, ты меня не поймешь,
Одинокимъ мнѣ быть до могилы!

Д. Ратгаузъ.

Г р е з ы.

I.

Когда, еще дитя, за школьною стѣною,
Съ наивной дерзостью о славѣ я мечталъ,
Мнѣ въ грезахъ видѣлся, пестрѣющей толпою,
Высокій, мраморный, залитый свѣтомъ залъ...
Былъ пиръ—веселый пиръ, въ честь юной королевы:
И въ замкѣ ликовалъ блестящій кругъ гостей:
Сюда собрались всѣ прекраснѣйшія дѣвы
И весь желѣзный сонмъ бароновъ и князей...
День промелькнулъ въ чаду забавъ и развлеченій:
Рога охотниковъ звучали по лѣсамъ,
И много горныхъ сернъ и царственныхъ оленей
Упало жертвами разгоряченнымъ псамъ.
А ночью данъ былъ балъ... Сіяющіе хоры
Гремѣли музыкой... Межъ мраморныхъ колоннъ
Гирлянды зелени сплетались въ узоры,
И зыблилась парча девизовъ и знаменъ...
Всю ночь одинъ другимъ смѣнялись менуэты,
Подъ звуки ихъ толпа скользила и плыла,
И отражали шелкъ, и фрезы, и колеты
Съ карниза до полу сплошныя зеркала...
Но близокъ ужъ разсвѣтъ, и гости утомились.
— „Пѣвца—зовутъ они—пусть выйдетъ онъ впе-
редь!
Чтобъ пиръ нашъ увѣнчать, чтобъ всѣмъ мы на-
сладились,
Пусть пѣсню старины предъ нами онъ споетъ!“
И, робкій пажъ, впередъ я выступилъ... Смиренно
Предъ королевой я колѣно преклонилъ,
Поднялся, звонкихъ струнъ коснулся вдохновенно,
И юный голосъ мой чертоги огласилъ...
Вначалѣ онъ дрожалъ отъ тайнаго смущенья,
Но ужъ слетѣлъ ко мнѣ мой благодатный богъ,
Ужъ осѣнилъ меня крылами вдохновенья,
И звукамъ гибкость далъ, и взоръ огнемъ зажегъ:
И вотъ, безвѣстный пажъ, я властвую толпою!..

Я покорилъ ее... Я вижу съ торжествомъ,
Какъ королева ницъ склонилась головою,
Какъ жадно рыцари внимають мнѣ кругомъ;
Я вижу очи дѣвъ, горящія слезами,
Полураскрытыя въ волненьи ихъ уста;
И льется пѣснь моя широкими волнами,
Какъ горная рѣка—кристальна и чиста.
И льется пѣснь моя, и мощною грозю
Гремитъ, разсыпавшись, на стонущихъ струнахъ...
Не громъ ли Божьихъ тучъ ударилъ надъ землею,
Не стрѣлы ль молніи сверкнули въ небесахъ?..
Какъ грозень былъ ударъ!.. Казалось, своды зала
Внезапно дрогнули и дрогнула земля,
И люстра изъ сквозныхъ подвѣсокъ хрустала
На серебрянъ цѣпей, померкнувъ, задрожала...
Но буря пронеслась, и струны недвижимы...
И вновь звучать онѣ подъ бѣглою рукой,
Какъ будто крыльями трепещутъ серафимы,
Какъ будто дальній звонъ несется надъ толпой..
Молитвенный напѣвъ чаруетъ и ласкаетъ.
И вотъ послѣдній звукъ, какъ легкой еиміамъ,
Какъ чистый ароматъ, сквозь окна отлетаетъ
Къ дрожащимъ звѣздамъ бездоннымъ небесамъ!
Я кончилъ...

Всѣ уста окованы молчаньемъ,
Всѣ груди поднятъ вздохъ... Но вотъ, къ моимъ но-
гамъ
Упалъ вѣнокъ, и нѣтъ конца рукоплесканьямъ,
И нѣтъ числа меня осыпавшимъ цвѣтамъ!..
Гремитъ и стонетъ залъ, волнуясь предо мною;
Растетъ привѣтный гулъ несчетныхъ голосовъ:
Такъ хмурый лѣсъ шумить, взволнованный грозю,
Такъ море въ бурю бьетъ о скалы береговъ.
Гремитъ и стонетъ залъ; но громъ рукоплесканій
Я слышу какъ во снѣ... Душа моя полна
Иныхъ, завѣтныхъ думъ и пламенныхъ желаній,
Иной награды ждетъ въ смущеніи она.
Ты, чей привѣтный взглядъ звѣздою путеводной
Сіялъ передо мной, чья красота зажгла
Во мнѣ восторгъ пѣвца, могучій и свободный,
О, неужели ты меня не поняла?..

Безумецъ! отгони напрасныя мечтанья!
 Священенъ тронъ ея!.. Молись... благоговѣй!
 Не дерзостной любви тревоги и желанья,
 А раболѣпный страхъ повергни передъ ней!
 Но вѣрить ли очамъ: *она встаетъ!*.. Мгновенно
 Затихшая толпа ей очищаетъ путь...
 Глаза ея горять свѣтло и вдохновенно,
 Подъ золотомъ парчи высоко дышитъ грудь...
 Она идетъ ко мнѣ—идетъ легка какъ греза,
 Чаруя прелестью улыбки и лица;
 И вотъ съ ея груди отколота роза
 Трепещетъ ужъ въ рукѣ счастливаго пѣвца!..
 Такъ въ дѣтствѣ я мечталъ...

II.

Съ тѣхъ поръ умчались годы,
 И нѣтъ ихъ, яркихъ сновъ фантазіи моей:

 Я сталъ пѣвцомъ труда, познанья и скорбей!
 Во славу красоты я гимновъ не слагаю,
 Побѣдъ и громкихъ дѣлъ я въ пѣсняхъ не пою,
 Я плачу съ плачущимъ, со страждущимъ страдаю,
 И утомленному я руку подаю!
 И пусть мой крестъ тяжелъ, пусть бури и со-
 мнѣнья,
 Невзгоды и борьбу принесъ онъ мнѣ съ собой,
 Онъ мнѣ дарилъ за то и свѣтлыя мгновенья,
 Мгновенья радости высокой и святой!
 Я помню ночь: бѣдна, какъ тяжело больная,
 Она слетѣла къ намъ съ лазурной вышины,
 Съ несмѣлой ласкою серебряннаго мая,
 Съ привѣтомъ сѣверной, задумчивой весны.
 Всѣ окна въ комнатѣ мы настѣжъ открыли,
 И, съ грохотомъ колесъ по звонкой мостовой,
 Къ себѣ и эту ночь радушно мы впустили
 На скромный праздникъ нашъ, въ нашъ уголъ тру-
 довой...
 А чуть вошла она—чуть ароматъ сирени
 Повѣялъ въ комнатѣ—и тихо вслѣдъ за ней
 Вошли какія-то оплаканныя тѣни,

Какихъ-то звуковъ рой изъ мглы минувшихъ дней...
Тѣмъ, кто закинуть былъ въ столицу издалека,
Неволью вспомнились родимые края,
Убогое село, и церковь, и поля,
И надъ нѣмымъ прудомъ недвижная осока.
Припомнился тотъ садъ, знакомый съ колыбели,
Гдѣ въ невозвратные младенческіе дни,
Скрипѣли весело подгнившія качели,
И звонкій смѣхъ стоялъ въ узорчатой тѣни;
Крутой обрывъ въ саду, бесѣдка надъ обрывомъ,
Тропинка, въ темный лѣсъ бѣгущая змѣей,
И полосы хлѣбовъ съ ихъ золотымъ отливомъ,
И мирный свѣтъ зари за сонною рѣкой...
И нашъ кружокъ примолокъ...

Суровыя лишенья,
Нужда, тяжелый трудъ и длинный рядъ заботъ
Томили долго насъ... мы жаждали забвенья.
И съ тихой пѣснею любви и примиренья,
Какъ въ дѣтскихъ снахъ моихъ—я выступилъ впе-
редь.

Не пышный залъ горѣлъ огнями предо мною:
Здѣсь, въ бѣдной комнаткѣ, тонувшей въ полумглѣ,
Сіяла только мысль нетлѣнной красотой
Въ вѣнцѣ изъ терніевъ на царственномъ челѣ!
И голосъ мой звучалъ не для пустой забавы
Пресыщенной толпы земныхъ полубоговъ:
Не требуя похвалъ, не ожидая славы,
Какъ братъ, я братьямъ пѣлъ, усталымъ отъ тру-
довъ.

Я пѣлъ сплотившимся подъ знаменемъ науки,
Я пѣлъ измученнымъ тяжелою борьбой,
Чтобъ не упали ихъ натруженные руки,
Чтобъ не разсѣялся союзъ ихъ молодой;
Я пѣлъ имъ свѣтлый гимнъ, внушенный упованьемъ,
Что только истинѣ побѣда суждена,
Что ночь не устоитъ передъ ея сіяньемъ,
Что даль грядущаго отрадна и ясна;
И все, что на душѣ отъ чернаго сомнѣнья
Я самъ, какъ цѣнный кладъ, въ ненастье сохра-
нилъ—
Всѣ лучшія мечты, всѣ смѣлыя стремленья—

Все въ звуки пѣсни той я вольно перелилъ!..
Я смолкъ... Мнѣ не гремятъ толпы рукоплесканья,
Не падаютъ къ ногамъ душистые вѣнки!
Наградою пѣвцу минутное молчанье,
Да чье-то теплое пожатіе руки...
Но что со мной?.. О чемъ, откуда эти слезы?..
Какъ гордъ, какъ счастливъ я, какъ ожиль я ду-
шой!..

О, родина моя, прими меня—я твой!..
И блекнуть яркія младенческія грезы,
И осыпаются ихъ призрачныя розы
Предъ счастьемъ, на-яву блеснувшимъ предо мной!..

С. Я. Надсонъ.

* * *

Вблизи святыхъ руинъ недавняго былого,
Спѣша устроили мы суетный базаръ.
Гдѣ смолкъ предсмертный стонъ, тамъ жизнь взы-
грала снова;
Гдѣ умиралъ герой, тамъ тѣшится фигляръ;
Гдѣ вопіялъ призывъ пророческаго слова,
Продажный клеветникъ свой расточаетъ жаръ,
Пѣвцы поютъ цвѣты, а ложные пророки
Васъ погружаютъ въ сонъ, увы, безъ нихъ глубокій!
О, пѣсня грустная! Въ годину мрака будь
Живымъ лучемъ хоть ты, мерцанью звѣздъ подоб-
нымъ.

Отвагой прежнею зажги больную грудь,
Угрозою явись ликующимъ и злобнымъ.
Что край родной забылъ,—ты, пѣсня, не забудь!
Развратный пиръ смути рыданіемъ надгробнымъ,
Какъ блѣдная луна средь ночи, говори,
Что солнце гдѣ-то есть, что будетъ часъ зари!

Н. Минскій.

Когда звѣздою путеводной
Тебѣ чуть Истина блеснетъ,
Съ душою смѣлой и свободной
Спѣши, куда она зоветъ!

О, знай, мой братъ, нѣтъ выше доли—
Ее искать и ей служить,
Съ ея могучей, вѣчной волей
Всю жизнь свою стараться слить!

Что всѣ гоненья, всѣ угрозы,
Всѣ тернія ея пути,
И оскорбленій тяжкихъ слезы
Для тѣхъ, кому ее найти

Далось сквозь долгій мракъ исканій,
Сквозь боль тоски о ней одной,
Сквозь мглу паденій и страданій
Души, сомнѣніемъ больной!

Что жизнь безъ Истины?—Ничто,
Тѣнь жизни, жалкое томленье,
Одинъ намекъ на бытіе,
Слѣпцовъ пустое сновидѣнье!

Лишь тотъ живетъ, чей умъ горитъ
Безсонной жаждой правды Божьей
И, отыскавъ ее, спѣшитъ
Порвать съ свей и общей ложью!

Лишь тотъ живетъ, кто жизнь кротовъ
Смѣнилъ на солнца блескъ, на вѣчно
Растущій свѣтъ... Тюрьму рабовъ—
На міръ свободы безконечной!

И. Горбуновъ-Посадовъ.

Артистъ Я. Тинсній.

Жрецъ.

Отрывокъ.

Изидинъ жрецъ въ Египтѣ жилъ
Святымъ въ народѣ онъ прослылъ
За то, что грѣшную природу
Онъ побѣдилъ въ себѣ, какъ могъ:
Ѣлъ только злаки, пилъ лишь воду
И весь, какъ мумія, изсохъ.
„Учитесь, — онъ вѣшалъ народу: —
Я жилъ средь васъ; я посѣшалъ
Вертепы роскоши порочной
И яствъ и питій искушалъ
Себя я запахомъ нарочно;
Смотрѣлъ на пляскѣ вашихъ дѣвъ,
Коварный слушалъ ихъ напѣвъ;
Съ мѣшкомъ, набитымъ туго златомъ,
Ходилъ по рынкамъ я богатымъ, —
Но вотъ, — ни крови, ни очамъ
Своей души въ соблазнъ я не далъ:
Я вашихъ брашенъ не отвѣдалъ
И злато бросилъ нищимъ псамъ.
И чистъ, какъ духъ, иду я нынѣ
Чтобъ съ Богомъ говорить въ пустынь!“

И вышелъ онъ, свои стопы
Въ пустыню дальнюю направля.
Смотрѣли вслѣдъ ему толпы;
Гіерофантъ, его наставя
На трудный путь, своей рукой
Благословилъ: „Иди, учися,—
Сказалъ,—и послѣ къ намъ вернися
И тайну жизни намъ открой!“

Минули многія ужъ годы...
О немъ пропалъ и самый слухъ;
Межъ тѣмъ, онъ въ таинства природы
Пытливо погружалъ свой духъ.
И, изнуренный, исхудалый,
Какъ тѣнь, въ пустынѣ онъ бродилъ
И іероглифами браздилъ
Людьми нетронутыя скалы.

Разъ у ручья онъ, между скалъ,
Бѣ весенній вечеръ возсѣдалъ.
Пустыня въ сумракѣ синѣла;
Верхушка пальмы лишь алѣла
Надъ головой его, одна
Закатомъ дня озарена...
И безъ конца, и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
Несясь невѣдомо куда
Въ степи, безъ цѣли и слѣда...
Что приносили эти звуки?
Пустыни ль жалобныя муки?
Иль гулъ отъ дальнихъ городовъ,
Гдѣ при огняхъ, среди пировъ,
Въ садахъ, во храмахъ раздаются
Кипящей жизни голоса
И отъ земли на небеса
Могучимъ откликомъ несутся?...
И вспомнилъ жрецъ, какъ-бы сквозь сонъ,
Какъ былъ къ сатрапу приведенъ
Обманомъ онъ на искусъ страшный...
Чертогъ въ цвѣтахъ благоухалъ,
Лилось вино, дымилися брашны,
Сатрапъ въ подушкахъ возлежалъ;
Предъ нимъ лезбіянка плясала,

Кида въ воздухъ покрывало;
Къ сатрапу бросилась потомъ
И кубокъ подала съ виномъ;
Ее обнявъ, отпивъ изъ кубка,
Поилъ онъ дѣву и въ уста
Ее лобзалъ и, какъ голубка,
Къ нему ласкалась красота;
Вдругъ онъ жрецу сказалъ, вставая;
„Она твоя! садись и пей!“
И ихъ оставилъ... И какъ змѣй,
Къ своей добычѣ подползая,
Чаруетъ взглядомъ и мертвитъ,
Она впила въ него очами,
Идетъ къ нему—и вдругъ руками
Онъ бѣлоснѣжными обвить!
Уста съ пылающимъ дыханьемъ
Къ нему протянуты съ лобзаньемъ,
И жизнью, трепетомъ, тепломъ
Охваченъ онъ... „Уйдемъ, уйдемъ!—
Она твердитъ,—бѣги со мною!
Вотъ бѣлый Ниль! Уйдемъ скорѣй,
Возьмемъ корабль, летимъ стрѣлою
Къ Афинамъ, въ мраморный Пирей!
Тамъ все иное,—люди, нравы!
Тамъ покрывалъ на женахъ нѣтъ!
Мужамъ поютъ тамъ гимны славы,
Тамъ воля, игры, жизнь и свѣтъ!“...
О, злая чары женской рѣчи!...
Благоухающія плечи
Предъ нимъ открыты.. рядъ зубовъ
Бѣлѣлъ, какъ нитка жемчуговъ...
Густыя косы рассыпались
Изъ-подъ повязки и, блестя,
Сережки длинныя качались,
По ожерелью шелестя...
И этотъ блескъ, и этотъ лепетъ,
И страстный пылъ, и сладкій трепетъ
Въ жреца всю душу взволновалъ:
Окаменѣлъ онъ въ изумленьи,—
Но вдругъ очнулся отъ забвенья
И съ дикимъ крикомъ убѣжалъ;

Къ чему жъ опять она мелькнула,
Какъ по пустынь мотылекъ?
И обернулась, и вздохнула,
Пролепетавъ: „а ты бы могъ...“
Смутился жрецъ, удвоилъ бдѣнье,—
Но дѣва все стоитъ предъ нимъ!
Ужъ въ неоступное видѣнье
Вперивши взоръ, онъ, недвижимъ,
Ей нѣжно шепчетъ, какъ подругѣ,
То страстно молить, то корить,
То вдругъ, очнувшись, въ испугѣ,
Какъ отъ врага, въ степи бѣжитъ...
Но нѣтъ забвенья, нѣтъ спасенья!
Въ его больномъ воображеньи
Какъ будто выжженъ ясный ликъ,—
Вездѣ лебзіянка младая!...
И кость въ немъ сохнетъ, изнывая,
Глаза въ крови, горитъ языкъ;
Косматый рыщетъ онъ въ пустынь,
Какъ звѣрь израненный, реветъ,
Въ песокъ катясь, міръ клянеть
И въ ярости грозитъ богинѣ...
А вокругъ, безъ цѣли, безъ слѣда,
Несясь невѣдомо куда,
И безъ конца и безъ начала,
Какъ будто музыка звучала,
И, сыпля звѣзды безъ числа,
По небу тихо ночь плыла...

А. Н. Майковъ.

* * *

Сосны, темныя сосны у моря сѣдого качаются:
Полонъ жалобы гуль ихъ глухой,
Въ даль косматыя тучи уныло ползутъ и сливаются
Съ безпріютно-холодною мглой.
Бьются волны сѣдья тоскливо у берега темнаго
И рыдаютъ, рыдаютъ... О чемъ?..

Не найду я покоя тревогамъ скитанья бездомнаго,
Одинокъ я въ скитаньи моемъ.

Чайка стонетъ... О, нѣтъ,—это сердце мое одинокое,
Это сердце въ тревогѣ больной
Бьется въ пѣнѣ волны бѣлокрылою чайкой далекою
Надъ сѣдою равниной морской.

Безпріютныя тучи, тоскою отчаянья темныя,
Льютъ холодныя слезы дождя
Въ безпросвѣтную даль, какъ и я, одиноко-бездомныя,
Навсегда, навсегда уходя.

Л. Андрусонъ.

* *
*

Свободное слово, бессмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракѣ былого!
Ты гибло въ темницахъ, среди рудниковъ,
Томилось въ неволѣ подъ гнетомъ оковъ.

* *
*

Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча.

* *
*

Свободное слово, великое слово,—
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ Прометей,
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей!..

* *
*

Но годы промчатся—ты смѣло воспрянешь,
И, сильное правдой, любовью, добромъ,
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ!

О. Н. Чюмина.

СВИДАНЬЕ.

Подберу я платье осторожно,
Я платочкомъ волосы накрою.
Выйду торопливо и тревожно,
И закрою двери за собою.

Скользкій сумракъ, освѣщенный бѣдно
Тусклымъ рядомъ фонарей пугливыхъ...
Я пройду неслышно, незамѣтно
Вдоль домовъ угрюмо-молчаливыхъ.

И туманъ лицо мое закроетъ
И обниметъ холодомъ и мглюю.
А душа—проснется и заноеетъ
Запоздалой, горькою тоскою.

Свѣтятъ окна ясно, молчаливо...
Дѣвочкой смущенной и несмѣлой
Я въ окно чуть слышно и пугливо
Постучу рукою неумѣлой.

Удивленный выйдешь ты навстрѣчу.
На тебя взглянуть я не посмѣю;
На твои слова я не отвѣчу:
Ничего сказать я не сумѣю.

Ты въ глаза пытливо мнѣ заглянешь.
И лицо закрою я руками...
Утѣшать, ласкать меня ты станешь,
Какъ ребенка, тихими словами.

М. Гентцельтъ.

АРТИСТКА Е. К. ЛЕШКОВСКАЯ.

* * *

Срель поднимается въ небо,
Сверкая могучимъ крыломъ...
И мнѣ бы хотѣлось, и мнѣ бы
Туда, въ небеса за орломъ!
Хочу! но безплоды усилья!—
Я дочь этой грустной земли,
И долго души моей крылья
Влачили въ грязи и пыли...
Люблю ваши дерзкіе споры
И яркія ваши мечты,
Но знаю я темныя норы:
Живуть въ нихъ слѣпыя кроты.
Красивыя мысли имъ чужды,
И солнцу душа ихъ не рада,—
Гнетутъ ихъ тяжелыя нужды...
Любви и вниманья имъ надо!
Они между мною и вами
Стоять молчаливой стѣной...
Скажите—какими словами
Могу я увлечь ихъ за мной?

Максимъ Горькій.

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя.
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается...
Слышу я, слышу, чей плачь разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая,
Днемъ она гибнетъ, и вполночь, и за полночь,
Гибнетъ она—и никто нейдетъ на помощь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь невеселая
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣснь про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещить, и воеетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растутъ сугробъ.
И молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита.
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣчахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ.
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно.
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,

Его посякли безпощадно...
Не умерь онъ. Полубольнымъ
Все рось, да рось. Но чѣмъ кормиться?
Что въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный,—все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она.
И все прядеть, прядеть все пряжу,
Иль, молча, спицами звенить,
Перчатки вяжетъ на продажу;
И все грустить, и все грустить.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши,
Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ;
Его глаза глядятъ безъ цѣли;
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежить и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ хуже мертвеца...
„Что жъ ты не спишь?“ она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы расвѣло...
Ты не озябла?—„Мнѣ тепло...“
И расвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣтъ, иль ѥромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда идти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!
Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ...
Хотѣлъ заплакать,—слезъ не стало...

И со двора, въ нѣмой тоскѣ
Побрель онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? онъ думалъ не о пищѣ
Шелъ не за хлѣбомъ,—на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Не ловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ:
„Послушай, сжался, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ, вотъ, въ сторонѣ,
Могилу пригдтовить мнѣ?“
— Ого! могильщикъ улыбнулся.
Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь,—зароютъ, не грусти...
Грѣшно болтать-то безъ пути...—
„Зароютъ, другъ мой, я не спорю.
Вѣдь, дочь-то, дочь моя больна!
Куда просить пойдетъ она?..
Кого?... Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!..“
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко.—
„Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно,—нужда!“
— Пожалуй, вырить не бѣда!

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: „полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь,
И чай налить: онъ есть теперь,

И есть дрова, и хлѣба много,—
Все дали люди... Встань, родной!
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...“
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

И. С. Никитинъ.

Г л а з а.

Были глаза, черные, прекрасные. Взглянуть
и смотреть, и спрашиваютъ.

И были глазенки, сѣрые, плутоватые—все шмы-
гають, ни на кого прямо не смотрятъ.

Спросили глаза:

— Что вы бѣгаете? чего ищете?

Забѣгали глазенки, засуетились, говорятъ:

— Да такъ себѣ, понемножечку, полегонечку,—
нельзя, помилуйте,—надо же, сами знаете.

И были глядѣлки,—тускляя, нахальныя. Уста-
вятся и глядятъ.

Спросили глаза:

— Что вы смотрите? что видите?

Скосились глядѣлки, закричали:

Да какъ вы смѣете? да кто вы! да кто мы? да
мы васъ!

Искали глаза глазъ такихъ же прекрасныхъ,—
не нашли, и сомкнулись.

Ведоръ Сологубъ.

Колыбельная пѣсня.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой—какъ я.
Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.
Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ, умирающій |
Въ тихой безднѣ сновъ.
Словно рѣчь безсвязная—
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!
Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива, какъ мы!
И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!
Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая—
Вся любовь моя!

Валерій Брюсовъ.

Артистъ С. И. Яковлевъ.

Сонъ на морѣ.

И море, и буря качали нашъ челнъ;
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ—
И двѣ безпредѣльности были во мнѣ,
И мной своевольно играли онѣ.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы,
И вѣтры свистѣли, и пѣли валы.
Я въ хаосѣ звуковъ леталъ, оглушенъ,
Надъ хаосомъ звуковъ носился мой сонъ.
Болѣзненно-яркій, волшебномъ-нѣмой,
Онъ вѣялъ легко надъ гремящею тьмой.
Въ лучахъ огневицы развилъ онъ свой міръ:
Земля зеленѣла, свѣтился эфиръ;
Сады, лабиринты, чертоги, столбы...
И чудился шорохъ несмѣтной толпы.
Я много узналъ мнѣ невѣдомыхъ лицъ,
Зрѣлъ тварей волшебныхъ, таинственныхъ птицъ,
По высямъ теоренья я гордо шагаль,
И міръ подо мною недвижно сіялъ...
Сквозь грезы, какъ дикій волшебника вой,
Лишь слышался грохотъ пучины морской.
И въ тихую область видѣній и сновъ
Врывались тѣни ревушихъ валовъ.

Ф. И. Тютчевъ.

Кузнецъ.

Дз-з-з-инь!... Бумъ!..

Онъ стоитъ среди вихрей огня,
Въ яркомъ блескѣ веселаго золота,
И звучить его пѣсня, звеня,
Подъ удары тяжелаго молота:

Дзинь! Бум-мъ!..

„Я не буду взывать къ небесамъ,
„Слезы лить и молить съ малодушными:
„Свою долю я выкую самъ
„Трудовыми руками послушными!“

Дз-з-з-инь!... Бум-мъ!..

„Не пойду я съ поклономъ къ врагу,
„Не согну я спину за подачку:
„Больше глаза я честь берегу
„И позоромъ ее не запачкаю.“

Дзинь!... Бумъ!...

„Не унижу я гордость мою
„И предъ другомъ въ минуту тяжелую:
„Самъ я молотомъ счастье кую,
„Подъ свободную пѣсню веселую.“

Дз-з-з-инь!.. Бум-мъ!..

„Ненавистенъ покорный покой —
„Ненавистна мнѣ жизнь подневольная;
„Дышитъ гнѣвной упорной борьбой
„Это сердце, горячее, вольное!“

Дз-з-з-инь!... Бум-мъ!

„Дѣдъ мой цѣпи свободѣ коваль
„Въ этой кузнѣ рукою покорною
„Я жъ хочу, чтобъ мой молотъ порваль
„Эту цѣпь вѣковую позорную.“

Дз-з-з-з-инь!... Бумъ!...

„Я хочу, чтобы равно для всѣхъ
„Солнце жизни сіяло прекрасное.
„Гей, сильнѣе работай, мой мѣхъ,
„Раздувай пламя яркое, красное!“

Дз-зинь!... Бум-мъ!

Онъ куетъ и поетъ, а кругомъ
Вьются искры огнистаго золота,
И звучить его пѣснь торжествомъ —
Вѣрой въ силу могучаго молота...

Вас. Смирновъ.

ПѢСНЬ ПЛѢННАГО ИРОКЕЗЦА.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Равнодушно они,
Для забавы дѣтей,
Отдирать отъ костей
Будутъ жилы мои...
Обругаютъ, убьютъ
И мой трупъ разорвутъ...
Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
И, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Неподвиженъ и смѣлъ,
Встрѣчу мигъ роковой
И, какъ воинъ и мужъ,
Перейду въ страну душъ,
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И рассказъ мой плѣнить
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживить;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.

И рекутъ они въ голосъ одинъ:
„Ты достойный прапрадѣдовъ сынъ!
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родныхъ разольемъ
Пыль вражды боевой!
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!“

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковсй,
Неподвижный отъ стрѣль,
Я, недвижимъ и смѣль,
Встрѣчу мигъ роковой.

А. И. Полежаевъ.

* * *

Я жду призыва, ищу отвѣта,
Нѣмѣетъ небо, земля въ молчаньи,
За желтой нивой—далеко, гдѣ-то,
На мигъ проснулось мое возванье.
Изъ отголосковъ далекой рѣчи,
Съ ночного неба, съ полей дремотныхъ
Все мнятся тайны грядущей встрѣчи,
Свиданій ясныхъ, но мимолетныхъ.
Я жду,—и трепеть объемлетъ новый,
Все ярче небо, молчанье глуше,
Ночную тайну разрушить слово,
Помилуй, Боже, нѣчныя души!
На мигъ проснулось за нивой гдѣ-то
Далекимъ эхомъ мое возванье.
Все жду призыва, ищу отвѣта,
Но странно длится земли молчанье.

Александръ Блокъ.

Ночлегъ Витикинда.

Ихъ двое шло, ночной порою,
Въ глухомъ, дремучемъ соснякѣ,
Какъ будто съ бою или къ бою,
Въ нагрудникахъ, съ мечемъ въ рукѣ,
Смотря сердито изъ-подъ шлема,
Могучіе богатыри;
И было дико все и нѣмо:
Кругомъ—лѣса да пустыри.

Шли оба въ помыслѣ суровомъ
О темномъ дѣлѣ иль бѣдѣ,
Лишь изрѣдка мѣняясь словомъ:
— Ты Альфа видѣлъ?—Видѣлъ.—Гдѣ?

— У рва, гдѣ выдержалъ онъ снова,
Стоя съ своими впереди,
Напоръ противниковъ.—Живого?
— Убитаго, съ копьемъ въ груди.

— Гдѣ Убальдъ?—Палъ съ своимъ отрядомъ,—
И смолкла вновь межъ ними рѣчь.
Спросившій со свирѣпымъ взглядомъ
Рукою стиснулъ тяжкій мечъ.

Выль злѣе вѣтеръ бурнымъ взрывомъ;
Темнѣе мракъ на землю легъ,
Сквозь сосны, подъ крутымъ обрывомъ,
Мелькнулъ вдругъ дальній огонекъ.

— Ого! намъ отдыхъ будетъ скоро;
Тамъ есть ночлегъ какой-нибудь.—
Пошли они туда, средь бора
Мечемъ прорублевая путь.

Вернулся угольщикъ. Въ тревогѣ
Его давно жена ждала,
Стоя съ ребенкомъ на порогѣ:
— „Какія вѣсти изъ села?“

Придвинулись къ огню, мальчишка
Сидитъ, смотря отцу въ глаза.

— Вѣстей хорошихъ нѣтъ излишка,
Подходить снова къ намъ гроза.

Ущелья наши какъ ни глухи,
Намъ безъ бѣды остаться врядъ;
Плохіе нынче ходятъ слухи.
Повсюду люди говорятъ,

Что былъ за лѣсомъ бой жестокой,
Что герцогъ Витикиндъ опять
Въ одной равнинѣ недалекой
На франковъ сильно двинулъ рать;

Что саксы грудами тамъ пали,
Что и народа твердый щитъ—
Графъ Альфъ погибъ и что едва ли
Самъ грозный герцогъ не убитъ.

Въ селеньяхъ горе и забота;
Къ намъ время лютое пришло!...
Чу! что за шелестъ? словно кто-то
Идетъ, ступая тяжело.

Вотъ слышишь: подошли къ забору;
Пойду взгляну я.— „Что смотрѣтъ?
Кому бродить объ эту пору
Въ пустынь? Лѣшій иль медвѣдь“.

Зовутъ. Жена глядитъ въ испугъ,
Мужъ съ двери крѣпкій снялъ замокъ:
Ступили, въ шлемъ и кольчугъ,
Два грозныхъ гостя черезъ порогъ.

— „Хозяинъ, дай ночлегъ,“—И сѣли,
Угрюмые, предъ огнемъ.—
„Какія бъ ни были постели,
Нѣтъ нужды, мы на нихъ заснемъ“.

И шлемъ, надвинутый надъ бровью,
Снялъ старшій; вокругъ главы вилась
Повязка, смоченная кровью.
Повель онъ взоромъ дикихъ глазъ,

На тяжкій мечъ склонясь устало,
Вокругъ убогаго жилья,

Гдѣ молча ужинъ припасала
Пришельцамъ бѣдная семья.

И на челѣ его суровомъ
Сгушался гнѣвной тучи мракъ.
И вспыхнуло въ огнѣ багровомъ
Его лицо:—„Скажи, землякъ,

Къ чему тамъ на стѣнѣ, надъ входомъ,
Тѣ двѣ проведены черты,
Которымъ снова мимоходомъ
Какъ будто поклонился ты?“

Смутился угольщикъ, отвѣта
Онъ дать не знаетъ злымъ гостямъ:
—„Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя тамъ“.—

И, скрыть стараясь думъ волненье,
Онъ взоръ потупилъ.—„Если такъ,
Исполни же мое велѣнье:
Пойди и плюнь на этотъ знакъ“.

Хозяинъ дрогнулъ, какъ стрѣлою
Пронзенный! бросилъ на своихъ
Онъ взглядъ, исполненный тоскою,
Съ устъ вздохъ сорвался—и утихъ.

И гостю житель хаты бѣдный,
Какъ безпощадному врагу,
Взглянулъ въ лицо и молвилъ, блѣдный:
—„Хоть убивайте, не могу!“

Всталъ богатырь съ улыбкой ярой
Съ скамейки.—„Видитъ же Воданъ!
Пройду я здѣсь тяжелой карой;
Не пощажу я христіанъ!

Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу:
Бери топоръ,—тебя безъ стычки,
Какъ тварь, зарѣзать не хочу“.

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула.—„Становись къ борьбѣ,

И помолись своею молитвой,
Чтобъ посчастливилось тебѣ.

Нѣтъ лучшаго тебѣ совѣта:
Надежда насъ смягчить пуста,—
Я герцогъ Витикиндъ, а это
Графъ Гуннаръ, злѣйшій врагъ Христа“.

Стоялъ хозяинъ безъ движенья,
Смерть ожидая; пала въ прахъ
Жена предъ знакомъ искупленья
Съ мольбой, замершей на устахъ.

Схватилъ ребенокъ ножъ и рядомъ
Съ отцомъ, къ сраженію готовъ,
Онъ сталъ и молвилъ, мѣря взглядомъ
Обоихъ яростныхъ бойцовъ:

— „Отецъ! храбрися! станемъ смѣло!
Что намъ бояться этихъ злыхъ?
Еще не кончено вѣдь дѣло,—
Насъ также двое противъ нихъ“.

Остановился вождь сердитый,
Притихъ, на мальчика смотря.
Ложился отблескъ думы скрытой
На грозный ликъ богатыря.

— „Нѣтъ!—выговорилъ онъ, и звонко
Мечъ зазвенѣлъ, въ ножны скользя,—
Нѣтъ, Гуннаръ! Этого ребенка
Губить не слѣдуетъ—нельзя“.

И оба укрѣпили снова
Свои доспѣхи и пошли;
И стихъ средь пустыря ночного
Звукъ шага тяжкаго въ дали.

Н. Н. Павловъ.

Ученица.

(Отрывокъ).

Почти каждую ночь мама спрашиваетъ меня, почему я такъ долго не засыпаю и ворочаюсь. Отвѣчаю, что въ комнатѣ душно. Это и правда, и неправда. Днемъ мнѣ задаютъ вопросъ, отчего я не иду гулять. Снова приходится говорить почти неправду: жарко, все бѣлье прилипаетъ, прическа разлазится...

Въ одномъ маленькомъ разказѣ я вычитала, будто вѣрнѣйшій признакъ того, что дѣвушка серьезно полюбила,—это конецъ ея искренности съ матерью. Изъ прочитаннаго я помню вообще многое, но эта фраза осталась въ моихъ мозгахъ, будто ее тамъ захлопнули.

Чтобы избѣжать вопросовъ мамы, я все чаще и чаще уѣзжаю погостить на дачу къ моей подругѣ Зинѣ. Это пухлое, доброе существо съ хорошимъ аппетитомъ и еще лучшимъ сномъ. Она такъ же, какъ и я, единственная дочь, у нея нѣтъ даже брата. Обѣ мы живемъ, ни въ чемъ не нуждаясь, и, послѣ окончанія гимназiи, обѣ не знаемъ, зачѣмъ живемъ. Зина рѣшительно ни въ чемъ меня не понимаетъ, и за это я ее люблю. Очень люблю. Съ ней я будто одна. Ни малѣйшее движенiе моей души для нея не замѣтно. Возлѣ нея я дѣйствительно отдыхаю,

только не ночью. Ложась съ Зиной въ одной комнатѣ, я такъ же мучаюсь до разсвѣта на горячихъ простыняхъ, какъ и дома. Часовъ въ пять, наконецъ, смыкаются мои глаза, но вмѣсто сна, опять дѣйствительность то страшная, то до обморока сладкая. Каждый разговоръ я запоминаю такъ же, какъ наяву. Иногда до десяти часовъ утра моя короткая девятнадцатилѣтняя жизнь точно въ кинематографѣ проходитъ вся съ начала до конца.

Не люблю я іюльскихъ ночей, особенно когда съ вечера собирается гроза. Далеко за деревьями улыбнется равнодушной усмѣшкой зарница, блеснетъ по крышамъ хатъ, и опять темно и душно. Ждешь минуты полторы, пока снова дрогнетъ фіолетовый огонь, и въ то время чувствуется, что кто-то стоитъ возлѣ меня, знаетъ все, что я думаю, и скрыться отъ него нельзя и некуда. Это сладко и страшно.

Три года назадъ (а кажется, будто три недѣли) я перешла въ пятый классъ. Я поздно поступила въ гимназію, и мнѣ было уже шестнадцать лѣтъ. Тогда особенно хотѣлось жить и мозгами, и физически. Качаясь на „гигантскихъ шагахъ“, я любила, чтобы меня заносили подъ „звѣздочку“. Мнѣ нравилось летать вокругъ столба, какъ птица, и меня не пугала мысль сорваться и убиться на смерть. Мнѣ нравилось также, что въ это время товарищи моего брата Миши, восьмиклассники, смотрятъ на мои ноги, и не было стыдно, а хотѣлось только, чтобы они думали, будто я сама объ этомъ думать не могу и не умѣю.

И теперь, и всегда мнѣ казалось, что самое дорогое, данное Богомъ женщинѣ,—это способность скрывать свои мысли и чувства. Это единственное наше прочное счастье, а все остальное—безъ ложки дегтя, а то и горчайшаго яду,—самое большое на годъ.

Можетъ быть, поэтому я такъ панически боюсь всѣхъ людей, желающихъ угадать, что у меня на душѣ, впрочемъ, кромѣ одного; но его ужъ нѣтъ!..

Мною сильно увлекались.

Недостатка въ поклонникахъ не было. Они пи-

сали мнѣ письма на цвѣтныхъ бумажкахъ, умоляли дать фотографію, обѣщали застрѣлиться... Самому пылкому изъ нихъ, большому другу моего брата, Васѣ Колосову, было двадцать лѣтъ; но я знала, что я старше его, больше его понимаю жизнь и ея немилосердные законы.

Всѣ эти „любви“ были похожи одна на другую и поэтому очень скучны. А мнѣ хотѣлось, чтобы мною заинтересовался такой человекъ, которого знаетъ и любитъ, если не вся Россія, то по крайней мѣрѣ весь городъ. И чтобы безъ меня для него не было жизни, совсѣмъ не было!..

II.

Словесность преподавалъ у насъ Николай Ивановичъ Равенскій. Я видала его и раньше въ коридорахъ гимназіи. Синій сюртукъ дѣлалъ его похожимъ на остальныхъ учителей; я никогда не слышала его голоса и, можетъ быть, поэтому совсѣмъ не замѣчала.

Пришелъ онъ къ намъ въ классъ двадцать шестого августа,—какъ разъ въ день моихъ именинъ,—сдѣлалъ переключку, покосился на классную даму, какъ-то особенно внимательно посмотрѣлъ на меня, потомъ отошелъ къ окну и заговорилъ. Подъ конецъ урока я поняла, что учителямъ данъ языкъ не только для того, чтобы дѣлать замѣчанія и спрашивать заданное.

Сначала я слушала плохо и разсматривала наружность Равенскаго. Было у него съ кѣмъ-то огромное сходство, и я никакъ не могла понять—съ кѣмъ. Борода у него была свѣтлая, волосы чуть вились, и сѣрые большіе глаза смотрѣли умно и непокойно. Дома у насъ въ спальнѣ у мамы стоялъ въ кювѣ старинный образъ Христа, художественной работы. И когда Равенскій еще разъ посмотрѣлъ прямо на меня, я поняла, что онъ очень похожъ на этотъ образъ. Поняла и испугалась своей мысли.

У него былъ глуховатый, мягкій баритонъ, вотъ какъ звучитъ низкая нота на роялѣ, придавленная

сурдинкой. Вѣроятно, Равенскому было далеко за тридцать, но въ выраженіи его глазъ, въ поворотѣ головы чувствовалось что-то молодое, душевно-свѣжее и чистое. Только цвѣтъ лица у него былъ какъ будто сѣрый, нездоровый.

Онъ совсѣмъ игнорировалъ учебникъ, и возможно, что только поэтому многія изъ моихъ одноклассницъ въ концѣ концовъ поняли, что такое словесность, хотя были и такія, которыя до самаго выпуска думали, что это искусство правильно ставить буквы ю. Черезъ мѣсяць для меня было загадкой, почему изъ нашихъ ученицъ только я да еще двѣ подруги увидѣли, что Равенскій необыкновенный человѣкъ, совсѣмъ непохожъ на всѣхъ другихъ людей.

Послѣ новаго года мнѣ захотѣлось, чтобы онъ полюбилъ меня, чтобы безъ меня для него не было жизни, совсѣмъ не было. И чтобы объ этомъ никогда и никто не узналъ.

Я стала рѣшительно отвергать ухаживанія гимназистовъ. Вася Колосовъ чуть не застрѣлился въ моемъ присутвіи, но и это меня не тронуло. Я мечтала только о своемъ богѣ, я тревожилась за его здоровье, я старалась угадать, о чемъ онъ думаетъ и чего хочетъ. Я сдѣлалась хитра, какъ лисица. Часто во время третьяго урока я жаловалась классной дамѣ на головную боль, а на преремѣнѣ сейчасъ же уходила и тихо подымалась вверхъ по улицѣ, ожидая, когда меня обогонитъ Равенскій.

Бывало, замедляешь шаги, какъ только можно. Пробѣгугъ мимо нѣсколько ученицъ приготовительнаго и перваго класса, остановятся у витрины магазина, посмотрятъ; которая-нибудь изъ дѣвочекъ подтянетъ чулокъ (приготовишки вѣчно поправляютъ чулки) и рысью, неровнымъ рядомъ, летятъ дальше... Оглянешься разъ, два, наконецъ, увидишь знакомую барашковую шапку, и дыханье станетъ чаще. А когда онъ догонитъ и, внимательно посмотрѣвъ, отвѣтитъ на поклонъ,—уже слышишь удары собственного сердца и вдругъ почувствуешь, что гонятъ оба уха.

Однажды я шла съ мамой, и мнѣ ужасно за хотѣлось оглянуться. Я повернула голову и сейчас же встрѣтилась съ милымъ всепонимающимъ взглядомъ Равенскаго. Потомъ мнѣ стало страшно, и я въ первый разъ въ жизни подумала, что на свѣтѣ не все такъ просто, какъ кажется.

Я была его лучшей ученицей. Отвѣчать урокъ такъ, чтобы меня съ интересомъ слушалъ весь классъ, было моимъ наслажденіемъ и единственнымъ способомъ обратить на себя вниманіе. Когда Равенскій ходилъ взадъ и впередъ, я часто глядѣла ему въ затылокъ и мысленно повторяла одну фразу: „Сегодня до самаго вечера думай только обо мнѣ, только обо мнѣ!“ Иногда мнѣ казалось, что онъ боится моего взгляда, и я радовалась.

Пришелъ май мѣсяцъ. И на устномъ, и на письменномъ экзаменѣ по словесности я получила двѣнадцать, кромѣ того мнѣ дали награду. Нашлись подружки, которыя рѣшили, что все это случилось лишь потому, что я дочь извѣстнаго, хотя уже и умершаго профессора. Я же, узнавъ, что перешла въ слѣдующій классъ, поняла только, что цѣлыхъ три мѣсяца не увижу Равенскаго, и чуть не заплакала.

III.

Лѣто было скучное, противное. Съ начала іюня наступила засуха. Крыша въ нашемъ домѣ, на хуторѣ, была желѣзная, и за день такъ накалялась, что въ комнатахъ дышать было нечѣмъ. Масляная краска на балконѣ таяла и ноги прилипали къ доскамъ. Я ходила грустная, въ легкомъ пеньюарѣ, надѣтомъ прямо на тѣло. Мы съ мамой были совсѣмъ однѣ. Я нѣсколько разъ звала къ себѣ Зину, но она все откладывала поѣздку.

Дождя все не было. Крестьяне служили молебны. Случилось два страшныхъ пожара, одинъ днемъ, другой ночью. При полной тишинѣ горѣли двѣ хаты. Сначала розовый, а потомъ бѣлый, дымъ огромнымъ столбомъ, медленно ползъ по черному небу. Хотя весь народъ уже сбѣжался, но въ цер-

кви продолжали непрерывно звонить по три раза, дэнь, дэнь, дэнь!.. Я стояла въ одной рубахѣ на балконѣ и глядѣла на зарево. Было очень страшно, и вдругъ почему-то особенно ясно вспомнился Равенскій.

Мы не спали до утра. На слѣдующій день, мама, взяла къ намъ въ усадьбу цѣлую семью погорѣльцевъ съ тремя дѣтьми. Одинъ мальчикъ былъ сильно обожженъ. Онъ ночевалъ на сѣновалѣ, и у него обгорѣли волосы и мясо на плечѣ и на рукѣ. Я все время перемѣняла ему компрессы, а онъ стоналъ и всхлипывалъ. Сладко было отъ сознанія, что если бы Равенскій видѣлъ меня въ эти минуты, то навѣрное порадовался бы.

Недѣли черезъ полторы погорѣльцевъ кое-какъ устроили. Снова стало скучно. Равенскій не выходилъ изъ головы. Я хотѣла ему написать, но не знала адреса. На дворѣ все еще стояла нестерпимая жара. Легче дышалось только ночью. Часовъ до двухъ, пока не заходила еще неполная луна, я лежала на окнѣ въ своей комнатѣ и смотрѣла на уснувшій садъ. Обыкновенно ни одной тучи не плыло по небу. Только разъ, уже въ началѣ іюля, послѣ полуночи, деревья зашумѣли какъ-то глухо и не весело. Луна спряталась. Снова стихло. Неувѣренно покряпалъ по листьямъ съ минуту дождикъ и пересталъ, точно подразнился. Я легла въ постель и уснула. Все, что пригрезилось мнѣ въ эту ночь, я помню до сихъ поръ.

Я задыхалась въ комнатѣ, потомъ надѣла пеньюаръ и туфли и вышла въ садъ. Не видя передъ собой ничего, я ступала по темной липовой аллеѣ. Какъ вдругъ мнѣ стало холодно и дрожь пробѣжала по всему тѣлу отъ затылка до пальцевъ на ногахъ. Въ самомъ концѣ аллеи, на скамейкѣ мнѣ нарисовалось человѣческая фигура; я не могла даже разсмотрѣть ея очертаній, но уже знала навѣрное, что это Равенскій. Вспомнилось, что я почти не одѣта, и все-таки тянуло впередъ, какъ тянетъ бросится внизъ, когда стоишь на большой высотѣ.

И я нисколько не удивилась, что онъ здѣсь,

на хуторѣ, въ нашемъ саду. И когда я съѣла къ нему на колѣни, а онъ обнялъ меня за талию, въ этомъ тоже не было ничего удивительнаго. Стало только тепло и на душѣ такъ радостно, какъ въ дѣйствительной жизни никогда не бывало.

Онъ былъ не въ учительскомъ сюртукѣ, а въ бѣломъ чесучевомъ костюмѣ, въ которомъ раньше я его никогда не видала. Но и пиджакъ этотъ показался мнѣ давно знакомымъ. Особенно обрадовалась я дорогому голосу.

— Знаете, Наташа, дорогая Наташа, я живу на свѣтѣ уже тридцать пять лѣтъ и, быть можетъ, мой конецъ недалекъ... А вотъ я только въ первый разъ чувствую себя дѣйствительно счастливымъ... Я—женатый человѣкъ—обнимаю васъ, гимназистку, мою ученицу,—вѣдь это въ сущности подлость непростительная... И вотъ ужасъ отъ сознанья этой подлости, помимо моей воли, дѣлаетъ это счастье еще острѣе. Я всегда думалъ, что человѣкъ—господинъ своихъ поступковъ; а сейчасъ я чувствую, что когда волю придавить сила стихійная, тогда человѣкъ—рабъ... Такихъ силъ двѣ: смерть и любовь... Я страшно испугался, когда увидѣлъ васъ въ первый разъ въ классѣ. Мнѣ будто сказалъ кто, что съ этого момента моя порядочность полетитъ внизъ, и моей воли больше нѣтъ и не будетъ, до самой смерти не будетъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и долго, не отрываясь, глядѣлъ на меня своими прекрасными, добрыми глазами.

Мнѣ хотѣлось отвѣтить ему что-нибудь необыкновенно ласковое, но я не могла выговорить ни одного слова и только еще сильнѣе прижалась грудью къ его плечу. Щека моя чувствовала шелковистую бороду. Я знала, что мы сейчасъ поцѣлуемся. Губы у него были горячія и влажныя, и мнѣ почудился соленый вкусъ крови. Я задышалась... Одну секунду у меня была мысль, что я сейчасъ умру. Я силилась еще разъ вдохнуть и—вдругъ проснулась у себя въ комнатѣ.

Двадцать перваго августа въ гимназіи былъ молебень. Я пришла въ девять часовъ утра радостная, гладко причесанная, въ бѣломъ передникѣ. Зина и другія ученицы очень мнѣ обрадовались. Всѣ онѣ нашли, что я очень похудѣла и глаза мои смотрятъ иначе, чѣмъ прежде. Въ коридорахъ пахло масляной краской. У педелей на мундирахъ были новые галуны и пуговицы. Классныя дамы суетились. Приходили и раздѣвались въ швейцарской учителя. Равенскаго не было, но я знала, что онъ придетъ, какъ только начнутся настоящія занятія.

Когда, черезъ недѣлю, онъ вошелъ въ классъ, мнѣ показалось, что парта подо мною двинулась и поплыла въ сторону. Я быстро овладѣла собою. За это короткое время онъ какъ будто поправился. Лицо не было очень худымъ. Голосъ звучалъ увѣренно и спокойно. Въ первыя минуты Равенскій избѣгалъ смотрѣть на меня и только въ серединѣ урока наши глаза встрѣтились. Одну секунду онъ проглядѣлъ на меня и точно приласкалъ. Я вздрогнула такъ, что если бы со мною рядомъ сидѣла не Зина, а другая ученица, то она бы навѣрное это замѣтила.

Хотѣлось до страсти поговорить съ нимъ свободно, по человѣчески, но это было совсѣмъ невозможно. Приходилъ онъ въ гимназію всегда къ одиннадцати, когда я была уже тамъ, и домой уѣзжалъ на извозчикѣ. Оставалось довольствоваться тѣмъ, что я слышала его голосъ въ классѣ. Зато, хоть разъ въ недѣлю, я видѣла его во снѣ, и тогда мы говорили, какъ равные люди; и было настоящее счастье.

Праздники прошли скучно. Наступили такіе морозы, что нельзя было даже кататься на конькахъ, не рискуя отморозить носъ. Приходилось сидѣть дома и браниться со студентами. Я ждала теперь начала занятій, какъ ждала кога-то въ маленькихъ классахъ начала каникулъ. Наконецъ, снова началась гимназическая жизнь. Равенскій долго не ходилъ;

говорили, что онъ простудился и заболѣлъ. Я мучилась и не знала, что предпринять. У меня уже совсѣмъ, было, созрѣлъ планъ отправиться къ нему на квартиру и отъ имени всего класса узнать о его здоровьѣ у жены. Но какъ разъ въ этотъ день онъ пришелъ, коротко остриженный, съ завязаннымъ горломъ и сильно похудѣвшій. Когда онъ сидѣлъ, его брюки на колѣняхъ выдѣлялись острыми углами. И голосъ у него сталъ глуше.

— Тебѣ жаль Равенскаго? спросила я однажды Зину послѣ урока словесности.

— Ну, конечно, жаль. Хочешь ветчины?

Я ничего ей не отвѣтила и отпросившись у классной дамы, ушла домой. Вечеромъ я заперлась у себя въ комнатѣ и плакала, потомъ пробовала молиться и не могла.

Передъ масленой мы подали ему тетрадки съ новымъ домашнимъ сочиненіемъ. На второй недѣлѣ поста педель Василій принесъ эти тетради исправленными и сказалъ, что Равенскій со всей семьей уѣхали въ Крымъ.

Я растерялась и машинально перелистовала свое сочиненіе. Отмѣтки не было, а только въ концѣ стояло: „Хорошо, очень хорошо!“ Начальница объявила, что до самыхъ экзаменовъ у насъ будетъ преподавать словесность Козликовъ.

Незадолго передъ Пасхой, когда уже таято и поговаривали объ экзаменахъ, я пришла въ гимназію съ невыносимой головной болью,—не хотѣлось оставаться дома и разговаривать съ мамой. Былъ конецъ большой перемѣны. Звонокъ трещалъ особенно рѣзко и назойливо. Сотни голосовъ гудѣли въ коридорахъ. Я, закрывъ отъ боли глаза, сидѣла не двигаясь на своемъ мѣстѣ. Мои уши вдругъ услышали, какъ всталъ весь классъ. Инстинктивно я вскочила сама и открыла глаза. Въ дверяхъ стояла начальница и, ударяя себя по лѣвой рукѣ свернутой въ трубочку бумагой, говорила:

— Mesdames, вмѣсто четвертаго урока будетъ панихида. Вчера скончался въ Ялтѣ Николай Ива-

новичъ Равенскій. Идите въ залъ, только безъ шума и попарно.

Начальница вдругъ покачнулася, покачнулись и двинулись куда-то въ сторону окна и каеэдра, а бѣлыя стѣны стали голубыми. Въ ногахъ у меня сладко заныло, а потомъ кругомъ наступила темнота.

Я очнулася въ учительской. Двѣ классныя дамы суетились, растегивая мой корсетъ. Горничная Даша держала въ рукахъ графинъ. Голова у меня была мокрая. Начальница, съ перепуганнымъ лицомъ, стояла сбоку. Замѣтивъ, что я уже открыла глаза, она быстро заговорила:

— Ну, ничего, ничего, теперь все прошло! Видите, какая вы впечатлительная! Вамъ нужно отдохнуть. Сейчасъ же поѣзжайте домой. Даша! ты проводишь барышню до извозчика.

Весной, какъ и каждый годъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наша гимназія, были экзамены, и я перешла въ седьмой классъ. А теперь, когда я пишу все это, мы съ Зиной окончили и восьмой. Жизнь идетъ ровно, иногда даже весело. Тяжко бываетъ только по ночамъ,—слишкомъ много думается.

Осенью я собираюсь поступить на курсы и утопить свое горе въ холодной наукѣ. Но, что бы эта наука и читающіе ее люди ни говорили, меня никто и никогда не разубѣдитъ въ томъ, что люблю и любима я такъ же, какъ любятъ живые живыхъ.

Бор. Лазаревскій.

Артистка М. Г. Савицкая.

Осеннее прощаніе Эльфа.

Въ небѣ благодать, въ небѣ радость, солнце
Льетъ живую сладость. Солнцу—вѣрность!
Солнцу—вздохъ!

Но листокъ родного клена, прежде сочный
и зеленый, наклонился и засохъ.

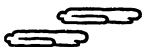
Въ небѣ снова ясность мая, облака проходятъ, тая,
въ завлекательную даль,
Но часы тепла короче, холоднѣй сырыя ночи, отле-
тѣвшихъ птичекъ жаль.

Ахъ! гдѣ тихо ропшутъ воды, вновь составить хо-
роводы легкихъ братьевъ и сестеръ!
Но никто не слышитъ зова, и гудитъ въ отвѣтъ
сурово порѣдѣвшей, строгій боръ.

Вѣютъ струи аромата и по нивѣ, грустно сжатой,
и по скошеннымъ лугамъ,
Но ни бабочекъ блестящихъ, ни стрекозъ, въ лучѣ
дрожащихъ, не видать, ни здѣсь ни тамъ!

Гдѣ вы, братья! сестры, гдѣ вы! наши пляски и
напѣвы—отзвенѣли, отошли!
Сгибнуть эльфамъ легкокрылымъ, вмѣстѣ съ авгу-
стомъ унылымъ, вмѣстѣ съ прелестью земли!
Но сегодня въ небѣ радость, солнце лъетъ, прощаясь,
сладость. Солнцу—вѣрность!
Солнцу—вдохъ!
Въ мигъ послѣдній съ тѣмъ же гимномъ, здѣсь, въ
лѣсу гостепріимномъ, упаду на сѣрый мохъ!

Валерій Брюровъ.

* *
* *

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой;
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной;
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья!—хочу быть вашимъ,
На трудъ, на битву я готовъ,
Лишь бы начать въ союзъ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ;
Но если нѣтъ,—мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я, работа наша
Ужъ прилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ея не оттолкнетъ.

Н. А. Добролюбовъ.

На разсвѣтѣ.

Въ бѣлой маленькой запискѣ
Попросила я
Тѣхъ, кто мнѣ считались близки,
Не жалѣть меня.

Голова чуть-чуть кружилась...
Чуткая, какъ воръ,
Я по лѣстницѣ спустилась
На пустынный дворъ.

Синій мѣсяцъ скрылся рано,
Раньше блѣдныхъ звѣздъ.
Бѣлымъ облакомъ тумана
Быль окутанъ мостъ.

Обвела прощальнымъ взглядомъ
Небо за селомъ.
Мирно спящимъ, старымъ садомъ
Обошла весь домъ...

Долго по полю бѣжала
По травѣ сырой.
Жадно грудь моя дышала
Сыростью ночной.

У рѣки, гдѣ омутъ черный,
Притаилась я—
Беззащитной, безпризорной,
Какъ судьба моя.

Громко свистнулъ въ ближней рошѣ
Грузный паровозъ.
Зашумѣлъ кустарникъ тощій,
Зашуршалъ овесъ.

Поклонились низко травы...
Было, какъ во снѣ...
Бѣлоснѣжныя купавы
Улыбнулись мнѣ.

Лѣсъ проснулся... Весель, звонокъ,
Загсрѣлся день...

Я рыдала, какъ ребенокъ...
 Сѣла на плетень,
 Обняла сосну сѣдую,
 Какъ свою сестру,
 И, шершавую, сухую
 Гладила кору.
 И забилося сердце робко:
 Запросилось жить...
 Я къ водѣ сбѣжала тропкой
 Голову смочить.
 Какъ прохладны были струи!
 Вся зардѣлась я:
 Точно чьи-то поцѣлуи
 Нѣжили меня.
 Точно голосъ юный, гибкій
 Тихо говорилъ:
 „Я тебя веселой рыбкой
 Въ море отпустилъ.
 Отчего ты хочешь снова
 Въ холодъ темноты?
 Развѣ неба голубого
 Не видала ты?
 Или мѣръ для сердца тѣсенъ—
 Некуда летѣть?
 Или вольныхъ, звонкихъ пѣсенъ
 Не могла ты пѣть“?..
 Въ мелкихъ брызгахъ рассыпался
 Жемчугъ водяной,
 И ко мнѣ, смѣясь, ласкался
 Воздухъ золотой

В. Башкинъ.

Въ безднѣ.

Я въ темной безднѣ, во мракѣ ночи,
Гдѣ вьется воронъ, шипитъ змѣя,
Уста не ропщутъ, не плачутъ очи
И безнадежна душа моя.

Явись, надежда, на возвращенье
Туда, гдѣ небо, цвѣты земли,
Гдѣ шумъ дубравы, людей движенье,
Гдѣ дни блаженства мои текли!

Я въ темной безднѣ, я поднѣялъ очи,
Ищу лазури... Но свѣта нѣтъ!
И вѣтъ сырость во мракѣ ночи...
Зажгитесь, звѣзды, явися, свѣтъ!

Заря, заря, свѣти побѣднѣй!
Но если вѣчно не взглянетъ твердь,
Звучите, стоны тоски послѣдней,
Послѣдней ночи!.. Явися, смерть!

К. Фофановъ.

* * *

Какъ звонъ цѣпей, мой стихъ угрюмъ,
Однообразенъ, однозвученъ.

Но я тоской суровыхъ думъ
И тяжкимъ гнетомъ зла измученъ!

Засну ль,—все тотъ же дикій сонъ,
Глухая жизнь гнететь кошмаромъ:
Я вижу стѣны, слышу стонъ...
И нѣтъ конца проклятымъ чарамъ!..

Н. Шрейтеръ.

У Л И Ц Ы.

Улицы вечернія. Улицы холодныя.

Грохоть экипажей... Блѣдной чередой
Двигаются женщины, больныя, несвободныя,
Взоръ маня продажною, усталой красотой.

Улицы вечернія. Улицы тоскливыя,
Узкія, пустынныя, глухія, какъ тюрьма.
Каменныя зданія, угрюмо молчаливыя,
Фонарей мерцаніе и трепетная тьма.

Каменныя зданія и лица утомленныя
Вѣютъ безотраднoю, усталoю тоской...
Вамъ проклятье, улицы, развратомъ опьяненныя,
Кровью опьяненныя и мукою людскою!..

Яковъ Годинъ.

* * *

Ясотку свою пѣснь не изъ счастья и грезъ,
Не изъ солнечныхъ яркихъ лучей,—
Пѣснь свою я скую изъ страданій, и слезъ,
И изъ муки безсонныхъ ночей.
И рыданій, и стоновъ, и горя полна,
Прозвенить моя пѣснь надъ землею,
И пробудить людей отъ ихъ крѣпкаго сна,
И нарушутъ ихъ сытый покой,
И зажжетъ она скорбью людскія сердца,
И заставитъ счастливыхъ страдать,
И сама надъ страданьемъ людскимъ безъ конца
Будетъ пѣснь та звенѣть и рыдать.

Бескинъ.

Артистъ Н. Н. Ходотовъ.

Минувшіе дни.

Изъ П. Шелли.

Какъ тѣнь дорогая умершаго друга—
Минувшія дни.

Цвѣты—невозвратно отцвѣтшаго луга,
Мечты—чьи навѣки угасли огни,
Любовь—съ беззавѣтною жаждой другъ друга—
Минувшіе дни.

Насъ нѣжно ласкали тогда сновидѣнья,
Въ минувшіе дни.

Была ли въ нихъ радость, иль было мученье
Намъ были такъ сладко желанны они,
Мы ждали еще, о, еще упоенья,
Въ минушніе дни.

Намъ грустно, намъ больно, когда вспоминаемъ
Минувшіе дни.

И какъ мы надъ трупомъ ребенка рыдаемъ,
И мукъ сказать не умѣемъ: „Усни“,
Такъ въ скорбную мы красоту обращаемъ
Минувшіе дни.

К. Д. Бальмонтъ.

МОНОЛОГЪ.

Посвящается Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской.

Начала ждете вы... вы, кажется, хотите,
Чтобъ вамъ я что-нибудь веселое прочла...
Но очень васъ прошу, немножко подождите—
Я все еще въ себя какъ будто не пришла...
Сегодня что-то я—совсѣмъ не въ настроеньи,
Боюсь, что у меня не выйдетъ ничего...
Я слишкомъ далека отъ васъ теперь, отъ
чтенья...
Ахъ, Боже мой!.. Сейчасъ я встрѣтила его...
Казалось мнѣ, что я давно его забыла,
Что память о быломъ развѣялась въ тоскѣ.
У бабушки тогда я лѣто проводила
Въ излюбленномъ толпой курортномъ уголкѣ.
Въ обычные часы—на пляжѣ вереницы
Гуляющихъ съ тапанъ затянутыхъ дѣвицъ,
Спортсменовъ важный тонъ, кокетство мѣст-
ной львицы—
Пустой калейдоскопъ банально скучныхъ
лицъ,
Избитый разговоръ о модахъ, о погодѣ,
Веселенькій оркестръ, ненужный и смѣшной,
Какъ жалкій диссонансъ въ торжественной природѣ,
Поющей безъ конца и солнцемъ и волной,—
Все было чуждо мнѣ... Я выросла далеко
Отъ праздной суеты богатыхъ городовъ,
Я выросла въ тиши деревни одинокой,
Въ цвѣтахъ родныхъ полей, въ глуши род-
ныхъ лѣсовъ...
Мнѣ въ обществѣ всегда казались чѣмъ-то страннымъ
Условность чувствъ и позъ, искусственность рѣчей...
Нетронутой душой, сознаниемъ туманнымъ
Я вѣрила еще и въ Бога, и въ людей.
Но море, море!.. о, оно мнѣ близко было!..
(Стоялъ нашъ флигелекъ отъ центра вдалькѣ).
Я на берегъ порой съ зарею уходила
И цѣлый долгій день лежала на пескѣ...

Прислушивалась я къ пѣвчему приборю...
Казалось, что несетъ мнѣ чью-то ласку онъ,
Что кто-то говоритъ таинственно со мною,
Невѣдомый, какъ жизнь, и вдумчивый, какъ сонъ...
А ночи страшныхъ бурь!.. А волнъ неугомон-
ность,
А вслѣдъ за ней опять глухая тишина...
О, если я могла понять тогда влюбленность,
То въ море я была конечно влюблена!..

Мы познакомились совсѣмъ обыкновенно—
Онъ былъ на берегу ближайшій нашъ сосѣдъ,
Годами, какъ и я, ребенокъ совершенно,
Душою, какъ и я, немножечко поэтъ...
Мы познакомились и сдѣлались друзьями.
Онъ много говорилъ о святости труда,
О томъ, что мы должны дѣлиться съ бѣдня-
ками,
Чтобъ въ мирѣ не росла ужасная нужда...
О томъ, какъ въ жизни все прекрасно и велико,
Какъ ясенъ миръ идей... а также и о томъ —
Не смѣйтесь... что во рву поспѣла земляника
И какъ бы хорошо пойти за ней вдвоемъ...
Вы скажете сейчасъ, что глупы эти темы...
Но все, что говорилъ, что думалъ даже онъ,
Все было для меня безсмертная поэма...
Все было для меня—незыблемый законъ!..
Я слышала въ его безсвязномъ разговорѣ
Тѣ самыя слова любви и красоты,
Что мнѣ въ полдневный часъ нашептывало море,
Въ волшебнo-чудный край неся мои мечты...
Любилъ ли онъ меня?.. Неясно сердцу было...
Порой казалось—да, порой казалось—нѣтъ...
Любилъ ли онъ меня?.. Но я его любила,
Какъ море, какъ цвѣты, какъ молодость, какъ
свѣтъ...
Какъ быстро день за днемъ безпечные бѣжали!..
Какъ скоро промелькнулъ прелестный, лѣтній
сонъ!
Прошаясь, мы писать другъ другу обѣщали...
Я написала разъ—но не отвѣтилъ онъ...

Потомъ... потомъ меня съ нещадно-грубой
силой

Схватилъ водоворотъ житейскихъ золь и
благъ...

Страдала много я, быть можетъ, и любила,
Любила... можетъ быть—но только ужъ не
такъ!..

И послѣ столькихъ лѣтъ забвенья и разлуки
Сегодня въ первый разъ я встрѣтила его...
Узналъ ли онъ меня?.. Но кромѣ тусклой скуки
Не дрогнуло въ лицѣ усталомъ ничего...

Какъ могъ онъ не понять тоски моей гри-
зливной?..

Онъ прежде былъ ко мнѣ такъ полонъ доб-
роты...

Ужель въ моемъ лицѣ той дѣвочки наивной
Исчезли безъ слѣда счастливыя черты?..

Неужто я ему совсѣмъ, совсѣмъ чужая?..

И близкой не была ему я и тогда?..

И то, что я теперь съ восторгомъ воспоминаю,
Его своимъ тепломъ не грѣло никогда?..

Вамъ скучно, можетъ быть... смѣяться вы
хотите,

А я вамъ говорю про дѣтскую мечту,
И плачу я надъ ней... пожалуйста, простите—
Но я вамъ ничего сегодня не прочту...

З. Бухарова.

П Ъ С Н И.

Май на дворѣ... Началися посѣвы,
Пахарь поетъ за сохой,
Снова внемлю вамъ, родные напѣвы,
Съ той же глубокой тоской.

Но не одно гореванье тупое,
Плодь безконечныхъ скорбей,—

Мнѣ уже слышится что-то иное
Въ пѣсняхъ отчизны моей.

Льются смѣлѣй зауныванные звуки,
Полные силъ молодыхъ,—
Прежнихъ годовъ пережитыя муки
Грозно скопились въ нихъ

Такъ вотъ и кажется съ первымъ призывомъ
Грянуть они изъ оковъ
Къ вольнымъ степямъ, къ нескончаемымъ нивамъ,
Въ глушь необъятныхъ лѣсовъ.

Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть ты унынья страна...
Нѣтъ! я не вѣрю, что пѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Изъ Франсуа Коппе.

Сегодня вечеромъ ее увижу я!
Теперь готово все. Докучныя друзья
Давно удалены. Я свѣчи зажигаю.
Безжалостной рукой въ каминъ листки ввергаю
Въ разлукѣ тягостной написанныхъ стиховъ—
И жду. Условный часъ насталь. Ея шаговъ
Услышу легкой шумъ, какъ бѣгъ газели стройной...
О, музыка шаговъ! Душею безпокойной
Тоскуя, мѣста я не находилъ,
Но этотъ звукъ меня за все вознаградилъ.
Сейчасъ она войдетъ, стараясь скрыть волненье
И блѣдность робкую; и руки въ упоеньи
Другъ другу мы сожмемъ... Знакомый аромать
Съ невнятымъ шелестомъ струить ея нарядъ,
Тепломъ и комнаты и ласкъ моихъ объятій.
О, первый поцѣлуй черезъ вуаль неснятый!

— *дтв.*

И С К Р Ы.

Поѣздъ мчится гладью сонной;
Вкругъ пустынно, ночь темна,
Искръ летить каскадъ червонный—
Виденъ блескъ неугомонный
Изъ вагоннаго окна.

Золотистыми снопами
Мечетъ ихъ локомотивъ,
Гонить вѣтеръ ихъ толпами—
Искры вьются, мчатся сами
Въ даль полей и чахлыхъ нивъ.

Но, подавлены просторомъ,
Искры гаснутъ на лету:
Имъ, сверкнувшимъ метеоромъ,
Мракъ—въ полетѣ слишкомъ скоромъ—
Разогнать не въ моготу!..

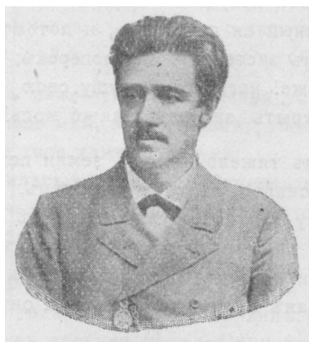
Край мой милый, край любимый!
Время мчится, и пора,
Чтобъ неслись въ просторъ родимый,
Какъ потокъ неистощимый,—
Искры знанья и добра.

Нива малопродукторна...
Безъ гигантскаго труда—
Ширь огромна, тьма упорна—
Знанья огненные зерна
Часто гибнуть безъ слѣда...

Поѣздъ въ даль стремится шумно—
Мимо бѣдность и печаль,
Ветхи избы, пусты гумна...
Мнѣ не спится, и безумно
Этихъ искръ потухшихъ жаль!

Н. Никифоровъ.

Артистъ П. М. Садовскій.

Сонъ Евгенія Арама.

Изъ Т. Гуда.

Теплымъ блескомъ горя, зажигалась заря,
Лѣтній вечеръ былъ ясенъ и тихъ;
Въ часъ назначенный вышла изъ школы толпа
Ребятишекъ безопасно-живыхъ;
Побѣжали они и далеко кругомъ
Голоса разливались ихъ.

И, какъ рой рѣзвыхъ пчелъ, на зеленой травѣ
Зашумѣлъ ихъ веселый кружокъ,
И смѣялись они, и безопасный ихъ смѣхъ
На минуту замолкнуть не могъ,
Но печаленъ и тихъ, удалившись отъ нихъ,
Ихъ учитель сидѣлъ одинокъ.

Наклонившись надъ книгой, онъ долго читалъ,
Не взглянулъ онъ ни разу кругомъ,
Не видалъ онъ румянаго блеска зари,
Что на небѣ горѣлъ голубомъ,
Взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ блѣденъ и худъ,
Какъ измученный долгимъ трудомъ.

Наконецъ, порывисто книгу закрылъ
И рукой исхудалой налегъ
Онъ на темный ея переплетъ, и потомъ
Сжалъ застежкой его поперекъ;
„О, мой Боже! когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть также могъ!“

И, вздохнувъ тяжело, онъ съ земли поднялся
И тоскливо, въ себя углубленъ,
Онъ по лугу бродилъ, будто призракъ могиль,
Свой подземный покинувшій сонъ;
И, глянувши кругомъ, подъ тѣнистымъ кустомъ
Увидалъ съ книгой мальчика онъ.

И, къ нему подойдя, „чѣмъ ты занятъ, дитя,—
Онъ спросилъ,— что читалъ ты сейчасъ?
Повѣсть, сказку? иль лѣтопись царствъ и людей,
Бывшихъ въ мѣръ задолго до насъ?“
Мальчикъ, вскинувъ глаза на него, отвѣчалъ:
„Нѣтъ объ Авелѣ это разсказъ“.

И учитель, услышавъ ребенка отвѣтъ,
Будто болью внезапной объять,
Поблѣднѣлъ, сдѣлалъ шесть торопливыхъ шаговъ
Шесть шаговъ и впередъ и назадъ,
Сѣлъ съ нимъ рядомъ потомъ и повелъ рѣчь о томъ
Какъ загубленъ былъ Каиномъ братъ.

О злодѣяхъ время, миновавшихъ давно,
О преданьяхъ убійствъ говорилъ,
И о людяхъ, зарѣзанныхъ въ темныхъ мѣстахъ,
Погребенныхъ средь тайныхъ могиль,
Объ ударахъ кровавыхъ, которые лѣсъ
Мрачнымъ шумомъ деревъ заглушилъ.

Говорилъ онъ, какъ ночью встаютъ изъ земли
Привидѣнья убитыхъ людей,
Какъ рукой окрававленной, кажутъ они
Мѣсто тайной могилы своей;
Говорилъ онъ о томъ, что небеснымъ судомъ
Обрекается казни злодѣй.

Говорилъ, что убійцы живутъ на землѣ,
Будто Каинъ, съ проклятой душой,

Что пылаеть въ нихъ мозгъ и предъ взорами ихъ
 Все одѣто кровавою мглой;
 И что имъ никогда съ рукъ не сгладить слѣда
 Крови, тайно отъ всѣхъ пролитой.

„Да,—сказалъ онъ,—ужасны мученья убійць,
 И я знаю ихъ, знаю вполнѣ;
 Горе, вѣчное горе тому, чья рука
 Обагрилась въ крови!... Снилось мнѣ
 Прошлой ночью, что былъ я злодѣй, что убилъ,
 Человѣка убилъ я во снѣ!

„Это былъ человѣкъ, мнѣ не сдѣлавшій зла,
 Старъ годами, безсиленъ и хилъ;
 Я увелъ его въ дальнее поле... Съ небесъ
 Мѣсяцъ холодно-ясень свѣтилъ...
 Здѣсь умереть онъ и деньги его я возьму—
 Такъ въ душѣ про себя я рѣшилъ.

„Два удара дубиной, одинъ за другимъ,
 Третій камнемъ тяжелымъ; затѣмъ
 Я широкимъ ножомъ грудь пронзилъ старику—
 И покончилъ съ нимъ дѣло совсѣмъ.
 И я видѣлъ: у ногъ моихъ трупъ его легъ
 Бездыханенъ, недвижимъ и нѣмъ!

„Неподвижный, нѣмой и безжизненный трупъ,
 Онъ вреда мнѣ ужъ сдѣлать не могъ;
 Но мнѣ страшень онъ былъ: такъ спокоенъ въ травѣ
 У моихъ онъ раскинулся ногъ;
 Онъ былъ мертвъ, былъ убитъ, но я видѣлъ—открытъ
 Взоръ его и печалень, и строгъ!

„Я стоялъ, и кругомъ мнѣ казалось, огнемъ
 Воздухъ жегъ и палилъ; средь огня
 Милліоны сверкали ужасныхъ очей
 И глядѣли они на меня...
 Трупъ я за руку взялъ и по имени звалъ
 Мертвеца, къ нему ликъ наклона.

„Но напрасно я звалъ: онъ недвижно лежалъ,
 И уста его смерть заперла!
 И когда я взялъ за руку трупъ, изъ него
 Кровь широкой струей потекла,

И, казалось по капль въ мой мозгъ пролилась
И какъ будто огнемъ его жгла!

„И застыло въ груди моей сердце, какъ ледь,
И на душу мнѣ ужась налегъ:

Мнѣ казалось, ее сжавши въ адскихъ когтяхъ,
Дьяволъ въ бездну проклятую влекъ.

И я долго стоналъ, а старикъ предъ концомъ
Простонать только два раза могъ!

„И тогда съ отуманенныхъ грустно небесъ,
Съ высоты ихъ, задернутой мглой,
Голосъ мстящаго кровью за братнюю кровь,
Страшный голосъ услышанъ былъ мной:

— „Ты, убійца, возьми своего мертвеца
И отъ взоровъ моихъ его скрой;“

„И я тѣло повлекъ, чтобы бросить въ потокъ;
Былъ онъ ясной луной озаренъ,

Но зіяла темна въ немъ, какъ ночь, глубина,
И заросъ грязной тиною онъ.

Не забудь, мой ребенокъ—прошу я тебя,—
Что вѣдь это все сонъ, только сонъ!

„Трупъ я въ воду спустилъ, и онъ глухо нырнулъ
И сокрылся подъ черной водой;

Я омылъ съ своихъ рукъ крови слѣдъ, и чело
Освѣжилъ я холодной струей;

И сидѣлъ въ тотъ же вечеръ я въ школь, и былъ
Окруженъ я младенцевъ семьей.

„Боже!—думалъ я — души такъ чисты у нихъ,
Какъ черна и преступна моя!

И не могъ раздѣлять я ихъ дѣтскихъ молитвъ:
Гимнъ вечерній не пѣлъ съ ними я.

И какъ дьяволъ между херувимовъ святыхъ,
Я стоялъ, грѣхъ убійства тая!

„И младенческимъ сномъ безаботно потомъ
Всѣ заснули они; но со мной

Преступленья, мой гнусный товарищъ, пошло,
Чтобъ меня проводить на покой,

И задернуло пологъ постели моей
Обагренною кровью рукой.

„Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я отъ боя до боя часовъ;
Сердце рвалось отъ мукъ: этотъ медленный звукъ
Говорилъ мнѣ о смерти безъ словъ,
И, какъ въ саванъ, меня обвивала вокругъ
Ночь въ свой темный, печальный покровъ.

„И вставала въ моей головѣ мысль одна,
Всѣ другія смѣняя собой,—
Съ каждымъ новымъ мгновеньемъ владѣла она
Все сильнѣй и сильнѣе душой:
Мнѣ хотѣлось опять увидать, увидать
Человѣка, убитого мной.

„Лишь пришелъ утра часъ, лишь заря занялась,
Всталъ я тяжко съ постели своей,
Вышелъ въ поле и тамъ дикимъ взоромъ искалъ
И нашелъ я проклятый ручей:
Половина воды въ немъ изсыкла, и трупъ
Въ грязной тинѣ виднѣлся подъ ней!

„Тяжело задыхаясь, я поднялъ его
И, какъ воръ, побѣжалъ съ мертвецомъ;
Я былъ долженъ спѣшить трупъ въ могилу зарыть:
Утро яснымъ смѣнялося днемъ.
Я въ лѣсу его скрылъ въ кучѣ листьевъ сухихъ,
Подъ нависшимъ деревьевъ шатромъ.

„День тотъ въ школѣ провелъ я, съ дѣтьми я читалъ,
Но я думой былъ въ мѣстѣ иномъ...
И лишь кончить я могъ свой полдневный урокъ,
Въ лѣсъ пришелъ я: развѣялъ кругомъ
Вѣтеръ листья сухіе—и онъ предо мной
Обнаженнымъ лежалъ мертвецомъ!

„И руками лицо я закрылъ, и преникъ
Съ горькимъ плачемъ къ землѣ головой:
Грѣхъ проклятый убійства не скрыть мнѣ, не скрыть,—
Онъ отвергнуть сырою землей!
Гдѣ бъ я ни былъ: на сушѣ, на морѣ—пойдетъ
Моя тайна повсюду за мной!

„О, мой Боже, ужасный, ужасный то сонъ!
Онъ на вѣки унесъ мой покой.

Мнѣ мерещится каждую ночь, что я кровь
 Проливаю преступной рукой,
И луною облить, съ грустнымъ взоромъ лежить
 Неподвижный старикъ предо мной!

„Гдѣ бъ я ни былъ, со мною вездѣ эта мысль,
 Отъ нея не сокрыться мнѣ!.. Вотъ
И теперь, и теперь предо мною мертвецъ
 Изъ могилы кровавой встаетъ!“

Мальчикъ въ страхѣ глядѣлъ на учителя: онъ
 Блѣденъ былъ и лился съ него потъ.

На другую же ночь, въ часъ, когда тихій сонъ
 Прикоснулся ребенку къ очамъ,
Изъ воротъ городскихъ двое мрачныхъ людей
 Въ даль прошли и сокрылися тамъ;
И гремя кандалами въ ночной тишинѣ,
 Шелъ межъ ними Евгений Арамъ!

В. П. Буренинъ.

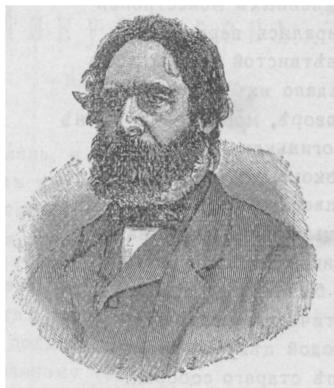
* * *

Изъ Арманъ-Сельвестра.

Дитя мое, источники живые
 Твои глаза и солнце въ нихъ порой
Отражено и льются огневые
 Лучи, сверкая дивною игрой.
Но вотъ легла задумчивость на нихъ...
Ты скажешь—въ часъ туманнаго заката,
Опаловая гладь озеръ нѣмыхъ
 Дыханьемъ влажныхъ сумерекъ объята.
Въ душѣ то вспыхнетъ яркій свѣтъ,
То будятъ скорбь измѣнчивыя вѣжды,—
То пламенной любви расцвѣтъ,
То вечеръ погасающей надежды...

Н. Э.

ГЕНРИ В. ЛОНГФЕЛЛО.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Умеръ славный Фогельвейде...
Жизнь на небо отлетѣла;
Въ старомъ Вюрцбургскомъ аббатствѣ
Онъ оставилъ только тѣло...
Завѣщаль онъ все монахамъ,
Съ уговоромъ, чтобъ кормили
Каждый полдень птицъ окрестныхъ
На его они могилѣ.
„У крылатыхъ менестрелей
Самъ учился я когда-то;
Пусть кормленье пташекъ будетъ
Фогельвейдова уплата“!..
Такъ пѣвецъ любви скончался...
Завѣщанье соблюдая,
На могилу ежедневно
Вольныхъ птицъ скликалась стая.
Каждый день на кровли, стѣны
И на башенные шпицы

Окрыленныхъ менестрелей
Собирались вереницы...
На вѣтвистой старой липѣ
Засѣдало ихъ собранье,
На дворѣ, могильномъ камнѣ
И могильномъ изваяньѣ...
На оконныхъ переплетахъ,
На дверяхъ—зимой и лѣтомъ—
Птицы хоромъ распѣвали
Пѣсни, пѣтя поэтомъ.
Это было нѣчто вродѣ
Поэтического спора
Молодой пѣвучей братьи
Возлѣ стараго собора...
Всюду имя Фогельвейде
Птицы въ пѣсняхъ повторяли,
Всюду имя Фогельвейде,
Распѣвая, прославляли...
Но аббатъ сказалъ однажды:
— Чѣмъ бросать какимъ-то пташкамъ,
Лучше хлѣба больше выдать
Голодающимъ монашкамъ“...
Съ той поры на шумный завтракъ
Не спускалась птичья стая,
Надъ могилой Фогельвейде
Въ ясный полдень пролетая,
Съ той поры, крича нестройно,
Тщетно птицы тучей вились
Надъ оградой монастырской:—
Угощенья не добились...
Время сгладило на камнѣ
Монастырскомъ начертанье;
Гдѣ схороненъ Фогельвейде—
Говорить одно преданье.
Но до сей поры всѣ птицы,
Пролетая надъ соборомъ,
Эту старую легенду
Повторяютъ дружнымъ хоромъ...

Д. Н. Садовниковъ.

МИНУЛЪ ДЕНЬ...

Изъ г. В. Лонгфелло.

Минулъ день, и съ крыльевъ ночи
Сумракъ тихо къ намъ сошелъ:
Такъ перо свое роняетъ,
Высоко летя, орелъ.

На селѣ сквозь мглу и дождикъ
Тускло свѣтятъ огоньки...
И невольно поддаюсь я
Чувству странному тоски.

Чувству этому названья
Ты никакъ не подберешь:
Такъ оно на скорбь походитъ,
Какъ туманъ на дождь похожъ.

Приходи прочесть, другъ милый,
Пѣснь поэта для меня...
Успокой мою тревогу,
Прогони заботы дня.

Не читай лишь славныхъ бардовъ,
Ни великихъ тѣхъ пѣвцовъ,
Чьи шаги звучать въ чертахъ
Отдаленнѣйшихъ вѣковъ.

Потому что возбуждаетъ
Звукъ ихъ пѣсень боевой
Насъ къ святой борьбѣ за ближнихъ,—
Мнѣ же надобенъ покой.

Но прочти пѣвца такого,
Чтобы пѣснь его лилась
Словно дождь изъ лѣтней тучи,
Иль слеза изъ грустныхъ глазъ,

И который бы въ часъ скорби,
Въ часъ лишенныхъ сна ночей,
Звуки сладостныхъ мелодій
Сохранилъ въ душѣ своей.

Пѣсни тѣ даруютъ сердцу
Истомленному покой,
Нисходя благословеньемъ
Вслѣдъ за пламенной мольбой.

Такъ прочти жъ изъ этой книги
Пѣсни дивной красоты,
Сдѣлавъ ихъ еще прекраснѣй
Тѣмъ, что мнѣ прочтешь ихъ ты.

Въ эту ночь тогда заботы,
Что всѣ дни меня гнетутъ,—
Какъ арабы, снявъ палатки,
Прочь, безмолвныя, уйдутъ.

Пл. Красновъ.

Вступленіе къ „Пѣсни о Гайаватѣ“.

Изъ Г. В. Лонгфелло.

Если спросите—откуда
Эти сказки и легенды
Съ ихъ лѣснымъ благоуханьемъ,
Влажной свѣжестью долины,
Голубымъ дымкомъ вигвамовъ,
Шумомъ рѣкъ и водопадовъ,
Шумомъ дикимъ и стозвучнымъ,
Какъ въ горахъ раскаты грома,—
Я скажу вамъ, я отвѣчу:

„Отъ лѣсовъ, равнинъ пустынныхъ,
Отъ озеръ Страны Полночной,
Изъ страны Оджибузевъ,
Изъ страны Дакотовъ дикихъ,
Съ горъ и тундръ, съ болотныхъ топей,
Гдѣ среди осоки бродитъ
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старыя преданья

По напѣвамъ сладкозвучнымъ
Музыканта *Навадаги.“

Если спросите, гдѣ слышалъ,
Гдѣ нашель ихъ Навадага,—
Я скажу вамъ, я отвѣчу:
„Въ гнѣздахъ пѣвчихъ птицъ, по рошамъ,
На прудахъ, въ норахъ бобровыхъ,
На лугахъ, въ слѣдахъ бизоновъ,
На скалахъ, въ орлинныхъ гнѣздахъ.

„Эти пѣсни раздавались
На болотахъ и на топяхъ,
Въ тундрахъ сѣвера печальныхъ:
Читовойкъ, зуюкъ, тамъ пѣлъ ихъ,
Мангъ, нырокъ, гусь дикій, Вава,
Цапля сизая, Шухъ-шухъ-га,
И глухарка, Мушкодаза.“

Если бѣ дальше вы спросили:
„Кто же это Навадага?
„Разскажи про Навадагу!“—
Я сейчасъ бы вамъ отвѣтилъ
На вопросъ такую рѣчью:

„Средь долины Тавазэнта,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ,
У излучистыхъ потоковъ,
Жилъ когда-то Навадага.
Вкругъ индѣйскаго селенья
Разстилались нивы, доли,
А вдали стояли сосны,
Боръ стоялъ, зеленый—лѣтомъ
Бѣлый—въ зимніе морозы,
Полный вздоховъ, полный пѣсень.

„Тѣ веселые потоки
Были видны на долинѣ
По разливамъ ихъ—весною,
По ольхамъ сребристымъ—лѣтомъ,
По туману—въ день осенній,
По руслу—зимой холодной,
Возлѣ нихъ жилъ Навадага

Средь долины Тавазента,
Въ тишинѣ луговъ зеленыхъ.

„Тамъ онъ пѣлъ о Гайаватѣ,
Пѣлъ мнѣ Пѣснь о Гайаватѣ,—
О его рожденїи дивномъ,
О его великой жизни:
Какъ постился и молился,
Какъ трудился Гайавата,
Чтобъ народъ его былъ счастливъ,
Чтобъ онъ шелъ къ добру и правдѣ.“

Вы, кто любите природу—
Сумракъ лѣса, шопоть листьевъ,
Въ блескѣ солнечномъ долины,
Бурный ливень и мятели,
И стремительныя рѣки
Въ неприступныхъ дебряхъ бора,
И въ горахъ раскаты грома,
Что, какъ хлопанье орлиныхъ
Тяжкихъ крыльевъ, раздаются,—
Вамъ принесъ я эти саги,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, кто любите легенды,
И народныя баллады,
Этотъ голосъ дней минувшихъ,
Голосъ прошлаго, манящїй
Къ молчаливому раздумью,
Говорящїй такъ по-дѣтски,
Что едва уловить ухо,
Пѣсня это, или сказка,—
Вамъ изъ дикихъ странъ принесъ я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, въ чьемъ юномъ, чистомъ сердцѣ.
Сохранилась вѣра въ Бога,
Въ искру Божью въ челозѣкѣ;
Вы, кто помните, что вѣчно
Человѣческое сердце
Знало горести, сомнѣнья
И порывы къ свѣтлой правдѣ,
Что въ глубокомъ мракѣ жизни

Насъ ведетъ и укрѣпляетъ
Провидѣніе незримо,—
Вамъ безхитростно пою я
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Вы, которые, блуждая
По околицамъ зеленымъ,
Гдѣ, склонившись на ограду,
Посѣдѣвшую отъ моха,
Барбарисъ виситъ, краснѣя,—
Забываетесь порою
На заброшенномъ погостѣ
И читаете въ раздумьи
На могильномъ камнѣ надпись,
Неумѣлую, простую,
Но исполненную скорби
И любви, и чистой вѣры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Пѣснь о Гайаватѣ!

Иванъ Бунинъ.

СНѢЖНЫЯ ХЛОПЬЯ.

изъ Г. В. Лонгфелло.

Съ дальнихъ угрюмыхъ небесъ,
Съ облачныхъ складокъ одежды ихъ бѣлой
На обнаженный, чернѣющій лѣсъ
И на безжизненный лугъ опустѣлый
Падаетъ снѣгъ, все скрывая кругомъ
Бѣлымъ ковромъ.

Какъ наши мысли въ словахъ
Вдругъ получаютъ свое выраженье,
Какъ наше бѣдное сердце въ слезахъ
Вдругъ выдаетъ, содрогнувшись, волненье,—
Такъ свою тайную скорбь выдаетъ
Намъ небосводъ.

Это—поэма небесъ,
Въ строфы сложенная снѣгомъ безмолвнымъ...
Тихо внимають и поле, и лѣсъ
Этимъ признаньямъ, отчаянья полнымъ,
Долго таившимся тамъ въ небесахъ,
На облакахъ...

Пл. Красновъ.

Деревенскій дѣдъ.

Ко всему давно привыкъ,
На закатъ лѣтъ
Грузенъ, точно боровикъ,
Деревенскій дѣдъ...

Любопытенъ, какъ дитя,
Неуклюжъ и слабъ,
Къ солнцу выползеть, кряхтя
Поворчитъ на бабъ...

Клокомъ жесткой бороды
Вытереть крошки съ губъ,
Пѣтуха шугнетъ съ гряды,
Подобравъ тулупъ.

Напрягая сонный мозгъ,
Всласть не разъ зѣвнетъ,
Пальцы желтые, какъ воскъ,
Перекрестятъ ротъ.

Смотрить въ поле на коровъ,
Видить ветхій мостъ
Тамъ, гдѣ много стариковъ
Приютить погостъ.

В. Башкинъ.

Томасъ Муръ.

Вечерній звонъ.

(Изъ Т. Мура: „Those evening bells...“)

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слышалъ звонъ въ послѣдній разы!
Ужъ не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ,—
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.
Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной

Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

И. И. Козловъ.

Послѣдняя роза.

Изъ Т. Мура

Роза послѣдняя грустно качается
Въ зелени яркой родимыхъ кустовъ,
Слабый кругомъ аромат разливается,
Точно любви замирающій зовъ.

Съ слезкой росистой она, одинокая,
Грустно глядитъ на могилы вокругъ:
Съ ней не мѣняются ночью стокою,
Вздохомъ за вздохъ вереницы подругъ.

Жизнь запоздалая, жизнь безучастная,
Та же загробная жизнь наяву...
Я помогу тебѣ, роза несчастная:—
Съ вѣтки родимой сорву.

Я ошиплю лепестки твои алые,
И ихъ предсмертный вздохнувъ ароматъ,
Ими украсу рукою усталую
Ложе, гдѣ мирно друзья твои спятъ.

Если опоры нѣтъ въ дружбѣ живительной,
Нѣтъ и надежды дожить до зари,—
Лучше сказать тогда сердцу рѣшительно:
—Бѣдное сердце! Не бейся... умри!

А. М—новъ.

Мелодія

Изъ Т. Мура.

Арфа мощнаго Тары, чьи звуки далеко
Раздавались когда-то надъ стихшей толпой,
На обломкѣ стѣны нынѣ спить одиноко,
Какъ былого свидѣтель нѣмой.

Такъ проходитъ вѣковъ горделивая слава,
Такъ минувшаго молкнетъ и память, и громъ,
И въ застывшихъ сердцахъ, какъ потухшая лава,
Все мертвó и безмолвно кругомъ.

Въ замкѣ нѣтъ ни пировъ, ни похвалъ не поется
Въ честь бойцовъ удалыхъ и прелестныхъ очей!
Лишь порвется струна—и на звукъ отзовется
Вѣтеръ буйный во мракѣ ночей.

Такъ, средь общаго сна, духъ свободы, пороку,
Встрепенется на мигъ, и тогда средь людей
Сердце воплемъ, какъ лопнувшей арфы струною,
Горько, горько напомнить о ней.

А. Б.

* * *

Изъ Т. Мура.

Ⓢ, не шепчите надъ гробомъ вы имя его дорогое!
Пусть оно спить подъ землю въ глубокомъ и
вѣчномъ покоѣ,
Пусть наши слезы печальныя льются изъ глазъ
омраченныхъ
Тихо, какъ перлы росинокъ, дрожащихъ на ланды-
шахъ сонныхъ;
Падаетъ тихо роса на коверъ изумруднаго луга,

Но отъ нея зеленѣетъ могила усопшаго друга;
Тихія жаркія слезы надъ этой печальной могилой
Въ теплыхъ сердцахъ оживятъ его образъ волшеб-
ною силой...

В. Ч-скій.

* * *

Изъ Т. Мура

Я тихо брелъ въ тѣни задумчиваго сада...
Ночь мчалась надо мной, прозрачна и свѣтла,
И ароматная прохлада
Меня, какъ друга, обняла...

Изъ зелени вѣтвей, трепещущихъ и сонныхъ,
Летѣлъ, лаская слухъ, живой привѣтъ веснѣ
Незримаго пѣвца ночей посеребренныхъ,
Грезъ опьяняющихъ, безумныхъ и влюбленныхъ...
Всего, что такъ давно сжигало сердце мнѣ.

И въ синевѣ небесъ мерцали надо мною
Любимые глаза и въ пѣснѣ соловья,
Окованный одной безсмертною мечтою,
Любимый голосъ слышалъ я...

И встрѣчи прежнія нежданно воскресали—
Подъ тѣнью блѣдныхъ ивъ надъ дремлющей рѣкой—
И въ сердце старый ядъ невидимо вливали,
И жгли меня блаженною тоской...

И все, что сладкою отравой обмана
Вливалось въ грудь мою, что отвлекло меня
Отъ битвъ, трудовъ и жертвъ—изъ сѣрой мглы тумана
Вставало предо мной подъ гимны соловья.

И стыдъ не жегъ меня, и пламя тайной муки
Въ душѣ не вспыхнуло!... Подъ сладостные звуки,
Безъ думы сумрачной, безъ покаянныхъ слезъ,
Въ безсильи опустивъ безпомощныя руки,
Я пилъ блаженный ядъ воскресшихъ лживыхъ грезъ...

В. Ч-скій.

Ты говоришь, что мы устали,
Что и теперь, при свѣтѣ дня,
Въ созданьяхъ нашихъ нѣтъ огня,
Что гибкій голось твердой стали
Обвить въ нихъ сумракомъ печали
И раздается, чуть звеня.

Но вѣдь для насъ вся жизнь — тревога...
Лишь для того, чтобъ отдохнуть,
Мы коротаемъ пѣсней путь.
И вотъ теперь, когда насъ много
У заповѣднаго порога,
Насъ въ пѣсняхъ смѣнить кто-нибудь.

Мы не поэты — мы предтечи
Предъ тѣмъ, кого покамѣсть нѣтъ,
Но онъ придетъ — и будетъ свѣтъ,
И будетъ радость бурной встрѣчи
И вспыхнуть радостныя рѣчи,
И онъ намъ скажетъ: „Я поэтъ!“

Онъ не пришелъ, но онъ межъ нами.
Онъ въ шахтахъ уголь достаетъ,
Онъ тяжкимъ молотомъ куетъ,
Онъ раздуваетъ въ горнѣ пламя,
Въ его рукахъ побѣды знамя —
Онъ не пришелъ, но онъ придетъ!

Ты правъ, мой другъ: и мы устали,
Мы — предразсвѣтная звѣзда,
Мы въ солнцѣ гаснемъ безъ слѣда.
Но близокъ онъ. Изъ гибкой стали
Создастъ онъ чуждые печали
Напѣвы воли и труда.

Е. Тарасовъ.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Догорая, костеръ чуть дымится въ травѣ,
Тихо блѣдныя тучи сползаютъ,
Много мыслей неясныхъ въ больной головѣ,
Сердце бьется и смутно страдаетъ.
Чуть видны очертанья синѣющихъ горъ,
Огонекъ замигалъ въ отдаленьѣ
И погасъ... Тщетно ищетъ усталый мой взоръ
Первыхъ трепетныхъ звѣздъ появленье.
Впереди непроглядная, долгая ночь,
Чуть замѣтно туманъ серебрится,
Нѣтъ желанья, нѣтъ силы тоску превозмочь...
Догорѣвшій костеръ не дымится.

Allegro.

* * *

Помнишь лѣтнюю ночь? Съ поля пахло дождемъ,
Въ тишинѣ предъ грозой замирала земля...
Какъ ту ночь хорошо было слушать вдвоемъ
Намъ украдкой съ тобой, дорогая моя!

Онѣмѣли цвѣты... Лѣсъ тревожно затихъ,
Свѣтъ зарницы дрожалъ въ темносиней дали.
И столпилось въ душѣ столько грезъ молодыхъ,
Что и мы, какъ цвѣты, говорить не могли...

Черной сѣтью плелись силуэты вѣтвей
По каймѣ золотой потухавшей зари:
Та заря унесла лучшій блескъ нашихъ дней,
Но шепнули мы ей: „поскорѣй догори!“

И потухла заря. И, какъ фея любви,
Насъ окутала ночь безмятежнымъ крыломъ...
А гроза въ сторонѣ зажигала огни,
И ревниво порой гдѣ-то вздрагивалъ громъ...

А. С. Андреевскій.

Перси Б. Шелли.

М И М О З А .

Изъ П. Б. Шелли.

Часть первая.

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ серебристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна;
Траву и цвѣты пробудили для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скаль
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подснѣжникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокоть струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарциссъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любитъ весной;
Сквозить изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепечный свѣтъ;

Опять гиацинтъ возгордился собой,—
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,—
Его колокольчики тихо звенятъ,
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его ароматъ;

И роза, какъ Нимфа,—возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшитъ,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожитъ;

И лилія свѣтлую чашу взяла
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ и анютиныхъ глазокъ,
И съ и нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,—
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной,
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной;

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились,
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чаши вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли
И царскія кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, страхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отраднo съ нимъ пѣть и играть,—

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазь;

И лютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души,—

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея,—красоты!

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонію звуковъ земныхъ,
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блещутъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встають надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечеть на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ.

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы;
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтренный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на мѣръ задремавшей легла,
Любовь—въ небесахъ, и покой—на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья не слышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочетъ уснуть соловей,—
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ передаетъ
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

Часть вторая.

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрятъ на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравнится не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;

А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значить грѣха торжество,
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый Духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила,—къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала;
И страсть, и восторгъ за собой оставляла.

Какъ шопоть волны средь морскихъ тростниковъ
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой;
И въ ихъ лепесткахъ—съ мимолетной красою
Прозрачныя капли сверкали росою.

Заботливо-нѣжной рукою своей
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были бѣ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ,
Она своей быстрой рукою ловила
И въ лѣсъ далеко-далеко уносила.

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзинку насыпала, гдѣ ихъ несла;

Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили. *

А пчель, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ она оставляла:
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной—весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвою золотою,—она умерла!

Часть третья.

Промчались три дня,—всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили, и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье: въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали въ дали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалось смерти нѣмой дуновенье;
И запахъ, холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами.
Алмазными вдругъ заблестали слезами;
А вѣтеръ рыданье вездѣ разносилъ:
И вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталъ,
И даже—кто слезъ въ своей жизни не зналъ—
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Промчалася осень, умчалося лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали,
И мертвенныхъ лилій, и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложенъемъ объятюмъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные;
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужась на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и въ даль полетѣли.
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы, какъ будто рыдали, —
Какъ слезы, въ ручей лепестки упали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Бсю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ родъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка съ цикуты пахучей,
Болчцы, бѣлена и репейникъ колючій
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разрастались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья,—отъ имени ихъ
Бѣжитъ съ отвращеніемъ трелетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листовянки;
Взростила ихъ плѣсень въ туманные дни,—
Какъ вѣстники смерти, стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды
Въ ручьѣ, будто флеромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разрослась семья
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возрастали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали:
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ напитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капаль къ корнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ бесплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенять кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды, и воздухъ она оковала;
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты, подъ корнями умершей Мимозы:
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерзли въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,
И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь мѣръ засыпая и снѣгомъ, и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы:
Одни мандрагоры, цикута, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встаютъ мертвецы.

Заключеніе.

Знала ль Мимоза, что скрылась весна
И что сама измѣнилась она,
Знала ль, что осень съ зимою пришла
Трудно сказать,—но она умерла.

Дивная Нимфа, чьимъ царствомъ былъ садъ,
Чьимъ дуновеніемъ былъ ароматъ,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила—

Чудная нѣга любви, красоты
И неземного блаженства мечты;
Но въ этомъ мѣрѣ суровой борьбы,
Горя, обмана и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы—только тѣни отъ сна,
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Въ мірѣ, гдѣ все—только лживый туманъ,—
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣченъ таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живить аромать.
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся, но не они.

Счастье, любовь, красота,—вамъ привѣтъ!
Нѣтъ переменны вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,—
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить!

Н. Д. Бальмонтъ.

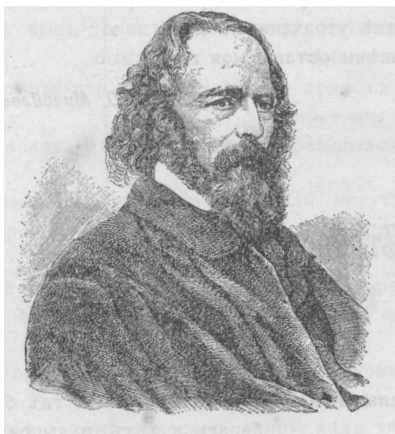
ДРУЗЬЯМЪ.

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,—
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили.
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили.

Но мы вокругъ не встрѣтили участья;
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи, и желты,—
И грустно мы остались, между нами
Сплетая дружно голыми вѣтвями.

И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ?.. Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ.

Н. Огаровъ.

АЛЬФРЕДЪ ТЕННИСОНЪ.

У М О Р Я.

Изъ А. Теннисона.

Разбиваясь у влажныхъ камней,
Спой знакомую пѣсню, о море!
Если бѣ также я въ пѣснѣ моей
Могъ излить накипѣвшее горе!

Какъ рѣзвится ребенокъ-бѣднякъ,,
Вдоль утесовъ бѣгущей съ сестренкой!
Какъ доволенъ тотъ мальчикъ-рыбакъ,
Въ челнокѣ распѣвающей звонко!

Издалека плывутъ корабли,
Въ ожиданіи радостной встрѣчи;
Если бѣ встрѣтить привѣтно могли
И меня чьи-то милыя рѣчи!

Разбиваясь у влажныхъ камней,
Спой знакомую пѣсню, о море!
О блаженствѣ утраченныхъ дней,
О навѣки оставшемся горѣ...

О. Михайлова.

Странствія Мальдуна.

(Отрывокъ)

изъ А. Теннисона.

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ
берегъ и тихъ и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадаль на безмолв-
ный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ
скалистыхъ громадъ,
Какъ застывшій въ порывѣ широкомъ, изливался
нѣмой водопадъ.
И, нетронуты бурей, виднѣлись кипарисовъ недвиж-
ныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за предѣлъ
высоты,
И высоко на небѣ, высоко, позабывши о пѣснѣ
своей,
Замечтавшійся жавронокъ рѣялъ межъ лазурныхъ
бездонныхъ зыбей.
И собака не смѣла залаять, и медлительный быкъ
не мычалъ,
И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зароженье за-
ри не встрѣчалъ.
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не умча-
лося въ твердь,
И все было, какъ жизнь, лучезарно, и все было
спокойно, какъ смерть.
И мы проклинали Островъ прекрасный, и мы прокля-
ли свѣтлую тишь:

Мы кричали, но намъ показалось—то кричала летучая мышь,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный, такъ
былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ.
И бойцы, что властительнымъ крикомъ поднимали
дружины бойцовъ,
Заставляя на тысячи копій устремляться, о смерти
забывъ,
И они, и они онѣмѣли, позабыли могучій призывъ,
И, проникшись взаимной враждою, другъ на друга
не смѣли взянуть.
Мы поникли Островъ Молчанья, и направили дальше
свой путь.

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы вступили
на землю, и вмигъ
Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами под-
няли крикъ.
Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ только
раскатъ замолкалъ,
Умирали колосья на нивахъ, какъ подстрѣленный,
быкъ упадалъ,
Бездыханными падали люди, на стадахъ выступала
чума,
И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исчезали
дома.
И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвались,
зажглись, какъ огни,
И протяжно они закричали, и пустилися въ схватку
они.
Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устремлявшихся
грудью на грудь,
И мы птицамъ оставили трупы, и направили дальше
свой путь.

Мы приплили на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыханьемъ
дышала волна,
Тамъ всегда благовонное Лѣто, всегда молодая
Весна.
Ломоносъ голубѣлъ на утесахъ, страстоцвѣтъ за-
плетался въ вѣнокъ,

Мириадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцалъ, и звѣз-
 дился вьюнокъ.
 вмѣсто снѣга покровы изъ лилій покрывали пока-
 тости горъ,
 вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили въ ба-
 гряный просторъ,
 Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, миллионовъ
 пурпурныхъ цвѣтовъ,
 Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ безъ
 шиповъ и листовъ.
 И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ дра-
 гоцѣнныхъ камней,
 Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ пере-
 ливомъ огней,
 Мы блуждали по мысамъ шафрана, и смотрѣли,
 какъ островъ блеститъ,
 Возлежали на ложахъ изъ лилій, и гласили, что
 Финнъ побѣдитъ.
 И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью
 цвѣтовъ,
 И томилась мы жгучею жаждой, и напрасно искали
 плодовъ,—
 Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блестятъ
 цвѣты пеленой,
 И мы проклинали Островъ цвѣтушій, какъ мы про-
 кляли островъ нѣмой.
 И мы рвали цвѣты и топтали, и не въ силахъ мы
 были вздохнуть,
 И оставили голая скалы, и направили дальше свой
 путь.

Н. Д. Балъмонтъ.

* * *

Изъ А. Теннисона.

Когда подъ каменной могильною плитою
 Холоднымъ, вѣчнымъ сномъ, дитя, я буду спать,
 Не приходи своей нелѣпою слезою
 И сожалѣнныя покой мой отравлять

И раздражать мой прахъ. Пусть надъ моею могилой
Совы зловѣщій крикъ звучитъ въ глухую ночь,
Пусть вихрь надъ ней реветъ и воетъ съ злобной
силой,

Но ты — не приходи! Прочь! Прочь!

Тяжка ль вина твоя передо мной, легка ли,
Ахъ, что мнѣ въ томъ, дитя!.. Измученную грудь,
Вѣдь все равно въ конецъ страданья истерзали.
Я изнемогъ душой. Я жажду отдохнуть
И успокоиться. Люби же, будь любима,
Созданье жалкое, ты, слабой Евы дочь!..
Но дай мнѣ отдыхъ... Такъ проходи же мимо
И не тревожь меня въ могилѣ. Прочь!

4.

* * *

Изъ А. Теннисона.

Ночь ли, горящая ризою звѣздной,
Мчится надъ бездной
Темныхъ морей,
Утро ль надъ спящими мирно водами
Блещетъ лучами
Алыхъ огней,—
Образъ любимый горитъ предо мною
Жжетъ мое сердце безумной тоскою..
Призракъ обманутой горькой любви
Брызжетъ отравою въ раны мои.
Мчись же, мой парусъ, стрѣлою летучей
По влагѣ пѣвучей
Водъ голубыхъ!
Вѣрь мнѣ—покуда ты, гордая, дышешь, —
Ты не услышишь
Жалобъ моихъ.
Пусть пролетятъ вереницею годы,—
Кровью купилъ я отраду свободы;
Пусть надрывается сердце тоской—
Воля и гордость, и пѣсни со мной.

Ө. Ч-скій

Восходъ солнца

Солнце свѣтлое восходить,
Озаряя мгlistый доль,
Гдѣ еще безумство бродить,
Гдѣ ликуеть произволь.

Зыбко движутся туманы.
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Какъ сильны еще и злы!
Злобы неизменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтобъ зловѣщей, черной тучей
Наше солнце затмевать.

Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи,
Въ часъ великаго восхода
Возноси ихъ, какъ мечи.
Яркій зной, какъ тяжкій молотъ,
Подними и опусти,
Побѣждая мракъ и холодъ
Загражденнаго пути.

Тѣмъ, кто въ длительной печали
Гордой волей изнемогъ,
Озари святыя дали
За усталостью дорогъ.
Кто въ объятыхъ сна нѣмого
Позабылъ завѣтъ любви,
Тѣхъ горящимъ блескомъ снова
Къ новой жизни воззови!

Федоръ Сологубъ.

Елиз. Броунингъ.

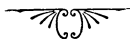
Неудовлетворенность.

Изъ Е. Броунингъ.

Когда ишу въ стихахъ для мысли выраженья—
Мнѣ въ пульсѣ чудится души моей бѣнье:
Какъ будто хочется освободиться ей,
Чтобъ шире вылиться, свѣтлѣе и полнѣй,
Достигнувъ истинной гармоніи свершенья—
Предъ человѣчествомъ и предъ вселенной всей.
Но, словно дерево, что вѣтра дуновенье
Склоняетъ въ сторону, калѣчитъ и людей—
Дохнувшее на нихъ проклятіе природы,
И правда каждаго—обманъ для остальныхъ.
Для выраженья чувствъ намъ не дано свободы.

Душа! Лишь сбросивъ гнетъ своихъ одеждъ земныхъ,
Ты звуки обрѣтешь: внѣ рабства и стѣсненья,
Найдя достойное для пѣсни завершенье.

О. Чюмина (Михайлова).

Тройка.

Эй, помчались! Кони бойко
Бьютъ копытомъ въ звонкій ледъ,
Разукрашенная тройка
Снѣжной пылью занесетъ
Солнце, въ дымахъ сизыхъ кроясь,
Зарумянится слегка.
Въ крупныхъ искрахъ блещетъ поясъ
Молодого ямщика.
Будетъ вечеръ. Опяшетъ
Небо яркій багрянецъ.
Захохочетъ и запляшетъ
Твой веселый бубенецъ.
Ляжетъ скатерть огневая
На холодные снѣга,
Загорится расписная
Золотистая дуга.
Кони станутъ. Вѣтеръ стихнетъ,
Кто тамъ встрѣтитъ на крыльцѣ?..
И румянецъ ярче вспыхнетъ
На обвѣтренномъ лицѣ.
Сядетъ въ тройку. Улыбнется.
Скажетъ: „Здравствуй, молодецъ!..“
И опять въ поляхъ зальется
Вольнымъ смѣхомъ бубенецъ.

Андрей Бѣлый.

За работой.

Колеса вертятся, машины стучать,
Челны по основам снуютъ.
Глаза за движеніемъ нитей слѣдятъ,
И руки безъ устали ткутъ.
Ткутъ руки; потъ градомъ катится съ лица,
Въ грудь молотомъ сердце стучить...
А нити ползутъ да ползутъ безъ конца,
Подъ грохотъ работа кипитъ!
А тамъ, за стѣной, далеко-далеко—
Лѣса и раздолье полей:
Тамъ дышится груди привольно, легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей!
Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной,
И тихо, такъ тихо кругомъ...
Волнуется рожь... Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...
— На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!—
Машины стучать: „Никогда, никогда!“
Здѣсь вѣчные узники мы.
Какъ въ бѣшеной пляскѣ, колеса бѣгутъ,
Ремни, извиваясь, шипятъ;
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:
„Безплодныя думы, пустыя мечты—
Лѣса и раздолье полей!
Не люди вы, дѣти больной нищеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей!“
.
Ни смѣха, ни пѣсенъ... Порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ,
Слеза заблеститъ, на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ,
Да руки съ угрозой сожмутся и... ткутъ!
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ.
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжить и спѣшить все кругомъ...

Скорѣй!.. И тѣло, и воля въ цѣпяхъ—
Покорно мы ткемъ... А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ.
Ткемъ... Тучи удушливой пыли висятъ
Надъ нами, дрожать и плывутъ...
Колеса вертятся, машины стучать,
Проклятыя нити ползутъ!

Л. И. Андрусонъ.

ВѢСТНИКИ ВЕСНЫ.

Посмотри,—въ лазури'ясной,
Шумной радости полны,
Снова стаей суетливой
Рѣютъ вѣстники весны.

Суетливой стаей вьются
И щебечуть, и шумятъ.
Снѣгъ послѣдній быстро таетъ,
Громы первые гремятъ.

Чьи-то звуки, чьи-то пѣсни
Льются съ радужныхъ высотъ,
Чей-то голосъ, нѣжный, милый,
Въ даль звенящую зоветъ...

Слушай, слушай эти звуки
Съ нивъ, долинъ, лѣсовъ и горъ...
Ахъ, уйти, уйти бы въ поле,
Въ степь, на волю, на просторъ!

Сны послѣдніе развѣять,
Цѣпь послѣднюю порвать,
Крикнуть, свистнуть, грянуть пѣсней,
Засмѣяться... зарыдать!..

С. Г. Фругъ.

Уныніе.

Памяти Некрасова.

Уныніе въ душѣ моей усталой,
Уныніе—куда не погляжу!

Некрасовъ.

О, да, ты правъ, поэтъ!

Уныніе вездѣ.

Унынье въ той степи печальной и угрюмой,
Гдѣ ты бродилъ одинъ съ твоей тяжелой думой,
Внимая горестямъ, страданьямъ и нуждѣ.
Унынье въ городѣ: въ его свинцовомъ небѣ,
Озлобленномъ врагѣ живительныхъ лучей,
На улицахъ его, средь этихъ всѣхъ людей...
Снуютъ ли, хлопоча о барышахъ и хлѣбѣ,
Безцѣльно ли гранятъ каменья мостовой,
Сойдутся ль погулять на праздникъ народномъ,
На чинномъ раутѣ ль толпятся въ залѣ модномъ,
Рѣшаютъ ли вопросъ въ бесѣдѣ дѣловой...
Унынье въ старикѣ передъ дверьми могилы,
Унынье въ молодомъ во всемъ избыткѣ силы,
Унынье въ мальчикѣ на школьничьей скамьѣ,
Унынье въ обществѣ, унынье въ семьѣ...
Хотя бъ малѣйшій взрывъ веселья, горя, злобы,
Хотя бъ единый крикъ живого чувства!...—Нѣтъ,
Все мрачно, все мертво, какъ будто только гробы
Остались на землѣ...

О, да, ты правъ, поэтъ!...

Блаженъ, кто вѣритъ въ наше время,
Что не настолько одряхлѣлъ
Нашъ жалкій міръ, чтобъ не сумѣлъ,
Въ концѣ-концовъ, онъ сбросить бремя
Всесокрушающаго зла,—
Той страшной ржавчины рутины,
Что крѣпко въѣлась намъ въ тѣла
И гнетъ позорно наши спины.

Блаженъ, кто вѣрою такой
Въ себѣ питаетъ духъ и тѣло

И, въ жертву ей убивъ покой,
Идетъ впередъ наивно-смѣло,
Идетъ и рѣзко судить тѣхъ,
Въ комъ эти пылкія стремленья
Встрѣчаютъ слово сожалѣнья
Иль недовѣрья горькій смѣхъ.

Блаженъ... Но тщетно ищешь всюду
Такихъ блаженныхъ въ наши дни.
Когда встрѣчаются они,
Имъ удивляешься, какъ чуду,
Среди несмѣтности такой
Больныхъ, разбитыхъ, утомленныхъ
И тяжкимъ опытомъ склоненныхъ
На все и всѣхъ махнуть рукой.

Петръ Вейнбергъ.

* * *

Я ѣхалъ; вечеръ догоралъ,
Дорога не пылила.
И было смутно все кругомъ,
И въ сердцѣ смутно было.
Темнѣли стройно тополя
Дружиной молчаливой
И полумѣсяцъ золотой
Вставалъ надъ дальней нивой.
И къ темноликой красотѣ
Спускающейся ночи
Я съ тайной грустью устремлялъ
Внимательныя очи.
И южной ночи красота,
Мнѣ въ душу проникая,
Ласкала сладкою мечтой
Потеряннаго рая.

Н. Фофановъ.

Артистъ П. Самойловъ.

К О Л О К О Л Ъ.

Въчно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Міру уснувшему колоколъ пѣлъ...
Точно набать передъ близкимъ пожаромъ,
Долго и гулко гудѣлъ...
Пѣлъ онъ съ угрозой, съ довѣрчивой лаской,
Съ горькою жалобой, дрогнувъ, стоналъ,
Громомъ зывающимъ, дѣтскою сказкой
Въ сумракъ глухой упадаль.
Слышался въ громѣ обѣтъ воскресенья,
Слышалась смерти суровая вѣсть,—
Возгласъ тоскующій сираго рвенья,
Жажда прошенья и мести...
Пѣлъ и въ полночь, и въ утро святое,
Съ бурей смѣялся и плакалъ въ тиши,
Но откликалось лишь эхо лѣсное,
Вмѣсто уснувшей души!
Точно набать передъ близкимъ пожаромъ,
Міру безпечному колоколъ пѣлъ...
Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Тщетно о Богѣ гудѣлъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

Въ предутренней мглѣ.

Я поздно вернулся и легъ на постель.
За окнами глухо гудѣла мятель,
За окнами, скрытый предутренней мглой,
Раскинулся городъ, во снѣ, но живой.

Такъ странно, такъ жутко казалось мнѣ
Забуться предъ утромъ въ зѣльномъ полуснѣ,
И чутко-тревоженъ былъ блѣдный мой сонъ,
И вдругъ мнѣ послышался медленный звонъ.

Ударъ раздавался и вновь замиралъ,
На цѣпь многоточій дробился хораль,
И каждая точка въ цѣпи звуковой
Надъ бездной скользила упругой волной.

И каждая точка съ пристанища норъ
Врывалась, какъ грозный, нещадный укоръ.
И, вновь подымаясь въ беззвѣздную высь,
Взывала надменно: вставай и молись!

Слѣдя однозвучный и жуткій напѣвъ,
Смиря въ груди непонятный свой гнѣвъ,
Я скоро услышалъ какой-то другой
Напѣвъ, что вплетался межъ первымъ змѣей.

Онъ лился, какъ влага густого вина
Смолистой струей изъ глубокаго дна,
И душу давилъ, какъ сѣдой потолокъ,
Угрюмый, холодный, чугунный гудокъ.

Вползая въ уюты больной нищеты,
Сгонялъ онъ налеты мгновенной мечты
И, вновь ускользя въ туманную высь,
Твердилъ рдвнодушно: вставай и трудись!

И долго, обнявшись, двѣ дружныхъ волны
Скользили по высямъ ночной тишины,
Вѣщая во мглѣ, что настала, какъ всегда,
День рабской молитвы, нужды и труда.

А. Курсинскій.

ЖЕНЩИНЫ.

Печальныя, съ бездонными глазами,
Горѣвшія непонятой мечтой;
Безпечныя, какъ вѣтеръ надъ полями,
Плѣнявшія капризной красотой...
О, сколько ихъ прошло передо мной!
О, сколько ихъ искало между нами
Поэзіи и страсти неземной!
И каждая томилась и ждала
Красивыхъ мукъ, невысказанной нѣги,
И каждая безгрѣшно отдала
Своей весны зеленые побѣги...
О, ландыши, грустящіе о снѣгѣ,—
О, женщины! У васъ душа свѣтла
И горестна, какъ музыка элегій...

Дмитрій Цензоръ.

* * *

Надъ бульваромъ легла серебристая мгла...
Словно тѣни, мелькаютъ чета за четой,
На балконахъ кругомъ и за каждымъ окномъ
Жизнь бойка и свѣтла, какъ призывъ молодой.
И весна, и любовь раскалила всѣмъ кровь
И повсюду восторгъ иль томящая лѣнь...
И такъ радостенъ смѣхъ, и наивенъ такъ грѣхъ,
И такъ сладко въ саду задышала сирень.
Изъ опущенныхъ шторъ, гдѣ журчитъ разговоръ
Молодыхъ голосовъ, какъ весенній ручей,
Мнѣ мерещится день, мнѣ мерещится тѣнь,
Чей-то обликъ скользнуть... но не знаю я, чей...
И все чудится мнѣ, что на сумрачномъ днѣ
Одинокой глуши, гдѣ гнѣздилась печаль,—
Воскресактъ мечты, расцвѣтаютъ цвѣты,
Улыбнулась лучомъ просіявшая даль.

Н. Фофановъ.

Лелли.

Изъ Эдгара По.

Исполненъ упрека,
Я жилъ одиноко

Въ затонѣ моихъ утомительныхъ дней,
Пока бѣлокурая нѣжная Лелли не стала стыдливой
невѣстой моей
Пока златокудрая юная Лелли не стала счастливой
невѣстой моей.

Созвѣздія ночи
Темнѣе, чѣмъ очи
Красавицы-дѣвушки, милой моей.
И свѣтъ безтѣлесный
Вкругъ тучки небесной
Отъ ласково-лунныхъ жемчужныхъ лучей
Не можетъ сравниться съ волною небрежной ея
золотистыхъ воздушныхъ кудрей,
Съ волною кудрей свѣтлоглазой и скромной невѣсты-
красавицы, Лелли моей.

Теперь привидѣнья
Печали, Сомнѣнья
Боятся помедлить у нашихъ дверей.
И въ небѣ высокомъ
Блестательнымъ окомъ
Астарта горитъ все свѣтлѣй и 'свѣтлѣй.
И къ ней обращаетъ прекрасная Лелли сіянье сво-
ихъ материнскихъ очей,
Всегда обращаетъ къ ней юная Лелли фіалки своихъ
безмятежныхъ очей.

Н. Д. Бальмонтъ.

Л и х о.

Кто это возлѣ меня засмѣялся такъ тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!

Лихо ко мнѣ привязалось давно, съ колыбели,
Лихо стояло и возлѣ крестильной купели,
Лихо за мною идетъ не отступною тѣнью,
Лихо уложить меня и въ могилу,
Лихо ужасное, врагъ и любви и забвенью,
Кто тебѣ далъ эту силу?

Лихо ко мнѣ прижимается, шепчетъ мнѣ тихо:
„Я—безталанное, всѣми гонимое Лихо!
Въ чьемъ бы дому для себя уголокъ не нашло я,
Всякъ меня гонить, не зная минуты покоя.
Только тебѣ побороться со мной недосужно,—
Странно мечтая, стремишься ты къ мукамъ,
Вотъ почему я съ твоею душою такъ дружно,
Какъ отголосокъ со звукомъ.

Федоръ Сологубъ.

* * *

Ты любишь ли степи? Въ равнинахъ пустынныхъ
Внимала ль ты голосу пѣсень старинныхъ,
Тоскующихъ пѣсень любви?

Ты любишь ли степи? Безкрайняя дали
Когда-нибудь думахъ твоимъ напѣвали
Безкрайняя думы свои?

Да, любишь! Я знаю. Румянецъ твой знойный
И томная прелесть улыбки спокойной
Овѣяны лаской степной.

Въ тиши твоего затѣненнаго взора—
И нѣга и трепеть степного простора,
Вся музыка шири родной.

Сергій Маковскій.

Дай руку мнѣ, любовь моя,
 Дай руку мнѣ смѣлѣй!
 Милѣй всѣхъ благъ мнѣ рѣчь твоя
 И блескъ твоихъ очей.

Не слабѣ мой духъ и твердѣ мой шагъ,
 И вѣрь, ребенокъ мой,—
 Ни грозный рокъ, ни сильный врагъ
 Не сломятъ насъ съ тобой.

Смѣлѣй же въ путь! Судьбѣ на зло,
 Мы весело вдвоемъ,
 Рука съ рукой, поднявъ чело,
 Въ широкій свѣтъ пойдемъ;

Въ широкій и громадный свѣтъ,
 Въ мѣръ вѣчной суеты,
 И всякихъ благъ, и всякихъ бѣдъ,
 И лжи, и красоты!

Не страшень мнѣ безвѣстный путь,
 Не вѣрю я въ злой часъ,
 Сильна рука моя, и грудь
 Крѣпка, и зорокъ глазъ.

Что намъ—что свѣтъ и золь, и грубъ?
 Во мнѣ не дрогнетъ бровь—
 За око—око, зубъ за зубъ
 И кровь воздать за кровь!

Смѣлѣй же въ даль, и въ шумъ, и въ гамъ,
 Навстрѣчу суетѣ,
 Навстрѣчу счастью и бѣдамъ
 И лжи, и красотѣ!

М. Л. Михайловъ.

АРТИСТКА А. А. ЯБЛОЧКИНА.

* * *

Въ безмолвіи ль полночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,—
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Несчастья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена,
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая..
Какъ-будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется

Тайга неизслѣдная:
„Дитя беззащитное,
Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!“

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!...

П. Я.

* * *

Створи свою дверь,
И ограду кругомъ обойди:
Неспокойно теперь,—
Не ложись, не засни, подожди.
Можетъ быть, въ эту ночь
И тебя позоветъ кто-нибудь.
Поспѣшишь ли помочь?
И пойдешь ли въ невѣдомый путь?
Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьмѣ, за стѣной
Станетъ кто-нибудь звать,
Одинокій, усталый, больной.
Выходи къ воротамъ,
И фонарь предъ собою носи.
Хоть бы сгинулъ ты самъ,
Но того, кто вызываетъ, спаси.

Федоръ Сологубъ.

Пѣсня о рубашкѣ.

Изъ Томаса Гуда.

Ватекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швѣя въ своемъ жалкомъ отрѣпьи сидитъ
Съ шитьемъ и иглой въ рукахъ...
Шьетъ, шьетъ, шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ,
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ бусурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ, христіанъ.

Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку, ластовку, воротъ,—
Воротъ, ластовку, строчку...
Повалить ли сонъ надъ шитьемъ,—и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

„О, братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супруговъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите,—нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жъ полотна!

„Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостя приди...

Я стала похожа сама на нее...
Здоровье не явится вновь.
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешево тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечно жестокъ.
А плата?—отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ,
Скамейка да столъ, голый полъ,
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ ка сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится...

„Рабаотай! работай! работай,
Когда леденѣтъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло, и тепло,
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечуть въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О, только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами!
О, только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О, только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. Чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ!
Все время печаль отняла!
Поплакать бы,—легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои не теките,
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить,
Шитья моего не мочите!“

Затекшія пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...

Швея въ своемъ жалкомъ опрепьи сидить
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ, шьетъ, шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

М. И. Михайловъ.

Предъ зарею.

Приближается утро, но еще ночь.

Исаія

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ,
Или злое ворчаніе псовъ:
Это—сонъ, это лай—предъ зарею...

Н. М. Минскій.

З М Ъ Я.

Где откуда мартъ гудить въ лѣсу по голымъ
Снастямъ вѣтвей,—безцвѣтна и плоска,
Я сплю въ дуплѣ. Я сплю въ листьѣ тяжелымъ
Холоднымъ сномъ. Но ужъ весна близка.

Ужъ въ облакахъ, какъ синія оқонца,
Сквозить лазурь... Подсохло у корней,
И мотылекъ въ горячемъ свѣтѣ солнца
Припаль къ листьѣ... Я шевелюсь подъ ней,

Я развиваю кольца, опьяняюсь
Тепломъ лучей... Я медленно ползу—
И вотъ опять цвѣту, горю, мѣняюсь,
Ряжусь то въ мѣдь, то въ сталь, въ бирюзу.

Гдѣ суше лѣсъ, гдѣ много пестрыхъ листьевъ
И желтыхъ мухъ, тамъ пестрый жгутъ—змѣя.
Чѣмъ жарче день, чѣмъ мухи золотистѣй—
Тѣмъ ядовитѣй я.

Иванъ Бунинъ.

Р а з с в ѣ т ъ.

Свѣтаетъ. Но кругомъ пока еще темно.

И только вдаль полоска тучъ алѣетъ:
Тамъ ночь своимъ крыломъ уже закрыть не смѣетъ
Зари блестящее окно...

Задумчивая тѣнь, блѣднѣя, исчезаетъ,
За ней спѣшатъ толпой предутренніе сны,—
Восходитъ новый день надъ царствомъ тишины...
Свѣтаетъ...

Г. Галина.

Альфредъ-де Виньи.

Смерть Волка.

Изъ А. де-Виньи.

Клубились облака подъ блѣдною луною,
Какъ надъ пожарищемъ клубится сизый дымъ,
До горизонта лѣсъ чернѣлъ сплошной стѣною.
Мы зорко двигались съ волненіемъ нѣмымъ
То по сырой травѣ, то верескомъ, то лѣсомъ,
И вдругъ увидѣли подъ сумрачнымъ навѣсомъ
Могучихъ сосенъ слѣдъ когтей. Сомнѣнья нѣтъ:
Напали, наконецъ, на вѣрный волчій слѣдъ.
Мы чутко замерли, и замерло дыханье.
Хранили лѣсъ и долъ глубокое молчанье,
Лишь плакала сова тоскливо въ тишинѣ.
Не трогалъ вѣтерокъ сѣдыхъ дубовъ на скалахъ
И башенъ каменныхъ нѣмыхъ и одичалыхъ.
Безмолвствовало все въ туманномъ полуснѣ.
Тогда передовой, старикъ, охотникъ ярый,
Развѣдчикъ опытный,—прильнулъ къ песку и намъ

Внушительно сказалъ, что, судя по когтямъ,
Съ волчихой волкъ прошелъ, и ихъ волчата—парой.
Мы приготовили ножи и шли впередъ,
Блестящіе стволы скрывая осторожно.
Вотъ сталъ передовой. Я подался тревожно,
Взглянулъ между вѣтвей, сплетавшихся какъ сводъ,
И встрѣтилъ пару глазъ; они изъ тьмы сверкали.
Четыре легкія фигуры танцовали
Въ сіяніи луны средь вереска. Они
Уже почуяли, что врагъ вблизи таится.
Поотдавъ волкъ застылъ, а бокомъ къ намъ, въ тѣни
Подъ деревомъ—какъ бы изваяна волчица:
Мать Рима, та, кого Римъ не забылъ, и кѣмъ
Любовно вскормлены владыки: Ромулъ, Ремъ.
Волкъ подошелъ къ ней, легъ. Кривыя когти ногъ
Вонзились въ глубь песка. Онъ чуялъ, что защита
Смѣшна: смертельный врагъ застигъ его врасплохъ,
Пути отрѣзаны, убѣжище открыто.
Тогда средь злыхъ собакъ онъ ту, что всѣхъ сильнѣй
За глотку ухватилъ и рухнулъ вмѣстѣ съ ней,
Желѣзныхъ челюстей своихъ не разнимая.
Гремѣли выстрѣлы, бока его пронзая,
Скрестились, лязгая, внутри его клинки,—
Онъ когти не разжалъ, не разомкнулъ клыки:
Врагъ все еще былъ живъ,—волкъ только трупъ
собачій
Швырнулъ, и на враговъ уставился опять.
Ножи торчали въ немъ, вонзаясь по рукоять.
Онъ былъ прибитъ къ землѣ, и лужею горячей
Дымилась волчья кровь. Взглядъ застлалъ туманъ.
Вотъ тихо облизалъ онъ кровь смертельныхъ ранъ,
И не желая знать, за что и кѣмъ израненъ,
Глаза свои закрылъ, безмолвенъ, бездыханенъ.
Въ раздумьѣ тягостномъ склонился я къ ружью.
Я видѣлъ предъ собою звѣриную семью,—
Волчиху и волчатъ. Отца имъ не увидѣтъ...
Не будь ея волчатъ, она, какъ ихъ отецъ,
Сумѣла бъ съ честью грудь подставить подъ сви-
нецъ.
Но долгъ ея—не дать дѣтей своихъ обидѣтъ,
Отъ гибельныхъ когтей опасности спасти.

И выучить сносить напасти и лишения,
 Чтобъ въ сдѣлку никогда съ врагами не войти,
 Какъ тѣ ничтожныя и низкія творенья,
 Которыя должны за пищу и за кровь
 Терзать владѣльцевъ скалъ ущелій, и лѣсовъ.
 Увы,—подумалъ я.—Какъ это ни обидно,
 Мнѣ стыдно за себя, за человѣка стыдно!
 О, какъ ничтожны мы. Достойно умирать
 Учиться мы должны у васъ, звѣрье лѣсное!
 Удѣлъ живущаго—бороться и страдать.
 Величье въ твердости, ничтожно остальное.
 Бродяга сумрачный, я подвигъ твой постигъ.
 Мнѣ въ глубь души твой взглядъ тускнѣющій проникъ
 И молча возвѣстилъ: О, если только властенъ,
 Дерзай, дабы душа достигла тѣхъ высотъ
 Суровой гордости, которой тотъ причастенъ,
 Чей духъ въ родныхъ лѣсахъ безтрепетно живетъ.
 Молиться и стонать и плакать недостойно.
 Исполни долгъ, но долгъ владыки, не раба.
 Трудись, иди, куда зоветъ тебя Судьба,
 Страдай и умирай, какъ умеръ я спокойно.

А. Федоровъ.

В И М А.

Изъ А. де-Виньи.

Какъ хороши, какъ хороши рассказы,
 Волшебные рассказы о быломъ,—
 Когда вся ширь полей сверкаетъ серебромъ,
 На обезлиствѣвшихъ кустахъ горятъ алмазы,
 Стрѣлою легкою на фонѣ голубомъ
 Чернѣетъ тополь заостренный,
 И воронъ, снѣгомъ занесенный,
 Какъ флюгеръ башенный, качается на немъ.

В. Лихачевъ.

ДОНЪ КИХОТЬ.

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...

Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

Для него хромая кляча—
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья—
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ таверанѣ грязной
Роскошь царскаго чертога.
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Сахно Панца ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезень;
Какъ прилично копыеносцу,
Онъ величественъ и грозень.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза,—
Эта царственная дама—
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ,
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

„Люди добрые, ликуйте.—
„Наступаетъ праздникъ вѣчный:
„Миръ не солнцемъ озарится,
„А любовью безконечной...

„Будутъ всѣ равны; другъ друга
„Перестанутъ ненавидѣть:
„Ни алькады, ни бароны
„Не посмѣютъ васъ обидѣть.

„Пойте, братья, гимнъ побѣдный
„Этотъ мечъ несетъ свободу,

„Справедливость и возмездье
„Угнетенному народу!“

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Аплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется,
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ.
Изумленіемъ объятый,
И громить безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цырюльникъ
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой
И кричитъ онъ Донъ Кихоту:

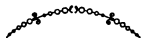
— „Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
Я желаю вамъ успѣха!..“
И не въ силахъ кончить слова,
Задыхается отъ смѣха.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его—такъ свѣтель,
Очи—полны вдохновенья.

Онъ смѣшенъ; но столько дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Столько вѣры бемятежной.

И любовь, и вѣра святы,—
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты.

Д. С. Мережковскій.

В е с н о ю.

Шумъ крыльевъ молодыхъ несется надъ полями,
Воскресшихъ силъ кипить могучей хороводъ
И гонить звонкими струями
Весеннихъ водъ
Свободный бѣгъ
Послѣдній ледъ,
Послѣдній снѣгъ...

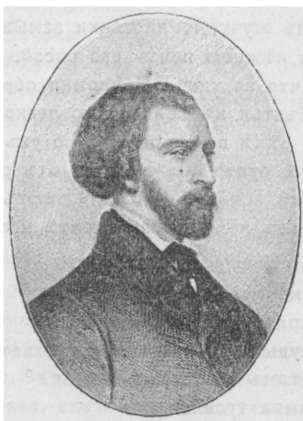
.....
Господь, Господь, не Ты ль вѣшалъ: „Настануть
годы

Въ сердцахъ людей зажгу Я новые лучи,—
Я миръ пошлю землѣ, и копыя и мечи
Въ серпы и въ сошники перекуютъ народы;
Я миръ пошлю землѣ. Надъ логовищемъ львовъ,
Гнѣздилищемъ змѣи, норою скопріона
Уляжется дитя, какъ у родного лона,
Вкушая благодать спокойныхъ свѣтлыхъ сновъ.“

.....
О, гдѣ жъ онъ, свѣтлый путь къ покою и веселью?
Такой просторъ кругомъ—и мракъ такой надъ нимъ!
Какія пѣсни мы поемъ надъ колыбелью?
Съ какой молитвою надъ гробомъ мы стоимъ?
Гдѣ юность вольная? Гдѣ золотые годы
Съ той звонкой пѣснею веселья и свободы,
Который бы звучать, кипѣть и бить волной
Надъ этой сочною, упругой цѣлиной,
Надъ ширью этихъ рѣкъ, надъ этими лѣсами,
Гдѣ нынѣ мы стоимъ, поникнувъ головами,
Среди руинъ разбитыхъ грезъ,
Съ душой запуганной, съ безсильными руками
И ѣдкой горечью невыплаканныхъ слезъ!..

С. Г. Фругъ.

Альфредъ де-Мюссе.

Майская ночь.

Изъ А. де-Мюссе.

Муза.

Спой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!
Сегодня, въ эту ночь, рождается весна:
Шиповникъ ужъ цвѣтетъ; душистыми вѣтрами
Отъ юга вѣетъ къ намъ; поляна зелена
И птички вешнія гнѣздятся подъ кустами.
Спой пѣсню, мой поэтъ, коснись меня устами!

Поэтъ.

Какая тамъ, въ долину, тьма!
Я видѣлъ тѣнь: изъ-за холма
Она таинственно предстала,
Неслась по зелени луговъ,
Въ лѣсу мелькала межъ деревь
И вдругъ—опять ея не стало...

Муза.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Вотъ ночь, благоухая,
Колелетъ свой покровъ надъ сонною землей,
И роза, надъ жучкомъ листочки замыкая,
Съ заботой нѣжною поить его росой.
Послушай, что за тишь! Припомни образъ милой,
Лети въ объятія къ ней мечтою легкокрылой!
Сегодня на рѣкѣ вечерній лучъ потухъ
Такъ нѣжно, будто онъ томился отъ разлуки,
И въ воздухѣ ночномъ лобзаній такуютъ звуки,
Какъ будто въ немъ любви парить незримый духъ.

Поэтъ.

Зачѣмъ печаль меня томить
И сердце бьется и щемить,
И грудь такъ тягостно вздыхаетъ?
Кто тамъ за дверью у меня?
И лампа тусклая моя
Зачѣмъ тревожно такъ пылаетъ?
Вотъ мѣрно, глухо въ тишинѣ
Часы пробили на стѣнѣ...
Вотъ будто голосъ недалекій
Коснулся слуха моего...
Кто тамъ? Молчанье. Никого...
О, я несчастный, одинокій!

Муза.

Спой пѣсню, мой поэтъ! Броженье молодое
Природу въ эту ночь волнуетъ и томить,
Желаньями любви сгораетъ все земное,
И страстью бурною вся кровь моя кипить.
Когда-то для тебя прекрасною была я,
Прекрасна и теперь,—взгляни ты на меня...
Иль, милый, ты забылъ, какъ нѣкогда, рыдая,
Ты палъ ко мнѣ на грудь, и тихо, осеня
Тебя своимъ крыломъ, я тучи разогнала,
Когда, еще дитя, ты началъ горевать?
О, дай мнѣ поцѣлуй... Мнѣ жить осталось мало,
Молитвы я прошу, чтобъ утро увидать.

Поэтъ.

Не твой ли голосъ музыкальный
Я слышу, Муза? Мой цвѣтокъ!

Моя богиня! Твой печальный
Питомецъ нынче одинокъ.
О, неизмѣнная, родная,
Одна мнѣ близкая теперь,
Войди, ласкаясь и блистая,
И душу свѣтомъ наполняя,
Въ мою покинутую дверь!

Муза.

Спой пѣсню, мой поэтъ! То—я, твоя подруга.
Я видѣла съ небесъ, къкъ былъ печалень ты,
Снѣдаемый тоской сердечнаго недуга,
И я къ тебѣ сошла съ лазурной высоты.
Страдалецъ мой, я здѣсь! Я знаю, тайной боли
Душа твоя полна. Не снова-ль, милый мой,
Манить тебя любовь, какъ призракъ лучшей доли,
Какъ отблескъ радости мелькая предъ тобой?
Иди, мы воспоемъ минувшія тревоги
И счастья свѣтлаго утраченные дни;
Волшебной силою, могучіе, какъ боги,
Въ туманѣ прошлаго засвѣтимъ мы огни.
Чего желаешь ты? Веселья, славы звуки
Мы тотчасъ вызовемъ на лирѣ? Хочешь: въ даль
Умчимся въ уголокъ, гдѣ нѣтъ терзаній скуки
И гдѣ забвеніемъ врачуется печаль?
Куда мы полетимъ? Весь міръ открытъ предъ нами:
Вонъ тамъ—Италія въ полуденномъ огнѣ,
Вдали—Шотландія съ зелеными холмами,
Тамъ—горы Греціи, синѣя въ тишинѣ,
Глядятся съ высоты въ кристальные заливы...
О, чудная страна! О, мой родимый край!
Откуда-жъ мы возьмемъ волшебные мотивы
Для пѣсенъ и молитвъ? Рѣшайся, выбирай:
О томъ ли будемъ пѣть, что ангелъ безмятежный
Тебѣ нашептывалъ сегодня въ полуснѣ,
Когда въ окно сирень вливала запахъ нѣжный
И ранніе лучи играли на стѣнѣ?
Блестящіе полкі пошлемъ мы въ бой горячій?
Надежду-ль окрылимъ? Упьемся ли слезой?
Любовника-ль взведемъ по лѣстницѣ висячей?

Замылимъ ли коня подъ вихремъ и грозой?
Поднявъ ли къ небесамъ задумчивыя взгляды,
Мы будемъ пѣть Того, кто въ благодати своей,
Въ лазури засвѣтилъ несчетныя лампы,
Кто жизни и любви вливаетъ въ нихъ елей?
Въ морскую-ль глубину проникнемъ, гдѣ кораллы
И жемчугъ мы сорвемъ съ таинственнаго дна?
За смѣлымъ ли стрѣлкомъ взберемся мы на скалы?
Предъ нимъ трепещетъ лань; испуганно она
Со взоромъ жалобнымъ взываетъ о пощадѣ;
Оврагъ ее манитъ, дѣтеныши зовутъ...
Стрѣлокъ ее сразилъ, а жадныя къ наградѣ
Собаки собрались надъ жертвою и ждутъ,
И сердце теплое охотникъ имъ бросаетъ.
Воспѣть ли дѣву намъ? Стыдлива и стройна,
Она еще едва для счастья расцвѣтаетъ;
Вотъ съ нѣжной матерью въ соборъ идетъ она;
За ними юный пажъ. Съ тревогою во взглядѣ,
Красавица, забывъ молитву и соборъ,
Внимаетъ, какъ шумитъ въ церковной колоннадѣ
Поспѣшный бѣгъ коня и эхо звснкихъ шпоръ...
Призвать ли, съ копьями и въ блескѣ арматуры,
Героевъ Франціи на башни старыхъ стѣнъ?
Иль пусть поютъ романсъ родныя трубадуры,
Слагая гимнъ любви, оплакивая плѣнъ?
Элегіи къ тебѣ призвать ли образъ блѣдный?
Иль Батерлооскаго героя оживить,
Который тьмы людей рукой своей побѣдной
По прихоти своей рѣшилъ погубить?
Но къ славному вождю явился вѣстникъ ночи
Онъ гордаго низвергъ однимъ ударомъ крыль,
Сомкнулъ ему навѣкъ воинственныя очи
И руки на стальной груди его сложилъ.
Иль имя низкое зоила-памфлетиста
Къ позорному столбу мы грозно пригвоздимъ,
Чтобъ онъ отравою ругательства и свиста,
Въ безвѣстности своей забыть и невредимъ;
Не смѣлъ у генія тревожить вдохновеній
И лавры обрызгать на избранномъ челѣ!..
Спой пѣсню, мой поэтъ! Смотри—отъ дуновеній
Весеннихъ я лечу... Остаться на землѣ

Мнѣ трудно... Часъ насталь, часъ думъ и пѣснопѣній,
О! дай мнѣ хоть слезу!.. Теряюсь я во мглѣ...

Поэтъ.

О, если ты однихъ лобзаній
Иль слезъ желаешь отъ меня,—
Подруга, вѣрь, безъ колебаній
Ихъ дамъ тебѣ отъ сердца я.
Когда утонешь ты въ эфирѣ.
Когда на небѣ будешь ты,
Припомни, какъ тебѣ на лирѣ
Ввѣрялъ я сладкія мечты!
Ужъ я, увы, не воспѣваю
Ни грезъ, ни славы, ни любви;
Не слышу жизни я въ крови
И даже зло не проклиная;
Не льется рѣчь, и я въ тиши
Внимаю лепету души.

Муза.

Но что-жъ ты думаешь? Что я, какъ вихрь осенній,
Съ могилъ собираю скорбь и жадно слезы пью,
Блуждая по стопамъ печальныхъ привидѣній?
А нѣжный поцѣлуй,—не я-ль тебѣ даю?
Нѣтъ! Сорная трава, которую хотѣла
Я съ корнемъ истребить, то—лѣнь твоя, мой другъ.
И если встарину душа твоя болѣла,
Раскрой и обнажи мучительный недугъ.
Чѣмъ выше человѣкъ, тѣмъ путь его опаснѣй;
Поэтъ, твою печаль безслѣдно ты не прячь!
Отчаянія пѣснь едва-ль не всѣхъ прекраснѣй,
Есть пѣсни дивныя, похожія на плачь.
Ты знаешь—пеликанъ, когда онъ прилетаетъ
Въ вечернемъ сумракѣ къ оставленнымъ птенцамъ,
Вся жадная семья на берегъ выбѣгаетъ,
Отца издалека зоветъ знакомый гамъ
Измученныхъ дѣтей. Избравъ утесъ высокій,
Питомцевъ осѣнивъ повиснувшимъ крыльемъ,
Онъ въ небо темное вонзаетъ взоръ глубокій,

И лъетъ густая кровь дымящимся ручьемъ
Изъ груди жалкаго кормильца-рыболова!
Нѣтъ корма у него, напрасно онъ искалъ
Добычи въ камышахъ, вдоль берега морского
И въ черной глубинѣ за цѣпью синихъ скалъ.
Онъ сердце лишь свое принесть для насыщенья
Любимыхъ имъ дѣтей, и молча дѣлитъ онъ
Свою всю внутренность. Не чуя истощенья,
Голодную толпой задавленъ, окруженъ,
Онъ нѣжностью своей печаль свою смягчаетъ!
Такъ жертва чистая пируя свой конецъ,
Свою живую грудь для близкихъ онъ терзаетъ;
Бываетъ иногда, что любящій отецъ,
Усталый умирать отъ пытки непосильной,
Рѣшительный ударъ себѣ наносить самъ.
Тогда несется крикъ въ ночной тиши могильной—
Его послѣдній вопль по темнымъ берегамъ.
Онъ страшно такъ звучитъ, что путникъ запоздалый
Невольно крестится, и въ разные концы
Всѣ птицы прячутся отъ пѣсни небывалой:
Такъ плачутъ, мой поэтъ, великіе пѣвцы!
Они даютъ шумѣть толпѣ самодовольной,
Пока не призовутъ ее къ себѣ на пиръ,
Но полонъ горечи звукъ пѣсни ихъ застольной,
Они, какъ пеликанъ, собой питаютъ міръ.
Но тѣшится толпа ихъ скорбными рѣчами;
Отъ нихъ, какъ отъ меча, сверкаетъ полоса,
Змѣясь по воздуху волшебными огнями,
Но каплетъ изъ нея кровавая роса.

Поэтъ.

О, ненасытная! Не въ силѣ
Я пѣть больной, горя отъ ранъ.
Зачѣмъ чертитъ слова на пыли,
Когда несется ураганъ?
Исчезла юность золотая,
Когда, безпечно расцвѣтая,
Я пѣсни чудныя слагалъ.
Съ тѣхъ поръ же столько я страдалъ,
Что еслибъ вызвалъ вдохновеньемъ

На лиръ горечь этихъ дней,
То, возгораясь ожесточеньемъ,
Порваль бы струны я на ней!

С. А. Андреевскій.

СНѢГЪ ПАДАЕТЪ.

Изъ А. де-Мюссе.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется, и медленно
падаетъ

На холодную землю... Мой взоръ,
Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуеть
Этотъ бѣлый коверъ.

Мнѣ мила красота, какъ мечта непорочно-безстраст-
ная.

Этихъ чистыхъ снѣжинокъ нѣмыхъ.
Дышутъ миромъ онѣ, казъ молитва божественно-
ясная,

Какъ возвышенный стихъ.

Высоко надъ землей разлучились онѣ на мгновение,
Чтобы снова сойтись на землѣ.

Какъ торжественно тихъ и воздушенъ полеть ихъ,
паденіе

Въ очарованной мглѣ.

Точно плащъ кружевной, развѣваясь, сквозить и
колышется,

И роняетъ свой дѣвственный пухъ.

Мнѣ въ движеніи его гармоничная музыка слышится,
Ею грезить мой слухъ.

Это жертва небесъ, въ нихъ надежда земли на
спасеніе,

Въ нихъ залогъ для грядущей весны,

Благодатный покой, безпредѣльное счастье забвенія,
Вдохновенные сны.

Снѣгъ серебряный вьется и вьется, и медленно
падаетъ

На холодную землю... Мой взоръ,
Мою душу волнуетъ, волнуетъ и радуеть
Этотъ бѣлый коверъ.

А. М. Федоровъ.

СОНЕТЪ.

Изъ А. де-Мюссе.

Дитя, еслибъ даже бывша страданья
Опять въ моемъ сердцѣ проснуться могли,
И съ прежней тоскою и силой желанья,
Какъ осени поздней цвѣты, расцвѣли,

И еслибъ—невинна, чиста и прекрасна—
Меня ты, мой другъ, захотѣла плѣнить,—
Разбитое сердце не билось бы страстно.
Тебя я нѣ могъ и не смѣлъ бы любить.

Но знаю я, другъ мой, обычной чредою
Придетъ и къ тебѣ мигъ волшебной любви,—
Онъ счастьемъ освѣтитъ всѣ грезы твои,

Ничтожнымъ весь міръ будешь звать ты съ то-
скою...

Тогда я, какъ братъ, свое сердце отдамъ
Мечтамъ твоимъ свѣтлымъ и... горькимъ слезамъ.

В. Н. Ладыженскій.

СОНЕТЪ.

Изъ А. де Мюссе.

Когда я ребенкомъ Петрарку читалъ,
О славъ поэта я сладко мечталъ;
Онъ пѣлъ, какъ любовникъ, любилъ, какъ поэтъ,
Божественнымъ словомъ хранимъ и согрѣтъ.

Одинъ онъ имѣлъ непонятную власть,
Описывать сердца минутную страсть,
Минутный восторгъ,—и рѣзцомъ золотымъ
Писалъ на алмазѣ, что прожито имъ.

Вы ласковымъ словомъ согрѣли меня;
Быть-можетъ, любовь не продлится и дня...
Но вѣкъ не забуду вашъ теплый привѣтъ.

Я съ сердцемъ Петрарки, хотъ генія нѣтъ
Внимая любви непривычнымъ словамъ,
Всегда я откликнусь и душу отдамъ.

Л. А. Козловъ.

* * *

Изъ А. де-Мюссе.

Друзья мои! Когда умру я,
Возрастите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей блѣдною листвою;
И, надъ могилой тихо дремля,
Своею тѣнью не густой
Не отягчить она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой.

С. А. Андреевскій.

* * *

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя;
Лепестки улыгнулись атласныя,
Задрожали листы изумрудныя.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежныя
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля, подъ весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.
И теперь, въ эти дни многотрудныя,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя!

Н. Фофановъ.

* * *

Тѣлами нашими устлали мы дорогу
И кровью нашихъ жилъ спаяли вамъ мосты.
Мы долго молча шли, взывая только къ Богу,
И намъ во слѣдъ легли могилы и кресты.
Порабощенные, мы съ петлею на шеѣ,
Въ цѣпяхъ, во тьмѣ брели безъ пѣсенъ боевыхъ.
Погибло много насъ—зато теперь свѣтлѣе!
И вотъ идете вы, рать новыхъ, молодыхъ!
Такъ много васъ теперь, что дрогнуло все злое!
Идетъ гроза небесъ, близка борьба громовъ!
И ваша пѣснь звучить, какъ при началѣ боя
Въ горящемъ городѣ набатъ колоколовъ.
Идите же смѣлѣй и пойте пѣснь свободы!
Вѣдь только для нея, страдая, гибли мы,
Лишь этихъ пѣсенъ мы въ былые дни нѣвзгоды
Такъ страстно жаждали подъ сводами тюрьмы!

Скиталецъ.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ.

Раздумье.

Изъ Теофиля Готье.

..О, этотъ міръ, гдѣ лучшіе предметы
Осуждены на худшую судьбу!..

Малербъ.

Неопытность души задумчивой и ясной!
Великодушныя, наивныя мечты!
Фантазія,—другъ юности прекрaстной,—
Подъ вечеръ жизни намъ зачѣмъ не свѣтишь ты?
Зачѣмъ? Не видимъ ли, что въ жаркѣй полдень слезы
Серебристой росы не блещутъ на цвѣтахъ,
И краски нѣжныя благоуханной розы
До вечера поблекли на листьяхъ!

Прозрачнымъ ручеекъ изъ родника катится,
Но ржавчина болотъ струи его мутить;
Какъ ясенъ майскій день! Вдругъ небо омрачится,
И вихрь, и мракъ тяжелый налетитъ...

Законъ судьбы: проходить все, что мило,
Плѣнительной мечты мгновенный таетъ слѣдъ,
Но остается, что постыло.
Здѣсь роза мигъ живетъ, а кипарисъ—сто лѣтъ.

Н. Э.

С О Н Ъ.

Изъ Теофиля Готье.

Египеть... Жгучая полдневная пора.

Расплавленнымъ свинцомъ темнѣютъ воды Нила
Въ сіяніи лучей полдневного свѣтила;

Надъ всѣмъ царить неумолимый Фра.

И сфинксы, посреди безмолвья и простора
Храня обычный свой невозмутимый видъ,
Не сводятъ страннаго, загадочнаго взора

Съ вершинъ высокихъ пирамидъ.

Лишь темной точкою въ лазури раскаленной
Чернѣютъ коршуны. Въ пустынѣ, истомленной

Отъ зноя жгучаго—безлюдье, тишина...

И обезсилена подъ лаской неба знойной,
Природа кажется торжественно-спокойной,
Въ глубокой сонъ погружена.

Блестящая луна взошла надъ гладью Нила,

Надъ городомъ царей усопшихъ и царицъ,

И словно силою волшебной воскресила

Тѣхъ, кто покоится въ безмолвіи гробницъ.

На мигъ разорвалась минувшаго завѣса,—

Жрецы и воины, и свита, и народъ,

Какъ будто бы во дни великаго Рамзеса—
Безшумною толпой все двинулось впередъ.
Подъ сводомъ пирамидъ раскрылись саркофаги;
При звукахъ систрума несутъ жрецы и маги
Конвегъ Аммона-Ра.

И сфинксы на своемъ гранитномъ пьедесталѣ
Въ сіяніи луны какъ будто оживали
Недолгой жизнью до утра...

Съ минутой каждою растетъ толпа видѣній.
Безмолвныя уста, надменно строгій взоръ...
Воскресшіе вожди десятковъ поколѣній
И боги во главѣ: Фра, Озирись, Гаторъ.
На многихъ царскія сіяютъ діадемы
И блѣдныхъ призраковъ безкровныя черты
Вѣнчаютъ лотоса прозрачныя цвѣты.
Такъ движутся они, торжественны и нѣмы,
Подъ сводомъ сумрачнымъ гигантскихъ колоннадъ,
Гдѣ сфинсовъ и боговъ темнѣетъ длинный рядъ
И нѣкогда жрецы внимали ихъ глаголу...
И тихо, въ трепетномъ сіяніи луны,
Причудливо въ лучахъ ея удлинены,
Ихъ тѣни стелются по мраморному полу...

О. Чюмина.

* * *

Море любитъ землю, вѣчно негодуя,
Переходятъ въ ропоть поцѣлуи моря.
Такъ тебѣ на встрѣчу радостно иду я,
Но въ душѣ упреки, въ сердцѣ столько горя.
Мы живемъ и дышимъ жизнью не одною:
Ты—понять не можешь, я—сказать не въ силахъ
Такъ не властно море пѣнною волною
Отдохнуть, смирившись, на земныхъ могилахъ.

Allegro.

Суббота.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Какъ тишина чутка!
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно-близка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Прозрачна и легка,
Въ настоуженныхъ вѣткахъ бродить мгла,
Предвѣстница весенняго тепла.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Звенить моя тоска
Предчувствіемъ весны, и ожила
Моя душа, какъ подо льдомъ рѣка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Ни вздоха вѣтерка.
Ночь первую звѣзду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

А. Федоровъ.

Въ толпѣ.

Ужель ты думаешь, что я въ ревнивой мукѣ
Не радъ твоей любви и счастью твоему,
Когда, соединивъ ласкающія руки,
Ты съ нимъ въ толпѣ идешь, довѣрившись ему?
Ужель ты думаешь, что я тебя ревную
Въ тотъ самый свѣтлый мигъ, въ тотъ радостный
твой мигъ,
Когда, почувявши кругомъ толпу чужую,
Твой станъ къ его рукѣ довѣрчиво приникъ?
О, нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши...
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.

О, какъ ты счастлива, къ нему дрожа прильнувши,
Забывшая себя, принявшая любовь.

Ужель ты думаешь, что мнѣ тогда досадна
Святая страсть твоя, и я ее клянущу
Лишь потому, что самъ мучительно и жадно
Люблю души твоей нетлѣнную весну?

Я вижу васъ въ толпѣ, я вижу отовсюду.
Онъ выше всѣхъ въ толпѣ—ликующій орелъ.
И всюду вмѣстѣ васъ всегда я видѣть буду...
О, если бъ хоть на мигъ онъ отъ тебя ушелъ!

Лишь чтобъ открыть тебѣ рыдающую муку,
Все изступленіе, что я несу любя...
Но ты проходишь съ нимъ, склоненная на руку,
На руку мощную, держащую тебя.

О, этотъ тонкій станъ, къ нему дрожа прильнувши,
О, этотъ тонкій станъ слабѣе стебелька!..
Но нѣтъ, я тихо радъ, въ твои глаза взглянувши,
И радостна душа—душѣ твоей близка.

И не ревную я. Не надо мнѣ участя.
Останься съ нимъ всегда. Ему не прекословь.
Останься счастлива, извѣдавшая счастье,
Забывшая меня, принявшая любовь!

Викторъ Гофманъ.

О Т З Ы В Ы.

„Тайный!“—звала моя сила: „Откликнись, если
ты сущій!“

Нѣкто: „Откликнись, коль ты—сущій“—отвѣт-
ствовалъ мнѣ.

И повторилъ мнѣ: „Ты—сущій!..“ И звалъ я, ра-
достный: „Вотъ я!“

Радостный, кто-то воззвалъ: „Вотъ я!“ и смолк-
нулъ. Я ждалъ.

Гнѣвъ мой вскричалъ: „Тебя нѣтъ!“—„Тебя нѣтъ!“—
прогремѣлъ мнѣ незримый
И презрѣнъемъ отзывъ запечатлѣлъ: „Тебя
нѣтъ!“..
„Маску сними!“—мой вызовъ кричалъ; и требовалъ
кто-то:
„Маску сними!“—отъ меня. Полночь ждала.
Я нѣмѣлъ.
„Горе! я кличу себя!“—Обрѣло отчаянье голосъ:
И, безнадежный, сказалъ кто-то: „Я кличу
себя!..“

Вячеславъ Ивановъ.

Два листа.

Изъ Р. Гарнетъ.

Сказалъ поблекшій листь опавшему листу:
—Одинъ на деревѣ держусь я сиротливо;
Въ вершинахъ буйный вихрь бушуетъ прихотливо
И вѣтви старыя ломаетъ на лету.—

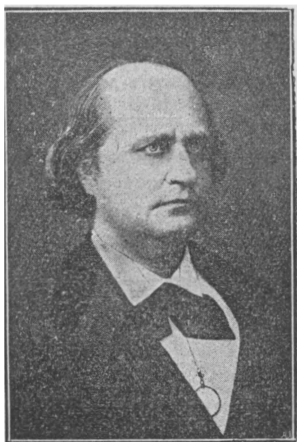
Сказалъ опавшій листь поблекшему листу:
—А я затоптанъ въ грязь тяжелою стопою:
Напрасно буйный вихрь зоветъ меня съ собою,
Онъ подхватить меня не можетъ на лету.

Сказалъ поблекшій листь опавшему листу:
—О, научи меня, мольбѣ моей внимая,
Что сдѣлать для того, чтобъ мнѣ дожждаться мая
И снова пережить любви моей мечту?

Сказалъ опавшій листь поблекшему листу:
—Ты все отъ жизни взялъ: любовь съ ея отрадой
Ты жилъ и зеленѣлъ, теперь же вянь и падай:
Кто можетъ пережить любви своей мечту.—

О. Н. Чюмина (Михайлова).

ЛЕОНТЬ ДЕ-ЛИЛЬ.

С О Н Е Т Ъ.

(Леонть-де-Лилля, изъ „Poèmes Barbares“).

Угрюмъ, какъ дикій звѣрь, обвита цѣпью выя,
Измученъ, весь въ пыли, стѣнная въ лѣтній зной,
Кто хочетъ, пусть идетъ съ растерзанной душой,
О, чернь жестокая, къ тебѣ на мостовыя.
За милость грубую, за смѣхъ безумный твой,
За пламя, что порой живить глаза тупые,
Кто хочетъ, пусть сорветъ одежды свѣтовыя
Съ таинственныхъ усладъ невинности святой.
Надменный, я молчу, хотя бъ въ моей могилѣ
Потемки вѣчныя меня въ забвеньи скрыли,
Ни радостью, ни зломъ не стану торговать,
Души моей не дамъ на жертву злобныхъ шутокъ,
И въ пошлый балаганъ не побѣгу плясать
Въ толпѣ твоихъ шутовъ и пьяныхъ проститутокъ.

Федоръ Сологубъ.

АНТИФОНЫ.

(Chant alternè).

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Богиня свѣтлая аеинскихъ береговъ,
Эллады мраморной живое изваянье,—
Влагала въ смертныхъ я бессмертное желанье,
Къ земнымъ лобзаньямъ склоняля я боговъ.

2. Востокъ таинственный—страна моя родная.
Съ руками на груди, смирена и блѣдна,
У галилейскихъ водъ росла я, расцвѣтая,
Слезами Вѣчнаго цвѣла моя весна.

1. Улыбкой дивною горитъ мое чело,
Во взорѣ знойная тревога сладострастья,
Мои уста поятъ гиметскимъ медомъ счастья,
И тѣло стройное—желаніе сожгло.

2. Въ печали набожной мои минуютъ дни,
Душѣ пораненной въ отраду сумракъ тѣсный,
Въ ограду тихую зоветъ женихъ небесный.
Придутъ ли горести—минуютъ и они.

1. Узловъ папируса я не ношу на тѣлѣ.
Въ паросской наготѣ нескованныхъ плечей
Пою Киприду я, какъ іонійцы пѣли,
Въ цвѣтушихъ сумракахъ аттическихъ ночей.

2. Счастливъ, кто вѣдаетъ восторги власяницы!
Счастливъ, кто день за днемъ молитвой обновлень!
О небо, каждому доступныя страницы,
Лишь только бѣ онъ любилъ, лишь только бѣ пла-
каль онъ.

1. Эротъ томительный увѣренной стрѣлою
Смутилъ младенчества безпечную лазурь,
И съ той поры томлюсь тревогой роковою,
Въ смятеньи чуткихъ сновъ, въ смятеньи вѣщихъ
бурь.

2. Сарона знойныхъ розъ, цвѣтовъ земли любимой,
Я не губила, нѣтъ, для тлѣннаго вѣнка.

О, стебель золотой и духъ неистребимый
И свѣтъ таинственный небеснаго цвѣтка!

1. Люблю Ортиги приволье голубое
И въ кушахъ Фриги, при празднествѣ ночномъ
Котурны павшіе и звучное эвое,
И чаши, медленно текушія виномъ.

2. Я помню,—свѣтлый Духъ меня нарекъ царицей
Блѣдна, какъ лилія безсолнечныхъ садовъ,
Душистымъ вечеромъ въ задумчивой свѣтлицѣ,
Я—тихихъ дѣвственницъ подруга и покровъ.

1. Въ священной Атикѣ, надъ звучными волнами
Подъ іонійскій ладъ, безцѣнна и чиста,
Во слѣдъ моимъ мечтамъ созвучными мечтами
Въ поэмахъ сладостныхъ дышала красота.

2. Смушались мудрецы. Душа, слагая крылья,
Послѣднее „прости“ шептала небесамъ,
Я воскресила въ ней надежду и усилъе,
Я землю привела къ небеснымъ суненямъ.

1. О, чаша полная и меда, и вина!
Страны плѣнительной плѣнительное пѣнье!
Я вижу алтарей пустынное забвенъе;
Я вижу: мертвая безмолвствуетъ страна.

2. Проснись, проснись, очагъ нетлѣннаго огня!
Мой духъ осиротѣлъ въ осиротѣломъ мірѣ,
Когда востанешь ты въ таинственной порфирѣ.
Заря единаго, немеркнушаго дня?

Д. Шестаковъ.

1.6.

Смерть солнца.

Изъ Леконтъ-де-Лиля.

Укоръ ли намъ неся, прощальный ли привѣтъ,
Какъ дальнихъ волнъ прибой, осенній вѣтеръ
стонеть
И вдоль пустыхъ аллея деревья грустно клонить,
О солнце, а на нихъ — твой слѣдъ, кровавый
слѣдъ!

Взлетаетъ къ облакамъ листокъ осиротѣлый—
И въ часъ, когда мечта родится за мечтой,
Колышется въ рѣкѣ, багрянцемъ залитой,
Багровое гнѣздо на вѣткѣ почернѣлой.

Изъ славныхъ ранъ твоихъ, родникъ и свѣточъ дня,
Какъ изъ груди борца потокъ любви высокой,
Струится золото лучистое широко.

Ты умираешь... Ахъ! Лишь ночь—вотъ смерть твоя!
Но сердцу, что въ конецъ разбито, сердцу кто же
Вернетъ и жизнь, и свѣтъ—вернетъ надежду, Боже?

В. С. Лихачевъ.

Два голоса.

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравенъ, борьба безнадежна.
Надъ вами свѣтила молчать въ вышинѣ;
Подъ вами могилы, молчать и онѣ.
Пусть въ горнемъ Олимпѣ блаженствуютъ боги
Безсмертье ихъ чуждо труда и тревоги;
Тревога и трудъ лишь для мертвыхъ сердець...
Для нихъ нѣтъ побѣды, для нихъ есть конецъ.

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Какъ бой ни жестокъ, ни упорна борьба!—
Надъ вами безмолвные звѣздные круги,
Подъ вами нѣмые, глухіе гроба.

Пускай олимпійцы завистливымъ окомъ
Глядятъ на борьбу непреклонныхъ сердець.
Кто ратуя, палъ, побѣжденный лишь рокомъ,
Тотъ вырвалъ изъ рукъ ихъ побѣдный вѣнецъ...

Ф. И. Тютчевъ.

Альбатросъ.

Изъ Ш. Бодлера.

Когда въ морскомъ пути тоска беретъ матросовъ,
Они, досужій часъ желая скоротать,
Безпечныхъ ловятъ птицъ, огромныхъ альбатросовъ,
Что встрѣчныя суда такъ любятъ провожать.

И вотъ, когда царя любимаго лазури
На палубѣ кладутъ,—онъ снѣжныхъ два крыла,
Умѣвшихъ такъ легко парить навстрѣчу бурѣ,
Застѣнчиво влачить, какъ два большихъ весла.

Быстрѣйшій изъ гонцовъ, какъ грузно онъ ступаетъ!
Краса воздушныхъ странъ — о какъ онъ сталъ
смѣшонъ!

Дразня, тотъ въ клювъ ему табачный дымъ пускаетъ,
Тотъ веселитъ толпу, хромая, какъ и онъ.

Поэтъ, вотъ образъ твой! Ты также безъ усиля
Летаешь въ облакахъ средь молній и громовъ,
Но исполинскія тебѣ мѣшаютъ крылья
Внизу ходить, въ толпѣ, средь шиканья глупцовъ!

П. Я.

Перелетныя птицы.

Изъ Жана Ришпена.

Вотъ грязный задній дворъ, совсѣмъ обыкновен-
ный:

Конюшня, хлѣвъ свинной, коровникъ и сарай,
А въ глубинѣ овинъ подъ шляпой неизмѣнной
Соломенной своей.—Тутъ для животныхъ рай.
Тутъ вѣчно ѣсть и пьеть бездушная порода;
На солнышкѣ блеститъ навозъ, какъ золотой,
И дремлютъ сонныя канавъ и лужицъ воды,
Омывшія весь дворъ вонючею рѣкой.

Вдали отъ мокроты и жирной кучи черной,
Тамъ, гдѣ навозъ просохъ и такъ овсомъ богатъ,
Хозяйка курица разбрасываетъ зерна,
Гордясь семьей тупыхъ, прожорливыхъ цыплятъ.
Отецъ-пѣтухъ сидитъ повыше на телѣгѣ,
Доволенъ, жиренъ, сытъ,—свернулся онъ клубкомъ,
Онъ спитъ блаженнымъ сномъ, онъ утопаетъ въ
нѣгѣ.

И сонные глаза завѣсилъ гребешкомъ.

Вонъ плаваютъ въ пруду мечтательныя утки,
На тину устремивъ сентиментальный взглядъ,
И съ селеземъ своимъ разъ по двѣнадцать въ
сутки

О радостяхъ любви законной говорятъ.
Рубиномъ, бирюзой на солнцѣ отливая,
На крышѣ высоко, подъ золотомъ лучей,
Нарядная сидитъ и радужная стая,
Семья породистыхъ, спесивыхъ голубей.
Какъ войско стройное, въ своихъ мундирахъ бѣлыхъ
Пасется въ сторонѣ красивый полкъ гусей;
А дальше—черный рядъ индюшекъ осовѣлыхъ,
Надутыхъ важностью и глупостью своей.
Здѣсь—царство, гордое своею грязью, саломъ,
Скотской счастливый бытъ развѣвшихся мѣщанъ.
Въ помойной ямѣ—жизнь, съ невознымъ идеаломъ!
Здѣсь щедрою рукой удѣлъ блаженства данъ!
Да счастливъ ты, индюкъ! И ты, мамаша-утка!

Утятамъ скажешь ты навѣрно въ смертный часъ:
„Живите такъ, какъ я... Непортитѣ желудка...
Я—исполняла долгъ... Я—расплодила васъ!“
Ты исполняла долгъ?.. Что значить „долгъ“ для
утки?

Не то ли, что она весь вѣкъ въ грязи жила,
Да, выйдя на траву, топтала незабудки
И крылья мотылькамъ со злобою рвала?
Не то ль, что никогда порывы вдохновенья
Не грезилися ей въ тупомъ, тяжеломъ снѣ,
Что не было у ней неяснаго стремленья
На волѣ полетать при звѣздахъ, при лунѣ?
Что подъ перомъ у ней ни разу лихорадка
Не растопила жиръ, не разбудила кровь,
Не родила мечты—уйти изъ лужи гадкой
Туда—гдѣ свѣтъ, и жизнь, и чистая любовь...
Да! счастливы они! Не трогаетъ нимало
Ихъ ни одинъ живой, мучительный вопросъ,
И въ голову гусей отнюдь не забредало
Желаніе—имѣть другого цвѣта носъ...

Течеть въ ихъ жилахъ кровь такъ плавно, тихо,
мѣрно;

И гдѣ жъ волненьямъ быть, когда въ нихъ сердца
нѣтъ?

Лежить у нихъ въ груди машинка съ боемъ вѣр-
нымъ,

Чтобъ знать, который часъ и скоро ли обѣдъ...

Да счастливы они! Живетъ патриархально,
Спокойно, весело и сыто пошлый родъ...

Онъ у помойныхъ ямъ блаженствуетъ нахально,
По маковку въ грязи, набивъ навозомъ ротъ.
Да! счастливъ задній дворъ!..

Но вотъ надъ нимъ взвилася
Большая стая птицъ, какъ точка въ небесахъ...
Приблизилась... Растеть, плыветъ—и пронеслася,
Нагнавъ на птичникъ весь непобѣдимый страхъ.
Вспорохнули голубки съ своей высокой крыши,
Испуганы они, валятся кувырккомъ;
Увидя, что полетъ тѣхъ птицъ гораздо выше,
Усѣлися въ пыли съ цыплятами рядкомъ
Вотъ куры отъ земли приподняли головки,

Пѣтухъ со-сна, вскочилъ и, съ гребнемъ на боку,
Застукалъ шпорами, какъ офицерикъ ловкій,
Воинственно крича свое „кукареку!“
Что съ вами, господа?... Да будьте же спокойны!
Чего орешь, пѣтухъ?... не докричишь до нихъ!...
Молчи... Они летятъ на берегъ дальній, знойный,
Не соблазнить ихъ видъ новозныхъ кучъ твоихъ!
Смотрите!—Въ синевѣ прозрачной утопая,
Далеко отъ земли, отъ рабства и цѣпей,
Летятъ онѣ стрѣлой, ни горь не замѣчая,
Ни шума грозныхъ волнъ бушующихъ морей.
На эту вышину вамъ и глядѣтъ опасно.
Да... многія изъ нихъ погибнуть на пути
И не увидятъ край свободный и прекрасный,
Гдѣ грезилося имъ свой рай земной найти.
У нихъ, какъ у васъ, есть также жены, дѣти..
Могли бы жить онѣ въ курятникѣ, какъ вы,
Блаженствовать... Но имъ милѣй всего на свѣтѣ
Мечты—безумный бредъ ихъ гордой головы...
Истерзаны, и худы, и усталы...
Зато имъ наверху какъ дышится легко!..
И дикій ревъ стихій не страшенъ имъ нисколько;
Ихъ крылья всѣмъ вѣтрамъ раскрыты широко;
Пусть буря перья рветъ, пусть злятся непогоды,
Пусть ливень мочить ихъ, сѣчетъ холодный градъ,—
Согрѣтыя лучомъ живительнымъ свободы,
Въ волшебный свѣтлый край отважныя летятъ.
Летятъ къ странѣ чудесъ, странѣ обѣтованной,
Гдѣ солнце золотитъ лазури вѣчной гладь,
Гдѣ вѣчная весна, гдѣ берегъ тотъ желанный,
Къ которому вовѣкъ вамъ, пошлымъ, не пристать!
Смотрите, пѣтухи, индюшки, гуси, утки,
Смотрите, дураки,—да развѣвайте ротъ...
И, можетъ быть, судьба, въ насмѣшку, ради шутки,
На плоскіе носы швырнетъ вамъ ихъ пометъ!

А. П. Барынова.

ХОЗЕ МАРІА ДЕ-ЭРЕДІА.

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

Изъ Х. М. д'Эредіа.

Ⓢ, вѣрно грозной онъ тревожился борьбой
Когда одинъ, вдали ликующаго Рима,
Пророковъ и Сивиллъ чертилъ неустрашимо
Подъ сводомъ сумрачнымъ угрюмою рукой!

Въ его груди ропталъ немолчною тоской,
Среди цѣпей и бѣдъ, Титанъ непобѣдимый...
Отечество, любовь и славы лавръ любимый—
Онъ зналъ, что все падеть обманутой мечтой.

И васъ, гиганты, васъ, въ истомѣ тщетныхъ силъ,
Рабовъ, мятежниковъ—въ какомъ усилии смѣломъ,

Въ какомъ стремленьи художникъ укротилъ,
И въ холодъ мраморовъ огнемъ оледенѣлымъ
Весь скорбный трепеть свой влагая, воплотилъ—
Весь гнѣвъ Предвѣчнаго въ бореньи вѣчномъ съ
тѣломъ

Д. П. Шестановъ.

Д о г а р е с с а .

Изъ Х. М. Эредіа.

Т екутъ часы въ изящномъ разговорѣ
Въ палаццахъ Тиціановскихъ вельможъ...
Колье, и пряжки цѣнныя, и ножъ
Блестятъ у нихъ на пурпурномъ уборѣ.

Съ патриціанской гордостью во взорѣ
Въ изгибъ лагунъ глядятъ они изъ ложъ—
Тамъ, отражая солнечную дрожь,
Сквозитъ Адриатическое море.

Толпа блестящихъ юношей и дамъ
Влачитъ атласъ по бѣлымъ ступенямъ,
А въ мглѣ аллея, гдѣ запахъ розъ такъ тонокъ,

Полуоткрывъ съ улыбкой дивный ротъ,
Прекрасная идетъ, и негритенокъ
За нею шлейфъ почтительно несетъ.

Александръ Бискъ.

СОНЕТЪ.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Момедли, о путникъ, надъ этой могилой,
И если къ знакомымъ идешь берегамъ,
Къ Элладѣ далекой—не встрѣтишь ли тамъ
Отца моего, престарѣлаго Илло?

Скажи, что сошелъ я подъ вѣчную сѣнь,
Убитый врагами, и, волею неба,
Доселѣ блуждаетъ во мракѣ Эреба
Моя неотмщенная тѣнь.

И если въ отчизнѣ, съ закатомъ денницы,
Ты женщину встрѣтишь у скромной гробницы.—
То мать моя, путникъ! Тиха и блѣдна,
Въ печали глубокой и кротко-безбурной,
Она надъ пустою сконяется урной:
Слезами ее наполняетъ она.

О. Чюмина.

БОГЪ САДОВЪ.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Фужой, не подходи! Я знаю, ты хитеръ!
Подъ кущами садовъ назрѣли торопливо
Тяжелый виноградъ и жирныя оливы:
Ты хочешь обокрасть меня, лукавый воръ!

Смотри, я стерегу! Эгинскимъ пастухомъ
Изъ пня смоковницы я сдѣланъ неумѣло.
Надъ нимъ, ваятелемъ, глумиться можешь смѣло,
Но съ богомъ не шути: Приапъ отплатитъ зломъ.

Любимецъ моряковъ, съ галеры въ старину
Я весело смотрѣлъ на хмурую волну,
Румяное лицо поднявъ надъ влагой пѣнной..
Мнѣ больше не видать привѣтливыхъ Цикладъ:
Презрѣнью обреченъ, я сторожу безсмѣнно
Отъ хитрыхъ грабежей плоды и виноградъ.

В. Жуковскій.

Плотникъ Назарета.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Едва зардѣлъ зари предутренній вѣнокъ,
И горы синія возникли изъ тумана,
Иосифъ для работъ съ одра поднявшись рано,
Стругаетъ дерево, ворочая станокъ.
Онъ трудится весь день, усталъ и одинокъ..
Но вотъ длиннѣе тѣнь высокаго платана,
Гдѣ Богородица и праведная Анна
Сидѣли съ мальчикомъ, играющимъ у ногъ.
Раскалена лазурь, и вѣтеръ не шелохнетъ.
Иосифъ ждетъ, когда горячій потъ просохнетъ,
И вытираетъ лобъ, замедливъ надъ доской.
Онъ жадно воду пьетъ изъ принесенной кружки,
А ученикъ во тьмѣ глубокой мастерской
Струитъ опилковъ дождь и золотыя стружки.

Сергій Соловьевъ.

Plus ultra.

Изъ X. М. д'Эредіа.

И львовъ рыкающихъ спаленная земля,
Страна чудесь и дивъ, покорна человѣку;
Онъ топчетъ океанъ безтрепетно, какъ рѣку,
Пятою тяжкою упрямаго руля

Но дальше ужасовъ, морозовъ и снѣговъ,
И Штрёма бурнаго, и Шпицберговъ безплодныхъ,
Есть полюсь ласковый и нѣга водъ свободныхъ
Кругомъ незнаемыхъ пловцами острововъ.

Туда! Я разобью стекло безлюдныхъ льдовъ...
Мечту усталую тревожить дерзкій зовъ
Не къ твоему вѣнцу, Конквистадоръ кровавый!
Впередъ! Я подымусь до крайней грани скалъ,
И пусть для всѣхъ, для всѣхъ еще безмолвный валь
Ласкаетъ гордый слухъ покорнымъ плескомъ славы.

Д. П. Шестаковъ.

Завѣтъ бытія.

Я спросилъ у свободного Вѣтра,
Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
„Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго моря,
Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
Мнѣ отвѣтило звучное море:
„Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣ зарі.
Ничего не отвѣтило Солнце,
Но душа услышала: „Гори!“

Н. Д. Бальмонтъ.

ЛѢТНІЙ вечеръ на кладбищѣ.

Изъ П.-Б. Шелли.

Горитъ закатъ, блистаетъ янтарями,
Чуть дышетъ вѣтеръ, облачко гоня,
И свѣтлый вечеръ съ темными кудрями
Прильнулъ къ нѣмымъ устамъ блѣднѣющаго дня.
Безмолвіе и мгла, четой влюбленной,
Приходятъ изъ долины отдаленной.

Приносятъ дню послѣдній свой привѣтъ,
Покорны власти необычайной
Лазурь, земля, движенье, звукъ и свѣтъ;
Имъ отвѣчаетъ міръ своей глубокой тайной
И вздохи вѣтра въ даль уйти спѣшатъ,
И стебли травъ не шепчутъ, не шуршатъ.

И ты забылось, дремлющее зданье.
Закутавшись въ сверкающую пыль,
Ты къ высотѣ возносишь очертанья,
Вздымаешь къ небесамъ туманный стройный шпиль.
И сонмы тучекъ быстро возрастаютъ,
И вотъ ужъ звѣзды смотрятъ и блистаютъ.

Усопшіе покоятся въ землѣ,
Но чудится, какъ будто слышенъ шопотъ,
Тѣнь мысли, чувства движется во мглѣ,
Вкругъ жизни молодой скользитъ загробный ропотъ.
Уходитъ онъ въ безмолвіе и тьму,
Онъ внятень только сердцу и уму.

И все прониклось цѣльной красотою,
И смерть сама, какъ эта ночь нѣжна.
Здѣсь мнѣ легко увѣровать душою,
Что тьма загробная желанныхъ тайнъ полна,
Что рядомъ съ смертью, спящей безъ движенья,
Трепещутъ несказанныя видѣнья.

К. Д. Бальмонтъ.

Жанъ Ришпенъ.

Стремленіе къ безконечному.

Изъ Ж. Ришпена.

Душу излившій въ одномъ поцѣлуѣ влюбленный;
Бѣлая лилія, къ солнцу стремясь по утру;
Царь океана, порывами бурь опьяненный;
Мученикъ юный, безстрашно идущій къ костру;
Въ чашѣ олень, испускающій крикъ изступленный;
Въ клѣткѣ своей о свободѣ мечтающій левъ;
Древній мудрецъ, надъ рѣшенъемъ задачи согбенный;
Чуткій поэтъ, повторяющій риемы напѣвъ,—
Всѣ, не взирая на горе, сомнѣнья, утраты,
Всѣ, какъ одинъ, безконечнаго жаждой объаты,
Тщетнымъ желаніемъ каждаго сердце полно.

Т а й н а.

Изъ Ж. Ришпена.

Что дѣлать, осликъ мой! Смиримся. На полянѣ
Пасешься мирно ты, привязанъ на арканѣ,
И сладостенъ тебѣ колючекъ этихъ кустъ,
Какъ сладостны и мнѣ лобзанья милыхъ устъ.
Но все же мы съ тобой на привязи, въ неволѣ.
И ревомъ выразивъ гнетущую печаль,
Глазами влажными ты грутно смотришь вдаль
И шею вытянувъ, мечтаешь ты о волѣ.
И что влечетъ тебя въ сіяющій просторъ,
Гдѣ солнце золотитъ вершины темныхъ горъ—
О томъ не знаешь ты. И также непрерывно
Мы—узники замли, отъ всѣхъ ея даровъ
Стремимся за рубежъ невѣдомыхъ міровъ
Очами скорбными мы жаждемъ тайны дивной.

О. Чюмина.

Греческій сонетъ.

(Изъ „Les caresses“ Ж. Ришпена).

Баятель Пракситель (чудесное преданье!)
Однажды кубокъ такъ изваять пожелалъ,
Чтобъ контуромъ однимъ онъ сердце въ насъ плѣ-
нялъ...
Но тщетны были всѣ порывы и старанья!..
Однажды вечеромъ въ пылу очарованья
Онъ грудь своей подруги лобызалъ,—
И былъ рѣшенъ вопросъ!.. Онъ кубокъ изваялъ
И въ кубкѣ воплотилъ той груди очертанья...
Подъ шествіемъ вѣковъ забытая толпой,
Исчезла та, чью грудь божественно-прекрасной
Въ твореньѣ воплотилъ художникъ молодой,

Отъ тлѣнья сохранивъ на вѣкъ любовью страстной...
Но клубокъ тотъ живетъ и формой неземной
Плѣняетъ смертный взоръ безсмертной красотой!

Эллисъ.

Орелъ.

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокой.
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокой.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ питомецъ скаль.
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій мѣръ безсилья,
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдя, медленные крылья.

И—царь заоблачныхъ высотъ,
Случайный гость земли печальной,—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальней.

Высоко отъ тщеты земной,
Вознесся праху неподвластный,
И—къ дольней жизни безучастный—
Исчезнулъ въ безднѣ голубой.

А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

МОСТЪ ВЗДОХОВЪ.

Изъ Т. Гуда.

Еще несчастливая
Устала дышать,
Ушла, торопливая,
Лежить, чтобъ не встать.

Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такою воздушную
Берите съ мольбой.

Глядите, покровами,
Какъ будто суровыми
Могильными тканями,
Покрыта она;
Какъ будто съ рыданьями
Къ ней льнула волна.
Не тронь проклинаньями
Безмолвіе сна,—
Она молода и нѣжна.

Не съ мрачнымъ презрѣніемъ,—
Съ тоской, съ сожалѣніемъ
Склонись человѣчески къ ней:
Нѣтъ больше въ ней темнаго
Лишь чары въ ней скромнаго,
Въ ней женственность стала нѣжнѣй.

Брось думу пытливую—
Мятежна ль она;
Душа торопливую
Судить не должна;
Исчезло все черное,
Все стерлось позорное,
И какъ она въ смерти нѣжна!

Ея заблужденія
Достойны прощенія,—
Дочь Евы прости.
Съ устъ, полныхъ забвенія,

Сотри загрязненіе,
И волосы ей поспѣши заплести
Каштаново-темные:
Длинна ихъ волна.

Вопросы встають бесполезно-нескромные:
Откуда она?
Кто былъ ей отецъ? Кто родимая?
Иль, можетъ быть, братъ былъ у ней?
Сестра? Иль подруга любимая?
Иль кто нибудь ближе, тѣснѣй
Съ ней связанный,
Сердцемъ указанный,
Кто всѣхъ былъ желаннѣе ей?

О, гдѣ милосердіе?
Какъ рѣдко оно!
Нѣтъ въ сердцѣ усердія,
И сердце темно.
Подумать, что людными
Столица домами полна,—
Но съ мыслями трудными
Была безъ пріюта она!
Что матерью звалось,
Отцомъ не рикалося,
Что братомъ звалось и сестрой,
Все, вдругъ измѣненное,
Разсталось съ душой:
Любовь оскорбленная
Осталась одной...

Какъ будто отъ самыхъ Небесъ отчужденная,
Стояла она надъ волной.
И лампы, дрожащія
Вдоль темной рѣки,
И всюду горящіе
Тамъ въ окнахъ огни, огоньки
Съ громадою темною
Тяжелыхъ домовъ
Давили бездомную,
Ее, что утратила кровь.
Подъ вѣтромъ пронзительнымъ

Дрожала она;
Потокомъ стремительнымъ
Рѣка убѣгала, темна,
Но ей не страшна:
Всей повѣстью жизни обманута,
И тайною смерти притянута,
Спѣшитъ она въ пропасть и въ ночь,—
И силы вдругъ прибыло...
Куда бы то ни было,
Скорѣе, скорѣе, куда бы то ни было
Но только изъ міра ужаснаго прочь!
Безъ удержу ринулась,—
Что холодъ воды!
Въ безвѣстность откинулась
Отъ здѣшной бѣды!
Ты, съ волей желѣзною,
Ты, взявшій свое,
Ты можешь надъ бездною
Представить ее?
Коль знаешь, какъ зыбкою
Явилась вода,—
Пей воду съ улыбкою,
Въ ней мойся тогда.
Ее равнодушною
Не троньте рукой;
Такую воздушную
Берите съ мольбой.
Мечтою послушною
Щадите безмолвіе сна,—
Она молода и нѣжна.
Еще не застывшее,
Несчастно любившее,
Сложите, какъ слѣдуетъ, тѣло ея,
Закройте безсонные
Глаза ослѣпленные,
Упорно хранящіе горе свое.
Сквозь плѣсень холодную,
Сквозь грязь эту водную,
Такъ страшно глядитъ неотступный тотъ взоръ;
И нѣтъ въ немъ раскаянья,

Въ немъ только отчаянье,
Въ немъ дерзкая смѣлость и горькій укоръ.
Убитой мученіемъ,
Жестокимъ презрѣніемъ,
Бездушьемъ людскимъ,
Горящимъ безумьемъ своимъ,—
Сложите ей руки: какъ будто съ моленіемъ,
Какъ будто она со смиреніемъ
Лежить, утомившись борьбой...
Да будетъ ей вѣчный покой!

Н. Д. Бальмонтъ.

* * *

„Не унывай, борись съ судьбою!“—
Твердилъ мнѣ яркій солнца лучъ;
„Не унывай, Господь съ тобою“
Мнѣ жаворонокъ пѣлъ изъ тучъ!
„Не унывай, имѣй терпѣнье,“—
Шепталъ, ласкаясь, вѣтерокъ;
„Не унывай, оставь сомнѣнье,“—
Журчалъ, сверкая, ручеекъ;
„Не унывай, впередъ—смѣлѣ!“
Мнѣ повторялъ, стремясь, потокъ;
„Не унывай, будь веселѣ,“—
Твердилъ голубенькій цвѣтокъ;
„Не унывай,“—мнѣ утро мая
Внушало свѣжестью своею,
И вся природа, воскресая,
Будила жизнь въ душѣ моей.
И я съ тѣхъ поръ благословляю
Тотъ день и часъ, и свѣтлый май,
И говоръ струй, и пташекъ стаю,
Твердившихъ мнѣ: „не унывай!“

Э. В. Соломирскій.

Франсуа Коппе.

Голова султанши.

Изъ Франсуа Коппе.

Сынъ великаго Мурада, Магометъ, султанъ суровый,
Сталь задумываться крѣпко: занятъ былъ онъ
мыслью новой.
Въ тишинѣ ль глубокой ночи, посреди ль дневного
шума
Въ головѣ его гнѣздилась все одна и та же дума.
Онъ ходилъ, чело нахмуривъ, брови сдвинувши густыя:—
Не давалъ ему покоя славный городъ Византія.
Въ каикѣ своемъ роскошномъ, убаюканный волнами,
Все туда нетерпѣливо уносился онъ мечтами;
Видѣлъ издали онъ городъ—башни, куполы и шпицы—
И прислушивался жадно къ шуму смутному столицы;
Отъ ея дворцовъ и храмовъ оторвать не могъ онъ
взора,

Отражавшихся такъ чудно въ голубыхъ водахъ Бос-
фора.

— „Да, возьму я Византію,—это храмы и палаты...
Но для подвиговъ великихъ нужны храбрые сол-
даты.

Много крови тутъ прольется, не отдается городъ
даромъ!“

Размышлялъ онъ и горстями сыпалъ деньги яны-
чарамъ.

Но солдаты облѣнились, заплыли, какъ свиньи, жи-
ромъ,

Развращенные до-нельзя черезчуръ ужъ долгимъ
миромъ.

Что ни дай—а все имъ мало! и опять они вопили,
Новыхъ, новыхъ все подарковъ отъ щедротъ его
просили.

Магометъ крѣпился долго, гнѣвный, сумрачный, но
скрытный;

Наконецъ, онъ возмутился ихъ корыстью ненасыт-
ной.

Давъ агѣ ихъ оплеуху, всѣхъ заботъ оставивъ бремя,
Раздраженный повелитель заперся въ своемъ гаремѣ.
Тамъ безвыходно сидѣлъ онъ. — Проходили дни за
днями,

А султанъ не появлялся, скрылся толстыми стѣнами,
И солдаты взбунтовались: раздались свистки и крики
Этой шайки своевольной у дворца ея владыки;

Все грознѣй вздымался ропотъ, все росла возстанья
сила,

Но дворецъ не отпирался, былъ безмолвенъ, какъ
могила.

И напрасно раздавался ревъ буяновъ разъяренныхъ
Возлѣ этихъ стѣнъ массивныхъ, жгучимъ солнцемъ
накаленныхъ.

Слухъ прошелъ между войсками, ихъ наполнивъ
озлобленьемъ,

Что властитель, оскорбившій ихъ такимъ пренебре-
женьемъ,

Тотъ, кто долженъ быть примѣромъ славной до-
блести солдату,

Запершись въ своемъ гаремѣ, предается тамъ раз-
врату;
Что давнишнія желанья битвы, славы и побѣды
Отдалъ онъ за поцѣлуи и любовныя бесѣды;
Что теперь у Магомета ужъ другая есть приманка,
Что его околдовала синеокая гречанка.
Онъ отнынѣ не желаетъ въ бой вести ихъ и сра-
жаться,
А намѣренъ, въ празднои нѣгѣ, сладострастью пре-
даваться.
Развалившись на диванѣ, на гузлѣ султанъ играетъ
И персидскими стихами слухъ рабыни услаждаетъ.
„Стыдъ лѣнивому султану! трусу!“ — крики разда-
ются;
Волны бунта все сильнѣе въ стѣны каменные
бьются.
Не корысть ему причина, нѣтъ о золотѣ и рѣчи.
„Мы хотимъ—кричатъ солдаты — славной битвы,
страшной сѣчи!
Темной ржавчиной покрылась сабля славная Османа..
Просимъ мы войны и крови у безпечнаго султана!
Иль бараниной и рисомъ насъ откармливаютъ даромъ?
По три аспра намъ довольно.. много ль нужно яны-
чарамъ!
Но бѣда тому султану, что пугается кинжала
И котораго гречанка жгучимъ взглядомъ оковала!
Пусть онъ выйдетъ! Мы желаемъ снова видѣть Ма-
гомета!
Пусть онъ выйдетъ! Мы не станемъ долго ждать его
отвѣта.
Отворите тотчасъ двери, или мы ихъ разломаемъ!
Подавайте намъ султана! Говорить мы съ нимъ
желаемъ!“
Но попрежнему безмолвенъ, грозенъ былъ дворець
султанскій,
Запертъ на-глухо тяжелой круглой дверью маври-
танской.
Былъ однако же придворный, что свободно и безъ
страха
Могъ порою постучаться въ дверь гарема падишаха.

Звался онъ Халиль-пашою, былъ онъ визиремъ по
сану.—

И настойчиво онъ просить нынѣ доступа къ султану,
И во внутреннемъ покоѣ, гдѣ треножники стояли
Золотые и куреній ароматъ распространяли,
Въ сладкой нѣгѣ растянувшись на широкомъ отто-

манѣ,
Съ брилліантовой згреткой на большомъ своемъ
тюрбанѣ,

Магометъ любимца принялъ, величавый и надменный.
Между тѣмъ какъ тотъ склонился въ позѣ рабской
и смиренной,

Руки деспота небрежно по струнамъ гузлы блуждали,
Та жъ, по поводу которой янычары бунтовали,
Молодая элиротка, помѣщалась у дивана
На огромной львиной шкурѣ, на полу, у ногъ сул-

тана;
И, почти совсѣмъ нагая, лишь волосъ своихъ волною
Прикрывала грудь и плечи съ ихъ сверкавшей бѣ-

лизною.
— „Ну, чего мой визиръ хочетъ, что сказать онъ
мнѣ желаетъ,
И зачѣмъ онъ безъ призыва здѣсь покой нашъ на-

рушаетъ?
Плохо выбрана минута: я султаншу занимаю,
И достойные Гафиза ей стихи теперь читаю.“

— „Не такое нынѣ время, благородный сынъ Му-
рада,“—

Отвѣчалъ Халиль султану,—„не о томъ намъ думать
надо;

Не о томъ, чтобы стихами и любовью наслаждаться:
Янычары взбунтовались, во дворецъ хотятъ вор-
ваться.

Государь! Явись предъ ними вновь въ величїи су-
ровомъ,

Укrotи ихъ гнѣвнымъ взглядомъ, усмири ихъ вла-
стнымъ словомъ:

Лишь тебѣ возможно это! Пусть калифа появленіе
Вновь направитъ непокорныхъ на стезю повино-
венья;—

И поймутъ они, какъ дерзко предъ тобою погрѣшали;
Но ты долженъ показаться, а не то—мы всё про-
пали!“

Между тѣмъ какъ старый визирь, съ видомъ важ-
нымъ и серьезнымъ,

Говорилъ, свой станъ согнувши предъ владыкой
этимъ грознымъ,

Улыбался тотъ гречанкѣ съ чудно-синими глазами,
Что теперь къ нему прильнула, обвила его руками
И всѣмъ тѣломъ трепетала, глядя въ страхъ на
султана,

Грудь царапая нагую о шитье его кафтана,
Гдѣ по фону золотому изъ парчи, вились узоры
Изъ рубиновъ, изумрудовъ, красотой плѣняя взоры.

— „Такъ меня желють видѣть?—онъ къ Халилю
обратился,—

Хорошо... сейчасъ я выйду.. Я слегка погорячился,
Покапризничалъ немного... Но я знаю вѣдь, солдата.
Я мятежныхъ успокою,—будутъ смирны, какъ яг-
нята!“

Изъ объятій эфиротки, съ тихимъ, нѣжнымъ изви-
неньемъ,

Магометъ освободился и густыхъ бровей движеньемъ
Подозвалъ къ себѣ онъ Джема, вставъ съ широ-
каго дивана

(Это былъ нубіецъ-евнухъ, приближенный рабъ сул-
тана);

И, шепнулъ рабу два слова, величавою стопою
Вмѣстѣ съ визиремъ Халилемъ, старцемъ съ бѣлой
бородою,

Повелитель правовѣрныхъ, станъ свой выпрямивъ
высокій,

Изъ своихъ покоевъ вышелъ, и по лѣстницѣ широ-
кой,

Изъ роскошнаго порфира, началъ къ выходу спу-
скаться.

Между тѣмъ за дверью крики продолжали разда-
ваться;

Но спокойно шель навстрѣчу онъ опасности вели-
кой,

Точно онъ совсѣмъ не слышалъ рева этой черни
дикой.
Вотъ широко распахнулась дверь, такъ долго запер-
тая,
И явилась предъ султаномъ площадь, блескомъ за-
литая,
Въ золотомъ туманѣ солнца, съ моремъ фесокъ и
тюбановъ,
И оружья, и одежды—поясовъ, шальваръ, кафтановъ.
Это море волновалось въ безпорядкѣ шумномъ, ди-
комъ.
Вдругъ оно остановилось... и однимъ громовымъ
крикомъ,
Взрывомъ грянувшего разомъ и невольнаго привѣта,
Эти тысячи народа принимаютъ Магомета.
И властитель правовѣрныхъ, предъ толпою ихъ
огромной
Сталъ величественно, гордо, весь въ лучахъ, у арки
темной.
Позади его былъ визирь, а затѣмъ—фигура Джема,
Что пришелъ съ мѣшкомъ какимъ-то вслѣдъ за
ними изъ гарема.
И по мраморному полу сдѣлавъ два шага отъ входа
Прямо къ этой пестрой массѣ напиравшаго народа,
Взглядомъ гнѣвнаго презрѣнья Магометъ его оки-
нулъ,—
И предъ этимъ грознымъ взглядомъ весь потокъ ея
отхлынулъ.
„Что вамъ нужно?“ — загремѣлъ онъ. Но толпа не
отвѣчала.
Точно все свое нахальство на минуту потеряла.
Шумъ смѣнился тишиною; мигъ, другой—все нѣтъ
отвѣта,
„Что вамъ нужно?“ — повторяетъ гнѣвный голосъ
Магомета.
Всѣ молчатъ. Но вотъ отъ прочихъ старый воинъ
отдѣлился,
Въ шрамахъ весь отъ ранъ давнишнихъ; онъ глу-
боко преклонился
И отважно, не смущаясь передъ деспотомъ суровымъ,

Обратился къ Магомету съ твердымъ, мужественнымъ словомъ:

— „Повелитель правовѣрныхъ! Ты—священная особа,
Мы твои, душой и тѣломъ, всѣ,—и нынѣ, и до гроба,
Мы довольны нашей платой, мы рабы твоей державы

И готовы мы погибнуть для твоей великой славы.
Но старѣйшему солдату твоего отца Мурада,
Старику, что съ нимъ сражался въ битвахъ противъ
Гуниада,

Скандеръ-бега и Дракуля, не безъ доблести и чести,
Ты позволь сказать всю правду, безъ утайки и безъ
лести:

Всѣ къ тебѣ горятъ любовью, всѣ питаютъ уваженъе,
Если жъ въ этомъ ты народѣ видишь нынче раздраженъе,

То ему причина—слухи, разносимые молвою,
Что ты сталъ рабомъ гречанки, занять ею лишь
одною;

Что, забывши все на свѣтѣ, и къ правленью безучастный,

Вмѣстѣ съ нею ты проводишь время въ нѣгѣ сладострастной.

Докажи, что эти слухи оскорбляютъ властелина:
На коня!—и понесется за тобой твоя дружина.

Покажи своимъ отважнымъ старымъ соколамъ османскимъ

Непріятеля; страви ихъ съ войскомъ греческимъ,
албанскимъ—

И, въ своихъ когтяхъ могучихъ, твоему послушны
кличу,

Принесутъ они Калифу, всѣ въ крови, свою добычу!

И клянусь тебѣ Аллахомъ, говорю тебѣ я это
Отъ лица всѣхъ правовѣрныхъ, ожидающихъ отъ
вѣта“.

— „Знай, храбрецъ,—вскричалъ, властитель, — эти
мраморныя плиты

Были бы твоею кровью въ этотъ самый мигъ залиты,
Если бъ я не зналъ, что старцы умъ теряютъ свой
съ годами,

Если бъ ты украшенъ не былъ благородными рубцами.
Значить, вѣрять, значить, можно убѣдить въ томъ
и солдата,
Что такую власть имѣетъ страсть надъ сыномъ Аму-
рата;
Что онъ мужество утратилъ глупой прихотью вол-
нуемъ,
Что расплавилъ гречанка это сердце поцѣлуемъ!
О, народъ неблагородный, безтолковые бараны,
Вы, заносчивая сволочь, дрянъ, задорные буяны!
Какъ осмѣлились вы думать деревянными башками,
Что сковать возможно было льва цвѣточными цѣ-
пями?
Какъ дерзнули обвинить вы—черви, гады—падишаха,
Властелина правовѣрныхъ и земную тѣнь Аллаха?
И на это обвиненье вы желаете отвѣта?
Вотъ онъ вамъ, собачьи дѣти, отъ султана Маго-
мета!“
И когда, дрожа отъ гнѣва, страшнымъ голосомъ гро-
мовымъ,
Заклучилъ онъ рѣчь къ народу этимъ грознымъ
вѣскимъ словсмъ,
То къ убійцѣ обратился и въ мѣшокъ изъ кожи
грязной,
Что ему мгновенно подалъ этотъ евнухъ безобразный,
Сунулъ царственную руку предъ толпою изумленной
И тотчасъ оттуда вырвалъ съ головой окровавлен-
ной,—
Съ головой своей гречанки, нѣжной, юной и пре-
красной,
Что рабамъ велѣлъ зарѣзать этотъ деспотъ само-
властный.

Звѣрски, гнусно, безобразно отдѣленная отъ стана
Сверху груди до затылка, вкось, ударомъ ятагана,
Страшный видъ она имѣла, съ плотно сжатыми зу-
бами,
Съ массой косъ окровавленныхъ, съ расширенными
зрачками
Синихъ глазъ, что такъ лучисты, такъ полны сіянья
были,

Но предъ этой гнусной казнью въ дикомъ ужасѣ
застыли...

И ее за эти косы Магометъ держалъ рукою,
И своимъ трофеемъ страшнымъ потрясалъ онъ надъ
толпою,
Что, какъ будто задохнувшись, стихла вдругъ, ока-
менѣла—

И на голову гречанки тупо, въ ужасѣ глядѣла,
Между тѣмъ какъ кровь обильной изъ нея струей
бѣжала

И на бѣлый мраморъ пола краснымъ ливнемъ упала.
Вечерѣло. Въ это время лучезарное свѣтило
На прозрачно-синемъ небѣ въ полномъ блескѣ за-
ходило;

И въ своемъ закатѣ чудномъ, тихомъ, плавномъ,
величавомъ

Обдало оно внезапно яркимъ пурпуромъ кровавымъ
Все пространство горизонта, вплоть до Мраморнаго
моря;

И казалось, что свѣтило кровью плакало отъ горя.
И вся даль, и вся окрестность, что могли окинуть
взоры,

И долины, и стѣною обступившія ихъ горы,
Зданья, башни, минареты, портъ, наполненный су-
дами,—

Рынки, шумные кварталы и мечети съ куполами,
И дворецъ съ массивной дверью, съ мавританскимъ
круглымъ сводомъ,

Небо, море, янычары и султанъ передъ народомъ,
Съ гнѣвнымъ жестомъ властелина, — все внезапно
стало краснымъ.

И, казалось, это было предвѣщаніемъ ужаснымъ;—
Точно солнце говорило, этимъ ярко-краснымъ цвѣ-
томъ,

О потокахъ теплой крови, что прольется Маго-
метомъ...

Но зловѣщаго символа эта чернь не замѣчала;
Ужъ теперь она въ восторгѣ дико, бѣшено кри-
чала,
Прославляя Магомета, съ упованьемъ и любовью

Созерцая эту руку, всю забрызганную кровью.
 И солдаты предъ калифомъ, какъ рабы, распрости-
 рались,
 И къ колѣнамъ властелина другъ предъ другомъ
 порывались,
 И небесъ благословенье призывали на султана,
 Жарко, страстно лобызая нижній край его кафтана.
 Робко, льстиво, какъ собаки, на лицо его смотрѣли...
 Наконецъ, всѣ эти ласки Магомету надоѣли:
 Онъ брезгливо повернулся — и рукой своею бѣлой
 Бросилъ голову гречанки въ глубь толпы остервенѣ-
 лой;
 И когда толпа, въ восторгѣ, снова громко закри-
 чала,—
 На лицѣ его суровомъ злая радость засіяла,—
 И промолвилъ онъ Халилю, указавъ ему съ пре-
 зрѣньемъ
 На народъ, что упивался этимъ гнустнымъ престу-
 пльемъ,
 На солдатъ, что раболѣпно передъ нимъ склоняли
 выю:
 — „Ну, теперь они готовы и возьмутъ мнѣ Византію!“

Д. Л. Михаловскій.

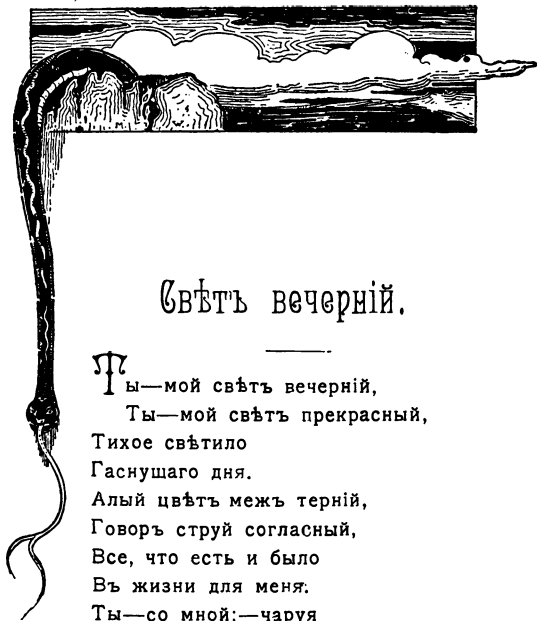

СЛЕЗЫ.

Слезы людскія, о слезы людскія!
 Льетесь вы ранней и поздней порой,—
 Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
 Неистошимыя, неисчислимыя,—
 Льетесь, какъ льются струи дождевыя
 Въ осень глухую, порою ночной.

Ф. И. Тютчевъ.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Ты—мой свѣтъ вечерній,
Ты—мой свѣтъ прекрасный,
Тихое свѣтило
Гаснушаго дня.
Алый цвѣтъ межъ терній,
Говоръ струй согласный,
Все, что есть и было
Въ жизни для меня.
Ты—со мной;—чаруя
Радостью живою,
Въ рощахъ бѣлыхъ лилій
Тонетъ путь земной;
Безъ тебя замру я
Скошенной травою,
Ласточкой безъ крылій,
Порванной струной.
Съ кѣмъ пойду на битву,
Если черной тучей,
Грозный и безгласный,
Встанетъ мракъ ночной?
И творю молитву:
„Подожди, могучій,
О, мой свѣтъ прекрасный,
Догори—со мной!“

М. А. Лохвицкая.

Подобно ловчому, сѣдому старику,
Недужной старостью прикованному къ дому,
Когда, мечтою онъ переносясь къ былому,
Съ собакою своей присядеть къ камельку;
Подобно стаѣ птицъ, озябшей и безгласной
Во мракъ осени холодной и ненасытной;
Подобно ржавому, забытому клинку,
Иль арфѣ, брошенной съ разбитою струною;
Подобно очагу, гдѣ больше нѣтъ огня,
Гдѣ вѣтъ холодомъ и мертвой тишиною,—
Увы, подобенъ имъ бываю я, когда
Гармонія стиха душѣ моей чужда,
И творческая мысль разсталася со мною.

О. Чюмина

ПОСЛѢ БИТВЫ.

Смерть пронеслась опьяненная,
Смерть обагрила поля.
Жгучей росой напоенная,
Смутно вздыхаетъ земля.
Тучи—какъ стражи крылатые;
Вѣтъ полночная мгла.
Сномъ непробуднымъ объята,
Мертвыя стынуть тѣла.
Въ груди нѣмая, безструнная,
Въ сумракъ невидящихъ глазъ
Просятся отблески лунные,
Шепчуть тревожный рассказъ...
Тамъ, гдѣ серебряно-пѣнные
Вьются края облаковъ,
Къ небу восходятъ блаженныя
Тѣни почившихъ борцовъ.

Въ бездны воздушно-туманная,
Къ царству лазурныхъ свѣтилъ,
Тихо скользятъ безжеланная,
Тають, какъ дымъ отъ кадилъ...

Миръ вамъ, въ заоблачной ясности,
Вольные сонмы тѣней!
Миръ вамъ, въ познаны безстрастности,
Въ вѣчномъ забвеньи скрбей.

М. Пожарова.

Отъ вѣжающему.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Ихъ пророкамъ, ихъ вождямъ,
Новымъ пѣснямъ, старымъ ранамъ;
А когда вернешься къ намъ,
Принеси въ нашъ сумракъ сѣрый
Вольной жизни красоту,
Счастьемъ юности и вѣры
Опьяненную мечту!
Полюби ихъ путь безкровный,
Кровью взятый у судьбы,
Научись работѣ ровной,
Буднямъ медленной борьбы.
Будетъ утро: солнце наше
Воздухъ свѣтомъ напоить,
Вспыхнетъ ярче, встанетъ краше,
Мирный трудъ благословить.
Поклонись свободнымъ странамъ,
Снѣжнымъ шапкамъ ихъ вершинъ,
Ихъ морямъ и океанамъ
Отъ тоскующихъ равнинъ.

В. Башкинъ.

Городъ.

Плачетъ городъ, волною окутанный смрадной
Тяжелаго дыма.

Усталые люди толпою нарядной,
Угрюмой толпою,
Все движутся мимо.
Разрушены храмы
Безбожной рукою;
Повержены боги.
Могильщики роютъ кровавыя ямы—
Уснувшимъ берлоги—
И ставятъ надъ ними кресты.
Подъ мертвые звуки:
„Почійте въ покоѣ“,
Въ кровавыя ямы ложатся герои,
Носители муки,
Владыки мечты.
Звонарь одинокій на башнѣ старинной
Веревкою водить,
И колоколъ мѣрно гудить,
Почившихъ владыкъ усыпляя.
Съ улыбкой змѣиной
Свой плѣнъ расторгая,
Рабы успокоенно бродятъ
Вокругъ неистоптанныхъ плитъ.
Плачетъ городъ угрюмый... Несется уныло
Надъ мукой безбрежной.
Надъ городомъ мрачнымъ, усталымъ,
Похоронныхъ рыданій волна.
Зіяетъ нѣмая могила,
Владыка почилъ безмятежно...
Страданія скрыты забраломъ
Мертваго сна.
Плачетъ городъ угрюмый. Вдоль улицы шумной,
Черной цѣпью стоятъ фонари.
Обливая мигающимъ свѣтомъ
Снующихъ въ безвѣстную даль.
Стадо женщинъ съ улыбкой безумной

Встрѣчаетъ прохожихъ привѣтомъ
И зоветъ до зари
Убаюкать печаль.
Ночь обрядъ совершаетъ вѣнчальный
Между сумрачныхъ, каменныхъ стѣнъ.
Беззаботная ночь
Обручаетъ свою мимолетную дочь
И прохожему съ лаской прощальной
Отдаетъ ее въ плѣнъ.

Плачетъ городъ... Свинцовыя тучи повисли
Надъ спящими мирно домами,
Гдѣ прячется, словно въ пустынѣ,
Прохожій отъ гула заботъ.
Молчатъ одинокія мысли,
Погасло дрожащее пламя,
И теплое ложе рабыни
Ревниво зоветъ.

Окутаны дымкой тревожной измѣны,
Тамъ, крадучись, люди стремятся на встрѣчи
Для страстныхъ объятій
Невольницъ ночныхъ.
И слушаютъ мрачныя стѣны,
Свидѣтели таинствъ-зачатій,
Безвольныя, грубыя рѣчи,
Въ дали прозрѣвая туманной
Грядущія толпы живыхъ
Пророковъ кровавого мщенья.

Свершается...

Смерть и рожденья
Сплетаются въ безднѣ багряной;
Вѣнчанья и черныя мессы,
Спасителя крестъ и мечи.

Просыпается городъ угрюмый,
Распались ночныя завѣсы;
Проснулись тревожные шумы,
И въ землю вонзились лучи.

Эразмъ Штейнъ.

... Скажи мнѣ: что выше природы,
 Ея вѣковѣчныхъ красоть,
 Великаго царства свободы,
 Гдѣ крѣпнеть душа и растеть?
 Что можетъ природы быть краше?
 Она—безъ границъ водоемъ,
 Откуда мы полною чашей
 Отраду забвенія пьемъ.
 Ея животворныя ласки
 Врачуютъ и тѣло, и духъ;
 Волшебныя вешнія сказки
 Чаруютъ и очи, и слухъ;
 На сѣверѣ дикомъ, угрюмомъ
 И въ странахъ, гдѣ юга расцвѣтъ—
 Повсюду сомнѣньямъ и думамъ
 Сочувственный встрѣтишь отвѣтъ.
 На всемъ отразился въ ней геній,
 Проникнувшій въ каждый тайникъ.
 И брызжетъ его вдохновеній
 Прозрачный и свѣжій родникъ.
 Гдѣ столько любви, наслажденья
 И счастья безъ горечи, лжи,
 Гдѣ въ тлѣньи кипитъ возрожденье,
 Мудрецъ многодумный, скажи!?

П. В. Быковъ.

П Ъ С Н Я.

Изъ поэмы „Пиръ на весь міръ“.

Средь міра дольнаго
 Для сердца вольнаго
 Есть два пути:
 Взвѣсь силу гордую,
 Взвѣсь волю твердую—
 Какимъ идти.

Одна—просторная
Дорога торная...
 Страстей раба.
По ней громадная,
Къ соблазну жадная,
 Идетъ толпа.
О жизни искренней,
О цѣли выпренней
 Тамъ мысль смѣшна;
Кипитъ тамъ вѣчная
Безчеловѣчная
 Вражда-война
За блага брѣнные;
Тамъ—души плѣнные,
 Въ цѣпяхъ умы;
Ключомъ кипящая,
Тамъ—жизнь мертвящая,
 Тамъ царство тьмы...
Другая—тѣсная
Дорога честная,
 По ней идутъ
Лишь души сильныя.
Любвеобильныя,—
 На бой, на трудъ
За угнетеннаго,
За обойденнаго...
 Умножь ихъ кругъ,—
Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ
 И будь имъ другъ!

Н. А. Некрасовъ.

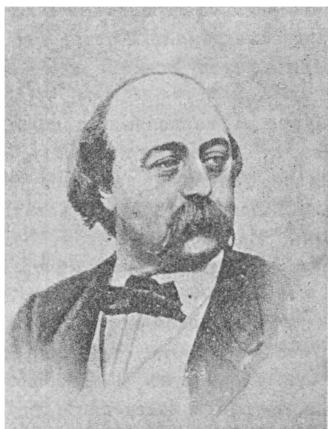
Ф О Н Т А Н Ъ .

Изъ Ж. Роденбаха.

Изъ мертвой глади водъ недвижнаго бассейна,
Какъ призракъ, всталъ фонтанъ; журча благо-
говѣйно,
Онъ, какъ букетъ, мольбы возносить небесамъ...
Вокругъ молчаніе, природа спить, какъ храмъ;
Какъ страстныя уста, сливаясь въ мигъ мятежный,
Едва дрожить листокъ, къ листку прижавшись, нѣж-
ный...
Фонтанъ рыдающій, одинъ въ тиши ночной,
Къ далекимъ небесамъ полетъ направилъ свой;
Онъ презрѣлъ скромную судьбу сестеръ покорныхъ,
Смиранныхъ чайныхъ розъ, въ стремленіяхъ упор-
ныхъ.
Онъ презрѣлъ съ пологомъ зеркальнымъ прудъ род-
ной,
Дыханьемъ вѣтерка чуть зыблемый покой.
Стремясь въ просторъ небесъ, онъ жаждетъ гор-
деливо,
Какъ куполь радужный, играя прихотливо,
Преобразиться въ храмъ... Напрасныя мечты!
Онъ снова падаетъ на землю съ высоты.
Напрасно рвется онъ въ просторъ, гордецъ мятеж-
ный,
Взлелѣять въ небесахъ лилеи вѣнчикъ нѣжный...
Тоска по родинѣ его влечетъ къ борьбѣ.
И манятъ небеса свободный духъ къ себѣ!..
Увы! зачѣмъ отвергъ онъ жребій розъ отраднѣй:
Онъ такъ счастливы, ихъ нѣжитъ сонъ прохладнѣй!..
Нѣтъ,—ты иной въ душѣ взлелѣялъ идеаль,
Недостижимаго ты, мученикъ, алкалъ,—
И пыль разбитыхъ струй роняешь безъ надежды,
Какъ на могильныя плиты края одежды!

Эллисъ.

Густавъ Флоберъ.

Иродіада.

Отрывокъ.

Гости наполняли залу, гдѣ совершалось пиршество. Она распадалась на три придѣла, подобно базиликѣ; ихъ раздѣляли колонны изъ алгуминнаго дерева съ бронзовыми капителями, съ изваянными украшеніями. Двѣ галлерей съ прорѣзнымъ поломъ опирались на эти колонны—а третья, вся изъ золотой филиграни, округлялась на концѣ залы, прямо напротивъ громадной арки входа.

Плавашіе канделябры на столахъ, поставленныхъ во всю длину залы, возвышались огненными кустами между чашами изъ крашеной глины, мѣдными блюдами, тисненными грудями снѣга, кучами винограда. Эти красныя пятна свѣта постепенно сли-

вались въ отдаленіи подавленные вышиною потолка; лучистыя точки сверкали въ трибунахъ, между древесными вѣтвями, подобно ночнымъ звѣздочкамъ.

Сквозь отверстіе входа видѣлись факелы, зажженные на террасахъ домовъ. Антипа задавалъ пиръ друзьямъ своимъ, народу всякому, кто желалъ быть гостемъ.

Рабы, обутые въ войлочные сандалии, кружили быстрѣе псовъ, съ подносами на рукахъ. На золотой трибунѣ третьей галлерей, на особо устроенномъ помостѣ изъ жимолостныхъ досокъ, стоялъ проконсульскій столъ. Вивилонскіе ковры, подвѣшанные къ потолку, образовали кругомъ нѣчто вродѣ павильона.

Три ложа изъ слоновой кости, одно на почетномъ мѣстѣ, два по бокамъ, окружали столъ. На нихъ возлежали: проконсулъ налѣво, возлѣ двери, Авлъ направо, тетрархъ посерединѣ.

На немъ былъ тяжелый черный плащъ, весь расшитый разноцвѣтными накладками; румяна покрывали его щеки, борода раскинулась вѣеромъ, вѣнецъ изъ драгоценныхъ камней сжималъ волосы, посыпанные пудрой лазореваго цвѣта. Вотеллій сохранилъ свою пурпуровую перевязь; косвенно пересѣкла она его льняную тогу. Авлъ велѣлъ повязать себѣ за спину рукава своей лиловой шелковой ризы. исполосованной серебряными галунами; въ три ряда поднимались его завитыя кудри и сапфирное ожерелье блистало на его груди, бѣлой и тучной, какъ грудь женщины.

Съ той же стороны находились священники и офицеры Антипы, іерусалимскіе жители, главныя лица греческихъ городовъ; а со стороны проконсула и пониже его—Маркель съ мытарями, собирателями податей, друзья тетрарха, важныя особы изъ Каны, Птолемаиды, Іерихона; дальше сидѣли, уже безъ чиновъ, горцы съ Ливанона, старые воины Ирода Великаго, двѣнадцать еракійцевъ, идумейскіе пастухи, султанъ Пальмиры, эзіугаверскіе моряки. Передъ каждымъ гостемъ лежала лепешка изъ мягкаго тѣста, о которую онъ утиралъ пальцы—и

жадные руки безпрестанно протягивались, какъ пигарговы шеи, за оливками, фисташками, миндалями. Всѣ лица, увѣнчанныя цвѣтами, сіяли веселіемъ.

Фарисеи отказались отъ этихъ вѣнковъ, какъ отъ римскаго нечестья. Они содрогнулись, когда ихъ окропили смѣсью галбана и ладана: жидкость эта употреблялась только для священныхъ обрядовъ храма,

Авлъ натеръ ею свои мышки—и Антипа обѣщалъ прислать ему цѣлый корабль, нагруженный этимъ составомъ, вмѣстѣ съ тремя корзинами той настоящей мастики, которая возбуждала въ Клеопатрѣ желаніе присвоить себѣ Палестину.

Одинъ изъ начальниковъ тиверіадскаго гарнизона только-что прибывшій въ Махэрузъ, помѣстился позади тетраха, и, казалось, сообщалъ ему вѣсти о событіяхъ необыкновенныхъ. Но все его вниманіе было поглощено проконсуломъ, а также и тѣмъ, что говорилось на сосѣднихъ столахъ. Тамъ толковали объ Іоаканамѣ и о подобныхъ ему людяхъ. Приводились разныя факты.

.....

Внезапно раскрылись створчатыя двери золотой трибуны—и при яркомъ блескѣ свѣчей, окруженная рабами, гирляндами изъ анемонъ, появилась Иродіада. Ассирійская митра, прикрѣпленная подбородникомъ, спускалась ей на лобъ. Перекрученныя кудри рассыпались вдоль пурпурнаго пэплума, прорѣзаннаго во всю длину рукавовъ. Каменные чудовища, подобныя тѣмъ, что находились въ Аргосѣ, надъ сокровищницей Атридовъ, вздымались по обѣимъ сторонамъ дверей, и, стоя между ними,—она уподоблялась Цибелѣ, сопровождаемой ея двумя львами. Съ вышины балюстрады, которая царила надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился Антипа, она, держа въ рукѣ плоскій кубокъ, громко закричала:

— Да здравствуетъ цезарь!

Вителлій, Антипа и священники тотчасъ подхватили этотъ крикъ. Но въ это мгновеніе съ конца залы пробѣжалъ гулкій говоръ изумленія, удивленія... Молодая дѣвушка вошла въ залу.

Подъ голубоватымъ вуалемъ, который закрывалъ ей голову и грудь,—можно было различить полукруглыя линіи ея бровей, ея халкедоновыя серьги, бѣлизну ея кожи.

Схваченный на тальфъ золотымъ поясомъ, четырехъугольный кусокъ шелковой ткаки переливчатого цвѣта лежалъ на ея плечахъ; черныя шальвары были усѣяны изображеніями мандрагоръ, и небрежно и лѣнливо постукивая своими маленькими туфлями изъ пуха райской птицы, она тихо подвигалась впередъ.

На самомъ верху помоста она сняла свой вуаль. Она походила на Иродіаду въ молодости. Потомъ она стала танцовать.

Она переставляла ноги, одна передъ другою, подъ ладъ флейты и пары кроталь. Ея округленныя руки призывали кого-то, который все убѣгалъ отъ нея.—Легче бабочки преслѣдовала она его, словно Психея, въ которой зажглось любопытство, словно тѣнь души, осужденной скитаться... и, казалось, то-и-дѣло готовилась улетѣть.

Похоронные звуки „гингры“ замѣнили кроталы. Безнадежное уныніе заступило мѣсто рѣзвой надежды. Каждое движеніе дѣвушки выражало тоску —и вся она замирала въ такомъ томленіи, что невозможно было сказать, плачетъ ли она о покинушемъ ее богѣ—или изнываетъ подъ его лаской. Полузакрывъ рѣсницы, она крутила свой станъ, волнообразно колыхала свои бедра, вздрагивала грудями—а лицо оставалось неподвижнымъ. Зато ноги не останавливались.

Вителлій сравнилъ ее съ пантомимомъ Мнестеромъ. Тетрархъ—словно во снѣ, терялся въ мечтаніяхъ. Онъ уже не думалъ объ Иродіадѣ. Ему показалось, что она подошла къ саддукеямъ.—Но то видѣніе удалилось.

Это не было видѣніе. Иродіада—вдали отъ Махэруза—отдала въ науку Саломею, свою дочь—въ той надеждѣ, что она понравится тетрарху. Ея расчетъ оказывался вѣрнымъ. Теперь она не сомнѣвалась въ этомъ.

Но вотъ пляска снова измѣнилась.—То былъ неистовый порывъ любви, жаждущій удовлетворенія. Саломея плясала, какъ пляшутъ индійскія жрицы, какъ нубіянки, живущія близъ катарактъ Нила, какъ лидійскія вакханки. Она круто склонялась во всѣ стороны, подобно цвѣтку, поражаемому ударами сильнаго вѣтра. Блестящія подвѣски прыгали въ ея ушахъ, ткань на ея плечахъ играла переливами; отъ ея рукъ, ногъ, отъ ея одеждъ отдѣлялись невидимыя искры, которыя зажигали сердца людей. Арфа запѣла гдѣ-то—и толпа отозвалась рукоплесканіями на ея томительные звуки. Не сгибая колѣнъ и раздвигая ноги, Саломея нагнулась такъ низко, что подбородокъ ея касался пола—и кочевники, привыкшіе къ воздержанію, римскіе воины, искушенные въ забавахъ разврата, скупые мытари, старые, зачерствѣлые въ диспутахъ жрецы—всѣ, расширивъ ноздри, трепетали подъ наитіемъ нѣги.

Затѣмъ, она принялась кружить около стола Антипы, съ бѣшеною быстротою... и онъ, голосомъ прерывавшемся отъ сладострастныхъ рыданій, говорилъ ей:— „Ко мнѣ! Приди!..“ Но она все кружилась, тимпаны звечѣли буйно, съ дребезгомъ—такъ и казалось, что вотъ-вотъ разлетятся они. Народъ ревѣлъ—а тетрархъ кричалъ все громче и громче:— „Ко мнѣ! Приди ко мнѣ! Я дамъ тебѣ Капернаумъ, долину Тиверіады, всѣ мои крѣпости, половину моего царства!“

Она вдругъ упала на обѣ руки, пятками кверху, прошла такимъ образомъ вдоль помоста, подобно большому жуку—и внезапно остановилась.

Ея затылокъ и хребетъ составляли прямой уголъ. Темныя шальвары, покрывшія ея ноги, спустились черезъ ея плечи—и окружили дугообразно ея лицо, на локоть отъ полу. Губы у ней были крашенныя, брови чернѣе чернилъ, глаза грозные, страшные... Крохотныя капельки на ея лбу казались матовымъ испареніемъ на бѣломъ мраморѣ.

Она ничего не говорила. Она глядѣла на тетрарха—и онъ глядѣлъ на нее.

Кто-то шелкнулъ пальцами на трибунѣ. Саломея быстро взбѣжала туда, появилась снова и—немного картавя, дѣтскимъ голосомъ произнесла:

— Я хочу, чтобы ты далъ мнѣ на блюдѣ голову... голову... Она позабыла имя—но тотчасъ же прибавила съ улыбкой:—голову Іоканама.

Тетрархъ, словно раздавленный, опустился на ложе.

Данное слово связывало его... Народъ ждалъ...

„Но, быть можетъ“, подумалъ Антипа. „это и есть та предсказанная смерть... и она, обрушившись на другого, пощадить меня! Если Іоканамъ точно Илія—онъ сумѣетъ ея избѣгнуть; если же нѣтъ—убійство не представляетъ важности“.

Маннаи стоялъ возлѣ него... и понималъ его мысль... Онъ уже удалялся, но Вителлій позвалъ его обратно и сообщилъ ему пароль. Римскіе солдаты стерегли ту яму.

Всѣмъ точно полегчило. Черезъ минуту все будетъ кончено. Но Маннаи, вѣрно, замѣшкался...

Онъ возвратился... На немъ лица не было, Сорокъ лѣтъ онъ исполнялъ должность палача. Онъ утопилъ Аристовула, задушилъ Александра, заживо сжегъ Маттаѳію, обезглавилъ Зосиму, Паппаса, Іосифа и Антипатра... И онъ не дерзалъ убить Іоканама! Зубы его стучали... все тѣло тряслось.

Онъ увидѣлъ передъ самой ямой—великаго ангела самаритянъ; покрытый по своему тѣлу глазами, ангелъ потрясалъ огромнымъ мечомъ, краснымъ и зубчатымъ, какъ пламя молніи.—Маннаи привелъ съ собою двухъ солдатъ, свидѣтелей чуда.

Но солдаты объявили, что не видѣли, ничего кромѣ еврейскаго воина, который бросился было на нихъ,—и котораго они тутъ же уничтожили.

Обуянная несказаннымъ гнѣвомъ, Иродіада изрыгнула цѣлый потокъ площадной, кровожадной брани.—Она переломала себѣ ногти о рѣшотку трибуны—и два изваянныхъ льва, казалось, кусали ея плечи и рычали такъ же, какъ она. Антипа закричалъ не хуже ея. Священники, солдаты, фарисеи—

всѣ требовали отмщенія; а прочіе негодовали на замедленіе, причиненное ихъ удовольствію.

Маннаи вышелъ, закрывъ лицо руками.

Гостямъ время показалось еще продолжительнѣе... Становилось скучно.

Вдругъ шумъ шаговъ раздался по переходамъ... Тоска ожиданія стала невыносимой.

И вотъ—вошла голова, Маннаи держалъ ее за волосы напряженной рукою, гордясь рукоплесканіями толпы.

Онъ положилъ ее на блюдо—и подалъ Саломеѣ. Она проворно взобралась на трибуну—и, нѣсколько мгновеній спустя, голова была снова принесена той самой старухой, которую тетрахи замѣтилъ сперва на платформѣ одного дома,—а потомъ въ комнатѣ Иродіады.

Онъ отклонился въ сторону, чтобы не видѣть этой головы. Вителлій бросилъ на нее равнодушный взглядъ.

Маннаи спустился съ помоста—и показалъ ее римскимъ начальникамъ, а затѣмъ всѣмъ гостямъ, сидѣвшимъ съ той стороны.

Они разсматривали ее внимательно.

Острое лезвіе меча, скользнувъ сверху внизъ захватило часть челюсти. Судорога стянула углы рта, уже запекаясь кровь пестрила бороду. Закрытыя вѣки были блѣдно-прозрачны, какъ раковины, а кругомъ свѣточи проливали свой лучистый свѣтъ.

Голова достигла стола священниковъ.—Одинъ фарисей съ любопытствомъ перевернулъ ее; но Маннаи, поставилъ ее снова стоймя, поднесъ ее Авлу.

Сквозь узкое отверстіе рѣсницъ мертвыя зѣницы Иоканама и потухшія зѣницы Авла, казалось, что-то сказали другъ-другу. Потомъ Маннаи представилъ голову Антипѣ; и слезы потекли по щекамъ тетрарха.

Факелы погасли. Гости удалились—и въ залѣ остались только Антипа и Фануиль. Стиснувъ виски руками, тетрархъ все смотрѣлъ на отрубленную

голову; а Фануиль, стоя неподвижно посреди пустой залы и протянувъ руки,—шепталь молитвы.

Въ самое мгновеніе солнечнаго восхода, два чело-
вѣка, нѣкогда отпавленныя Іоаканамомъ, поя-
вились съ столь давно ожидаемымъ отвѣтомъ

Они сообщили этотъ отвѣтъ Фануилу, который
тотчасъ восторжено умилился духомъ.

Онъ имъ показаль ужасный предметъ на блюдѣ,
между остатками пира.

Одинъ изъ двухъ людей сказалъ ему:

—Утѣшься! Онъ сошелъ къ мертвымъ, чтобы
извѣститъ о пришествіи Христа.

Ессей теперъ только поняль тѣ слова Іоакана-
ма: „Дабы онъ возвеличился, нужно было мнѣ ума-
литься!“

И всѣ трое, взявши толову Іоаканама, напра-
вились въ сторону Галилеи.

Такъ какъ она была очень тяжела—они несли
ее поочередно.

Перев. И. С. Тургеневъ.

* * *

Тихо гаснутъ огни за уснувшей рѣкой .

Въ безмятежномъ безмолвіи ночи...

И великой любовью и жгучей тоской

Загораются милыя очи...

Далеко-далеко, гдѣ ни звѣздъ, ни огня,—

Кто-то сильный и гордо-угрюмый

Черной степью идетъ, кандалами звеня,—

Черной степью, да съ черною думой!..

Г. Вяткинъ.

Альфонсъ Доде.

Ъ В Ъ З Д Ы.

Разказъ провансальскаго пастуха.

... Когда я пасъ стадо на Люберонѣ, мнѣ случилось по цѣлымъ недѣлямъ не видѣть живой души. Я былъ одинъ среди пастбищъ съ моими овцами и моей собакой Лябри. Время отъ времени проходилъ монахъ изъ Монъ-дель-Ура, или показывались черныя лица пьемонтскихъ могильщиковъ; но то были люди наивныя, молчаливыя, вслѣдствіе долгаго одиночества потерявшіе охоту говорить и ничего не знавшіе о томъ, что дѣлалось тамъ, внизу горы, въ деревняхъ и городахъ. Вотъ почему, когда я заслышу, бывало, въ воскресенье на дорогѣ, поднимающейся въ гору, приближающіеся звуки бубенчиковъ мула изъ нашей фермы, доставляющаго мнѣ, разъ въ двѣ недѣли, запасы провизіи, и когда, мало-по-малу, изъ-за косогора начинала показываться веселая головка маленькаго міаро (мальчика на фермѣ) или рыжая наколка старой тетки Норадъ, я чувствовалъ себя, право, очень счастливымъ. Я просилъ рассказывать мнѣ всѣ но-

вості лежашей внизу страны, спрашивалъ о свадьбахъ, о крестинахъ... Но болѣе всего интересовало меня знать, что подѣлывала дочь моихъ хозяевъ, наша барышня Стефанета, самая хорошенькая дѣвушка на десять лѣе въ окружности. Стараясь не дать замѣтить, насколько это меня интересуетъ и какъ будто бы между прочимъ, я спрашивалъ, часто ли она ходитъ на деревенскія балы и на вечеринки, и нѣтъ ли у нея какого-нибудь новаго вздыхателя; если кто спроситъ, что за дѣло было до этого мнѣ, бѣдному горному пастуху, я отвѣчу, что мнѣ было тогда двадцать лѣтъ и что Стефанета была—лучшее изъ всего, что я видѣлъ въ своей жизни.

Такимъ образомъ, однажды въ воскресенье, когда я дожидался, по обыкновенію, привоза провизіи изъ фермы, случилось, что ее доставили мнѣ очень поздно. Утромъ я говорилъ себѣ: „Вѣрно имъ помѣшала длинная обѣдня!“

Около полудня разразилась страшная гроза и я думалъ, что мулъ не могъ пуститься въ путь, такъ какъ дороги, должно быть, сильно размыло. Наконецъ, около трехъ часовъ, когда небо совершенно очистилось и вся гора сіяла на солнцѣ, политая дождемъ, я услышалъ, среди шума дождевыхъ капель, падавшихъ съ листьевъ деревъ и журчанья переполненныхъ водою ручьевъ, приближающіеся звуки бубенчиковъ мула, такіе веселые и игривые, точно звуки колокольнаго трезвона въ день Пасхи. Но муломъ правилъ не маленькій міаро и не старуха Норадъ. Нѣтъ, то была... угадайте кто?... наша барышня, друзья мои, сама наша барышня! Она сидѣла, выпрямившись, между корзины изъ лозы, вся разкраснѣвшаяся отъ горного воздуха и отъ свѣжести, принесенной грозой. Маленькій міаро былъ боленъ, тетка Норадъ ушла провѣдать свихъ дѣтей. Красавица Стефанета сообщала мнѣ все это, слѣзая съ мула, а также и то, что она пріѣхала такъ поздно потому, что сбилась съ дороги, но, смотря на нее, такую разодѣтую, съ ея лентами, наряднымъ платьемъ и кру-

жевами, можно было скорѣе подумать, что она останавливалась на танцахъ гдѣ-нибудь по пути, а не отыскивала дорогу среди кустарниковъ.

О, милое созданье! Мои глаза не могли оторваться отъ нея. Правда и то, что я никогда до тѣхъ поръ не видѣлъ ее такъ близко. Иногда, зимой, когда стада спускаются съ горъ на равнины, приходя вечеромъ ужинать на ферму, я встрѣтилъ ее въ столовой; она проходила быстро черезъ комнату, всегда разодѣтая и немного гордая, никогда не вступая въ разговоръ со слугами...—А теперь она стояла здѣсь передо мною, она была здѣсь для меня одного, развѣ не было отчего потерять голову? Выгрузивши изъ корзины запасы провизіи, Стефанета стояла съ любопытствомъ оглядывать все вокругъ себя. Приподнявъ слегка кончикъ своей красивой праздничной юбки, чтобы не запачкать ее, она вошла въ загородъ, пожелала видѣть уголокъ, гдѣ я сплю—соломенную будку съ разостланной на полу бараньей шкурой, мой широкой плащъ, висѣвшій на стѣнѣ, мой посохъ, мое кремневое ружье. Все это занимало ее.

— Такъ вотъ тутъ-то ты живешь, мой бѣдный пастухъ? Какъ тебѣ должно быть скучно быть всегда одному! Чѣмъ же ты занимаешься? О чемъ ты думаешь?...

Мнѣ хотѣлось сказать ей: „я думаю о васъ моя барышня,“ и въ словахъ моихъ не было бы, ничего, кромѣ правды, но смущенье мое было такъ велико, что я не могъ найти ни слова въ отвѣтъ. Мнѣ кажется, что она замѣчала это и, злая, нарочно старалась усилить мое замѣшательство шаловливостью.

— А подруга твоя, пастухъ? Приходить ли она когда-нибудь навѣстить тебя? Навѣрно, это какая-нибудь золотая коза или фея Эстерелла, что скользить только по гребнямъ горъ.

И сама она, говоря мнѣ это, была похожа на фею Эстереллу, съ милымъ смѣхомъ своей откинутой назадъ головки и видимымъ желаніемъ уйти

поскорѣе, что дѣлало ея посѣщеніе похожимъ на появленіе феи.

— Прощай, пастухъ!

— Прощайте, барышня!

И вотъ она уже уѣхала, увозя свои пустыя корзины... Когда она скрылась на тропинкѣ, ведущей внизъ, мнѣ показалось, что камешки, скатывавшіеся изъ подъ копытъ мула, стали падать мнѣ прямо на сердце одинъ за другимъ. Я слышалъ ихъ паденіе долго-долго, и до конца дня остался какъ бы въ полуснѣ, боясь пошевелиться, чтобы не отогнать отъ себя прелестнаго видѣнія. Подъ вечеръ, когда долины внизу стали наполняться синимъ туманомъ и когда овцы начали съ блеяніемъ жаться другъ къ дружкѣ, изъясляя такимъ образомъ желаніе вернуться въ загородъ, на дорогѣ, спускающейся съ горы, я услышелъ голосъ, который звалъ меня, и вскорѣ я увидѣлъ нашу барышню, но не веселую и смѣющуюся, какъ еще недавно, а дрожащую отъ холода, страха и сырости.

Протекавшая внизу горы рѣчка Сорга была такъ переполнена водой послѣ грозы, что, желая переправиться черезъ нее во что бы то ни стало, она едва не утонула. Но ужаснѣе всего было то, что въ этотъ часъ ночи ей нечего было и думать о возвращеніи на ферму; прямой дорогой, одной, барышнѣ, не поѣхать было ни за что на свѣтъ, а мнѣ никакъ нельзя было отлучиться отъ стада. Мысль, что она должна провести ночь на горѣ, ужасно мучила ее, въ особенности при воспоминаніи о безпокойствѣ ея родныхъ. Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ:

— Въ іюль ночи коротки, барышня... Это будетъ не болѣе какъ нѣсколько непріятныхъ мгновеній.

Я сейчасъ же развелъ большой огонь, чтобы она могла обсушить свои ноги и платье, все смоченное водою Сорги. Потомъ побѣждалъ за молокомъ и сыромъ, которые поставилъ передъ ней, но бѣдняжка и не думала ни сушить свое платье, ни ѣсть, а при видѣ крупныхъ капель слезъ, подступав-

шихъ къ ея глазамъ, мнѣ самому хотѣлось плакать... Между тѣмъ ночь наступила совсѣмъ. Только на гребняхъ горъ золотилась какая-то солнечная пыль, да тамъ, гдѣ сѣло солнце, виднѣлась еще свѣтлая полоска. Я настаивалъ, чтобы барышня вошла отдохнуть въ мой шалашъ. Разостлавши поверхъ свѣжей соломы большую, совершенно новую, овечью шкуру, я пожелалъ ей спокойной ночи, а самъ пошелъ и сѣлъ поодаль, у калитки, ведшей въ загородъ... Богъ свидѣтель, что, несмотря на пламя любви, сжигавшее мнѣ кровь, мнѣ не пришло въ голову никакой дурной мысли; одна только гордость наполняла меня при мысли о томъ, что здѣсь, въ углу этой загороди, вблези стада овецъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на нее, дочь моихъ хозяевъ, самая драгоценная и самая бѣлая овечка, спитъ, ввѣренная моей защитѣ. Никогда небо не казалось мнѣ такимъ глубокимъ, ни звѣзды такими яркими... Вдругъ калитка загороди отворилась и изъ нея вышла Стефанета. Она не могла заснуть. Овцы слишкомъ шумѣли, топчась ногами на солому или блеяли сквозь сонъ. Она вздумала лучше придти посидѣть у огня. Я набросилъ ей на плечи мой плащъ изъ козьяго мѣха, раздулъ огонь и мы усѣлись молча, другъ возлѣ друга. Если вамъ случалось проводить когда-нибудь ночь подъ открытымъ небомъ, то вы знаете, что въ тотъ часъ, когда мы спимъ, цѣлый таинственный міръ просыпается среди этой тишины безмолвія. Тогда журчанье ручьевъ кажется громче, на прудахъ зажигаются маленькіе огоньки. Всѣ горные духи летаютъ и движутся на просторѣ, и въ воздухѣ раздается какое-то шуршанье, какой-то неуловимый шумъ, какъ будто слышно, какъ растутъ вѣтки деревьевъ, какъ изъ земли пробивается трава. Днемъ жизнь живыхъ существъ, ночью же неодушевленныхъ предметовъ. Если кто не привыкъ къ этому, то дѣлается страшно... Вотъ почему барышня наша вздрагивала вся и прижималась ко мнѣ при малѣйшемъ шумѣ. Вотъ долгій, печальный крикъ раздался на прудѣ, бтестѣвшемъ внизу, и достигъ до насъ, пе-

реливаясь въ воздухѣ. Въ то же мгновеніе надъ нашими головами скатилась яркая падучая звѣзда, какъ будто бы жалобный крикъ, который мы слышали только что, призывалъ ее къ себѣ.

— Что это значитъ?—спросила меня шопотомъ Стефанета.

— Это душа входитъ въ рай, барышня,—отвѣчалъ я и перекрестился.

Она перекрестилась также и на минуту сосредоточенно смотрѣла въ небо. Потомъ сказала мнѣ:

— Развѣ правда, пастухъ, что всѣ вы колдуны?

— Нѣтъ, нисколько. Но мы живемъ здѣсь ближе къ звѣздамъ и лучше знаемъ, что съ ними дѣлается, чѣмъ вы, жители равнинъ.

Она продолжала смотрѣть вверхъ, опершись головой на руку, закутанная въ кожу барашка, какъ маленькій небесный пастырь на картинахъ.

— Сколько ихъ, какъ онѣ прекрасны! никогда я не видѣла ихъ столько. Знаешь ли ты ихъ имена, пастухъ?

— Да, знаю, хозяйка.. Смотрите, вотъ какъ разъ надъ нами дорога святого Іакова (Млечный Путь). Она идетъ изъ Франціи прямо на Испанію. Ее провель святой Іаковъ Галиційскій, чтобы указать путь храброму Карлу Великому въ то время, когда тотъ велъ войну съ сарацинами. Тамъ дальше колесница душъ (Большая Медвѣдица) съ своими четырьмя лучезарными осями. Три звѣзды, находящіяся впереди, трое животныхъ, а эта, самая маленькая, возлѣ третьей,—это погонщикъ. Вы видите вокругъ нихъ множество какъ будто падающихъ съ „колесницы“ звѣздъ. То души, которыхъ Богъ не хочетъ принять къ себѣ... Тамъ немного ниже—это грабли или три короля (Оріонъ). По нимъ мы узнаемъ время. Посмотрѣвши только на нихъ, я узнаю, что теперь, напримѣръ, уже минула полночь. А еще пониже—это Жанъ Миланскій самая яркая изъ звѣздъ (Сириуръ)... Но самая прекрасная изъ всѣхъ наша звѣзда,—звѣзда пастуха; она свѣтитъ намъ и утромъ, когда мы выгоняемъ стадо, и вечеромъ, когда мы возвращаемся съ нимъ. Мы на-

зывается ее также Магелоной, прекрасной Магелоной, гонящейся за Пьеромъ Прованскимъ (Сатурнъ) и вступающей съ нимъ въ бракъ каждая семь лѣтъ.

— Какъ, пастухъ! Развѣ звѣздъ бываютъ свадьбы?

— Да, барышня, бываютъ..

И въ то же время какъ я принялся объяснять ей, что означаетъ это выраженіе, я почувствовалъ на своемъ плечѣ что-то нѣжное и свѣжее. То была ея голова, отяжелѣвшая отъ сна и прислонившаяся ко мнѣ съ легкимъ шорохомъ смятыхъ лентъ, кружевъ и ея вьющихся волосъ. Она осталась такъ, не двигаясь, до тѣхъ поръ, пока звѣзды на небѣ стали блѣднѣть, при свѣтѣ занимающагося утра. Я смотрѣлъ на нее во время ея сна, смущенный немного, но свято защищаемый отъ всего дурного этой свѣтлою ночью, всегда внушавшей мнѣ только хорошія, высокія мысли. Надъ нами звѣзды продолжали свой молчаливый путь, покорныя пастырю, точно большое стадо и иногда мнѣ представлялось, что одна изъ этихъ звѣздъ, самая яркая, самая блестящая, сбившись съ своего пути, скатилась на мое плечо и заснула на немъ...

Перев. В. В. Буренина-Новалева.

Весна.

И дѣ, юноши, весна? Осенній вѣтеръ злится
И жалить, словно змѣй, и бьетъ въ лицо, какъ
кнутъ,

Сырая оттепель безпомощно слезится,

Тѣ слезы грязныя назойливо текутъ.

Холодная лазурь, какъ изъ-подъ маски смутной,

Порой покажется сквозь пологъ сѣрыхъ тучъ

И хотеть насъ прельстить улыбкою минутной,

И посылаетъ намъ поддѣльной ласки лучъ.

По вечерамъ, во мглѣ, въ послѣдній часъ заката,

Заря кровавая рождается вдали,

Какъ знамя красное, и движется куда-то,
И медленно плыветъ надъ рубежомъ земли.
Что часъ, мѣняется безсмысленная воля
Растерянныхъ небесъ. На четырехъ концахъ
Равнины сѣверной встаютъ туманы съ поля...
Гдѣ, юноши, весна?.. Она у насъ въ сердцахъ.
Она росла въ борьбѣ. Не блескъ утра привѣтный,
Не ореолъ лучей,—у ней въ лицѣ гроза.
Призывъ ея гремитъ отвагой беззавѣтной,
И мечутъ молнію глаза.
Цвѣточнаго вѣнка она носить не хочетъ,
Простоволосая, безъ шапки, вся въ огнѣ,
Она летитъ впередъ, и свищетъ, и хохочетъ,
Какъ дикій всадникъ на конѣ.
Задоръ ея кипитъ и пѣнится, какъ чаша
Шипучаго вина. Въ ней радость бьетъ ключомъ.
Та бурная весна—живая юность наша!..
Ей гнетъ ненастій нипочемъ,
Ей мѣсто есть вездѣ. Ей весело рѣзвиться
На шумной улицѣ, въ рядахъ толпы густой.
Задѣтъ ее нельзя: она рычитъ, какъ львица,
Готовая къ прыжку, лишь кто ей скажетъ: „Стой!“
На нивахъ и поляхъ она работы просить,—
Уже въ рукахъ ея блестящая коса,—
Она идетъ впередъ и безъ пощады косить
Не мягкую траву—дремучіе лѣса.
Широкимъ топоромъ она затворы рубить,
Тяжелымъ молотомъ желѣзный ножъ куетъ.
Не удержать ея! Она опасность любитъ,
Идетъ на приступъ и поетъ.
Та пѣсня вольная и полная веселья,
Какъ журавлиный кликъ, ликуетъ и звенитъ.
Она вливается въ глухія подземелья
И улетаешь въ высь, на голубой зенитъ.
Предъ нею падаетъ тюремная ограда
И осыпается гранитный верхъ стѣны,—
Побѣды юной вѣсть, надежда и отрада,
Та пѣсня вольная есть первый громъ весны!

Танъ.

Гюи де-Мопасанъ.

Отрывокъ изъ очерк. „На водѣ“.

Г. де-Мопасана.

Едва я легъ, какъ почувствовалъ, что не засну.

Я лежалъ на спинѣ, закрывши глаза, съ взбудораженными мыслями, съ напряженіемъ въ нервахъ. Кругомъ, вблизи и вдали,—ни движенія, ни звука; только сонное дыханіе двухъ моихъ матросовъ доносилось до меня черезъ тонкую переборку.

Вдругъ что-то застонало. Что именно? не знаю; вѣроятное всего блокъ въ рангоутѣ; но тонкій, болѣзненный, жалобный звукъ этотъ потрясъ все мое существо. Потомъ опять все стихло; глубокое безмолвіе распростерлось стъ земли до самыхъ звѣздъ: ни дуновенія, ни ряби на водѣ, ни малѣйшаго колебанія яхты; потомъ вдругъ снова начался непонятный слабый стонъ. — Этотъ звукъ словно проводилъ зазубреннымъ лезвіемъ по моему

сердцу. Есть такіе звуки, такія ноты, такіе голоса, которые раздирають намъ душу, мгновенно вызывая въ ней всю ту скорбь, муку, тревогу, на какую только она способна. Я сталъ напряженно вслушиваться — и снова услышалъ этотъ звукъ, который исходилъ какъ будто изъ моего собственнаго существа, изъ моихъ нервовъ, или, вѣрнѣе, раздавался во мнѣ самомъ, словно какой-то тайный, глубокой, безнадежный призывъ. Да, это былъ тотъ жестокой, знакомый, постоянно ожидаемый мною голосъ, отъ котораго я схожу съ ума. Онъ пробѣгалъ по мнѣ, этотъ слабый странный звукъ, охватывая меня ужасомъ и бредомъ, потому что въ немъ была сила, вызывающая къ жизни всѣ муки, какія дремлютъ въ глубинѣ человѣческихъ сердецъ. Что это было? Это былъ голосъ, который постоянно звучитъ въ нашей душѣ; тотъ мучительно назойливый, таинственный, незаглушимый, неумолимый голосъ, который смутно, болѣзненно, неотступно укоряетъ насъ за все, что мы сдѣлали, и за все, чего мы не сдѣлали,—голосъ неясныхъ угрызений, сожалѣній о непоправимомъ, о безвозвратно умершихъ дняхъ, о женщинахъ, которыя встрѣтились намъ на пути и которыя, быть можетъ, полюбили бы насъ, обо всемъ, чего уже нѣтъ на свѣтѣ, о напрасныхъ радостяхъ, объ угасшихъ надеждахъ; голосъ всего, что проходитъ, уходитъ, обманываетъ, исчезаетъ,—всего, чего мы не достигли и чего никогда не достигнемъ; тоненькій жалобный голосъ, который кричитъ о напрасно загубленной жизни, о бесполезности усилій, о безсиліи нашего разума и немощи тѣла.

Онъ говорилъ мнѣ своимъ прерывистымъ стономъ, постоянно возобновляющимся посреди мертваго молчанія глубокой ночи,—онъ говорилъ мнѣ обо всемъ, что я могъ бы имѣть, обо всемъ, чего я смутно желалъ, ждалъ, о чемъ я мечталъ, обо всемъ, что мнѣ хотѣлось бы видѣть; понять, узнать, извѣдать, обо всемъ, на что мой ненасытный, бѣдный и слабый духъ простиралъ свои несбыточные надежды, обо всемъ, къ чему направлялъ онъ свой

полетъ, не имѣя силы разбить сковывающія его цѣпи невѣжества.

А! Я всего такъ страстно желалъ и ничѣмъ не обладалъ. Мнѣ нужны были бы жизненныя силы цѣлой расы, вся полнота разума, раздробленнаго на безчисленное множество живыхъ существъ, всѣ способности, всѣ силы, тысяча запасныхъ жизней, ибо во мнѣ заложены всѣ возможныя желанія и всѣ виды любознательности, а я обреченъ все видѣть и ничѣмъ не владѣть.

Отчего же мнѣ суждено испытывать только муки жизни, въ то время какъ на долю другихъ выпадаютъ только удовольствія? Отчего гложетъ меня эта неисцѣлимая тоска? Отчего мнѣ остается недоступной реальность удовольствій, ожиданій и наслажденій?

Оттого, что я одаренъ этимъ вторымъ зрѣніемъ, которое составляетъ въ одно и то же время силу и все несчастье писателей. Я пишу, потому что понимаю все происходящее передо мной и страдаю отъ всего существующаго, потому что я слишкомъ хорошо знаю жизнь и, не имѣя способности непосредственно извѣдать ее, постоянно вижу ее въ самомъ себѣ, въ зеркалѣ своей мысли.

Не завидовать намъ, а жалѣть насъ должны были бы люди, ибо вотъ въ чемъ состоитъ отличіе писателя отъ подобныхъ ему.

Никакое простое чувство не доступно ему. Все, что онъ видитъ, всѣ его удовольствія, страданія, разочарованія моментально превращаются для него въ предметъ наблюденія. Совершенно невольно и ни отъ чего независимо, онъ постоянно анализируетъ человѣческія сердца, лица, жесты, интонаціи голоса. Не успѣлъ онъ увидѣть что-нибудь—что бы это ни было—онъ уже задается вопросомъ: почему? Никогда не испыталъ онъ на самомъ себѣ, что такое непосредственный порывъ, непосредственный крикъ, непосредственный поцѣлуй; никогда не совершилъ онъ ни одного изъ тѣхъ непосредственныхъ поступковъ, которые люди совершаютъ потому, что такъ нужно,—не размышляя, не рассуждая, не

задаваясь никакими вопросами, не отдавая себѣ никакого отчета.

Если онъ страдаетъ, онъ отмѣчаетъ для себя это и старается удержать въ памяти; возвращаясь съ кладбища, гдѣ онъ оставилъ существо, которое онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, онъ говоритъ себѣ: „какъ это было странно — все, что я испыталъ: словно какое-то опьянѣніе отъ боли, и т. п.“ И затѣмъ начинаетъ припоминать всѣ подробности: позы сосѣдей, ихъ искусственныя мины, притворную печаль, и тысячу разныхъ мелочей изъ области художественныхъ наблюденій: какъ крестилась старушка, державшая за ручку ребенка, лучъ свѣта падавшій отъ окна, собаку, пробиравшуюся черезъ похоронное шествіе, эффектъ погребальной колесницы подъ высокими тисовыми деревьями кладбища, голову факельщика, напряженныя лица четырехъ человѣкъ, опускавшихъ гробъ въ могилу, — словомъ тысячу вещей, которыя всякій другой порядочный человѣкъ, страдающій всею душой, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ своимъ существомъ, никогда бы даже и не замѣтилъ.

А онъ все видѣлъ, все запомнилъ, все отмѣтилъ — совсѣмъ невольно для себя, ибо онъ прежде всего писатель, и самое его устройство таково, что отраженное впечатлѣніе живѣе, такъ сказать, естественнѣе для него, чѣмъ непосредственное воздѣйствіе жизни, — эхо громче, чѣмъ первоначальный звукъ.

У него какъ будто двѣ души, изъ которыхъ одна отмѣчаетъ, объясняетъ, истолковываетъ всякое ощущеніе другой, смежной съ нею, настоящей души, такой же какъ у всѣхъ прочихъ смертныхъ, и онъ живетъ, навѣки обреченный быть отраженіемъ самого себя и другихъ, обреченный созерцать собственныя чувства, дѣйствія, привязанности, мысли, страданія и никогда не страдать, не мыслить, не любить, не чувствовать, какъ всѣ другіе — простодушно, непосредственно, цѣльно, не анализируя самого себя, всякой своей радости и всякаго рыданія.

Когда онъ разговариваетъ, рѣчи его часто кажутся злословіемъ, потому что мысль его все видитъ насквозь, добирается до самыхъ скрытыхъ мотивовъ того, что составляетъ чувства и дѣйствія другихъ людей.

Когда онъ пишетъ, онъ не можетъ не отразить въ своихъ книгахъ всего, что онъ видѣлъ, всего, что онъ знаетъ; и ни для кого — ни для родныхъ, ни для друзей — не можетъ онъ сдѣлать исключенія, — съ немилосерднымъ безпристрастіемъ обнажая предъ людьми души тѣхъ, кого онъ любитъ или любилъ, и даже все преувеличивая для большей рельефности, думая только о своемъ произежденіи и забывая о своихъ привязанностяхъ.

А когда онъ любитъ, любитъ женщину, онъ разсѣкаетъ ее, какъ трупъ въ анатомическомъ театрѣ. Все, что она скажетъ, все, что она сдѣлаетъ, немедленно взвѣшивается имъ на чувствительныхъ вѣсахъ наблюденія, которые онъ постоянно носитъ въ себѣ и оцѣнивается въ своей настоящей стоимости. И даже, если она бросится ему на шею въ порывѣ неудержимаго чувства — онъ мгновенно отмѣтитъ для себя ея движеніе съ точки зрѣнія его своевременности, красоты, драматической силы и безмолвно осудитъ его, если уловитъ въ немъ что-нибудь искусственное или некрасивое.

Являясь одновременно дѣйствующимъ лицомъ и зрителемъ по отношенію къ самому себѣ и другимъ, онъ никогда не бываетъ только дѣйствующимъ лицомъ, какъ другіе добрые люди, живущіе въ простотѣ души. Все вокругъ него становится прозрачнымъ: сердца, поступки, тайныя намѣренія людей, и онъ страдаетъ отъ этой странной болѣзни, которую можно было бы назвать раздвоеніемъ духа и которая дѣлаетъ его неимоვნю впечатлительнымъ, причудливымъ, сложнымъ и утомительнымъ для самого себя.

Его исключительная, болѣзненная чувствительность уподобляетъ его человѣку съ ободранной кожей, для котораго каждое внѣшнее ощущеніе превращается въ страданіе.

Мнѣ вспоминаются мучительные дни, когда сердце мое было до того уязвлено впечатлѣніями, длившимися одно мгновеніе, что самыя воспоминанія о нихъ терзаютъ меня, какъ какія-то незаживающія раны.

Однажды, на Avenue de l'Opéra, среди непрерывно движущейся, веселой, опьяненной майскимъ солнцемъ публики, я вдругъ увидѣлъ существо, для котораго нельзя было бы подобрать наименованія, —скрюченную, словно перегнутую пополамъ старуху, одѣтую въ какія-то лохмотья, которыя были нѣкогда платьемъ, въ черной соломенной шляпѣ, съ давнымъ-давно ободранной старомодной отдѣлкой изъ лентъ и цвѣтовъ. Она шла, волоча ноги съ такими мучительными усиліями, что каждый ея шагъ отдавался въ моемъ сердцѣ такимъ же, если не еще большимъ страданіемъ, чѣмъ то, которое испытывала она сама.

Двѣ палки поддерживали ея перегнувшееся тѣло. Она шла, ни на кого не глядя, ничего не замѣчая,—ни людей, ни экипажей, ни солнца. Куда она шла? Въ какую конуру? Она несла какой-то свертокъ, болтавшійся на веревочкѣ. Что бы это могло быть? Хлѣбъ? Да, хлѣбъ, безъ сомнѣнія. Ни одна живая душа, никто изъ сосѣдей не могъ или не хотѣлъ спуститься въ лавку вмѣсто нея, и ей пришлось самой предпринять это ужасное путешествіе изъ мансарды въ булочную. Добраться туда, потомъ обратно—это для нея, по меньшей мѣрѣ, два часа пути. И какого пути!.. Поистинѣ шествіе со крестомъ, не менѣе тяжкое чѣмъ шествіе Иисуса.

Я поднялъ глаза на крыши огромныхъ домовъ. Она шла туда, наверхъ. Когда она доберется туда? Сколько разъ придется ей останавливаться, переводя духъ на ступенькахъ темной извилистой лѣстницы.

Всѣ оборачивались и глядѣли на нее. Всѣ шептали: „бѣдная женщина!“ и проходили мимо. Ея юбка, отрѣпья юбки, едва держащіяся на развалинахъ ея тѣла, волочилась по землѣ. И въ этомъ существѣ жила еще какая-то мысль! Мысль? Нѣтъ,

но ужасающее, вѣчно гложущее страданіе. О эта
беспомощность старыхъ людей, не имѣющихъ хлѣба,
старыхъ людей, доживающихъ свои дни безъ на-
деждъ, безъ дѣтей, безъ денегъ; думаемъ ли мы о
нихъ? Думаемъ ли мы о старыхъ голодныхъ людяхъ,
ютящихся въ мансардахъ? о слезахъ, которыя лют-
ся изъ потускнѣвшихъ глазъ, блестящихъ когда-то
отъ волненія и радости?

Перев. О. Я. Гуревичъ.

ГОЛОВА.

Изъ Эмиля Верхарна.

На черный эшафотъ ты голову внесешь
Подъ звонъ колоколовъ, и глянешь съ пьеде-
стала,
И крикнуть мускулы, и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови, и металла!
И солнце рдяное, и вечера пожаръ,
Гася карбункулы въ холодной влагѣ ночи,
Узнаютъ, увидавъ опущенный ударъ,
Сумѣли ль умереть твое чело и очи!
Злодѣйство громкое вползетъ въ народъ змѣей,
Свой океанъ смиривъ вокругъ помоста славы,
Толпа потомъ, какъ мать, принявъ твой гробъ про-
стой,
Баюкать будетъ групъ кровавый и безглавый.
И ядовитое, какъ сумрачный цвѣтокъ
(Гдѣ зрѣетъ красный ядъ, какъ молніи сверканье),
Недвижное, какъ въ грудь вонзившійся клинокъ,
Пребудетъ о тебѣ въ толпѣ воспоминанье!
Подъ звонъ колоколовъ ты голову внесешь
На черный эшафотъ, и глянешь съ пьедестала,
И крикнуть мускулы и просверкаетъ ножъ,—
И это будетъ пиръ и крови, и металла!

Валерій Брюсовъ.

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встанутъ, улыбаютъ
Счастья былого видѣнія!

Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающей
Снится мнѣ—бодрый, сіяющей,
Образъ твой блѣдный, страдальческій.

Снится мнѣ—пути порвались:
Къ другу спѣшишь ты, веселая...
Косы вокругъ плечъ разметались,
Черныя косы, тяжелыя...

Взоръ загорѣлся плѣнительно,
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно—
Греза блаженная сбудется!

Сбудется, вѣрь мнѣ, желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастья,
Слишкомъ томить неустнная
Жажда любви и участія!

Мы на пиру мірозданія
Были ненужные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сердца еще не насытили.

Общимъ судомъ не развязаны
Наши вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!

П. Я.

АРТИСТКА Е. Н. РОЩИНА-ИНСАРОВА.

* * *

Есть среди грезъ одинокихъ одна,
Больше всѣхъ на землѣ одинокая...
Есть среди странъ недоступныхъ страна,
Больше всѣхъ для стремленья далекая...

Въ радостный часъ неземной высоты
Эта греза зарницею свѣтится,—
Счастливъ, кто въ нѣдрахъ нѣмой темноты
Съ этой искрой таинственной встрѣтится...

Въ темномъ пути по откосамъ земнымъ
Все изгладится въ сердца, забудется,—
Только она, съ постоянствомъ живымъ,
Будто сонъ утоляющій, чудится.

Только она насъ незримо ведетъ
Каменистой тропой безконечности,

Тихо, какъ мать надъ малюткой, поеть
О ликующихъ празднествахъ
Вѣчности...

Ю. Балтрушайтисъ.

Изъ бумагъ прокурора.

Классически я жизнь окончу тутъ...
Я номеръ взялъ въ гостинницѣ, извѣстной
Тѣмъ, что она—излюбленный пріютъ
Людей, какъ я, которымъ въ мірѣ тѣсно.
Слегка поужиналъ, спросилъ
Бутылку хереса, бумаги и чернилъ
И разбудить себя велѣлъ часу въ девятомъ.
Слѣдя прилежно за собой,
Я въ зеркало взглянулъ. Въ лицѣ, слегка помятомъ
Безсонными ночами и тоской,
Слѣдовъ не видно лихорадки.
Револьверъ осмотрѣлъ я: все въ порядкѣ...
Теперь пора мнѣ приступить къ письму.
Такъ принято: предъ смертью на прощанье
Всегда строчать кому-нибудь посланье...
И я писать готовъ, не знаю лишь кому...
Писать роднымъ... зачѣмъ? Нежданное наслѣдство
Утѣшить скоро ихъ въ утратѣ дорогой.
Писать товарищамъ, друзьямъ любимымъ съ дѣтства...
Да гдѣ они? Насъ жизненной волной
Судьба давно навѣки раздѣлила,
И будетъ имъ, какъ я, чужда моя могила...
Вотъ если написать кому-нибудь изъ нихъ,
Изъ свѣтскихъ болтуновъ, пріятелей моихъ,—
О, Боже мой! какую я услугу
Имъ оказать бы могъ! Пріятель съ тѣмъ письмомъ
Перебѣгать начнетъ изъ дома въ домъ
И расточать хвалы исчезнувшему другу...

Про мой конецъ онъ выдумаетъ самъ
Какой-нибудь романъ въ игривомъ родѣ
И, забавляя имъ отъ скуки мрущихъ дамъ,
Недѣлю цѣлую, пожалуй, будетъ въ модѣ.

Есть у меня знакомый прокуроръ
Съ болѣзненнымъ лицомъ и умными глазами...
Случайность странная: нерѣдко между нами

Самоубійца касался разговоръ.

Онъ этимъ дѣломъ занятъ спеціально;

Чуть гдѣ-нибудь случилася бѣда,

Ужъ онъ сейчасъ бѣжитъ туда

Съ своей улыбкою печальной

И все изслѣдуетъ: какъ, что и почему.

Съ научной цѣлью напишу ему

О собственномъ концѣ отчетъ подробный...

Въ статистику его пошлю мой кладъ загробный!

„Любезный прокуроръ, вамъ интересно знать,
Зачѣмъ я кончилъ жизнь такъ неприлично?

Сказать по правдѣ, я логично

Вамъ правоту свою не могъ бы доказать,

Но снисхожденія достоинъ я. Когда бы

Вы поручились мнѣ, что я умру,

Ну, хоть, положимъ, завтра къ вечеру

Отъ воспаленія или острой жабы,—

Я бъ терпѣливо ждалъ. Но я совсѣмъ здоровъ,

И вовсе не смотрю въ могилу;

Могу еще прожить я множество годовъ,—

А жизнь переносить мнѣ больше не подъ силу,

И, какъ бы я ее ни жегъ и ни ломалъ,

Боюсь, не сузится мой пищевой каналъ

И не расширится аорта...

А потому я смерть избралъ иного сорта.

Я жилъ, какъ многіе, какъ всѣ почти живутъ

Изъ круга нашего,—я жилъ для наслажденія;

Работника здоровый, бодрый трудъ

Мнѣ незнакомъ былъ съ самаго рожденія.

Но съ отроческихъ лѣтъ я началъ въ жизнь вникать,

Въ людскія дѣйствія, ихъ цѣли и причины,

И стерлась дѣтской вѣры благодать,

Какъ блѣдной краски слѣдъ съ неконченной картины.

Когда жъ, при свѣтѣ разума и книгъ,
Мнѣ вдаль вѣковъ пришлось углубиться
Я человѣчество столь гордое постигъ,
Но не постигъ того, чѣмъ такъ ему гордиться.

Близъ солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ
Живетъ двуногій звѣрь некрупаго сложенья,
Живетъ, сравнительно, еще немного лѣтъ

И думаетъ, что онъ—вѣнецъ творенья,
Что всѣ сокровища еще безвѣстныхъ странъ
Для прихоти его природа сотворила,
Что для него реветъ въ часъ бури океанъ!
И борется звѣрекъ съ судьбой насколько можно,
Хлопочетъ день и ночь о счастья своемъ,
Съ расчетомъ на вѣка устраиваетъ домъ...
Но вѣтеръ на него пахнулъ неосторожно,—

И нѣтъ его... пропалъ и слѣдъ...

И, умирая, онъ не знаетъ,

Зачѣмъ явился онъ на свѣтъ,

Къ чему онъ жилъ, куда онъ исчезаетъ.

При этой краткости житейскаго пути,
Въ такомъ убожествѣ невѣдѣнья, безсилья
Должны бы спутники соединить усилья

И дружно общій крестъ нести...

Нѣтъ, люди—эти бѣдные микробы—

Другъ съ другомъ борются, полны
Нелѣпой зависти и злобы;

Имъ слезы ближняго нужны,

Чтобъ жизнью наслаждаться вдвое,

Имъ больше горя нѣтъ, какъ счастье чужое!

Властители, рабы, народы, племена,—

Всѣ дышатъ лишь враждой, и всѣ стоятъ на стражѣ...

Куда ни посмотри, вездѣ одна и та же

Упорная, безумная война!

Невыносимо жить!

Я вижу: съ нетерпѣньемъ

Посланіе мое вы прочитали вновь,

И прокурорскій взоръ туманится сомнѣньемъ...

„Нѣтъ, это все не то, тутъ вѣрно есть любовь“...

Такъ режиссеръ въ молчаньи строгомъ

За ролью новичка слѣдитъ изъ-за кулисъ...

„Ищите женщину“,—вѣдь это вашъ девизъ?
Вы правы, вы нашли. А я—клянуся Богомъ!—
Я не искалъ ея. Нежданная, она
Явилась предо мной, и такъ же, какъ начало,
Негаданъ былъ конецъ... Но вамъ сознанья мало,

Вамъ исповѣдь подробная нужна.
Хотите имя знать? Хотите номеръ дома,
Иль цвѣтъ ея волосъ? Не все ли вамъ равно?

Повѣрите мнѣ: она вамъ незнакома,
И нашъ угрюмый край покинула давно.
О, гдѣ теперь она? Въ какой странѣ далекой
Красуется ея спокойное чело?
Гдѣ ты, мой грозный бичъ, каравшій такъ жестоко?
Гдѣ ты, мой свѣтлый лучъ, ласкавшій такъ тепло?

Давно потухъ огонь, давно угасли страсти,
Какъ сонъ, пропали дни страданій и тревогъ...
Но выйти изъ твоей неотразимой власти,
Но позабыть тебя я все-таки не могъ!

И еслибъ ты сюда вошла въ мой часъ послѣдній,
Какъ прежде, гордая, безъ рѣчи о любви,
И прошептала мнѣ: „оставь пустыя бредни;
Забудемъ прошлое, я такъ хочу, живи!“—

О, даже и теперь я счастья слезами
Отвѣтилъ бы на зовъ души твоей родной
И, какъ послушный рабъ, опять, гремя цѣпями,
Не зная самъ куда, побрелъ бы за тобой...

Но, нѣтъ! ты не войдешь. Изъ мрака ледяного
Въ меня не брызнетъ свѣтъ отъ взора твоего,
И звуки голоса когда-то дорогого
Не вырвутъ, не спасутъ, не скажутъ ничего.

Однако я вдался въ лиризмъ... Некстати!
Смѣшно элегію писать передъ концомъ...

А впрочемъ, я пишу не для печати,
И лучше кончить дни стихомъ,
Чѣмъ жизни подводить печальные итоги...
Да, если бъ вспомнилъ я обидъ безцѣльныхъ рядъ
И тайной клеветы всегда могучій ядъ,
Всѣ дни, прожитые въ мучительной тревогѣ,

Всѣ ночи, проведенныя въ слезахъ,
Все то, чѣмъ я обязанъ людямъ-братьямъ,—
Я разразился бы на жизнь такимъ проклятьемъ,
Что содрогнуться бѣ могъ Создатель въ небесахъ!

Но я не такъ воспитанъ: уваженъе
Привыкъ имѣть къ предметамъ я святымъ,
И, не ропща на Провидѣнье,
Почтительно склоняюся предъ Нимъ.

Въ какую рубрику меня вы помѣстите?
Кто виноватъ: любовь, наука или сплинъ?
Но если бѣ не нашли разумныхъ вы причинъ,
То все же моего поступка не сочтите
За легкомысленный порывъ.
Я даже помню день, когда, весь міръ забывъ,
Читалъ и жегъ я строки дорогія,
И мысль покончить жизнь явилась мнѣ впервые.
Тогда во мнѣ самомъ все было сожжено,
Разбито, попрано... И, смутная сначала,
Та мысль въ больное сердце, какъ зерно
На почву благодарную, упала.

Она таилася на самомъ днѣ души,
Подъ грудой тлѣющаго пепла;
Среди тяжелыхъ думъ она въ ночной тиши
Сознательно сложилась и окрѣпла...

О, посмотрите же кругомъ:
Не я одинъ ищу спасенія въ покоѣ!..
Въ эпоху общаго унынья мы живемъ,—
Какое-то повѣтріе больное,

Зараза нравственной чумы—
Надъ нами носится и ловить и тревожить
Порабощенные умы.

И въ этой самой комнатѣ, быть можетъ,
Такіе же, какъ я, изгнанники земли
Послѣдніе часы раздумья провели.
Ихъ лица блѣдныя, дрожа отъ смертной муки,
Мелькаютъ предо мной въ злобѣщей тишинѣ,
Окровавленныя, блуждающія руки
Они изъ нѣдръ земли протягиваютъ мнѣ...
Они—преступники. Они безъ позволенья
Ушли въ безвѣстный путь отъ пристани земной...

Но обвинять ли ихъ? Винить ли жизни строй,
Безсмысленный и злой, не знающій прощенья?..

Какъ опытный и свѣдушій юристъ,
Всѣ степени вины обсудите вы здраво.

Вотъ застрѣлился гимназистъ,
Не выдержавъ экзамена... Онъ, право,
Не меньше виноватъ. Съ платформы подъ вагонъ
Прыгнулъ сѣдой банкиръ, сыгравшій неудачно;
Повѣсился бѣднякъ затѣмъ, что жилъ невзрачно,
Что жизни благами не пользовался онъ...

О, эти блага жизни!.. Съ наслажденьемъ
Я бѣ отдалъ за жизнь лишениі и труда...
Но только бѣ мнѣ забыть прожитые года,
Но только бы я могъ смотрѣть не съ отвращеньемъ,

А съ теплой вѣрой дѣтскихъ дней
На лица злобныя людей.

Не думайте, чтобъ я, судя ихъ строго,
Себя считалъ умнѣй и лучше много,
Чтобъ я несчастный мой конецъ
Другимъ хотѣлъ поставить въ образецъ.
Я не ряжуся въ мантию героя.
И вѣрьте, что мучительно весь вѣкъ
Я презиралъ себя. Что я таксе?
Я просто жалкій, слабый человекъ
И, можетъ быть, слегка больной душевно.

Вамъ это лучше знать. Вы часто, ежедневно

Субъектовъ видите такихъ;

Сравните, что у васъ написано о нихъ,
И, къ свѣдѣнію принявъ науки указанья,

Постановите приговоръ...

Прощайте же, любезный прокуроръ...

Жаль, не могу сказать вамъ: „до свиданья“.

Письмо окончено, и выпита до дна

Бутылка сквернаго вина.

Я отворилъ окно. На улицы пустыя

Громадой черною смотрѣли облака.

Осенній вѣтеръ дулъ, и капли дождевыя

Лѣниво падали, какъ слезы старика.

Потухли фонари. Казалось, поневолѣ

Веселый городъ нашъ въ холодной мглѣ уснулъ,

И замеръ вдалекѣ послѣднихъ дрожекъ гуль.
Такъ часъ прошелъ, иль два, а можетъ быть, и болѣ—
 Не знаю. Вдругъ въ безмолвіи nocturno
 Отчетливо, протяжно и тоскливо
 Раздался дальній свистъ локомотива...
 О, этотъ звукъ давно ужъ мнѣ знакомъ!
Въ часы безсонницы до бѣшенства, до злости,
 Бывало, онъ терзалъ меня,
 Напоминая близость дня...
Кто съ этимъ поѣздомъ къ намъ ѣдетъ? Что за гости?
 Рабочіе, конечно, бѣдный людъ...
Изъ дальнихъ деревень они сюда везутъ
 Здоровье, бодрость, силы молодья,
И все оставляютъ здѣсь...

 Поля мои родныя!

 И я,—увы! не въ добрый часъ,—
Для призраковъ пустыхъ когда-то бросилъ васъ.
Мнѣ кажется, что тамъ, въ далекомъ старомъ домѣ,
Я могъ бы жить еще..

 Іюльскій день затихъ.

 Избавившись отъ всѣхъ трудовъ дневныхъ,
 Я вышелъ въ радостной истомѣ
 На покривившійся балконъ.
 Передъ балкономъ старый кленъ
 Раскинулъ вѣтви, ярко зеленѣя,
 И пышныхъ липъ широкая аллея
Ведетъ въ заглохшій садъ. Въ вечерней тишинѣ
Не шелохнется листь, цвѣты блестятъ росой,
 И запахъ сѣна съ пѣсней удалю
 Изъ-за рѣки доносится ко мнѣ.
Вотъ легкій шумъ шаговъ. Вдали, платкомъ махая,
Идетъ ко мнѣ жена... О, нѣтъ! не та,—другая:
Простая, кроткая и дѣти жмутся къ ней...
 Дѣтей побольше, маленькихъ дѣтей!
За липы спрятался послѣдній лучъ заката,
Тепла нѣмая ночь. Вотъ ужинъ, а потомъ
Бесѣда тихая, Бетховена соната,
 Прогоулка по саду вдвоемъ,
 И крѣпкій сонъ до новаго разсвѣта...
 И такъ, вдали отъ суетнаго свѣта,
 Летѣли бѣ дни и годы безъ числа...

О Боже мой! Стучать... Ужели ночь прошла?

Да, тусклый, мокрый день сурово

Глядитъ въ окно. Что жъ, развѣ отворить?

Попробовать еще по-новому пожить?

Нѣтъ, тяжело! Увидѣтъ снова

Толпу противныхъ лицъ, со злобою въ глазахъ,

И уши длинныя на плоскихъ головахъ...

И этотъ наглый взглядъ, предательскій и лживый...

Услышать снова хоръ фальшивый

Тупыхъ затверженныхъ рѣчей...

Нѣтъ, ни за что! Опять стучать... Скорѣй!

Пусть мой послѣдній стихъ, какъ я, бобыль ненужный,

Останется безъ риемы...

А. Н. Апухтинъ.

Будущимъ.

Въ мѣръ они придутъ безъ утомленья,—

Съ мыслью смѣлой, съ пѣсней на устахъ,

Насладиться всѣмъ, что знали мы въ мечтахъ,

Вспомнивъ прошлое съ улыбкой сожалѣнья.

* * *

Въ мѣръ идетъ въ сознаньи силы племя—

Жизнь создать на мѣстѣ брошенныхъ гробовъ...

Не понять людей имъ, жившихъ въ наше время,

Говорившихъ блѣднымъ языкомъ рабовъ...

* * *

Въ мѣръ идетъ другое поколѣнье—

Для иной, возвышенной борьбы!

И уходимъ мы достойны сожалѣнья,

Осторожные, голодные рабы...

Усталый (А. Н. Вознесенскій).

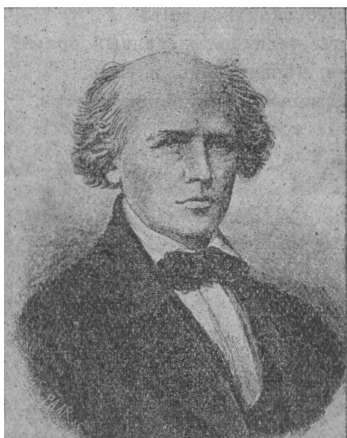

Изъ еврейскихъ мелодій.

— Сплю, но сердце мое чуткое не спитъ...
За дверями голосъ милого звучитъ:
— Отвори, моя невѣста, отвори!
Догорѣло пламя алое зари;
Надъ лугами, надъ шелковыми,
Бродитъ бѣлая роса
И слезинками перловыми
Мнѣ смочила волоса;
Сходитъ съ неба ночь прохладная—
Отвори мнѣ, ненаглядная!
— Я одежды легкотканная сняла,
Я омыла мои ноги и легла;
Я на ложѣ цѣпенѣю и горю—
Какъ я встану, какъ я двери отворю?—
Милый въ дверь мою кедровую
Стукнулъ смѣлою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойнаго,
Встала съ ложа я покойнаго.
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скель-
зить;
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ;
На рукахъ запястья цѣнныя бренчать.
Отперла я дверь докучую:
Статный юноша вошелъ
И со мною сладкозвучную
Потихоньку рѣчь повель...
И слилась я рѣчью нѣжною
Всей душой моей мятежною!

Л. А. Мей.

Юаннъ-Людвигъ Уландъ.

Король на башнѣ.

Изъ Уланда.

Объяты дремучею мглой, предо мной
Долины и горы лежатъ въ тишинѣ.
Все спитъ; вѣтерокъ не приноситъ ночной
Ни звука страданья ко мнѣ.
Заботой о счастіи всѣхъ удрученъ,
Я въ думахъ сидѣлъ и за кубкомъ вина.
Луной озаренъ голубой небосклонъ...
Душѣ моей воля нужна.

Торжественной жизни полны небеса,
Въ мерцаніи звѣздныхъ таинственныхъ рунъ
Мнѣ слышатся дивные тамъ голоса,
При тихомъ бряцаніи струнъ.

Мой глазъ отуманенъ и волосъ мой сѣдъ;
Оружіе праздно виситъ на стѣнѣ;
Дѣла мои правы и правъ мой совѣтъ:
Пора успокоиться мнѣ!

О, что-же ты медлишь, желанный покой?
Возьми меня, вѣчная ночь, и умчи
Туда, гдѣ слышнѣе хоръ пѣсни святой,
Гдѣ звѣздные ярче лучи!

М. Михайловъ.

Три путника.

Изъ Уланда.

Въ свой край возвратяся изъ дальней земли,
Три путника въ гости къ стауршкѣ зашли.
„Прими, пріюти насъ на темную ночь:
Но гдѣ-же красавица? Гдѣ твоя дочь?“
—Принять, пріютить васъ готова, друзья;
Скончалась красавица—дочка моя.—
Въ свѣтлицѣ свѣча предъ иконой горитъ:
Въ свѣтлицѣ красавица въ гробѣ лежитъ.
И первый, поднявши покровъ гробовой,
На мертвую смотритъ съ унылой душой.
„Ахъ, еслибъ на свѣтѣ еще ты жила,
Ты мною-бъ отнынѣ любима была!“
Другой покрывало опять наложилъ,
И горько заплакалъ, и взоръ опустилъ.
„Ахъ, милая, милая, ты-ль умерла?
Ты мною такъ долго любима была!“
Но третій опять покрывало поднялъ
И мертвую въ блѣдны уста цѣловалъ.
„Тебя я любилъ; мнѣ тебя не забыть;
Тебя я и въ вѣчности буду любить“.

В. Жуковскій.

Весенній покой.

Изъ Уланда.

Ахъ! не кладите въ могилу меня
Въ ясное утро весенняго дня!
Если меня схоронить захотите,
Лучше въ густую траву положите.
Любо въ травѣ и въ цвѣтахъ мнѣ лежать:
Издали будетъ свирѣль мнѣ звучать,
А въ вышинѣ будутъ плыть надо мною
Майскія тучки прозрачной грядою.

М. М.

„Тихо все“.

Тихо все...

Утомяся тяжелой борьбой,
Успокоилось грозное море;
И надъ нимъ кое-гдѣ въ вышинѣ голубой
Разбрелись облака на просторѣ.

А весеннее солнце потокомъ лучей
Озаряетъ морскую пучину,
Будто хочетъ горячею лаской своей
Разогнать его злую кручину.

Тихо все...

Убаюканъ весь міръ тишиной;
Взоръ въ лазури ликующей тонетъ...
И надъ взморьемъ, купаясь въ выси голубой,
Чайка бѣлая жалобно стонетъ.

Г. Мокринскій.

М а т ь.

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я заплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачи людской.
Меня окружало довольство... Лишеній
Не зналъ я, зато и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отраднѣхъ моленій
Никто надъ корваткой моею не шепталъ.
Я росъ одиноко, я росъ позабытымъ
Пугливымъ ребенкомъ, угрюмый, больной,
Съ умомъ не по-дѣтски печально развитымъ,
И съ чуткой, болѣзненно чуткой душой.
И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣтать!..

Ночь... Въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!..
Чу! шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй“, и чьи-то объятія
Кольцомъ обвились вокругъ шеи моею...
„Ты здѣсь, ты со мной, о, моя дорогая,
О, милая мама!.. Ты снова пришла...
Какіе жъ дары изъ далекаго рая
Ты бѣдному сыну съ собою принесла?
Какъ въ прошлыя ночи взяла ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разкажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И синихъ струяхъ еиміама святого,
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей?
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ

И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?...
Сегодня, родная, я стою награды:
Сегодня... о, какъ ненавижу я ихъ,—
Опять они сердце мое безъ пощады
Измучили злобой упрековъ своихъ...
Скорѣй же, скорѣй!..“

И подъ тихія ласки,
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкала утомленныя глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!...

С. Надсонъ.

ЖИЗНЬ НОЧИ.

Вѣтъ истомой...

Сѣно лежитъ на волшебнo-туманныхъ лугахъ...
Тропинокъ изломы
Съ лукавостью нѣжной играютъ въ серьгахъ-свѣт-
лякахъ...

Мѣрныя стоны

Птицы неспящей несутся съ уснувшихъ полей,
А сада газоны
Обрызганы искрами яркихъ, душистыхъ огней...

Кто-то срываетъ

Звѣзды, заткавшія видимой вѣчности грудь,
Звѣзду посылаетъ

Въ таинственно-скрытый и тѣнями призрачный
путь.

Взоромъ ласкаю

Миръ наслажденій, трепещущій здѣсь предо мной...
Чуть внятно вздыхаю
О мирѣ забвеній. струящемся звѣздной волной...

Любовь Столица.

Ч у д о в и щ а.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоягъ чудовища, незримыя людьми:

Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь на-
деждѣ.

И всѣ мы съ первыхъ дней, вступая въ старый
домъ,

Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ, какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи
И гдѣ-то вдаль шумятъ за чаемъ рѣчи,
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ дав-
нихъ поръ,

Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью въ квартирѣ, тупо спящей,
Блуждаютъ, властныя, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

Валерій Брюсовъ.

НИКОЛАЙ СТРЕЛЕНАУ [ЛЕНАУ].

ПѢСНИ О ТРОСТНИКѢ.

Изъ Ленау.

I.

Въ даль съ прощальною улыбкой
Уплываетъ солнца ликъ.
Заглядѣлся съ дрожью зыбкой
Въ волны озера тростникъ.

Грусть мучительной разлуки
Я оплакалъ, милый другъ.
Отголоскомъ тихой муки
Шелестъ слышится вокругъ.

Загляни, успокоенье,
Въ глубь души моей съ высотъ,
Какъ заката отраженье
Въ чистомъ лонѣ сонныхъ водъ!

Я покинулъ лѣсъ тѣнистый,
Вышелъ къ озеру тропой.
Вновь блеститъ твой образъ чистый
На закатѣ предо мной.

Тьма легла въ лѣсу зеленомъ,
И тростникъ унылый мнѣ
Тихо шепчетъ съ грустнымъ звономъ:
„Плачь, несчастный, въ тишинѣ“,

Голосъ твой звучитъ мнѣ ясно
Нѣжной грустью вдаль
И въ отвѣтъ ему согласно
Плещутъ волны въ тростникѣ.

Евгеній Чернобаевъ.

* * *

Изъ Ленау.

Солнечный закатъ;
Черны облака,
Вѣтры прочь летятъ,
Душно, и тоска.
Молній огневыхъ
Борозды бѣгутъ;
Быстрый образъ ихъ
Озаряетъ прудъ.
Мнится—ты со мной,
Въ четкости зарницъ
Волосы—волной,
Взоры—взмахи птицъ.

Н. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ Ленау.

На пруду, гдѣ тишь нѣмая,
Медлитъ мѣсяцъ мглой лучей,
Розы блѣдныя вплетая
Въ зелень стройныхъ камышей.

На холмѣ блуждаютъ лани,
Въ ночь глядитъ ихъ чуткій взглядъ;
Крылья вдругъ всплеснутъ въ туманѣ,
Шевельнутся, замолчатъ.

Взоръ склонилъ я, въ немъ страданье,
Всею душевной глубиной—
О тебѣ мое мечтанье,
Какъ молитва въ часъ ночной.

К. Д. Бальмонтъ.

Картинны вечера.

Изъ Ленау.

I.

Вечеръ спокойный склонился надъ мирной равни-
ной,
Кротко дремлетъ природа, и тихо надъ нею
Сумерокъ нѣжныхъ паритъ покрывало. Природа
Грезитъ съ улыбкой,

Точно дитя на рукахъ у отца засыпая.
Полный любви Онъ склоняется къ ней и священный
Взглядъ его медлитъ на ней,—и въ лицо ей неслышно
Вѣетъ дыханье.

Лѣсъ умъ утихаетъ; птички, качаясь,
Ишутъ вѣтви гибкой, чтобъ съ блескомъ утра
Снова улетѣлъ имъ, вспрохнувши новымъ
Пѣснямъ навстрѣчу.

Скоро солнце сядетъ. Гиганты лѣса
Поднимаютъ вѣтви выше на воздухъ—
Розами заката хоть на мгновенье
Кудри украсить.

И лужайка дремлетъ. Изрѣдка только
Звякнетъ бубенцами сытое стадо,
Шевелясь тихонько, вяло срывая
Темную зелень.

Взоромъ провожаетъ пастырь невинный
Солнце золотое; падаютъ на земь
И свирѣль, и посохъ,—руки воздѣты
Къ тихой молитвѣ.

Юрій Верховскій.

* * *

Я васъ люблю. Торжественно и пышно
Въ своей душѣ вершу любви обрядъ...
И лишь для васъ все видно и все слышно,
И пѣсни льются, и огни горятъ...

Моя любовь—молитва передъ Богомъ
Я не прошу, не жажду, не скорблю...
Мечты и скорбь остались за порогомъ...
Я все забылъ... И только васъ люблю...

Сергій Рафаловичъ.

К а ч е л и .

I.

Въ лунномъ блескѣ стынуть ели, околдованныя
снами.
Какъ летять мои качели между темными столбами!
Точно въ высь меня уносятъ чьи-то радостныя
крылья,
Точно таетъ, исчезаетъ сумракъ прежняго без-
силья!
Пусть изъ роши льются пѣсни, — я душой имъ не
отвѣчу:
Съ дивной пѣсней про свободу мчится вѣтеръ мнѣ
навстрѣчу!
Пусть, обрызганы росой, грезять розы, иммортели, —
Выше! выше надъ землею взвейтесь, легкія качели!
Чу! Звѣзда стрѣлой упала... Меркнетъ слѣдъ ея
сіянья.
О, звѣзда! Я загадала въ мигъ волшебный поже-
ланья:
Не сули земную ласку, не пророчь о пышной долѣ, —
Ты властнѣй! — пошли мнѣ сказку, сказку въ звѣзд-
номъ ореолѣ!

II.

Я въ тихую полночь качаюсь,
Качаюсь на легкой доскѣ,
Я къ соннымъ вѣтвямъ поднимаюсь,
А звѣзды глядятъ вдаль.
Долины свѣтлы и туманны,
И призрачна зелень березъ;
Неясные звуки такъ странны,
Какъ шорохъ роняемыхъ слезъ.
Въ истомѣ волшебной и сладкой
Земля отдалась забытью
И нѣжить, и мучить загадкой
Безгласную душу мою.
Растутъ непонятныя чары,
Полночная тайна растеть, —

И въ сердцѣ все громче удары,
Все выше свободный полетъ.
И кто-то несется все ближе,
Но взоромъ его не найти...
И кто-то мнѣ шепчетъ: „Лети же!
Душой неустанно лети,
И вѣруй, пока ты летаешь
Въ глубокомъ молчаньи чудесь,
Что все на землѣ разгадаешь,
Когда долетишь до небесъ!“

III.

Что будетъ завтра—я не знаю,
О прошломъ я не вспоминаю,
Былой тоски не растравлю;
Сегодня я благословляю,
Надѣюсь, вѣрю и люблю!
Въ моей душѣ, какъ звонъ свирѣли,
Мечтанья свѣтлыя запѣли,
Смѣется молодость во мнѣ.
Несутъ, несутъ няня качели
Къ замороженной вышинѣ!
И звѣзды свѣтятъ безмятежно
Огнемъ росы, упавшей нѣжно,
Съ цвѣтовъ заоблачныхъ полей,
Слезами радости безбрежной,
Слезами ангельскихъ очей!

М. Пожарова.

Эмануиль Гейбель.

Д а н т е.

Изъ Гейбеля.

По улицамъ тихой Вероны, печально чуждаясь
людей,
Шель Данте, поэтъ флорентинскій, изгнанникъ от-
чизны своей.

Двѣ дѣвушки робко вперили съ сурового странника
взоръ;
Проходитъ онъ тихо и слышитъ таинственный ихъ
разговоръ:

„Сестра, это Данте, тотъ самый... ты знаешь... спу-
скавшійся въ адъ...
Смотри, какъ печалью и гнѣвомъ его омрачается
взглядъ!

„Какъ видно, онъ вещи такія увидѣлъ въ тѣхъ
страшныхъ мѣстахъ,

Что больше не может улыбка играть у него на
устахъ“.

Но Данте ее прерываетъ: „Чтобъ смѣхъ позабыть
навсегда,
Дитя мое, вовсе не нужно за этимъ спускаться
туда.

„Все горе, воспѣтое мною, всѣ муки, всѣ язвы стра-
стей
Давно ужъ нашель на землѣ я, нашель я въ отчиз-
нѣ моей!“

П. Вейнбергъ.

Греза пловца.

Изъ М. Арндта.

Буря воетъ, волны въ морѣ такъ и ходятъ ходу-
номъ.
Стрѣлы молніи летаютъ грозно въ воздухѣ ноч-
номъ.
Старый кормчій сладко дремлетъ на скамейкѣ чел-
нока:
Эти бури, эти молнии не смущаютъ старика.
Чѣмъ сильнѣй кидаетъ вѣтеръ къверху, къ низу
утлый челнъ,
Тѣмъ пловцу отраднѣй спится подь сердитый ро-
потъ волнъ.
Передъ нимъ толпятся грезы; ихъ живой и свѣт-
лый рой
Тѣшитъ сердце, грѣетъ душу прихотливою игрой.
Вотъ встаетъ изъ океана, свѣтомъ солнечнымъ об-
литель,
Островокъ; ковромъ зеленымъ и цвѣтами онъ по-
крытъ;

Вся природа нарядилась, какъ невѣста подь вѣнецъ;
Хоръ волшебнo-чудныхъ звуковъ слышитъ въ воз-
духѣ пловець.

„Здѣсь“, кричитъ онъ, „бросимъ якорь, здѣсь при-
чалимте, друзья!

Здравствуй, берегъ, здравствуй, пристань вождельн-
ная моя!

Здравствуй, солнце золотое и небесная лазурь!
О, какъ сладко, безмятежно здѣсь засну я послѣ
бурь!“

Вдругъ какъ-будто-бы пожаромъ озарилась ночи
мгла,

Съ неба огненнаго грозно въ челнѣ ударила стрѣла—
И чрезъ нѣсколько мгновеній вдоль прибрежныхъ
дикихъ скалъ

Только трупы и обломки океанъ сердитый мчалъ.
И до пристани желанной онъ домчалъ ихъ на-
онецъ...

Исполненье сладкой грезы ты дождался, мой пло-
вецъ!

Вотъ и солнце золотое, вотъ и свѣтлая лазурь —
Спи жъ теперь невозмутимо, спи, счастливецъ, пос-
лѣ бурь!

П. Вейнбергъ.

С О Н Ъ.

Изъ Уланда

Васнувъ на холмѣ луговомъ
Вблизи большой дороги,
Я унесенъ былъ легкимъ сномъ
Туда, гдѣ жили боги.

Но я проснулся наконецъ—
И смутно озирался:

Дорогой шелъ молодой пѣвецъ
И съ пѣньемъ удалялся.

Вдали пропалъ за рощей онъ,
Но струны все звенѣли.
Ахъ! не онъ ли дивный сонъ
Мнѣ на душу напѣли?

В. Жуковскій.

Г р е з ы.

Кто ходить, кто бродить за прудомъ въ тѣни?...
Сѣдые туманы вздыхаютъ.

Цвѣты, вспоминая минувшіе дни,
Холодныя слезы роняютъ.

О, сердце больное, забудься, усни...
Надъ прудомъ туманы вздыхаютъ.

Кто ходить, кто бродить на той сторонѣ
За тихой, зеркальной равниной?..

Кто плачетъ такъ горько при блѣдной лунѣ,
Кто руки ломаетъ съ кручиной?

Нѣтъ, нѣтъ... Вѣтерокъ пробѣжалъ въ полуснѣ...
Нѣтъ... Стелется паръ надъ трясинной...

О, сердце больное, забудься, усни...
Тамъ нѣтъ никого... Это—грезы...

Цвѣты, вспоминая минувшіе дни,
Роняютъ холодныя слезы...

И только въ свинцовыхъ туманахъ онъ—
Грядущія темныя грозы...

Андрей Бѣлый.

КОВЫЛЬ.

Весной на волѣ цвѣлъ ковыль,
Вблизи журчалъ потокъ,
Шепталъ таинственную быль
Залетный вѣтерокъ.

Любилъ ковыль небесъ лазурь,
Просторъ и солнца блескъ,
Любилъ могучій грохотъ бурь,
Волны студеной плескъ.

Любилъ онъ вешній первый громъ
Въ проснувшемся лѣсу,
Ручей, сверкавшій серебромъ
И радуги красу.

Но вотъ сгустились облака;
Пригнувъ къ землѣ ковыль,
Пронесся вихрь издалика
И за клубилась пыль.

Она зловѣщей тучей шла,
Отвѣсною стѣной,
И вмигъ ея густая мгла
Затмила свѣтъ дневной.

Покрыла пыль, какъ мертвый слой,
Просторъ полей и нивъ,
Живое все своею мглой
Отъ солнца заслонивъ.

Когда же молнія, какъ лучъ,
Прорѣжетъ небеса,
И хлынетъ дождь изъ темныхъ тучъ
На землю, какъ роса?

Гроза весенняя, разсѣй
Мертвящій, душный гнетъ,
Пускай природа грудью всей
Свободнѣе вздохнетъ!

Пусть смоесть влагой дождевой
Удушливую пыль
И вновь изъ праха головой
Подыметса ковыль.

О. Н. Чюмина (Михайлова.)

* * *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастья любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи больного забытья,
Въ унынїи разврата и бездѣлья,—
Нѣтъ, други, нѣтъ,—такъ дольше жить нельзя!

Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца просить,
Усталый духъ алкаетъ Божества.

Но не прозрѣтъ намъ сквозь туманы,
Но не найти намъ Бога въ дольнѣй тьмѣ,—
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ, въ оковахъ и тюремѣ.

Поблекшихъ дней влачится вереница
Въ безплодіи ненужныхъ дѣлъ и словъ,
И съ каждымъ днемъ мрачнѣе та темница,
Тяжеле гнетъ тѣхъ ледяныхъ оковъ.

Не вѣетъ въ міръ весны живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дольше жить нельзя!

А. А. Голенищевъ-Нутузовъ.

ГЕОРГЪ ГЕРВЕГЪ.

Разлука съ жизнью.

Изъ Гервега.

Отраднo умереть, подобно блеску дня,
Въ багряномъ зеркалѣ залива;
Какъ блѣдная звѣзда, къ землѣ лучи склоня,
Угаснуть тихо, молчаливо.

Отраднo умереть, какъ свѣтлая роса
Отъ жара сохнетъ надъ листьями;
Исчезнуть, какъ пѣвицъ крылатыхъ голоса,
Какъ звуки арфы подъ перстами.

Отраднo умереть, какъ въ воздухѣ полей,
Цвѣтовъ уносится куренье,
Когда летитъ она изъ вѣнчиковъ лилей,
Какъ еиміамъ благодаренья.

Но нѣтъ, не будетъ смерть избранниковъ легка,
Тиха, какъ запада мерцанье!

Нѣтъ, не исчезнешь ты какъ аромать цвѣтка
И струнъ минутое бряцанья!

Нѣтъ, ты пройдешь надъ міромъ безъ слѣда;
Но прежде скорбь твою разрушить силу,
И сердце разобьетъ на части—и тогда
Сойдешь ты, мученикъ, въ могилу.

И. Крешевъ.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Изъ Ленау.

Спитъ воздухъ, скованный морозными цѣпями;
Снѣгъ у меня хруститъ зловѣще подъ ногами;
Дыханіе мое клубится паромъ; ледъ
На мнѣ, вокругъ меня. Впередъ, смѣлѣй впередъ!

Какое страшное, могильное молчанье!
На ели старья луна струитъ сіянье,
И, жаждою томясь забыться въ вѣчномъ снѣ,
Вѣтвями внизъ къ землѣ склоняются онѣ.

Зима, пройди мнѣ въ грудь и тамъ, безъ сожа-
лѣнья,

Навѣки заморозь всѣ дикія волненья,
Всѣ страсти бурныя, чтобъ и въ душѣ моей
Все умерло, какъ здѣсь, среди глухихъ полей.

П. Вейнбергъ.

Островъ самоубійцъ.

Не знаю—на звѣздахъ, не знаю—на небѣ,
Быть можетъ, въ Персеѣ, въ туманныхъ клубкахъ,
Иль можетъ, въ подземномъ и темномъ Эребѣ,
Есть сумрачный островъ въ безвѣстныхъ волнахъ.

Изъ крови запекшейся слитыя скалы
Багрянымъ пожаромъ горятъ, какъ хрусталь,
Багровые въ море роняютъ обвалы
И искрами мечутъ въ туманную даль.

Вся кровь, что дымящимъ потокомъ струилась
Во время убійствъ, истязаній, борьбы,
Безмысленныхъ пытокъ—здѣсь вся превратилась
Въ базальты, кристаллы, тумановъ клубы.

Надъ островомъ мчатся кровавыя тучи
И все одѣваютъ пурпурнымъ дождемъ,
Платаны и пальмы у сумрачной кручи
Колышутся краснымъ, подвижнымъ шатромъ.

Когда же огромное солнце садится,
И оба пожара померкнутъ во мглѣ,
Безумная, новая жизнь народится
На островѣ мрачномъ, на дикой скалѣ.

Изъ блѣдныхъ разсѣлинъ, какъ гады, какъ змѣи,
Ползетъ невеселый, нѣмой хороводъ,
И вновь оживаютъ пустыя аллеи
И сумракъ покинутыхъ водъ.

Офелія тихо качается въ морѣ,
Съ поблекшимъ вѣнкомъ на кудряхъ,
Съ вопросомъ въ улыбкѣ, съ безумьемъ во взорѣ,
Съ подаркомъ Гамлета въ рукахъ.

Морскія растенья стыдливымъ покровомъ
Прикрыли ея наготу.
А язвы отекомъ багряно-лиловымъ
Разрушили всю красоту.

Лицо пожелтѣло, ослаблились скулы,
И очи въ орбиту вдались,
Піявки, медузы, морскія акулы,
Какъ гарпіи, въ тѣло впились.

Верхушки валовъ въ серебрѣ, въ изумрудѣ
Мелькаютъ, какъ снѣгъ, какъ парча,
И бьются о вспухшія, сизыя груди,
Зловѣще рѣзвясъ и стуча.

Въ печальномъ болотѣ, въ заросшей долинѣ,
Гдѣ скорбно осока гудить,
На трепетно-блѣдной, дрожащей осинѣ
Предатель Іуда висить.

Осина трепешетъ, какъ будто бы ноя,
Вздыхаетъ о горькой судьбѣ,
О шалостяхъ вѣтра, о тяжести зноя,
О жизни, о вѣчной борьбѣ.

Вдругъ вѣтеръ завылъ. Такъ архангела трубы
Завоютъ въ назначенный мигъ,
И вторятъ ему посинѣвшія губы
И длинный изсохшій языкъ.

Бормочетъ Іуда зловѣще, но внятно,
Сквозь сонъ проклиная Христа,
А ночь неподвижна, а даль необятна,
Долина темна и пуста.

Вонъ Вертеръ гуляетъ, больной, изможденный,
Шатаясь въ полуночной мглѣ,
Свинцовою пулей навѣки пронзенный,
Съ кровавымъ пятномъ на челѣ.

Онъ хочетъ зажать свою блѣдную рану,
Унять эту липкую кровь.
Напрасно. Навстрѣчу ночному туману
Она заструилася вновь.

Глаза его плачутъ слезами и кровью,
Кривая усмѣшка у рта,
А онъ все томится былою любовью,
И въ сердцѣ былая мечта.

Плѣнительный жественный призракъ Шарлотты
Витаеть во мглѣ голубой,
Въ душѣ воскресаютъ печаль и заботы,
Тревожить могильный покой.

Онъ къ ней простираеть кровавыя руки,
Чтобъ къ ней прикоснуться хоть разъ,
Въ безсильномъ томленьи предутренней скуки
Въ томленья предутренней часъ.

Межъ дѣвственныхъ лилій, на бархатномъ ложѣ
Лежить Клеопатра мертва.
Какъ черный агатъ въ перламутровой кожѣ
Зіяеть змѣи голова.

Избавиль царицу отъ жизни позорной
Единственный искренній другъ
Мгновеннымъ укусомъ. На ткани узорной
Красавицѣ грезится вдругъ:

Какой-то любовникъ въ нѣмомъ изступленьи
Ей пышную грудь изорвалъ,
Въ безсвязномъ бреду, въ неземномъ упоеньи
Ее цѣловалъ и кусалъ.

Такъ гдѣ жъ справедливость? Тюремщикъ-природа
Гноить насъ въ подземной тюрьмѣ,
А мы не узнаемъ, что значить свобода,
Живя въ этой пагубной тѣмѣ.

Когда же изъ этой тюрьмы добровольно
Захочетъ уйти человекъ,
Она такъ жестоко, позорно и больно
Караеть его за побѣгъ.

Пусть жизнь на землѣ вся—миражъ непонятный,
Но даже и смерть намъ страшна.
Быть можетъ, она лишь кошмаръ необъятный,
А вовсе не радости сна.

Н. Васильевъ.

ЛѢТОМЪ.

Жосятся стрекозы бирюзовыя
Надъ водой неслышными роями;
Осыпая гладь рѣчную блесками,
Солнце жжетъ отвѣсными лучами.

И лоза и камыши прибрежные
Чуть шуршатъ, надъ влагою склоняясь;
Сталь стѣной—и дремлетъ лѣсъ развѣсистый,
Въ зеркалѣ недвижимомъ отражаясь.

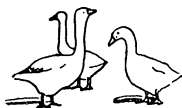
За рѣкой желтѣетъ нива спѣлая,
Шепчутся колосья наливные;
Вдалекѣ дымокъ чуть водной струйкою
Въ небеса уходитъ голубыя.

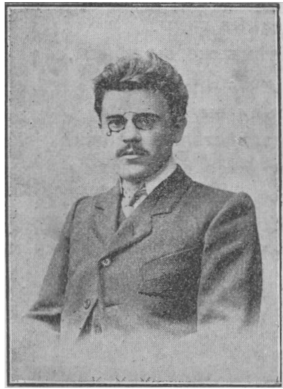
Тихо все. Лишь рыбка серебристая
Вдругъ плеснетъ—и вновь исчезнетъ въ глуби.
Пчелъ прилежныхъ рой жужжитъ надъ липами
И воркуетъ горлица на дубѣ.

Лишь порой всколышетъ рѣчку сонную
Вѣтерокъ, ласкающій и тихій—
И въ лицо повѣетъ неожиданно
Ароматъ полыни и гречихи.

И слилась душа, забывъ волненія,
Съ тѣмъ покоемъ царственной природы;
Отъ земли, какъ струйка дыму легкаго,
Мысль уходитъ въ голубые своды...

В. Л. Величко.

Артистъ И. М. Москвинъ.

Тоска.

Бывають минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій...
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и миллионамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное „я“,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во тьмѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горкое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго свода
Теряютъ въ то время сіянье въ очахъ
Несчастливаго сына природы.

Тоска роковая, убійца-тоска
Надъ нимъ тяготѣеть, какъ мраморъ могилы,
И губить холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.

Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣсти?

.
.

А. И. Полежаевъ.

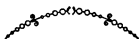
* * *

Вашъ я буду пѣвецъ, изможденныя руки,
Къ вамъ приду я на страстный вашъ зовъ;
Съ вами выпью страданье, чтобъ новые звуки,
Пламенья отъ жгучести выпитой муки,
Пѣли ненависть къ звону оковъ.

Вашъ я буду пѣвецъ, крикомъ вашего горя
Я всѣ пѣсни мои напою.
И живому прибою возставшаго моря
Съ беззавѣтной и страстною вѣрою вторя,
Буду пѣть я отвагу въ бою.

Вашъ я буду пѣвецъ... Вспыхнетъ солнце сквозь тучи
Засіяютъ безстрастно знамена въ рукахъ,
Рухнутъ рабства оковы, твердыни и кручи...
И свободному брату рой свѣтлыхъ созвучій
Я тогда пропою о свободныхъ сердцахъ.

Билитъ.

Кровавая роза.

Въ осадѣ Іоркѣ... И громъ, и пламя...
Бой съ „Алой Розой“—страшный бой!
Но Бѣлой, Іорской, розы знамя
Еще трепещетъ надъ стѣной.

Все ближе врагъ... Его угрозы
Слабѣй противится боецъ...
Конецъ прекрасной „Бѣлой Розы“,
Ея защитникамъ—конецъ!

Въ покоѣ дальнемъ, тихо лежа,
Забылся рыцарь, весь въ огнѣ;
Шлемъ съ бѣлой розою у ложа,
И щитъ и панцырь на стѣнѣ.

Ловя его несвязный лепетъ,
Графиня юная надъ нимъ,
Вся—состраданіе и трепетъ,
Челомъ поникла молодымъ...

Вдругъ—„Замокъ взять!“ зловѣщимъ крикомъ
Звучить у входа...„Замокъ взять!..“
Глаза графини въ страхѣ дикомъ
На розу рыцаря глядятъ..

„Нашъ бѣлый цвѣтъ! Клянусь святыми!
Что дѣлать мнѣ? Погибъ больной!..
А роза Іорская предъ ними
Все ярче блещетъ бѣлизной!..

Уже въ сосѣднемъ коридорѣ
Шаги, тяжелые шаги...
Дрожа, съ отчаяньемъ во взорѣ,
Графиня шепчетъ: „А, враги!

„Кинжалъ! Кинжалъ! Зови къ отвѣту
„Зови меня, Спаситель мой;
„Одинъ ударъ—и розу эту
„Окрашу кровью молодой!..

Движенье... крикъ... и кровь каскадомъ...
Румянцемъ розу обожгло,—

И забѣлѣло съ нею рядомъ
Графини мертвое чело...

Но сколько крику, стону, грому!
Враги вошли... И, сжавъ палашъ,
Ланкастеръ самъ идетъ къ больному—
Взглянулъ на розу... „Это нашъ!..“

В. П. Лебедевъ.

*
*

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Дорога, подъ луной бѣла,
Казалось, наполнилась шагами,
Тамъ только чья-то тѣнь брела
И опустилась за холмами.

И слушалъ я—и услышалъ:
Среди дрожащихъ лунныхъ пятенъ
Далеко, звонко конь скакалъ,
И легкій посвистъ былъ понятенъ.

Не здѣсь, а дальше—ровный звукъ,
И сердце медленно боролось.
О, какъ понять, откуда стукъ,
Откуда будетъ слышенъ голосъ?

И вотъ, слышнѣе звонъ копытъ,
И бѣлый конь ко мнѣ несется..
И стало ясно, кто молчить
И на пустомъ сѣдлѣ смѣется.

Я вышелъ въ ночь—узнать, понять
Далекій шорохъ, близкій ропотъ,
Несуществующихъ принять,
Повѣрить въ мнимый конскій топотъ.

Александръ Блокъ.

С Т Ъ Н Ы.

Стѣны, стѣны кругомъ—сотни, тысячи стѣнъ...
Будто склепъ, ими міръ окружень.
И въ нихъ гаснетъ порывъ, и могучій призывъ,
И больной, и томительный стонъ.
И напрасно въ душѣ загорается вновь
Жажда счастья безумныхъ отрадь...
Сумракъ злобно гнететь; кровь по каплѣ онъ пьетъ —
И вся жизнь, какъ нѣмой казематъ.
И безсилье, и скорбь точно камень легли
На усталую, бѣдную грудь.
Духи мрака плывутъ, пѣсни злобы поютъ,
Не давая на мигъ отдохнуть.
И не видно конца этимъ скорбнымъ годамъ,
Этой жизни безъ свѣта, безъ грезъ...
А на сердцѣ печаль: сердце рвется такъ въ даль,
Въ даль, гдѣ нѣтъ ни страданій, ни слезъ.
Сердце рвется туда, гдѣ плыветъ ароматъ
Отъ душистыхъ кудрей и цвѣтовъ,
Гдѣ любовь и мечты, свѣтлый храмъ красоты,
Свѣтлый міръ вдохновенья и сновъ!

Николай Бернеръ.

При лунномъ свѣтѣ.

Когда засыпаетъ весь міръ и надъ міромъ
сверкаетъ луна,—въ молчаніи рощъ, золоти-
стыхъ и темныхъ, и вѣтся, и льется мольба со-
ловья. Онъ молить, онъ плачетъ о грезѣ забытой—
о грезѣ любви...

И льются при свѣтѣ лучей серебристыхъ ви-
дѣнья и сны.

И сны раздвигаются свѣтлой толпою надъ тем-

ной землей, склоняются тихо они къ изголовью заснувшихъ людей. Слова ихъ скользятъ, какъ мелодія плеска играющихъ волнь...

Они утѣшаютъ больного въ постели, забывшагося въ полуснѣ, они разгоняютъ мечты молодя въ сердцахъ...

Вотъ склоняются сны къ одному изголовью, къ головѣ молодой. Лобъ горитъ, и жемчужныя капельки пота стекаютъ по лбу изъ-подъ пряди густой. Рѣсницы дрожатъ, губы раскрыты и тихо лепечутъ слова:

— Никакихъ идеаловъ на свѣтѣ не стало. Состраданіе одно... Человѣчество стонетъ, больное человѣчество жалкое дрожитъ... И ему помогать, ему жизнь отдавать... Идеаловъ на свѣтѣ не стало.

И смѣются безшумно волшебные сны, колыхаясь подъ вѣтвью сирени. И чело лучезарное тихо они наклоняютъ надъ сонной постелью. И ихъ шопоть скользитъ, какъ безшумный полетъ насѣкомыхъ ночныхъ, какъ движеніе цвѣтка подъ луной,— и скользитъ. и скользитъ, и скользитъ...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда. Поднимай свою голову смѣло—смотри вверхъ. Смотри вверхъ! Бродятъ тамъ идеалы великіе... Ихъ учись понимать, ихъ учись уважать, наполняй ими сердце широко... Идеалы даютъ людямъ жизнь, поднимаютъ высоко.

— И все тверже шаги, все сильнѣй голова, все могучѣй и жизненнѣй сердце у людей, поднимающихъ головы вверхъ, у людей, не боящихся солнца...

— Состраданіе... это мечта, а мечтамъ ты не вѣрь никогда.

Мирэ.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ.

ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Изъ Д. Леопарди.

Тиха, свѣтла безвѣтренная ночь.
Луна плыветъ надъ темными садами,
И въ голубомъ сіяньи выступаютъ
Далекихъ горъ вершины. Городокъ
Покойно спитъ. Кой-гдѣ еще мерцаетъ
Изъ-за деревьевъ рѣдкій огонекъ,
Но мракъ аллея безмолвенъ... Дорогая,
И ты уснула! Сонъ къ тебѣ слетѣлъ
Безъ горечи, безъ пасмурной тревоги.
А я тобой глубоко въ сердце раненъ!
Здѣсь, у окна, одинъ, ночному небу,
Сіяющему ласкою притворной,
Я шлю привѣтъ! Великая Природа—
Благодарю! Ты муки мнѣ дала
И молвила: „Живи! Но я лишаю
Тебя надеждъ. И знай: въ твоихъ очахъ
Не заблеститъ огонь... однѣ лишь слезы!“

Сегодня былъ веселый, шумный праздникъ.
Еще теперь,—быть можетъ, и во снѣ,—
Ты вспоминаешь о веселыхъ людяхъ,
Объ ихъ рѣчахъ... Увы,—не обо мнѣ!
Надежды нѣтъ, я знаю. Что же съ грустью
Я думаю о томъ, какъ мало мнѣ
Осталось жить, и какъ темно былое...
Зачѣмъ я сталъ сердиться и роптать`
—Ужасная, мучительная юность!

Вотъ, слышу я, поетъ невдалекѣ
На улицѣ рабочей, возвращаясь
Подъ свой убогій, одинокій кровъ,
Должно быть, съ поздней дружеской пирушки.
И странно грудь сжимается отъ боли:
Какъ быстро все проходитъ на землѣ!
Вотъ и желанный праздникъ промелькнулъ,
А тамъ пройдутъ и будни... Все исчезнетъ,
Все безъ слѣда умчится въ глубь времени!

Гдѣ слава предковъ нашихъ величавыхъ?

Гдѣ доблесть Рима, громъ его побѣдъ?

Отъ нихъ стонали и моря и земли!

А нынѣ—тихо; мѣръ о нихъ молчитъ!

Все онѣмѣло, все давно забыто...

Я помню, въ дѣтствѣ—праздника, бывало,
Задолго ждешь... Но праздникъ, пролетитъ—
И не уснешь потомъ отъ огорченья!

Такъ поздней ночью, уличная пѣсня,
Все удаляясь, глухо замирая,
Щемила мнѣ какимъ-то горемъ сердце.

Ив. Тхоржевскій.

КЪ ВЕСНѢ.

(О старыхъ легендахъ.)

изъ Д. Леопарди.

Ⓢ пять лучами солнца
Лазурь обновлена.
Чуть вѣетъ вольный вѣтеръ,
Но дымный пологъ тучъ
Уже разорванъ въ клочья.
Играя съ вѣтеркомъ,
Летятъ безпечно пчашки,
И юной страстью блещетъ
Помолодѣвшій день!
Снѣгъ таетъ. Въ чащѣ лѣса
Опьянены и звѣри
Весенней лаской солнца...
Блеснетъ ли радость жизни
Намъ, истомленнымъ людямъ?
Мы сдавлены тоской,
Убиты Правдой черной...
О, навсегда ль для насъ
Покрылось тьмою солнце
Иль ласковымъ тепломъ
Весна еще повѣетъ
На ледяное сердце?

Въ него закралась горечь слишкомъ рано,
Въ немъ дышетъ старость холодомъ обмана...

Жива ли ты, святая мать Привода?
Жива ли ты? И твой ли намъ звучитъ
Призывъ далекій—лаской позабытой?
Въ стекло твоихъ ключей
Смотрѣлись беззаботно
Бѣлѣющія нимфы;
Верхи твоихъ лѣсовъ
Когда-то колыхали
Веселой пляской боги
(Теперь—ихъ клонить вѣтеръ);
И въ полдень, у ручья,

Заросшаго цвѣтами,
Пастухъ поиль ягнать
И слушалъ, какъ далеко
Звенѣли, разносились
И смѣхъ, и пѣсни Пана...
Чуть пѣвилась волна—
И думалъ онъ: Діана,
Невидима очамъ,
Сошла въ ручей хрустальный—
Свой бѣлоснѣжный станъ
И дѣвственныя руки
Омытъ отъ пыли, жаркой и кровавой,
Утомлена воинственной забавой...

Когда-то были живы
Цвѣты, луга и рощи;
Насъ понимали тучки,
Живые вѣтерки
И факель вѣчный—Солнце.
Сверкала въ небесахъ
Надъ спящими холмами
Звѣзда Киприды нѣжной,
И путникъ одинокій
Слѣдя за ней очами,
Бодрѣ шелъ впередъ:
Въ ней—вѣрилъ онъ богинѣ!
—Кто убѣгалъ отъ злобы,
Отъ бѣшенной тревоги
Безстыдныхъ городовъ,
Тотъ шелъ въ лѣсную чашу:
Тамъ ясно видѣлъ онъ,
Какъ по безконечнымъ жиламъ
Скользятъ живое пламя,
Какъ чутко дышать листья,
И грустная Филлида
Дрожитъ въ объятяхъ Дафна;
Какъ безутѣшно плачутъ
О томъ, кто Солнцемъ сброшенъ былъ надменно
Въ глубь Эридана, дочери Климены...

На ропотъ человѣка
И скалы отзывались:

Въ ихъ трещинахъ глубокихъ
Тогда скрывалось Эхо,—
Не вѣтра бѣглый вздохъ,
А тѣнь несчастной Нимфы,
Духъ, изгнанный изъ тѣла
Судьбой любви печальной...
Тамъ, въ пустотѣ пещеръ,
Во мракѣ трещинъ голыхъ,
Та нимфа повторяла
Всѣ наши крики, стоны,
И, вторя жизни скорбнымъ голосамъ,
Укоръ и вопль бросала небесамъ!

И ты, пѣвунья-птичка,
Съ людской бѣдою зналась:
Весной, въ лѣсу кудрявомъ
Ты долго щебетала
Вечерней тишинѣ
И дремлющему полю
О старыхъ, злыхъ обидахъ...
И, утромъ, день вставалъ,
Весь поблѣднѣвъ отъ жалости и гнѣва:
Забуть не могъ онъ грустнаго напѣва.

Теперь—и ты намъ не родная, птичка!
Не нашею печалью
Твои рыдаютъ трели;
Легенды нѣтъ былой.—
И, скрытая въ долинѣ,
Не дорога ты людямъ!
Олимпъ покинуть... Вѣчный громъ ослѣпъ—
Онъ, пролетая, страхомъ леденить
Равно и злыхъ, и праведныхъ... Отчизна
Такъ холодна, такъ безучастна къ дѣтямъ...
—Взгляни жъ, хоть ты, великая Природа,
На темныя страданья
Запуганныхъ людей;
Верни имъ искру жизни,—
Коль не мертва и ты!
О, есть ли тамъ, на небѣ, на землѣ,
Въ волнахъ морей, хоть чтонибудь живое?

И есть ли тамъ кому—не пожалѣть—
Но хотъ взглянуть на насъ, изъ любопытства?

Ив. Тхоржевскій.

КЪ самому себѣ.

Изъ Д Леопарди.

Теперь отдохнешь навсегда,
Усталое сердце мое.
Исчезъ и послѣдній обманъ,
Который я вѣчнымъ считалъ.
Исчезъ, и, я знаю, отнынѣ
Ужъ нѣтъ дорогихъ обольщеній:
Не только надежда во мнѣ,
Но даже желанье угасло.
Усни же теперь навсегда:
Довольно ты билось, о сердце!
Ужъ нѣтъ ничего, что бы было
Достойно бѣній твоихъ,
И вздохомъ не стоитъ земля.
Жизнь—горечь и скука, и только.
Міръ грязенъ. Отнынѣ умолкни,
Въ послѣдній отчаявшись разъ.
Судьба дала нашему роду
Единственный даръ: это смерть.
Отнынѣ себя презирай,
Природу, ужасную силу,
Которая въ тайнѣ царить
На гибель всеобщую,—и
Тщету безпредѣльную міра.

В. Ф. Памянъ.

Безконечность.

Изъ Д Леопарди.

Мнѣ дорогъ этотъ одинокій холмъ
И эта изгородь: она далеко
Здѣсь тянется, до края горизонта;
Сидишь и долго смотришь: тамъ, за нею,
Даль безконечна. Въ душу проникаетъ
Глубокая, нѣмая тишина,
Покой надмірный—и невольный трепеть
Смиряется. Когда же на мгновенье
Зашелеститъ вблизи кустами вѣтеръ,—
Я сравниваю бѣдный этотъ звукъ
Съ той необъятной, ровной тишиною.
И вспоминаю прошлое, и вѣчность,
И нашей жизни мимолетный шумъ...
Такъ въ безконечномъ тонетъ мысль моя.
Но сладко мнѣ исчезнуть въ этомъ морѣ!

Ив. Тхоржевскій.

Каменщикъ.

Весь день подъ огнемъ раскаленныхъ лучей
Я молотомъ звонкимъ по грудѣ камней
Горячій булыжникъ дроблю;
Потъ грязный съ лица запыленного льетъ,
Пыль острая грудь мою рѣжетъ и жжетъ,
А я все стучу, все стучу...
У пыльной дороги, на грудѣ камней
Въ могилу себя вколочу!
Какъ птицы, летятъ надо мной облака.
Лѣсъ темный синѣетъ вдали... А рука
Безъ устали молотомъ бьетъ

Пыль тонкая вьется, хруститъ на зубахъ
И душитъ... Отъ боли темнѣтъ въ глазахъ,
А я все стучу, все стучу...
На волѣ, у тихихъ зеленыхъ полей
Въ могилу себя вколочу!

А въ городѣ, тамъ цѣлый день за станкомъ
Склоняется дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ,
Подъ бѣшенный грохотъ машинъ...
Бей, молотъ мой, въ камни проклятые, бей!
Она будетъ скоро женою моею,
Я буду стучать, какъ стучу,
Стучать—и въ могилу ее и себя,
Ее и себя вколочу!

Л. Андрусонъ.

Л Ъ Т О М Ъ .

Какъ мягкій парусъ на уснувшей баркѣ,
Плакучей ивы никнуть грустно вѣтки,
И неподвижна тишина бесѣдки,—
Тяжелый полдень дремлетъ въ нашемъ паркѣ.

Не шевелится плющъ на тонкой аркѣ,
Упали въ книгу зототыя сѣтки,
Пастухъ пастушку въ кружевѣ виньетки,
Склоня колѣни, молитъ о подаркѣ.

Далеко мимо насъ проходитъ время,
Часовъ исчезло сумрачное бремя,
И прошлаго намъ сладко утомленье.

Такъ крѣпко спятъ тревожныя желанья,
И тихо нѣжить въ робости молчанья
Твоей руки къ моей прикосновенье.

Ева Розенъ.

Джузепе Кардуччи.

В О Л Ъ.

Сонетъ.

Изъ Дж. Кардуччи.

Люблю и чту тебя, о воля благочестивый,
Даруешь сердцу ты величье и покой,
Взираешь ли на лугъ и бархатныя нивы,
Торжественно ль стоишь, какъ памятникъ живой,
Иль, тихо подъ ярмомъ склонясь, неприхотливый,—
Сподрученъ пахаря работъ вѣковой.
Тебя онъ колеть, бьетъ, но, кроткій, терпѣливый,
Повель глазами ты и никнешь головой,
И изъ ноздри твоей, широкой, черной, влажной,
Дыханіе, дымясь, выходитъ и звучитъ
Мычаніе, какъ гимнъ веселый и протяжный;
И въ строгой кротости очей твоихъ блеститъ
Свѣтло отражена, божественна, пустынна,
Святымъ безмолвіемъ объята равнина.

А. Федоровъ.

На пятую годовщину битвы при Ментанѣ.

Изъ Дж. Кардуччи.

День, что каждый годъ намъ возвращаетъ
Память битвы роковой,
День Ментаны снова разсвѣтаетъ
Надъ родимую страной.
Поле вздрогнуло, въ лугахъ окрестныхъ
Клики шумные идутъ;
Изъ могилъ глубокихъ, темныхъ, тѣсныхъ
Всѣ убитые встаютъ.

Но встаютъ не страшные скелеты,—
Нѣтъ, прекрасны и статны,
Легкимъ, свѣтлымъ облакомъ одѣты,
Блескомъ звѣздъ озарены.
Воздухъ ихъ съ любовью окружаетъ,
Тихо вѣтеръ шелеститъ,
Сладко шепчетъ, нѣжитъ и ласкаетъ,
Дивной музыкой звучитъ.

Наши матери не спятъ, горюютъ,
Вспоминая сыновей;
Жены плачутъ, о мужьяхъ тоскуютъ,
Не сомкнуть всю ночь очей.
Мы же сонъ стряхаемъ безконечный,
О, родимая земля,
Чтобъ тебѣ нести привѣтъ сердечный,
Любоваться на тебя.

Дорогой, богатый плащъ, бывало,
Рыцарь радостно снималъ,
На тропинкѣ, въ грязь чтобъ не ступала.
Передъ милою бросалъ;
Такъ тебѣ, отчизна, мы бросали
Души гордыя свои,
Для тебя мы жили, умирали...
А ужъ насъ забыла ты.

Для другихъ любовь твоя сіяетъ,
Ты другимъ даешь вѣнки;

Но нашъ пылъ въ гробу не угасаетъ,
Чувства прежнія крѣпки.
И сбылось завѣтное желанье:
Возвращень Италы Римъ...
Вмѣстѣ всѣ на праздникъ, ликованье
Соберемся мы надъ нимъ!
Той порой, что тучей пролетаетъ
Мертвыхъ тихая толпа,
Долгій, странный трепеть проникаетъ
Итальянскія сердца.
Меркнетъ блескъ, и шелестъ утихаетъ,
Стройно все молчитъ вокругъ,
Квириналь одинъ лишь повторяетъ
Гуль глухой, протяжный звукъ.
Но наживы легкой и позорной
Проповѣдники-дѣльцы,
Что съ собой духъ алчности тлетворной
Въ городъ Гракховъ принесли,
Говорятъ: „Пускай глупецъ мечтаетъ,
Мы межъ тѣмъ карманъ набьемъ,
А тамъ пусть міръ хоть пропадаетъ,—
Есть печалиться о чемъ!“

М. Ватсонъ.

Panteísmo.

Изъ Дж. Кардуччи.

Ⓢъ тебя все скрылъ я, солнце золотое;
И отъ васъ я, звѣзды, все ревниво скрылъ;
И любимой имя—имя мнѣ святое—
Я въ груди безмолвной, словно кладъ, хранилъ.
А про эту тайну, на небѣ сверкая,
Звѣзды звѣздамъ шепчутъ въ темнотѣ ночной;
И, въ волнахъ пурпурныхъ тихо угасая,
Вторитъ солнце звѣздамъ, говоря съ луной.

На холмахъ тѣнистыхъ и равнинѣ дальней
Шелестятъ о томъ же всѣ кусты, цвѣты,
И щебечуть птицы: „О, пѣвецъ печальный,
Сладкихъ чаръ отвѣдалъ, наконецъ, и ты!“

Все я скрылъ, а слышу—имя незабвенной
Прославляетъ громко цѣлый Божій свѣтъ.
Изъ цвѣтковъ акацій голосъ мнѣ вселенной
Шепчетъ: „Да, ты любишь и любимъ, поэтъ!“

М. Ватсонъ.

Б р о д ъ.

Изъ Стекетти.

⑨, милая и скромная рѣка
Съ хрустальными спокойными струями!
Ты—счастіе родного уголка,
Тебѣ одной обязанъ я стихами.
Тамъ, въ зелени прибрежной тросника,
У береговъ, обласканныхъ волнами,
Гдѣ вся листва смѣшалась и сплелась,—
Тамъ я любовь извѣдалъ въ первый разъ.
Чуть шелестя, струилася волна,
На днѣ песокъ цѣлуя золотистый.
Тамъ, гдѣ песокъ въ водѣ блестѣлъ со дна,
Былъ, вѣрно, бродъ, и съ пѣсней серебрястой
Туда за мной направилась она...
И гасла пѣснь за ивою тѣнистой.
Она была прекрасна и свѣжа,
И я любилъ, и я молчалъ, дрожа.
Въ тѣни дубовъ старинныхъ мы брели,
Безмолвіемъ таинственнымъ объаты,
Не чувствуя въ подножїи земли.
Съ ея волосъ струились ароматы,

Съ ея одеждъ они какъ бы текли...
Съ ея волосъ струились ароматы,
И въ сердце мнѣ невѣдомымъ путемъ
Они лились и разливались въ немъ.

Приблизившись къ мѣстечку, гдѣ былъ бродъ,
Мы замерли, и мысль веселымъ свѣтомъ
Плѣнила насъ. Единственный исходъ!
Полустыдясь, полусмѣясь при этомъ,
Мы обмѣнялись взглядами, и вотъ
Я съ той поры на вѣки сталъ поэтомъ.
Гдѣ, шелестя, струилася волна,
Быль, вѣрно, бродъ: песокъ блеститъ со дна.

Собравшись съ духомъ, я сказалъ тогда:
„Желаешь... Я снесу тебя охотно?“
Она, смѣясь, отвѣтила мнѣ—„да“,
Взглянувъ въ глаза свѣтло и беззаботно.
И ощутилъ я вдругъ, что безотчетно
Дрожь сладострастья, нѣжности, стыда
Мнѣ по спинѣ скользнула. Сердце билось.
Признаніе безъ звука говорилось.

Я сѣлъ въ траву и быстро обувь снялъ.
Она, не глядя, видѣла все ясно.
Я на рукахъ въ водѣ ее держалъ.
Я! На рукахъ! Любимую такъ страстно!
Я въ первый разъ лицо свое прижалъ
Къ ея груди настойчиво и властно,
И трепетала грудь ея слегка,
Какъ подъ рукою крылья голубка.

Чтобъ не смотрѣть въ лицо ея, на васъ
Смотрѣлъ, о ножки, скрытыя ревниво.
Лишь только бъ мнѣ не видѣть этихъ глазъ,
Гдѣ смѣхъ и страхъ боролися стыдливо...
Я чувствовалъ, какъ вся она въ тотъ часъ
Мнѣ отдавалась страстно, молчаливо.
И нѣжная улыбка, какъ привѣтъ,
Мнѣ на лицо бросала первый свѣтъ.
Что шагъ, то вновь пугаясь и смѣясь,
Къ моей груди она все прижималась,

И, отъ кудрей капризно отдѣлясь,
Меня такъ мягко прядь волосъ касалась.
Я видѣлъ, какъ вода, у ногъ струясь,
Въ ея лицѣ порою отражалась.
И я, почувявъ силу, весь горѣлъ.
На ножки я ужъ больше не смотрѣлъ,

Но смѣло я въ лицо ея взглянулъ,
Взглянулъ въ глаза, не дрогнувъ, не краснѣя,
Объятія живымъ кольцомъ сомкнулъ,
И тѣло въ нихъ дрожало, пламенѣя.
Мы на берегъ ступили. Я вздохнулъ.
Въ полузакрытой кофточкѣ, бѣлѣя,
Виднѣлась грудь. Я ницъ предъ ней упалъ
И въ губы въ первый разъ поцѣловалъ.

А что потомъ? То видѣла рѣка
Съ хрустальными спокойными водами,
То счастье родного уголка,
Которому обязанъ я стихами.
Тамъ, въ зелени прибрежной тростника,
У береговъ, обласканныхъ волнами,
Гдѣ вся листва смѣшалась и сплелась,—
Тамъ я любовь извѣдалъ въ первый разъ.

А. М. Федоровъ.

* * *

Изъ Стенетти.

Ⓢ, облачка, гонимыя вѣтрами,
Какъ бѣлый пухъ въ лазурной вышинѣ,
Зачѣмъ тоска сжимаетъ сердце мнѣ,
Когда слѣдитъ ребенокъ мой за вами?
Съ вопросомъ, не отгаданнымъ глазами,
Я утопаю въ синей глубинѣ.
Тебѣ, о сфинксѣ, извѣстно все вполнѣ:
Судьба и жизнь, окованная снами.

Дитя мое, намъ небо не отвѣтитъ
Безмолствуютъ, бѣлѣя, облака.
О, живъ ли Богъ? Они его не встрѣтятъ,
Меня могила приметъ, старика,
И сѣдина въ твоихъ кудряхъ засвѣтитъ...
А тайна будетъ такъ же далека.

А. М. Федоровъ.

* * *

Изъ М. Бешикташляна.

Нависъ утесъ надъ кручей горь...
Тамъ блѣдный юноша сидитъ.
По скаламъ вдумчиво скользятъ
Его угрюмый, мрачный взоръ.
— „О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль хочешь ты, чтобъ синій валъ
Тебѣ на сумрачныхъ волнахъ,
Какъ на грохочущихъ струнахъ,
Свою мелодію сыгралъ?
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль, можетъ быть, хотѣлъ бы ты,
Чтобъ небосводъ тебѣ дарилъ
Улыбку ласковыхъ свѣтилъ,
И улыбались бы цвѣты?..
„О чемъ скорбишь, печальный сынъ
Скалистыхъ горъ, дитя долинъ?
„Иль, можетъ быть, ты ждешь, что мать
И та, которой преданъ ты,
Придутъ въ печали утѣшать,
Разсѣютъ мрачныя мечты?..
— „Я жажду пуль, кровавыхъ встрѣчъ,
Хочу въ рукахъ держать я мечъ!“

Л. Уманецъ.

Прежде было лучше.

Изъ Вл. Сырокомли.

Жыгы! село у насъ стояло
Краше въ старину!
Да не быть порѣ бывалой:
Что не дѣвка—цвѣтикъ алый,
Что ни парень—ну!
Васъ привелъ Богъ умудриться,
А посмотришь—не спорится
Ничего-то вамъ:
На лугу цвѣты—крапива;
И чахоточная нива;
И народъ-то срамъ!
Намъ, бывало, не помѣха—
Снѣгъ и градъ съ дождемъ;
Коль работаемъ—утѣха,
А гуляемъ—такъ застрѣха
Ходить ходенемъ.
Нынче люди не такіе:
За работой—что больные,
Съ чарки подъ столомъ...
А могучихъ дѣдовъ кости
Почиваютъ на погостѣ
Вѣковѣчнымъ сномъ!
Къ нимъ бреду въ морозъ и слякоть:
Выпить жбанъ медку,
По покойникамъ поплакать
И съ могилкой покалякать—
Любо старику...

Л. А. Мей.

На порогѣ ночи.

Въ вечерней мглѣ теряется земля...
Въ тиши небесъ раскрылось міровое.
Гдѣ ярче блещетъ пламя бытія,
Гдѣ весь просторъ, какъ празднество живое...
Восходятъ въ высь, въ великій храмъ ночной,
Недвижныхъ тучъ жемчужныя ступени,—
И тяжело намъ на паперти земной
Сносить тоску извѣданныхъ томлений...
Куда не взглянешь взоромъ ненасытнымъ,
Ночная глубь таинственно горитъ,—
Весь Божій міръ предъ сердцемъ беззащитнымъ
Во всей своей безгранности раскрытъ...
Все шире ночь, въ убранствѣ златотканномъ,
Плететь узоръ безтрепетныхъ огней,—
И трудно жить на днѣ земли туманномъ,
И страшно сердцу малости своей,—
Для насъ земля—последняя ступень;
Въ ночныхъ моряхъ она встаетъ утесомъ,
Гдѣ человѣкъ, какъ сумрачная тѣнь,
Поникъ, одинъ, съ молитвеннымъ вопросомъ...

Ю. Балтрушайтисъ.

Вечеръ на новый годъ.

Изъ А. Теннисона.

Какъ проснешься ты завтра, родная,
Разбуди меня. Солнца восходъ
Въ этотъ день я хотѣла бы встрѣтить:
Начинается имъ новый годъ.
Новый годъ! Для меня ужъ послѣднй!
Прежде, чѣмъ онъ настанетъ опять,
Буду въ темной, холодной могилѣ
Я, забытая всѣми, лежать!

Я съ лучами заката простилась,
Я смотрѣла, какъ гасли они,
Старый годъ за собой оставляя,
Унося мои ясныя дни!
Новый годъ настаетъ! Но не видѣть
На лугахъ мнѣ росистой травы,
Мнѣ не видѣть на яблоняхъ цвѣту,
И не слышать шумящей листвы.

Хорошо было въ маѣ, родная!
Не забыла я этого дня,
Какъ они Королевою Майской,
Всю въ цвѣтахъ, посадили меня.
На лужайкѣ, подъ деревомъ майскимъ,
Танцовали мы долго потомъ,
Пока мѣсяцъ не всплылъ, обливая,
Кровли нашихъ домовъ серебромъ.

А теперь—ни цвѣточка въ долинѣ!
И замерзли всѣ окна у насъ.
Если бъ мнѣ хотъ подснежникъ, родная,
Довелось увидеть еще разъ!
Довелось увидеть, какъ покинетъ
Ледяную одежду рѣка...
Неужель умереть мнѣ придется,
Не дождавшись и почки цвѣтка?
На вершинахъ высокаго вяза
Будутъ гнѣзда вороны свивать;

И унылымъ, пронзительнымъ крикомъ
Будетъ чибись поля оглашать.
А потомъ изъ-за моря вернутся
Къ намъ и ласточки, ранней весной;
Но я ихъ не увижу, родная,—
Мои очи засыплють землей!

Той порой, когда все еще тихо,
Когда все у насъ въ домѣ молчить,
Прежде чѣмъ ты проснешься, родная,
И на фермѣ пѣтухъ прокричить,—
Ужъ окно нашей церкви убогой
И погостъ на обрывѣ крутомъ,
Гдѣ я буду лежать, озарятся
Первымъ, розовымъ утра лучемъ.

Не видать тебѣ больше, родная,
Когда вновь запестрѣютъ цвѣты,
Какъ брожу по лугамъ и долинамъ
Я съ утра до ночной темноты.
Не заманятъ къ себѣ меня лѣтомъ
Зеленѣющій въ полѣ овесъ,
Водяная фіалка—въ болотѣ,
Вѣтви бѣлыхъ, плакучихъ березъ!

Пусть шиповникъ и жимолость будетъ
Надъ моею могилой цвѣсти;
И какъ теплое лѣто настанетъ,
Ты порой свою дочь навѣсти.
Я тебя не забуду, родная,
И когда надъ моей головой
Ступишь ты по росистому дерну,
Каждый шагъ буду слышать я твой.

Своенравна была я... Но знаю,
Все простить мнѣ твоя доброта.
Поцѣлуй же теперь меня крѣпче,
Поцѣлуй и въ чело, и въ уста.
О! зачѣмъ ты такъ плачешь, родная,
Сокрушать тебя скорбь не должна.
У тебя еще дочь остается,
Ты на свѣтѣ не будешь одна.

Изъ могилы холодной и тѣсной
Стану я приходить... И хоть ты
Меня видѣть не можешь, родная,
Но твои я увижу черты,
И безмолвна сама, я услышу
Звуки милыхъ, знакомыхъ рѣчей.
Знай, что дочь твоя будетъ съ тобою
Каждый разъ, какъ ты вспомнишь о ней.

Доброй ночи! Когда мнѣ придется
„Доброй ночи“... сказать навсегда...
И меня унесутъ на кладбище,
Не пускай нашей Эвы туда
До тѣхъ поръ, пока зеленью свѣжей
Не одѣлась могила моя.
Эва милый ребенокъ, и лучшей
Будетъ дочерью, нежели я.

Въ кладовой—весь приборъ мой садовый,
Тамъ и заступъ и грабли лежатъ;
Я ихъ Эвѣ дарю. Мнѣ ужъ больше
Не копать въ цвѣтникѣ своемъ грядъ.
Подъ окномъ я гвоздику и розы
Посадила. Имъ нуженъ уходъ,
Такъ пускай же она хорошенько
Ихъ по смерти моей бережетъ.

Да еще... ты Робину, родная,
Отнеси мой прощальный поклонъ.
Богъ пошлетъ ему лучше подругу...
На меня пусть не сердится онъ.
Вѣдь останься въ живыхъ я, быть можетъ,
За него бы я вышла... Какъ знать!
Все прошло! И въ могилѣ я скоро
Буду, всѣми забытая, спать.

Доброй ночи, родная! Смотри же,
Разбуди ты меня, не забудь.
Я могу послѣ ночи безсонной
Слишкомъ крѣпко, подъ утро, заснуть.
А ты знаешь, что мнѣ бы хотѣлось
Увидать завтра солнца восходъ...

Разбуди! Вѣдь ужъ мнѣ не дожидаться,
Какъ наступить опять новый годъ!

А. Н. Плещеевъ.

Изъ дневника пролетарія.

Смѣняются года. Дряхлѣетъ духъ и тѣло.

Растутъ ряды могилъ былыхъ надеждъ и думъ.
Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ...

Чего жъ еще я жду? Какъ червь, покрытый пра-
хомъ,—

Полураздавленный пятой моей судьбы,
Я корчусь и ползу съ тревогою и страхомъ,
Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы.

Напрасно умъ велить открыть безъ сожалѣнья
Пріюта вѣчнаго таинственную дверь,—
При мысли роковой душа полна смятенья:
Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.

Онъ молить: „Дай мнѣ жить, хоть крохами бо-
гатыхъ,

Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
Хоть жалкимъ быть шутомъ въ сіяющихъ палатахъ,
Хоть нищимъ, хоть рабомъ, — но только бъ вѣкъ
продлить!..“

И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,
Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...

О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
Къ позору бытія позорная любовь!..

А. П. Колтоновскій.

Тихій часъ.

Есть церковка въ лѣсу. Покрты мхомъ ступени
Въ притворахъ и сѣняхъ разросся желтый дрокъ,
На жертвенномъ столѣ, забившись въ уголокъ,
Двѣ тихія совы проводятъ день осенній.
Еще алтарь хранить напѣвъ былыхъ моленій,
Но тщетно ждетъ людей въ лѣсу забытый Богъ.

Въ часъ тихихъ сумерекъ я тамъ брожу, смущенный,
И слышно мнѣ тогда, какъ папортникъ растеть,
Какъ поздняя пчела свершаетъ тяжкій летъ,
И тихо гложетъ корни заяцъ утаенный.
А сосны молятся и, влагой отягченный,
Лѣсъ, отходя ко сну, и шепчетъ и поеть...

Т. Ардовъ.

Осенній вечеръ.

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предвѣстье близящихся буръ,
Порывистый, холодный вѣтръ порою;
Ущербъ, изнеможенье—и на всеъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

В. И. Тютчевъ.

Артистъ В. Н. Качаловъ.

МОНОЛОГЪ.

Изъ „Потонувшаго колокола“ Г. Гауптмана.

Я умираю: это хорошо.
Богъ такъ рѣшилъ для нашего же блага.
Иначе Магда.. —наклонись ко мнѣ—
Для насъ обоихъ умереть я долженъ.
Ты думаешь, что если расцвѣла ты,—
И для меня,—я вызвалъ твой расцвѣтъ?
О, нѣтъ! То сдѣлалъ вѣчный Чудотворецъ,
Который завтра жестокой зимней вьюгой
Весенній лѣсъ ударить, и убьетъ
Безчисленность едва расцвѣтшихъ почекъ.
Для насъ обоихъ умереть я долженъ.
Смотри, я былъ изношенъ, я былъ старъ,
Я былъ какой-то неудачной формой.
Зачѣмъ же сталъ бы я теперь жалѣть,
Что тотъ Литейщикъ, Чьей рукой я созданъ,
Меня отвергъ, увидѣвъ, какъ я плохъ.
Когда, вслѣдъ за моимъ плохимъ созданьемъ,
Своей рукой меня швырнулъ Онъ въ пропасть,
Паденіе желанно было мнѣ.
Мое созданье, знаю, было плохо:

Тотъ колоколъ, который могъ упасть,
Не созданъ для вершинъ, нѣтъ, онъ не могъ бы
Межъ горъ высокихъ отзвукъ пробудить.

.

Не искажи моихъ правдивыхъ словъ.

Ты, ты сама, сейчасъ мнѣ такъ звучала,
Такимъ глубокимъ звукомъ и прозрачнымъ,
Какъ ни одинъ изъ всѣхъ колоколовъ,
Которые я создалъ. — Благодарность!
Но, Магда, ты должна понять меня:
Послѣднее созданье неудачно.
Съ стѣсненнымъ сердцемъ въ высь я шелъ за ними,
Когда, крича и весело бранясь,
Они тащили колоколъ къ высотамъ.
И онъ упалъ. Въ провалъ ста саженей.
Теперь онъ въ горнемъ озерѣ. Глубоко
Навѣки въ горнемъ озерѣ лежитъ
Послѣдній плодъ моей мечты и мощи.
Вся жизнь моя, такъ, какъ ее я прожилъ,
Не создала и не могла создать
Другой работы, лучшей. Да. И все же
Ее я бросилъ вслѣдъ моихъ опальныхъ
Созданій неудавшейся мечты.
Она лежитъ на днѣ, а самъ я долженъ
Дожить послѣдній сумрачный мой часъ.
Я не скорблю и все-таки скорблю я
О томъ, чего ужъ нѣтъ. Одно лишь вѣрно:
Ни колоколъ, ни жизнь не возвратятся.
И если бъ я сковалъ свою мечту
Съ желаніемъ опять услышать гимны
Похороненныхъ звуковъ,—горе мнѣ!
Какая жизнь меня бы ожидала:
Она была бы бременемъ тоски,
Раскаянья, безумія, ошибокъ, —
И темноты, и желчи, и отравы.
Нѣтъ, нѣтъ! Такой я жизни не приму!
Я больше не могу служить долинамъ,
Ихъ миръ не успокаиваетъ больше
Мою всегда стремительную кровь.
Все, что въ моей душѣ теперь хранится,
Съ тѣхъ поръ какъ я побылъ среди высотъ,

Стремится вновь къ заоблачнымъ вершинамъ,
Свѣтло блуждать надъ моремъ изъ тумана,
Творить созданья силою вершинъ.
И такъ какъ я не властенъ это сдѣлать, —
Ненужный, какъ теперь, — и такъ какъ я,
Когда бы могъ взойти, упалъ бы снова,
Пусть лучше я умру. Чтобъ жить вторично,
Я долженъ быть, какъ прежде, молодымъ.
Изъ горняго чудеснаго растенья,
Изъ новаго вторичнаго расцвѣта
Рождаются душистые плоды.
Я долженъ въ сердцѣ чувствовать здоровье,
Желѣзо въ жилахъ, мощь въ своихъ рукахъ,
И жаръ завоевателя безумный,
Чтобъ что-нибудь чудесное создать,
Неслыханно-прекрасное...

Н. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ Фр. Коппе.

Голубю сказалъ: „Утѣшь меня въ печали, —
Мнѣ талисманъ-цвѣтокъ въ чужомъ краю добудь,
Чтобъ сердца моего любви не отвергали“...

И голубь отвѣчалъ: „То слишкомъ дальній
путь!“

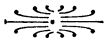
Орла я сталъ просить: „Молю тебя, какъ друга,
Огонь небесъ помогъ бы мнѣ легко, —
О, взвейся, полети, не велика услуга“...

И отвѣчалъ орель: „То слишкомъ высоко!“

Я къ ястребу тогда: „Спаси, насыться кровью,
И вырви сердце мнѣ, усталое отъ мукъ,
Оставь въ немъ только то, что не взято любовью“...

И ястребъ отвѣчалъ: „Увы, ужъ поздно, другъ!“

Е. М. Миличъ.

* * *

Забуду ль мягкость и стыдливость
Весенней дѣвичьей души,
Игривость, солнечную живость,
Шаги по комнатѣ, въ тиши?

И алымъ вечеромъ забуду ль
Твой голосъ въ праздничномъ кругу,
Твою ликующую удаль
Въ веселой пляскѣ на лугу?

Когда закатъ равнины куталь,
Гася зеркальность на рѣкѣ,—
Ты кралась изъ дому на хуторъ
Въ легко наброшенномъ платкѣ.

Глаза таили муку счастья...
Былъ жаръ въ дрожаньяхъ губъ и плечъ.
Дышала нѣжностью участья
Покорно-ласковая рѣчь.

Забытый ласками, забуду ль
Весну въ мерцающей тиши,
И жаръ, и солнечную удаль
Весенней дѣвичьей души.

Яковъ Годинъ.

* * *

Мы сошлись съ тобой на счастье,
А навстрѣчу намъ—гроза.
Что жъ, смѣлѣй встрѣчай ненастье,
Подыми свои глаза.
Вотъ рука моя! Тревога
Пусть замретъ въ груди твоей.
Вѣрь,—во мнѣ отваги много,
Ободрись—и въ путь скорѣй!

Достается счастье съ бою...
Такъ пойдѣмъ же мы съ тобой—
Вдаль дорогой роковою
До побѣды дорогой.
Пой же громче пѣсню счастья,
Выше голову, смѣлѣй!
И встрѣчай грозу-ненастье
Гордымъ вызовомъ скорѣй.

Брось тревожныя сомнѣнья—
Идеаль передъ тобой
Въ битвѣ, полной вдохновенья,
Свѣтитъ яркою звѣздой.
Ночь не вѣчна! Свѣтъ проглянетъ,
Вѣтеръ тучи унесетъ—
И надъ ними солнце встанетъ
И желанный день придетъ!

Царство правды, царство свѣта,
Царство вѣчной красоты—
Грезу чудную поэта
Воплощенной встрѣтишь ты.
И борьбу благословляя,
Чистой вѣрою полна,
Ты войдешь въ обитель рая,
Обновленна и сильна.

Пусть конецъ еще далеко,
Пусть дорога тяжела,
Знай, что ты не одинока
Въ мѣрѣ тьмы, неправды, зла.
Подави же въ сердцѣ муку,
Осуши свои глаза...
Громче пѣсню, рука въ руку,—
И пускай гремитъ гроза!

Вас. Немировичъ-Данченко.

Подражаніе Шенье.

Чуть вѣтромъ тронуты прибрежныхъ ивъ вершины,
Сверкаютъ золотомъ плетенныя корзины.
Въ зеленомъ аирѣ—упавшей рыбы всплескъ.
Серебряныхъ чешуй и красныхъ перьевъ блескъ.
Между березами, у струй, полунагіе
Толпятся отроки. Свѣжѣтъ. Голубыя,
Весь день сіявшія, померкли небеса.
Туманы зыблются и падаетъ роса.
Заря весенняя пылаетъ и смѣется
За лѣсомъ. О, когда раздастся у колодца
Твой ароматный шагъ и пѣніе бадьи!
Приди, о нѣжная. Ужъ скоро ночь. Ладьи
Послѣднихъ облаковъ мерцаютъ, золотыя,
И уплываютъ вдаль. Подъ яблони густыя
Влюбленныхъ юношей и сладострастныхъ дѣвъ
Стремится томный хоръ. Подъ сѣнями деревъ,
Гдѣ пруда соннаго осеребрились струи,
Проснулись шелесты, возникли поцѣлуи.
Движенья дерзкія, безстыдныя слова,
И смѣхъ и тишина... Примятая трава
Одна останется свидѣтельницей тайны.
О, пусть ни шорохъ травъ, ни звукъ шаговъ слу-
чайный
Не потревожитъ васъ. А завтра, поутру,
Какъ мило будешь ты обманывать сестру,
Подругъ и юношей! Но взоръ поэта скромный
Не улыбнется ли твоей походкѣ томной?
Цѣвницу нѣжную ужели не плѣнить
Огонь твоихъ очей, грѣховный жаръ ланить?

Сергій Соловьевъ.

Артистка М. А. Потоцкая.

Грѣшница.

Народъ кипить; веселье, хохоть,
Звонъ лютней и кимваловъ грохоть,
Кругомъ и зенень, и цвѣты,
И межъ столбовъ, у входа дома,
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Вездѣ горить хрусталь и злато,
Возницъ и коней полонъ дворъ;
Тѣснясь за трапезой великой,
Гостей пируетъ шумный хоръ,
Идетъ, сливаясь съ музыкой,
Ихъ перекрестный разговоръ.

Ничѣмъ бесѣда не стѣснима:
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима,
О томъ, какъ властвуетъ Пилать,
О ихъ старшинъ собраньи тайномъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ,
И мужѣ томъ необычайномъ,
Что появился въ ихъ странѣ:
„Любовью къ ближнимъ пламенѣя,

„Народъ смиренью онъ училъ,
„Онъ всѣ законы Моисея
„Любви закону подчинилъ.
„Не терпитъ гнѣва онъ, ни мщенья,—
„Онъ проповѣдуетъ прощенье,
„Велить за зло платить добромъ.
„Есть неземная сила въ немъ:
„Слѣпымъ онъ возвращаетъ зрѣнье,
„Дарить и крѣпость, и движенье
„Тому, кто былъ и слабъ, и хромъ.
„Ему признанія не надо,—
„Сердце мышленье отперто,
„Его пытающаго взгляда
„Еще не выдержалъ никто.
„Цѣля недугъ, врачуя муку,
„Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
„И всѣмъ простеръ благу руку,
„И никого не осудилъ.
„То, видно, Богомъ мужъ избранный,
„Онъ тамъ, по онполью Иордана
„Ходилъ, какъ посланный небесъ,
„Онъ много тамъ свершилъ чудесъ.
„Теперь пришелъ онъ, благодушный,
„На эту сторону рѣки;
„Толпой прилежной и послушной
„За нимъ идутъ ученики“.

Такъ гости, вмѣстѣ разсуждая,
За длинной трапезой сидятъ;
Межъ ними, чашу осушая,
Сидитъ блудница молодая.
Ея причудливый нарядъ
Неволью привлекаетъ взоры,
Ея нескромные уборы
О грѣшной жизни говорятъ;
Но дѣва падшая прекрасна,—
Взирая на нее, наврядъ,
Предъ силой прелести опасной
Мужи и старцы устоятъ:
Глаза насмѣшливы и смѣлы,
Какъ снѣгъ Ливана, зубы бѣлы,

Какъ зной, улыбка горяча;
Вкругъ стана падая широко,
Сквозныя ткани дразнить око,
Съ нагого спущены плеча.
Ея и серьги и запястья,
Звеня, къ восторгамъ сладострастья,
Къ утѣхамъ пламеннымъ зовуть.
Алмазы блещутъ тамъ и тутъ
И, тѣнь бросая на ланиты,
Во всемъ обилии красы,
Жемчужной нитью перевиты,
Падутъ роскошные власы.
Въ ней совѣсть сердца не тревожить,
Стыдливо не вспыхаетъ кровь;
Купить за злато всякій можетъ
Ея продажную любовь.

И внемлетъ дѣва разговорамъ,
И ей они звучать укоромъ.
Гордыня пробудилась въ ней,
И говоритъ съ хвастливымъ взоромъ:
— „Я власти не страшусь ничьей!
„Закладъ со мной держать хотите ль?
„Пускай предстанетъ вашъ учитель,
„Онъ не смутитъ моихъ очей!“

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ,
Куренье, солнце и цвѣты..
И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходить мужъ благообразный.
Его чудесныя черты,
Осанка, тоспупъ и движенья,
Во блескъ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимо дышитъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ, на смертныхъ не похожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтель, какъ архангелъ Божій,

Когда пылающимъ мечемъ
Врага въ кромѣшныя оковы
Онъ гналъ по манію Іеговы.
Невольно грѣшная жена
Его величьемъ смущена,
И смотритъ робко, взоръ понизивъ;
Но, вспомня свой недавній вызовъ,
Она съ сѣдлица встаетъ,
И станъ свой выпрямивши гибкой,
И смѣло выступивъ впередъ,
Пришельцу съ дерзкою улыбкой
Фіаль шипящій подаетъ.

— „Ты тотъ, что учить отреченью?
„Не вѣрю твоему ученью,
„Мое надежнѣй и вѣрнѣй.
„Меня смутить не мысли нынѣ,
„Одинъ скитавшійся въ пустынѣ,
„Въ постѣ проведеншій сорокъ дней!
„Лишь наслажденьемъ я влекома,
„Съ постомъ съ молитвой незнакома,
„Я вѣрю только красотѣ,
„Служу вину и поцѣлуюмъ,
„Мой духъ тобою не волнуемъ,
„Твоей смѣюсь я чистотѣ!“

И рѣчь ея еще звучала,
Еще смѣялася она,
И пѣна легкая вина
По кольцамъ рукъ ея бѣжала,
Какъ общій говоръ вокругъ возникъ.
И слышитъ грѣшница въ смущеньи:

— „Она ошиблась! Въ заблужденіе
„Ее привелъ пришельца ликъ:
„То не Учитель передъ нею,
„То Іоаннъ изъ Галилеи,
„Его любимый ученикъ“.

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ, съ покойнымъ видомъ,
Подходитъ къ храминѣ другой.

Въ его смиренномъ выраженьи
Восторга нѣтъ, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
Поверхъ хитона упадая
Одѣла риза шерстяная
Простою тканью стройный ростъ,
Въ движеньяхъ скромень онъ и простъ;
Ложась вокругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада;
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
И пронеслося надъ народомъ,
Какъ дуновенье тишины,—
И чудно благостнымъ приходомъ
Сердца гостей потрясены.
Замолкнулъ говоръ. Въ ожиданьи
Сидитъ недвижимое собранье,
Тревожно духъ переводя;
И онъ, въ молчаніи глубокомъ,
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И, въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.

И былъ тотъ взоръ, какъ лучъ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму.
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужась ею овладѣлъ.

Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно;
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ,
И милосердіе прочла;
И, чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...
И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ.
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

А. К. Толстой.

Флоренція.

Полная думъ о быломъ,
Тайны невѣдомыхъ сновъ,
Внемлетъ въ молчаньи ночномъ
Звукамъ невнемлемыхъ словъ.
Въ тьмѣ кипарисовыхъ чащъ
Печаль неподвижныхъ вѣтвей,
Кусты алыхъ розъ, точно плащъ,
Упалъ на изгибъ ступеней.
Спитъ въ высотѣ кампаниль
Въ дали стремящійся звонъ.
Вѣетъ надъ грустью могиль
Вѣчная прелесть мадоннъ.

Ева Розенъ.

СЫНЪ И МАТЬ.

Сынъ осѣняется крестомъ,
Сынъ покидаетъ отчій домъ.

Въ пѣсняхъ матери оставленной
Золотая радость есть:
Только бѣ онъ пришелъ прославленный,
Только бѣ радость перенести!

Пѣтухи поютъ къ заутренѣ,
Ночь испуганно бѣжитъ,
Хриплый рогъ тумановъ утреннихъ
За спиной ея трубитъ.

Вотъ—въ доспѣхѣхъ ослѣпительномъ,
Слышно, ходитъ сынъ во мглѣ:
Духъ свой предалъ небожителямъ,
Сердце—матери землѣ.

Поднялись надъ луговинами
Кудри спутанные мховъ,
Мѣтятъ взорами совиными
Въ стаю легкихъ облаковъ.

Вотъ онъ, сынъ мой,—въ свѣтломъ облакѣ,
Въ шлемѣ утренней зари!
Сыплеть онъ стрѣлами колкими
Въ чернолѣсья; въ пустыри!

Вѣтеръ вѣтеръ очистительный
Отъ небесной синевы.
Сынъ бросаетъ мечъ губительный,
Шлемъ снимаетъ съ головы.

Точить грудь его пронзенная
Кровь и горнія хвалы:
—Здравствуй, даль, освобожденная
Отъ ночной туманной мглы!

Въ сердцѣ матери оставленной
Золотая рана есть:

Вотъ онъ, сынъ мой, окровавленный
Только бъ радость перенести!

Сынъ не забылъ родную мать:
Сынъ воротился умирать.

А. Блокъ.

Гаданье.

Уходила съ поля я печальная,
Гдѣ вязали дѣвушки снопы.
Гдѣ-то пѣсня замирала дальняя,
Дребезжали косы и серпы.

Проходила узкой я тропинкою,—
По бокамъ качались васильки.
Предвечерній вѣтеръ паутинкою
Щекоталъ мнѣ щеки и виски.

Сорвала ромашечку я хилую,
Загадала: любить или нѣтъ?
А Судьба, весны моей не милуя,
Не сулила радостныхъ примѣтъ.

Словно жемчугъ, стынущими каплями
Заструились слезы по щекамъ.
Не пойду я утромъ въ поле съ граблями,
Не раскину сѣна по стогамъ,

Не утѣшусь болѣ я забавами—
Безъ меня запляшетъ хороводъ!
Гибкій станъ мой оплететъ купавами,
А лознякъ молитву пропоетъ!

Александръ Топольскій.

БЬЕРНСТЬЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ.

Орлиное гнѣздо.

Эндрэгаарденомъ называлось небольшое село, лежавшее вдали отъ всѣхъ другихъ поселеній и окруженное высокими горами. Оно было построено на ровной плодородной площади, раздѣленной на двѣ части широкою рѣкою, спускавшеюся съ горъ. Рѣка эта впадала въ другую, большую рѣку, находившуюся поблизости отъ села и виднѣвшуюся изъ него на много миль.

Вверхъ по теченію этой рѣки поднялся нѣкогда на лодкѣ человекъ, впервые вѣхавшій въ эту долину; звали его Эндрэ и здѣсь жили теперь его потомки. Нѣкоторые говорили, что онъ явился сюда, спасаясь послѣ совершеннаго имъ убійства, почему и его родъ выглядывалъ такимъ мрачнымъ; другіе утверждали, что причиною этой мрачности высокія скалы, которыя на Троицу не допускали

въ долину солнечныхъ лучей, начиная съ 5 часовъ пополудни.

Надъ селомъ висѣло орлиное гнѣздо. Оно было прикрѣплено къ верушкѣ высокой скалы, возвышавшейся среди горъ; всѣ видѣли, какъ орлица садилась на гнѣздо, но никто не могъ приблизиться къ нему. Орелъ носился надъ селомъ, спускался быстро внизъ и схватывалъ то ягненка, то козленка; разъ схватилъ маленькое дитя и унесъ его. Поэтому никто въ селѣ не чувствовалъ себя спокойнымъ, пока орелъ распоряжался въ своемъ гнѣздѣ на верушкѣ скалы. Въ народѣ ходило преданіе, что когда-то давно жили здѣсь два брата, которые поднялись вверхъ и разрушили гнѣздо; но теперь никто не въ состояніи былъ добраться до него.

Достаточно было двумъ сойтись въ Эндрэгаарденѣ, какъ они немедленно начинали разговоръ объ орлиномъ гнѣздѣ и смотрѣли вверхъ. Всѣ жители села знали, когда орлы возвращались вновь, гдѣ они спускались и гдѣ причиняли убытокъ, и кто послѣдній дѣлалъ попытку подняться вверхъ. Молодежь съ дѣтства упражнялась въ лазаніи по горамъ и деревьямъ, укрѣпляла свои ноги и руки, чтобы когда-нибудь достигнуть верушки скалы и уничтожить гнѣздо, подобно тѣмъ двумъ братьямъ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, лучшей паренъ въ Эндрэгаарденѣ назывался Лейфомъ и не принадлежалъ къ роду Эндрэ. У него были вьющіеся волосы и маленькіе глаза: онъ былъ очень веселый человекъ и очень любилъ женщинъ. Еще съ дѣтства онъ началъ увѣрять, что непременно разрушитъ когда-нибудь орлиное гнѣздо; а старые люди возражали на это, что о такихъ вещахъ не слѣдуетъ никогда говорить громко.

Это еще болѣе подстрекало его, и вотъ однажды, когда онъ достигъ расцвѣта своихъ силъ, онъ рѣшилъ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Было ясное воскресное утро въ началѣ лѣта. Орлята только что вылупились изъ яицъ. Народъ собрался подъ скалами въ большомъ количествѣ,

чтобы посмотрѣть. Старики совѣтовали Лейфу отказаться отъ своего плана. Молодежь, напротивъ того, поддерживала его. Но онъ поступилъ по своему, не слушая никого: подождавъ, пока орлица не вылетѣла изъ гнѣзда, онъ сдѣлалъ большой прыжокъ вверхъ на нѣсколько футовъ въ высоту и схватился за вѣтку дерева. Дерево это росло въ расщелинѣ скалы, и по этой расщелинѣ онъ сталъ подыматься вверхъ. Мелкіе камешки отрывались изъ-подъ его ногъ по мѣрѣ того, какъ онъ ползъ, глыбы земли отваливались и падали внизъ, кромѣ этого, ничего не было слышно вокругъ; раздавалось еще только тихое журчанье рѣки, спускавшейся по горѣ въ долину. Скала становилась все болѣе и болѣе крутою; онъ принужденъ былъ долго висѣть на одной рукѣ, отыскивая ногою твердую почву, которую его глаза не въ состояніи были разглядѣть. Многіе, особенно женщины, отвернулись, говоря, что онъ никогда не сдѣлалъ бы этого, если бы его родители были живы. Наконецъ онъ нашелъ точку опоры, сталъ вновь искать, куда бы стать выше, то рукою, то ногою; ноги оборвались, онъ поскользнулся, но опять крѣпко схватился. Стоявшіе внизу слышали тяжелое, прерывистое дыханіе другъ друга. Въ эту минуту поднялась молодая дѣвушка, сидѣвшая вдали отъ другихъ на камнѣ; говорили, что она еще ребенкомъ дала слово ему, хотя онъ не принадлежалъ къ роду Эндрѣ. Протянувъ руки впередъ, она закричала: „Лейфъ, Лейфъ, зачѣмъ ты это дѣлаешь?“ Весь народъ обернулся къ ней, отецъ стоялъ возлѣ и строго смотрѣлъ на нее, но она его не замѣтила. „Спустишь, Лейфъ“, закричала она: „я люблю тебя, а тамъ наверху ты ничего не выиграешь“. Видно было, что онъ остановился, какъ бы въ раздумьи; это продолжалось минуту или двѣ, затѣмъ онъ опять сталъ подыматься вверхъ. Руки и ноги у него были крѣпкія, такъ что нѣкоторое время все шло хорошо; но скоро онъ началъ уставать; это видно было изъ того, какъ часто останавливался онъ, чтобы отдохнуть. Маленькій камешекъ оторвался и покатился внизъ, точно

предвѣстникъ; всѣ, стоявшіе внизу, слѣдили за нимъ, пока онъ не упалъ. Нѣкоторые не могли выдержать и ушли. Дѣвушка все еще продолжала стоять одна высоко на камнѣ; она ломала руки и глядѣла вверхъ. Лейфъ началъ шупать передъ собой рукою,—рука сорвалась. Дѣвушка это ясно видѣла; онъ схватился другою рукою, та тоже сорвалась. „Лейфъ!“ закричала она такъ громко, что голосъ ея отозвался далеко въ горахъ; всѣ другіе закричали также. „Онъ скользить, онъ скользить!“ повторяли они и протягивали руки къ нему, мужчины и женщины. Онъ дѣйствительно скользилъ, увлекая за собою песокъ, камень, землю, скользилъ, все скользилъ, быстрѣе и быстрѣе. Народъ отвернулся. Они вскорѣ услышали за собою въ горахъ шорохъ и трескъ и, наконецъ, паденіе чего-то тяжелаго, точно большой глыбы морской земли.

Когда они, наконецъ, заставили себя обернуться, они увидали его распростертымъ на землѣ, разбитымъ, неузнаваемымъ. Дѣвушка лежала на камнѣ безъ чувствъ; отецъ унесъ ее.

Молодежь, больше всего подстрекавшая его на этотъ подвигъ, не смѣла теперь подойти къ нему и помочь; многіе не въ силахъ были даже посмотреть на него. Старики должны были взяться за дѣло. Старшій изъ нихъ сказалъ, поднимая его: „Это было безумно, но“, прибавилъ онъ, глядя вверхъ, „все же хорошо, когда что-нибудь стоитъ такъ высоко, что не всѣ могутъ достигнуть его“.

Бьернстьерне-Бьернсонъ.

Замокъ Локсли.

Поэма А. Теннисона

(Locksley-Hall).

1.

Здѣсь остаться на минуту я бѣ одинъ желалъ.
Если надо—звукомъ рога дайте мнѣ сигналъ.
Предо мною замокъ Локсли и, какъ въ тѣ года,
Надъ его карнизомъ птицы кружатся всегда.—
Замокъ Локсли, чья громада высится стѣной
Надъ песками и надъ темной гладью водяной.
Сколько разъ съ того балкона въ тишинѣ ночей
Я съ созвѣдья Оріона не сводилъ очей.
Здѣсь же, съ юношей гуляя у прибрежныхъ скалъ,
Увлеченіе наукой въ немъ я пробуждалъ.
Мнѣ казались золотыми прошлые вѣка,
Въ настоящемъ я страданій не знавалъ пока,
И въ грядущее стараясь взоромъ проникать,
Видѣлъ я любовь и братство, миръ и благодать.

Лишь весной такъ румяна первая заря,
Лишь весной такъ ярокъ пурпуръ перьевъ снигиря,
Лишь весной поютъ въ дубравахъ горніе ручьи
И весной мечтаетъ юность чаще о любви...
Щеки Эми были блѣдны, словно у больной,
И глаза ея слѣдили цѣлый день за мной.
Я сказалъ:—Кузина Эми, всей душой любя,
Я хочу такую жъ правду слышать отъ тебя.
Краска тихо разлилася на ея щекахъ,
Какъ сіяніе разсвѣта алаго въ горахъ.
Эми быстро отвернулась, тяжело дыша,
Но въ глазахъ ея сіяла вся ея душа.
И она шепнула плача:—Я любима, да?
Я сама тебя любила эти всѣ года.—

И любовь остановила времени полетъ,
И казалось, въ снѣ волшебномъ наша жизнь идетъ!
Часто утромъ мы внимали ропоту волны,
И слова ея дышали прелестью весны.

Часто вечеромъ, гуляя между скалъ вдвоемъ,
Уносились мы мечтами вслѣдъ за кораблемъ,
Мы внимали пѣнью птицы, шороху куста,—
И сливались воедино души и уста.

О, моя кузина Эми—больше не моя!
О, обманчивыя волны,—вамъ ввѣрялся я!
Болѣ лживая, чѣмъ тѣни призрачныя грезъ,
Испугавшаяся крика и пустыхъ угрозъ;
Нерѣшительна душою, волею слаба,
Ты въ рукахъ отца—игрушка, мачехи—раба,
Ты не стоишь пожеланій счастья отъ меня,
Лучшимъ чувствамъ и стремленьямъ низко измѣня!
Да, ты будешь опускаться ниже съ каждымъ днемъ
И сольешься съ тою грязью, что таится въ немъ:
Ты ничтожество въ супруги избрала себѣ,
И опошлишься въ постыдной, мелочной борьбѣ.
Ужъ таковъ законъ природы: съ пошлякомъ сроднясь,
Вмѣстѣ съ нимъ ты неизбежно окунешься въ грязь,
А когда онъ охладѣетъ—въ мнѣніи своемъ
Онъ тебя поставитъ рядомъ со своимъ конемъ
И съ охотничьей собакой... Ты, его жена,
Погляди, вотъ задремалъ онъ, красный отъ вина,
Подойди къ нему съ любовью, поцѣлуй его:
Это входитъ въ исполненіе долга твоего...
Мозгъ милорда тяжелѣетъ, и должны развлечь
Сплинъ его твоя улыбка, ласковая рѣчь.
Онъ отвѣтилъ... Смыслъ отвѣта—тотъ же, что все-
гда...

О, зачѣмъ, зачѣмъ тебя я не убилъ тогда!
Лучше бъ мы, заснувъ на вѣки безпробуднымъ
сномъ,
Лучше бъ мы съ тобой лежали тамъ, на днѣ мор-
скомъ!

2.

О, проклятіе предразсудкамъ, чей тяжелый гнетъ
Ни любить, ни мыслить смѣло людямъ не даетъ!
О, проклятіе обману, пеленой своей
Закрывающему правду отъ людскихъ очей!
О, проклятіе лживымъ формамъ! Ими искаженъ
Общей матери-природы истинный законъ.

И проклятіе двойное золотымъ мѣшкамъ,
Придающимъ блескъ фальшивый даже мѣднымъ
лбамъ!

Я любилъ тебя, какъ мало въ мірѣ кто любилъ,
И ужели для забвенья не хватаетъ силъ?
Нѣтъ, я вырву это чувство, если бѣ за-одно
Вырвать собственное сердце было суждено!

Я могу ли въ утѣшенъе вспоминать о ней,
О подругѣ, мной любимой на разсвѣтѣ дней?
Да, о той, въ комъ все казалось ясно и свѣтло,
И къ кому неудержимо все меня влекло?
Та, которую любилъ я,—для меня мертва,
А любовь ея и клятвы —лишь одни слова!
Утѣшенъе?.. Но страданъе,—говоритъ поэтъ,—
Лишь одно воспоминанъе счастья прежнихъ лѣтъ.
Ты борися также съ ними, отгоняй ихъ прочь,—
Но подѣ шумъ дождя и вѣтра, въ сумрачную ночь,
Ты увидишь ихъ при свѣтѣ блѣдномъ ночника...
Предѣ тобою роковая явится рука
И тебѣ укажетъ, гдѣ тяжелымъ сномъ
Засыпаетъ твой избранникъ, усыпленъ виномъ,—
И укажетъ эти слезы, что въ тиши ночей
Одинокихъ часто льются изъ твоихъ очей...
Ты услышишь звуки пѣсень, пѣвшихся тогда,
Ты услышишь, замирая, слово: никогда!
Предѣ тобой опять воскреснутъ золотые дни...
О, зажмурь плотнѣе вѣки. Позабудь... Засни!

Но тебѣ пошлетъ природа утѣшенъя мигъ:
Всѣ сомнѣнья заглушаетъ первый дѣтскій крикъ.
Я соперника въ ребенкѣ вижу своего,
И меня ты позабудешь скоро для него.
На отца любви избытокъ ты перенесешь...
Ну, а сынъ? На васъ обоихъ будетъ онъ похожъ!
Я могу себѣ представить, какъ, на склонѣ дней,
Ты мораль читаешь строго дочери своей.
—Увлеченія опасны... На себѣ она
Испытала это прежде... Женщина должна
Покоряться...—О, погибни въ пустотѣ своей,
Въ этой пошлости ходячей будничныхъ идей!

Ты смирилась, покоряся радостно судьбѣ,
Ну, а я найду спасенье въ дѣлѣ и борьбѣ.

3.

Но куда мнѣ постучаться? Гдѣ работа? Въ чемъ?
Двери нынче отворяютъ золотымъ ключемъ,
И просители толпою осаждаютъ ихъ.

Что же дѣлать мнѣ съ запасомъ юныхъ силъ
моихъ?

Я въ кровавое сраженье шелъ бы, какъ на пиръ,
Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.

Отдохну пока душою въ думахъ о быломъ,
На меня оно повѣетъ свѣтомъ и тепломъ,
И меня охватитъ своа прежнихъ силъ приливъ,
Прежнихъ свѣтлыхъ упованій молодой порывъ.
Я опять стремиться буду радостно впередъ,
Словно мальчикъ, что впервые въ дальній путь
идеть

И, застигнуть темнотою, видитъ все яснѣй
Въ отдаленѣ свѣтъ манящей городскихъ огней.
Утомленье забывая, къ этимъ огонькамъ
Онъ стремится, и душою—онъ давно ужъ тамъ.
Люди—труженики! Братья! Честные бойцы!
Геніальнѣйшихъ открытій смѣлые творцы!
Много сдѣлать и доселѣ удалось вамъ,
Но въ грядущемъ я не вижу счета чудесамъ.
Я въ мечтаньяхъ о грядущемъ вижу небеса,
Гдѣ волшебныхъ галіоновъ вѣютъ паруса,
И высоко надъ равниной плоскою земли,
Межъ собой сцѣпясь отважно, бьются корабли.
Въ громѣ бури слышенъ ясно и сраженья громъ,
И на землю капли крови падаютъ дождемъ...
Но стихаетъ гулъ орудій съ шелестомъ знаменъ,
Ихъ смѣняетъ миръ всеобщій и союзъ племеньъ.
Миръ настанетъ вѣковѣчный: войны прежнихъ дней
Позабудутся и станутъ сказкой для дѣтей.

Такъ мечталось мнѣ, покуда ненависти ядъ
Не проникъ мнѣ прямо въ сердце, затемняя взглядъ.
Отливающимъ, подгнившимъ кажется порой

Мнѣ общественнаго зданья прихотливый строй.
Я извѣрился и въ знаньѣ: двигаясь впередъ,
Черепахою наука медленно ползеть...
Но я вѣрю: не безцѣльно шель за вѣкомъ вѣкъ,
Съ ихъ теченьемъ развивался духомъ челоуѣкъ.
Если онъ не пожинаетъ плодъ своихъ трудовъ —
Эта жатва остается для его сыновъ.
Знанье движется, но мудрость медлитъ на пути.
Пусть погибнуть единицы—лишь бы мiръ спасти!

Чу! Я слышу, затрубили въ рогъ мои друзья.
Имъ казалася постыдной эта страсть моя.
Я и самъ ея стыжуся... Да, во мнѣ должна
Навсегда умолкнуть эта прежняя струна...
О, я вижу, что доселѣ въ сердцахъ сохранилъ
Всѣ стремленія былого и надежды пылъ...
И теперь же съ замкомъ Локсли я прошусь навѣкъ,
Я, грозою не сраженный, гибели избѣгъ.
Вотъ, я вижу, надъ болотомъ поднялся туманъ—
Скоро, скоро разразится грозный ураганъ...
Если онъ на замокъ Локсли молніей падетъ—
Я теперь не обернуся: я иду впередъ!

О. Михайлова.

Зимнее утро.

Въ бѣлый и мягкій коверъ
Рельсы впиваются точно оковы...

Солнечный лучъ отражаютъ сурово...
Къ солнцу далекому тянется взоръ...
Сердцу такъ чужды печаль и позоръ;
Сердцу и страсти, и радости новы...

Въ бѣлый и мягкій коверъ
Рельсы впиваются точно оковы...

Въ зимнее утро прокрались лучи
Радуютъ небо и землю, и души...

Пусть ужъ ихъ ласки не такъ горячи;
Пусть и привѣтъ ихъ и тише, и глуше...
Въ бѣлую пору холодной зимы
Солнцу холодному счастливы мы...

Въ зимнее утро прокрались лучи
Радуютъ небо и землю, и души...

Свѣтомъ безбрежнымъ залитая даль
Сердце влечетъ и пугаетъ безвѣстнымъ...

Тамъ ужъ не кажется горькой печаль...

Тамъ уже мiръ не покажется тѣснымъ...

Но отчего жъ? Отчего же такъ жаль...

Жаль разставаться съ путемъ этимъ крестнымъ?..

Свѣтомъ безбрежнымъ залитая даль
Сердце влечетъ и пугаетъ безвѣстнымъ...

Въ зимнее утро, при ясныхъ лучахъ
Жизнь вдругъ предстанетъ—отъ края до
края..

Слезы застыли въ усталыхъ очахъ...

Боже, въ твоихъ тамъ безвѣстныхъ путяхъ
Жизнь насъ гнететъ... и гнететъ... завлекая...

Въ зимнее утро, при ясномъ лучѣ,

Перстъ обозначится грозной судьбины...

Видишь невинную кровь на мечѣ...

Видишь на сердцахъ и прахъ, и морщины...

Видишь что вотъ ужъ—потухнуть свѣчѣ,

Жадной свѣчѣ непреклонной судьбины...

Съ ношей тяжелой на слабомъ плечѣ

Тихо бредешь до могилы, страдая...

Въ зимнее утро при ясномъ лучѣ

Жизнь вдругъ предстанетъ—отъ края до
края...

Михаилъ Волошинъ.

Артистъ К. В. Бравичъ.

СОНЕТЪ.

На стражѣ чистоты поставленъ гордый гнѣвъ,
Какъ мечъ пылающій на стражѣ рая.
Уста не лгавшія не дрогнуть, осуждая,
Глаза невинные сразятъ не пожалѣвъ.

О, бойся чистыхъ женъ и непорочныхъ дѣвъ!
Какое дѣло имъ, что красота земная—
Послѣдній храмъ, куда спѣшитъ душа больная,
Въ признанія любви печаль свою одѣвъ?

На твой молитвенный восторгъ, мольбы и слезы
Глазами свѣтлыми глядятъ онѣ въ упоръ,
И за молчаньемъ вслѣдъ, исполненнымъ угрозы,

Звучитъ ихъ строгій смѣхъ и вѣчный приговоръ,—
За мигъ предъ казню спокойный гласъ закона,
Архангела копье, летящее въ дракона.

Н. Минскій.

Р О З Ы.

Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты;
Вѣтеръ ходитъ въ тишинѣ
И вершины шевелить...
Ты лепечешь нѣжно мнѣ!..
Что же сердце въ полуснѣ
Очарованное спитъ—
И на тихій твой привѣтъ
У меня отвѣта нѣтъ?..

Ты склонившись на плечо,
Въ щеки дышешь горячо,—
Но безмолвствуетъ мечта
И боятся выдать вновь

Полнозвучныя уста
Затаенную любовь...
Подъ покровомъ темноты
Только вѣтеръ, я и ты!..

Вѣтеръ, ласково рѣзвась,
Отъ куста летитъ къ кустамъ...
И уста къ твоимъ устамъ
Я клоню, не торопясь...

Снится мнѣ,—что наяву
Пышной розой я живу
И склоняюся къ другой,
Ароматной и нѣмой,
И не слезы, а росу
На листы ея несу.—
И подъ сѣнью темноты
Только вѣтеръ и—цвѣты!..

К. М. Фофановъ.

Вдали.

Гаснетъ алый западъ. Вѣетъ тишиною.
Купается поле въ бѣлую росу.
Дали затянулись дымкой голубою.
Поздня кукушка крикнула въ лѣсу.
Дождикъ осторожно пыль примялъ у сада,
Влаженъ теплый воздухъ... Дышится легко.
Но душа томится, отдыху не рада,
Сердце безпокойно. Думы далеко.
Отдаюсь волненью я въ тревогѣ жадной,
Жду нетерпѣливо полуночной тьмы,
Вспоминаю городъ шумный и громадный,
Мрачный красный призракъ крѣпостной тюрьмы.
Тамъ мой другъ любимый гибнетъ безучастно...
Нѣтъ ему спасенья... Злобный врагъ суровъ...
Сердце говоритъ мнѣ, что на постъ опасный
Я ему на смѣну долженъ быть готовъ.

В. Башкинъ.

* *
* *

Блаженны мирно спящіе на лонѣ мирныхъ дней,
Не вѣдавшіе трепета невѣдомыхъ тѣней,
Не вѣдавшіе искривленныхъ слѣпительныхъ огней.
Чужда имъ безпредѣльности и бездны злая жуть...
Въ тупой и сытой ясности свершая ровный путь,
Не вѣдаютъ, счастливые, зла хаоса ничуть.
Блаженны миръ нашедшіе, увидѣвшіе свѣтъ
Въ чертогахъ вѣры праотцевъ и чистыхъ дѣтскихъ
лѣтъ
И путь свой разгадавшіе... Имъ грустный мой при-
вѣтъ...

А вы, что въ сердцѣ раненомъ огонь красотъ зажгли,
А вы, что съ тайнъ губительныхъ покровы совлекли,
А вы, что въ запредѣльное ступить на мигъ смогли,
Презрѣвшіе положенный отъ глубли дней запретъ,
Идущіе за радостями новыхъ яркихъ лѣтъ,
Дерзнувшіе на подвиги... Вамъ—радостный привѣтъ!

Викторъ Стражевъ.

Передъ разсвѣтомъ.

Изъ В. Гюго.

Бывають времена постыднаго разврата,
Побѣды дерзкой лжи надъ правдой и добромъ:
Все честное молчить, какъ будто бы объято
Тупымъ, тяжелымъ сномъ.
Жизнь стала оргіей. Въ душонкахъ низкихъ, гряз-
ныхъ
Чувствъ человѣческихъ ничто не шевелить.
Пируютъ, пляшутъ, пьютъ. Все пошло, безобразно,
А совѣсть крѣпко спить...
Нахальный хохотъ, крикъ нелѣпый опьянѣнья
Всѣ рѣчи честныя, всѣ мысли заглушилъ;
Бойцы за истину лежать, полны презрѣнья,
На днѣ сырыхъ могиль...
Но эти времена позорныя не вѣчны.
Проходитъ ночь. Встаетъ заря на небесахъ...
Толпа ночныхъ гулякъ, ты скроешься, конечно,
При солнечныхъ лучахъ?

А. П. Барыкова.

Старая цыганка.

Пиръ въ разгарѣ. Случайно сошлись сюда,
Чтобъ виномъ отвести себѣ душу
И послушать красавицу Грушу,
Разношерстные все господа:
Тутъ помѣщикъ разслабленный, старый,
Тамъ усатый полковникъ, безусый корнетъ,
Изучающій нравы поэтъ
И чиновниковъ юныхъ двѣ пары.

Притворяются гости, что весело имъ
И плохое шампанское льется рѣкою...

Но цыганкѣ одной этотъ пиръ нестерпимъ.
Она сѣла, къ стѣнѣ прислонясь головою.
Вся въ морщинахъ, дырявая шаль на плечахъ,
И суровое, злое презрѣнье

Загорается часто въ потухшихъ глазахъ:

Не по сердцу ей модное пѣнье...

„Да, ужъ пѣсни теперъ ни услышишь такой,

„Отъ которой захочется плакать самой!

„Да и люди не тѣ: имъ до прежнихъ далече...

„Вотъ хоть этотъ чиновникъ,—плюгавый такой,

„Что, Наташу обнявши рукой,

„Говоритъ непристойныя рѣчи.—

„Онъ вѣдь шагу не ступитъ для ней... Въ кошелькѣ

„Вся душа-то у нихъ... Да, не то, что бывало!“—

Такъ шептала цыганка въ безсильной тоскѣ,

И минувшее, сбросивъ на мигъ покрывало,

Передъ нею росло—воскресало.

Ночь у Яра. Московская знать

Собралась, какъ для важнаго дѣла,

Чтобы Маню—такъ звали ее—услыхать.

Да и какъ же въ ту ночь она пѣла!

„Ты почувствуй!“—выводитъ она, наклонясь,

А сама, между тѣмъ, замѣчаетъ,

Что высокій осанистый князь

Съ нея огненныхъ глазъ не спускаетъ.

Полюбила она съ того самаго дня

Первой страстью горячей, невинной,

Больше братьевъ родныхъ, „жарче дня и огня“,
Какъ пѣвалось въ пѣснѣ старинной.
Для него бы снесла она стыдъ и позоръ,
Убѣжала бы съ нимъ безразсудно,

Но такой учредили за нею надзоръ,
Что и видѣться было имъ трудно.
Разъ заснула она среди слезъ.

„Князь пріѣхалъ!“—кричатъ ей... Во снѣ, аль
серьезно?

Двадцать тысячъ онъ въ таборъ привезъ
И умчалъ ее ночью морозной.

Прожила она съ княземъ пять лѣтъ,
Много счастья узнала, но много и бѣдъ...

Чего больше? спросите,—она не отвѣтитъ;

Но отъ горя исчезнуть и слѣдъ.

Только счастье звѣздою далекою свѣтитъ!

Разъ всю ночь она князя ждала.

Воротился онъ блѣдный отъ гнѣва, печали:

Въ этотъ день его мать прокляла,

И въ опеку имѣніе взяли.

И теперь часто видитъ цыганка во снѣ,

Какъ сказалъ онъ тогда ей: „Эхъ Маша,

„Что намъ думать о завтрашнемъ днѣ?

„А теперь—хоть минута, да наша!“

Довелось ей спознаться и съ „завтрашнимъ днемъ“:

Серебро продала, съ жемчугами разсталась,

Въ деревянный заброшенный домъ

Изъ дворца своего перебралась,

И подъ эту кровлю вновь

Она съ бѣдностью встрѣтилась смѣло:

Тѣ же пѣсни и та же любовь...

А до прочаго что ей за дѣло?

Это время сіяетъ цыганкѣ вдали...

Но другія картины предъ ней пролетѣли.

Разъ, подъ самый подъ Троицынъ день, къ ней

пришли

И сказали, что князь, молъ, убитъ на дуэли...

Не забыть никогда ей ту страшную ночь,

А пойти туда, на домъ, не смѣла.

Наконецъ, поутру ей ужъ стало невмочь:

Она черное платье надѣла,

Робкимъ шагомъ вошла она въ княжескій домъ,
Но какъ князя-голубчика тамъ увидала

Съ восковымъ неподвижнымъ лицомъ,
Такъ на трупъ его съ воплемъ упала...

Зашептали кругомъ: „Не сошла бы съ ума!
Знать, вправду цыганка любила“...

Подошла къ ней старуха-княгиня сама,
Образокъ ей дала... и простила.

Еще Маня красива была въ тѣ года:
Много къ ней молодцовъ подбивалось,
Но прожитою долей горда,
Она вѣрною князю осталась.

А какъ померъ сынокъ ея,—славный такой,
На отца былъ похожъ до смѣшного,—

Воротилась цыганка въ свой таборъ родной
И запѣла для хлѣба насущнаго снова;

И опять забродила по русской землѣ,
Только Марьей Васильевной стала изъ Мани...

Пѣла въ Нижнемъ, въ Калугѣ, въ Орлѣ,
Побывала въ Крыму и въ Казани;

Въ Курскѣ, помнится, разъ въ Коренной

Губернаторшѣ голосъ ея полюбился,
Обласкала она ее пуще родной,

И потомъ ей весь городъ дивился.

Но теперь ужъ давно праздною тѣнью она
Доживаетъ свой вѣкъ и поетъ только въ хорѣ...

А могла бы пропѣть и одна
Про ушедшія вдаль времена,
Про бродячее старое горе,
Про веселое съ милымъ житье,
Да про жгучія слезы разлуки...

Замечталась цыганка...

Ея забытые

Прерываютъ нахальные звуки.
Груша, какъ-то весь станъ изогнувъ,
Подражая кокоткѣ развязной,

Шансонетку поетъ: „Ньюфъ, ньюфъ, ньюфъ!“—
Раздается припѣвъ безобразный.

„Ньюфъ, ньюфъ, ньюфъ!—шепчетъ старая
вслѣдъ:—

„Что такое? Слова нелюдскія,

„Въ нихъ ни смысла, ни совѣсти нѣтъ...
„Сгинеть таборъ подъ пѣсни такія!“
Такъ обидно ей, горько —хоть плачь!

Пиръ въ разгарѣ. Хвативши трактирной отравы,
Спитъ поэтъ, изучающій нравы,
Пьетъ довольный собою усачъ,
Расходился чиновникъ плюгавый:
Онъ чужую фуражку надѣлъ на-бекрень
И плясать бы готовъ, да стыдится.
Непривѣтливый пасмурный день
Въ разноцвѣтныя стекла глядится.

А. Апухтинъ.

* * *

Я безумной слыву оттого, что мнѣ кажется тѣ-
сенъ
Этотъ будничныи мiръ, полный мелкихъ тревогъ и
заботъ,
Оттого, что душа жаждетъ свѣта, простора и пѣ-
сенъ,
И свободной мечтой я стремлюся впередъ.
Я безумной слыву оттого, что болѣзненно-чутко
На чужую печаль, на чужой откликаюсь призывъ,
Оттого, что—взамѣнъ хладнокровныхъ рѣшенiй раз-
судка—
Признаю я всегда лишь горячiй сердечный порывъ.
Я безумной слыву оттого, что открыто и смѣло
Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу.
Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу!

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Артисты бр. Р. и Р. Адельгеймы.

Возвращеніе.

Надъ моремъ голубымъ прекрасная Весна
Въ тѣни зеленыхъ пальмъ задумчиво стояла.
Печалью взоръ ея туманился. Она
Устами блѣдными шептала:

„Пора! Мнѣ душно здѣсь. Все расцвѣло кругомъ
Самодовольною, безстыдной красотою:
Вотъ кипарисъ застылъ въ величїи нѣмомъ,
Одѣлись кактусы бронею;

„Вотъ жирныхъ маслинъ спитъ лѣнивая семья;
Вотъ померанцевъ лѣсъ зардѣлся горделиво...
Я—лишняя средь нихъ. На что теперь имъ я
Съ моею ласкою стыдливой?

„Пора! Манить меня иная сторона.
Подъ бѣлымъ пологомъ лежитъ она смиренно
И первой ласки ждетъ, и грудь ея полна
Любви тоскою сокровенной...

„Пройдусь я по снѣгамъ,—растаетъ гладь снѣговъ;
Взгляну на голый лѣсъ,—онъ зашумитъ привѣтно.

И дремлющій ручей на ласковый мой зовъ
Очнется съ ласкою отвѣтной.

„Пора! Тамъ ждуть меня... Повсюду притаюсь,
Трепещутъ юныя, зиждательныя силы“...
Сказала—и, взмахнувъ крылами, понеслась
На сѣверъ дремлющій и милый.

Н. Минскій.

Три кладбища.

I.

Въ городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и молодое.

Городъ жилъ шумно, жилъ страшно, и окраиной своей, тонувшей въ отчаяніи, вѣчно испуганной, вѣчно ждавшей ужаснаго, какъ щитомъ закрывался отъ мертвыхъ молчаливыхъ полей трехъ кладбищъ. И когда въ городѣ умиралъ довольный,—черезъ окраину везли его къ мертвымъ молчаливымъ полямъ.

Старое кладбище, съ широкими зелеными привѣтливими воротами и каменной оградой, было мирнымъ и спокойнымъ. Давно уже здѣсь не хоронили, никогда здѣсь не рыдали, и прозрачный ясный воздухъ его не потрясали тоскуюшіе звуки торжественныхъ отпѣваній, скромныхъ отпѣваній... Навѣщали кладбище старики и старухи, сгорбленные, съ узловатыми пальцами на рукахъ, уставшіе плакать, уставшіе вздыхать, ходившіе шаркающими шагами,—всѣ перекипѣвшіе, всѣ добрые, добрые. Кладбище принимало ихъ ласково, успокоенное, и всѣ молчали: старики и старухи, и ветхія деревья, и старая трава, и мохъ на камняхъ... Пустынная

улица хитро заглядывала через ограду и видѣла разбросанные холмы посѣрѣвшихъ камней и къ нимъ прижавшись въ нѣмой мольбѣ, стояли вѣчные люди, уже на людей непохожіе...

Но новое кладбище, какъ мать охватившее полукольцомъ старое, было тревожнымъ и печальнымъ. Спокойствія здѣсь не было. Словно измученные долгой болью, со скрежетомъ черезъ могилы и свѣжіе холмы бѣжали памятники каждый въ объятіи своей смерти. И пожилые мужчины, солидные въ городѣ, и пожилыя женщины, спѣшили за ними, потрясая плечами отъ рыданій, отъ жалости, отъ ужаса, отъ скорби; и было все вмѣстѣ,—и звуки, и люди, и камни,—подобно гимну страха или ненасытимой жалобѣ кому-то на міръ, на жизнь, на любовь... И молчаливая улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла крылатые памятники, какъ драконы свирѣлые, съ вырывавшимся огнемъ изъ ноздрей ихъ и ртовъ, и преображенныхъ болью и скорбью людей, въ мольбѣ прижавшихся къ нимъ.

Тамъ же, гдѣ хоронили молодыхъ, цвѣтущихъ, ярко жаждавшихъ, гдѣ хоронили сегодняшнихъ и вчерашнихъ, гдѣ подъ разрыхленной землей замирали послѣднія гнѣвныя движенія костей и мышцъ,—тамъ было грозно и прекрасно. Тамъ курганами поднимались братскія могилы, красныя могилы. На курганахъ лежала печаль. Слезы висѣли въ воздухѣ, и гнѣвный крикъ цѣлые дни неся среди могилъ. И пустынная улица, хитро заглядывавшая черезъ ограду, видѣла красный лѣсъ могилъ, прижавшихся къ нимъ въ гнѣвѣ людей и всѣ,—и памятники, и люди, и могилы,—угрожали... Опускала голову пустынная улица и безшумно ползла кольцомъ вокругъ трехъ кладбищъ къ окраинѣ. Тамъ поднимала голову и раскрывала беззубую пасть. Тянулись изъ города дроги за дрогами, везя мертвыхъ на своихъ жесткихъ деревянныхъ плечахъ и укачивая трупы ярко жаждавшихъ. Поднималась улица, довольная, и тихо ползла за ними до трехъ кладбищъ; тамъ покидала ихъ и ползла назадъ, снова жадная раскрывала пасть и поджидала новыхъ. И когда

насыщалась, ложилась вѣрнымъ псомъ у кладбищъ и засыпала до утра...

II.

Шапочникъ Клангъ съ женой Эвой и шестнадцатилѣтней дочерью Марой жили въ крайнемъ домикѣ окраинной улицы. Изъ ихъ квартирки открывался видъ на пустынные мертвые поля; и въ ясный солнечный день такъ отчетливо видны были памятники трехъ кладбищъ, словно они стояли въ комнатѣ. Когда же наступала осень, поля поглощались туманами, и изъ оконъ ничего не было видно. Тогда дѣвушка Мара выходила за ворота и, тоненькая, стройненькая, скрестивъ руки на груди,—прилежно выглядывала дроги, тянувшіяся изъ города... Шли черныя лошади, не спѣша выдувая паръ изъ ноздрей, серьезно уставивши глаза въ землю, которая ихъ приметъ; шли черные люди съ серебряными позументами на шляпахъ, на рукавахъ, скучные люди, которымъ все равно; какъ черное погасшее око лежалъ гробъ, позади еле передвигались мужчины и женщины, но все было красиво черной красотой и для Мары торжественно и прелестно. Ничего близкаго это не имѣло съ жизнью, съ безпокойствомъ; не слышно было ни криковъ ни разговоровъ; все молчало красиво, торжественно, прелестно, и каждая погода была чудной рамой для уходящихъ... Передвигались дроги, тихо топали лошади и люди по влажной землѣ, и казалось, надъ ними повисли ангелы, трубившіе въ длинныя тонкія трубы, милостивые ангелы, скрестившіе ноги и откинувшіе ихъ назадъ. Не выносила Мара тягостной радости, забѣгала въ комнату и громко кричала:

— Умирають, умирають, умирають!

Зимой или лѣтомъ было еще лучше. По пустынной улицѣ, занесенной снѣгомъ, ярко бѣлымъ, или по сухой, теплой землѣ умершіе переносились такъ быстро, что, казалось, они пролетали; и Мара, глядя на нихъ въ окно, виновато вскакивала и снова радостно возвѣщала:

— Умирають, умирають!

Такъ хорошо было, что три кладбища стояли у окна, такъ хорошо! Въ лунныя ночи всѣ три, съ мертвыми, молчаливыми полями, какъ будто придвигались къ домику и, точно въ зеркалѣ, преображенные, ясныя, дальнія и близкія блистали до утра иной бѣлизной памятниковъ и красотой земли, и манили и звали... Отецъ и мать спали, дѣдъ Бейръ о чемъ-то вздыхалъ, и это было печально, а она глядѣла на три кладбища, все видѣла, что тамъ, и переговаривалась съ мертвыми полями и памятниками. Какъ будто изъ могилъ выходили люди и рассказывали о нездѣшной жизни, счастливой, желанной, и она уже видѣла ее...

Такъ хорошо было, что три кладбища стояли у окна, такъ хорошо! Вставала она рано и выходила изъ дому... Отецъ кивалъ головой, старой некрасивой головой, и мать кивала головой... Мара уходила весело, и въ окно ее видѣли бѣжавшей, мелькавшей, долго, подобно живому ходящему деревцу или тростнику. У стѣны стараго кладбища Мара останавливалась. Здѣсь схоронены ея мечты, вся любовь ея къ тихой жизни, чистой, безгнѣвной. Ни слезъ, ни стонувъ, ни бездоннаго ужаса. Во всемъ правда, какъ небо ясное, какъ памятники бѣлые... Хорошо на кладбищѣ: вѣтеръ, солнце, облака,— хорошо на кладбищѣ!

Черезъ стѣну Мара видѣла могилы, прибитыя лопатой горки земли; всѣ улыбались ей, всѣ таинственнымъ языкомъ молчанія рассказывали о счастьѣ людей, лежавшихъ здѣсь, о прекрасной жизни тѣхъ, что ушли отъ земли, отъ земного отчаянія, отъ земной неправды и каждая звала ее къ себѣ: „Приди, приди!“ И на зовъ она загадочно улыбалась:

— Я приду!..

Не спѣша переходила она отъ одного памятника къ другому и когда уставала, садилась на землю, срывала травку и, покусывая ее, тихонькая и серьезная, оглядывала кладбище. Всѣ могилы были ей знакомы и она какъ бы кланялась каждой:

— Здравствуй, дѣдушка Фавль; здравствуй, дѣвочка Бетя; здравствуй, бабушка Гитель!..

Милыя толпы ее окружали, старики помолодѣвшіе за гробомъ и дѣти возмужавшія... Всѣмъ имъ она съ грустью жаловалась, что еще должна жить и они понимали ее и серьезно соглашались:

— Вѣдь ты еще должна жить, да должна жить...

И всѣ плакали отъ скорби, отъ состраданія, что такая молоденькая, хорошая, чистая дѣвушка должна прожить десятки лѣтъ и страдать на землѣ, когда такъ хорошо наверху въ царствѣ Божьемъ,—и она плакала съ ними.

Пробѣгали тѣни нездѣшнихъ вещей, красиво-уродливыя и въ тлѣніи прекрасныя, вставляли гдѣ-то умершія птицы, ради людей убитыя, и всѣ существа, убитыя ради людей, и всѣ надломленные и всѣ напрасно замученные,—вереницей проходили мимо и, скрываясь въ чащѣ памятниковъ, радостно пѣли о томъ, какъ хорошо подъ землей, и какъ черезъ землю всѣ шли—къ Нему. И пѣли о томъ, что вверху на седьмомъ небѣ на тронѣ изъ золота сидитъ Вѣчный и ласково говоритъ проходящимъ:

— Ступайте направо въ мое царство: помучились вы довольно.

Плакала Мара, среди мертвыхъ одна живая, что долго ей еще страдать на землѣ, пока позоветъ ее Вѣчный къ себѣ и скажетъ:

— Ступай, Мара, направо, въ мое царство: намучилась ты довольно!

На новомъ кладбищѣ отпѣвали счастливыхъ, и трагически сладостные голоса хора, словно огненные крылья, поднимали душу вверхъ, въ безпредѣльный просторъ, гдѣ, какъ рогъ утренней луны, желтый, колыхался тронъ Вѣчнаго, Старого, всѣхъ любившаго, всѣхъ прощавшаго. Почему же они плачутъ? По комъ они тоскуютъ? Почему они гнѣвны? И мелькая, какъ духъ, Мара неслась среди камней, одна влюбленная, одна понявшая, здѣсь улыбаясь, тамъ обнимая памятники, и было ей весело...

III.

Утро свѣтлое и теплое. Въ тихихъ домикахъ раскрываются ставни. Хлопотливо мелькаютъ въ

окнахъ дѣвушки и женщины. Мужчины становятся на утреннюю молитву. По мертвымъ пустыннымъ полямъ чернымъ облакомъ кружатся галки и закрываютъ солнце. Потомъ вереницей тянутся къ городу и скучно смотрѣть на нихъ. Утро ясное и какъ будто спокойное. Три кладбища утопаютъ въ золотѣ, три кладбища зовутъ: „Поспѣшите къ намъ, утро едва началось, утро едва началось!“

Дѣдъ Бейръ попросился на улицу посидѣть на солнцѣ. Такъ онъ просилъ. Онъ тепло одѣтъ. На плечахъ у него толстое одѣяло, на шеѣ красный вязаный шарфъ въ два аршина длины. Онъ нахлобучилъ шапку на глаза.

— Ну! вынесемъ его!—сказалъ Клангъ, мигнувъ Марѣ.

Мара понесла ноги дѣда. Какъ сокровище несла она ихъ и улыбалась ему...

— Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ,—вотъ ты хмуришься и мнѣ страшно!.. Хорошо тебѣ, дѣдъ Бейръ?

Она усѣлась на скамеечкѣ близко къ Бейру, чтобы ему удобно было гладить ея голову. И онъ тотчасъ же положилъ свою тяжелую желтую руку на ея голову и закрылъ глаза. Мара сидитъ неподвижно, чутко... Дѣдъ думаетъ, и кажется Марѣ, что черезъ теплую пухлую руку текутъ его мысли къ ней и она знаетъ, о чемъ онъ думаетъ. Теперь онъ думаетъ, что умереть. Да, умереть! Ему будетъ удобно въ могилѣ. Онъ раскинется широко на землѣ, и руки широко,—голову, какъ захочетъ—и будетъ лежать и посмѣиваться надъ тѣми, которые остались.

— А я все буду жить, дѣдушка? Тебѣ хорошо, а я останусь? Такъ ясно вижу, какъ пойду направо отъ Вѣчнаго, и всѣхъ радостныхъ встрѣчу и всѣхъ веселыхъ. Зачѣмъ мнѣ жить, и почему мнѣ жить?

Она долго ждала отвѣта. Дѣдъ молчалъ, словно спалъ. Показались дроги, и улица ожила. Шли спокойно черные люди...

— Умирають, дѣдушка,—крикнула Мара,—умирають!

— Вижу...—отвѣтилъ Бейръ и съ трудомъ повернулъ голову.

— Ну, а я, а я?

— Ну, такъ что же?—спросилъ дѣдъ.

Она нахмурилась...

— Видишь ли, дѣдушка, ей шестнадцать лѣтъ! Да, ей шестнадцать лѣтъ! Разсказать ли тебѣ, дѣдушка? Есть работникъ Кройнъ... Онъ любитъ ее. Ты не спишь, дѣдушка? Есть работникъ Кройнъ, молодой и такой смѣлый, такой смѣлый... Она любитъ его. Ты слышишь, дѣдушка? Онъ приходитъ и зоветъ ее. Но вотъ, дѣдушка, она царство Божіе любитъ еще больше, чѣмъ Кройна... Ты не спишь, дѣдъ? Иногда ночью она къ нему выходитъ. Они гуляютъ, держась за руки. Онъ говоритъ о городѣ и зоветъ ее въ городъ; а она говоритъ о кладбищахъ и тянетъ его къ кладбищамъ... Они не уступаютъ другъ другу. Да, не уступаютъ...

— Ну, такъ что же?—спросилъ дѣдъ.

— И умереть хочу, дѣдъ, и любить хочу...

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо, а потомъ долго смѣялся... „И умереть хочу и любить хочу...“ Вотъ чего дѣвушкѣ захотѣлось! А можетъ быть, такъ и будетъ, а можетъ быть...

Тянулись дроги за дрогами, люди за людьми. Опять появились галки. Отъ нихъ небо стало чернымъ. Утро было свѣтлое, полдень туманнымъ...

IV.

Вечеромъ выпалъ снѣгъ. Изъ комнаты онъ казался розовымъ, багровымъ, синимъ. Мара стояла у оконца и выглядывала въ поле. Три кладбища мерещились ей: Сквозь сѣтъ слѣпыхъ хлопьевъ, навивно кружившихся, безсильно падавшихъ, она видѣла пляшущіе памятники. Ей было грустно...

Клангъ ужиналъ, а Эва прислуживала ему. Въ комнатѣ было тускло, словно весь свѣтъ отъ лампы уходилъ въ поле. Въ углу лежала горка шапокъ. Изъ сосѣднихъ квартирокъ доносились возня и плачь

и ругань. Было жутко и отъ черныхъ полей, и отъ кладбищъ, и отъ того, что кругомъ жили беззащитные слабые люди...

Куда идетъ ночь? Кто, скорбный, поджидаетъ ее? Чьи близкіе глаза упорно смотрятъ вдаль? Кто выйдетъ навстрѣчу и нѣжно скажетъ: „Здравствуй, ночь, я люблю тебя, ночь!“

„Онъ пришелъ“,—подумала Мара, вздрогнувъ...

Не спѣша она поднялась и оглянулась. Если бы вдругъ разлетѣться, какъ дымъ! Если бы не родиться! Въ смятеніи она набросила на себя шаль и открыла дверь. Все падалъ снѣгъ, безмысленно кружился... Впереди и кругомъ низенькіе домики, похожіе на тьму, и въ концахъ жалкіе, жалкіе люди. О, близкіе, о, дорогіе! Въ огнѣ печали и страданья всѣхъ ихъ она видѣла, всѣхъ ихъ, ткущихъ узоры своей смерти, поверженныхъ внизъ на ледяную землю. Всѣхъ ихъ праведныхъ, замученныхъ, ослѣпшихъ въ черныхъ облакахъ жизни она видѣла и трепетныя судороги уйти вверхъ, къ теплomu небу. Ихъ сердце она знала... Ихъ мольбы она знала... О, люди, о, дорогіе!

Она вышла на улицу и сказала Кройну просто:

— Я ждала тебя, Кройнь... Пойдемъ къ кладбищамъ.

Какъ слѣпая, она взяла его руку, и такъ они пошли вмѣстѣ съ хлопьями снѣга къ пустыннымъ мертвымъ полямъ.

— Я ждала тебя,—говорила Мара, прижимаясь къ нему,—потому что люблю тебя...

— Я пришелъ за тобой...—сказалъ Кройнь.—Городъ пылаетъ. Тамъ нужны люди съ крѣпкими сердцами, съ славной ненавистью.

— Я не пойду, Кройнь...

— Каждый разъ ты отвѣчаешь—нѣтъ. Почему? Всѣ юноши и дѣвушки уже вышли изъ домовъ. Они идутъ впереди...

— Я пойду на кладбище, Кройнь. Я люблю тебя, но я пойду на кладбище...

— Что же я скажу своимъ, Мара? Я приду и меня спросятъ: „А гдѣ твоя дѣвушка, Кройнь?“ Я

отвѣчу: „Моя дѣвушка пошла на кладбище“. Надо мною будутъ смѣяться. Посмотри на городъ: тамъ разгорается пламя, тамъ разгорается пламя...

Онъ сжималъ ея руки, просилъ:

— Приходи въ городъ умереть ради людей. Тогда сорвутся крыши съ темныхъ домовъ и всѣ увидятъ свѣтъ.

— Свѣтъ, Кройнъ? Пойдемъ на старое кладбище. Я поведу тебя къ самой далекой могилѣ. Мы сядемъ на камнѣ и будемъ смотрѣть въ землю. Ты обнимешь меня и мы все увидимъ... Куда же ты уходишь, Кройнъ?

— Я пойду одинъ, Мара. Спросятъ меня, гдѣ моя дѣвушка, я скажу: „Она придетъ.“

— Она придетъ? — задумчиво спросила Мара.

— Я скажу: „Моя дѣвушка любитъ людей; она придетъ.“

— Почему же ты уходишь?—съ сожалѣніемъ спросила Мара.—Отчего же ты не прощаешься со мной?

Она пошла вдоль стѣны стараго кладбища, одна среди мертвыхъ молчаливыхъ полей. Какъ хорошо теперь подъ землей! Падаеть неслышно снѣгъ изъ бархатистой тьмы, и старые камни одѣваются въ мраморъ. Какъ радостно подъ теплой землей! Собрались тамъ всѣ старые и мудрые, всѣ юные и веселые, въ кружокъ и говорятъ: скоро всѣ придутъ къ намъ и станетъ тихо на землѣ. Опустѣетъ земля, солнце будетъ всходить и освѣщать горы и камни зданій, по ночамъ звѣзды ласково будутъ глядѣть внизъ, но будетъ тихо, тихо... Ушелъ Кройнъ! Почему же онъ ушелъ? Но если тихо,—не будетъ замученныхъ, не будетъ проклятыхъ! Встанетъ солнце, зажмурится отъ радости: тихо на землѣ, тихо!..

V.

На третьемъ кладбищѣ весь день работали, предавали землѣ убитыхъ! Мертвыхъ подвозили десятками, ихъ поглощали широкія ворота, а вдали

тянулись новыя и новыя платформы, гдѣ вповалку лежали застывшія тѣла молодыхъ, молодыхъ...

Мара стояла у воротъ кладбища и, какъ хозяйка, встрѣчала гостей. Еще и еще! Съ сжатыми губами, молчаливая, вперивъ глаза въ даль, смотрѣла она на загадочный городъ, закутанный дымомъ. Весь день тамъ стрѣляли. Вчера стрѣляли!.. Вечеромъ стрѣляли!.. Въ живыхъ вонзали острые куски горячаго желѣза! Въ людей плевали желѣзомъ!

Иногда она какъ бы вспоминала что-то и убѣгала на кладбище. Повсюду высились горки теплой взрыленной земли, красные кровавые курганы, повсюду слышались рыданія и несли гнѣвъ... Какъ гончая, вбирая въ себя крѣпкій ядъ ненависти, бѣжала Мара, припадала къ кричащимъ могиламъ и снова бѣжала.

Залитые кровью, твердые и прекрасные, лежали убитые въ огромной мертвецкой. Она падала на колѣни, ползала между ними, отдавая каждому свою душу, свою скорбь, и не плакала. Ко всякому тѣлу прижималась она въ страданіи и думала: „А я, а я? Какъ сказалъ Кройнъ? Его дѣвушка придетъ? Она придетъ! Но отчего же его еще нѣтъ здѣсь?“

Ужасъ поднялъ ее. Вотъ онъ кричитъ вдали... онъ падаетъ! Она понеслась къ воротамъ и побѣжала вдоль улицы, охваченная одной мыслью. Привезутъ новыхъ. Среди нихъ будетъ его тѣло, Кройна тѣло. И она ему напомнить!.. Она подойдетъ и шепнетъ ему на ухо: „Ты не простился со мною, Кройнъ!“ Возьметъ его прекрасную голову въ руки, прижметъ къ ней и съ нѣжнымъ упрекомъ скажетъ: „Въ твоёмъ тѣлѣ остыло горячее желѣзо, но отчего ты не простился со мной?“

Навстрѣчу ей тянулись платформы и гордо колыхались твердыя прекрасныя тѣла убитыхъ. Позади озираясь шли люди. Мара останавливала ихъ и спрашивала:

— Моего Кройна вы не привезли?

Ей отвѣчали:

— Вашего Кройна здѣсь нѣтъ, но его привезутъ.

Опустивъ голову, она шла дальше и думала съ тоской: „Его привезутъ!“

Что-то оживало вблизи города... Что-то оживало неуловимое, суровое, суровое, желѣзными когтями царапало воздухъ, и было страшно. Духъ кладбищъ! Она оглянулась, вбирая тихій ужасъ въ свою кровь... Словно трое судей стояли три кладбища, торжественно протянувъ свои тысячи рукъ поверхъ домовъ, поверхъ улицъ...

И когда вечеромъ его привезли и положили рядомъ съ другими молодыми прекрасными, она сказала себѣ:

— Ну вотъ, теперь я его вижу и спокойна. Кройнъ, я вижу тебя и успокоилась. Мое сердце переполнено гордостью!

Она подползла къ нему и нѣжно подняла его тяжелую молодую голову.

— Я люблю тебя, Кройнъ...—шепнула она ему на ухо.—Ты слышишь, Кройнъ? Да, ты слышишь! Ты прекрасно умеръ. Завтра я умру, какъ ты. Я пойду въ городъ. Клянусь...

Спокойны были черты его лица. Завтра Мара умретъ. Пусть она положитъ его голову.

VI.

Утромъ Мара вышла изъ дому, и больше ее не видѣли. Былъ свѣтлый яркій день, когда она вышла; звонили въ небесахъ и пѣли наверху торжественные голоса, когда она вышла; галки кружились надъ кладбищами, когда она вышла,—и больше ее не видѣли.

Въ городѣ она сказала:

— Я пришла къ вамъ, юноши и дѣвушки... Я сказала Кройну, что умру ради людей, и вотъ я пришла. Покажите мнѣ мое мѣсто.

Звонили на верху, въ воздухъ скрежетали громы, и юноши и дѣвушки падали безъ стонувъ... Залитые кровью, молча падали они... И солнце свѣтило ярко!.. И солнце свѣтило ярко!.. И небеса синѣли!..

* * *

За городомъ раскинулись три кладбища: старое, новое и молодое...

С. Юшкевичъ.

* * *

Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни—и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ.
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.
Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Дѣвушкой невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубыя, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый, степь и тишина,
Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотреть на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье—
Юности и счастья первая весна!
Въ сторонѣ, далекой отъ родного края,
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,—
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилось мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы и мечты блѣднѣютъ...
Счастье обмануло молодость мою...
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни бывые, какъ мечты, люблю,—
Я былымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и съ тоскою шлю!

Ив. Бунинъ.

Изъ Р. Гамерлингъ.

⑨, другъ, не закидывай въ пропасть до дна осу-
шеный бокаль,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ
сверкаль!
Да будетъ на-вѣки завѣтной, на-вѣки святой для
тебя
Та грудь, на которой о раѣ ты грезилъ, впервые
любя!

Часы опьянѣнья проходятъ, на-вѣки проходятъ; но ты
Въ ключахъ, что тебя освѣжали, мутить не держай
чистоты.
Листочки завянувшей розы разносятся вѣтромъ—
пускай!
Но тотъ, кто въ грязи ихъ затопчетъ—бездушный
и злой негодяй.

За каплю послѣднюю счастья будь также обязанъ,
Какъ былъ благодаренъ за первый глотокъ, под-
несенный тебѣ.
Вѣнчай съ умиленіемъ теплымъ цвѣтами сердца—
рудники,
Гдѣ черпалъ ты золото дружбы въ минуту грызу-
щей тоски.

Пусть все, чѣмъ успѣлъ насладиться, что звалъ въ
сновидѣніяхъ ты,
Исчезнетъ, погибнетъ въ холодномъ потокѣ людской
суеты.
Но, другъ, не закидывай въ пропасть до дна осу-
шеный бокаль,
Въ которомъ тебѣ на усладу блаженный напитокъ
сверкаль.

П. Вейнбергъ.

Юлій Словацкій.

А Н Г Е Л Л И.

О т р ы в о к ъ.

И такъ свершали Шаманъ и Ангелли путь по землѣ печальной, по пустыннымъ дорогамъ и по шумливымъ лѣсамъ Сибири, встрѣчая страждущихъ и утѣшая ихъ.

И вотъ, однажды вечеромъ проходили они около тихой, стоячей воды, надъ которой росло нѣсколько плакучихъ березъ и немного сосенъ.

И Шаманъ, видя, какъ рыбы выплескивались къ лучамъ вечерней зари, сказалъ: „Вотъ, видишь плотичку, что пролетѣла по воздуху и снова утонула.“

„А теперь рассказываетъ сестрамъ своимъ на днѣ, что увидѣла небо и говоритъ о небѣ разныя вещи и прославится этимъ среди другихъ рыбокъ.“

„И слушая повѣсти о небѣ, заплывутъ онѣ въ свѣти и завтра будутъ ихъ продавать на базарѣ.

„Не есть ли это притча о тѣхъ, которые ходятъ толпами за людьми, говорящими о небѣ,—даютъ себя поймать и потомъ бывають продаваемы?

„И пагубная болѣзнь, говорю я, есть печаль и чрезмѣрное созерцаніе духовнаго:

„Ибо двѣ есть печали: одна отъ силы, другая отъ немощи; одна—крылья для высокихъ людей, другая камень для тѣхъ, которые тонуть.

„Говорю тебѣ это, ибо поддаешься печали и тратишь надежду.“

И говоря такъ, подошли они къ толпѣ сибирянкъ, которые ловили рыбу въ озерѣ. И рыбаки, увидѣвъ Шамана, прибѣжали къ нему, говоря: „Царь нашъ! ты покинулъ насъ ради чужихъ людей и печалимся мы, не видя тебя среди насъ.

„Останься съ нами эту ночь, мы приготовимъ тебѣ вечерю и постелемъ тебѣ ложе въ лодкѣ.“

И сѣлъ Шаманъ на землю, а женщины и дѣти рыбацкія окружили его и задавали ему разные вопросы, на которые Шаманъ отвѣчалъ съ усмѣшкой, ибо были они не мудры.

Но послѣ вечери, когда взошла луна и разлила свой свѣтъ по водѣ, словно устлавши серебряный путь на югъ,

Женщины и дѣти начали говорить печально: „Вотъ, ты покинулъ насъ, и не творишь болѣе чудесъ межъ нами.

„И мы стали усумниться въ вѣрѣ нашей, и даже не знаемъ теперъ, есть ли въ насъ душа.“

И Шаманъ отвѣчалъ на то, усмѣхнувшись: „Вы хотите, чтобы я показалъ очамъ вашимъ душу?“

И всѣ женщины и дѣти закричали вмѣстѣ: „Хотимъ! Сдѣлай такъ!“

И сказалъ Шаманъ, обратившись къ Ангелли:

„Что сдѣлать мнѣ со стадомъ галокъ этихъ? Хочешь, чтобы усыпилъ тебя и, вызвавъ душу твою изъ тѣла, показалъ ее людямъ этимъ?“

Ангелли отвѣтилъ ему: „Сдѣлай такъ, какъ нравится тебѣ,—я въ твоей власти.“

И призвавъ одного ребенка изъ толпы, Шаманъ посадилъ его на грудь къ Ангелли, который легъ, какъ ложатся ко сну, и сказалъ ребенку:

„Вотъ—положи свои ручки на его лобъ и позови его трижды именемъ Ангелли!“

И свершилось, что на зовъ ребенка вышелъ изъ тѣла Ангелли духъ, имѣвшій образъ прекрасный и многоцвѣтный—и крылья бѣлыя у плечъ.

И, видя себя свободнымъ, вступилъ тотъ Ангелъ на воду и шелъ по снопамъ луннаго блеска на югъ.

Когда былъ онъ уже далеко, посреди озера, повелѣлъ Шаманъ ребенку позвать душу, чтобы вернулась она.

И оглянувшись свѣтлый духъ на зовъ ребенка и лѣниво шелъ назадъ по серебристымъ волнамъ, влача по нимъ края крыльевъ, поникшихъ отъ печали.

И когда повелѣлъ ему Шаманъ вступить въ тѣло человѣка, застоналъ онъ, какъ разбитая арфа, и содрогнулся; но внялъ приказанью.

И проснувшись, Ангелли сѣлъ и спросилъ, что съ нимъ было.

Отвѣтили ему рыбаки: „Господинъ! мы видѣли душу твою и просимъ тебя: будешь царемъ нашимъ, ибо такимъ блескомъ, какъ душа изъ тѣла твоего, не облечены и цари китайскіе.“

„И на землѣ не видѣли мы ничто свѣтлѣе, кромѣ одного солнца; и ничто не мигаетъ такъ свѣтомъ, кромѣ звѣздъ розовыхъ и синихъ.“

„Крыльевъ такихъ нѣтъ у лебедей, пролетающихъ въ маѣ по землѣ нашей.“

„И благоуханіе чуяли мы: словно благоухали тысячи цвѣтовъ и ландышей“.

Слыша объ этомъ, Ангелли повернулся къ Шаману и сказалъ: „Правда это?“ И Шаманъ сказалъ: „Правда,—ты одержимъ Ангеломъ“.

„Что же“,—спросилъ Ангелли,—„сдѣлала моя душа, будучи свободной. Скажи, ибо не знаю я“.

Отвѣтилъ ему Шаманъ: „Пошла она по серебристому слѣду луннаго свѣта на водѣ и бѣжала въ ту сторону, какъ человѣкъ, который спѣшитъ.“

И заслышавъ это, опустилъ голову Ангелли и, задумавшись, сталъ плакать, говоря: „Она хотѣла вернуться въ отчизну“.

Перев. В. Высоцкій.

* * *

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто жь тамъ плачетъ, кто жь тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?..
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное реветъ,—
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнетъ...

Н. П. Огаревъ.

Отрывокъ изъ поэмы „Рабство“.

Моему отцу.

I.

Точно два безпокойныхъ, ревнивыхъ соперника,
Разсердившійся Тигръ, торопливый Евфратъ
Въ неудержномъ и вѣчно манящемъ стремленіи
Къ величаво-спокойному морю спѣшать.
Такъ стремится къ далекой желанной любовницѣ
Пылкій юноша, жадно томясь и любя.
Все, что въ мірѣ живетъ, существуетъ, волнуется,
Вѣчно жаждетъ уйти отъ себя.
Постоянно воюя съ безводной пустынею,
Поглощающей влагу и пышущей жаръ,
Средь горючихъ песковъ близнецы эти создали
Оазисъ, полный рѣдкихъ, невиданныхъ чаръ.
Вавилонъ... Плоскодонныя кровли домовъ,
Триумфальныя гордыя арки,
На рѣкѣ неподвижныя барки,—
Все кишитъ безпорядочной грудой головъ:
Это гордый триумфъ молодого царя;
Послѣ славной кровавой побѣды,
Миновали опасныя бѣды,
И жрецы въ храмѣ ждуть, ароматы куря.
Всѣхъ враговъ уничтожилъ Небу-Куднезаръ,
Далъ урокъ ихъ надменной гордынѣ;
Вплоть до самой Ливійской пустыни
Буйнымъ вихремъ пронесся проворный пожаръ.
По плитамъ мостовыхъ, еле ноги влача,
Мѣрнымъ шагомъ вступаютъ верблюды,
На горбахъ ихъ тюки: это груды
Злата, мѣди, оружье, виссонъ и парча.
Позабывъ про усталость, пѣхота идетъ,
Быстро мчится царя колесница,
Темнокожихъ рабовъ вереница,
Надрываясь, царя и царицу везетъ.
Дорогую добычу стрѣлы и меча,
Продовольствіе цѣлаго града,
Жирныхъ буйволовъ рѣзвое стадо

Гонять воины властнымъ ударомъ бича.
Въ кандалахъ изъ желѣза, чуть ноги влача,
Продовольствіе цѣлаго града,
Полногрудыхъ египтянокъ стадо
Выступаетъ подъ градомъ ударовъ бича.
Прямо въ сумрачный храмъ направляется царь,
Хочетъ слиться душой съ Безконечнымъ,
Ницъ упасть предъ Нѣмымъ и Предвѣчнымъ,
Благодарственной жертвой обрызгать алтарь.
Семь чарующихъ дѣвъ, съ яркимъ блескомъ ланить,
Самыхъ юныхъ и самыхъ прекрасныхъ
Для обѣтій и ласкъ сладострастныхъ
Громовержцу и богу онъ здѣсь подарить.
Эти дѣвы-рабы, просто жертвенный скоть;
Въ благодарность за наши побѣды,
За счастливо изжитыя бѣды
Пусть на небо къ себѣ божество ихъ возьметъ.
Къ небу царь устремляетъ молитвенный взоръ,
Отточенныя лезвія блещутъ,
И въ конвульсіяхъ груди трепещутъ...
Окровавленный въ воздухѣ замеръ топоръ.
Въ яркомъ пламени смрадная, темная кровь
Благодарственной жертвой дымится,
Въ переполненномъ храмѣ струится
Къ безконечному богу живая любовь...

Но, какъ сонъ, пронеслись быстролетные годы,
Стерлось все и на сценѣ другіе народы.

II.

Цѣлый міръ наводнилъ легіонами Римъ,
И Карѳагенъ, и Понтъ, и Іонію,
Цѣлый Orbis terrarum онъ назвалъ своимъ,
Но, гражданскимъ раздоромъ и смутой томимъ,
Ожидаетъ онъ смерти агонію.
Вдалекѣ отъ столицы, гдѣ тихій заливъ
Жадно пьетъ отраженныя тѣни оливъ,
Въ жгучихъ отблескахъ солнца купается;
Гдѣ волна, обвивая коралловый рифъ,
Въ изумрудную пыль истончается;

Гдѣ палящаго юга истома и зной
И тепла наводненіе жгучее
Умѣряется робко бѣгущей волной
Въ часъ, когда повелительно-грозный прибой
Гонить эти когорты текуція,
Прихотливыя виллы капризнымъ кольцомъ
Окружили утесы зубчатые,
Разметавшись по берегу въ паркѣ густомъ,
Потонувъ въ освѣжающемъ мракѣ лѣсномъ
И прохладою лѣса объята.

Шумнымъ днемъ посреди задрожавшихъ листовъ
Стаи робкихъ лучей пробираются
И лобзуютъ въ тиши бѣлый мраморъ домовъ;
Тихой ночью, въ имплювій, въ зеркальный покровъ
Звѣзды неба сквозь сонъ отражаются.
Жаркій день. Но въ одной изъ разбросанныхъ виллъ
Суетня, бѣготня и движенье:
Маркъ Сульпицій, богатый курульный эдиль,
Знать изъ Рима на завтра къ себѣ пригласилъ
И готовить теперь угощенье.

Для того, чтобъ гостей удивлять, затмевать,
Онъ истратилъ мильоны сестерцій;
Будеть самъ императоръ, вся пышная знать,
И элегіи будетъ на пирѣ читать
Несравненный великій Проперцій;
Для того, чтобъ составить роскошный обѣдъ,
Яства, вина, закуски пришлетъ цѣлый свѣтъ;
Чтобъ восполнить подборъ наслажденій,
Удивленныхъ гостей обожжетъ самъ поэтъ
Утонченной струей настроеній.

Подземелье... Бассейнъ монотонно журчитъ,
А въ бассейнѣ волнистомъ, струистомъ торчитъ
Безобразная страшная глыба,—
То тупыми глазами въ пространство глядитъ
Кровожадная, рѣдкая рыба.

Дверь открылась... И грубо втокнули раба,
Чтобъ муренѣ отдать на съѣденье.
Безполезна очей тутъ живая мольба,
Неизбѣжно должна совершиться судьба:
Завтра нужно гостямъ угощенье.

Слышно бульканье тихой прозрачной воды,

Что-то мягкое вспѣнило волны;
Наверху пузырей замелькали ряды,
Мигъ одинъ... Стихло все... Замелись всѣ слѣды,
И покой воцаряется полный.
Завтра будетъ прохладный триклиній дышать
Блескомъ роскоши, нѣгой безмѣрной,
Будутъ гости на мягкихъ софахъ возлежать,
Будетъ въ кубкахъ желаннымъ забвеньемъ сверкать
Искрометная влага Фалерна.
А когда возліянье они совершаютъ
И запляшетъ янтарная пѣна,
Дастъ хозяинъ приказъ. Гости всѣ замолчатъ.
Пять рабовъ своимъ блюдомъ весь столъ запрудятъ:
То гостямъ подается мурена.
Но, какъ сонъ, пронеслись быстролетные годы,
Стерлось все... И на сценѣ другіе народы.

III.

Точно всадникъ гигантскій, съ горящимъ султаномъ
Изъ пылающихъ искоръ, во мракѣ ночномъ
Громоздится надъ сѣрымъ столичнымъ туманомъ
Необъятный грохочущій домъ.
Это фабрика. Вѣчно машины грохочутъ,
Испуская удушливый запахъ и смрадъ,
И какъ будто надъ тѣми тѣнями хохочутъ,
Что склонившись надъ ними стоятъ.
Освѣщаетъ усталыя, блѣдныя лица
Яркимъ заревомъ трепеть живого огня,
И на нихъ постоянная копотъ ложится
Въ продолженіе ночи и дня.
Здѣсь самъ Дантъ почерпнулъ бы роскошныя краски
Для безсмертныхъ и страшныхъ твореній своихъ,
И волшебный рассказъ фантастической сказки
Предъ дѣйствительнымъ мигомъ бы стихъ.
Цѣлый день эти блѣдныя, скорбныя тѣни
Будутъ слушать машинъ устрашающій шумъ,
Цѣлый день машинальныхъ и скучныхъ движеній,
Изсушающихъ душу и умъ!
А когда хоть на мигъ зазѣвался рабочій,
Втянетъ щупальцы съ трескомъ слѣпой осьминогъ,
Завертитъ его въ пасти своей, что есть мочи,

И, вращая, сотреть въ порошокъ.
Эта быстрая смерть необъятное горе
Пораженной, какъ громомъ, семьѣ принесла...
Эта быстрая смерть въ безработное море,
Можетъ, каплю спасенья влила.

IV.

Вотъ по улицамъ Лондона, въ шумныхъ кварталахъ,
Гдѣ все роскошь, культура, успѣхи и блескъ,
Гдѣ потопить всѣхъ слабыхъ, больныхъ и усталыхъ
Соціального моря безжалостный плескъ,
Среди кэбовъ и дрожекъ, ландо и трамваевъ,
Посреди пѣшеходовъ нарядной рѣки,
Джентльменовъ, рабочихъ, гулякъ, шелопаевъ
Измѣнившей походкой бредутъ старики.
На спинѣ, на груди ихъ громадна доска,
Объявленья различныхъ торговыхъ домовъ;
Ихъ языкъ, и развязный, и бойкій, и хлесткій,
Обращаетъ вниманье шумихою словъ:
„Покуривъ папирось „Чемберлэнъ“, безъ сомнѣнья,
Послѣ нихъ не захочешь другихъ папирось“.
„Всѣмъ плѣшивымъ и лысымъ теперь преступленье
Не купить капиллинъ для рощенья волосъ“.
„Завтра станетъ булавки, веревки, и вилки
Передъ публикой мистеръ Уайтеръ глотать,
И промчится верхомъ на пантерѣ миссъ Дилки,—
Посѣтите же циркъ Нельсонъ Стритъ 45.“
„Юбки, джерси, мантильи, пальто и накидки
Мы дешевле фабричной цѣны продаемъ,
На пять фунтовъ покупки пять шиллинговъ скидки
Мы охотно кліентамъ своимъ отдаемъ“.
Что за злобный сарказмъ тяготѣетъ надъ ними
И преслѣдуетъ этотъ голодный народъ!?
Англичанинъ имъ далъ характерное имя—
Человѣкъ-бутербродъ.
Мы когда-то рабами боговъ угошали,
А потомъ угошали гостей,
Но и прежде едва ли бы такъ унижали
Даже самое имя людей!

Н. Васильевъ.

Вешняго вечера трепеть тревожный,
 Съ тонкаго тополя вѣточка нѣжная,
 Вихря порывъ, горячо-осторожный,
 Синей бездонности гладь безбережная.
 Въ облачномъ небѣ просвѣтъ просіянный,
 Свѣжихъ полей маргаритка росистая,
 Мечъ мой небесный, мой лучъ острогранный,
 Тайна прозрачная, ласково-чистая,
 Ты—на распутьи костерь ярко-жадный,
 И надъ долиною дымка невѣстная,
 Ты—мой веселый и безпощадный,
 Ты—моя близкая и неизвѣстная.
 Ждалъ я, и жду я зари моей ясной,
 Неутолимо тебя полюбила я..
 Встань же, мой мѣсяць серебряно-красный,
 Выйди, двурогая, милый мой—милая...

З. Гунніусъ.

Л е б е д ь .

Заводь спать. Молчить вода зеркальная.
 Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
 Чья-то пѣсня слышится, печальная,
 Какъ послѣдній вздохъ души.
 Это плачетъ лебедь умирающій,
 Онъ съ своимъ прошедшимъ говорить,
 А на небѣ вечеръ догорающій
 И горить и не горить.
 Отчего такъ грустны эти жалобы?
 Отчего такъ бьется эта грудь?
 Въ этотъ мигъ душа его желала бы
 Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
Все, на что надѣялась любовь,
Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать непоправимаго,
Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слилъ,
Точно онъ у озера родимаго
О прошеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
И когда туманъ вставалъ въ глуши,
Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
И шептались камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
Что предъ смертью вѣчной, примиряющей
Видѣлъ правду въ первый разъ.

И. Д. Бальмонтъ.

* * *

Я люблю тебя такъ оттого,
Что изъ пошлыхъ и гордыхъ собою
Не напомнишь ты мнѣ никого
Откровенной и ясной душою;
Что съ участіемъ могла ты понять
Роковую борьбу человѣка;
Что въ тебѣ уловилъ я печать
Отдаленнаго лучшаго вѣка!
Я люблю тебя такъ потому,
Что не любишь ты мертваго слова,
Что не вѣришь ты слѣпо уму,
Что чужда ты расчета мірскаго,
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Предъ твоей миротворной улыбкой!

А. Апухтинъ.

Волна.

Нѣжно-безстрастная,
Нѣжно-холодная,
Вѣчно подвластная,
Вѣчно свободная.

Къ берегу льнушая,
Томно-ревнивая,
Въ море бѣгушая,
Вольнолюбивая,

Въ безднѣ рожденная,
Смертью грозящая,
Въ небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальняя...

Н. Минскій.

* * *

Просыпаюсь рано,
Чуть забрезжилъ свѣтъ,
Темно отъ тумана,—
Встать мнѣ, или нѣтъ?
Нѣтъ, вернусь упрямо
Въ колыбель мою;—
Спой мнѣ, спой мнѣ, мама:
— Баюшки-баю!

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
Въ колыбель мечта.

Не придетъ родная,—
Что жъ, и самъ спю,
Горе усыпляя:
— Баюшки-баю!

Сердце истомилось.
Какъ отрадно спать!
Горькое забылось,
Я—дитя опять;
Собираю что-то
Въ голубомъ краю,
И поетъ мнѣ кто-то:
—Баюшки-баю!

Бездыханно, ясно
Въ голубомъ краю.
Грезамъ я безстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьетъ мою,
Шепчетъ кто-то нѣжный:
— Баюшки-баю!

Наступаетъ темный
Пробужденья часъ.
День грозитъ темный,
Милый сонъ погасъ.
Начала забота
Воркотню свою,
Но мнѣ шепчетъ кто-то:
—Баюшки-баю!

Ведоръ Сологубъ.

Надпись на книгѣ стиховъ.

Здѣсь тишина цвѣтетъ и движетъ
Тяжелымъ кораблемъ души,
И вѣтеръ, песь послушный, лижетъ
Чуть пригнутые камыши;

Здѣсь въ заводъ праздную желанье
Свои приводитъ корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальнихъ ропотахъ земли.

Здѣсь легкимъ образамъ и думамъ
Я отдаю стихи мои,
И томнымъ ихъ встрѣчаютъ шумомъ
Рѣки согласныя струи.

И, томно опустивъ рѣсницы,
Вы, дѣвушки, въ стихахъ прочли,
Какъ отъ страницы до страницы
Въ даль потянули журавли.

И каждый звукъ былъ вамъ намекомъ,
И несказаннымъ—каждый стихъ.
И вы любили на широкомъ
Просторѣ легкихъ риѣмъ моихъ.

Когда рѣка ладью качала,
И томно пѣла быстрина,—
То глубина васъ обнимала,
Васъ цѣловала тишина.

И каждая навѣкъ узнала
И не забудетъ никогда,
Какъ обнимала, цѣловала,
Какъ пѣла тихая вода.

А. Блокъ.

Вл. Сырокомля [Л. Кондратовичъ].

ЗОНЕТЪ.

Изъ Вл. Сырокомли.

Я полемъ шель одинъ; изъ церкви недалекой,
Въ вечернемъ воздухѣ дрожа, пронесся звонъ,
И мнѣ казалось, что съ неба льется онъ,
Все наполняя вокругъ гармоніей широкой.
Въ моей душѣ больной, какъ бы въ пустомъ сосудѣ,
Отдался каждый звукъ со всею полнотою,—
И мой потухшій взоръ увлажился слезой,
Молитвы страстный вопль вдругъ вырвался изъ груди.
Ты, Господи Творецъ, благословилъ металлъ,
Бездушной мѣди далъ святое назначенье,
Чтобъ звонъ ея людей къ молитвѣ призывалъ,—
И пѣснямъ дай моимъ свое благословенье,
Чтобъ въ мірѣ голосъ ихъ какъ колоколь звучалъ
И пробуждалъ въ сердцахъ высокія стремленья.

В. Н ая.

Старый дубъ.

Изъ Вл. Сырокомли.

Срубили старый дубъ... Суровый сынъ Литвы
Когда-то Перкуну подъ дубомъ тѣмъ молился;
На мѣсто дерева крестъ водрузили вы,
Но этотъ крестъ давно отъ бури повалился.

Зачѣмъ же вашъ Христось не защитилъ его?
Не разберешь теперь, что ложно и что свято...
Да, Перкунá народъ утратилъ своего,
А вѣру новую еще пойметъ когда-то!

Толкуютъ многіе, что больно мудрена
Та вѣра новая для дикаго Литвина...
Охъ, воротить назадъ не худо бъ Перкунá;
Съ перунами въ рукахъ намъ нужно властелина!

О кроткомъ мы Христѣ изъ вашихъ знаемъ словъ:
Нѣтъ мѣры и конца Его долготерпѣнью,
Онъ лютыхъ грѣшниковъ всегда прощать готовъ,
Лишь требуя отъ нихъ въ порокахъ исправленья.

Ну, было съ Перкуномъ у насъ совсѣмъ не то!
Вотъ молодець-то богъ! Судилъ онъ очень здраво:
Не броситъ человѣкъ порока ни за что,
Однажды повернувъ на путь грѣха лукавый.

И правда... На Литвѣ украдкой говорятъ:
Чудесно старый богъ нашъ управлялся съ нами.
Перкунъ не ждалъ—на мѣстѣ забивалъ громами,
У васъ же...—Эй, смотри, не богохульствуй, братъ...

В. Н-ая.

Нюренбергскій палачъ.

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!

Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

И я учился въ школѣ,
Въ стѣнахъ монастыря,
Отъ мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я въ юности отвергъ,
И вольною дорогою
Пришелъ я въ Нюренбергъ.

На площади казнили:
У чьихъ-то смуглыхъ плечъ
Въ багряно-мглистой пыли
Сверкнулъ широкой мечъ.

Меня прельстила алость
Казнящаго меча
И томная усталость
Сѣдого палача.

Пришелъ къ нему, учился
Владѣть его мечомъ,
И въ дочь его влюбился,
И сталь я палачомъ.

Народною боязнью
Лишень я вольныхъ встрѣчъ.
Одинъ предъ каждой казнью
Точу мой темный мечъ.

Одинъ взойду на помость
Росистымъ утромъ я,
Пока спокоенъ дома
Строгий судія.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.

О, сколько тусклой скуки
Въ сверканіи меча!

Ударъ меча обрушу,
И хрустнуть позвонки,
И кто-то бросить душу
Въ размахъ моей руки.

И хлынетъ токъ багряный,—
И тяжкій трупъ влача,
Возникнетъ кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспѣшно прочь
Отъ скучнаго позора
Въ мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
Въ окошко постучу,
И дома жажда крови
Проникнетъ къ палачу.

Мой сынъ покорно ляжетъ
На узкую скамью.
Опять веревка свяжетъ
Тоску мою.

Стенанія и слезы,—
Палачъ—вездѣ палачъ.
О, скучный блескъ березы!
О, скучный дѣтскій плачъ!

Кто знаетъ, сколько скуки
Въ искусствѣ палача!
Не брать бы вовсе въ руки
Тяжелаго меча!

Федоръ Сологубъ.

Волна.

Прибѣжала она издалека,
Смыла пыль съ задремавшихъ камней
И, не молвивъ ни слова упрека,
Убѣжала опять поскорѣй.

А за нею другая—добрѣе,—
Эта тихо вздохнула у ногъ
И не сразу, а нехотя, въ море
Унесла мой непонятый вздохъ.

Поджидаль ее долго напрасно
Среди сѣрыхъ, угрюмыхъ громадъ,
Но съ отвѣтомъ сестру мнѣ прислала,
А сама не вернулась назадъ..

И сестра мнѣ съ тоскою пропѣла:
„Мы не любимъ тебя, какъ и тѣ,
Что прислали въ любви сознаться
Въ утѣшенье морской красотѣ“...

Н. Шинскій.

* * *

Молодость, молодость, спутница милая!
Вмѣстѣ живемъ мы, работаемъ, учимся,
И не придетъ къ намъ минута унылая—
Чую я сердцемъ, что мы не разлучимся...
Бросимъ, коль сможемъ, на ниву народную
Горсточку малую добраго сѣмени,
Да и опустимся въ землю холодную,
Въ пламени мысли сгорѣвши до времени...
Молодость, молодость, спутница милая!

С. А. Норсанъ.

ПѢСНЯ ФОРТУНІО.

Изъ А. де-Мюссе.

Названье милой вы хотите,
Друзья, узнать—
Не въ силахъ я, хоть тронъ сулите,
Ее назвать.

Мы можемъ пѣть, что я ревниво
Отдался ей,
Что не свѣтлѣе лѣтомъ нива
Ея кудрей.

Мое блаженство и отрада—
Лишь ей внимать,
И я готовъ, коль это надо,
Ей жизнь отдать.

Увы, любовью безнадежной
Душа полна;
Ее сгубилъ огонь мятежный,
Болить она.

Нѣмая смерть подъ сѣнь могилы
Меня зоветъ;
Пускай умру—названье милой
Со мной умереть.

П. А. Козловъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

Тѣ же все картины...
Цѣпь нѣмыхъ холмовъ.
Свѣжія долины
Съ зеленью кустовъ.

Небо голубое...
Боръ. За боромъ—лугъ.
Озеро нѣмое.
Камыши вокругъ.

По лугу—извивы
Голубой рѣки.
За лугами—нивы.
Рожь. Въ ней—мужики.

Вѣтерка дыханье...
Звонъ веселый косъ...
Пестрота, шуршанье
Зрѣющихъ полосъ.

Лѣсъ. Ольха, осина,
Дубъ, да стройный кленъ.
И опять—равнина,
Ширь со всѣхъ сторонъ.

Золотясь, сверкая,
Зыблятся поля...
Это ты, родная,
Русская земля!

Ѣду,—и невольно
Средь нѣмыхъ полей
Сердце бьется вольно,
Дышитъ грудь бодрѣй.

Ѣду въ даль, мечтаю,—
И мечтамъ моимъ
Нѣтъ конца, нѣтъ краю,
Какъ полямъ роднымъ.

Павелъ Тулубъ.

Піанино.

Изъ Ж. Роденбаха.

Піанино въ сумеркахъ задумчиво мечтаетъ
Въ своемъ углу и ждетъ невѣсты блѣдныхъ
рукъ;

Ихъ перстень золотой коснуться не дерзаетъ,
Ихъ нѣжные персты легко пробудятъ вдругъ
Печальнаго вдовца отъ долгаго молчанья,—
И зазвучатъ опять въ его груди рыданья.
На счастье новое надежду онъ таитъ,
Года безмолвія и тайнаго страданья
Его эбеновый покровъ въ себѣ хранитъ!..
О, если бъ радостной, весеннею порою
Невѣста, полюбивъ безмолвіе тоски,
Въ немъ пробудила вновь искусною игрою
Напѣвы скрытые дрожаніемъ руки!
Вновь распустились бы гирлянды смятыхъ лилій
Надъ блѣдной влагою, и лебедей стада
За Лоэнгриномъ вновь послушно бы проплыли,
Вновь отразила бы прозрачная вода
Доспѣхи въ лунный свѣтъ!

Увы, повито мглою,

Оно безмолствуетъ, объятое тоскою;
Спустилась ночь, свѣжо... никто не подойдетъ.
Ужъ розы лепестокъ послѣдній умираетъ,
Піанино въ сумеркахъ свои мечты смиряетъ,
Но все надѣется и все чего-то ждетъ!

Эллисъ.

Адамъ Асныкъ.

* * *

Изъ А. Асныка.

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ темнымъ очеркомъ безмолвнаго села;
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела...
Далеко на степи... Какими косяками
Тамъ зрѣлые хлѣба раскинулись-стоятъ!
Надъ темными заросшими межами
Они степныя тайны сторожатъ...
Нѣтъ ни души кругомъ—ни звука, ни тревоги...
Спятъ матово-зеленые овсы
И жаворонокъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Обрызганъ перлами холодными росы...
Нѣтъ ни души кругомъ—зелено-серебристый
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И теплый паръ ночной и ароматъ росистый
Какъ еиміамъ разлились предъ зарей...

Ив. Бунинъ.

Semper idem.

Изъ А. Асныка.

Безсмѣнна, какъ всегда, волна живыхъ явленій,
Обыденной чредой мѣняющихъ свой видъ—
И нынче, какъ вчера, вся въ дымкѣ сновидѣній,
Готова солнцу тронъ, заря огнемъ горить.
Намъ новая весна несетъ былыя чары:
И зелень, и цвѣты, и блескъ, и ароматъ,
И тѣ же хоры птицъ въ тѣни лѣсовъ звенять...
Слетаютъ грезы къ намъ, но грезы эти—стары!
Знакомый рядъ утѣхъ плѣняетъ намъ сердца,
Какъ будто ту же нить все тянешь изъ кудели—
И жалобы людей, и вздохи безъ конца
Среди пучины бѣдъ—всегда они не тѣ ли?
Но блескъ зари межъ тѣмъ, но чудный гимнъ весны,
И море, и земля, и неба сводъ лазурный,
Стремленье къ лучшему, жизнь молодости бурной,
Сомнѣнье и тоска, и розовые сны
И призрачной любви пріятныя оковы
Всегда такъ дороги, такъ новы!

Мих. Гербановскій.

А С Т Р Ы.

Изъ А. Асныка.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались,—
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечтались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былые!
Также вянуть, блекнуть листья
Золотые,

Также мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною
И шумить въ аллеяхъ вѣтеръ
Надо мною...

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце, озаряли
День осенній.

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонъ нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ—вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ,—
Въ блескѣ ночи!

Ив. Бунинъ.

* * *

Изъ А. Асныка.

Безъ словъ мы навсегда простилися съ тобою,
Всѣ рѣчи я сберегъ въ душевной глубинѣ,
Я говорить не могъ... Но сердца нѣтъ со мною—
Оно теперь съ тобой въ далекой сторонѣ.

Бѣлѣеть домикъ твой подъ крышею родною,
Поютъ тамъ соловьи такъ звонко по веснѣ...
Я отдѣленъ отъ васъ страданьемъ и тоскою,
И домъ мой далеко, и нѣтъ возврата мнѣ...

Такъ больно было мнѣ остаться безъ отвѣта!
Но все-таки я радъ, что яснаго разсвѣта,
Что жизнь твою не буду омрачать,—

Она къ тебѣ идетъ съ улыбкой молодою,
А я прощаюся съ послѣднею зарею,
Иду во тьму—и не вернусь опять!..

Ив. Бунинъ.

Юлій Цезарь.

Они кричатъ: за нами право!

Они клянуть: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О нашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій
На площадяхъ вступаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,
Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя бъ прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легионовъ
Значки—во храмахъ у пареянъ!

Давно васъ ждуть въ родномъ Эребѣ!
Вы—выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошень жребій.
Плыви, мой конь, чрезъ Рубиконъ!

Валерій Брюсовъ.

Н О Ч Ь Ю.

Во тьмѣ ледяной предрасвѣтной

По улицамъ мертвымъ и гулкимъ
Грохочутъ телѣги.—

Ты слышишь?

Дрожать половицы и двери,
Проснувшись, дрожишь ты отъ страха.

Что въ этихъ телѣгахъ—

Ты знаешь?

Везутъ онѣ снова день жизни,

День злого насилья вселенной!

День рабства тупого.

Ты плачешь?

Вернись въ слѣпую ночь!

Сгори въ слѣпую ночь!

Конст. Эрбергъ.

Къ печали.

Изъ Ленау.

Въ жизни ты вездѣ со мною,

О, печаль, мечта-бѣда,

Я во мракѣ, я съ звѣздой,

Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь въ горы,

Гдѣ орелъ—сторожевой,

Гдѣ еловые узоры,

Гдѣ гремучъ потокъ лѣсной.

Тамъ, что умерло—живое,

Я взрыдаю какъ въ бреду,

И лицо свое ночное

Я на грудь твою кладу.

Н. Д. Бальмонтъ.

Надъ потокомъ.

Шумъ горнаго потока, шумъ потока... Съ закрытыми глазами я прислушиваюсь къ тебѣ, какъ ты звучишь, непрерывный, монотонный, вѣчный...

И душу мою охватываетъ такая тоска, такая безконечная грусть.

Этотъ шумъ, знакомый мнѣ цѣлые годы, съ самаго ранняго дѣтства,—всегда одинаковый, монотонный и вѣчный, и когда я погружаюсь памятью въ прошлое, сколько разъ я вижу себя надъ этимъ горнымъ потокомъ, такъ же съ закрытыми глазами вслушивающимся въ него, съ той же тоской, съ той же безконечной грустью въ душѣ.

Шли годы моего дѣтства, шли годы моей весенней молодости и теперь идутъ годы жизни все дальше, все дальше и безъ возврата—и снова я стою надъ потокомъ съ тою же тоской въ душѣ, съ той же безконечной грустью...

Какъ будто мнѣ жаль чего-то, что я потерялъ, и чего-то, что не придетъ; какъ будто меня печалитъ потеря чего-то дорогого мнѣ, чего я не видѣлъ, а только могу предчувствовать, что оно существуетъ; какъ будто я тоскую по чемъ-то, что уходитъ, и что никогда не приходило ко мнѣ...

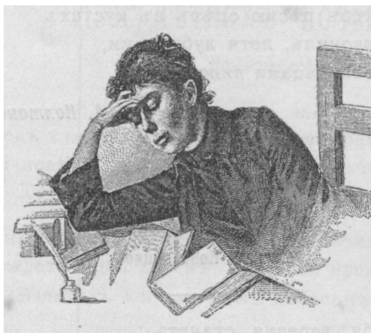
Сколько разъ я протягивалъ руки къ улыбкамя судьбы, которыя обманывали меня—и потомъ снова стоялъ надъ этимъ горнымъ потокомъ, съ закрытыми глазами, вслушиваясь въ его шумъ, монотонный и вѣчный, съ той же тоской и съ той же безконечной грустью въ душѣ...

Неужели такъ будетъ всегда?

И никогда, никогда надъ этимъ шумящимъ потокомъ у меня не будетъ въ душѣ другого чувства, какъ только эта тоска и эта безконечная грусть?

Н. Тетмайеръ.

МАРІА КОНОПНИЦКАЯ.

* * *

Изъ М. Конопницкой.

Какъ король шель на войну
Въ чужедальнюю страну,
Зазвенѣли трубы мѣдныя—
На потѣхи на побѣдныя.
А какъ Стахъ шель на войну
Въ чужедальнюю страну,
Зашумѣла рожь по полюшку—
На кручину, на недолюшку...
Свищутъ пули на войнѣ,
Бродить смерть въ дыму, въ огнѣ;
Тѣшатъ взоръ вожди отважные,
Стонутъ ратники сермяжные.
Бой умолкъ, труба гремитъ.
Съ тяжелой раной Стахъ лежитъ,
А король стезей кровавою
Возвращается со славою.
А на встрѣчу у воротъ
Шумно высыпалъ народъ,
Дрогнулъ замокъ града стольнаго
Отъ трезвона колокольнаго.

А какъ легъ въ могилу Стахъ,
Вѣтеръ пѣсню спѣлъ въ кустахъ
И звонилъ, летя дубровами,
Колокольцами лиловыми.

А. Колтоновскій.

* * *

Изъ М. Конопницкой.

Кто тебя, деревня, станетъ
Въ золото рядить
И дождемъ алмазныхъ капель
Съ вышины кропить?
Кто коверъ тебѣ постелетъ
Изъ живыхъ цвѣтовъ,
Если солнышко закрыто
Сѣтью облаковъ?
Кто зажжетъ лучистымъ блескомъ
Сталь косы твоей
И въ лугахъ разбудить рано
Утромъ косарей?
Нѣтъ, скрывая ядъ обиды
Въ глубинѣ души,
Простоишь еще ты долго
Въ сумрачной глуши.
И не мало въ темъ ночную
Ты уронишь слезъ
По полямъ и по равнинамъ
Вспаханныхъ полосъ.
Но придетъ пора, я вѣрю,
Черезъ много лѣтъ,—
Дня грядущаго заблещетъ
Надъ тобой разсвѣтъ!

Е. Е. Нечаевъ.

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ НОЧЕЙ.

Изъ М. Конопницкой.

Предъ сумрачнымъ лицомъ осеребренной дали
Я повѣряю вздохъ задумчивой печали
Твоимъ, Господь, нѣмымъ звѣздамъ!

Ты видишь—спитъ земля у ногъ Твоихъ, вздыхая,
И жаждетъ хотъ во снѣ, безсилъе проклиная,
Взлетѣтъ къ далекимъ небесамъ.

Надъ головой ея роятся тихо грезы
И мѣсяць серебрить пылающія слезы
Холоднымъ, медленнымъ лучомъ...

Голодный и бѣднякъ заснули сномъ безопасно—
Имъ снится лучший мѣръ, гдѣ счастье безконечно,
Гдѣ радость свѣтлымъ бѣгъ ключомъ...

Но лишь блеснетъ заря—о томъ Ты знаешь, Боже!
Застонуть люди вновь въ заботахъ дня—за что же?
Заплачутъ бѣдные опять!

О, лучше бъ, лучше бъ Ты на сомкнутыя очи
На вѣки наложилъ печать мертвящей ночи—
Небытія печать!

Мих. Гербановскій.

ЖЕНЩИНА И ДѢВУШКА.

Женщина и дѣвушка встрѣтились нежданно
Въ часъ, когда надъ городомъ день ужъ погасъ,
Изъ церковей отворенныхъ струились нити ладана,
Надъ темными бульварами еще не вспыхнулъ газъ.
Та, что тайну выдала, и та, что неразгадана,
Встрѣтились нечаянно въ сумеречный часъ.

Дѣвушка, вся свѣтлая, вся радость недоступная,
Невѣста нерасцвѣтшая, но близкая къ вѣнцу.
Женщина румянами скрыла тѣни трупныя,
Что утромъ расползаются по дряблему лицу.

Дѣвушка и женщина,—святая и преступная,
Жизни не узнавшая и близкая къ концу.

Женщина шла медленно, маня, шуршала юбками,
Не прятала въ ихъ шелестѣ контуровъ ноги,
Въ сумеркахъ у дѣвушки черты казались хрупкими,
Были торопливыми некрупные шаги.

Женщина продажная и дѣвушка съ покупками
Встрѣтились нечаянно, взглянули, какъ враги.
Взглянули, какъ далекія; но первому движенію
Что-то въ нихъ отвѣтило, мелькнуло изъ-подъ вѣкъ,
Мелькнуло незнакомое злобѣ и презрѣнію,
Путы чувствъ нашептанныхъ кто-то пересѣкъ.

Не поняли, не поняли... Чуждыя прозрѣнію,
На мигъ другъ другу близкія, далекія на вѣкъ,
Эта ясноокая, въ которой не досказано
Столько словъ плѣнительныхъ, не скучныхъ никогда;
И та, съ глазами тусклыми, въ которыхъ вся раз-
сказана

Повѣсть нисхожденія, безстыдства и стыда.

Не поняли, что городомъ онѣ другъ съ дру-
гомъ связаны,

Что связанными накрѣпко пребудутъ навсегда,
Что, чѣмъ грязнѣй объятъями женщина захватана,
Тѣмъ чище будетъ чистая въ дѣвичьей красотѣ,
И глаже будетъ проданной дорога въ гробъ укатана,
Чѣмъ радостнѣе дѣвушка довърится мечтѣ.

Не поняли. И дѣвушка сътью улицъ спрятана,
Женщина, ужъ куплена, исчезла въ темнотѣ.

Евг. Тарасовъ.

И Д И Л Л І Я.

Изъ Винцентія Поля.

Черемухи пахнутъ такъ сладко, цвѣты на лугахъ
расцвѣтають,
И первыя вешнія молніи гдѣ-то далеко мелькають.
Весна, ты опять воротилась съ безсмертной своей
красотою!
Зачѣмъ же тебя я встрѣчаю съ такою глубокой
тоскою?
Я плачу, когда все ликуеть. Гнететь мое сердце
утрата...
Ахъ, ласточки мнѣ не воротятъ того, что прошло
безъ возврата.
Черемухи пахнутъ такъ сладко, шебечуть безъ
умолку птицы,
А я все томлюся душою, какъ узникъ средь мрач-
ной темницы,
Не зная, что дѣлать съ собой и куда бы уйти отъ
страданья.
Зачѣмъ такъ звенять соловьи? Я хочу гробового
молчанья...
Зачѣмъ ты, весна, воротилась? Вѣдь ты не при-
носишь съ собою
Того, что погибло навѣки, безжалостной смято
грозою.
Черемухи пахнутъ такъ сладко, калина покрылась
цвѣтами,
Глубокое вѣчное небо блеститъ золотыми звѣздами;
Опять загремѣли ручьи, зашумѣли листвою березы,
Вѣдь свѣтлой веснѣ непонятны людскія печали и
слезы...
А сердце мое все болитъ и тоска меня черная
гложетъ,
Того, что зарыто въ могилу, весна возвратитъ мнѣ
не можетъ.
В. Н-ая.

Т ь м а.

Изъ Г. Байрона.

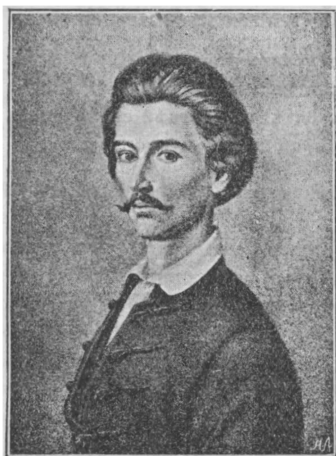
Я видѣлъ сонъ,—но все ли сномъ въ немъ было?!—
Погасло солнце, безъ лучей средь тьмы
Въ пространствѣ вѣчномъ сонмы звѣздъ блуждали;
Въ безлунной ночи мерзлая земля
Вращалась чернымъ шаромъ!.. День кончался,
Ночь проходила, наступало „Завтра“,
Но свѣтлый день съ собой не приводило...
Всѣ люди, страсти въ ужасѣ забывъ,
О свѣтломъ днѣ молитвы возсылали
Къ померкнувшимъ суровымъ небесамъ,—
И всѣ сердца людей обледенѣли!..
И жили всѣ, вокругъ костровъ блуждая,
Предавъ огню и пышные чертоги,
И свѣтлые дворцы, царей престолы,
И хижины голодныхъ бѣдняковъ,—
Сложивъ вездѣ сигнальные костры...
Не стало городовъ, и безнадежно
Вокругъ своихъ пылающихъ домовъ
Толпились люди и въ лицо другъ другу
Въ послѣдній разъ старались заглянуть.
И ликовали тѣ, кто поселился
Близъ кратеровъ вулкановъ раскаленныхъ,
Вблизи вершинъ, свѣтящихся, какъ факель...
И снизошло ужасное прозрѣнье!..
Лѣса горѣли, съ трескомъ упали
Стволы деревъ, пылающихъ вокругъ,
И тьма весь мѣръ покрыла пеленою;
При каждой вспышкѣ языки огня
Людей дрожащихъ лица озаряли.
Но ихъ чело являло выраженье
Нездѣшнее; иные пали ницъ
И плакали, скрывая слезъ потоки;
Другіе, опершия подбородкомъ
На кулаки, сидѣли неподвижно
Съ улыбкой безнадежной на устахъ;
Иные съ безконечною тревогой

Метались, напрасно разжигая
Огонь костровъ, вперяя взоры въ небо.
Но небо было мрачно, словно саванъ
Безжизненной, безчувственной земли...
Тогда, въ безуміи зубами скрежеща,
Они на землю хладную взирали
И жалобно вопили о пощадѣ;
Услышавъ стонъ, имъ громкимъ крикомъ вторя,
Рой хищныхъ птицъ, кружася, падалъ наземь
И крыльями въ безсильи билъ о землю...
Стада звѣрей въ испугѣ небываломъ
Безвредныя блуждали межъ людей,
И змѣи, вокругъ со свистомъ извиваясь,
Служили пищей лакомой для нихъ...
И, наконецъ, ужасная война,
Дремавшая дотолѣ, возгорѣлась,—
И стала кровь цѣною каждой пяди.
И каждый сѣлъ особнякомъ, сердито
Смотря вокругъ, во мракѣ насыщаясь.
Навѣкъ любовь исчезла изъ сердець,
И мысль одна царила надо всѣмъ,
Мысль о позорной, неизбѣжной смерти.
И голодь сталъ терзать людей утробы.
Вокругъ костей несхороненныхъ груды
И кучи тѣлъ валялись и сгнивали;
Живой скелетъ глодалъ изсохшій трупъ,
Голодныя собаки забывали
Своихъ хозяевъ и терзали ихъ...
Межъ нихъ была одна: у трупа сидя,
Она его, ворча, оберегала
Отъ птицъ, звѣрей и отъ людей голодныхъ,
Что, рыская вокругъ, искали труповъ,
И челюсти съ усильемъ разверзали...
Но вѣрный песъ забылъ мечты о пищѣ
И съ жалобнымъ и непрерывнымъ визгомъ
Лизалъ, увы, безчувственную руку...
Такъ палъ и онъ... Вокругъ толпы людей
Отъ голода въ мученьяхъ умирали...
Отъ двухъ враждебныхъ городовъ осталось
Лишь двое жителей: бродя во мракѣ,
Вдругъ встрѣтились они предъ алтарями,

Гдѣ были всѣ святыни сожжены,
Накопленная для позорныхъ цѣлей...
Тогда, дрожа отъ стужи, легкой пепель
Они въ испугѣ стали разгребать
И раздувать дыханьемъ слабымъ пламя;
Но, вспыхнувши насмѣшливо на мигъ,
Оно угасло... старые враги,
Они сразились и погибли оба,
И не узналъ въ лицо врага убійца...
Мірѣ опустѣлъ. Великій, людной мірѣ
Сталъ комомъ глины безъ деревъ зеленыхъ,
Цвѣтущихъ травъ, людей и шумной жизни,
Безъ осени, зимы, весны и лѣта;
И снова сталъ на немъ царить хаосъ.—
Моря, озера, рѣки: все умолкло,
И замерла бездонная ихъ глубь.
Въ моряхъ суда застыли безъ движенья,
Лишенная навѣкъ искусныхъ кормчихъ;
Беззвучно мачты въ воды упали,
И волны были мертвы и недвижны,
Забывъ свои приливы и отливы,—
Ихъ чудная владычица—луна
Давно, давно погасла въ небесахъ...
Затихнулъ вѣтеръ: воздухъ онѣмѣлъ...
И облака развѣялись во мракъ,—
И мракъ одинъ царилъ надъ всей вселенной...

Элисъ.

САНДОРЪ ПЕТЕФИ.

ЗВѢЗДНАЯ НОЧЬ.

Изъ С. Петефи.

Въ окно мое сіянье звѣздной ночи
Вливается во всей красѣ своей,
И къ небесамъ я устремляю очи,
А мыслью рвусь къ возлюбленной моей.

И небеса сіяющія эти,
И та, кого люблю я—краше нѣтъ,
Милѣ ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ,
А я брожу по свѣту много лѣтъ.

Уходитъ ночь; въ гористой синей дали
На западѣ луна еще видна,
Но уменьшась, какъ гнетъ моей печали,
Блѣднѣе все становится она.

Высоко звѣздъ блестящія плеяды
Стоять теперъ... Вотъ заалѣлъ востокъ,
Пѣтухъ запѣлъ, и утренней прохлады
Предвѣстникомъ поднялся вѣтерокъ...

Пора во снѣ искать успокоенья,
Но не для сна настроена душа...
Дѣйствительность прекраснѣй сновидѣнья
И въ этотъ мигъ жизнь чудно хороша!

О. М-ва.

* * *

Изъ С. Петефи.

Ты спишь, природа, зимнимъ сномъ объята,
Предчувствуя, быть можетъ, въ сновидѣнни,
Что ждетъ тебя въ день свѣтлый пробужденья
Печальная и горькая утрата.

Сойдетъ къ тебѣ въ цвѣтахъ весна молодая
И встрѣтитъ соловей васъ сладкогласный.
Но былъ иной пѣвецъ, пѣвецъ прекрасный,
Пѣлъ слаще соловья, свой стихъ слагая.

Проснешься ты,—а нѣтъ его съ привѣтомъ.
И спросишь ты съ тоской: „Гдѣ жъ онъ, родимый?
„Гдѣ жъ мой пѣвецъ, гдѣ мой поэтъ любимый?“
И холмъ могильный будетъ лишь отвѣтомъ.

Природа, береги рукою сильной
Тотъ холмъ, гдѣ спитъ пѣвецъ твой вдохновенный,
Всю жизнь къ тебѣ пылавшій неизмѣнной
Любовью. Береги его приютъ могильный!

М. Ватсонъ.

Разрушенный молъ.

Ф а н т а з і я .

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханьемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, покрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца,—когда-то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый, молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ — огромный и черный.

И волны морскія—могучія, вольныя волны встрѣчались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу,—и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія вольныя волны, пока не сломала ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудомъ блестятъ серебряныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной пучиною моря, пѣсны о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

* * *

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря-мать ихъ баюкала пѣсней, и въ весельи безпечномъ катились онѣ въ туманную даль... Но мрачный и злобный тиранъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишитъ захотѣлъ,—чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездною морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись... Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки, рабы принялась за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставили земли и въ пучину морскую бросали.

И море взыгралось.

Весело волнамъ глядѣтъ, какъ скалы на дно

упадаютъ: скачуть, рѣзвятся, хохочуть, угрюмая скалы ласкають.

Шепчутся волны: „То-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурые гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!“

Весело юнымъ волнамъ.

Буря лишь мать да отецъ-ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ, падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутились волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые имъ скована воля...

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью—со стономъ отхлынули прочь... Стѣна холодна, неприступна...

Вздогнуло море...

Мчатся угрюмая волны. „Измѣна, измѣна!“ кричатъ. „Мы ихъ, какъ друзей, принимали. Свободу, свободу украли у насъ!“

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-ураганъ.

„О, скалы, о, грозныя скалы! Когда-то и вы свободными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?“

Нахмурились грозныя скалы. „Не наша въ томъ воля“...—такъ мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся; зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны сзываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

„О, волны! о, бѣдныя волны. Погибла, погибла свобода! Отнынѣ рабами вы стали“...

И мрачно умчались прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли; не будить ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ... И юныя волны угрюмо катятся,—не слышно ни смѣха ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце тускло такъ свѣтитъ надъ ними, небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ.

Лишь юныя волны порой, истомившись въ суровой неволѣ, отважною ратью сбирались, однѣ на врага ополчались...

Грудью, сомкнувшись, ударятъ объ острыя скалы—тщетно!.. нѣмыя громады не дрогнуть...

Гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздастся,—то стонутъ разбитыя груди отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали,—все мрачнѣй и мрачнѣй становилось во кругъ...

Смирились волны, утихли... Будемъ ждать, будемъ силъ набирать...

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны,—гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали: спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ старымъ волнамъ—старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ.

„Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва...

Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами спорить!“

Бросились волны-гонцы родимыхъ искать,—матушку-бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по морю—нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

„Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вамъ мы гонцами пришли!

„Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное море летите!

„Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали!

„Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

„Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

„Не страшна намъ борьба и смерть не страшна.

„Лишь было бы море свободно!“

Трепетно сердце забилося у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили добрые, старыя годы.

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ушелій въ безбрежное синее море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

„Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

„Вставайте, могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушите преграды!“

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой, онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ, черныя тучи нависли кругомъ, какъ впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны сбирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась,—ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать.

„Впередъ, могучія волны! Смерть идъ свобода!“

Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздروгнули хмурыя скалы... близко ужъ волны... Несутся быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы—замертво пали.

Брызги пѣны горячей, какъ кровь, высоко подѣ небо взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать-буря: „Дѣти, родныя дѣти! Ужъ первыя пали... много еще васъ падеть, но сломимъ силу врага!“

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянуть назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало—сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнуть, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ: всѣ волны въ одну собрались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море на-двинулъ, теперь ужаснулся. Вздогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хотъ частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ! Слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья!

Какъ могучіе львы, старыя волны на помощь младымъ понесли! Разсыпались бѣлыя кудри... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подѣ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется новая рать...

Чуютъ кругомъ: или свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ. ъ

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно ударила въ стѣну—дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ.

Замерли воды. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова... Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ подались и съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

„Прочь, позорные трупы!“—скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

„Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежать!“

Разверзлось дно моря, и въ мрачную бездну съ проклятіемъ скалы упали...

„Наша ль вина?.. Волнамъ—слава, намъ—вѣчный позоръ за позорное дѣло“...

Ликуеть безбрежное море. Оно побѣдило могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ—свобода!

Г. А. Гершуни.

СЫНЪ ЧАСОВЩИКА.

(Колыбельная).

... **Т**икъ... такъ.. тикъ... такъ...

Мѣрно непрерывный шагъ,
Словно стражъ, сѣдое время,—
Облегчивъ безмолвья бремя,—

Отбиваетъ,

Отмѣряетъ,

И подь стукъ часовъ пою —
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Сквозь молчашій, сонный мракъ,—
Распростерши тѣни-крылья,—
Сномъ изъ рога изобилья—
Фея ночи,
Смеживъ очи,
Нѣжитъ дѣточку мою...
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... тикъ... тикъ... тикъ...
Тамъ отецъ твой—часовщикъ,
Повседневной полнъ заботой,
Засидѣлся за работой...
Спи, сыночекъ,
Молоточекъ
Не спугнетъ мечту твою...
Баю-баюшки-баю...

Такъ... такъ... такъ... такъ...
Трудовой отца верстакъ
Силы, зрѣнье отнимаетъ,
Но отъ голода спасаетъ,
Защишая,
Охраняя
Нашу бѣдную семью...
Баю-баюшки-баю...

Тикъ... такъ... тикъ... такъ...
Стало тихо, тихо такъ...
Сквозь прозрачное молчанье
Слышно ровное дыханье...
Черпай силы,
Мальчикъ милый,
Въ сонномъ, сказочномъ краю...
Баю-баюшки-баю.

Михаилъ Гальперинъ.

Глаза-васильки.

Д-ъ п.

Глаза-васильки хороши, хороши.
А косы, какъ поздняя рожь, золотисты,
Какъ поздняя рожь на закатѣ, въ тиши.
Желтѣетъ солома. Колосья лучисты.
Бездонная даль за полями видна.
И жницы, какъ птицы, въ поляхъ голосисты.
Глаза-васильки. И сама, какъ Весна,
Пришедшая къ Осени съ позднимъ поклономъ.
Сама, какъ Весна, и весенне-грустна.
Я вѣрю глазамъ-василькамъ, окропленнымъ
Росою осенняго утра,—ихъ жаръ
Сквозить, словно солнце надъ садомъ зеленымъ.
Березы бѣлы. И тоскующій паръ
Земли изнемогшей овѣялъ ихъ нѣгой,
И страсть ихъ туманить, какъ алый пожаръ.
Мнѣ больно и сладко. Подъ грузной телѣгой
Колеса скрипятъ. И дорога—до хатъ.
Тамъ ржанье кобылъ, бѣлогривой и пѣгой.
Коня погоняю, задумчиво радъ,
И знаю, охваченный близостью встрѣчи,—
Глаза-васильки мнѣ подарить закатъ.
Глаза-васильки—голубые предтечи
Безоблачныхъ дней и прекрасны, какъ сонъ,
Гдѣ сказочно ласковы косы и плечи.
Любовь затуманить, какъ солнечный звонъ.
И взглядъ васильковъ въ убаюканьи сонномъ
Опять запоетъ и замретъ, утомленъ.
Вотъ хаты подъ шелестомъ мягко-зеленымъ.
И вѣетъ свѣтло на закатѣ, въ тиши
Мнѣ позднее солнце въ огнѣ утомленномъ:
Глаза-васильки хороши, хороши!..

Яновъ Годинъ.

Есть розы черныя, нѣмая,
Прекрасно страшныя... Растутъ
Въ нихъ словно ужасы ночные,
И лишь въ тѣни онѣ цвѣтутъ.

Пугаютъ днемъ ночныя краски,
И только ночью въ тишинѣ
Зовутъ и обѣщаютъ ласки,
Манятъ и мучатъ при лунѣ.

Но если солнца лучъ проглянетъ,
Кричащій яркій взглянетъ свѣтъ—
Махровый кустъ пугливо вянетъ
И умираетъ черный цвѣтъ.

И ты цвѣтокъ ночной, прекрасный,
Ночная роза тишины,
Ты только ночью, ночью ясной
Цвѣтешь и будишь злые сны.

Твои глаза—дыханье мрака,
Въ нихъ страсти злая глубина,
Боишься утренняго знака
И только ночью ты страшна...

Александръ Вознесенскій.

Забвеніе.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

Въ руинахъ древній храмъ, стоящій на вер-
шинѣ;

Въ суровой мѣстности нѣмая смерть царитъ...
Лишь тощая трава кой-гдѣ еще торчитъ
Межъ богомъ бронзовымъ и мраморной богиней.

Лишь иногда пастухъ прогнать по пустынь
Стада на водопой и пѣсней, что звучить
Глубокой стариной, окрестность огласить,
И тѣнь его прерветъ унылость дали синей.

Природа мать, въ любви къ языческимъ бо-
гамъ,

Здѣсь каждую весной, вотще краснорѣчива,
Въ колоннѣ сломанной растить акантъ красивый.

Но житель нынѣшній ужъ глухъ къ былымъ
мечтамъ:

Рыданью волнъ морскихъ, въ молчаньи ночи ясной
По нимфамъ плачущихъ, онъ внемлетъ безучастно.

Пл. Красновъ.

Д а л ь.

Изъ Я. Броунингъ.

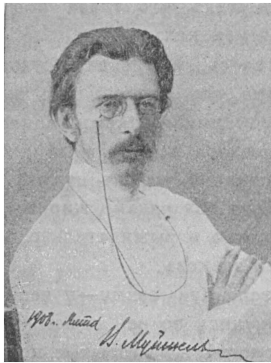
Подобье мы дѣтей, когда они, вздыхая,
Капризно лбомъ прильнувъ къ поверхности
стекла,

Туманятъ гладь его, которая свѣтла,
Даль неба и полей отъ взора закрывая...

Съ тѣхъ поръ какъ Промыслomъ разлучена была
Съ душою скорбною за гробомъ жизнь другая—
Межъ ней и взорами, преграду воздвигая,
Мѣшаетъ въ даль смотрѣть печали нашей мгла.

О, братъ! О, человѣкъ! Сдержи свои рыданья,
Будь мужественъ, молчи. Души твоей стекло
Пусть дуновениемъ не отуманить зло,
Чтобъ взоромъ яснымъ ты въ концѣ существованья
Могъ видѣть издали, когда блеснутъ они:
Предсмертныхъ факеловъ священные огни.

О. Чюмина (Михайлова).

В. Муйшель.

П о к а.

Отрывокъ.

Ночь уже раздѣлилась на небо и землю, и тьма осѣла, вбираясь въ черныя пашни, и только лѣсъ еще не сдавался и держалъ ночь въ глубинѣ своей.

Жидкимъ розовымъ золотомъ проглянула далекая заря, мертвый мѣсяцъ неподвижно висѣлъ въ небѣ, и былъ онъ бѣлый, блестящій и не яркій, не свѣтившій, а только свѣтящійся.

Василій прсснулся отъ утренняго холода и сидѣлъ на краю канавы, глядя передъ собою тупымъ, бессмысленнымъ взглядомъ. Все въ немъ потухло, и длинная тягучая жизнь шла темными мыслями, знакомыми ощущеніями, старыми воспоминаніями. Было холодно и знобко, а отъ похмелья внутри что-то дрожало противной холодной дрожью, и горькая густая муть наплывала къ горлу и тошнила.

Казавшаяся огромной и пустой голова бессильно качалась на слабой шеѣ, а мозгъ, маленькій и

тяжелый, сжался въ комочекъ и каждая мысль причиняла боль, такъ что глаза рѣзало, и теплая слеза катилась изъ нихъ.

Пить хотѣлось, и твердая сухость рта была такъ нестерпима, что Василій тутъ же наклонился и большими громкими глотками напился изъ оставшейся отъ недавняго дождя лужи.

Потомъ всталъ и пошелъ пустой черной пашней, гдѣ изгибавшіяся рядами жирныя глыбы земли лежали неподвижно и выжидательно, тая въ себѣ будущую жизнь злаковъ.

Направо зеленѣли озими—и черной уродливой полосой протянулись по ней слѣды чьихъ-то ногъ, и было жаль смотрѣть на взрытые, погибшіе ростки.

Еще спало все, и чуткая предутренняя тишина застыла надъ землей, скованной ночнымъ холодомъ, беззвученъ былъ задернутый сумракомъ лѣсъ, и мертво блестялъ одинокій мѣсяцъ, остановившійся въ безмѣрномъ пространствѣ.

Пологимъ скатомъ спускалась пашня, дошла до лѣса и кончилась неглубокой балочкой, а за ней пошла уже опушка лѣса, съ неподвижными кустами и круглыми, поросшими вытянувшейся кверху травой, полянками.

Была одна полянка, а потомъ другая, и обѣ онѣ похожи были въ предразсвѣтномъ сумракѣ на темные пруды, въ глубинѣ которыхъ затаилась невѣдомая жизнь.

А дальше былъ бугоръ, подымался онъ некрутымъ изволокомъ, и березы на немъ стояли озябшія и неживыя отъ низко опущенныхъ мокрыхъ вѣтокъ.

Василій шелъ и смотрѣлъ, и ему казалось, что онъ видитъ знакомый, часто ему снившійся сонъ.

Призрачно и неподвижно стояли кусты, и полянки были похожи на пруды, и блѣдный мѣсяцъ стоялъ въ небѣ—и все это не выпукло и ярко, а плоско и смутно, какъ во снѣ... И знакомо было...

На бугрѣ было чуть освѣтлѣе, потому что лѣсъ не заслонялъ зари, а она уже ясно намѣтилась красной полосой, и видны были выжженные

круги—слѣды трехъ костровъ. Валялись какія-то яркія бумажки, синяя тряпка, осколки разбитой бутылки, и все это слабо намѣчалось въ измятой травѣ, какъ будто тоже было покрыто сѣрымъ безжизненнымъ пепломъ, какъ черные угли костровъ.

Недавно здѣсь жило что-то, трепеталь воздухъ отъ звуковъ, сверкали веселые язычки пламени и синій дымъ курился межъ деревьями и кустами, а теперь все молчало въ неподвижной тишинѣ—жившее ушло и навсегда забыло о грустныхъ берегахъ и прогорѣвшихъ кострахъ...

Шелъ новый день, а прежній навсегда исчезъ, исчезнетъ и этотъ и пройдетъ лѣто... Потомъ наступитъ зима—и все будетъ то же, и все измѣнится. Покрытая хлопьями снѣга, голая и замерзшія, будутъ стоять среди мертвой бѣлизны одинокія березы и ждать лѣта. И будетъ холодно и страшно въ долгія ночи—вылѣзутъ изъ темныхъ дебрей волки, скользнутъ смутной вереницей—тошіе, облѣзлые, голодные... И, сѣвъ въ кружокъ, подымутъ острыя, жадныя морды и завоютъ тоскливо и страшно...

А потомъ опять придетъ весна и лѣто—и пахучія, влажныя зори и дни, полные золота, тепла и творческой жизни.

Василій стоялъ среди полянки, но ноги дрожали и слабли, какъ будто онъ прошелъ много верстъ, и онъ сѣлъ прямо на землю среди обрывковъ бумажекъ, тряпокъ и битыхъ бутылокъ. Былъ праздникъ и прошелъ, сегодня работа, болото... И такъ знакомой чередой потянутся дни, пока не придетъ осень и не кончится постройка. Побѣгутъ по насыпи веселые быстрые поѣзда, пронзительно крикнетъ паровозъ и суетливо, съ торопливымъ усердіемъ, застучатъ, тяжелыя желѣзныя колеса. Будетъ дрожать насыпь, и застонутъ металлическимъ звономъ рельсы и оживетъ болото,—а онъ въ это время будетъ сидѣть въ темной, душной избѣ и ждать, пока придетъ новая весна...

Жизнь съ вѣчнымъ доживаніемъ дня для то-

го, чтобы въ слѣдующемъ ожидать, пока придетъ новый—встало передъ нимъ глухой скорбью... Родился, работалъ, ждалъ счастья, а приходилъ голодь; ходилъ на заработки, копался въ болотѣ, пьянствовалъ.

Такъ несъ свое бремя жизни, тягучее и странное, неизвѣстно кѣмъ и за что на него наложенное. И порой останавливался, чтобы оглянуться—и тогда видѣлъ, что въ прозрачное и туманное ничто прошлаго ушло много годовъ, похожихъ на тяжкій подвигъ служенія невѣдомому, таинственному богу.

Вчерашній день и прошлый годъ выступали ясно и близко, а дальше, прячась за ними свѣтлымъ и неяснымъ пятномъ, скованнымъ изъ солнца, смѣха и радости, выступала ранняя молодость. И за нею, какъ свѣтлый кристаллъ на днѣ темной рѣки, пронизывая своимъ отблескомъ зеленая струя, лежало дѣтство.

И только въ немъ не было мысли о завтрашнемъ днѣ и будущемъ урожаѣ, а надъ всей остальной жизнью проглянула безконечная мысль, которая заслоняла сегодняшній день и гасила радость.

Не было жизни, потому что жили „пока“—до новаго хлѣба и новаго сѣна и думали: вотъ пока мы живемъ и работаемъ, а придетъ зима—отдохнемъ, а зимою думали: вотъ пока голодаемъ, а придетъ лѣто—сыты будемъ...

И всегда случалось такъ, что если было одно, то не хватало другого, а когда являлось это, то исчезало первое.

И такъ незамѣтно, совершая таинственный кругъ, люди двигались къ тому, что было сзади ихъ—такому же ничто въ будущемъ, послѣ смерти, какое было въ прошломъ до ихъ рожденія...

Чуть-чуть посвѣтлѣло, и изъ глубины лѣса принесся странный звукъ. И это показало, что тамъ проснулась уже непонятная человѣку своя жизнь.

Коротко и покуда осторожно щелкнулъ кто-то тамъ, потомъ подождалъ, щелкнулъ во второй разъ и звонко чуфыкнулъ.

— Глухарь! подумалъ Василій и прислушался.

А глухарь уже осмѣлился и вдругъ горячо и то-ропливо заболталъ что-то, отчего испуганно вздрогнулъ застоявшійся воздухъ.

Пѣль онъ гдѣ-то далеко—вѣроятно, въ какой-нибудь темной болотной гущерѣ,—куда не добратся человѣку, и пѣсня долетала на опушку блѣднымъ и неяснымъ откликомъ, и это было похоже на старую сказку, полузабытую, подернутую дымкой многихъ лѣтъ.

Глухарь пѣль—и страннымъ, болмочущимъ языкомъ страстно хотѣлъ рассказать что-то, что онъ зналъ и хорошо помнилъ, а лѣсъ молчаливо слушалъ, и слушалъ одинокій человѣкъ. Былъ онъ на огромной землѣ, какъ песчинка, ничтожная мгновеннымъ существованіемъ своимъ, великій скорбью, такой безмѣрной, что—казалось, она могла заполнить весь міръ.

Сидѣлъ и слушалъ смутный отголосокъ древней пѣсни, и ему чудилось, что онъ слышалъ когда-то эту пѣснь, но гдѣ и когда—забылъ...

В. Муйжель.

* * *

... Я—сѣрый придорожный камень,
Съ утра и до ночи меня
Сжигаетъ солнца жаркій пламень,
Но прочность вѣчную храня,
Все такъ же твердъ и крѣпокъ я...
...Я—искра грознаго пожара,
Подобно призраку—лучу,
Кружась среди дыма и угара,
Въ порывахъ вѣтра я лечу,
Куда, зачѣмъ,—знать не хочу...
...Я—атомъ крохотный вселенной,
Я—мячикъ вѣтренной Судьбы,
Но живъ во мнѣ огонь священный,
И чую свѣтъ среди грозной тьмы,—
Я, полный силъ, ищу борьбы...

Михаилъ Гальперинъ.

Въ паркѣ.

Изъ В. Гомулицкаго.

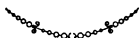
Бродилъ я въ паркѣ... Вечерѣло.
Качалась ольха и шумѣла;
Сквозь сѣтку мѣсяцъ полный
Глядѣлъ, какъ лебедь рѣзалъ волны,
И нетопырь кружилъ во мракѣ...
Съ села былъ слышенъ лай собаки.
Бродилъ я въ думы погруженный...
Вдали туманъ клубился сонный,
Трель соловья двоило эхо,
Шептались вѣточки орѣха,
Мракъ въ сочетаньѣ странно-рѣзкомъ
Соединялся съ луннымъ блескомъ.

Я сѣлъ подъ ольхою въ смущеньѣ...
Огни мелькали въ отдаленьѣ,
И дымъ изъ трубъ бѣжалъ клубами,
Мерцали звѣзды надъ полями,
И тихо сны ко мнѣ слетали—
Я сѣлъ подъ ольхою въ печали.

„Весна луга обходить, нивы,
„Поетъ природа гимнъ счастливый,
„Нѣмѣетъ взоръ отъ восхищенья,
„А человѣкъ, вѣнецъ творенья,
„Какъ прежде, бродитъ одиноко...“
Подумалъ я въ тоскѣ глубокой.

И тополь, сладко задремавшій,
И вѣтеръ пѣну волнъ собравшій,
И струйки дыма надъ домами,
И звѣздный хоръ въ небесномъ храмѣ,
И мѣсяцъ, глянувшій случайно,
Мнѣ отвѣчали тихо: „тайна!“

Мих. Гербановскій.

Артистъ Л. М. Леонидовъ.

Жрецъ богини Герты.

Позма Р. Гамерлинга.

На сѣверномъ прибрежѣ, у свинцовыхъ
Шумящихъ волнъ, въ тѣни вѣтвей сосновыхъ
Богини жрецъ задумчиво сидѣлъ.
И странныхъ думъ кружилась вереница
Въ его мозгу, и взоръ его горѣлъ..
Невдалекѣ богини колесница
Виднѣлася, передъ которой всѣ
Склонялися, хотя никто доселѣ—
И самые жрецы—не лицезрѣли
Богини ликъ во всей его красѣ:
Алтарь ея, скрывается темной тканью,
Былъ недоступенъ смертныхъ созерцанью.
Но юнаго жреца все существо
Безуміе желанья охватило,
Оно росло съ неудержимой силой:
Онъ хочетъ знать и видѣть божество!
Онъ поднялся, и къ алтарю богини,
Не трепетнымъ хранителемъ святыни
Приблизился,—но, блѣденъ и суровъ,
Какъ дерзкій воръ, сорвалъ съ нея покровъ.

И что же?.. Тамъ, гдѣ, тайну нарушая,
Не ставалъ досель еще никто—
Лишь пустота зіяла роковая,
Зіяло грозное ничто.

Но взоръ его все ярче разгорался
И въ пустоту проникнуть онъ старался,
А тьма кругомъ зіяла все мрачнѣй,
Зловѣщѣ; какъ хлопья снѣговья,
Передъ глазами искры огневья
Кружилися и вихрилися въ ней...
А онъ глядѣлъ. Предъ нимъ—безумно-дики
Являлися чудовищные лики
И странныя видѣнья безъ числа,
Дышавшія презрѣніемъ и гнѣвомъ...
И ширилася бездна и росла
У ногъ его, готовясь страшнымъ зѣвомъ
Пожрать его и цѣлый міръ...

И онъ

Отпрянулъ вдругъ, и, страхомъ ослѣпленъ,
Онъ ринулся въ бушующее море.

Тогда жрецы воскликнули:—О, горе!
Онъ палъ, огнемъ священнымъ опаленъ,
Приблизившись къ своей богинѣ Гертѣ!
Никто не зналъ, что самъ на встрѣчу смерти
Онъ кинулся безумно съ высоты—
Испуганъ, ослѣпленъ зіяньемъ пустоты.

О. Михайлова.

* * *

Полно плакать, другъ мой нѣжный!
Полно плакать, дорогая!

Мы умчимся въ яркой сказкѣ
Къ небесамъ иного края.

Мы на крыльяхъ унесемся
Въ зачарованныя дали,—
И угаснутъ муки сердца,
И разсѣются печали.

И къ далекимъ свѣтлымъ звѣздамъ
Мы построимъ мостъ лучистый.
И забросить въ наши души
Мѣсяць лучъ свой серебристый.
Дрогнетъ сердце молодое,
О несбыточномъ мечтая...
Къ намъ весна опять вернется,
Жизнь цвѣтами осыпая!

Николай Бернеръ.

У СМЕРТНАГО ОДРА.

Изъ Т. Гуда.

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
Въ груди колебалась слабѣй и слабѣй
Послѣдняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы всѣ говорить,
Едва шевелились вокругъ,
Какъ будто часть жизни своей удѣлить
Хотѣли, чтобъ ожилъ нашъ другъ.

То страхомъ надежда убита была,
То страхъ былъ надеждой убитъ:
Уснула и кажется намъ: умерла;
Скончалась—мы думаемъ: спать.

Туманное утро настало для насъ,
Сырая чуть дрогнула тѣнь,
А очи усопшаго друга, смежась,
Сіяющей видѣли день.

М. М.

О Л Ъ С Ъ.

(Мечтанія).

Г. Галиной.

Я лѣсъ люблю за строгое молчанье,
За тишину и вдумчивость деревьевъ,
За красоту зеленыхъ, стройныхъ вѣтокъ,
Поднявшихся до бѣлыхъ облаковъ
И заградившихъ путь плывущей въ небѣ тучѣ.

Мнѣ чудится, что стройныя верхушки
Узнаютъ тамъ о строгой тайнѣ неба,
Корнямъ своимъ прошепчутъ эту тайну,
А черезъ нихъ узнаютъ и кроты...
И въ глубинѣ земли воскреснетъ снова небо.

Серебряная влага нѣжно брызнетъ
На тихій лѣсъ. Посеребрить деревья
И поцѣлуемъ сладко прикоснется.
И снова будетъ тихо и безмолвно,
Но въ тишинѣ—твориться будетъ жизнь.

Я знаю... знаю. Чудится мнѣ много.
Околдовалъ меня зеленый лѣсъ на волѣ.
Деревья чарами овѣяли мнѣ душу...
Она живетъ. Въ ней снова вдохновенье...
Польется пѣснь...

Михаилъ Сандомирскій.

ВѢКЪ за ВѢКОМЪ.

Взрываютъ весенніе плуги
Корявую кожу земли,—
Чтобъ осенью снѣжныя выюги
Пустынный просторъ занесли.

Краснѣтъ лукаво гречиха,
Синѣтъ младенческій ленъ...
И снова все бѣло и тихо,
Лишь волки проходятъ, какъ сонъ.

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Взрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

А древніе прашуры зорко
Слѣдятъ за работой сыновъ,
Ветлой наклоняясь съ пригорка,
Туманомъ вставая съ луговъ.

И дальше тропой неизбежной,
Сквозь годы и бѣдствій и смуть,
Влечется, суровый, прилежный,
Вѣками завѣщанный трудъ.

Валерій Брюсовъ.

* * *

Изъ Ады Негри.

⑨, умчи меня вдаль, въ горы, въ горы съ собой,
Гдѣ сверкаютъ снѣга, какъ земной ореолъ,
Гдѣ, стрѣлою пронзая просторъ голубой,
Расправляетъ звенящія крылья орелъ;
Гдѣ земля ужъ не прахъ, гдѣ не тронетъ меня
Голосъ свѣта, пустой, какъ глупцовъ суета,
Гдѣ, сильна и горда, не паду я, стена,
Подъ тяжелою ношей земного креста.

О, умчи меня вдаль, чтобъ могла я тебя
Безъ боязни любить тамъ, гдѣ вѣтры—цари,
Средь цикламень и сосенъ косматыхъ, любя,
Напоить тебя лаской нѣжнѣ зарю.

Здѣсь туманъ тяготѣеть надъ сердцемъ моимъ,
Здѣсь поэзія гибнетъ на ржавыхъ поляхъ.
Въ горы, въ горы умчи, къ небесамъ голубымъ,
Гдѣ безмолвная вѣчность стоитъ на часахъ.

А. Федоровъ.

Грустная бесѣда.

Изъ П. Верлена.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Мелькаютъ двѣ тѣни, во мракѣ чернѣя...

Трепещутъ ихъ губы, безжизненъ ихъ взоръ,
Чуть слышенъ отрывистый ихъ разговоръ.

Въ заброшенномъ паркѣ, въ продрогшей аллеѣ
Два призрака скорбныхъ мелькаютъ, чернѣя...

— „Ты помнишь ли наши восторги святыя?“

— „Зачѣмъ воскрешать намъ мечтанья былыя!..“

— „Трепещетъ ли грудь твоя страстно въ отвѣтъ
Названіямъ милымъ, какъ прежде?“ — „О, нѣтъ!“

— „Безсмертенъ блаженный тотъ мигъ, какъ припали
Мы жадно устами другъ къ другу?“ — „Едва ли!“

— „И ясное небо, и поле, и лѣсъ?“

— „Увяли надежды подъ мракомъ небесъ!..“

Такъ грустно въ аллеѣ несется ихъ ропотъ;
Внимаетъ лишь ночь ихъ отрывистый шопотъ.

Эллисъ.

Вс. Э. МЕЙЕРХОЛЬДЪ.

Т р і о л е т ы .

Твоя застѣнчивая нѣжность—
Въ землѣ сокрытый водопадъ,
Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
Твоя застѣнчивая нѣжность—
Ростущей тучи безмятежность,
Цвѣтовъ несмятыхъ аромать.
Твоя застѣнчивая нѣжность—
Готовый вспыхнуть водопадъ.

Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни,
Люби блаженство и безпечность.
Нѣмая царственная вѣчность
Насъ увлекаетъ въ безконечность,
И въ цѣломъ мірѣ—мы одни.
Нѣмая царственная вѣчность
Для насъ зажгла свои огни.

Люби цвѣтокъ необычайный,
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!
Твое рожденье было тайной,
Люби цвѣтокъ необычайный,
Ты мнѣ блеснулъ мечтой случайной,
И я, какъ прежде, одинокъ.
Люби цвѣтокъ необычайный.
Зачѣмъ такъ рано ты поблекъ!

Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя,
Одно сплошное заблужденье!
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
И мнѣ осталось сожалѣнье,
И поздней мудрости змѣя.
Ты промелькнула, какъ видѣнье,
О, юность быстрая моя!

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ В. Гюго.

Спросили *они*: „какъ въ летучихъ челнахъ
Намъ бѣлою чайкой скользнуть на волнахъ,
Чтобъ насъ сторожа не догнали?“
— Гребите!—*они* отвѣчали.

Спросили *они*: „какъ забыть навсегда,
Что въ мѣрѣ юдольномъ есть бѣдность, бѣда,
Что есть въ немъ вражда и печали?“
— Засните!—*они* отвѣчали.

Спросили *они*: „какъ красавицъ привлечь
Безъ чары, чтобъ сами, на страстную рѣчь,
Онѣ намъ въ объятія пали?“
— Любите!—*они* отвѣчали.

Л. А. Мей.

Ароматы слишкомъ опьяняли,
Слишкомъ ярки были жизни краски!
И ушли мы—полные печали—
Въ миръ мечты, въ обитель свѣтлой сказки...
Мы ко льдамъ альпійскимъ восходили,
Согрѣваясь кроткой лаской взглядовъ;
На ладьяхъ озерами скользили;
Отдыхали мы у водопадовъ...
Помню я: читали со слезами
Книгу слезъ поэта мы однажды;
Вечеръ шелъ надъ тихими лугами,
День къ нему клонился—полный жажды...
Мы читали... Вдругъ шепнулъ мнѣ вечеръ:
„Посмотри не ангелъ ли съ тобою!“
О, скорѣй растаять могъ бы глетчеръ,
Чѣмъ понять я—сталось что со мною...
Помню только, что какимъ-то чудомъ
Свѣтлый ангелъ съ темными очами
Весь расцвѣлъ, весь засіялъ лучами
Подъ моими жаркими устами—
Въ часъ, когда сверкала изумрудомъ
Даль луговъ росистыхъ передъ нами...

Аполлонъ Коринфскій.

К у р д ы.

Въ кофейнѣ Смирны выкуривъ кальянъ,
Смотрѣли мы на море, минареты,
На городъ, солнцемъ пламеннымъ согрѣтый.
Вдругъ подошли къ намъ трое мусульманъ.

То были Курды. Башлыки надѣты
На головѣ ихъ были, какъ тюрбанъ.
За поясомъ съ насѣчкой пистолеты,
Кинжалы и зейбегскій ятаганъ.

Что говорить,—народъ совсѣмъ не смирный..
Они, сверкнувъ бѣлками черныхъ глазъ,
Кинжалы въ столъ воткнули подлѣ насъ.

Мой спутникъ—турокъ, знавшій нравы Смирны,
На столъ револьверъ выложилъ тотчасъ,—
То былъ „селямъ“, обычай Курдовъ мирный.

В. А. Шуфъ.

Terpidarium.

Изъ Х. М. де-Эредіа.

И члены миррою сирійской умастя,
Онѣ покоятся въ истомѣ сладострастной.
Съ жаровень бронзовыхъ струится отблескъ красный,
На поблѣднѣвшихъ лбахъ причудливо блестя.

Порой, дыханіе тревожно участка,
Рабыня, жаждою палимая напрасной,
Съ подушки медленно поднимется атласной,
И снова падаетъ, виссономъ шелестя.

Жена восточная, на пурпурной постели,
Сквозь сонъ почувявши, какъ въ обнаженномъ тѣлѣ
Хотѣнье бѣшенымъ пожаромъ разлилось,

Пьянитъ Авзонскихъ дѣвъ, стыдливыхъ и покорныхъ,
Богатой, дикою гармоніею черныхъ,
По тѣлу мѣдному крутящихся волосъ.

Сергій Соловьевъ.

Въ безумномъ переплетѣ нитей,
 Предвѣчныхъ нитей бытія,
 Во всей превратности событій
 Слышна мнѣ музыка... Но чья?

Повсюду музыка, повсюду
 Для сердца нашего звучить,
 Гдѣ разумъ внемлетъ только чуду,
 Гдѣ все для разума молчитъ.

И философія стремится
 Міръ, какъ симфонію, познать,
 Въ его гармонію излиться,
 Его *andante* разгадать.

Томясь по вѣчности нетлѣнной,
 Стремясь къ волнующей звѣздѣ,
 Ищу я музыку вселенной,
 Ищу всегда, ищу вездѣ.

Н. Васильевъ.

Послѣ бала.

Гости расходятся. Зала пустынная
 Смотритъ съ глубокой тоской.
 Чудится смутно мнѣ сказка старинная,
 Станный волнуетъ покой.
 Розы осыпались, блѣдныя, вялыя,
 Смятъ и поломанъ букетъ.
 Тише, безсвязнѣе рѣчи усталыя,
 Трепета жизни въ нихъ нѣтъ.

Дума печальная, дума унылая
Въ ласковомъ взорѣ видна.
Что ты мнѣ скажешь, любимая, милая?
Стала ты вдругъ холодна.

В. Башкинъ.

ЦѢПЬ.

Одинъ иду, иду чрезъ площадь снѣжную
Во мглу вечернюю, легко-туманную,
И думу думаю, одну, мятежную,
Всегда безумную, всегда желанную.

Колокола молчатъ, молчатъ соборные,
И цѣпь оградная во мглѣ недвижнѣе.
А мимо цѣпи, вдаль, какъ тѣни черныя,
Какъ привидѣнія—проходятъ ближніе.

Идутъ—красивые и безобразные,
Идутъ веселые, идутъ печальные;
Такіе схожіе,—такіе разные,
Такіе близкіе, такіе дальніе...

Гдѣ ненавистные—и гдѣ любимые?
Пути не тѣ же ли всѣмъ уготованы?
Какъ звенья черныя,—нераздѣлимые,
Мы въ цѣпь единую навѣки скованы.

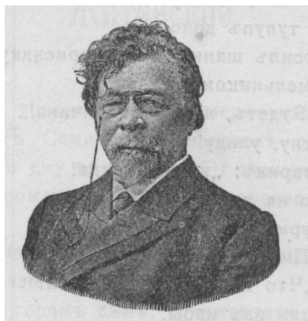
З. Н. Гиппиусъ.

САТУРА И ЮМОРЪ.

Артистъ А. Р. Артемь.

ДѢДЪ-КУДЕСНИКЪ.

„Дѣтки, нѣтъ ли балалайки?
Дерну стариной:

На погудки, на побайки—
Я что молодой!“

Брякнулъ дѣдушка струнами,
И пошла писать:

Кто плечами, кто ногами.
— Нѣтъ, не устоятъ!

Усмѣхнулся дѣдъ Вавило:
— „Прахъ тебя возьми!“

Бабы, бросивъ мотовила,
Гребни,—въ три ноги.

— „Накось, тетушка!“

— „Что ты, бабушка?“

Дѣти—съ печи. Пѣсни-рѣчи
Знай себѣ гудятъ,

Струны тренькають, а плечи
Дѣда говорятъ.

— „Тятка, глянька-се въ окошко:
Мама—трепака...“

— „Что ты, баба?—„Я немножко...“

— „Плюнь на дурака.“

У Вавилы на лбу мыло,—
Онъ тулупъ долой,
Сбросилъ шапку, да въ присядку
Съ мельникомъ Кузьмой.
— „Будеть, лѣшій старичина!..
Сдохну, упаду!“
А старикъ: „коси малина!
Дѣло на ходу!“
У бурмистра пили, ѣли
Съ Питера купцы.
— „Что вы, черти, ошалѣли?“
Вышли изъ избы.
Встали, смотрятъ да хохочуть:
— „Вотъ такъ дураки!“
Струны знай себѣ рокочуть...
— „Али ужъ пройти?..
Эхъ, тряхнемъ!“ купецъ столичный,
Фертомъ подбочась...
А пріятель:—„неприлично,
Танецъ не по насъ.“
Самъ ногой, рукой прикинетъ,
Каблукомъ слегка...
Развернулся, да какъ двинетъ
Питерьъ трепака.
— „Вотъ такъ дѣдъ! Ай, старичина!
Ты откуда, слышь?..
— „На Руси не сиротина.
Съ вами согрѣшишь...“
— „Выпей, старче, на дорогу.
Завтра бы съ утра...“
Дѣдъ за посохъ:—„Ну васъ къ Богу...
Балалайка чья?“

Н. Чаевъ.

ЖИТЕЙСКОЕ.

Когда у почтмейстера умерла мать, телеграфистъ Семикопеечный счелъ своимъ долгомъ нанести ему визитъ, чтобы своими скромными средствами помочь начальнику перенести тяжесть утраты.

Въ комнатѣ, гдѣ лежала покойница, находились, за ея исключеніемъ, четверо:

Убитый горемъ сынъ, полумертвая отъ отчаянія жена, старая тетка почтмейстера и, совершенно нетронутый, подмастерье гробовщика.

Почтмейстеръ молча пожалъ руку Семикопеечнаго и, указавъ пальцемъ на подмастерье, спросилъ:

— Видали такого олуха?

Семикопеечный сдѣлалъ видъ, что роется въ памяти, а жена почтмейстера громко высморкалась—повидимому, въ послѣдній разъ.

Подмастерье отвѣтилъ:

— Ругаться, конечно, можете—воля ваша. А только что мы здѣсь не виновати; по мѣркѣ дѣлали... Потому думали, что какъ онѣ старушки небольшія...

— Старушки небольшія?!—взвизгнулъ почтмейстеръ: Здравствуйте! Видѣли, тетушка?

Тетушка разсердилась:

— Да ты съ ними, безстыдниками, не разговаривай.... Кромѣ пакостей, ничего не услышишь. Бѣдовѣй ихъ, гробовщиковъ, въ свѣтѣ нѣтъ.

— Да мѣрку-то кто снималъ? — сдерживаясь, зашипѣлъ почтмейстеръ: — Я снималъ? Онъ снималъ?—ткнулъ онъ Семикопеечнаго:—Таврической губернаторъ снималъ?

— Мы снимали.

— Значить, кто виноватъ?

Подмастерье задумался. Потомъ, принявъ опредѣленное рѣшеніе, сказалъ:

— Да кто жъ теперича виноватъ? Извѣстно дѣло — съ покойницы не спросишь. Потому, думали, какъ онѣ старушки средніи...

Онъ добродушно развелъ руками, видимо, отъ души прощая послѣднюю выходку, подкузьмившей его, старухѣ:

— Потому, думали, какъ онъ, старушка-то, больше доктора гимназиста не будутъ.

— Какого гимназиста?—спросилъ почтмейстеръ.

— Шестикласснаго — доктора нахлѣбника... Потому они обѣщались въ прошлую пятницу помереть, но, однако, рѣшили повременить.

Почтмейстеръ затрясся:

— Да я-то вамъ—для гимназиста гробъ заказывалъ или для китайскаго богдыхана? Ну?

Онъ задохся и сѣлъ.

— Небольшая старушка!? Да она, можетъ, больше меня будетъ. А? Да я, можетъ, для нее всѣ юбки длиннѣе на три пальца носила—прости, Господи, поперечное слово...

— Возьми гробъ и проваливай, — прохрипѣлъ почтмейстеръ:—матушку жаль, а то бы такъ и двинулъ... Къ завтраму чтобы готовъ былъ—ни копейки не дамъ... Да мѣрку-то сними, а то опять на гимназиста сдѣлаете.

— Хозяинъ знаетъ,—буркнулъ подмастерье.

Онъ взялъ гробъ и, нахлобучивъ свободной рукой шапку, неохотно вышелъ.

Въ дверь просунулась голова кухарки.

— Пожалуйте—супъ какъ есть выбѣжалъ—шесть часъ, пробило.

Почтмейстерша высморкалась и выжидательно посмотрѣла на мужа.

Онъ посмотрѣлъ на покойницу и убѣжденно высказался:

— Святая женщина, молодой человекъ.

Затѣмъ, считая, что этимъ замѣчаніемъ рамки послѣдующихъ отношеній между покойницей и Семикопеечнымъ достаточно установлены, уже проще добавилъ:

— Вотъ такъ—съ утра. То одно, то другое—на службѣ даже не былъ. Да... Вы вотъ полчаса посидите, а мы пойдемъ, перекусимъ.

— Помолись, батюшка, — привѣтливо посовѣто-

вала тетка:—во-онъ на столъ книжечка-то. Возьми да помолись объ ея душенькѣ—почитай. И ей-то, покойницѣ, спокойнѣе, и тебѣ удобнѣй... Хорошаго человека-то сразу видать.

Семикопеечный густо покраснѣлъ.

Онъ, съ дѣтства, очень боялся покойниковъ, и мысль остаться наединѣ съ этой большой и жестокой, какъ высохшій ремень, мертвой старухой на полнила его ужасомъ.

— Простите... я не могу остаться, — глядя внизъ, пробормоталъ онъ.

— Почему?—холодно удивился почтмейстеръ.

Семикопеечный сдѣлалъ мучительную попытку придумать что-нибудь уважительное, но не сумѣлъ и, заикаясь, признался:

— Я боюсь покойниковъ... То-есть, не боюсь, конечно, а такъ какъ-то... знаете...

Почтмейстеръ жестоко-иронически усмѣхнулся:

— Такъ. Бойтесь, что ночью придетъ? А? Не бойтесь, голубчикъ—похлопалъ онъ его по плечу:— не бойтесь. Никто не придетъ...

— Ужъ особенно такая симпатичная и порядочная старушка—обиженно вставила заплаканная почтмейстерша.—Очень нужно.

— Она и живая-то, старушка, мухи не обидѣла, а ужъ покойница—такой и на свѣтѣ смиреннѣе нѣту,—вступилась тетка.

— Ночью придетъ! Стыдно тебѣ, батюшка. На мертвую-то все можно валить, а только не хорошо...

Семикопеечный растерялся.

— Да нѣтъ, — залепеталъ онъ. Помилуйте... Вовсе не въ томъ дѣло. Я бы съ большимъ удовольствіемъ...

— Съ удовольствіемъ,—перебила старуха:—тутъ человекъ померъ, а не съ удовольствіемъ...

Почтмейстерша заплакала, а старуха съ нескрываемымъ омерзѣніемъ покачала на Семикопеечнаго головой:

— Образованные, а хуже деревенскаго... Чисто Марья Петровна племянникъ,—обратилась она къ почтмейстеру.—На прошлой недѣлѣ тетку схоронили,

а онъ на скрипкѣ играетъ. Я, говоритъ, скоро обсерваторію кончу...

Уходя почтмейстеръ въ дверяхъ обернулся и, внушительно взглянувъ на Семикопеечнаго, сказалъ:

— Почитали бы надъ матушкой — на будущемъ мѣсяцѣ помощника переводятъ...

Сердце Семикопеечнаго упало.

Съ минуту онъ стоялъ неподвижно, охваченный мучительнымъ колебаніемъ. Потомъ рѣшительно закрылъ глаза и пошелъ къ высокому столику, на которомъ тускло теплилась свѣчка и лежали двѣ книги.

Думая только о томъ, чтобы какъ-нибудь краешкомъ глаза не увидѣть страшнаго синевато-желтаго профиля съ темнымъ ввалившимся глазомъ, онъ открылъ, наугадъ, большую сѣрую книжку и сталъ читать монотоннымъ, временами срывающимся голосомъ.

Изъ сосѣдней комнаты доносился стукъ ножей и вилокъ, слышались голоса почтмейстера и тетки, прерываемые сморканіемъ почтмейстерши, но Семикопеечный не слыхалъ ничего.

Онъ читалъ и читалъ, въ состояніи полного оупѣнія, машинально переворачивая порыжѣвшія страницы большой засаленной книжки.

Вдругъ онъ услыхалъ дрожащій сдавленный голосъ почтмейстера:

— Это что же, господинъ Семикопеечный—телячьи котлеты, соусъ пиканъ для покойницы пондобились?.. Замѣсто псалтиря, выходитъ?..

— Такъ бы и саданула антихриста:—просвистѣла выглянувшая изъ-за плеча почтмейстера тетка.

Семикопеечный съ ужасомъ взглянулъ на ея совершенно круглые отъ ненависти зрачки, потомъ на книжку и заплакалъ.

Это былъ—„Подарокъ молодымъ хозяйкамъ.“

Г. Ляндау.

Артистъ В. М. Давыдовъ.

С К У К А.

Удивительное дѣло,—
До чего мнѣ надоѣло:
Спать, поутру просыпаться,
Одѣваться, умываться,
Пить холодный чай, ѣсть булки,
Дѣлать скучныя прогулки,
Видѣть пасмурныя лица,
Слушать вздоръ и не кривиться,
Что-то дѣлать, чѣмъ-то вѣдать,
Приходить домой обѣдать,
Ѣсть грибы, фасоль и рыбу,
Ощущать въ желудкѣ глыбу,
Бить дѣтей, ругать прислугу,
Цѣловать свою супругу,
Покупать ей шпильки, шляпки,
Гребешки, ботинки, тряпки,

Быть довольнымъ, пьянымъ, сытымъ,
Не изруганнымъ, не битымъ...
Удивительное дѣло,—
До чего мнѣ надоѣло!

Брошу спать и просыпаться,
Одѣваться, умываться,
Что-то дѣлать, чѣмъ-то вѣдать,
Приходить домой обѣдать,
Не пойду къ знакомымъ, къ другу,
Прогоню къ чертямъ супругу,
Брошу рыбу ѣсть на маслѣ,
Отнесу дѣтишекъ въ „ясли“,
Удавлюсь собственноручно!
Можетъ быть... не будетъ скучно.

В. Воиновъ.

* * *

Я люблю тебя, Фатима!
О, не будь неумолима,
Отъ меня не уходи—
И, клянусь звѣздой востока,
Даже прихоти твои,
Будто заповѣдь пророка,
Я исполню... погоди.
Такъ сказалъ я со слезами,
Но упрямыми бровями
Повела, смѣясь, она
И промолвила:—Рогами
Я твоими, старина,
Поклянусь, что межъ звѣздами
Всѣхъ вольнѣе я одна!
Нужно ль золото для розы?!—
Худо старцу отъ занозы—

Старый, что тебѣ въ шипахъ!
Отойди, люблю другого...
Какъ темно въ его очахъ!
У Фариса молодого
Роза пылкая въ рукахъ...
Такъ Фатима отвѣчала.
Я подумалъ—все пропало!
Не найти ль другой—скромнѣй?
И, клянусь луной безрогой,
Измѣню я первый ей,
Чтобъ ужъ мнѣ надъ недотрогой
Посмѣяться, а не ей.

Гномъ.

Проклятiе жабы.

Новелла Густава Меринка.

На дорогу къ синей пагодѣ жарко свѣтило индiйское солнце—жарко свѣтило солнце.

Люди пѣли во храмѣ и разсыпали Буддѣ бѣлые цвѣты, а жрецы торжественно молились: „Om mani padme hum; Om mani padme hum“.

Дорога пустынна, на ней ни души — сегодня праздникъ.

Высокія травы протянулись шпалерами полугамъ вдоль дороги къ синей пагодѣ.

Всѣ цвѣты ожидали появленiя Тысяченожки, жившей напротивъ—въ корѣ почтенной смоковницы.

Смоковница была аристократическимъ кварталомъ.

Я достойна почтенiя, — говорила она сама о себѣ,—изъ моихъ листьевъ можно сдѣлать плавательные штаны.

Но большая Жаба, всегда сидѣвшая на камнѣ, презирала ее, такъ какъ смоковница приросла къ землѣ, въ плавательныхъ же штанахъ она ничего

не понимала... И Тысяченожку она ненавидѣла. Съѣсть ее она не могла, потому что Тысяченожка была тверда и наполнена ядовитымъ сокомъ—ядовитымъ сокомъ.

Поэтому она ненавидѣла ее. Она хотѣла напустить на нее порчу и сдѣлать ее несчастной, и цѣлую ночь совѣщалась съ духами мертвыхъ жабъ.

Съ восхода солнца сидѣла она на камнѣ, ждала и по временамъ подергивала задней ногой—задней ногой.

Иногда она плевала на травки.

Все примолкло: цвѣты, жуки, ростки и травы... И высокое-высокое небо... потому что былъ праздникъ.

Только лягушки въ болотѣ—нечестивыя—пѣли безбожныя пѣсни: „Начхать мнѣ на лотось, начхать мнѣ на жизнь,—начхать мнѣ на жизнь, начхать мнѣ на жизнь“.

Вдругъ что-то блеснуло на корѣ смоковницы и, сіяя, скользнуло внизъ, какъ нитка черного жемчуга, кокетливо оглядѣлось, подняло голову и, озаренное солнцемъ, заиграло, танцуя.

Тысяченожка—Тысяченожка.

Отъ удовольствія смоковница зажмурила листья, а травки восхищенно зашептались—восхищенно зашептались. Тысяченожка подбѣжала къ большому камню, тамъ было ея мѣсто для танцевъ, свѣтлое, песчаное пятно. И зашмыгала вокругъ кругами и восьмерками, такъ что все, ослѣпнувъ, закрыло глаза—закрыло глаза.

Тутъ-то Жаба подала знакъ, и изъ-за камня выступилъ ея старшій сынъ и съ глубокимъ поклономъ передалъ Тысяченожкѣ письмо матери. Она приняла его ножкой № 37 и спросила Кузха-траву, правильно ли оно запечатано.

„Хоть мы и старѣйшая трава въ мірѣ, но этого мы не знаемъ,—законы, вѣдь, что годъ другіе. Это знаетъ только Индра—только Индра“.

Потомъ послали за очковой Змѣей и она прочитала письмо вслухъ:

„Ея Высокородію, госпожѣ Тысяченожкѣ!

Я только мокрое, склизкое, презираемое на землѣ существо, и клѣкъ мой мало чтимъ у растеній и животныхъ. Я не блистаю, не сіяю. У меня только четыре ноги, а не тысяча, какъ у тебя—не тысяча. О, высокопочтенная! Тебѣ привѣтъ — тебѣ привѣтъ!“

— Ей привѣтъ, ей привѣтъ,—присоединились, посылая свой персидскій привѣтъ, иранскія розы.

„Но мудрость живетъ во мнѣ и глубокое знаніе—глубокое знаніе. Я знаю травы, всѣ, сколько ихъ есть—по именамъ. Я знаю счетъ звѣздамъ на небѣ ночей и листьямъ на смоковницѣ—приросшей къ землѣ. И памяти моей нѣтъ равной между Жабами всей Индіи.“

„И вотъ, замѣть, я знаю счетъ вещамъ только неподвижнымъ, не двигающимся—не двигающимся.“

Скажи же мнѣ—о, высокопочтенная,—какъ ты, ступая, всегда знаешь, какой ногѣ начать, какъ быть второй и третьей, какая будетъ четвертой, и пятой, и шестой, послѣдуетъ ли десятая или сотая, что въ это время дѣлаетъ вторая и седьмая, стоятъ ли онѣ или движутся. Когда дойдешь ты до 917, 700-ую поднимаешь ли, а 39-ую опускаешь ли, и 1000-ую сгибаешь ли, протягивая четвертую — протягивая четвертую.

О, молю тебя, скажи мнѣ бѣдной, мокрой, склизкой, у которой только четыре ноги—только четыре ноги—а не тысяча... какъ у тебя, не тысяча, какъ знаешь ты это? О, высокопочтенная!

Съ полнымъ уваженіемъ Жаба.

„Привѣтъ!—пролепетала маленькая роза, было заснувшая. И травы, цвѣты, жуки, и смоковница, и очковая Змѣя застыли въ ожиданіи, и смотрѣли на Тысяченожку.“

Даже лягушки смолкли — лягушки смолкли. Тысяченожка же недвижимая, словно прикованная къ землѣ, не могла пошевелить ни однимъ членомъ.

Она забыла, какую ногу поднять первой, и чѣмъ больше думала объ этомъ, тѣмъ больше путалась—больше путалась.

.

На дорогу къ синей пагодѣ жарко свѣтило
индійское солнце—индійское солнце.

Перев. Потемкинъ.

Л Ъ В И Ц А .

С блѣзлая старая львица
Шагаетъ въ пустынной гостинной;
За ней ея шлейфъ волочится,
Гася огоньки серпантина.

Въ тактъ мѣрнымъ ударамъ оркестра
Подвѣсками звякаетъ люстра;
И манять уютныя кресла
Разбитое тѣло и чувства.

—Въ кровать бы, периной укрыться!
Чайку бы съ малиной нѣ худо!—
Вдругъ вздрогнула старая львица:
Ей чудится поступь верблюда.

Въ глазахъ разгорѣлася ярость,
Къ трюмо подскочила и—ловко
Съ лица проступившую старость
Смахнула проворной пуховкой.

Напудрены желтые локти,
Расправлены синія губы...
О, если бы прежніе когти!
О, если бы прежніе зубы!

Грачъ.

Колыбельная.

(Для мужского голоса).

Мать уѣхала въ Парижъ...
И не надо! Спи, мой чижъ.
А-а-а! Молчи, мой сынъ,
Нѣтъ послѣдствій безъ причинъ.
Черный гладкій тараканъ
Важно лѣзетъ подъ ди-ванъ.
Отъ него жена въ Па-рижъ
Не сбѣжить, о, нѣтъ, шалишь!
Съ нами скучно. Мать права.
Новый гладокъ, какъ Бова,
Новый гладокъ и богатъ.
Съ нимъ не скучно... Такъ-то, братъ!
А-а-а! Огонь горить.
Добрый снѣгъ окно пушить.
Спи, мой кроликъ, а-а-а!
Все на свѣтъ трень-трава...
Жили-были два крота...
Вынь-ка ножку изо рта!
Спи, мой зайчикъ, спи, мой чижъ,—
Мать уѣхала въ Парижъ.
Чей ты? Мой или его?
Спи, мой мальчикъ, ничего!
Не смотри въ мои глаза...
Жили козликъ и коза...
Котъ козу увезъ въ Парижъ...
Спи, мой котикъ, спи, мой чижъ!
Черезъ... годъ... вернется... мать...
Сына новаго рожать...

Саша Черный.

Ученый и муха.

Въ июльскій день, въ каморкѣ за столомъ,
Скрипя размѣренно перомъ,
Сидѣлъ профессоръ нѣкій...

Глаза нахмурены, наморщено чело,
И все вниманье въ манускриптъ ушло
Санскритскаго нарѣчья...

„Человѣки!

Почто мятетесь вы въ утомныхъ дебряхъ золь?
Почто забыли вы божественный глаголъ?!—
Читалъ онъ.—Горе вамъ, исчадья ада!“

И вдругъ ему на носъ,
Невѣдомо отколь, изъ лѣса или сада,
Нежданно муху Богъ занесъ...
Трудовъ достойная награда!

Взмолился мой бѣднякъ

И молвилъ такъ

Въ смятеньи:

—„О, нѣкое явленье!

Почто смутило мой покой?

Ты видишь, человѣкъ я занятой,

И развѣ же на всей поверхности земной

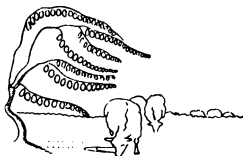
Удобнѣй моего не знаешь носа?

Молю, отвѣть на эти два вопроса“...

И внялъ онъ въ тишинѣ божественный отвѣтъ:

„Все—суета суетъ!“

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

АРТИСТКА А. П. ДОМАСHEВА.

П О Э Т Ы.

„Все закаты да закаты“, проворчалъ редакторъ ѣдко:

„И хотя бы кто случайно притащилъ одинъ восходъ.
„Да-съ, живое дарованье можно встрѣтить очень
рѣдко.

„Нѣтъ! Скажите мнѣ: восходы развѣ разъ бываютъ
въ годъ?“

Я молчу. Восходы часты. Каждый день поутру
солнце

Вылѣзаетъ изъ берлоги, потирая правый бокъ,
И, навѣрно, взглядомъ скосымъ, черезъ пыльное
оконце

Упираяся въ лежанку, золотить обоевъ клокъ,

Подъ навѣсомъ по навозу бродить вмѣстѣ съ
черной курой,

Ловить ухомъ, сколь цыплята жизнерадостно пищать,
Какъ стучить по загородкѣ хвостъ коровы злобно-
хмурой,—

Но не знаетъ, что подъ утро всѣ поэты сладко спятъ.

„Мнѣ понятнѣй ужасъ смерти“, отвѣчаю я тя-
гуче:

„Часъ. рожденья тайны свѣтлой не моей душѣ
объять...“

А редакторъ, покопавшись на столѣ въ бумажной
кучѣ,

Въ чьей-то рукописи робкой переправилъ е на ъ.

А. С-нз.

Изъ воспоминаній дрянного мальчишки...

Э то былъ лучший мячъ, какой я когда либо
видѣлъ.

Когда имъ играли въ лапту, онъ взлеталъ такъ
высоко, что терялся изъ виду, а когда имъ „женили“,
то новобрачный вылъ отъ боли и проклиналъ свою
участь.

И тѣмъ не менѣе онъ погибъ; погибъ при испол-
неніи своихъ высокихъ обязанностей, наткнувшись
на торчащій изъ стѣны гвоздь, вмѣсто того, чтобы
угодить въ то мѣсто стоявшаго къ намъ спиной
жениха, которое болѣе всего страдаетъ обыкновен-
но при совершеніи обряда.

Онъ такъ и остался висѣть на гвоздѣ, къ вели-
кому восторгу новобрачнаго, обезумѣвшій отъ страха
и боли, съ продавленнымъ бокомъ.

Онъ пришелъ въ себя только спустя пять минутъ,
въ тазу съ водой, и когда я его вынулъ оттуда,
показался мнѣ совершенно здоровымъ и бодрымъ,
хотя значительно потяжелѣвшимъ.

Къ несчастью, это только казалось, потому что,
выскользнувъ изъ моихъ рукъ на полъ, онъ даже
не подпрыгнулъ, какъ это дѣлаютъ всѣ нормальные
мячи, а прямо покатился подъ кровать, сѣменящей
походкой тайнаго совѣтника, при чемъ внутри у
него что-то булькало и сопѣло. Я осторожно до-

сталъ его и началъ ошупывать, стараясь не причинить боли бѣдному парню. Повидимому, онъ навсегда потерялъ трудоспособность; это было тѣмъ болѣе ужасно, что съ виду онъ остался все тѣмъ же веселымъ и здоровымъ малымъ, какъ и прежде, если не считать маленькой дырки, изъ которой время отъ времени выпрыгивали крохотные пузырьки.

Онъ долженъ былъ сильно страдать отъ сознанія своей негодности и вынужденности жить, отнынѣ, въ тягость людямъ, которая еще увеличивалась отъ наполнявшей его внутренности воды.

Мнѣ хотѣлось облегчить его участь и я, скрѣпя сердце, сильно сдавилъ его плотный животъ. При этомъ, неожиданно для меня, изъ него брызнула такая сильная тонкая струя, что потолокъ сразу покрылся мелкими сѣрыми точками, а въ воздухѣ запахло известью.

Это было не только изумительно, но прямо величественно.

Я продолжалъ сжимать становившійся все мягче и мягче мячъ и остановился лишь тогда, когда вмѣсто воды изъ него началъ вырываться одинъ хрипъ, а со всѣхъ стѣнъ катились слезы восторга передъ невиданнымъ зрѣлищемъ.

Было ясно, что для него наступила заря новой жизни, болѣе содержательной и глубокой, хотя, можетъ быть, и не такой блестящей, какъ прежняя. Я бы сказалъ—скорѣе жизнь ученаго, чѣмъ солдата.

Гдѣ-нибудь въ уголкѣ, на днѣ ведра или старого кувшина, незамѣтно для постороннихъ, а зачастую и близкихъ ему людей, онъ вбиралъ въ себя все окружающее, а потомъ вдругъ выбрасывалъ его въ воздухъ то въ видѣ каскада блестящихъ брызгъ, то въ видѣ тонкой и мѣткой струи.

Какъ это ни странно, но именно эта мѣткость и создала ему многихъ враговъ, все чаще и чаще осаждавшихъ моего отца жалобами на испорченныя платья и тому подобныя мелочи. Конечно, было бы очень легко доказать полную несостоятельность этихъ претензій, но отецъ мой никогда не былъ человѣкомъ широкихъ взглядовъ и потому, призвавъ

однажды въ свой кабинетъ, категорически заявилъ мнѣ, что при первой же жалобѣ выбросить сначала мячъ, а потомъ и меня на улицу.

Тогда я рѣшилъ снести его въ училище и спрятать тамъ пока нѣсколько уляжется недовольство общества и уже съ вечера положилъ въ ранецъ, тщательно укутавъ его бумагой, для чего пришлось вырвать нѣсколько, уже пройденныхъ, страницъ изъ географіи.

Утромъ я еще разъ внимательно осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и попрощался съ нимъ.

Увы, я слишкомъ поторопился съ этимъ.

По дорогѣ въ классъ меня начало грызть честолюбіе и неудержимая жажда извѣстности.

Никогда раньше я не ощущалъ такъ ярко близости вершинъ славы, какъ въ это роковое утро, когда за моей спиной покачивался въ ранцѣ мой мячъ.

До сихъ поръ мнѣ всегда что-то мѣшало показать его классу, и на всѣ вопросы объ его здоровьи я или отмалчивался или давалъ таинственные неопредѣленные отвѣты; теперь же мнѣ казалось, что моментъ явить чудо наступилъ и не воспользоваться имъ было почти равносильно безумію.

Уже одно сознаніе, что я, со своей послѣдней парты, могу всадить любому второкласснику, въ затылокъ, струю воды, наполняло меня отвагой и гордымъ сознаніемъ своего превосходства; а тутъ я долженъ добровольно остаться въ рядахъ посредственностей, да еще забросить куда-то, на чердакъ, лучшій изъ современныхъ мячей.

И, когда я подходилъ къ дверямъ своего класса, я уже рѣшилъ стать великимъ именно въ этотъ день.

Но ему суждено было стать несчастнымъ для насъ обоихъ; это было очевидно уже съ перваго урока и только я, ослѣпленный призракомъ ликующей славы, не замѣчалъ этого.

На первомъ урокѣ я не рѣшилъ письменной задачи, и уже на второмъ батюшка оставилъ меня на часъ безъ обѣда за то, что я позволилъ себѣ

высказать сомнѣніе въ святости пророка Елисея, натравившаго на мальчиковъ медвѣдицъ за то, что они дразнили его плѣшивымъ.

Но на меня ничто не оказывало дѣйствія и ни на іоту не поколебало моихъ плановъ на будущее, изъ которыхъ первый долженъ былъ осуществиться на урокъ нѣмецкаго языка.

Онъ былъ простъ, какъ все великое: выждать, когда нѣмецъ отвернется къ доскѣ, и раздѣлать ему спину и все, что находится ниже.

Какъ на зло онъ не отвертывался чуть ли не въ продолженіе всего урока, а когда онъ, наконецъ, это сдѣлалъ, то я настолько заволновался, что уронилъ мячъ на полъ.

Я тотчасъ же бросился вслѣдъ за нимъ, но проклятый нѣмецъ, съ совершенно неожиданной отъ него ловкостью, вырвалъ его у меня изъ рукъ.

Въ слѣдующій моментъ я едва успѣлъ бросить послѣдній взглядъ на блѣдное, растерянное лицо моего милаго мяча и затѣмъ онъ исчезъ въ заднемъ карманѣ нѣмецкаго фрака.

Негодяй совершенно спокойно сѣлъ къ столу и началъ выводить противъ моей фамиліи какія-то инсинуаціи.

Но здѣсь совершилось что-то великое и неожиданное. Нѣмецъ страшно выкатилъ глаза, ляскнулъ зубами, легко подпрыгнулъ на стулѣ и скрылся изъ глазъ.

Пятиклассники намъ потомъ объяснили, что на немъ оправдался великій законъ Архимеда, и нѣмецъ потерялъ въ своемъ вѣсѣ столько, сколько вѣсила вытѣсненная имъ жидкость.

Возможно, что его легкость, въ роковой моментъ, была одной изъ причинъ его изумительной рѣзвости, но главнымъ героемъ всего этого я, все же, считаю и не перестану считать моего милаго мяча.

Я не встрѣчалъ его больше и ничего не знаю объ его судьбѣ; но его память всегда останется для меня самой свѣтлой и незапятнанной.

Что было дальше? Если хотите, ничего особеннаго.

Меня рѣшили оставить на шесть часовъ безъ обѣда и только послѣ настоятельныхъ просьбъ моего отца оставили на двѣнадцать, такъ какъ ему удалось доказать имъ, что съ господами, подобными мнѣ, не слѣдуетъ никогда церемониться, тѣмъ болѣе, что такого негодяя онъ лично встрѣчаетъ первый разъ въ жизни.

Мнѣ предстояло сидѣть два воскресенья по шести часовъ, что и было правильно выполнено.

Первые шесть часовъ я посвятилъ на то, что учился плевать во всякомъ положеніи на всѣ находящіеся въ классѣ предметы, а потомъ перенесъ свою дѣятельность на улицу и плевалъ изъ окна вначалѣ на тумбу, а потомъ на проходящихъ старухъ.

Когда прошло двѣнадцать часовъ, я былъ уже законченнымъ артистомъ.

На другой день я плюнулъ во время урока въ затылокъ перваго ученика.

Мусъ.

ПЯТЬ МИНУТЬ.

„Господинъ“ сидѣлъ въ гостиной
И едва, едва

Въ круговой бесѣдѣ чинной
Плелъ какія-то слова.

А бродячій духъ протеста
Взялъ, да въ ухо влѣзъ:
„Евнухъ позы, словъ и жеста,
Сдѣлай чудо изъ чудесъ!“

Пять минутъ, мѣшокъ съ трухою,
За десятки лѣтъ,—
Будь при всѣхъ самимъ собою
Отъ макушки до штиблетъ.“

Въ сердцѣ гвалтъ. Трепещеть тѣло.
„Господинъ“ поникъ...
Вдругъ—рукой оледенѣлой
Сбросилъ узкій воротникъ!

Нагло слопалъ все варенье,
Яростно зѣвнулъ
И естественнымъ движеньемъ
Тупо палецъ въ носъ воткнулъ.

Положилъ на кресло ногу,
Плечи почесалъ
И внимательно и строго
Посмотрѣлъ на стихшій залъ.

Увидалъ съ тоской суровой
Рыхлую жену,
Обругалъ ее коровой
И, какъ ключъ, пошелъ ко дну...

Близорукаго сосѣда
Щелкнулъ пальцемъ въ лобъ
И прервалъ его бесѣду
Рѣзкой фразой: „Остолопъ!

Ишь, завелъ свою шарманку,
Божій дурачокъ“...
Всталъ... и юркую служанку
Ущипнулъ, смѣясь, за бокъ.

Боже мой, какіе крики!
Обмороки дамъ...
„Дикій! Пьяный! Пьяный! Дикій!“
Лѣзутъ дворники на гамъ.

„Господину“ вмигъ обломы
Завязали ротъ
И снесли, какъ пукъ соломы,
На пролетку у воротъ...

Двадцать лѣтъ провелъ несчастный
Дома, какъ барбось.
И въ предсмертный часъ напрасно
Задавалъ себѣ вопросъ:

„Пять минутъ я былъ нормальнымъ
За десятки лѣтъ...
О, за что же такъ фатально
Поступилъ со мною свѣтъ?!“

Саша Черный.

У оракула.

У оракула Дельфійскаго
Разрѣшить хотѣлъ я здраво
Положенія скиѣйскаго
Государственнаго права.

Обратился къ дряхлой Пиѣи,
Чтобъ она чрезъ Аполлона
Для меня о власти въ Скиѣи
Разузнала у Платона.

Мнѣ сейчасъ же было велѣно
Стряпать жертвоприношенье.
А старуха надъ разсѣлиной
Стала нюхать испаренье.

Долго вѣры полнъ возвышенной
Я чадилъ священной жертвой.
Наконецъ, слова: „услышаны
И вопросъ твой и примѣръ твой.“

Знаетъ мудрость Елисейская—
Геродотъ съ Платономъ оба,
Что страна гиперборейская
Управляется... особо...

Красный.

Артистъ Н. А. Варламовъ.

П а р и.

Народу въ трактирѣ куча,
Махорка нависла, какъ туча,
Сидятъ мужики за столомъ,
Ѣдятъ, запиваютъ виномъ,
Чихаютъ, полой утираются
И громко ругаются.
Стали мужики согрѣваться,
Стали мужики похваляться.
Кричитъ во всю мочь одинъ малый:
„На день двухъ ведеръ мнѣ мало!“
Предлагаетъ какой-то козухъ
За одинъ духъ
Десять стакановъ водки
Проглотить безъ селедки...
Кричитъ ему дядя Калинъ:
„Слушай, ты, въ горло те клинь...

Вотъ те стаканъ, вотъ те водка,
Пей только честно и ходко...
Бьюсь съ тобой на три цѣлковыхъ
Да на три удара здоровыхъ
Въ рыло"...
На томъ мужики порѣшили.
Всѣ въ ожиданьи застыли...
Занятно было.
Вокругъ оглядѣлся кожихъ,
Первый наполнилъ и бухъ!
Степенно въ стаканъ наливаль
И быстро, съ размаху, глоталь,
Чуть-чуть присѣдая
Да быстро мигая...
Вотъ и седьмой порѣшилъ!
Трактирь въ восхищеньи застылъ.
На восьмомъ удалецъ пошатнулся,
Опустился и въ мигъ протянулся.
Калинь обѣ трешницы взялъ,
Рукой подъ спиной почесаль,
Промолвивъ надъ трупомъ кожиха
Уныло и глухо:
„Жаль его поздно пробрало...
Водки-то сколько пропало!“

Владимиръ Рязанецъ.

П ѣ в е ц ѣ .

Двадцатаго числа
Я былъ въ семейномъ домѣ,
Хозяйка позвала.
Въ гостиной у стола
Присѣлъ, посмотрѣлъ въ альбомѣ
На разныхъ тетъ и дядь,
Дошелъ до переплета
И залисталь опять

Безъ отдыха и счета.
Хозяйка рядомъ сѣла.
Съ тревогой посмотрѣла,
Не пачкаю ли я
Узорные края
Семейнаго альбома,
И мило, о, какъ мило
Проговорила:
„Пожалуйста, будьте, какъ дома.
Сознайтесь, вамъ скучно,
Но этому будетъ конецъ,
Сейчасъ къ намъ придетъ пѣвецъ...
Онъ вибрируетъ звучно,
Кончилъ консерваторію
И отлично поетъ,
Какъ ее... ораторію
Изъ Гугенотъ.“
О, милостивый Боже,
Что я отвѣтить могъ?!
Но въ этотъ мигъ въ прихожей
Затрепеталъ звонокъ.
Вошелъ пѣвецъ въ сюртукъ,
Съ нотами въ рукѣ,
Со значкомъ въ петличкѣ,
Тряхнулъ по привычкѣ
Длинными волосами,
Сверкнулъ глазами,
Подтянулъ брюшко,
Припрыгнулъ легко,
Причемъ колыхнулись брючки,
И приложился къ ручкѣ.
Глаза у него были бараньи,
Усы тараканьи
И, навѣрно, онъ пѣлъ Масканьи...
Хозяйка расцвѣла,
Ко мнѣ его подвела
И, не спуская любовныхъ взоровъ,
Представила: „Иллиодоровъ“.
Услыхавъ это,
Я бѣжалъ, не взвидѣвъ свѣта,
А пѣвецъ и сейчасъ поетъ,

Плѣняя аудиторію—
Какъ ее... ораторію
Изъ Гугенотъ.

Потемкинъ.

П е д а н т ь .

— **М**иноносецъ.

— Нѣтъ, миноноска.

— Миноносецъ.

— Нѣтъ, миноноска.

— Ну вотъ, увидишь, когда подойдетъ ближе.

— Да, она уходитъ.

— Ну и чортъ съ ней, пойдѣмъ.

— Пойдѣмъ, только это была миноноска.

— Да, вѣдь, она ушла, глупо теперь спорить.

— Вотъ ты и соглашаешься.

— Какъ?

— Говоришь „она ушла“, значитъ—миноноска.

— Фу, какъ глупо.

— Тогда незачѣмъ было начинать спорить.

— Извините, господа, вотъ я слушалъ вашъ разговоръ... я понимаю, когда спорятъ на счетъ того— гусь или гусыня, селезень или утка, но миноносецъ или миноноска, какое это, извините, можетъ имѣть значеніе?

— Это потому, что вы не морякъ.

— Послушай... Да, вѣдь, и ты тоже не морякъ.

— Ахъ, Боже мой, я и не говорю, что я морякъ, но я много вращался среди моряковъ.

— А можетъ быть онъ тоже вращался.

— Кто онъ?

— Да господинъ, который спрашиваетъ.

— Хорошо, сейчасъ узнаемъ. Эй! Скажите,

пожалуйста, вамъ приходилось вращаться среди моряковъ?

— Извините, не случилось.

— Ну, вотъ видишь.

— Вижу, но все таки ты не могъ сказать: „это потому, что вы не морякъ“, а долженъ былъ сказать: „это потому, что вы не вращались среди моряковъ“.

— Фу, какой осель.

— Да, вѣдь, ты самъ началъ.

— Что началъ? Я только отвѣтилъ господину.

— Да, но отвѣтилъ неправильно.

— Ну, хорошо, хорошо, пускай неправильно, только пойдѣмъ поскорѣе.

— Идемъ, идемъ, я давно иду.

— „Иду“, а самъ ни съ мѣста.

— Потому что ты зовешь идти, а самъ стоишь.

— Ахъ, Боже мой, ну, я иду, видишь? Иду!

— И я иду.

(Уходятъ).

F.

С О ВѢ Т Ы.

„Къ тебѣ за совѣтомъ пріѣхалъ я, кумъ,
Есть важное дѣло, наставъ, братъ, на умъ,
Я вздумалъ жениться: загрызла тоска...“

— Ну, что же? и съ Богомъ женись, братъ Лука.

„А если я этимъ себѣ на бѣду

Одно безпокойство въ женитьбѣ найду;

Жены вѣдь не бросишь, вертись не вертись...“

— Ну, лучше тогда, братъ, оставъ, не женись!

„А мнѣ бы хотѣлось—скажу, не грѣша.

Она—будто ангелъ, мила, хороша,

Невинна, наивна, стыдлива, робка...“

— Гм... впрочемъ, ну что же? женись, братъ Лука.

„Но если мужчина, красивый на видъ,
Мою дорогую прельститъ,
Тогда ты съ рогами живи да казись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„Все это прекрасно... но скучно такъ жить,
Съ холодной подушкой о счастья тужить,
Вотъ если подруги обниметь рука,
Согрѣветъ такъ важно...“—Женись, братъ Лука!

„Но если красавица дурью своей
Внезапно нарушить спокойствіе дней?
Невольно смиришься, не скажешь ей: брысь...
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись!

„А если женюсь я и буду отцомъ,
Восторгъ да и только быть съ милымъ птенцомъ,
Объ этомъ блаженствѣ мечтаю пока...
— Такъ что же ты медлишь? Женись, братъ Лука.

„Но вотъ въ чемъ задача, хитрѣй всѣхъ наукъ:
Ну если ихъ будетъ по нѣсколько штукъ?
Подъ бременемъ этимъ дугою ты гнись...“
— Ну, лучше тогда, братъ, оставь, не женись.

„Послушай, а если они подростутъ
И примутся честно за мирный свой трудъ,
Подъ старость вѣдь будутъ кормить старика...“
— Да, это возможно; женись, братъ Лука..

„А если случайно супруга умереть?
Отъ мысли подобной дрожу я впередъ,
Тогда хоть и самъ ты въ могилу ложись...“
— Ну, лучше тогда ужъ совсѣмъ не женись!

„И такъ, что же дѣлать?... А ну васъ совсѣмъ,
Друзья адвокаты! не вѣрю вамъ всѣмъ!
Пойду я жениться, схватившись за умъ,
Пойди же ты къ чорту съ совѣтами, кумъ!..“

А. Ф. Ивановъ-Классикъ.

Сѣя-то маленькая ножка,
Наскользившись по паркету,
Съ дѣтскою ласкою прильнула
Къ сапогамъ кавалергарда...
И, охваченный тоскою,
Я гляжу, какъ безсердечно
Эти грубья копыта
Мучать маленькую ножку!

Василій Нязевъ.

Сказка для дѣтей.

Стали зайцы размножаться,
Стали зайцы собираться,
Стали зайцы помышлять,
Какъ имъ впредь существовать.
Но у куцаго народа
Былъ въ ту пору воевода;
И, какъ видно, не былъ геній,
Не любилъ онъ размысленій—
Благо видѣлъ въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода!

Воевода былъ медвѣдь.
И давай онъ тутъ ревѣть:
— Какъ вы смѣли собираться,
Какъ вы смѣли въ кучи жаться!
Только лапой наступлю—
Раздавлю, не потерплю!
Стыдно, зайцы! Распустились,
Размечтались, развратились!
Будетъ вамъ уже свобода!
Кахи-кахи воевода.

— Я, недаромъ, старъ и сѣдъ
И люблю—хемъ! хемъ!—балетъ.
Но кургузая порода
Косоглазаго народа,

Но собранія, но кучки
Требуютъ примѣрной взбучки.
Съѣмъ — и знайте то заранѣ—
Черезъ десятаго въ сметанѣ.
Благо вижу въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.

Зайцы въ потѣ блѣдныхъ лицъ
Предъ медвѣдемъ пали ницъ,
Пали ницъ и оробѣли
И сказать едва посмѣли:
— Мы народъ вѣдь сѣрый, куцый,
Намъ не надо конституцій,
Но у насъ желудки пусты,
И хотѣли бъ мы капусты,
Если благо въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.

Воевода помоталь
Головою и сказалъ:
— Зайцы вегетеріанцы,
Можетъ быть, не вольтерьянцы,
Посему и потому,
Сообразно ихъ уму,
Разрѣшить имъ въ самомъ дѣлѣ,
Чтобъ они капусту ѣли,
Если благо въ томъ народа...
Кахи-кахи воевода.

Объявляю: „сей народъ
Можетъ прыгать въ огородъ.“—
При такомъ благоволенѣ
Зайцы впали въ умиленье.
Зайцы плакали навзрыдъ,
Обуяль ихъ велій стыдъ...
Но желудки ихъ все пусты:
Въ огородѣ нѣтъ капусты,
Даже нѣтъ и огорода...
Кахи-кахи воевода!

О. Ядовиткинъ.

Артистка Литовцева.

Знакомое.

Она пришла съ мороза,
Раскраснѣвшаяся,
Наполнила комнату
Ароматомъ воздуха и духовъ,
Звонкимъ голосомъ
И совсѣмъ неуважительной къ занятіямъ
Болтовней.

Она немедленно уронила на полъ
Толстый томъ художественнаго журнала,
И сейчасъ же стало казаться,
Что въ моей большой комнатѣ
Очень мало мѣста.

Все это было немножко досадно
И довольно нелѣпо.
Впрочемъ, она захотѣла,
Чтобъ я читалъ ей вслухъ Макбета.
Едва дойдя до „пузырей земли“,
О которыхъ я не могу говорить безъ волненія,

Я замѣтилъ, что она тоже волнуется
И внимательно смотритъ въ окно.

Оказалось, что большой пестрый котъ
Съ трудомъ лѣпится по краю крыши,
Подстерегая цѣлующихся голубей.

Я разсердился больше всего на то,
Что цѣловались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и Франчески.

Александръ Блокъ.

Трогательное воспоминаніе.

(Въ строго выдержанномъ стилѣ модернъ).

Ся, помнишь ли лѣто на дачѣ,
Наши игры, нашъ юный задоръ?..
Помнишь, въ полдень несносно горячій
Побѣжали съ тобой мы на дворъ?
Въ грязной лужицѣ селезень крикалъ,
На нашестѣ горланилъ пѣтухъ.
Помнишь, я еще чуть не заплакалъ
Отъ докучнаго жаленья мухъ?
Ты жъ смѣялась безпечно и звонко,
Приводя меня, бѣднаго, въ ражъ,
И за это тебѣ лягушонка
Я засунулъ, озлясь, за корсажъ.—
Не простишь ты вѣдь мнѣ этой шутки!..
Кстати, помнишь ли ты, какъ въ тотъ часъ
Презабавно и громко въ желудкѣ
У обоихъ бурчало у насъ?

Жанъ Сансуци.

В О Л К И.

Рождественскій разсказъ.

Въ праздникъ, вечеромъ, съ женою
Возвращался попъ Степанъ,
И везли они съ собою
Подаянья христіанъ.

Нынче милостиво небо,—
Велика Степана треба;
Изъ-подъ полости саней
Видны головы гусей,
Зайцевъ трубчатая уши,
Перья пестрыхъ пѣтуховъ
И межъ нихъ свиныя туши—
Даръ богатыхъ мужиковъ.

Тихъ и легокъ бѣгъ савраски...
Дремлютъ сонныя поля,
Лѣсъ бѣлѣетъ точно въ сказкѣ,
Изъ сквозного хрусталя,
Полумѣсяцъ въ мглѣ морозной
Тихо бродитъ степью звѣздной
И сквозь мглу мороза льетъ
Мертвый свѣтъ на мертвый ледъ.
Попъ Степанъ, любуясь высью,
Ѣдетъ, страхъ въ душѣ тая;
Завернувшись въ шубу лисью,
Тараторитъ попадаья.

— Ну, ужъ кумъ Иванъ скупенекъ:
Далъ намъ зайца одного,
А вѣдь, молвятъ, куры денегъ
Не клевали у него!
Да и тетушка Маруся
Подарила только гуся,
А могла бы, ей же ей,
Раздобрится пощедрѣй.
Скупъ и старый Агафонычъ,
Не введетъ себя въ изьянъ...

— Полно брешить-то за полночь!—
Гнѣвно басить попъ Степанъ,
Ѣдутъ дальше. Злѣе стужа;
Въ бѣломъ инеѣ шлея
На савраскѣ... Возлѣ мужа
Тихо дремлетъ попадья.

Вдругъ савраска захрапѣла
И попятилась несмѣло.
И, ушами шевеля,
Въ страхѣ смотреть на поля.
Самъ отецъ Степанъ въ испугѣ
Озирается кругомъ...
„Волки“, шепчетъ онъ супругѣ,
Осѣняя крестомъ.

Въ самомъ дѣлѣ—на опушкѣ
Низкорослаго лѣска
Пять волковъ сидятъ другъ къ дружкѣ,
Грѣя тошя бока.

Гнѣвно ляскаютъ зубами
И пушистыми хвостами,
Въ ожиданіи гостей,
Разметають снѣгъ полей.
Ихъ глаза горятъ, какъ свѣчи,
Въ очарованной глуши...
До села еще далече,
На дорогѣ ни души...

И, внезапной встрѣчи труся,
Умоляетъ попадья:
— „Степа, Степа, брось имъ гуся,
А ужъ зайца брошу я!“
— Ахъ ты, Господи Иусе!
Не спасутъ отъ смерти гуси,
Если праведный Господь
Позабудетъ нашу плоть!—
Говоритъ Степанъ, вздыхая,
Все жъ беретъ онъ двухъ гусей,
И летятъ они, мелькая,
На холодный снѣгъ полей.
Угостившись данью жалкой,
Волки дружною рысцой

Вновь бѣгутъ дорогой яркой
За поповскою четой.
Пять тѣней на снѣгѣ бѣломъ,
Войскомъ хищнымъ и несмѣлымъ,
Подвигаясь мирно въ рядъ,
Души путниковъ мрачатъ.
Кнутъ поповскій по савраскѣ
Ходить, въ воздухѣ свистить,
Но она и безъ острастки
Торопливо къ дому мчитъ.

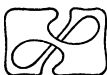
Попъ Степанъ вопить въ тревогѣ:
— „Это Богъ насъ за грѣхи!“
И летятъ волкамъ подъ ноги
Зайцы, куры, пѣтухи.
Волки жадно дань собираютъ,
Жадно кости разгрызаютъ.
Три отстали—и жуютъ.
Только два не отстаютъ—
Забѣгаютъ такъ и эдакъ...
И, спасаясь отъ звѣрей,
Попъ бросаетъ напоследокъ
Туши мерзлыя свиней.

Легче путники вздыхаютъ,
И ровнѣй савраски бѣгъ,—
Огоньки вдали мигаютъ,
Теплый близится ночлегъ.
Далеко отстали волки...
Кабаковъ мелькаютъ елки,
И гармоника порой
Плачетъ въ улицѣ глухой.
Быстро мчитъ савраска къ дому
И дрожить отъ сладкихъ грезъ:
Тамъ найдетъ она солому
И живительный овесъ.

А въ саняхъ ведутся толки
Между грустною четой...
— Эхъ, ужъ волки, эти волки!—
Мужъ качаетъ головой.
А супруга чуть не плачетъ...
— Что жъ такое это значитъ?

Вѣдь была у насъ гора
Въ санкахъ всякаго добра...
Привезли жъ однѣ рогожи.
Что же дѣлать намъ теперь?
— Что жъ... за насъ на праздникъ Божій
Разговѣлся нынче звѣрь!..

Н. М. Фофановъ.

Х о з я й к а.

Х о з я й к а убивается.

Устала отъ хлопотъ.
Покоя добивается,
Поклоны земно бьетъ.

Пошли, Господь, хорошую,
Красивую собой,
Тяжелою я ношею
Придавлена Тобой.

Двухъ дѣвушекъ гуляющихъ
Держала для гостей,
Хозяйству помогающихъ,
Питающихъ дѣтей.

Давала столъ и горницу
За семьдесятъ рублей.
Спаси, Господь, затворницу,
Нѣтъ жизни нашей злѣй.

Ты знаешь Самъ, таскаются
Пьянешеньки—пьяны.
Стучать, поютъ, ругаются,
Какъ въ пасти сатаны.

Квартира некудышная
И съ кухней проходной,

Тяжка мнѣ воля вышняя—
Вѣкъ маяться одной.

Одна жила веселая
И до сихъ поръ живетъ,
Другая—рыба хволая,
Приманить и заснетъ.

Не выдержала, бѣдная,
Ахъ, тьфу Ты, Боже, тьфу!
Напала болѣсть вредная—
Повѣсилась въ шкафу.

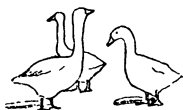
Теперь забота новая—
Какую подберу?
За столъ и все готовое
Полсотенки беру.

Пошли, Господь, хорошую,
Красивую собой.
Тяжелою я ношею
Придавлена Тобой.

Твоею волей двинуты
И горы и моря,
Тутъ дѣтски рты разинуты,
Не дай погибнуть зря!

И молить, добивается,
Поклоны земно бьетъ.
Хозяйкой называется,
Сама весь домъ ведетъ.

Сергѣй Городецкій.

„И туда“...

И туда—на грань Камчатки—
Ты зашла для бранной схватки,
Рать британскихъ кораблей.
И приставъ подъ берегами,
Яро грянули громами
Пришлецы изъ-за морей.

И, прикрытъ звѣриной кожей,
Камчадалъ на нихъ глядитъ;
Гости странные похожи
На людей—такой же видъ!
Только чудень ихъ обычай:
Знать, не вѣдая приличій,
Съ злостью выѣхали въ свѣтъ,—
Въ гости ѣдутъ—незнакомы
И, пріѣхавъ, мечуть громы
Здѣсь хозяевамъ въ привѣтъ!
Огнедышащихъ орудій
Навезли—дымятъ, шумятъ!
—„А вѣдь все же это—люди“.—
Камчадалы говорятъ.

—Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видимъ, вторгнулся злодѣй.

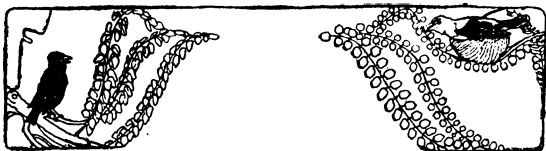
И дикарь въ недоумѣннѣ
Слышитъ странное велѣнье:

—„Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?“
И ушамъ своимъ не вѣря,

—„Нѣтъ,—сказаль:—стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря,
Человѣка я не бью.“

В. Бенедиктовъ.

Южная легенда.

Говорятъ, давно когда-то,
Въ древности сѣдой,
Въ видѣ сгорбленной старухи,
Дряхлой и худой,

По землѣ ходила Правда.
Видъ ея уныль;
Еле-еле движеть ноги;
Голосъ слабъ и хиль.

Кто она, откуда родомъ
И куда идетъ—
Никогда не могъ добиться
Ни одинъ народъ.

Исходила та старуха
Много разныхъ мѣстъ.
Съ дня рожденья—ей на долю
Выпалъ тяжкій крестъ.

Какъ чумы ея боятся.
Всѣ ея бѣгутъ:
И никто не дастъ несчастной
У себя пріютъ.

Забредеть она въ чертоги,
Гдѣ пируеть знать,

Но ее земные боги
Станутъ тотчасъ гнать.

У богатыхъ, какъ на горе,
Быль всегда одинъ отвѣтъ:
— Эй, проваливай, бродяга!
Съ Богомъ... мелкихъ нѣтъ...

То зайдетъ она въ каморку
Къ бѣдняку—ей тамъ
Поскорѣ бросятъ корку
И пошлютъ къ чертямъ...

Богачи вѣдь ненавидятъ
Правду съ дѣтскихъ лѣтъ;
А бѣднякъ боится,—съ нею
Не нажить бы бѣдъ.

Умудрялася старуха
Протащиться въ судъ,
Но ее, безъ сожалѣнья,
Палкой били тутъ...

И въ различныхъ учрежденьяхъ
Бѣдная была,—
Накладутъ вездѣ ей въ шею:
— „Вонъ—пока цѣла!“

Прослонявшись безъ пріюта
Цѣлые вѣка,
Обуяла бѣдной Правдой
Горькая тоска.

И любви и пользы міру
Въ ней порвалась нить,
И она рѣшилась людямъ
Сильно отомстить.

Испросивъ благословенье
У благихъ небесъ,
Забралась она въ дремучій,
Заповѣдный лѣсъ.

Смастерила шесть высокій,
Поползла по немъ

И чрезъ сутки очутилась
Въ небѣ голубомъ.
Но чтобъ люди не полѣзли
На небо гурьбой,
Правда шесть туда втащила
Слѣдомъ за собой.
И теперь съ небесъ далекихъ
Какъ ее стащить?..
Ей же незачѣмъ на землю
По-пусту сходить...
Навсегда, съ тѣхъ поръ, старуха
Кинула нашъ свѣтъ...
Оттого ея давненько
На землѣ и нѣтъ!

Н. С. Стружкинъ.

Пѣсенка нѣкой птички.

Крылья—бѣлы съ черной рябью,
Голосъ силенъ и красивъ,—
Ахъ! не пѣть бы пѣсню рабью
На заказанный мотивъ!
А попробуй, звуки ввѣрь я
Зову сердца своего—
Окарнаютъ живо перья,
Да и голову... того...
Оттого-то мощнымъ клювомъ
Осторожно я стучу:
Про пустякъ всегда спою вамъ,
А о важномъ—промолчу.

Красный.

Крамольникъ.

На усадьбѣ небогатаго
Мѣщанина Суковатаго
Цѣлый годъ на черствой корочкѣ,
Одинокъ, что кротъ въ каморочкѣ,
Жилъ онъ жизнію пустытника
И, порой, изъ-за полтинника,
Для крамольницы-редакціи
Относительно реакціи,
Какъ умѣлъ, мыслишки грѣшныя
Воплощалъ въ стихи потѣшныя.
Не вступалъ ни съ кѣмъ въ бесѣдушки,
И сочли тогда сосѣдушки
Молчаливаго подвижника
За злодѣя чернокнижника,
Проболталися духовнику.
Ну, а тотъ развилъ исторіи,
И жандармскому полковнику
Изъ духовной консисторіи,
На разсвѣтѣ, въ воскресенье
Сдалъ въ пакетъ донесенье:
— Симъ, о, ваше благородіе!
Доношу, что на угодіи
Мѣщанина небогатаго
Валентина Суковатаго
Такъ примѣрно: годъ безъ малаго,
По оплошности хожалаго,
Поселилась личность скромная,
Молчаливая, но темная,
Чрезвычайно осторожная,
Сирѣчь неблагонадежная,
Что изъ дѣла выясняется.
Ниже вкратцѣ поясняется
Актъ довольно обвинительный:
Что де личности сомнительной
Ономняся прихожанину
Силѣ Карпову Сусанину
Было выдано двѣ книжицы,

Гдѣ отъ азу и до ижицы
Въ изложеніи поэтическомъ,
Но отнюдь не назидательномъ,
О движеніи политическомъ
И о времени карательномъ
Мысль проводится крамольная,
Нелегальная, подпольная!!
И, къ тому же, личность темная
Не честитъ завѣта сродниковъ,
Ѣсть постомъ всегда скоромное
И не вѣруеть въ угодниковъ;
Не бываетъ въ день торжественный
У литургіи Божественной...
На свободѣ, ради праздника,
Доношу на безобразника
Во шестое новолуніе,
Утромъ третьяго Іунія
Въ день Святой Пятидесятницы.

Іерей Лука отъ Пятницы.

Василій Большевъ.

* * *

По ночамъ, когда-то, на погостѣ
Изъ могилъ вставали мертвецы,
И тайкомъ къ живымъ ходили въ гости
Сестры, братья, дѣти и отцы.
Мудрено ль?—Тяжка земля сырая,
Душень сумракъ сдавленныхъ досокъ,
А вверху смѣется жизнь, играя,
И небесный куполь такъ высокъ!
Но теперъ мертвецъ вставать боится
И гнѣеть спокойно въ душной мглѣ,
Оттого, что въ гробѣ слаще спится,
Чѣмъ теперъ живется на землѣ.

Альми.

Обыденность.

Любовники.

По вечерамъ съ фельдшерницей
Гулящій,
Дѣвицей
Жалкою,—
Помавающій
Палкою,—
Села скромный житель,
Задорный,
Горбатый
Учитель—
Рѣшилъ всѣ вопросы,—
Черный
Длинноносый—
Учитель сельскій
Бѣльскій!!

* * *

„Цвѣты мои,
Цвѣтики,
Вы не знаете,
Любимые—
Вы не знаете
Ариеметики!!“

* * *

Небеса потухаютъ
Хрустальныя.
Вопросы они изучаютъ
Соціальныя
Вмѣстѣ—
Бакунина
Подарилъ онъ невѣстѣ.
Но втуне она
Прочитала Бакунина.

Ахъ, она ему снится!
Ахъ, сердце его будто ножикомъ
Изранено!

Но топорщится ежикомъ
Фельдшерица
Галанина.

* * *

Васильки лазурными вѣнчиками
На влюбленныхъ киваютъ.

Изъ оврага кони бубенчиками
Закипаютъ,—
И помѣщикъ качается
Мимо нихъ въ тарантасѣ...

Андрей Бѣлый.

З е р к а л о .

Кто въ трамваѣ, какъ акула,
Отвратительно зѣваетъ?
То зѣваетъ другъ-читатель
Надъ скучнѣйшею газетой.

Онъ жуетъ ее въ трамваѣ,
Дома, въ банѣ и на службѣ,
Въ ресторанахъ и въ экспрессѣ,
И въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Каждый день, впиваясь въ строчки,
Онъ глупѣетъ и умнѣетъ:
Если авторъ глупъ—глупѣетъ,
Если умница умнѣетъ.

Но порою другъ-читатель
Головой мотаетъ злобно,
И ругаетъ, какъ извозчикъ,
Современныя газеты.

„Къ чорту! То ли дѣло Западъ
И испанскія газеты“...

(Кстати,—онъ силенъ въ испанскомъ,
Какъ испанская корова).

Другъ-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь,—въ немъ зловѣще меркнетъ
Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
Не испанецъ, о, нисколько,
Но, скорѣе, быкъ испанскій,
Обреченный на закланье.

Прочитай: въ глазахъ-глядѣлкахъ
Много ль мыслей, смѣха, сердца?
Не брани же, другъ-читатель,
Современныя газеты...

Саша Черный.

Человѣкъ и время.

⑨ динь человѣкъ смотрѣлъ на хронометръ и
плакалъ.

—Увы! увy!—говорилъ онъ, истекая слезами.
Кто измѣритъ быстротечность времени, кто угонит-
ся за нимъ?! Вотъ секунда, я вижу ее, но... шесть-
десять скачковъ, и она уже на разстояніи минуты...
Еще пятьдесятъ девять разъ по шестьдесятъ скач-
ковъ—и она уже часъ... 24 часа—и уже сутки... 7 су-
токъ—недѣля... 52 недѣли—годъ... 100 лѣтъ—вѣкъ...
Дальше, дальше—и вотъ уже тысячи, миллионы, мил-
лиарды лѣтъ отдѣляютъ мою секунду отъ меня!.. О!
кто измѣритъ быстротечность времени?!

И, такъ разсуждая, онъ истекъ слезами и ка-
нулъ въ вѣчность.

Иванъ Кузьм. Прутковъ.

Артистъ В. В. Лужной.

Въ Москвѣ на Трубной площади.

Небольшая площадь близъ Рождественскаго монастыря, которую называютъ Трубной, или просто Трубой; по воскресеньямъ на ней бываетъ торгъ. Копшатся, какъ раки въ рѣшетѣ, сотни тулуповъ, бекешъ, мѣховыхъ картузовъ, цилиндровъ. Слышно разноголосое пѣніе птицъ, напоминающее весну. Если свѣтитъ солнце и на небѣ нѣтъ облаковъ, то пѣніе и запахъ сѣна чувствуются сильнѣе, и это воспоминаніе о веснѣ возбуждаетъ мысль и уноситъ ее далеко-далеко. По одному краю площадки тянется рядъ возовъ. На возахъ не сѣно, не капуста, не бобы, а щеглы, чижи, красавки, жаворонки, черные и сѣрые дрозды, синицы, снгири. Все это прыгаетъ въ плохихъ, самодѣлковыхъ клѣткахъ, поглядываетъ съ завистью на свободныхъ воробьевъ и щебечетъ. Щеглы по пятаку, чижи по дорожке, остальная же птица имѣетъ самую неопредѣленную цѣнность.

— Почему жаворонок?

Продавец и самъ не знаетъ, какая цѣна его жаворонку. Онъ чешетъ затылокъ и спрашиваетъ, сколько Богъ на душу положитъ—или рубль или три копейки, смотря по покупателю. Есть и дорогія птицы. На запачканной жердочкѣ сидитъ полинялый старикъ-дроздъ съ ошипаннымъ хвостомъ. Онъ солиденъ, важенъ и неподвиженъ, какъ отставной генераль. На свою неволю онъ давно уже махнулъ лапкой и на голубое небо давно уже глядитъ равнодушно. Должно быть, за это свое равнодушіе онъ и почитается разсудительной птицей. Его нельзя продать дешевле, какъ за сорокъ копеекъ. Около птицъ толкуются, шлепая по грязи, гимназисты, мастеровые, молодые люди въ модныхъ пальто, любители въ до-нельзя поношенныхъ шапкахъ, въ подсученныхъ, истрепанныхъ, точно мышами изъѣденныхъ брюкахъ. Юнцамъ и мастеровымъ продаютъ самокъ за самцовъ, молодыхъ за старыхъ... Они мало смыслятъ въ птицахъ. Зато любителя не обманешь. Любитель издали видитъ и понимаетъ птицу.

— Положительности нѣтъ въ этой птицѣ,— говоритъ любитель, засматривая чижу въ ротъ и считая перья въ его хвостѣ.—Онъ теперь поетъ, это вѣрно, но что жъ изъ эстого? И я въ компаніи запой. Нѣтъ, ты, братъ, мнѣ безъ компаніи, братъ, запой; запой въ одиночку, ежели можешь... Ты подай мнѣ того вонъ, что сидитъ и молчитъ! Тихоню подай! Этотъ молчитъ, стало быть, себѣ на умѣ...

Между возами съ птицей попадаютъ возы и съ другого рода живностью. Тутъ вы видите зайцевъ, кроликовъ, ежей, морскихъ свинокъ, хорьковъ. Сидитъ заяцъ и съ горя солому жуетъ. Морскія свинки дрожатъ отъ холода, а ежи съ любопытствомъ посматриваютъ изъ-подъ своихъ колючекъ на публику.

— Я гдѣ-то читалъ, — говоритъ чиновникъ почтоваго вѣдомства, въ полиняломъ пальто, ни къ кому не обращаясь и любовно поглядывая на зай-

ца:—я читаль, что у какого-то ученаго кошка, мышь, кобчикъ и воробей изъ одной чашки ѣли.

— Очень это возможно, господинъ. Потому кошка битая, и у кобчика, небось, весь хвостъ по-выдерганъ. Никакой учености тутъ нѣтъ, сударь. У моего кума была кошка, которая, извините, огурцы ѣла. Недѣли двѣ полосоваль кнутовищемъ, покудова выучилъ. Заяць, ежели его бить, спички можетъ зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! Возьметъ въ ротъ спичку и—чиркъ! Животное то же, что и человекъ. Человекъ отъ битья умнѣй бываетъ, такъ и тварь.

Въ толпѣ снуютъ чуйки съ пѣтухами и утками подъ мышкой. Птица все тощая, голодная. Изъ клѣтокъ высовываютъ свои некрасивыя, облѣзлыя головы цыплята и клюютъ что-то въ грязи. Мальчишки съ голубями засматриваютъ вамъ въ лицо и тшатся узнать въ васъ голубинаго любителя.

— Да-съ! Говорить вамъ нечего!—кричитъ кто-то сердито.—Вы посмотрите, а потомъ и говорите! Нешто это голубь? Это орелъ, а не голубь!

Высокій, тонкій человекъ съ бачками и бритыми усами, по наружности лакей, больной и пьяный, продаетъ бѣлую, какъ снѣгъ, болонку. Старуха болонка плачетъ.

— Велѣла вотъ продать эту пакость,—говоритъ лакей, презрительно усмѣхаясь. — Обанкрутилась на старости лѣтъ, ѣсть нечего, и теперь вотъ собакъ да кошекъ продаетъ. Плачетъ, цѣлуется ихъ въ поганыя морды, а сама продаетъ отъ нужды. Ей-Богу, фактъ! Купите, господа! На кофій деньги надобны.

Но никто не смѣется. Мальчишка стоитъ возлѣ и, прищуривъ одинъ глазъ, смотритъ на него серьезно, съ состраданіемъ.

Интереснѣе всего рыбный отдѣлъ. Душъ десять мужиковъ сидятъ въ рядъ. Передъ каждымъ изъ нихъ ведро, въ ведрахъ же маленькій, кромѣшный адъ. Тамъ въ зеленоватой, мутной водѣ копошатся карасики, вьюнки, малявки, улитки, лягушки-жерлянки, тритоны. Большіе рѣчные жуки съ поломан-

ными ногами шныряютъ по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая черезъ лягушекъ. Лягушки лѣзутъ на жуковъ, тритоны на лягушекъ. Живуча тварь! Темно-зеленые лини, какъ болѣе дорогая рыба, пользуются льготой: ихъ держать въ особой баночкѣ, гдѣ плавать нельзя, но все же не такъ тѣсно...

— Важная рыба карась! Держанный карась, ваше высокоблагородіе, чтобъ онъ издохъ! Его хоть годъ держи въ ведрѣ, а онъ все живъ! Недѣля ужъ, какъ поймалъ я этихъ самыхъ рыбовъ. Наловилъ я ихъ, милостивый государь, въ Перервѣ и оттуда пѣшкомъ. Караси по двѣ копейки, въюны по три, а малявки гривенникъ за десятокъ, чтобъ онѣ издохли! Извольте малявокъ за пятакъ. Червячковъ не прикажете ли?

Продавецъ лѣзетъ въ ведро и достаетъ оттуда своими грубыми, жесткими пальцами нѣжную малявку или карасика, величиной съ ноготь. Около ведеръ разложены лески, крючки, жерлицы, и отливаютъ на солнцѣ пунцовымъ огнемъ прудовые червяки.

Около воевъ съ птицей и около ведеръ съ рыбой ходитъ старецъ-любитель въ мѣховомъ картузѣ, желѣзныхъ очкахъ и калошахъ, похожихъ на два броненосца. Это, какъ его называютъ здѣсь, „типъ“. За душой у него ни копейки, но, несмотря на это, онъ торгуется, волнуется, пристаётъ къ покупателямъ съ совѣтами. За какой-нибудь часъ онъ успѣваетъ осмотрѣть всѣхъ зайцевъ, голубей и рыбъ, осмотрѣть до тонкостей, опредѣлить всѣмъ, каждой изъ этихъ тварей породу, возрастъ и цѣну. Его, какъ ребенка, интересуютъ щеглята, карасики и малявки. Заговорите съ нимъ, наприимѣръ, о дроздахъ, и чудакъ расскажетъ вамъ такое, чего вы не найдете ни въ одной книгѣ. Расскажетъ вамъ съ восхищеніемъ, страстно и вдобавокъ еще и въ невѣжествѣ упрекнетъ. Про щеглятъ и снигирей онъ готовъ говорить безъ конца, выпучивъ глаза и сильно размахивая руками. Здѣсь на Трубѣ его можно встрѣтить только въ холодное время, лѣтомъ

же онъ гдѣ-то за Москвой перепеловъ на дудочку ловить и рыбку удить.

А вотъ и другой „типъ“,—очень высокій, очень худой господинъ въ темныхъ очкахъ, бритый, въ фуражкѣ съ кокардой, похожій на подьячаго стараго времени. Это любитель; онъ имѣетъ не малый чинъ, служить учителемъ въ гимназіи, и это извѣстно завсегдатаямъ Трубы, и они относятся къ нему съ уваженіемъ, встрѣчаютъ его поклонами и даже придумали для него особенный титулъ: „ваше мѣстоименіе“. Подъ Сухаревой онъ роется въ книгахъ, а на Трубѣ ищетъ хорошихъ голубей.

— Пожалуйте! — кричатъ ему голубятники. — Господинъ учитель, ваше мѣстоименіе, обратите ваше вниманіе на турмановъ! Ваше мѣстоименіе!

— Ваше мѣстоименіе! — кричатъ ему съ разныхъ сторонъ.

— Ваше мѣстоименіе!—повторяетъ гдѣ-то на бульварѣ мальчишка.

А „его мѣстоименіе“, очевидно, давно уже привыкшій къ этому своему титулу, серьезный, строгій, беретъ въ обѣ руки голубя и, поднявъ его выше головы, начинаетъ разсматривать и при этомъ хмурится и становится еще болѣе серьезнымъ, какъ заговорщикъ.

И Труба, этотъ небольшой кусочекъ Москвы, гдѣ животныхъ любятъ такъ нѣжно и гдѣ ихъ такъ мучаютъ, живетъ своей маленькой жизнью, шумитъ и волнуется, и тѣмъ дѣловымъ и богомольнымъ людямъ, которые проходятъ мимо по бульвару, не понятно, зачѣмъ собралась эта толпа людей, эта пестрая смѣсь шапокъ, картузовъ и цилиндровъ, о чемъ тутъ говорятъ, чѣмъ торгуютъ.

Антонъ Чеховъ.

Кошмаръ среди бѣла дня.

Солнце жжетъ. Вдоль тротуара
Подъ эскортомъ пепиньерокъ
Вотъ идетъ за парой пара
Блѣдныхъ, хмурыхъ пансионерокъ.

Цѣлью вытянулись длинной,
Идутъ медленно и чинно—
Въ скромныхъ, черненькихъ ботинкахъ,
Въ снѣжнобѣлыхъ пелеринкахъ...

Шляпки круглыя, простыя,
Заплетенныя косицы—
Точно все не молодая,
Точно старая дѣвица.

Глазки вылупили глупо,
Спины вытянули прямо.
Взглядомъ мертвымъ, какъ у трупа,
Смотритъ классная ихъ дама.

„Mademoiselle Nadine, tenez vous
„Droit“... И хмуритъ брови строже.
Внемлетъ скучному напѣву
Обернувшійся прохожій...

Покачаетъ головою,
Удивленно улыбаясь...
Пансионъ ползетъ, змѣею
Между улицъ извиваясь.

Андрей Бѣлый.

Артистка З. В. Холмская.

* * *

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?

— Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупы достать?

— За-моремъ, матушка, за-моремъ,
За-моремъ, сударыня, за-моремъ!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?

— Сорная, матушка, сорная!
Сорная, сударыня, сорная!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А чѣмъ ты изволишь мѣшать ее?

— Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,

А вѣдь каша-то выйдетъ крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣвичъ,
А вѣдь каша-то выйдетъ сѳлона?

— Сѳлона, матушка, сѳлона!
Сѳлона, сударыня, сѳлона!

— Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣвичъ,
А кто жъ будетъ ее расхлебывать?

— Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки!

А. Н. Толстой.

Старая погудка на новый ладъ.

Вь селѣ, задавъ кому-то взбучку,
Съ любезнымъ писаремъ подъ-ручку
И съ мирной шашкой на боку
Пришелъ урядникъ къ мужику,
И говорить, что праздникъ близко...
Мужикъ, поклонъ отвѣсивъ низко,
Спросилъ, чѣмъ можетъ онъ служить,
Чтобы съ начальствомъ въ мирѣ жить?..
Друзья, возвысивъ голосъ строже,
Сказали съ пасмурнымъ лицомъ,
Что въ Божій праздничекъ мясцомъ
Имъ разговѣться надо тоже...
Прервавъ соображеній нить,
Мужикъ промолвилъ добрымъ людямъ:
— Когда скотину будемъ бить,
Такъ вашу милость не забудемъ!..

А. Ивановъ-Классикъ.

БЫТЪ.

Реветь сынокъ. Побить за двойку съ плюсомъ.
Жена на локоны взяла послѣдній рубль.
Супругъ, убитый лавочкой и флюсомъ,
Подсчитываетъ мѣсячную убыль.

Кряхтятъ на счетахъ жалкія копейки:
Покупка зонтика и дровъ пробила брешь,
А розовый капоть изъ бумазейки
Бросаетъ въ потъ склонившую плѣшь.

Надъ самой головой насвистываетъ чижики
(Хоть птичка Божія не кушала съ утра).
На блюдцѣ киснетъ одинокій рыжики,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка подъ кроватью ставитъ кошкѣ клизму,
Въ наплывѣ счастья полуоткрывши ротъ,—
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичнымъ голосомъ взволнованно оретъ.

Безбровая сестра въ облѣзшей кацавейкѣ
Насилуетъ простуженный рояль,
А за стѣной жиличка бѣлошвейка
Поетъ романсъ: „Пойми мою печаль“!..

Какъ не понять?! Въ столовой тараканы,
Оставя черствый хлѣбъ, задумались слегка,
Въ буфетѣ дребезжать сочувственно стаканы
И сырость капаетъ слезами съ потолка.

Саша Черный.

ДВѢ КОСЫ.

Я двѣ косы любилъ когда-то.
Одна черна, и тяжела,
И обольстительна была,
Другая гордо въ море шла

Клинкомъ гигантскаго булата...
Мы на косу съ тобой ходили
Глядѣть на солнечный восходъ
И долго въ отмеляхъ бродили...
Ахъ! Сколько видѣли идиллій—
Коса и ясный небосводъ!
Ты помнишь?—съ листиковъ поила
Меня хрустальною росой?..
А—помнишь?—шею мнѣ обвила
Такъ крѣпко-на-крѣпко косою,
Что я краснѣлъ и задыхался,
И какъ ты струсила при томъ,
Какъ нѣжный ротикъ цѣловался
И виновато жегъ огнемъ?..
Мы на песокъ съ тобой сѣли,
Я раскрывалъ дорожный зонть,
Предъ нами отмели забились,
Катились волны, серебрились,
Курился дымкой горизонтъ...
Надъ нами южнымъ сладострастьемъ
Дышалъ лазурный сводъ небесъ,
И млѣли мы, томимы¹ счастьемъ,
И уносились въ мѣръ чудесъ!..
Какъ мы тогда счастливы были:
Любилъ тебя, твою косу
И оба нѣжно мы любили
Зеленожелтую косу!..

.
Теперь тяжелою косою
Ты косишь деньги и сердца...
Одинъ люблюсь я косою...
Катятся слезы безъ конца,
Сливаясь съ утренней росой,—
И солнце смотритъ на пѣвца
Съ улыбкой осени косою...

Красный.

Муза! взвейся быстрой птицею,
 Поглядимъ, что за границею...
 Вонъ раскинулась Германія,
 Вонъ Америка, Британія,
 Вонъ Шотландія, Ирландія,
 Вонъ рабочая Голландія,
 Вонъ и Франція красивая,
 Просвѣтленная, счастливая.
 Все парламенты свободные,
 Все правительства народныя
 И, взамѣнъ лихой полиціи,
 Всюду вводятся милиціи.

Муза, полная страданія,
 Мнѣ сказала сквозь рыданія:
 Что жъ у насъ-то нѣтъ свободнаго
 Управленія народнаго?
 Есть министры — да неважные;
 Есть свободы — да бумажныя...
 Много мрака, много холода,
 Недовѣрія и голода.

— Ну, не плачь же, моя милая!
 Что чужбина намъ постылая?
 Наша Русь — самодержавная,
 Русь святая — православная,
 Въ горѣ, рабствѣ молчаливая
 И въ работѣ терпѣливая,
 Много въ ней есть вѣры пламенной,
 Много храмовъ въ Бѣлокаменной,
 На поляхъ бурьянъ качается,
 Виннымъ лавкамъ счетъ теряется...

Красиковъ.

Старуха на печкѣ.

Пришла старуха въ избу со двора.
„Ой, холодно! на дворѣ и мятель и курá!
Экая сила, что снѣгу навалило!“

Совсѣмъ старуха застыла.

На печку легла, кряхтитъ;
Не согрѣется старуха и на печкѣ дрожитъ.
„Батюшки мои! заткните окно.
Видишь, какъ дуетъ, и на печкѣ холодно!“

— „То-то, старуха! тебѣ холодно на печи,
Лежишь подъ шубой, да ѣшь калачи“,—
Старикъ говоритъ: „а печь не закута!
Каково же теперь въ обозѣ мужику-то!

Вотъ мы и на печкѣ замерзли съ тобой“...
„Охъ“, говоритъ старуха: „сударикъ ты мой!
Что мужику въ обозѣ-то дѣется?
— Бѣжить, да грѣется.“

М. Стаховичъ.

Осель и Воловей.

П а р о д і я.

Осель увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему:

— „Послушай-ка, почтенный,
Ты, говорятъ, пѣвецъ отмѣнный.
Хотѣлъ бы я услышать твое пѣнье,
Чтобъ высказать о немъ свое сужденье;
Я опытный судья, въ искусствѣ я знатокъ,—
Я слышалъ множество пѣвцовъ:
И попугаевъ, и сорокъ,

И разныхъ ласточекъ, и совъ,
И голосистыхъ пѣтуховъ.
Но вотъ съ тобой, мой другъ, признаться,
Не приходилось мнѣ встрѣчаться.
Пожалуйста, мой милый, не робѣй,
И что-нибудь намъ спой, любезный соловей!

На рѣчь ослиную въ отвѣтъ
Запѣлъ восторженно поэтъ.
И пѣснь его была полна любви, свободы...
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры...
И прослезились неба своды...
Скончалъ пѣвецъ. Осель, уставясь въ землю лбомъ,
Махнувъ ушами и хвостомъ,

Сказалъ:

— „Поешь ты важно, очень внятно,
Но пѣснь твоя мнѣ что-то непонятна...
Береть сомнѣніе меня,
Ужъ нѣтъ ли въ этихъ пѣсняхъ непонятныхъ
Какихъ-нибудь идей превратныхъ?
Поешь прекрасно ты, и голосъ звученъ твой,
Да надобенъ надзоръ, мой милый, надъ тобой.
Городовой! Свести въ участокъ соловья!
Тамъ разберутъ, братъ, эти пѣсни
И ужъ найдутъ, хоть ты тамъ тресни,
Законъ для всѣхъ твоихъ идей.“

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Н. П. Тарновскій.

ВЪ ГОСТЯХЪ.

Холостой стаканчикъ чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стѣнѣ босой Толстой.

Добросовѣстно скучаю
И зеленую тоску
Заѣдаю колбасой.

Адвокатъ ведетъ съ коллегой
Спеціальнѣй разговоръ.
Разорвись—а не поймешь!

А хозяйка съ томной нѣгой,
Устремивъ на лампу взоръ,
Поправляетъ бюстъ и брошь.

„Прочитали Метерлинка?“
— Да. Спасибо. Прочиталь...
„О, какая красота!“

И хозяйкина ботинка
Взволновалась, словно шкваль.
Лжетъ ботинка, лгутъ уста...

У рояля дочь въ реформѣ,
Взявъ разсѣянный аккордъ,
Стилизованно молчитъ.

Старичекъ въ военной формѣ
Прежде всѣхъ побилъ рекордъ—
За экранъ залѣзъ и спитъ.

Толстый докторъ по ошибкѣ
Жметъ мнѣ ногу подъ столомъ.
Я страдаю и терплю.

Инженеръ зудитъ на скрипкѣ.
Примиришь и съ этимъ зломъ,
Я и бодрствую и сплю.

Что бы вслухъ сказать такое?
Ну-ка, опытъ, выручай!
„Попрошу... еще стаканъ“...

Ѣмъ вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, какъ истуканъ.

Саша Черный.

Артистъ А. И. Адашевъ.

Лошадь и Осель.

Изъ Г. Гейне.

По рельсамъ желѣзнымъ, какъ молнии полетъ,
Несутся вагонъ за вагономъ.
Несутся—и воздухъ наполненъ вокругъ
И дымомъ, и свистомъ, и стономъ.

На скотномъ дворѣ, у забора, осель
И бѣлая лошадь стояли.
Осель преспокойно глоталъ волчецы,
Но лошадь въ глубокой печали

На поѣздъ взглянула, и долго потомъ
Въ испугъ тряслось ея тѣло,
И тяжело вздохнувши, сказала она:
„О, страшное, страшное дѣло!

„Ей-Богу, не будь ужъ природой самой
Я въ бѣлую кожу одѣта,

Заставила бѣ вѣрно меня посѣдѣть
Картина ужасная эта!

„Страшнѣйшіе, злые удары судьбы
Грозятъ лошадиной породѣ:
Я лошадь, но въ книгѣ грядущихъ временъ
Читаю о нашей невзгодѣ.

„Своей конкуренціей насъ, лошадей,
Убьютъ паровыя машины;
Теперь ужъ всѣ люди начнутъ прибѣгать
Къ услугамъ желѣзной скотины.

„Чуть только пойметъ человѣкъ, что безъ насъ
Онъ можетъ легко обходиться—
Прощай, наше сѣно, прощай, нашъ овесъ!
Придется намъ пищи лишиться!

„Душа человѣка, какъ камень. Не дастъ
Онъ даромъ и крошечки хлѣба...
Увы! изъ конюшенъ повыгонять насъ,
И мы околѣемъ, о, небо!

„Мы красть неспособны, какъ люди; въ займы,
Какъ люди, мы брать не умѣемъ,
И льстить мы не можемъ, какъ люди и псы.
О, небо! мы всѣ околѣемъ!“

Такъ лошадь стонала. Осель, между тѣмъ,
Потряхиваль тихо ушами
И въ самомъ блаженномъ покоѣ души
Себя угощаль волчецами.

Окончивъ, онъ хвостъ облизаль языкомъ
И молвилъ съ спокойною миной:
„Ломать не хочу головы я надъ тѣмъ,
Что будетъ съ породой ослиной.

„Я знаю, что вамъ, горделивымъ конямъ,
Придется покончить ужасно;
Для насъ же, смиренныхъ и тихихъ ословъ,
На свѣтѣ вполнѣ безопасно.

Какихъ бы мудреныхъ, хитрѣйшихъ машинъ
Ни выдумаль умъ человѣка,

Все будутъ въ довольствіи жить на землѣ
Ослы до скончанія вѣка.

„Судьба никогда не покинетъ ослось;
Свой долгъ сознавая душевно,
Они, какъ отцы ихъ и дѣды, бредутъ
На мельничный дворъ ежедневно.

„Работаетъ мельникъ, стучить колесо,
Мукою мѣшки насыпаютъ,
Ташу ихъ я къ хлѣбнику, хлѣбникъ печетъ,
А люди потомъ пожираютъ.

„Издревле для міра сей путь круговой
Навѣкъ начертала природа,
И вѣчно на этой землѣ не умретъ
Ослиная наша порода.“

М О Р А Л Ь.

Вѣкъ рыцарей въ могилу схоронень,
И гордый конь на голодъ обречень;
Осель же будетъ неизмѣнно
Всегда имѣть овесъ и сѣно!

П. Вейнбергъ.

Его признаніе.

(Эпиграмма).

Укрѣпляя свободный режимъ,
Укрѣпилъ волевые импульсы я,—
На законъ совершаю нажимъ,
Хоть проходить по своду конвульсія...

Красный.

Резиновая калоша.

Пародія.

I.

Той ночью зайчикъ прыгаль
Въ головѣ моей,
Чувства сонныя раздвигаль:
„Отправляйся къ ней,—
Отыщи ея витрину.
Тамъ, блестя красой резиной,
На подставочкѣ одна
Ждетъ она.“

Вторить зайчику пороша:
„Ждетъ тебя твоя калоша,
Ждетъ всю ночь одна
Черна“...

Я пошелъ, я за дверями,
Гуттаперчевый женихъ,
Дождь плюется съ фонарями,
А пороша хлещетъ ихъ.
Дождь, ты зайку образуми!
Гдѣ же ты царица-gummi?
Вотъ и надпись: „Проводникъ“,
Я къ стеклу приникъ...

И каждый вечеръ съ тѣмъ же блескомъ,
Во мглѣ зеркальнаго окна,
Рѣзной подошвой къ занавѣскамъ,
Стоитъ на выставкѣ она...
Мѣняютъ шины, макинтоши,
И каждый день въ иномъ кругу
Я вижу блескъ моей калоши,
Ревную, плачу, стерегу...
Такъ каждый разъ, томимъ волненьемъ,
Хочу въ резиновый складъ пролѣзть
И съ несказаннымъ наслажденьемъ
Въ калошу сѣсть...

Красный.

Трамвайная сценка.

Старый пѣгій генераль, на красной подкладкѣ—стоящему у выхода учителю гимназіи:
— Позвольте выйти.

Учитель:—Посидите! Сейчасъ урокъ кончится—всѣ выйдемъ!

Учитель оглянулся и въ глазахъ генерала увидѣлъ свою смерть; выскочивъ изъ трамвая, онъ былъ очень радъ, когда колеса большого красиваго автомобиля выдавили у него всю учительскую душу. Маленькая, скверная, боящаяся свѣта—она быстро нырнула въ канализационную трубу.

Генерала хоронили черезъ три дня. Пріѣхавъ домой, онъ скончался отъ удара.

Матрикулъ.

* * *

Изъ Д. Джерома.

Цвѣтокъ лаванды синій—диддль—
Зеленые листы;

Когда царемъ я буду—диддль—
Царицей будешь ты.

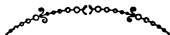
Зови людей своихъ ты—диддль—
Чтобъ въ поле ихъ послать.

Одинъ соху пусть ладитъ—диддль—
Другой пойдетъ пахать.

Иной пусть сѣно косить—диддль—
Другой хлѣбъ можетъ жать,

А мы съ тобой, другъ милый—диддль—
Мы будемъ отдыхать!

Л. Б. Хавкина.

Городскіе романсы.

Вечеромъ.

Надъ крышей гудятъ провода телефона...
Довольно бессмысленный шумъ!
Сегодня опять не пришла моя донна,
Другой не завель я—ворона, ворона!
Сижу одинокъ и угрюмъ.

А такъ соблазнительно въ теплыя лапки
Уткнуться губами, дрожа,
И слушать, какъ шелково-мягкія тряпки
Шуршатъ, словно листьевъ осеннихъ охапки
Подъ мягкою рысью ежа.

Одна ли, другая—не все ли равно ли?
Въ ладоняхъ утонуть зрачки—
Нѣтъ Гали, ни Нелли, ни Мили, ни Оли,
Лишь теплыя лапки и ласковость боли
И сердца глухіе толчки...

Утромъ.

Бодрый туманъ, мутный туманъ
Такъ густо замазаль окно.
А я умываюсь!
Бѣсится кранъ, фыркаетъ кранъ...
Прижимаю къ щекамъ полотно
И улыбаюсь.

Здравствуй, мой день, сѣренькій день!
Много ль осталось васъ мерзкихъ?
Всѣ проживу!

Скуку и лѣнь, гнѣвъ мой и лѣнь
Бросиль за форточку дерзко.
Вечеромъ вновь позову...

Саша Черный.

ДЖЕРОМЪ К. ДЖЕРОМЪ.

Ч а Й Н И К И.

Д. Джерома.

Ученые утверждаютъ, что можно взять съ плиты чайникъ кипятку и, помѣстивъ его на вытянутой ладони, прогуляться съ нимъ по комнатѣ безъ малѣйшаго ущерба для руки; но бѣда вамъ, если вы его опрокинете.

Вы должны быть увѣрены, что вода дѣйствительно кипитъ, иначе вы обожжете руку; не мѣшаетъ присмотрѣть и за тѣмъ, чтобы ко дну чайника не пристали порошокъ горячей золы. При соблюденіи этихъ двухъ условій опытъ можетъ пройти вполне удачно.

Объясняется этотъ кажущійся феноменъ очень просто: вѣдь теплота раскаленной плиты или очага передается черезъ чайникъ водѣ, и поэтому, когда вода закипитъ, чайникъ, какъ это извѣстно всякому, изучавшему физику и понимающему подобныя вещи, совершенно охладится, и его можно бу-

детъ носить указаннымъ выше способомъ, не держа за ручку.

Впрочемъ, я предпочитаю брать за ручку, обернувъ ее предварительно полотенцемъ. Какъ-то разъ я попробовалъ взять чайникъ по научному методу, но тогда, я думаю, вода еще не кипѣла, а это, какъ я уже говорилъ, пунктъ весьма важный, ибо если вода не кипитъ, то чайникъ горячъ, вы можете закричать: „ахъ чтобъ тебя“, уронить чайникъ и расплескать кипяткомъ по всему полу; и всѣ, кого вы пригласили въ кухню съ цѣлью показать триумфъ науки, потерпятъ ту же участь: всякій больно обожжется, заоретъ благимъ матомъ, запрыгаетъ по кухнѣ, разольетъ кипяткомъ, стремглавъ вылетитъ въ сѣни и усядется на холодной подстилкѣ, спѣша сташить оба сапога.

Не знаю, почему это, но я всегда находилъ нѣкоторое разногласіе между теоріей и практикой. Помню, когда я учился плавать, знакомые мнѣ говорили, что если я лягу на спину, вытянувъ руки и ноги, и буду лежать смирно, то я ни за что не утону, хотя бы и хотѣлъ этого. Не знаю, почему имъ казалось, что я этого хочу; но имъ, очевидно, казалось, что я покушусь на это, и что съ ихъ стороны чрезвычайно любезно совѣтовать мнѣ не дѣлать этого, такъ какъ всѣ мои усилія приведутъ только къ бесполезной тратѣ времени. Я могъ бы, оставаясь долго на водѣ, умереть съ голоду или отъ старости; или, въ случаѣ тумана, быть перерѣзаннымъ наѣхавшимъ на меня пароходомъ; но погрузиться въ воду и утонуть—увѣряли они меня—ни подъ какимъ видомъ!.. Человѣку, лежащему въ водѣ на спинѣ, утонуть абсолютно невозможно,—словомъ, мнѣ это доказали съ такой же ясностью, какъ и то, что дважды-два—четыре. И вотъ, каждый Божій день я ходилъ къ морю, ложился на воду въ такой позѣ, въ какой, какъ я говорилъ, утонуть было бы противно всѣмъ законамъ природы, и неизмѣнно и быстро шелъ ко дну внизъ головой.

Любопытна теорія относительно могущества человѣческаго взгляда, которому подчиняются ко-

ровы и другіе звѣри. Какъ-то разъ я переходилъ лугъ, примыкавшій къ фермѣ, на которой я жилъ, и, дойдя почти до середины замѣтилъ, что служу предметомъ самаго сосредоточеннаго вниманія пасшейся невдалекѣ живой и веселой коровы. Сперва я былъ этимъ польщенъ и думалъ, что я ее смутилъ; но когда она загнула голову съ очевиднымъ намѣреніемъ засадить мнѣ лѣвый рогъ въ брюхо, завертѣла хвостомъ, и морда у нея покрылась пѣной, то я заключилъ, что въ голову ей засѣло нѣчто посерьезнѣе мимолетной шутки.

И тутъ мнѣ вспомнилось, что меня предостерегали отъ прогулокъ по лугу, имѣя въ виду именно эту корову. Бѣдная животина перенесла недавно сильное нравственное потрясеніе, такъ какъ у нея отняли теленка, и, очевидно, рѣшила излить накопившійся избытокъ чувствъ на первомъ попавшемся живомъ существѣ.

Да, вотъ какъ обстояло дѣло, и что же я могъ предпринять? Секунду—другую я стоялъ размышляя. Сперва мнѣ пришло въ голову лечь на землю и притвориться мертвымъ. Я гдѣ-то читалъ, что если лечь на землю и притвориться мертвымъ, то самый дикій звѣрь не тронетъ васъ. Не помню, почему это такъ бываетъ; мнѣ кажется, отъ разочарованія, которое звѣрь испытываетъ, лишившись удовольствія расправиться съ вами самолично. Это ставитъ его втупикъ, и онъ не знаетъ, что съ вами дѣлать. А можетъ быть, и совѣсть его беретъ при видѣ послѣдствій замышляемаго имъ злодѣянія и онъ отходитъ, преисполненный чувства благодарности за то, что судьба его удержала отъ совершенія великаго грѣха, и рѣшаетъ въ будущемъ исправиться и быть лучшей скотиной.

Но въ то время, какъ я собирался уже броситься наземь, мнѣ пришло въ голову, всѣ ли звѣри чувствуютъ одно и то же при видѣ мертваго человѣка, или только львы и тигры? Я что-то не помню случая, чтобы кто-нибудь спасался отъ Джерсейской коровы такимъ манеромъ; а лечь наземь въ виду животнаго, которое можетъ только

воспользоваться предоставленнымъ ему преимуществомъ, вскочивъ на васъ, было бы большимъ безразсудствомъ.

Кромѣ того, кто знаетъ, сколько времени мнѣ придется лежать? Въ африканской пустынѣ, разумѣется, вы ждете, пока звѣрь не уйдетъ домой, но въ данномъ случаѣ корова жила на лугу, и мнѣ пришлось бы притворяться мертвымъ, быть можетъ, цѣлую недѣлю!

Нѣтъ, я лучше испробую силу человѣческаго взгляда. Взглядъ человѣка оказываетъ удивительное вліяніе на животныхъ,—такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили. Ни одно животное не въ состояніи вынести взгляда устремленныхъ на него человѣческихъ глазъ. Подъ вліяніемъ человѣческаго взгляда животное проникается смутнымъ ужасомъ и, попытавшись немного бороться съ неотразимой его силой, оно позорно оборачиваетъ тылъ и удираетъ.

И вотъ я какъ можно шире вытаращилъ правый глазъ и устремилъ его на злополучную корову.

„Не надо безразсудно пугать бѣдную тварь,—сказалъ я себѣ,—я слегка ее пугну и пусть она себѣ уйдетъ; а я вернусь той же дорогой, которой пришелъ, и больше не буду ходить по лугу, дабы не беспокоить ее понапрасну.“

Но что особенно меня поразило и показалось необычнымъ, такъ это то, что корова не выказала ни малѣйшихъ признаковъ тревоги. „Неопредѣленное чувство ужаса“ стало овладѣвать постепенно—правду сказать, довольно быстро—однимъ изъ насъ, но только не коровой. Врядъ ли кто-нибудь повѣритъ мнѣ, но, право, взглядъ коровы, устремленный на меня въ самомъ недоброжелательномъ смыслѣ, причинялъ мнѣ значительно больше безпокойства, чѣмъ мой взглядъ—коровѣ.

Я еще пристальнѣе уставился въ нее. Всѣ мои кроткія намѣренія касательно этой скотины исчезли, какъ дымъ. Я уже не думалъ о томъ, что, можетъ быть, она упадетъ въ обморокъ подъ моимъ взглядомъ.

Но она его выдержала; даже больше: нагнувъ голову, она задрала хвостъ подъ прямымъ угломъ къ спинѣ и съ ревомъ бросилась на меня

Тогда я, потерявъ всякую вѣру въ силу человѣческаго глаза и положившись на силу человѣческихъ ногъ, добѣжалъ до забора, выигравъ шестнадцатую долю секунды сравнительно съ коровой.

Нѣтъ, не стоитъ руководиться теоріями. Въ юности мы думаемъ, что теоріи, или „философіи“, какъ мы ихъ называемъ, суть путеводные свѣточки, зажигаемые мудростью на дорогѣ жизни, но къ старости мы узнаемъ, что въ большинствѣ случаевъ это блуждающіе огоньки, порхающіе надъ топкимъ болотомъ, гдѣ гніютъ кости мертвецовъ.

Не слишкомъ ли прислушиваемся мы во всѣхъ дѣлахъ къ голосу нашихъ ближнихъ, особенно въ тѣхъ, въ которыхъ они меньше всего способны учить насъ? Не слишкомъ ли много въ мірѣ проповѣдуютъ истины, не слишкомъ ли много романовъ и критическихъ опытовъ пишутъ противъ нея, не слишкомъ ли много путей къ ней ведутъ, не слишкомъ ли назойливо рекомендуютъ ее и не слишкомъ ли много предостереженій отъ нея? Такъ что среди гама и энергичнаго говора столькихъ лэди и джентльменовъ тихій гласъ Божій, обращенный къ душѣ нашей, совершенно не слышенъ? Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ вращается, мы проповѣдуемъ, читаемъ лекціи, затѣваемъ крестовые походы, пишемъ памфлеты, сжигаемъ людей на кострахъ и подаемъ другъ другу совѣты, какъ попасть на небо; мы до сихъ поръ бьемся надъ этимъ и также озадачены и сбиты съ толку, какъ и раньше, и никто не знаетъ, кто правъ, но каждый изъ насъ твердо убѣжденъ, что всѣ остальные ошибаются.

И мы кричимъ каждый о своемъ.

„Вотъ путь ко спасенію, единственный путь; идите за мной, если не хотите погибнуть!

„Не ходите за нимъ! Съ нимъ вы заблудитесь“, —говоритъ другой.

„Только я знаю дорогу!“

„Нѣтъ, нѣтъ, берегитесь обоихъ, — скажетъ

третій, — вотъ дорога. Я только что нашель ее. Всѣ дороги, по которымъ ходили до сихъ поръ, ведутъ къ гибели; но теперъ мы попали на истинный путь, ступайте за мной!“

Въ одну эпоху огнемъ и мечемъ и другими, не менѣе убѣдительными, средствами мы пускаемъ людей въ рай черезъ одни ворота, а въ слѣдующемъ поколѣнїи яростно гонимъ ихъ прочь отъ этихъ самыхъ воротъ, ибо оказывается, что ворота эти не настоящія и ведутъ къ гибели, и мы торопимся на другую дорогу.

Мы толчемся и пищимъ, какъ цыплята на проѣзжей дорогѣ, и никто изъ насъ не знаетъ, какъ попасть домой.

Всѣ мы — осиротѣлые бездомные мальчишки, оставленные на произволъ судьбы и бѣгающіе по улицамъ и аллеямъ нашего шумнаго міра; среди насъ буяны играютъ въ орлянку и въ кумушки и дерутся, а тихони сидятъ смирно на ступенькахъ и играютъ въ школу, и крошка Лиза-философка и умница Томми чередуются между собой въ исполненїи учительскихъ обязанностей; они ворчатъ на насъ, угощаютъ насъ шлепками и учатъ насъ всему тому, чему сами выучились. А мы, если только ведемъ себя хорошо и внимательно слушаемъ, въ концѣ концовъ знаемъ столько же, сколько и они. Подумайте только объ этомъ!

Прочь, прочь отъ пыльной канавы и скучной игры. Уйдемте отъ шума и грохота. Уйдемте въ широкое поле, надъ которымъ разстилается необъятное небо и гдѣ царить тишина; и тамъ въ тиши и безмолвіи станемъ прислушиваться къ голосу, говорящему въ насъ.

Прислушайтесь къ нему, о бѣдныя, сомнѣвающіяся дѣти, — это гласъ Бога. Онъ говоритъ въ душѣ каждого изъ насъ и даетъ намъ свѣтъ истины, при которомъ все ясно для насъ, если только мы Ему повинемся. Въ томительно долгіе дни страха и сомнѣнїя онъ шепталъ намъ слова утѣшенїя и успокаивалъ пылающій мозгъ и сердце, указывая

путь къ истинѣ, знанію и свѣту, котораго мы такъ жаждемъ; а мы все время склоняли свой слухъ къ лукавой мудрости двуногихъ пророковъ и не слышали Его гласа! Бросьте чужія поученія, чужое руководство. Послушаемъ сам ихъ себя.— Нѣтъ, не стоитъ говорить другимъ того, чему васъ учать. А многіе пытаются это сдѣлать. Васъ вѣдь не поймутъ, и это только увеличитъ суматоху. Тѣхъ истинъ, которыя Онъ вамъ сообщитъ, нельзя передать другимъ; только Богъ можетъ имъ сказать это, только Его голосъ могутъ они услышать.— „Господь въ своей святой обители—земля да умолкнетъ предъ нимъ.“

Серьезное и смѣшное, повидимому, вѣчно играютъ въ прятки въ нашей жизни, какъ свѣтъ и тѣни въ ясный апрѣльскій день; и часто, какъ дѣти въ игрѣ, ловятъ другъ друга и, поймавши, нѣкоторое время медлятъ, обнявшись, а затѣмъ снова берутся за игру. Я однажды гулялъ въ саду, занятый все той же мыслью—о наивности нашихъ попытокъ учить другихъ вещамъ, которыхъ мы сами не знаемъ, когда, проходя мимо бесѣдки, я услышалъ забавную иллюстрацію къ моимъ мыслямъ изъ устъ моей старшей племянницы, семилѣтней дѣвочки, которая неестественно прямо сидѣла въ очень большомъ по ея росту креслѣ и читала лекцію своей младшей сестренкѣ на тему: „Бэби, ихъ происхожденіе, открытіе и польза.“

„Бэби, видишь ли ты“,—замѣтила она въ заключеніе,—„совсѣмъ не то, что куклы. Бэби живутъ. Никто не дастъ тебѣ бэби, пока ты не выростешь. И они очень неприличны. Намъ не слѣдуетъ говорить о нихъ—мы сами были когда-то бэби“.

Ужасно вдумчивая дѣвочка, старшая моя племянница. Ея любознательность—лучшая черта въ ея характерѣ, но она чрезвычайно утомляетъ свою семью. Мы теперь ограничили ее семьюстами вопросовъ въ день; и послѣ того, какъ она сдѣлаетъ свои семьсотъ вопросовъ и мы ей отвѣтимъ на нихъ, или, скорѣе, по мѣрѣ возможности, бойкотуемъ ее, она отправляется спать, негодуя:

„Отчего только семьсотъ? Отчего не восемьсотъ?“

Область ея любопытства не ограничена. Она охватываетъ больше предметовъ, чѣмъ ихъ существуетъ въ современной цивилизаціи, отъ вопросовъ отвлеченной теологіи до котятъ включительно; отъ неудачныхъ браковъ до шоколада,—и почему бы вамъ не вынуть его и не посмотрѣть на него послѣ того, какъ вы его положили въ ротъ.

Насчетъ большинства этихъ сюжетовъ у нея имѣется собственное мнѣніе, которое она и высказываетъ со свободой, могущей шокировать благовоспитанныхъ людей. Я самъ не очень благочестивъ, но порой она поражаетъ даже меня. Ея теории для меня являются слишкомъ передовыми.

До послѣдняго времени ее занималъ вопросъ о бѣби,—всего только недѣля, какъ она имъ заинтересовалась. Объясняется это причиной, о которой врядъ ли стоитъ упоминать. Впрочемъ, я не вижу въ этомъ особенной бѣды. Дѣло въ томъ, что у насъ въ семьѣ ожидалось „событіе“, т. е., правильнѣе, въ семьѣ моего шурина! вы знаете, конечно, какъ эти вещи обсуждаются между взрослыми, а Май (это имя моей старшей племянницы) — это такое дитя, о присутствіи котораго вы вѣчно забываете и о которомъ вы не знаете, сколько именно изъ разговора она слыхала и сколько нѣтъ.

Впрочемъ, ребенокъ молчалъ и все шло хорошо до воскреснаго послѣобѣда. День былъ ненастный. Я читалъ въ столовой, а Эмилиа сидѣла на софѣ, рассматривая альбомъ швейцарскихъ видовъ съ Дикомъ Четвиномъ. Дикъ и Эмилиа помолвлены. Дикъ —бравый парень, и Эмилиа нѣжно его любитъ; но оба они страдаютъ, по-моему, избыткомъ стыдливости. Что касается Эмилиі, то это неудивительно—дѣвушки всѣ одинаковы до свадьбы, но въ Дикѣ это кажется неумѣстнымъ. Оба они вспыхиваютъ при малѣйшей шуткѣ. При взглядѣ на нихъ мнѣ всегда вспоминается стыдливая парочка Джильберта.

Итакъ, мы всѣ сидѣли въ столовой, а ребенокъ

возился на полу, играя въ кубики. Минуть пять онъ сидѣлъ совершенно спокойно, и я заинтересовался, что это съ нимъ такое; какъ вдругъ, безъ предварительныхъ замѣчаній, дѣвочка замѣтила самымъ невиннымъ тономъ и не отрываясь отъ игры:

— Дядя, что у тѣти Цециліи будетъ — мальчикъ или дѣвочка?

— Не дѣлай глупыхъ вопросовъ; она еще этого не рѣшила.

— О, я бы ей лучше посоветовала имѣть маленькую дѣвочку, потому что дѣвочки не такъ шумливы, какъ мальчики, неправда ль? А что вы ей посоветовали, дядя?

— Ступай себѣ къ своимъ кубикамъ и не болтай о вещахъ, въ которыхъ ничего не смыслишь. Мы совсѣмъ не намѣрены разговаривать объ этомъ. Это неприлично.

— Что неприлично? Развѣ бѣби неприличны?

— Да, очень неприличны, особенно инья изъ нихъ.

— Гмъ!.. Зачѣмъ же тогда люди ихъ имѣютъ, если они неприличны?

— Уйдешь ты со своими кубиками или нѣтъ? Сколько еще разъ повторять это тебѣ, любопытно было бы знать? Люди не могутъ безъ того, чтобы у нихъ не было бѣби. Они ниспосылаются намъ въ наказаніе, чтобы показать намъ, что это несносный и скучный міръ, и мы должны возиться съ ними. Но говорить о нихъ нѣтъ никакой нужды.

Молчаніе на пять минутъ, и затѣмъ снова:

— А дядя Генри знаетъ? Онъ будетъ папа этого бѣби, да?

— Какъ? Знаетъ что? О чемъ ты говоришь?

— Знаетъ ли дядя Генри о томъ бѣби, которое будетъ у тети Цили?

— О, конечно, дурочка!—знаетъ ли дядя Генри?..

— Ну да, я думаю, ему сказали, потому что онъ, видите ли, долженъ будетъ заплатить за него.

— Ну да, если не онъ, то кто же?

— Бѣби стоитъ много, много денегъ, неправда ли, цѣлыя кучи?

— Ну да, кучи.

— Два шиллинга?

— О, больше!

— Да, я думаю, они дорого стоятъ. А у меня будетъ бэби, дядя?

— Да, даже двое.

— Въ самомъ дѣлѣ? На именины?

— О, нѣтъ, глупенькая. Бэби не куклы. Бэби живутъ! Ихъ не купишь. Ихъ даютъ только взрослымъ.

— Значитъ, и у меня будетъ бэби, когда я вырасту?

— Ну, и надоѣла же! Да, если будешь вести себя хорошо и не будешь докучать, и выйдешь замужъ.

— Какъ это замужъ? Это какъ мама и папа.

— Да.

— И какъ будутъ тетя Эмилиа и мистеръ Четвинъ?

— Да, не болтай такъ много.

— О, развѣ нельзя имѣть бэби, не выйдя замужъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Значитъ, у тети Эмилии будетъ?

Убирайся со своими кубиками! Я у тебя ихъ приму, если ты не будешь играть ими спокойно. Ты вѣдь не слыхала никогда, чтобы я или твой папа задавали глупые вопросы вродѣ этихъ. И вѣдь ты еще не выучила на завтра своихъ уроковъ.

Попробуйте смутить ребенка! И откуда только они набираютъ свѣдѣнія, эти чертенята?

О чемъ бишь я писалъ? Ахъ, да, „Чайники“. А это должно быть интересный сюжетъ, „Чайники“. Мнѣ кажется, можно написать славную штучку на тему „Чайники“. Надо будетъ на дняхъ попробовать.

Перев. С. Займовскій.

АРНАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

Д Ъ Т И.

І.

Я очень люблю дѣтишекъ и безъ ложной скромности могу сказать, что и они любятъ меня.

Найти настоящій путь къ дѣтскому сердцу—очень затруднительно. Для этого нужно обладать недюжиннымъ чутьемъ, тактомъ и многимъ другимъ, чего не понимаютъ легіоны разныхъ боннь, гувернантокъ и нянекъ.

Однажды я нашелъ настоящій путь къ дѣтскому сердцу, да такъ основательно, что потомъ и самъ былъ не радъ...

Я гостилъ въ имѣніи своего друга, обладателя жены, свояченицы и троихъ дѣтей, трехъ благонаравныхъ мальчиковъ отъ 8 до 11 лѣтъ.

Въ одинъ превосходный лѣтній день другъ мой сказалъ мнѣ за утреннимъ чаемъ:

— Миленькій! Сегодня я съ женой и свояченицей уѣду дня на три. Ничего, если мы оставимъ тебя одного?

Я добродушно отвѣтилъ:

— Если ты опасаясь, что я въ этотъ промежутокъ подожгу твою усадьбу, залью кровью окрестности и, освѣщаемый заревомъ пожаровъ, буду, голый, плясать на непривѣтливомъ пепелищѣ — то опасенія твои преувеличены болѣе, чѣмъ на половину.

— Дѣло не въ томъ... А у меня есть еще одна просьба: присмотри за дѣтишками! Мы, видишь ли, забираемъ съ собой и нѣмку.

— Что ты! Да я не умѣю присматривать за дѣтишками. Не имѣю никакого понятія: какъ это такъ за ними присматриваютъ?

— Ну, слѣди, чтобы они все дѣлали во-время, чтобы не очень шалили и чтобы имъ въ то же время не было скучно... Ты такой милый!..

— Милый-то я милый... А если твои отпрыски откажутся признать меня, какъ начальство?

— Я скажу имъ... О, я увѣренъ, вы быстро сойдетесь. Ты такой общительный.

Были призваны дѣти. Три благонаравныхъ мальчика въ матросскихъ курточкахъ и желтыхъ сапожкахъ. Выстроившись въ рядъ, они посмотрѣли на меня чрезвычайно непривѣтливо.

— Вотъ дѣти, — сказалъ отецъ, — съ вами останется дядя Миша! Михаилъ Петровичъ. Слушайте его, не шалите и дѣлайте все, что онъ прикажетъ. Уроки не запускайте. Они, Миша, ребята хорошіе и, я увѣренъ, вы быстро сойдетесь. Да и три дня — не годъ же, чортъ возьми!

Черезъ часъ всѣ, кромѣ насъ, сѣли въ экипажъ и уѣхали.

II.

Я, насвистывая, пошелъ въ садъ и усѣлся на скамейку. Мрачная, угрюмо пыхтящая троица опу-

стила головы и покорно послѣдовала за мной, испуганно поглядывая на самыя мои невинныя тѣлодвиженія.

До этого мнѣ никогда не приходилось возиться съ ребятами. Я слышалъ, что дѣтская душа больше всего любитъ прямоту и дружескую откровенность. Поэтому, я рѣшилъ дѣйствовать на чистоту.

— Эй, вы! Маленькіе чертенята! Сейчасъ вы въ моей власти, и я могу сдѣлать съ вами все, что мнѣ заблагоразсудится. Могу хорошенько отколотить васъ, поразбивать вамъ носы или даже утопить въ рѣчкѣ. Ничего мнѣ за это не будетъ, потому что общество борьбы съ дѣтской смертностью далеко, и въ немъ, по слухамъ, происходятъ крупныя неурядицы. Такъ что вы должны меня слушаться и вести себя подобно молодымъ благовоспитаннымъ дѣвочкамъ. Ну-ка, кто изъ васъ умѣетъ стоять на головѣ?

Несоотвѣтствіе между началомъ и концомъ рѣчи поразило ребятъ. Сначала мои внушительныя угрозы навели на нихъ панической ужасъ, но неожиданный конецъ перевернулъ, скомкалъ и смелъ съ ихъ блѣдныхъ лицъ опредѣленное выраженіе.

— Мы... не умѣемъ... стоять... на головахъ.

— Напрасно. Лица, которымъ приходилось стоять въ такомъ положеніи, отзываются объ этомъ съ похвалой. Вотъ такъ, смотрите!

Я сбросилъ пиджакъ, разбѣжался и сталъ на голову.

Дѣти сдѣлали движеніе, полное удовольствія и одобренія, но тотчасъ же сумрачно отодвинулись. Очевидно, первая половина моей рѣчи стояла передъ ихъ глазами тяжелымъ кошмаромъ.

Я призадумался. Нужно было окончательно пробить ледъ въ нашихъ отношеніяхъ.

Дѣти любятъ все пріятное. Значитъ, нужно сдѣлать имъ что-нибудь исключительно пріятное.

— Дѣти! — сказалъ я внушительно. — Я вамъ запрещаю—слышите ли—категорически и безъ отнѣкиваній запрещаю вамъ въ эти три дня учить уроки!

Крикъ недоувѣрія, изумленія и радости вырвалъ

ся изъ трехъ грудей. О! я хорошо зналъ привязчивое дѣтское сердце. Въ глазахъ этихъ мальчиковъ засвѣтилось самое недвусмысленное чувство привязанности ко мнѣ, и они придвинулись ближе.

Поразительно, какъ дѣти обнаруживаютъ полное отсутствіе любознательности по отношенію къ грамматикѣ, ариметикѣ и чистописанію. Изъ тысячи ребятъ нельзя найти и трехъ, которые были бы исключеніемъ...

За свою жизнь я зналъ только одну маленькую дѣвочку, обнаруживавшую интересъ къ наукамъ. По крайней мѣрѣ, когда бы я ни проходилъ мимо ея окна, я видѣлъ ее, склоненной, надъ громадной, не по росту, книжкой. Выраженіе ея розоваго лица было совершенно невозмутимо, а глаза отъ чтенія или отъ чего другого утратили всякій смыслъ и выраженіе. Нельзя сказать, чтобы чтеніе прояснило ея мозгъ, потому что въ разговорѣ она употребляла только два слова: „папа, мама“,—и то при очень сильномъ нажатіи груди. Это, да еще умѣнье въ лежачемъ положеніи закрывать глаза — составляло всю ея цѣнность, обозначенную тутъ же, на большемъ бѣломъ ярлыкѣ, прикрѣпленномъ къ груди:

— 7 руб. 50 копеекъ.

Повторяю — это была единственная встрѣченная мною прилежная дѣвочка, да и то это свойство было навязано ей прихотью торговца игрушками.

Итакъ, всякія занятія и уроки были мной категорически воспрещены порученнымъ мнѣ мальчуганамъ. И тутъ же я убѣдился, что пословица „запрещенный плодъ сладокъ“ не всегда оправдывается: ни одинъ изъ моихъ трехъ питомцевъ за эти дни не притронулся къ книжкѣ!

III.

— Будемъ жить въ свое удовольствіе,—предложилъ я дѣтямъ.—Что вы любите больше всего?

— Курить!—сказалъ Ваня.

— Купаться вечеромъ въ рѣчкѣ!—сказалъ Гришка.

— Стрѣлять изъ ружья,—сказалъ Леля.

— Почему же вы, отвратительные дьяволята,—
фамильярно спросилъ я,—любите все это?

— Потому что намъ запрещаютъ,—отвѣтилъ Ва-
ня, вынимая изъ кармана папироску.—Хотите ку-
рить?

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Десять.

— А гдѣ ты взялъ папиросы?

— Утащилъ у папы.

— Таскать, имѣйте, братцы, въ виду, стыдно и
грѣшно—тѣмъ болѣе, такія скверныя папиросы. Вашъ
папа курить страшную дрянъ. Ну, да если ты уже
утащилъ—будемъ курить ихъ. А выйдутъ—я уго-
щу васъ своими.

Мы развалились на травѣ, задымили папироса-
ми и стали непринужденно болтать. Бесѣдовали о
вѣдьмахъ, при чемъ я рассказалъ нѣсколько не ли-
шенныхъ занимательности фактовъ изъ ихъ жизни.
Бонны, обыкновенно, рассказываютъ дѣтямъ о томъ,
сколько жителей въ Сѣверной Америкѣ, что такое
звукъ и почему черныя матеріи поглощаютъ свѣтъ.
Я избѣгалъ такихъ томительныхъ разговоровъ.

Поговорили о домовыхъ, жившихъ на конюшнѣ.

Потомъ бесѣда прекратилась. Молчали...

— Скажи ему!—шепнулъ толстый лѣнивый Лель-
ка подвижному, порывистому Гришкѣ.—Скажи ты
ему!..

— Пусть лучше Ваня скажетъ,—шепнулъ такъ,
чтобы я не слышалъ, Гришка.—Ванька, скажи ему.

— Стыдно,—прошепталъ Ваня.

Рѣчь, очевидно, шла обо мнѣ.

— О чемъ вы, дѣтки, хотите мнѣ сказать?—освѣ-
домился я.

— Объ вашей любовницѣ,—хриплымъ отъ папи-
росы голосомъ отвѣчалъ Гришка.—Объ тетѣ Лизѣ.

— Что вы врете, скверныя мальчишки?—смутил-
ся я.—Какая она моя любовница?

— А вы ее вчера вечеромъ цѣловали въ залѣ,
когда мама съ папой гуляли въ саду.

Меня разобралъ смѣхъ.

— Да какъ же вы это видѣли?

— А мы съ Лелькой лежали подъ диваномъ. Долго лежали, съ самага чая. А Гришка на подоконникъ за занавѣской сидѣлъ. Вы ее взяли за руку, дернули къ себѣ и сказали: „Милая! Вѣдь я не съ дурными намѣреніями!“ А тетка головой крутить, говоритъ: „ахъ, ахъ“!..

— Дура!—сказалъ, усмѣхаясь, маленькій Лелька.

Мы помолчали.

— Что же вы хотѣли мнѣ сказать о ней?

— Мы боимся, что вы съ ней поженитесь. Несчастливымъ человѣкомъ будете.

— А чѣмъ же она плохая?—спросилъ я, закуривая отъ Ваниной папиросы.

— Какъ вамъ сказать... Слякоть она!

— Не женитесь!—предостерегъ Гришка.

— Почему же, молодые друзья?

— Она мышей боится.

— Только всего?

— А мало?—пожалъ плечами маленькій Лелька. Визжитъ, какъ шумашедшая. А я крысу за хвостъ могу держать!

— Вчера мы поймали двухъ крысъ. Убили,—улыбнулся Гришка.

Я былъ очень радъ, что мы сошли со скользкой почвы моихъ отношеній къ глупой теткѣ, и ловко перевелъ разговоръ на разбойниковъ.

О разбойникахъ всѣ толковали со знаніемъ дѣла, большой симпатіей и сочувствіемъ къ этимъ отверженнымъ людямъ.

Удивились моему терпѣнію и выдержкѣ: такой я уже большой, а еще не разбойникъ.

— Ёсть хочу,—сказалъ неожиданно Лелька.

— Что вы, братцы, хотите: наловить сейчасъ рыбы и сварить на берегу рѣки уху съ картофелемъ или идти въ домъ и ёсть кухаркинъ обѣдъ?

Милыя дѣти отвѣчали согласнымъ хоромъ:

— Ухи.

— А картофель какъ достать: попросить на кухню или украсть на огородѣ?

— На огородѣ. Украсть.

— Почему же украсть лучше, чѣмъ попросить?

— Веселѣе,—сказаль Гришка.—Мы и соль у кухарки украдемъ. И перецъ! И котелокъ!..

Я снарядилъ на скорую руку экспедицію, и мы отпразились на воровство, грабежъ и погромъ.

IV.

Былъ уже вечеръ, когда мы, разложивъ у рѣки костеръ, хлопотали около котелка. Ваня ошипывалъ стащеннаго имъ въ сараѣ пѣтуха, а Гришка, голый, только что искупавшійся въ теплой рѣкѣ, плясалъ передъ костромъ.

Ко мнѣ дѣти чувствовали нѣжность и любовь, граничащую съ преклоненіемъ.

Лелька держаль меня за руки и безмолвно, полнымъ обожанія взглядомъ, глядѣль мнѣ въ лицо.

Неожиданно Ванька расхохотался.

— Что, если бы папа съ мамой сейчасъ явились? Что бы они сказали?

— Хи-хи!—запищаль голый Гришка.—Уроковъ не учили, изъ ружья стрѣляли, курили, вечеромъ купались и лопаемъ уху, вмѣсто обѣда.

— А все Михаилъ Петровичъ,—сказаль Лелька, почтительно цѣлуя мою руку.

— Мы васъ не выдадимъ!

— Можно называть васъ Мишей?—спросиль Гришка, окуная палецъ въ котелокъ съ ухой. — Ой, горячо!..

— Называйте. Бѣсъ съ вами! Хорошо вамъ со мной?

— Превосхитительно!

Поужинавъ, закурили папиросы и разлеглись на одѣялахъ, притащенныхъ изъ дому Ванькой.

— Давайте ночевать тутъ, — предложилъ кто-то.

— Холодно, пожалуй, будетъ отъ рѣки. Сыро, — возразиль я.

— Ни черта! Мы костеръ будемъ поддерживать. Дежурить будемъ.

— Не простудимся?

— Нѣтъ,—оживиль Ванька.—Накажи меня Богъ, не простудимся!!

— Ванька! — предостерегъ Лелька. — Божишься?
А что нѣмка говорила?

— Божиться и клясться нехорошо,—сказаль я.—
Въ особенности, такъ прямолинейно. Есть менѣе
обязывающія и болѣе звучныя клятвы... Напримѣръ:
„клянусь своей бородой!“ „Тысяча громовъ“... „Про-
клятіе неба!“

— Тысяча небовъ!—проревѣль Гришка.—Пойдемъ
собирать сухія вѣтки для костра.

Пошли всѣ. Даже неповоротливый Лелька, дер-
жавшійся за мою ногу и громко сопѣвшій.

Спали у костра. Хотя онъ къ разсвѣту погасъ
но никто этого не замѣтилъ, тѣмъ болѣе, что ско-
ро пригрѣло солнце, защибетали птицы, и мы прос-
нулись для новыхъ трудовъ и удовольствій.

V.

Трѣе сутокъ промелькнули какъ сонъ. Къ кон-
цу третьяго дня мои питомцы потеряли всякій че-
ловѣческой образъ и подобіе...

Матроскіе костюмчики превратились въ лох-
мотья, а Гришка бѣгалъ даже безъ штановъ, поте-
рѣвъ ихъ невѣдомымъ образомъ въ рѣкѣ. Я думаю,
что это было сдѣлано имъ нарочно—съ прямой
цѣлью отвертѣться отъ утомительнаго сниманія и
надѣванія штановъ при купаньи.

Лица всѣхъ трехъ загорѣли, голоса, отъ ноче-
вокъ на открытомъ воздухѣ, огрубѣли, тѣмъ болѣе,
что все это время они упражнялись лишь въ крат-
кихъ, выразительныхъ фразахъ:

— Проклятіе неба! Какой это мошенникъ ута-
щилъ мою папиросу?.. Что за дьявольщина! Мое
ружье опять дало осѣчку. Дай-ка, Миша, спичечки!!.

Къ концу третьяго дня мною овладѣло смутное
безпокойство: что скажутъ родители по возвраще-
ніи?

Дѣти успокаивали меня, какъ могли:

— Ну, поколотятъ насъ, эка важность! Вѣдь не
убьютъ же!

— Тысяча громовъ!—хвастливо кричалъ Ванька.
А если они, Миша, дотронутся до тебя хотя паль-

цемъ, то пусть бережутся. Даромъ имъ это не пройдетъ!

— Ну, меня-то не тронуть, а вотъ васъ, голубчики, отколошматятъ. Покажутъ вамъ и куреніе, и стрѣльбу, и бродяжничество.

— Ничего, Миша!—успокаивалъ меня Лелька, хлопая меня по плечу.—Зато хорошо пожили!

Вечеромъ прѣхали изъ города родители, нѣмка и та самая „глупая тетка“, на которой дѣти не совѣтовали мнѣ жениться изъ-за мышей.

Дѣти попрятались подъ диваны и кровати, а Ванька залѣзъ даже въ погребъ.

Я извлекъ ихъ всѣхъ изъ этихъ мѣстъ, ввелъ въ столовую, гдѣ сидѣло все общество, закусывая съ дороги, и сказалъ:

— Милый мой! Уѣзжая, ты выражалъ надежду, что я сблизусь съ твоими дѣтьми, и что они оцѣнятъ общительность моего нрава. Я это сдѣлалъ. Я нашелъ путь къ ихъ сердцу... Вотъ, смотри: Дѣти! Кого вы любите больше: отца съ матерью или меня?

— Тебя!—хоромъ отвѣтили дѣти, держась за меня, глядя мнѣ въ лицо благодарными глазами.

— Пошли бы вы со мной на грабежъ, на кражу, на лишенія, холодъ и голодъ?

— Пойдемъ,—сказали всѣ трое, а Лелька даже ухватилъ меня за руку, будто бы мы должны были сейчасъ, немедленно пуститься въ предложенныя мной авантюры.

— Было ли вамъ эти три дня весело?

— Ого!!

Они стояли около меня рядомъ, сильные, мужественные, съ черными отъ загара лицами, одетые въ затасканные лохмотья, которые придерживались грязными руками, закопченными порохоомъ и дымомъ костра.

Отецъ нахмурилъ брови и обратился къ маленькому Лелькѣ, сонно хлопавшему глазенками:

— Такъ ты бы бросилъ меня и пошелъ бы за нимъ?

— Да!—сказалъ безстрашный Лелька, вздыхая.— Клянусь своей бородой! Пошелъ бы.

Лелькина борода разогнала тучи. Всѣ закатились хохотомъ и громче всѣхъ, истерически, смѣялась тетя Лиза, бросая на меня лучистые взгляды.

Когда я отводилъ дѣтей спать, Гришка сказалъ грубымъ презрительнымъ голосомъ:

— Хохочетъ... Тоже! Будто ей подъ юбку мышъ подбросили! Дура.

Аркадій Аверченко.

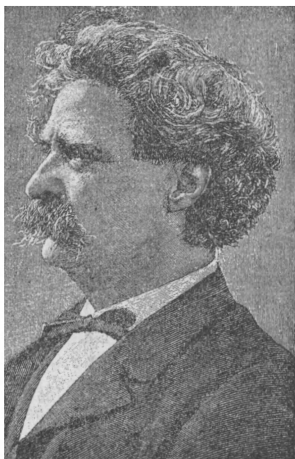

Н и р в а н а.

На соснѣ хлопочетъ дятель,
У сорокъ дрожать хвосты...
Толстый снѣгъ законопатилъ
Всѣ овражки, всѣ кусты.
Чортовъ вѣтеръ съ хриплымъ пискомъ,
Взбивъ до неба дымный прахъ,
Мутно-бѣлымъ василискомъ
Бьется въ бѣшенныхъ снѣгахъ.
Смерть и холодъ! Хорошо бы
Съ дикимъ визгомъ взвиться въ высь
И упасть стремглавъ въ сугробы,
Какъ подстрѣленная рысь...
И выглядывать оттуда,
Превращаясь въ снѣжный комъ,
Съ добродушіемъ верблюда,
Занесеннаго пескомъ.
А потомъ—весной лиловой—
Вдругъ растаять... закружить...
И случайную корову
Беззаботно напоить.

Саша Черный.

МАРКЪ ТВЭНЪ.

КАКЪ БЫЛЪ ОДУРАЧЕНЪ АВТОРЪ ВЪ НЬЮЭРКЪ.

Марка Твэна.

Рѣдко бываетъ пріятно выставлять себя въ невыгодномъ свѣтѣ, но иногда откровенное признаніе облегчаетъ человѣка. Въ данную минуту мнѣ хотѣлось бы облегчить свою удрученную душу, но я почти склоненъ думать, что меня побуждаетъ къ тому желаніе скорѣе навлечь осужденіе на другого, чѣмъ пролить цѣлительный бальзамъ на свое истерзанное сердце. (Хотя я не имѣю понятія ни о какомъ бальзамѣ, никогда не видавши его сроду, однако полагаю, что здѣсь уместно это выраженіе).

Читатель, пожалуй, помнитъ, что нѣсколько времени тому назадъ я читалъ лекцію въ пользу молодыхъ джентльменовъ ** общества? Ну, однимъ словомъ, это было. И вотъ въ назначенный для

лекціи день приходитъ ко мнѣ одинъ изъ членовъ названнаго кружка и рассказываетъ мнѣ, что у него есть дядя, впавшій по какой-то неизвѣстной причинѣ въ безнадежную апатію. Ничто не въ силахъ его тронуть, произвести на него впечатлѣніе, вызвать несчастнаго изъ ненормальнаго состоянія нравственнаго столбняка. И со слезами на глазахъ огорченный юноша воскликнулъ:

— О, если бъ еще хоть однажды увидѣть мнѣ этого страдальца смѣющимся! О, если бъ только онъ хотя прослезился надъ чѣмъ-нибудь!

Я былъ тронутъ, потому что никогда не могъ устоять противъ отчаянія, и сказалъ:

— Приведите вашего дядю ко мнѣ на лекцію. Я берусь его развеселить.

— О, если бъ это удалось вамъ! Если бъ вы смогли это сдѣлать, все наше семейство питало бы къ вамъ вѣчную благодарность: бѣдный больной такъ дорогъ намъ! О, мой благодѣтель, въ силахъ ли вы заставить его разсмѣяться? Посчастливится ли вамъ вызвать отрадные слезы изъ этихъ изсякшихъ родниковъ въ его глазныхъ впадинахъ?

— Сынъ мой,—отвѣчалъ я въ глубокомъ волненіи,—приведите только вашего старика. У меня запасены для предстоящей лекціи остроты, которыя разсмѣшатъ его, если въ немъ есть хоть малѣйшіе задатки смѣха, а если онъ не произведутъ желаннаго дѣйствія, то я прибегну на случай другія, которыя заставятъ пациента заплакать или убьютъ его, одно изъ двухъ.

Тутъ молодой человѣкъ осыпалъ меня благословеніями, заплакалъ, припавъ головой къ моему плечу, и пошелъ за своимъ дядей.

Онъ посадилъ его какъ разъ напротивъ меня во второмъ ряду и я принялся за несчастнаго больного. Сначала я пустилъ въ ходъ мягкія остроты, потомъ другія—позабористѣе; я обдавалъ его плохими и пронизывалъ хорошими, палилъ по немъ старыми, выдохшимися, и осыпалъ его спереди и сзади новыми, раскаленными до-красна. Я вошелъ

въ азартъ и нападалъ на него съ праваго и лѣваго фланга, съ фронта и съ тыла; я кипѣлъ, обливался потомъ, лѣзь изъ кожи и неистовствовалъ до хрипоты и изнеможенія, до безумія и ярости, но не тронулъ своего слушателя ни разу, не вызвалъ у него ни улыбки ни слезы! Ни даже тѣни усмѣшки, ни даже намекъ на влагу! Я былъ пораженъ, какъ ударомъ молніи. Я закончилъ лекцію отчаяннымъ воплемъ,—бѣшенымъ взрывомъ юмора и швырнулъ остроту сверхъестественной отвратительности прямо ему въ лицо!

Послѣ того я сѣлъ, сбитый съ толку и обезсиленный.

Президентъ общества подошелъ ко мнѣ, освѣжилъ мою голову холодной водой и спросилъ:

— Почему вы такъ разгорячились къ концу лекціи?

— Я хотѣлъ разсмѣшить вонъ того проклятаго стараго дурака во второмъ ряду, былъ мой отвѣтъ.

— О, воскликнулъ онъ, тогда вы напрасно старались, потому что вѣдь онъ глухонѣмой и вдобавокъ слѣпъ, какъ барсукъ!

Ну хорошо ли было со стороны племянника того старика одурачить такимъ образомъ меня, пріѣзжаго съ чужой стороны и сироту? Спрашиваю васъ, какъ человекъ и какъ братъ, благородно ли поступилъ онъ со мною?

Перев. подъ ред. И. Василевскаго.

Страшная мѣсть.

(Нравоучительный фактъ).

1.

Ниль Сысоичъ Гваделупа

Относился къ дѣлу строго.

Баллы ставилъ очень скупю,

„Задавалъ“ ужасно много,

„Объясняль“ довольно глупо—
Съ дикой вычурностью слога.
Въ общемъ... этотъ Гваделупа
Не боялся вовсе Бога.

2.

Стася Глазкина ходила
На уроки черезъ Мойку.
Стася Глазкина любила
У витрины „сдѣлать стойку“
И ни разу не забыла
У Филиппова съѣсть „слойку“—
А уроковъ не учила.
Ниль ей далъ головомойку.
Въ общемъ... Стася получила
Передъ праздниками , двойку.“

3.

Вася былъ въ послѣднемъ классѣ.
Ну, и толстъ же былъ,—какъ ступа!
Могъ играть на контрабасѣ,
Могъ сожрать семь порцій супа.
Разказала Стася Васѣ,
Какъ дѣла сложились глупо.
Въ общемъ... Вася клялся Стасѣ,
Что „припомнитъ Гваделупа!“

4.

Къ Рождеству супруга Нила,
Какъ всегда,—съ супругомъ въ парѣ,—
Гуся жирнаго купила
У чухонки на базарѣ.
Цѣлый день его коптила
Надъ каминомъ въ адскомъ жарѣ.
Вообще... Супруга Нила
Побывала на базарѣ.

5.

Въ этотъ праздникъ—Ниль къ супругѣ
Вышелъ чистымъ, вышелъ бритымъ.
Далъ пятакъ „на чай“ прислугѣ
И—съ стаканомъ недопитымъ—

Размечтался на досугѣ:

„Эхъ! Гуська я съ аппетитомъ...“

Вдругъ—звонокъ. Вскочилъ въ испугѣ...

Вообще... пришли „съ визитомъ.“

6.

— Визитеръ пришелъ, Вѣруся!

Незнакомый, но... поздравилъ.

Дай ему стаканчикъ, дуся,—

Вѣдь нельзя жъ отстать отъ правилъ.—

Вася (то былъ онъ), не труся,

Сѣлъ къ столу, кушакъ поправилъ...

Вообще... Онъ мигомъ гуся

Прямо въ пасть себѣ отправилъ.

7.

Въ этотъ день супруга Нила

Нилу голову побила.

Въ этотъ день впервые Стася

Прошептала: „милый Вася“.

Педагоги! Къ вамъ зываютъ!

Пусть вамъ Вася, Ниль, Вѣруся—

Вообще... напоминаютъ

Гваделупинаго гуся.

В. Воиновъ.

Е С Л И.

Если ночи будутъ бѣлы,

А луна на небѣ блеклой,

Если взоръ твой обомлѣлый,

Точно въ матовыя стекла,

Будетъ видѣть все въ дыму,—

Я тебя къ себѣ возьму.

Я окно тогда открою,

Покажу тебѣ на крышѣ,

На забытыя луною,

Окна, впадины и ниши,

И на то, что ты не зналъ—

На любимый мой каналъ.

Посмотри, какой онъ странный;
Не похожъ онъ на другіе,—
Въ немъ еще волны туманной
Камни злые и нагіе
Не стѣсняли никогда,
Въ немъ вольна еще вода!

Такъ безопасно и лѣниво
Моетъ онъ гнилыя доски,
Зелень травъ, — и даже ива
Чертитъ черныя полосы
На водѣ его ночной,
Споря съ рябью вѣтровой.

Если жь, милый другъ, и въ этомъ
Не найдешь ты ласки взору,
Разскажу я подъ секретомъ,
Что вчера я въ эту пору
Увидалъ вонъ тамъ, въ дали,
Какъ въ окнѣ огонь зажгли.

Какъ на фонѣ ночи мутной
Краснымъ сталъ квадратъ окошка,
Какъ безумный иль безпутный
И влюбленный (но немножко)
Гость, а кто онъ — я не зналъ,—
Дѣву долго цѣловалъ.

Какъ ушелъ онъ свѣжимъ утромъ,
Все не могъ найти панамы,
Какъ смѣнили перламутромъ
Стекла утреннія рамы,
Какъ любимый мой каналъ
Розовато-блѣднымъ сталъ.

И какъ въ полдень та же дѣва,
Заколосъ полу капота,
Въ томъ окнѣ, вонъ тамъ налѣво,
Распѣвала лежа что-то,
Грызла сѣмячки и соръ
Внизъ кидала въ тотъ вонъ дворъ.

Потемкинъ.

Артистъ В. П. Далматовъ.

Юдоль плача.

Изъ Г. Гейне.

Уныло въ трубахъ раздаются
Ночного вѣтра завыванья...
На чердакъ, блѣдны и тощи,
Лежатъ два бѣдныя созданья.

И говорить одно: „Рукою
Обвей мнѣ крѣпче, крѣпче шею,
Къ устамъ моимъ прильни устами,
Согрѣй меня, я холодѣю“.

И говорить другое: „Если
Любовь въ твоемъ мнѣ свѣтитъ взорѣ,
Я забываю стужу, голодь
И все свое земное горе“.

Они другъ другу жали руки,
И цѣловались, и рыдали...
Порой смѣялись, пѣсню пѣли,
И вдругъ затихли, замолчали.

.....

Явился утромъ полицейскій,
И съ нимъ хирургъ, здоровый малый,—
Для подтвержденья, что на свѣтѣ
Двухъ бѣдняковъ еще не стало.

И объявилъ хирургъ, что холодъ—
Въ соединеньи съ пустотою
Желудка—смерти ихъ считаетъ
Онъ несомнѣнною виною.

— Изъ байки нужны одѣяла,
Прибавилъ онъ.—Зима сурова.
Потомъ сказалъ, что пища также
Сытна должна быть и здорова.

А. Н. Плещеевъ.

На полетахъ.

Содержательный разговоръ.

Двѣ поддевки:

- Какъ же это они такъ летаютъ?
— А что?
— Вѣдь чижало?
— Такъ и летаютъ.
— Нешто можно?
— А почему жъ?
— Да вотъ, вопче...
— Ничего.
— А всячески?
— Пустое.
— И ничего?
— Ого! За милую душу.
— Летаютъ, значитъ?
— Да-а.
— Въ воздухъ?
— Очень просто.

— А вы, извините, тоже изъ этихъ самыхъ летателей будете?

— А что?

— Да ужъ очень все хорошо знаете — что къ чему.

Д. А.

СОВѢТЪ БУДУЩИМЪ МУЖЬЯМЪ.

Была герань еще въ цвѣту,
Когда я встрѣтилъ Женю
И за нескромную мечту
Принесъ судьбинѣ пеню.
Она была не та совсѣмъ,
И ей англійской блузки,
Въ полоску, цвѣта свѣтлый кремь,
Манжеты были узки.
Давилъ ей шею воротникъ
Крахмальный, съ кружевами,
И галстукъ вязанный поникъ,
Заколотый цвѣтами.
Насъ познакомили, но я
Съ ней не сказалъ ни слова.
Была фантазія моя
Въ тотъ вечеръ нездорова.
Вѣдь, я не зналъ, что черезъ годъ
Она носить не станетъ
Англійской блузки. Кто впередъ
Въ судьбу свою заглянетъ?
Я два часа сидѣлъ у ногъ
Весьма дородной дамы
И разсуждалъ, поскольку могъ,
Что торжествуютъ хамы.
Позвали ужинать. Одинъ,
Безъ помощи сосѣдокъ,
Я выпилъ краснаго графинъ

И виски напослѣдокъ.
Тогда-то Женя расцвѣла
Во мнѣ пунцовымъ цвѣтомъ!
Ужъ не приписывалъ я зла
Ни блузкѣ ни манжетамъ.
Я поспѣшилъ пойти за ней
И проводить до дому
И по дорогѣ вылилъ ей
Душевную истому.
Увы, я встрѣченъ былъ, увы...
Обиднымъ, звонкимъ смѣхомъ!
Утѣшить пьяной головы
Я не сумѣлъ успѣхомъ.
Чего я ей не говорилъ,
Чего не дѣлалъ,—тщетно!
Я былъ и наглъ, я былъ и миль,
А Женя—безпривѣтна.
Два года мучила меня
Она безъ сожалѣнья,
Пока не дожилъ я до дня
Святого обрученья.
Друзья, при будущей женѣ,
Къ тому жъ при первой встрѣчѣ,
Не пейте много, вѣрьте мнѣ,
Вѣнецъ еще далече.
А такъ какъ въ будущемъ жену
Узнать не очень просто,
Не прикасайтесь вы къ вину
Совсѣмъ лѣтъ этакъ до ста.

Потемкинъ.

Заклинаніе.

С тановлюсь лицомъ къ востоку,
Облекаюсь въ лунный свѣтъ
И журчащему потоку,
Что теряетъ въ морѣ слѣдъ,
Скорбь ввѣряю многихъ лѣтъ:

„Тамъ на морѣ-океанѣ,
Гдѣ бурлитъ сѣдая ширь,
Есть на островѣ Буянѣ
Бѣлый камень Алатырь.

Ты течешь, потокъ безпечный,
На востокъ встрѣчать зарю,
Разкажи-ка ты, сердечный,
Про меня Алатырю.

Мочи нѣтъ идти упрямо
По житейской бороздѣ,—
Торжествующаго хама
Вижу всюду и вездѣ...

Я боролся дерзновенно,
Душу дѣлу отдавалъ,
Но, увы! Обыкновенно
Наглый врагъ торжествовалъ...

Ибо чтить я убѣжденья,
Признавалъ лишь честный бой,
Хамъ—всѣ средства безъ стѣсненья
Въ ходъ пускалъ, кичась собой.

И невольно виснуть крылья...
Но надеждой блещетъ взоръ:
Противъ хамскаго засилья
Помогаетъ заговоръ!

Все бѣ отдалъ, не двинувъ бровью,
За слова для свѣтлыхъ силъ,
Заговоръ списалъ бы кровью,
И у сердца бы носилъ.

Съ нимъ въ неистовомъ усердьи
Я поднялся бѣ до звѣзды
Противъ хама, и изъ тверди
Вынулъ хамовы слѣды!

Сердце дрогнуло бодрѣе,
Снова выше голова!..
Прожурчи, потокъ, скорѣе
Заповѣдныя слова!

...Жду. Часы бѣгутъ, какъ волны.
Вижу раннюю звѣзду,—

И опять веду, безмолвный,
Трудовую борозду.

Преодо мною міръ, заросшій
Бѣленою, какъ пустырь...
Гдѣ же ты, мой духъ вознесшій,
Ты, горючій Алатырь?..

Воронъ каркаетъ съ укоромъ:
„Кр-р! Дуракъ! Что жъ хамъ, какъ листъ,
Задрожитъ предъ заговоромъ?—
Хамъ, братъ, трезвый реалистъ“!..

Красный.

Роковое недоразумѣніе.

На экзаменѣ.

— Петровъ! Кто царствовалъ послѣ Петра Великаго?

— Катилина.

— Кто-о?

— Катилина.

— Ты съ ума сошелъ?

— Ей-Богу, Катилина!

— Ты еще божишься?! Садись. Исторіи не знаешь путемъ, — двойку тебѣ ставлю. Не реви! Ступай на мѣсто!

И вотъ пошелъ Петровъ на мѣсто.

И остался Петровъ въ классѣ на второй годъ.

И никто никогда не узналъ тайны этого бѣднаго заброшеннаго мальчика, который, чортъ знаетъ почему, потерялъ цѣлый годъ.

Дѣйствительно, если бы онъ, отвѣчая экзаменатору, поставилъ передъ именемъ Катилина титулъ „Импелатлица“, — всѣ бы поняли, что мальчишка не долженъ нести вины за то, что языкъ его на полсантиметра короче, чѣмъ надо.

Жоржъ и Аве.

А. Измаиловъ.

Пародія.

Не похожъ я на пѣвца.
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рождень.
Я—силенъ!

Ски талець.

Мнѣ вмѣсто головы дала природа молотъ,
Не сердце въ грудь, а горнъ, не руки, а клещи.
Въ безумной роскоши тонулъ вашъ гнусный городъ,
А я ѣлъ щи!..

* * *

Къ вамъ, трупы впалые, прогнившіе колосья,
Я вдругъ упалъ, какъ громъ, покрывъ вашъ совій
визгъ,
И кузнеца девизъ въ поэзію принесъ я:
Бей въ дрызгъ!..

* * *

Вампиры-богачи, удавы, змѣи, жабы,
Вы пролетарія затискали въ норы!..
Отрыжка сатаны, какъ васъ спихнуть пора бы
Въ тартарары!!!...

А. Измайловъ.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

Нянька (укачивая ребенка):

Спи, моя лапушка, спи! —
Полно тревожить мамашу!..
Лаесть Барбось на цѣпи,
Въ погребъ несутъ простоквашу...

шопотомъ:

Цыць! А не то ошарашу!

громко:

Спи, моя ласточка, спи!..
Тихо мурлычетъ котенокъ,
Пикаютъ мышки: „пи-пи!“...

шопотомъ:

Вотъ тебѣ! Вотъ! Не вопи!
Экой проклятый ребенокъ!..

громко:

Вѣтры бушуютъ въ степи!..
Спи же, мой ангельчикъ, спи!..

горничная (шепчетъ, входя):

Снова, никакъ „завело“?..
Экая чортова дудка!..
Соской заткни ей хайло!..

громко:

Жалобно крикаетъ утка:
Снѣгомъ всю клѣтъ замело...
Спи, дорогая малютка!..

нянька (ш л е п а я р е б е н к а):

Воеть! Барбось! на цѣпи!..
Спи! мое солнышко!! спи!..

Василій Князевъ.

Глухая провинція.

Несносно дребезжитъ звонокъ дорожной брички:
Акцизный выѣхалъ заводъ ревизовать,
Но лошади свернули по привычкѣ
Къ казенной лавкѣ № 205,
Въ дверяхъ встрѣчаетъ винная весталка,
Нырять борода въ каскады пышныхъ лентъ...
Съ сосѣдняго крылечка зубодралка
Старается запечатлѣть моментъ.
Спѣшитъ на биржу ловкій вохеръ Мошко,
Чтобъ разузнать, какъ платить инженеръ.
Кокетка-докторша просунулась въ окошко:
Бряцаетъ шпорами заѣзжій офицеръ.
Безпечною толпой гуляютъ гимназисты,
Отважно курятъ, задирая носъ,
То съ гимназистками почтительно-рѣчисты,
То вырываютъ ленточки изъ косъ.
Вотъ воспитатель вышелъ на охоту,
Надѣвъ нарочно сильные очки:
Подвергнутся строжайшему учету
И папиросы и бычки!
На будкахъ и углахъ—гигантскіе разводы:
„Экстравагантное!“ „двѣ дамы на билетъ!“
„Не отмѣняется по случаю погоды!“
„Сверхъ номеровъ большой кордебалетъ!..
... Въ гостиницѣ „Отель“—чиновникъ ревизора,—
И потому подметено вблизи.
И взводъ городскихъ дежурить у забора,—
Зато окрестъ—воруй и плавай по грязи!..

Крабъ.

М О Л О Д Ы Е.

Повѣнчавшись, Парасковѣ
Мужъ имущество казалъ:
Это стойлице коровье...
А коровку Богъ прибралъ!
Нѣтъ перинки, нѣтъ кровати,
Да теплы въ избѣ полати,
А въ клѣти, вмѣсто телятъ,
Два котеночка пищать!
Есть и овощъ въ огородѣ:
Хрѣнъ да луковица,
Есть и мѣдная посуда:
Крестъ да пуговица!..

Некрасовъ.

Хрычъ да хрычевка.

Жили-были хрычъ да хрычевка.

Жилъ хрычъ пятьсотъ лѣтъ, хрычевка —
четыреста.

Получалъ хрычъ большую пенсію, и отдавалъ
ее хрычевкѣ на расходы.

Хрычъ носилъ фуфайку на тѣлѣ, хрычевка чер-
нила волосы фиксауаромъ.

Хрычъ нюхалъ табачекъ и ходилъ въ баню
париться, — хрычевка ѣла конфетки и ходила въ
русскую оперу.

Пошелъ разъ хрычъ въ баню, парился, парился,
запарился, умеръ на полкѣ.

Пошла хрычевка въ оперу, вызывала пѣвца,
кричала, кричала, закричалась, умерла на галеркѣ.

Схоронили хрыча да хрычевку.

Тужить не о чемъ: будутъ хрычи, будутъ и
хрычевки.

Федоръ Сологубъ.

Тэффи.

Когда ракъ свистнулъ.

Рождественскій ужасъ.

Елка догорѣла, гости разѣхались.

Маленькій Петя Жаботыкинъ старательно выдиралъ мочальный хвостъ у новой лошадки и прислушивался къ разговору родителей, убиравшихъ бусы и звѣзды, чтобы припрятать ихъ до будущаго года. А разговоръ былъ интересный.

— Послѣдній разъ дѣлаю елку,—говорилъ папа-Жаботыкинъ.—Одинъ расходъ и удовольствія никакого.

— Я думала, твой отецъ пришлетъ намъ что-нибудь къ празднику,—вставила мама-Жаботыкина.

— Да, чорта съ два! Пришлетъ, когда ракъ свистнетъ.

— А я думалъ, что онъ мнѣ живую лошадку подарить,—поднялъ голову Петя.

— Да, чорта съ два! Когда ракъ свистнетъ.

Папа сидѣлъ, широко разставивъ ноги и опустивъ голову. Усы у него повисли, словно мокрые, бараньи глаза уныло уставились въ одну точку.

Петя взглянулъ на отца и рѣшилъ, что сейчасъ можно безопасно съ нимъ побесѣдовать.

— Папа, отчего ракъ?

— Гм?

— Когда ракъ свистнетъ,—тогда, значить, все будетъ?

— Гм!..

— А когда онъ свиститъ?

Отецъ уже собрался, было, отвѣтить откровенно на вопросъ сына, но, вспомнивъ, что долгъ отца быть строгимъ, далъ Петѣ легонькій подзатыльникъ и сказалъ:

— Пошелъ спать, поросенокъ!

Петя спать пошелъ, но думать про рака не пересталъ. Напротивъ, мысль эта такъ засѣла у него въ головѣ, что вся остальная жизнь утратила всякій интересъ. Лошадки стояли съ невыдранными хвостами, изъ заводного солдата пружина осталась невыломанной, въ паяцѣ пищалка сидѣла на своемъ мѣстѣ—подъ ложечкой,—словомъ, всюду мерзость запустѣнія, потому что хозяину было не до этой ерунды. Онъ ходилъ и раздумывалъ, какъ бы такъ сдѣлать, чтобы ракъ поскорѣе свистнулъ.

Пошелъ на кухню, посоветовался съ кухаркой Секлетиной. Она сказала:

— Не свиститъ, потому у него губовъ нѣтути. Какъ губу наростить, такъ и свистнетъ.

Больше ни она, ни кто-либо другой ничего объяснить не могли.

Сталъ Петя расти, сталъ больше задумываться.

— Почему-нибудь да говорятъ же, что коли свистнетъ, такъ все и исполнится, чего хочешь.

Если бы рачій свистъ былъ только символъ невозможности, то почему же не говорятъ: „Когда слонъ полетитъ“ или „когда корова зачирикаетъ“.

Нѣтъ! Здѣсь чувствуется глубокая народная мудрость. Этого дѣла такъ оставить нельзя. Какъ свистнуть не можетъ, потому что у него и легкихъ-то нѣтъ. Пусть такъ! Но неужели же не можетъ наука воздѣйствовать на рачій организмъ и путемъ подбора и различныхъ вліяній заставить его обзавестись легкими.

Всю свою жизнь посвятилъ онъ этому вопросу. Занимался оккультизмомъ, чтобы уяснить себѣ мистическую связь между рачьимъ свистомъ и человѣческимъ счастьемъ. Изучалъ строеніе рака, его жизнь, нравы, происхожденіе и возможности.

Женился, но счастливъ не былъ. Онъ ненавидѣлъ жену за то, что та дышала легкими, которыхъ у рака не было. Развелся съ женой и всю остальную жизнь служилъ идеѣ.

Умирая, сказалъ сыну:

— Сынъ мой! Слушайся моего завѣта. Работай для счастья ближнихъ твоихъ. Изучай рачье тѣлосложеніе, слѣди за ракомъ, заставь его, мерзавца, измѣнить свою натуру. Оккультныя науки открыли мнѣ, что съ каждымъ рачьимъ свистомъ будетъ исполняться одно изъ самыхъ горячихъ и искреннихъ человѣческихъ желаній. Можешь ли ты теперь думать о чемъ-либо, кромѣ этого свиста, если ты не подлець? Близорукіе людишки строятъ больницы и думаютъ, что облагодѣтельствовали ближнихъ. Конечно, это легче, чѣмъ измѣнить натуру рака. Но мы, мы—Жаботыкины, изъ поколѣнія въ поколѣніе будемъ работать и добьемся своего!

Когда онъ умеръ, сынъ взялъ на себя продолженіе отцовскаго дѣла. Надъ этимъ же работалъ и правнукъ его, а праправнукъ, находя, что въ Россіи трудно заниматься серьезной научной работой, перѣхалъ въ Америку. Американцы не любятъ длинныхъ именъ и скоро перекрестили Жаботыкина въ мистера Джеба, и, такимъ образомъ, эта славная линія совсѣмъ затерялась и скрылась отъ вниманія русскихъ родственникововъ.

Прошло много, очень много лѣтъ. Много на свѣтѣ измѣнилось, но степень счастья человѣческа-

го осталась ровно въ томъ же положеніи, въ какомъ была въ тотъ день, когда Петя Жаботыкинъ, выдирая у лошадки мочальный хвостъ, спрашивалъ:

— Папа, отчего ракъ?

Попрежнему люди желали больше, чѣмъ получали, и попережнему сгорали въ своихъ несбыточныхъ желаніяхъ и мучились.

Но вотъ стало появляться въ газетахъ странное воззваніе:

„Люди! Готовьтесь! Труды многихъ поколѣній движутся къ концу! Акціонерное общество „Мистеръ Джебъ эндъ компани“ объявляетъ, что 25-го декабря сего года въ первый разъ свистнетъ ракъ, и исполнится самое горячее желаніе каждаго изъ ста человѣкъ (1⁰/₀). Готовьтесь!“

Сначала люди не придавали большого значенія этому объявленію. „Вотъ, думали,—вѣрно, какое-нибудь мошенничество. Какая-то американская фирма чудеса обѣщаетъ, а все сведется къ тому, чтобы прорекламировать новую ваксу. Знаемъ мы ихъ!“

Но чѣмъ ближе подступалъ обѣщанный срокъ, тѣмъ чаще стали призадумываться надъ американской затѣей, покачивали головой и высказывались надвое.

А когда новость подхватили газеты и помѣстили портретъ великаго изобрѣтателя и снимокъ съ его лабораторіи во всѣхъ разрѣзахъ,—никто уже не боялся признаться, что вѣритъ въ грядущее чудо.

Вскорѣ появилось и изображеніе рака, который обѣщалъ свистнуть. Онъ былъ скорѣе похожъ на становаго пристава изъ Юго-Западнаго края, чѣмъ на животное хладнокровное. Выпученные глаза, лихіе усы, выраженіе лица бравое. Одѣтъ онъ былъ въ какую-то вязаную куртку со шнурками, а хвостъ не то былъ спрятанъ въ какую-то вату, не то его и вовсе не было.

Изображеніе это пользовалось большой популярностью. Его отпечатывали и на почтовыхъ открыткахъ, раскрашенное въ самые фантастическіе цвѣта,—зеленый съ голубыми глазами, лиловый въ

золотыхъ блескахъ и т. д. Новая рябиновая водка носила ярлыкъ съ его портретомъ. Новый русский дирижабль имѣлъ его форму и пятился назадъ. Ни одна уважающая себя дама не позволяла себѣ надѣть шляпу безъ рачьихъ клешней на гарнировкѣ.

Осенью компанія „Мистеръ Джебъ эндъ компани“ выпустила первыя акціи, которыя такъ быстро пошли въ гору, что самые солидные биржевые „зайцы“ стали говорить о нихъ почтительнымъ шопотомъ.

Время шло, бѣжало, летѣло. Въ началѣ октября сорокъ двѣ граммофонныя фирмы выслали въ Америку своихъ представителей, чтобы записать и обнародовать по всему міру первый рачій свистъ.

25-го декабря утромъ никто не заспался. Многие даже не ложились, высчитывая и споря, черезъ сколько секундъ можетъ на нашемъ меридіанѣ воздѣйствовать свистъ, раздавшійся въ Америкѣ. Одни говорили, что для этого пойдетъ времени не больше, чѣмъ для электрической передачи. Другіе кричали, что астральный токъ быстрѣе электрическаго, а такъ какъ здѣсь дѣло идетъ, конечно, объ астральномъ токѣ, а не о какомъ-нибудь другомъ, то и такъ далѣе.

Съ восьми часовъ утра улицы кишѣли народомъ. Конные городовые благодушно насѣдали на публику лошадиными задами, а публика радостно гудѣла и ждала.

Объявлено было, что тотчасъ по полученіи первой телеграммы данъ будетъ пушечный выстрѣлъ.

Ждали, волновались. Восторженная молодежь громко ликовала, строя лучезарные планы. Скептики кряхтѣли и совѣтовали лучше идти домой и позавтракать, потому что, само собой разумѣется, ровно ничего не будетъ, и дураковъ валять довольно глупо.

Ровно въ два часа дня раздался ясный и гулкій пушечный выстрѣлъ, и въ отвѣтъ ему ахнули тысячи радостныхъ вздоховъ.

Но тутъ произошло что-то странное, непредвидѣнное, необычное, что-то такое, въ чемъ никто не смогъ и не захотѣлъ увидѣть звена сковывавшей

всѣхъ цѣпи: какой-то высокій толстый полковникъ вдругъ сталъ какъ-то странно надуваться точно нарочно; онъ весь разбухъ, слился въ продолговатый шаръ; вотъ затрещало пальто, треснулъ шовъ на спинѣ, и, словно радуясь, что преодолѣвъ неприятное препятствіе, полковникъ звонко лопнулъ и разлетѣлся брызгами во всѣ стороны.

Толпа шарахнулась. Многіе, взвизгнувъ, бросились бѣжать.

— Что такое? Что же это?

Блѣдный солдатикъ, криво улыбаясь трясущимися губами, почесалъ за ухомъ и махнулъ рукой:

— Вяжи, ребята! Мой грѣхъ! Я ему пожелалъ: „чтобъ те лопнуть!“

Но никто не слушалъ и не трогалъ его, потому что всѣ въ ужасѣ смотрѣли на дико визжавшую длинную старуху въ лисьей ротондѣ; она вдругъ закружилась и на глазахъ у всѣхъ словно юркнула въ землю.

— Провалилась, подлая!—напутственно прошамкали чьи-то губы.

Безумная паника охватила толпу. Бѣжали, сами не зная куда, опрокидывая и топча другъ друга. Слышался предсмертный храпъ двухъ бабъ, подавившихся собственными языками, а надъ ними громкій вой старика:

— Бейте меня, православные! Моя волюшка въ энтихъ бабахъдохнетъ!

Жуткая ночь смѣнила кошмарный вечеръ. Никто не спалъ. Вспоминали собственныя черныя желанія и ждали исполненія надъ собою чужихъ желаній.

Люди гибли, какъ мухи. Въ цѣломъ свѣтѣ только одна какая-то дѣвочка въ Сѣверной Гвинее выиграла отъ рачьяго свиста: у нея прошелъ насморкъ по желанію тетки, которой она надоѣла непрерывнымъ чиханьемъ. Всѣ остальные добрыя желанія (если только они были) оказались слишкомъ вялыми и холодными, чтобы ракъ могъ насвистать ихъ исполненіе.

Человѣчество быстрыми шагами шло къ гибели

и погнбло бы окончательно, если бы не жадность „Мистера Джеба эндъ компани“, которые, желая еще болѣе вздуть свои акціи, переутомили рака, понуждая его къ непосильному свисту электрическимъ раздраженіемъ и спеціальными пилюлями.

Ракъ сдохъ.

На могильномъ памятникѣ его (работы знаменитаго скульптора по премированной модели) напечатана надпись:

„Здѣсь покоится свистнувшій экземпляръ рака— собственность „Мистера Джеба эндъ компани“, утолившій души человѣческія и насытившій пламеннѣйшія ихъ желанія.

— Не просыпайся!“

Тэффи.

Разстрига.

Слова молитвъ я перепуталъ,

И возгласы всѣ позабылъ
И по задворкамъ, по закутамъ
Въ чумазый войлокъ косу сбилъ.
И чаще, чѣмъ кольцо кадила
Когда-то въ руки тихо бралъ,
Душа обычай заучила
Съ бутылью лѣзть на сѣноваль.
Но послѣ выпивки обильной
Я замѣчаю каждый разъ—
Увы!—неудержимо сильно
Спадаетъ знаменитый басъ.
Что жъ дѣлать! Жизнь была—акаеистъ,
И могъ бы, могъ бы дочитать,
Но вдругъ, какъ дьявольскій анапестъ,
Все бурно повернулось вспять.
Не смѣю я ступить на паперть,
И колоколь не для меня

На полевую льется скатерть,
На ласковыя зелена.
Когда я трезвъ, въ душѣ крушенье.
Когда я пьянъ—все трынъ-трава!
Эхъ, тѣсное коловращенье!
Охъ, бѣдная ты голова!
Бываетъ рѣдко: крылья зорьки
Надъ тихимъ возмахнуть лѣскомъ.
Затаивая воздыхъ горькій,
Смахнешь слезу себѣ тайкомъ.
И за стволы березокъ бѣлыхъ,
Въ зеленый, незапретный храмъ
Отъ мытарствъ, отъ людей тяжелыхъ
Спасешься, крадучись по мхамъ.
И тамъ, изъ устъ своихъ нечистыхъ,
За шопотомъ скрывая дрожь,
Какъ огонекъ съ болотинъ мгlistыхъ,
Опять молитву вознесешь.

Сергій Городецкій.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

и

ОГЛАВЛЕНИЕ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Русскіе авторы.

	Стр.
А. Д (Д. А.)	
На полетахъ	660
Аверченко Аркадій	
Дѣти	643
Аллего (П. Соловьева)	
Въ склепѣ	43
Въ сумеркахъ	270
Море любитъ землю	323
Слова	49
Старый домъ	13
Царевичъ	23
Я сбросить хотѣлъ	12
Альми	
По ночамъ, когда-то	609
Андреевскій С. А.	
Помнишь лѣтнюю ночь?	270
Андреевъ Леонидъ	
Марсельеза	101
Андрусонъ Л.	
За работой	289
Каменщикъ	437
Сосны, темныя сосны	212
Апхтинъ А. Н.	
Изъ бумагъ прокурора	392
Пѣсни	248
Старая цыганка	481
Я люблю тебя	509
Ардовъ Т.	
Бѣды	197
Тихій часъ	452
Арцыбашевъ М.	
Смерть Ланде	139
Балтрушайтисъ Ю.	
Есть среди грезъ	391
Колоколъ	293

Мигъ свободы	159
На порогъ ночи	447
Одиночество	92
Бальмонтъ К. Д.	
Быть утромъ	99
Вѣдьма	27
Гвоздики	122
Завѣтъ бытія	339
Лебедь	508
Люди Солнце разлюбили	173
Не обвиняй	94
Сумрачныя области	17
Тріолеты	559
Фантазія	53
Человѣчки	124
Башкинъ В. В.	
Вдали	479
Въ грустный день	95
Двѣ пѣсни	85
Деревенскій дѣдъ	264
На разсвѣтъ	241
Ожиданіе	158
Отъѣзжающему	361
Послѣ бала	563
Раздумье	108
Родина	77
Бенедиктовъ В.	
„И туда“	604
Бернеръ Николай	
Полно плакать	554
Стѣны	429
Бескинъ	
Я сотку свою пѣснь	244
Билитъ	
Вашъ я буду пѣвецъ	426
Блокъ Александръ	
Знакомое	597
Надпись на книгѣ стиховъ	512
Сомнѣнья нѣтъ	17
Старыя мысли	91
Сынъ и мать	465
Я вышелъ въ ночь	428
Я жду призыва	224
Я шель во тѣмѣ	40
Болычевъ Василій	
Крамольникъ	608
Боровиковскій А. Л.	
„Ессе homo“!	109
Брюсовъ Валерій	
Безсонница	19
Вѣкъ за вѣкомъ	555
Кинжалъ	76

Колыбельная пѣсня	220
Мечты любимыя	29
Наполеонъ	36
Осеннее прощаніе Эльфа	239
Первыя встрѣчи	112
Чудовища	406
Юлій Цезарь	524
Бунинъ Ив.	
Въ сторонѣ, далекой	497
Запустѣніе	97
Змѣя	304
Изъ сказки	68
Крестъ въ долинѣ	15
Сонъ-цвѣтокъ	57
Бутурлинъ П. Д.	
Весь міръ	34
Между днемъ и ночью	40
Мерцана	65
Бухарова З.	
Монологъ	245
Быковъ П. В.	
Скажи мнѣ	364
Бѣлый Андрей	
Грезы	416
Кошмаръ среди (ѣла дня	618
Не страшно	156
Обыденность	610
Тройка	288
Васильевъ Н.	
Въ безумномъ переплетѣ нитей	563
Можно женщину пылко и страстно любить	138
Островъ самоубійць	421
Отрывокъ изъ поэмы „Рабство“	503
Прошлое всегда съ нами	24
Устанутъ звѣзды	59
Вейнбергъ П.	
Молодость	196
Уныніе	291
Величко В. Л.	
Лѣтомъ	424
Утесъ	161
Вербницкій Ѡ. Н.	
Вечерняя фантазія	171
Сонъ	123
Вересаевъ В. В.	
Передъ завѣсою	117
Вознесенскій Александръ	
Есть розы черныя	545
Воиновъ В.	
Скука	573
Страшная мечь	655

Волошинъ Макс.	
Въ вагонъ	105
Волошинъ Михаилъ	
Зимнее утро	475
Вяткинъ Г.	
Скорбь	160
Тихо гаснуть огни	374
Гайдебуровъ	
Не кори ты наше племя	199
Галина Г.	
Весна, опять весна	164
Послѣдняя пѣсня	134
Разсвѣтъ	304
Гальперинъ Михаилъ	
Сынъ часовщика	542
Я сѣрый придорожный камень	551
Гентцельтъ М.	
Свиданье	214
Гершунъ Г. А.	
Разрушенный моль	537
Гессенъ В.	
Первый вечеръ	42
Тому, чья мысль не знаетъ страха	44
Эхо	20
Гиппиусъ З. Н.	
Сонетъ	26
Ты—	508
Цѣпь	564
Гликбергъ А.	
Предчувствіе	93
Гномъ	
Я люблю тебя, Фатима!	574
Годинъ Яковъ	
Глаза-васильки	544
Забуду ль	456
Улицы	244
Голенищевъ-Кутузовъ А. А.	
Для богини моей	61
Орель	344
Такъ жить нельзя	418
Голиковъ В.	
Алтея	182
Головачевскій С.	
Откровеніе Дьявола	75
Горбуновъ-Посадовъ И.	
Когда звѣздой путеводной	208
Городецкій Сергѣй	
Разстрига	675
Хозяйка	602
Горькій Максимъ	
Орель поднимается въ небо	215

Осени дыханіемъ гонимы	181
Эдельвейсъ	131
Гофманъ Викторъ	
Вечеръ	51
Въ толпѣ	324
Моей первой любви	32
Морозъ	25
Русалка	65
Грачъ	
Львица	578
Д. —	
Мысль	64
Діесперовъ А.	
Измѣна	60
Свиданіе	34
Добролюбовъ Н. А.	
Еще работы въ жизни много	240
Дрожжинъ С. Д.	
Родина	195
Жоржъ и Аве	
Роковое недоразумѣніе	664
Ивановъ Вячеславъ	
Отзывы	325
Ивановъ-Классикъ А. Ф.	
Совѣты	593
Старая погудка на новый ладъ	620
Измайловъ А.	
Пародія	665
Каляевъ И. П.	
Дни мои, какъ волны	172
Клюевъ Николай	
Холодное, какъ смерть	126
Князевъ Василій	
Золотое дѣтство	666
Чья-то маленькая ножка	595
Койранскій Александръ	
Утрата	185
Колтоновскій А. П.	
Изъ дневника пролетарія	451
Копылова Любовь	
Онъ былъ.. и нѣтъ его	56
Осень	18
Цвѣтетъ моя печаль	39
Корсакъ С. А.	
Молодость, молодость	517
Крабъ	
Глухая провинція	667
Крандѣевская Наталія	
Вербы	90
Затуманились степи	84
Красиковъ	
Муза! взвейся быстрой птицею	623

Красный	
Двѣ косы	621
Его признаніе	629
Заклинаніе	662
Пѣсенка нѣкой птички	607
Резиновая калоша	630
У оракула	588
Кречетовъ Сергѣй	
Атила	31
Городъ	63
Нелюбимый	56
Курсинскій А.	
Въ предутренней мглѣ	294
Лазаревскій Бор.	
Ученица. (Отрывокъ).	229
Лебедевъ В. П.	
Кровавая роза	427
Лохвицкая М. А.	
Мюргить	86
Незванные гости	129
Родопись	100
Свѣтъ вечерній	359
Спящая	179
Четыре всадника	21
Льдовъ Н. К.	
Есть лица странныя	151
Облака	152
Ляндау Г.	
Житейское	569
Изъ воспоминаній дрянного мальчишки	582
Майковъ А. Н.	
Жрецъ	209
Маковскій Сергѣй	
Гитана	185
Ты любишь ли степи?	297
Утро	135
Матрикуль	
Трамвайная сценка	631
Мей Л. А.	
Изъ еврейскихъ мелодій	400
Цвѣты	113
Мережквскій Д. С.	
Донъ Кихоть	308
Пойми же, наконецъ	133
Помпея	47
Протопопъ Аввакумъ	165
Успокоенныя	52
Минскій Н.	
Вблизи святыхъ руинъ	207
Вечерняя пѣсня	19
Возвращеніе	485
Волна	510

Danse macabre	43
Изъ поэмы „Геосиманская ночь“	69
Мадригаль	60
На стражъ чистоты (сонетъ)	477
Наше горе	180
О, если бъ знали вы	88
Предъ зарею	303
Сказка	163
М и р э	
Во снѣ	128
Грезы	80
При лунномъ свѣтѣ	429
М и х а й л о в ъ М. Л.	
Дай руку мнѣ	298
М о к р и н с к і й Г.	
„Тихо все“	403
М у й ж е л ь В.	
Пока. (Отрывокъ)	547
М у с ь	
Изъ воспоминаній дрянного мальчишки	582
Н а д с о н ъ С. Я.	
Грезы	203
Мать	404
Н а й д е н о в ъ С.	
Дѣти Ванюшина	187
Н е к р а с о в ъ Н. А.	
Молодые	668
Пѣсня	364
Н е м и р о в и ч ъ - Д а н ч е н к о В. И.	
Мы сошлись	456
Странникъ	136
Н и к и т и н ъ И. С.	
Портной	216
Н и к и ф о р о в ъ Н.	
Искры	250
О г а р е в ъ Н. П.	
Друзьямъ	280
Ночь и буря	502
П а в л о в ъ К. К.	
Ночлегъ Витикинда	225
П о ж а р о в а М.	
Гротъ „Bove Marino“, на о. Капри	125
Зимняя ночь	110
Качели	411
Послѣ битвы	360
П о л е ж а е в ъ А. И.	
Пѣснь плѣннаго Ирокезца	223
Тоска	425
П о л о н с к і й Я. П.	
Что съ ней?	82
П о т е м к и н ъ	
Если	657

Пѣвецъ	590
Совѣтъ будущимъ мужьямъ	661
Прутковъ Иванъ Кузьм.	
Ученый и муха	580
Человѣкъ и время	612
П. Я. (П. Якубовичъ).	
Въ безмолвіи ль полночи	299
Къ молодости	89
Снова въ душѣ загораются	390
Ратгаузъ Д.	
Одиночество	202
Рафаловичъ Сергѣй	
Полюби въ себѣ	152
Я васъ люблю	410
Розенъ Ева	
Лѣтомъ	433
Флоренція	464
Рославлевъ Александръ	
Гаданье	30
Клоунъ	41
Метелица	107
Ротштейнъ Александръ	
Въ паркѣ	43
Пробужденіе	58
Христось	51
Рукавишниковъ Иванъ	
Черви	162
Рязанецъ Владимиръ	
Пари	589
Сандомирскій Михаилъ	
О лѣсъ	556
Сансуси Жанъ	
Трогательное воспоминаніе	598
Свѣтогоръ Юрій	
Двѣ пѣсни	121
Сергѣевъ-Ценскій С.	
Солнце, уйди!	177
Симборскій Н. В.	
Въ ожиданьи	67
Сонъ	157
Скиitaleцъ	
Сказка	178
Тѣлами нашими	320
Случевскій К. К.	
Мемфисскій жрецъ	37
Смирновъ Вас.	
Кузнецъ	222
Соловьевъ Сергѣй	
Подражаніе Шенье	458
Сологубъ Федоръ	
Восходъ солнца	286

Глаза	219
Лихо	297
Нюренбергскій палачъ	515
Отвори свою дверь	300
Просыпаюсь рано	510
Хрычъ да хрычевка	668
Швея	96
Соломирскій Э. В.	
Не унывай	348
Стаховичъ М.	
Старуха на печкѣ	624
Столица Любовь	
Жизнь ночи	405
О красномъ плющѣ	104
Стражевъ Викторъ	
Блаженны мирно спящіе	479
Бойцу	79
Стружкинъ Н. С.	
Южная легенда	605
Суриковъ И. З.	
Я, весь измученный	201
С—нъ А.	•
Поэты	581
Танъ	
Весна	381
Перелетъ	175
Приливъ	154
Тарасовъ Евг.	
Женщина и дѣвушка	529
На Волгѣ	81
Ты говоришь, что мы устали	269
Тарновскій Н. П.	
Осель и Соловей	624
Толстой А. К.	
Государь ты нашъ, батюшка	619
Грѣшница	459
Топольскій Александръ	
Гаданье	466
Тулубъ Павелъ	
Въ дорогѣ	518
Тургеневъ И. С.	
Нимфы	45
Тхоржевскій Ив.	
Озаренной цѣпью	47
Сонетъ	28
Тэффи	
Когда ракъ свистнулъ	669
Пчелки	199
Тютчевъ Ф. И.	
Два голоса	330
Осенній вечеръ	452

Слезы	358
Сонъ на морѣ	221
Усталый (А. Н. Вознесенскій)	
Будущимъ	399
Ф.	
Педантъ	592
Фофановъ К. М.	
Вдали	62
Волки	599
Въ безднѣ	243
Въ дорогѣ	14
Далекіе міры	111
Двойникъ	186
Звѣзды ясныя	320
Надъ бульваромъ	295
По снѣгу	50
Розы	478
Я ѣхалъ	292
Фругъ С. Г.	
Весною	310
Вѣстники весны	290
Я ихъ не звалъ	132
Цензоръ Дмитрій	
Женщины	295
Каждый вечеръ иду за ворота	54
Чаяевъ Н.	
Дѣдъ-кудесникъ	567
Черный Саша	
Быть	621
Въ гостяхъ	625
Городскіе романсы	632
Зеркало	611
Колыбельная	579
Нирвана	652
Пять минутъ	586
Чеховъ Антонъ	
Въ Москвѣ на Трубной площади	613
Святою ночью	1
Чюмина О.	
Ковыль	417
Свободное слово	213
У моря	106
Я безумной слыву	484
Шагинянъ М.	
Волны	58
О, позволь	33
Шинскій Н.	
Волна	517
Шрейтеръ Н.	
Какъ звонъ цѣпей	243

Штейнъ Эразмъ	
Городъ	362
Шуфъ В. А.	
Курды	561
Смирна	59
Эрбергъ Конст.	
Ночью	525
Юшкевичъ С.	
Три кладбища	486
Ядовиткинъ О.	
Сказка для дѣтей	595
Федоровъ А. М.	
Въ вечерній часъ	15
Еще на небѣ	27
На зарѣ	35
Оттого тебя люблю	127
Суббота	324
Сумерки	78

ИНОСТРАННЫЕ АВТОРЫ.

Ардтъ М.	
Греза пловца. Перев. П. Вейнбергъ	414
Асникъ Адамъ	
Астры. Перев. Ив. Бунинъ	522
Безъ словъ. Перев. Ив. Бунинъ	523
Неуловимый свѣтъ. Перев. Ив. Бунинъ	521
Semper idem. Перев. Мих. Гербановскій	522
Байронъ Г.	
Тьма. Перев. Эллисъ	532
Бешикташлянъ М.	
Нависъ утесъ. Перев. Л. Уманецъ	445
Бодлеръ Шарль	
Альбатросъ. Перев. П. Я.	331
Брунингъ Елиз.	
Даль. Перев. О. Чюмина	546
Неудовлетворенность. Перев. О. Чюмина	287
Бьернстърне-Бьернсонъ	
Орлиное гнѣздо	467
Верленъ Поль	
Грустная бесѣда. Перев. Эллисъ	558
Верхарнъ Эмиль	
Голова. Перев. Валерій Брюсовъ	389
Виньи Альфредъ-де	
Зима. Перев. В. Лихачевъ	307
Смерть Волка. Перев. А. М. Федоровъ	305

Гамерлингъ Р.	
Жрецъ богини Герты. Перев. О. Михайлова . . .	553
О, другъ. Перев. П. Вейнбергъ	498
Гарнетъ Р.	
Два листа. Перев. О. Чюмина	326
Гауптманъ Г.	
Монологъ (изъ „Потонувшаго колокола“). Перев.	
К. Д. Бальмонтъ	453
Гейбель Эмануиль	
Данте. Перев. П. Вейнбергъ	413
Гейне Г.	
Лошадь и Осель. Перев. П. Вейнбергъ	627
Юдоль плача. Перев. А. Н. Плещеевъ	659
Гервегъ Георгъ	
Разлѹка съ жизнiю. Перев. И. Крешевъ	419
Гомулицкiй В.	
Въ паркѣ. Перев. Мих. Гербановскiй	552
Готье Теофиль	
Раздумье. Перев. Н. Э.	321
Сонъ. Перев. О. Чюмина	322
Гудъ Т.	
Мость вздоховъ. Перев. К. Д. Бальмонтъ	345
Пѣсня о рубашкѣ. Перев. М. И. Михайловъ	301
Сонъ Евгенiя Арама. Перев. В. П. Буренинъ	251
У смертнаго одра. Перев. М. М.	555
Гюго В.	
О, низко павшую. Перев. И. Гриневская	174
Передъ разсвѣтомъ. Перев. А. П. Барыкова	480
Спросили они. Перев. Л. А. Мей.	560
Джеромъ Д.	
Цвѣтокъ лаванды синiй. Перев. Л. Б. Хавкина	631
Чайники. Перев. С. Займовскiй	633
Доде Альфонсъ	
Звѣзды. Перев. В. В. Буренина-Ковалева	375
Кардуччи Дж.	
Воль. Перев. А. М. Ѳедоровъ	439
На пятую годовщину битвы при Ментанѣ. Перев.	
М. Ватсонъ	440
Ranteismo. Перев. М. Ватсонъ	441
Конопницкая Марiя	
Изъ лѣтнихъ ночей. Перев. Мих. Гербановскiй	529
Какъ король шелъ на войну. Перев. А. Колтонов-	
скiй	527
Кто тебя, деревня. Перев. Е. Е. Нечаевъ	528
Коппе Франсуа	
Голова султанши. Перев. Д. Л. Михаловскiй	349
Подобно ловчему. Перев. О. Чюмина	360
Сегодня вечеромъ. Перев.—дтъ	249
Я голубю сказалъ. Перев. Е. М. Миличъ	455
Ленау Н.	
Зимняя ночь. Перев. П. Вейнбергъ	420

Картини вечера. Перев. Юрій Верховскій	409
Къ печали. Перев. К. Д. Бальмонтъ	525
На пруду. Перев. К. Д. Бальмонтъ	409
Пѣсни о тростникѣ. Перев. Евгений Чернобаевъ	407
Солнечный закатъ. Перев. К. Д. Бальмонтъ	408
Леопарди Джакомо	
Безконечность. Перев. Ив. Тхоржевскій	437
Воскресный вечеръ. Перев. Ив. Тхоржевскій	431
Къ веснѣ. Перев. Ив. Тхоржевскій	433
Къ самому себѣ. Перев. В. Ф. Памянь	436
Лиль Леконтъ де-	
Антифоны. Перев. Д. Шестаковъ	328
Смерть Солнца. Перев. В. С. Лихачевъ	330
Сонетъ. Перев. Ѳедоръ Сологубъ	327
Лонгфелло Г. В.	
Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде. Перев. Д. Н. Садовниковъ	257
Вступленіе изъ „Пѣсни о Гайаватѣ“. Перев.	
Ив. Бунинъ	260
Минулъ день. Перев. Пл. Красновъ	259
Снѣжныя хлопья. Перев. Пл. Красновъ	263
Меринкъ Густавъ	
Проклятiе жабы. Перев. Потемкинъ	575
Мопасанъ Гюи де-	
Отрывокъ изъ очерк. „На водѣ“. Перев. О. Я.	
Гуревичъ	383
Муръ Томасъ	
Вечерній звонъ. Перев. И. И. Козловъ	265
Мелодія. Перев. А. Б.	267
О, не шепчите надъ гробомъ. Перев. Ѳ. Ч-скій	267
Послѣдняя роза. Перев. А. М-новъ	266
Я тихо брелъ въ тѣни. Перев. Ѳ. Ч-скій	268
Мюссе Альфредъ де-	
Друзья мои! Перев. С. А. Андреевскій	319
Майская ночь. Перев. С. А. Андреевскій	311
Пѣсня Фортунію. Перев. П. А. Козловъ	518
Снѣгъ падаетъ. Перев. А. М. Ѳедоровъ	317
Сонетъ. Перев. В. Н. Ладыженскій	318
Сонетъ. Перев. Л. А. Козловъ	319
Негри Ада	
О, умчи меня вдаль. Перев. А. Ѳедоровъ	557
Петефи Сандоръ	
Звѣздная ночь. Перев. О. М-ва.	535
Ты спишь, природа. Перев. М. Ватсонъ	536
По Эдгаръ	
Лелли. Перев. К. Д. Бальмонтъ	296
Поль Винцентій	
Идиллія. Перев. В. Н-ая	531
Ришпенъ Жанъ	
Греческій сонетъ. Перев. Эллисъ	343
Перелетныя птицы. Перев. А. П. Барыкова	332
Стремленіе къ безконечному. Перев. О. Михайлова	341

Тайна. Перев. О. Чюмина	343
Эпитафія—для кого угодно. Пер. С. А. Андреевскій	342
Роденбахъ Ж.	
Піанино. Перев. Эллисъ	520
Фонтанъ. Перев. Эллисъ	366
Сильвестръ Арманъ.	
Дитя мое. Перев. Н. Э.	256
Словацкій Юлій	
Ангелли. Перев. В. Высоцкій	499
Ароматы слишкомъ опьяняли. Пер. А. Коринескій	561
Скететти	
Бродъ. Перев. А. М. Ѳедоровъ	442
О, облачка. Перев. А. М. Ѳедоровъ	444
Шарманка за окномъ. Перев. А. М. Ѳедоровъ	135
Сырокомля Вл.	
Прежде было лучше. Перев. Л. А. Мей	446
Сонетъ. Перев. В. Н-ая	513
Старый дубъ. Перев. В. Н-ая	514
Твэнъ Маркъ	
Какъ былъ одураченъ авторъ въ Ньюэркѣ. Перев. подъ ред. И. Василевскаго	653
Теннисонъ Альфредъ	
Вечеръ на новый годъ. Перев. А. Н. Плещеевъ	448
Замокъ Локсли. Перев. О. Михайлова	471
Когда подъ каменной могильной плитою. Пер. Ч.	284
Ночь ли, горящая. Перев. Ѳ. Ч-скій	285
Странствія Мальдуна. Перев. К. Д. Бальмонтъ	282
У моря Перев. О. Михайлова	281
Тетмайеръ К.	
Надъ потокомъ	526
Уландъ І.	
Весенній покой. Перев. М. М.	403
Король на башнѣ. Перев. М. Михайловъ	401
Три путника. Перев. В. Жуковскій	402
Сонъ. Перев. В. Жуковскій	415
Флоберъ Густавъ	
Иродіада. Перев. И. С. Тургеневъ	367
Шелли П.-Б.	
Лѣтній вечеръ на кладбищѣ. Перев. К. Д. Бальмонтъ	340
Мимоза. Перев. К. Д. Бальмонтъ	271
Минувшіе дни. Перев. К. Д. Бальмонтъ	245
Эредіа Хозе Марія де-	
Богъ садовъ. Перев. В. Жуковскій	337
Догаресса. Перев. Александръ Бискъ	336
Забвеніе. Перев. Пл. Красновъ	545
Микель-Анжело. Перев. Г. П. Шестаковъ	335
Плотникъ Назарета. Перев. Сергѣй Соловьевъ	338
Plus ultra. Перев. Д. П. Шестаковъ	339
Сонетъ. Перев. О. Чюмина	337
Tepidarium. Перев. Сергѣй Соловьевъ	562

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ I-я.

ДЕКЛАМАТОРИУМ.

Стр.

Альбатросъ. (Изъ Бодлера). П. Я.	331
Алтея	Голиковъ 182
Ангелли. (Отр.) (Словацкаго). Перев. Высоцкій	499
Антифоны. (Изъ Л.-де-Лиля). Шестаковъ	328
Ароматы слишкомъ опьяняли. (Изъ Словацкаго)	Коринфскій 561
Астры. (Изъ Асныка)	Бунинъ 522
Аттила	Кречетовъ 31
Безконечность. (Изъ Леопарди) Тхоржевскій	437
Безсонница	Брюсовъ 19
Безъ словъ. (Изъ Асныка)	Бунинъ 523
Блаженны мирно спящіе	Стражевъ 479
Богъ садовъ. (Изъ Эредіа)	В. Жуковскій 337
Бойцу	Стражевъ 79
Бродъ. (Изъ Стекетти)	Федоровъ 442
Будущимъ	Усталый (А. Н. Вознесенскій) 399
Бѣды	Ардовъ 197
Быть утромъ	Бальмонтъ 99
Вальтеръ фонъ-деръ-Фогель- вейде. (Изъ Лонгфелло)	Садовниковъ 257
Вашъ я буду пѣвецъ	Билить 426
Вблизи святыхъ руинъ	Минскій 207
Вдали	Башкинъ 479
Вдали	Фофановъ 62
Вербы	Крандіевская 90
Весна	Галина 164
Весна	Танъ 381
Весною	Фругъ 310
Весенній покой. (Изъ Уланда) М. М.	403
Весь міръ	Бутурлинъ 34
Вечерній звонъ. (Изъ Мура)	Козловъ 265
Вечерняя пѣсня	Минскій 19
Вечерняя фантазія	Вербицкій 171
Вечеръ	Гофманъ 51
Вечеръ на новый годъ. (Изъ Теннисона)	Плещеевъ 448

Волъ. (Изъ Кардуччи)	Ёедоровъ	439
Возвращеніе	Минскій	485
Волна	Минскій	510
Волна	Шинскій	517
Волны зыбко жмутся	Шагинянъ	58
Воскресный вечеръ. (Изъ Лео- парди)	Тхоржевскій	431
Во снѣ	Мирѣ	128
Восходъ солнца	Сологубъ	286
Въ безднѣ	Фофановъ	243
Въ безмолвіи	П. Я.	299
Въ безумномъ переплетѣ нитей	Васильевъ	563
Въ вагонѣ	Макс. Волошинъ	105
Въ вечерній часъ	Ёедоровъ	15
Въ грустный день	Башкинъ	95
Въ дорогѣ	Тулубъ	518
Въ дорогѣ	Фофановъ	14
Въ ожиданіи	Симборскій	67
Въ паркѣ	Ротштейнъ	48
Въ паркѣ. (Изъ Гомулицкаго). Гербановскій		552
Въ предутренней мглѣ	Курсинскій	294
Въ склепѣ	Allegro	43
Въ сумеркахъ	Allegro	270
Въ сторонѣ, далекой	Бунинъ	497
Въ толпѣ	Гофманъ	324
Вѣдьма	Бальмонтъ	27
Вѣкъ за вѣкомъ	Брюсовъ	556
Вѣстники весны	Фругъ	290
Гаданье	Рославлевъ	30
Гаданье	Топольскій	466
Гвоздики	Бальмонтъ	122
Гитана	Маковскій	185
Глаза	Сологубъ	219
Глаза-васильки	Годинъ	544
Голова. (Изъ Верхарна)	Брюсовъ	389
Голова султанши. (Изъ Коппе). Михаловскій		349
Городъ	Кречетовъ	63
Городъ	Штейнъ	362
Греза пловца. (Изъ Арндта)	Вейнбергъ	414
Грезы	Вѣлый	416
Грезы	Мирѣ	80
Грезы	Надсонъ	203
Греческій сонетъ. (Изъ Ришпе- на)	Эллисъ	343
Гротъ	Пожарова	125
Грустная бесѣда. (Изъ Верлена). Эллисъ		558
Грѣшница	А. Толстой	459
Далекіе міры	Фофановъ	111
Дай руку мнѣ, любовь моя	Михайловъ	298
Даль. (Изъ Е. Броунингъ)	Чюмина	546
Danse macabre	Минскій	43

Данте. (Изъ Э. Гейбеля) . . .	Вейнбергъ	413
Два голоса	Тютчевъ	330
Два листа. (Изъ Гарнетъ) . . .	Чюмина	326
Двойникъ	Фофановъ	186
Двѣ пѣсни	Башкинъ	85
Двѣ пѣсни	Свѣтогоръ	121
Деревенскій дѣдъ	Башкинъ	264
Дитя мое. (Изъ Сильвестра). Н. Э.		256
Дитя. (Сонетъ). (Изъ Мюссе).Ладыженскій		318
Для богини моей	Голенищевъ-Кутузовъ	61
Дни мои	Каляевъ	172
Догаресса. (Изъ Эредіа) . . .	Бискъ	336
Донъ Кихотъ	Мережковскій	308
Друзья мои. (Изъ Мюссе). . . .	Андреевскій	319
Друзьямъ	Огаревъ	280
Дѣти Ванюшина. (Отрывокъ). Найденовъ		187
„Ессе homo!“	Боровиковскій	109
Есть лица странныя	Льдовъ	151
Есть розы черныя	Вознесенскій	545
Есть среди грезъ	Балтрушайтисъ	391
Еще на небѣ ночь	Өедоровъ	27
Еще работы въ жизни много. Добролюбовъ		240
Женщина и дѣвушка	Тарасовъ	529
Женщины	Цензоръ	295
Жизнь ночи	Столица	405
Жрецъ. (Отрывокъ)	Майковъ	209
Жрецъ богини Герты. (Изъ Гамерлинга).	Михайлова	553
Забвеніе. (Изъ Эредіа)	Красновъ	545
Забуду ль	Годинъ	456
Завѣтъ бытія	Бальмонтъ	339
За работой	Андрусонъ	289
Замокъ Локсли. (Изъ Теннисо- на)	Михайлова	471
Запустѣніе	Бунинъ	97
Затуманили: степи	Крандѣевская	84
Звѣздная ночь. (Изъ Петефи). О. М-ва		535
Звѣзды. (Доде)	Перев. Буренина-Ковалева	375
Звѣзды ясныя	Фофановъ	320
Зима. (Изъ Виньи)	Лихачевъ	307
Зимнее утро	Мих. Волошинъ	475
Зимняя ночь. (Изъ Ленау) . . .	Вейнбергъ	420
Зимняя ночь	Пожарова	110
Змѣя	Бунинъ	304
Идиллія. (Изъ Поля)	В. Н—ая	531
Измѣна.	Діесперовъ	60
Изъ бумагъ прокурора	Апухтинъ	392
Изъ дневника пролетарія	Колтоновскій	451
Изъ еврейскихъ мелодій	Мей	400
Изъ лѣтнихъ ночей. (Изъ Ко- нопницкой).	Гербановскій	529

Изъ поэмы „Геесиманская ночь“	Минскій	69
Изъ сказки	Бунинъ	68
Иродіада. (Отр.) (Флобера) . .	Перев. Тургеневъ	367
Искры	Никифоровъ	250
Каждый вечеръ	Цензоръ	54
Какъ звонъ цѣпей	Шрейтеръ	243
Какъ король шелъ на войну . (Изъ Конопницкой)	Колтоновскій	527
Каменщикъ	Андрусонъ	437
Картины вечера. (Изъ Ленау). .	Верховскій	409
Качели	Пожарова	411
Кинжалъ	Брюсовъ	76
Клоунъ	Рославлевъ	41
Ковыль	Чюмина	417
Когда звѣздою путеводной . .	Горбуновъ-Посадовъ	208
Когда подъ каменной плитою. (Изъ Теннисона).	Ч.	284
Когда я ребенкомъ. (Сонетъ). (Изъ Мюссе)	Козловъ	319
Колоколъ	Балтрушайтисъ	293
Колыбельная пѣсня	Брюсовъ	220
Король на башнѣ. (Изъ Уланда) .	Михайловъ	401
Крестъ въ долинѣ при дорогѣ .	Бунинъ	15
Кровавая роза	Лебедевъ	427
Кто тебя, деревня. (Изъ Коноп- ницкой)	Нечаевъ	528
Кузнецъ	Смирновъ	222
Курды	Шуфъ	561
Къ веснѣ. (Изъ Леопарди) . . .	Тхоржевскій	433
Къ молодости	П. Я.	89
Къ печали. (Изъ Ленау)	Бальмонтъ	525
Къ самому себѣ. (Изъ Леопар- ди).	Помянь	436
Лелли. (Изъ По).	Бальмонтъ	296
Лебедь	Бальмонтъ	508
Лихо	Сологубъ	297
Лѣтній вечеръ. (Изъ Шелли). . .	Бальмонтъ	340
Лѣтомъ	Величко	424
Лѣтомъ	Розень	438
Люди Солнце разлюбили	Бальмонтъ	173
Мадригалъ	Минскій	60
Майская ночь. (Изъ Мюссе). . .	Андреевскій	311
Марсельеза	Андреевъ	101
Мать	Надсонъ	404
Между днемъ и ночью	Бутурлинъ	40
Мелодія. (Изъ Мура).	А. Б.	267
Мемфисскій жрецъ	Случевскій	37
Мерцана	Бутурлинъ	65
Метелица	Рославлевъ	107
Мечты любимыя	Брюсовъ	29
Мигъ свободы.	Балтрушайтисъ	159

Микель-Анжело. (Изъ Эредіа) Шестаковъ	335
Мимоза. (Изъ Шелли) Бальмонтъ	271
Минувшіе дни. (Изъ Шелли). Бальмонтъ	245
Минулъ день. (Изъ Лонгфелло)Красновъ	259
Моей первой любви Гофманъ	32
Можно женщину пылко и стра- стно любить Васильевъ	138
Молодость. Вейнбергъ	196
Молодость, молодость Корсакъ	517
Монологъ Бухарова	246
Монологъ изъ „Потонувшего Колокола“ (Гауптмана) . Бальмонтъ	453
Море любитъ землю Аллегро	323
Морозъ Гофманъ	25
Мостъ вздоховъ. (Изъ Гуда) . Бальмонтъ	345
Мысль Д.	64
Мы сошлись съ тобой Вас. Немир.-Данченко	456
Мюргитъ Лохвицкая	86
Нависъ утесъ. (Изъ Бешикташ- ляна) Уманецъ	445
На водѣ. (Отрыв.). (Мопасана). О. Гуревичъ	383
На Волгѣ Тарасовъ	81
На зарѣ Федоровъ	35
Надпись на книгѣ стиховъ . . Блокъ	512
Надъ бульваромъ Фофановъ	295
Надъ потокомъ Тетмайеръ	526
На порогъ ночи. Балтрушайтисъ	447
Наполеонъ. Брюсовъ	36
На пруду. (Изъ Ленау). . . . Бальмонтъ	409
На пятую годовщину битвы. (Изъ Кардуччи) Ватсонъ	440
На разсвѣтъ Башкинъ	241
На стражѣ чистоты. (Сонетъ) Минскій	477
Наше горе Минскій	180
Незванные гости Лохвицкая	129
Не кори ты наше племя . . . Гайдебуровъ	199
Нелюбимый Кречетовъ	56
Не обвиняй Бальмонтъ	94
Не страшно Бѣлый	156
Неудовлетворенность. (Изъ Е. Броунингъ) Чюмина	287
Неуловимый свѣтъ. (Изъ Ас- ныка) Бунинъ	521
Не унывай, борись Соломирскій	348
Нимфы Тургеневъ	45
Ночлегъ Витикинда Павловъ	225
Ночь ли, горящая. (Изъ Тен- нисона) Э. Ч—скій	295
Ночью. Эрбергъ	525
Ночь и буря Огаревъ	502
Нюрнбергскій палачъ Сологубъ	515
Облака Львовъ	152

Одиночество	Балтрушайтисъ	92
Одиночество	Ратгаузъ	202
О, другъ. (Изъ Гамерлинга). Вейнбергъ		498
О если бъ знали вы	Минскій	88
• Озаренной цѣпью	Тхоржевскій	47
Ожиданіе	Башкинъ	158
О красномъ плющѣ	Столица	104
О лѣсѣ	Сандомирскій	556
О, не шепчите. (Изъ Мура).	Ө Ч—скій	267
О, низко павшую. (Изъ Гюго). Гриневакая		174
Онъ былъ... и нѣтъ его	Копылова	56
О, облачка. (Изъ Стекетти).	Өдоровъ	444
О, позволь	Шагинянъ	33
Орель	Голенищевъ Кутузовъ	344
Орель поднимается	Горькій	215
Орлиное гнѣздо	Бьернстьерне-Бьернсонъ	467
Осени дыханіемъ гонимы	Горькій	181
Осеннее прощаніе Эльфа	Брюсовъ	239
Осенній вечеръ	Тютчевъ	452
Осень	Копылова	19
Островъ самоубійць	Васильевъ	421
Отвори свою дверь	Сологуъ	300
Отзывы	Ивановъ	325
Откровеніе Дьявола	Головачевскій	75
Отрывокъ изъ поэмы „Раб- ство“	Васильевъ	503
Оттого тебя люблю я	Өдоровъ	127
Отъѣзжающему	Башкинъ	361
О, умчи меня. (Изъ А. Негри).	Өдоровъ	557
Panteismo. (Изъ Кардуччи).	Васонъ	441
Первый вечеръ	Гессенъ	42
Первыя встрѣчи	Брюсовъ	112
Передъ завѣсою	Вересаевъ	117
Передъ разсвѣтомъ. (Изъ Гюго) Барыкова		480
Перелетныя птицы. (Изъ Риш- пена)	Барыкова	332
Перелетъ	Танъ	175
Піанино (Изъ Роденбаха).	Эллисъ	520
Плотникъ Назарета. (Изъ Эре- діа)	С. Соловьевъ	338
Plus ultra. (Изъ Эредіа).	Шестаковъ	339
Подобно ловчему. (Изъ Коппе).	Чюмина	360
Подражаніе Шенье	С. Соловьевъ	458
Пойми же	Мережковскій	133
Пока. (Отрывокъ)	Муйжель	547
Полно плакать	Бернеръ	554
Полюби въ себѣ безъ спора. Разфаловичъ		152
Помедли, о путникъ. (Сонетъ). (Изъ Эредіа)	Чюмина	337
Помнишь лѣтнюю ночь?	Андреевскій	270
Помпея	Мережковскій	47
Портной	Никитинъ	216

Послѣ бала	Башкинъ	563
Послѣ битвы.	Пожарова	360
Послѣдняя пѣсня.	Галина	134
Послѣдняя роза. (Изъ Мура). А. М-новъ		266
По снѣгу.	Фофановъ	50
Предъ зарею.	Минскій	303
Предчувствіе	Гликбергъ.	93
Прежде было лучше. (Изъ Сы- рокомли).	Мей	446
Приливъ.	Танъ	154
При лунномъ свѣтѣ	Мирэ	429
Пробужденіе	Ротштейнъ	58
Просыпаюсь рано	Сологубъ	510
Протопопъ Аввакумъ.	Мережковскій	165
Прошлое всегда съ нами.	Васильевъ	24
Пчелки	Тэффи	199
Пѣсни	Апуктинъ	248
Пѣсни отростникъ. (Изъ Ленау)Чернобаевъ		407
Пѣсня	Некрасовъ	364
Пѣсня о Гайаватъ. (Вступленіе). (Изъ Лонгфелло).	Бунинъ	260
Пѣсня о рубашкѣ. (Изъ Гуда). Михайловъ		301
Пѣсня плѣннаго Ирокезца . Полежаевъ		223
Пѣсня Фортуніо. (Изъ Мюссе).Козловъ		518
Раздумье	Башкинъ	108
Раздумье. (Изъ Готье)	Н. Э.	321
Разлука съ жизнью. (Изъ Гервега).Крешевъ		419
Разрушенный молъ	Гершуни	537
Разсвѣтъ	Галина	304
Родина	Башкинъ	77
Родина	Дрожжинъ	195
Розы	Фофановъ	478
Родопись	Лохвицкая	100
Русалка	Гофманъ	65
Свиданье	Гентцельтъ	214
Свиданіе	Діесперовъ	34
Свободное слово	Чюмина.	213
Свѣтъ вечерній	Лохвицкая	359
Святою ночью	Чеховъ	1
Сегодня вечеромъ. (Изъ Коппе).— дтъ		249
Semper idem. (Изъ Асныка) . Гербановскій		522
Скажи мнѣ	Быковъ	364
Сказка	Минскій	163
Сказка	Скиталець	178
Скорбь	Вяткинъ	160
Слезы	Тютчевъ	358
Слова	Allegro	49
Смерть Волка. (Изъ Виньи) . Ѳедоровъ		305
Смерть Ланде. (Отрывокъ). . Арцыбашевъ		139
Смерть солнца. (Изъ Л.-де-Ли- ля)	Лихачевъ	330
Смирна	Шуфъ	59

Снова въ душѣ	П. Я.	390
Снѣгъ падаетъ. (Изъ Мюссе). Оедоровъ		317
Снѣжныя хлопья. (Изъ Лонгфел- ло).	Красновъ	263
Солнце, уйди!.	Сергѣевъ-Ценскій	177
Солнечный закатъ.(Изъ Ленау).Бальмонтъ		408
Сомнѣнья нѣтъ	Блокъ	17
Сонъ	Вербицкій	123
Сонъ	Симборскій	157
Сонъ. (Изъ Готье).	Чюмина	322
Сонъ. (Изъ Уланда)	Жуковскій	415
Сонъ Евгенія Арама.(Изъ Гуда)Буренинъ		251
Сонъ на морѣ	Тютчевъ	221
Сонъ-цвѣтокъ	Бунинъ	57
Сосны	Андрусонъ	212
Сплетай изъ словъ. (Сонетъ). Тхоржевскій		28
Спросили они. (Изъ Гюго) . Мей		560
Спящая	Лохвицкая	179
Старыя мысли	Блокъ	91
Старая цыганка.	Апухтинъ	481
Старый домъ.	Allegro	13
Старый дубъ.(Изъ Сырокомли).В. Н-ая.		514
Странникъ.	Вас. Немир.-Данченко	136
Странствія Мальдуна. (Изъ Теннисона).	Бальмонтъ	282
Стремленіе къ безконечному. (Изъ Ришпена)	Михайлова	341
Стѣны	Бернеръ	429
Суббота	Оедоровъ	324
Сумерки	Оедоровъ	78
Сумрачныя области	Бальмонтъ	17
Сынъ и мать	Блокъ	465
Сынъ часовщика	Гальперинъ	542
Тайна. (Изъ Ришпена).	Чюмина	343
Такъ жить нельзя.	Голенищевъ-Кутузовъ	418
Terpidarium. (Изъ Эредіа)	С. Соловьевъ	562
Тихій часъ	Ардовъ	452
Тихо все	Мокринскій	403
Тихо гаснутъ огни	Вяткинъ	374
Тому, чья мысль	Гессенъ	44
Тоска	Полежаевъ	425
Три кладбища.(Въ сокращен.).Юшкевичъ		486
Три путника. (Изъ Уланда)	Жуковскій	402
Триолеты	Бальмонтъ	559
Тройка	Бѣлый	288
Ты	Гиппиусъ	508
Ты говоришь	Тарасовъ	269
Ты любишь ли степи	Маковскій	297
Ты спишь. (Изъ Петефи).	Ватсонъ	536
Тѣма. (Изъ Байрона).	Эллисъ	532
Тѣлами нашими	Скиталець.	320

Угромъ, какъ дикій звѣрь.		
(Сонетъ). (Изъ Л.-де-Лиля)	Сологубъ	327
Улицы	Годинъ	244
У моря. (Изъ Теннисона).	Мих йлова	281
У моря	Чюмина	106
Уныніе	Вейнбергъ.	291
У смертнаго одра. (Изъ Гуда). М. М.		555
Успокоенныя	Мережковскій	52
Устанутъ звѣзды.	Васильевъ	59
Утесъ	Величко	161
Утрата	Койранскій	185
Утро	Маковскій	135
Ученица. (Отрывокъ).	Лазаревскій	229
Фантазія	Бальмонтъ	53
Флоренція	Розенъ	464
Фонтанъ. (Изъ Роденбаха).	Эллисъ	366
Холодное, какъ смерть	Клюевъ	126
Христось	Ротштейнъ	51
Царевичъ	Allegro.	23
Цвѣтетъ моя печаль	Копылова	39
Цвѣты. (Отрывокъ)	Мей	113
Цѣпь	Гиппиусъ	564
Человѣчки	Бальмонтъ.	124
Черви	Рукавишниковъ	162
Четыре всадника	Лохвицкая	21
Что съ ней?	Полонскій	82
Чудовища	Брюсовъ	406
Шарманка за окномъ. (Изъ		
Стекетти)	Федоровъ	135
Швея.	Сологубъ	96
Эдельвейсъ	Горькій	131
Эпитафія—для кого угодно.		
(Изъ Ришпена).	Андреевскій	342
Эхо.	Гессенъ	20
Юлій Цезарь	Брюсовъ	524
Я безумной слыву	Чюмина	484
Я васъ люблю	Рафаловичъ	410
Я, весь измученный	Суриковъ	201
Я всѣ твои уклоны. (Сонетъ). Гиппиусъ		26
Я вышелъ въ ночь	Блокъ	428
Я голубю сказалъ. (Изъ Коппе) Миличъ		455
Я жду призыва	Блокъ	224
Я ихъ не звалъ	Фругъ	132
Я люблю тебя такъ оттого	Апухтинъ	509
Я полемъ шель. (Сонетъ).		
(Изъ Сырокомли).	В. Н ая	513
Я сбросить хотѣлъ	Allegro	12
Я сотку свою пѣсню	Бескинъ	244
Я—сѣрый придорожный камень. Гальперинъ		551
Я тихо брель. (Изъ Мура).	Ө Ч-скій	268
Я шель во тьмѣ	Блокъ	40
Я ѣхаль	Фофановъ	292

ЧАСТЬ II-я.

САТИРА и ЮМОРЪ.

Стр.

Быть	Саша Черный	621
Волки	Фофановъ	599
Въ гостяхъ	Саша Черный	625
Въ Москвѣ на Трубной площади	Чеховъ	613
Глухая провинція	Крабъ	667
Городскіе романсы	Саша Черный	632
Государь ты нашъ, батюшка	А. К. Толстой	619
Двѣ косы	Красный	621
Дѣдъ кудесникъ	Чаевъ	567
Дѣти	Аверченко	643
Его признаніе	Красный	629
Если	Потемкинъ	657
Житейское	Ляндау	569
Заклинаніе	Красный	662
Зеркало	Саша Черный	611
Знакомое	Блокъ	597
Золотое дѣтство	Князевъ	666
Изъ воспоминаній дрянного мальчишки	Мусъ (Ляндау)	582
„И туда“	Бенедиктовъ	604
Какъ былъ одураченъ авторъ въ Ньюэркѣ.	(М. Твэна). Перев. подъ ред.	И. Василевскаго 653
Когда ракъ свистнулъ	Тэффи	669
Колыбельная	Саша Черный	579
Кошмаръ среди бѣла дня	А. Вѣлый	618
Крамольникъ	Болычевъ	608
Лошадь и Осель. (Изъ Гейне).	Вейнбергъ	627
Львица	Грачъ	578
Молодые	Некрасовъ	668
Муза! взвейся быстрой птицею.	Красиковъ	623
На полетахъ	Д. А.	660
Нирвана	Саша Черный	652
Обыденность	Вѣлый	610
Осель и Соловей	Тарновскій	624
Пари	Вл. Рязанецъ	589
Пародія	А. Измайловъ	665
Педантъ	Ф.	592
По ночамъ	Альми	609
Поэты	А. С-нъ	581

Проклятіе жабы. (Г. Меринка). Перев. Потемкинъ	575
Пѣвецъ	Потемкинъ 590
Пѣсенка нѣкой птички	Красный 607
Пять минутъ	Саша Черный 586
Разстрига	Городецкій 675
Резиновая калоша	Красный 630
Роковое недоразумѣніе	Жоржъ и Аве 664
Сказка для дѣтей	Ядовиткинъ 595
Скука	Воиновъ 573
Совѣтъ будущимъ мужьямъ	Потемкинъ 661
Совѣты	Ивановъ-Классикъ 593
Старая погудка на новый ладъ	Ивановъ-Классикъ 620
Старуха на печкѣ	Стаховичъ 624
Страшная мѣсть	Воиновъ 655
Трамвайная сценка	Матрикуль 631
Трогательное воспоминаніе	Жанъ Сансуси 598
У оракула	Красный 588
Ученый и муха	Ив. К. Прутковъ 580
Хозяйка	Городецкій 602
Хрычь да хрычевка	Ө. Сологубъ 668
Цвѣт. лаванды. (Изъ Джерома)Хавкина	631
Чайники. (Джерома). Перев. Займовскій	633
Человѣкъ и время	Ив. К. Прутковъ 612
Чья-то маленькая ножка	Князевъ 595
Юдоль плача. (Изъ Гейне)	Плещеевъ 659
Южная легенда	Стружкинъ 605
Я люблю тебя, Фатима!	Гномъ 574

А л ф а в и т н ы й у к а з а т е л ь	I
О г л а в л е н і е	XV

